

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2016. № 42 (4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ №ФС77-47157 от
03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Vylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.12.2016 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 47.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка в честь коронации Е.И.В. Николая II и Александры

BYLYE GODY (FORETIME). 2016. VOL. 42. IS. 4
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2016

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.

Order № 47.

Editor, Proofreader

editor-translator

V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card in honor of the coronation of His Imperial Highness Nicholas II and Alexandra

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

Buddhism and Legal Tradition in Mongolia Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.	1068
Helmet "tang" from the Metropolitan Museum of Art (New York City, United States). Features of Construction, Design and Operational Use Bobrov L.A., Salnikov A.V.	1077
The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle Naumenko O.N.	1087
Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764) Popa C.I.	1094
The Formation of Imperial Institutes of Governance in Trans-Baikal Transborder Area: Problems of Development of New Territories (XVIII – early XX centuries) Malygina O.A., Evtchov R.A., Palikova T.V.	1110
The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century Kryvosheia I.I., Degtyarev S.I.	1118
The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773–1775 Golovanova O.I.	1127
The Ubykh`s Social Typology Kolesov V.I.	1137
The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19 th Century Tsibenko V.V.	1148
The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia Naumenko E.A.	1158
The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems Zaikov K.S.	1164
The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries Badmaeva E.N.	1173
The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special Smigel M., Cherkasov A.A.	1182
The Protest Movement in the North Caucasus in the second half of XIX – the beginning of XX centuries: Causes, Character, Significance Urushadze A.T., Krinko E.F., Chelpanova D.D., Iosko A.A.	1198
The Idea of Local Civilizations in Russian Historiosophy in the middle of XIX – beginning of XX centuries. Conservative and Liberal Aspects Shestakov S., Kasimov R.	1208
The Evolution of the Political Activity of the Guild Merchants of Yenisei province (second half of XIX – early XX centuries) Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	1217
The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) Klevtsova O.V., Zhirov N.A.	1224

Terek Area in the Post-Reform Period (1870–1880 years): the Internal Structure and Demography Gvarliani T.E., Balaniuk L.L., Varfolomeev A.G.	1232
Reforms and Cases of Suicide in Russia (Suicidal Activity of Saint Petersburg Population in the second half of XIX Century: Proportions, Trends and Distinctive Features) Bogdanov S., Ostapuk V.	1239
To the History of the Armenian Education in Russian Schools of the Caucasus in the late XIX – early XX centuries Norkina E.S.	1251
The Loggings in the Borderland of Olonets Guberniya: Volume and the Role in Local inhabitants life (the end of the 19 th – the beginning of the 20 th centuries) Brusnitsyna D.V.	1260
The Socio-cultural Characteristics of Zemstvo District Heads in Ufa Province at the Late of XIX – the Beginning of XX Centuries Kantimirova R.I., Pavlova O.S.	1269
The Visiting of the Tsarevich Nicholas Alexandrovich the Tobolsk city in 1891 Valitov A.A., Dianov S.A., Sulimov V.S.	1277
«Giant child covered by the Upturn»: Memoirs of Napoleon's Army Prisoners about the Formation of the Ethnic Identity of the Peoples of the Volga Belousov S.V., Sukhova O.A., Jagov O.V.	1285
Liberalism as a Cultural Phenomenon of Russian Provincial Life of the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries (according to Voronezh province) Dvoretzkiy E.V., Shevchenko O.V., Semenov M.Y.	1295
The Historical and Ethnographical Research on Kazakhstan done by Foreign Scientists of XIX–XX Centuries: the Case of J.A. Castagné's Studies Akhmetova U., Muktar A., Nurmanova A.	1305
The Military Training of Students in Germany in the Early XX century Belentsov S.I., Fakhrutdinova A.V., Kuznetsova A.A.	1315
The Revolutionary Terrorism of Socialist – Revolutionaries: Tactics, Organizations and Practice Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A.	1321
The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914 Florinskiy M.F., Yanchenko D.G.	1328
The Chişinău Diocesan Bulletin as a Source of History of North American Rus' Sulyak S.G., Kazakov V.V.	1337
“An Attractive Idea of Parochial Boards of Trustees...” (based on the documents from Eastern Siberian dioceses dated 1914–1917) Kattsina T.A.	1346
The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I Kokebayeva G.K., Myrzabekova R.S., Myrzabekov M.S.	1353
Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) Dvoretzskaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M.	1360
To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.	1368
A Try-Out of the February Revolution? Nefedov S.A.	1378
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2016	1386

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1068-1076, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 348.011.3

Buddhism and Legal Tradition in Mongolia

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valery N. Badmaev ^a, Natalya P. Matsakova ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of the influence of Buddhism on the legal tradition in Mongolia. The scientific relevance of the study concerning the history of interaction of Buddhism and legal tradition lies in the fact that religion and law are the values and norms that regulate social relations, revealing level and condition of morality of society, determining the system of value coordinates. The analysis of the cultural-historical context of interaction of legal and religious institutions is of particular importance. In this regard, the questions regarding the history of interaction of Buddhism and legal traditions in Mongolia are of special interest. The authors consider such monuments of Mongolian law as the «Great Yasa», the Hutuktay-Sechen's Law, the Altan Khan's Code, the «Eighteen steppe laws», the «Ih tsaaz» (the Mongol-Oirat Code of 1640), the «Mongol Tsaadzhin Bichig» («the Mongolian law»), the «Khalkha Dzhirum» and modern legislation of Mongolia. A common in the religious studies view on Buddhism as a contemplative religion, indifferent to political-legal issues, is not entirely true. The study showed that Buddhism had a significant influence on the formation of state-legal relations in Mongolia. Inclusion of the Buddhist Canon law in the national legislation contributed to strengthening of the provisions of the world religion in the Mongolian society. As a result it became an important regulator of legal relations. It also contributed to the fact that the Buddhist clergy was beginning to be perceived by the population as an important and integral part of society. After proclamation of the Mongolian People's Republic and the subsequent persecution of the Church Buddhism ceased to have any serious impact on the law. In the modern democratic Mongolia the leading role of Buddhism in the country is enshrined in law, and it is regarded as an ideological foundation for preservation of national culture and Mongols' identity.

Keywords: Buddhism, Buddhist law, canonical law, state, Mongolia, Mongols, Halha, lamas, the clergy.

1. Введение

Научная актуальность исследования истории взаимодействия буддизма и правовых традиций обусловлена тем, что религия и право выступают ценностно-нормативными регуляторами общественных отношений, выявляя уровень и состояние нравственности социума, определяя систему его ценностных координат. Можно согласиться с мнением Г.Дж. Бермана, что «если право придает религии социальное измерение, то религия одухотворяет право, заставляет людей ценить его» и «религия как человеческое чувство святого и право как человеческое чувство справедливости — два главных аспекта общественной жизни людей (Берман, 1999: 8).

Особое значение при этом имеет анализ культурно-исторического контекста взаимодействия правовых и религиозных институтов. В этой связи представляют интерес вопросы истории взаимовлияния буддизма и правовых традиций в Монголии.

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmavo7@yandex.ru (V.N. Badmaev), matsakova_np@mail.ru (N.P. Matsakova)

2. Материалы и методы

Эмпирической основой данного исследования стали памятники монгольского права: Великая Яса, «Цаган теуке» («Белая история»), Закон Хутуктай-Сэчена, «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» (Монголо-ойратское уложение 1640 г.), «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение), «Халха Джирум», Конституция Монголии 1992 года.

Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы синтеза, логического анализа, дедукции и индукции, а также на сравнительный и сопоставительный методы. В ходе работы над материалом активно применялись историко-системный, историко-юридический и конкретно-исторический методы.

3. Обсуждение

Можно отметить недостаточную исследованность данной проблемы. При этом в дореволюционной историографии значительное внимание исследователей привлекало Монголо-ойратское уложение 1640 г. Соответственно наиболее обсуждаемым был вопрос о влиянии буддийского канонического права на «Их цааз». Так, Ф. Леонтович относит к его источникам «каноническое право ламаистских буддистов», наряду с Великой Ясой Чингис-хана, местными или малыми ясами, монгольскими ярлыками XIII в. и т.д. (Леонтович, 1879: 188) В то же время, К. Голстунский указывал на невозможность существования каких-либо иных источников, кроме обычного права. По его мнению, ни Великая Яса Чингисхана, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г. При этом он все таки отмечает, что на статьи законов 1640 г., возможно, повлияло распространения буддизма (Голстунский, 1880: 10-12). Я.И. Гурлянд также считал неправильным определение ясы, ярлыков, канонического права как письменных источников уложения 1640 г., поскольку никаких письменных источников у создателей законов не было. Было только обычное право, которое, вероятно, и послужило источником для Уложения (Гурлянд, 1904: 55).

В советский период, несмотря на обилие работ по истории Монголии, религиозный аспект монгольского права, по известным причинам, почти не исследовался. Из работ довоенного периода можно отметить труд историка и правоведа В.А. Рязановского «Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк», изданный в 1931 г. Харбине. Вслед за Леонтовичем, Рязановский считал одним из основных источников законов 1640 г. «ламаистское каноническое право» (Рязановский, 1931: 40). Наиболее убедительной можно считать точку зрения монголоведа А.Г. Сазыкина, который подчеркивал, что монголо-ойратские законы 1640 г. не включают в себя прямых положений тибетского буддийского канона, но влияние последнего посредством представителей духовенства, участвовавших в законотворчестве, несомненно (Сазыкин, 1980: 133).

Из современных отечественных исследований, специально посвященных данной проблеме, можно отметить статьи П.Н. Дудина (Дудин, 2012), А.А. Курапова (Курапов, 2010), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2013b) и В.Н. Шатуева (Шатуев, 2010). Среди зарубежных исследователей на Западе можно выделить главным образом статью американского монголоведа В.А. Уоллес «Буддийское право в Монголии» (Wallace, 2014).

4. Результаты

Становление буддизма среди кочевников Монголии – длительный процесс, в котором условно можно выделить следующие основные этапы. Первая волна распространения буддийской веры началась в хуннский период и длилась до XII–XIII вв. В этот период вместе с буддизмом мирно уживались не только древние традиционные культы, но и другие конфессии. Здесь особо можно отметить несторианство, которое получило достаточно широкое распространение в Центральной Азии. Основным источником права у древних монгольских кочевников был обычай, кодифицированный и охраняемый силой государства. Влияние буддизма на право в этот период было крайне незначительным. Исключением, вероятно, были монголоязычные племена киданей, создавшие крупную империю Ляо. Буддизм здесь был наиболее распространенной и официальной религий. Буддийские монахи в империи пользовались значительными привилегиями: декретами правителей они были освобождены от воинской службы и налогов (Крадин, Ивлиев, 2014: 245-246).

Второй этап распространения буддизма среди кочевников Монголии был связан с правлением Чингис-хана и продолжался до конца XIV в. Это было время создания единого общемонгольского государства, когда монгольское общество нуждалось в религии, которая могла бы выступить новым социальным регулятором. Однако буддизм в этот период не получил достаточно широкого распространения среди монголов. Веротерпимость монголов придавала буддизму статус одной из многих религий, которые получили распространение в Монголии в ходе известных завоеваний. Монгольские правители относились ко всем религиям как к частным проявлениям веры в единое божество – Тенгри (Небо), выразителем воли которого выступал Великий Хан. По этой причине монголы, даже покровительствуя буддизму, продолжали уважительно относиться ко всем основным религиям.

Образование в начале XIII в. Великого Монгольского улуса обусловило необходимость создания общих, письменно закрепленных правовых норм для управления расширяющимся государством. С этой цели было использовано обычное право, которое подверглось корректировке и кодификации. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса» или просто «Яса» Чингисхана. Яса (в переводе с монгольского означает постановление, закон) была принята на Великом курултае в 1206 г., одновременно с провозглашением Темучина каганом всей Великой степи. Но и после этого положения Ясы дополнялись и расширялись (Мухаметов, 2006: 64).

Необходимо отметить, что меры наказания, которые были предусмотрены Ясой, очень суровы и никак не согласуются с буддийским гуманизмом. Главной целью наказания выступало физическое уничтожение преступника. В особых случаях не только сам преступник, но и члены его семьи подвергались наказанию. Смертная казнь предписывалась почти за все виды преступлений. Она следовала за значительную часть преступлений против религии, морали или установленных обычаев; за большинство преступлений против хана и государства; за некоторые преступления против собственности; за конокрадство – в случае, когда вор не мог заплатить штраф (Великая яса, 1997: 113-114).

При всей жестокости данного законодательства, важная особенность Ясы Чингис-хана – веротерпимость. Как отмечал персидский историк XIII в. Джувейни, «Поскольку Чингис не принадлежал какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими. Напротив, он поддерживал престиж любимых и уважаемых мудрецов и отшельников любого племени, рассматривая это как акт любви к Богу» (Великая яса, 1997: 112-113).

Распространение буддизма в данный период нашло отражение в некоторых историко-правовых памятниках, в частности в «Цаган теуке» («Белая история»). Авторство положений «Белой истории» приписывается хану Хубилаю, внуку Чингис-хана. Доработка памятника была осуществлена Хутуктай Сэчэном-хунтайджи (Белая история, 2001: 80). Влияние усиливающей свои позиции буддийской религии отразилось во включении в памятник норм об освобождении духовенства от налогов и повинностей. Буддийские ламы были приравнены по статусу к чиновникам империи, а требования соблюдения буддийских ритуалов были включены в число обязательных для исполнения норм. Кроме того, под воздействием буддизма в положения о наказаниях были внесены соответствующие изменения и дополнения (Белая история, 2001: 74-80).

Третья волна буддизма пришла в монгольские степи на рубеже XVI–XVII вв. Буддизм способствовал политическому союзу раздробленных ханств и княжеств. Главной формой распространившегося среди монголов тибетского буддизма стала «желтошапочная» традиция Гелуг («школа добродетели»).

Среди правовых источников данного периода особое место занимает Закон Хутуктай-Сэчена (1577 или 1578 г.). Данный юридический документ относится к правовым памятникам Южной Монголии и является светским правовым актом, который целиком был посвящен регулированию государственно-конфессиональных взаимоотношений. Впоследствии нормы, касавшиеся этой сферы, вошли в «светские» законодательные своды – Восемнадцать степных законов, «Их Цааз» и Халха Джирум. Хутуктай-Сэчен (1540–1586) принадлежал к ветви Чингизидов, управлявшей аймаком Ордос (в Южной Монголии). Закон Хутуктай-Сэчена, носящий официальное название «Арбан буяны цааз» («Закон, обладающий десятью добродетелями»), был объявлен на встрече Далай-ламы III с князьями Южной Монголии, решившими провозгласить буддизм официальной религией монголов.

В п. 1 (преамбуле) закона упоминается о том, что прежде монголы уже исповедовали буддизм, что обусловило их величие, тогда как забвение буддийских норм привело их к «невежеству и темноте». Содержание 2 пункта говорит о «союзе Алтаря и Трона», который преследует цель утверждения «святого учения» и «закона десяти добродетелей». Пункт 3 посвящен уничтожению древнего степного обычая, широко распространенного и среди монголов – умерщвления скота, членов семьи и рабов умершего. В п. 4 развиваются положения предыдущего пункта: вообще запрещается всяческое убийство в связи со смертью родственника. На нарушителей возлагаются суровые санкции – смертная казнь за умерщвление человека, конфискация имущества за умерщвление скота, принадлежавшего умершему. Кроме того, устанавливается наказание за посягательство на лам и послушников. Пункт 5 посвящен борьбе с «идолами», т.е. онгонами – духами-покровителями домашнего очага, олицетворявшими умерших предков хозяев жилища. Пункт 6 предусматривает штраф за нарушение закона, причем в десятикратном размере. В п. 7 развиваются положения п. 5, причем вместо прежних обрядов почитания онгонов-предков предписывается совершать жертвоприношения только молочными продуктами – причем не онгонам, которых следует уничтожить, а Махакале – «защитнику Учения». В п. 8 говорится о важности соблюдения поста в определенные дни. Наконец, п. 9 содержит запрет грабежей населения Китая, Тибета и Монголии – вероятно, речь идет о единоверцах-буддистах среди местного населения (Закон Хутуктай-Сэчена, 2003: 40).

Из числа правовых памятников указанного периода необходимо отметить и Уложение Алтан-хана, одного из правителей Монголии. Алтан-хан известен как ревнивый распространитель «желтошапочного» буддизма в монгольских кочевьях. Он даже пригласил в Монголию одного из

высших иерархов тибетского буддизма Сонама Гьяцо, которому даровал титул Далай-лама, признав его главой буддийской конфессии в Монголии. В ответ Алтан-хану был пожалован титул Номун-хана («Владыки Учения»).

Интересно, что в Уложении, в отличие от некоторых других более поздних актов отсутствуют религиозные нормы. Основная причина данного факта, вероятно, заключается в том, что Алтын-хан был приверженцем концепции «двух законов (принципов)», провозглашавшей гармонию духовной и светской властей, которые при этом не сливаются, образуя своеобразную «симфонию», подобно византийской государственно-церковной модели. Неслучайно в преамбуле уложения отмечается: «В учении Двух Принципов сказано: законы религии как сплетенные шелковые ленты, как сильный удар грома, который не может быть отвращен; законы хана как золотое ярмо, мощное и повергающее в трепет. Этот могущественный закон, являющийся одним из Двух Принципов, распространяется на все уголки царства, и большие и малые следуют ему как установлено» (Уложение Алтан-хана, 2011: 127). Таким образом, данное уложение представляло собой только один «закон (принцип) власти» и не претендовало на силу «закона (принципа) веры». В то же время влияние буддизма нашло отражение в преамбуле, имеющей четко выраженный религиозный характер, и в более мягких формах наказания по сравнению с прежним монгольским законодательством.

В конце XVI — первой трети XVII вв. на съездах крупнейших князей Северной Монголии были приняты «Восемнадцать степных законов». Статьи законов свидетельствуют о том, что первое двадцатилетие XVII в. было отмечено бурным распространением буддизма в Халхе. Именно с этого времени тибетский желтошапочный буддизм стал действительно господствующей религией. «Восемнадцать степных законов» четко зафиксировали появление новой политической силы — духовенства, закрепив за ними значительные права. Завоевав прочные позиции и получив поддержку со стороны законодателей в начале XVII столетия, буддизм далее смог развернуть борьбу с шаманизмом, что нашло отражение в более позднем кодексе — Монголо-ойратском уложении 1640 г.

Влияние буддизма прослеживается в том, что многие законы начинаются с мантры «*um suvasti siddam*» и заканчиваются мантрой «*mangalam*». Один из законов («Великий закон года обезьяны») даже начинается со следующей молитвы: «Поклоняемся Шакьямуни-Бурхану (Будде), достигшему совершенства, победившему шимнусов, постигнувшему две истины. Просим счастья Бурхана десяти сторон и трех времен». Однако сразу после этих слов идет отрывок, свидетельствующий о сохранении пережитков шаманизма и тенгрианства: «Установилась преемственность совершенных мудрых знаний среди тэнгриев, родившихся по воле высшего Тэнгри-Бурхана» (Восемнадцать степных законов, 2002: 53).

Свидетельством широкого распространения буддизма стал специальный «Религиозный закон» или «Монашеский закон» для духовенства, в котором определялись привилегии духовенства по освобождению от повинностей и налогов. Предусматривалось наказание за невыполнение монашеских обетов. Проникновение буддизма повсеместно на территории Монголии и обусловило необходимость законодательно закрепить его права и привилегии высшего духовенства как представителей господствующего класса. В данном законе описываются и наказания за различные религиозные проступки, отмечается, что «Если банди (послушники) нарушат свой обет или совершат воровство, то, выдавив на их руках клеймо, выгнать» (Восемнадцать степных законов, 2002: 52). Особое место занимают статьи законов, обеспечивающие права буддийского духовенства: «Если [кто] прервет поставки довольствия и подвоя ламе, едущему с повелением от нойона, взять с того пяток» (Восемнадцать степных законов, 2002: 41).

«Восемнадцать степных законов» явились письменным источником для составления «Их цааз» — Монголо-ойратского уложения 1640 г. Как известно, Монголо-ойратские законы были приняты на съезде ойратских и халхаских князей в 1640 г. Этот съезд, созванный по инициативе джунгарского правителя Эрдэни Батур-хунтайджи, имел своей целью урегулирование взаимоотношений между монгольскими князьями и организацию совместной борьбы против маньчжуров. Текст законов, первоначально составленный на монгольском языке, впоследствии был переложен на ойратский алфавит.

Необходимо отметить, что свод монголо-ойратских законов 1640 года имел самое непосредственное «религиозное начало», поскольку из текста вводной части уложения следует, что собравшиеся представители знати монгольских народов поклоняются Очир-Дара ламе, а текст свода законов основан на буддийском учении (Их Цааз, 1981: 13). «Великое уложение» законодательно закрепило не только права князей Халхи и Джунгарии, но и правовое положение буддийской сангхи. Духовенство наделялось значительными правами, а за непочтительное отношение к монахам вводились штрафы: «За оскорбление лам, являющихся учителями князей, оштрафовать пятью девятками /скота/. За оскорбление гэлунов оштрафовать тремя девятками. А того, кто ударит его, наказывать пятью девятками» и т.д. (Их Цааз, 1981: 16).

Буддизм оказал заметное влияние на монголо-ойратские законы 1640 года. В данном правовом памятнике отсутствует жестокость Великой Ясы, где смертная казнь, как наиболее распространенное наказание, угрожала даже за незначительные нарушения. Вообще нормы законов 1640 г. более гуманны, что, несомненно, связано с влиянием буддизма. С другой стороны, прежняя веротерпимость монголов уступает здесь место протекционизму в отношении к буддизму. Законы 1640 г. в этом плане

отличаются от Ясы и были направлены на вытеснение шаманизма буддизмом. Так, одна из статей уложения гласит: «У человека, пригласившего к себе шамана или шаманку, взять его лошадь. У прибывшей шаманки тоже взять лошадь. У того, кто, увидев их, не возьмет /у них лошадей/, отобрать и его лошадь» (Их Цааз, 1981: 28).

Законы и установления «Их цааз» не ограничивались регламентацией светской жизни в Монголии, но в целом ряде статей определяли и положение буддийской религии в стране, быт монастырей и правила поведения лам. В соответствии с этими статьями, например, настоятели монастырей были обязаны постоянно следить за поведением лам, разрешать или запрещать им выезды в сельскую местность к верующим для проведения молитв или врачевания больных в течение только одного дня. Ламы, нарушавшие обеты, подвергались большим штрафам: «С тойна, самовольно нарушившего принятый на себя обет, взять половину его имущества и скота» (Их Цааз, 1981: 16).

Как справедливо отмечает Р.Ю. Почекаев, то обстоятельство, что нормы, связанные со статусом буддийского духовенства включались в своды общегосударственного права, способствовало более эффективному проникновению буддийских идей в правосознание монголов, которые стали воспринимать буддийских монахов как важную и неотъемлемую часть общества (Почекаев, 2013а: 224).

Итогом принятия монголо-ойратских законов 1640 года стало формирование буддийских государств у монгольских народов. При этом одной из главных причин создания Уложения 1640 г. была настоятельная потребность приспособить общественный быт ойратов и монголов к требованиям и положениям новой конфессии. Поэтому при рассмотрении «Их цааз» необходимо обязательно учитывать влияние на него буддизма вообще и буддийского канонического права в частности.

После подчинения Монголии империи Цин манчжурам не составило труда ввести в действие в Монголии ряд собственных нормативных актов, в частности в XVII веке здесь было введено «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение). Данный памятник права представляет собой свод маньчжурских законов для монголов на 1627–1694 гг. Составление «Цааджин бичиг» было вызвано включением Южной и позже Северной (Халха) Монголии в состав Цинской империи. «Цааджин бичиг» вообрал в себя как нормы маньчжурского права, так, в определенной степени, и нормы обычного монгольского права.

В Монгольском уложении не прописаны подробно наказания за религиозные проступки, указано лишь, что «если ламы и шаманы будут вести себя непристойно, вопреки законам и несовместимо с обычаями, то необходимо было выработать меру наказания виновных: в каких случаях убивать, бить или штрафовать». Оговаривается, что ламы и послушники «должны молиться бурхану (Будде), читать священные книги и очищать себя духовно» (Цааджин бичиг, 1998: 75). Указание на шаманов, которые перечисляются наравне с ламами, свидетельствуют о том, что шаманизм, наряду с буддизмом, признавался маньчжурами официальной религией.

Введенная маньчжурами система наказаний была чрезвычайно жестокой и совершенно не соответствовала буддийским традициям монгольского общества. И хотя в последующих уложениях эта система была в целом сохранена и даже ужесточена, многие судебные дела в Монголии до 1919 г. решались по монгольским законам «Халха Джирум».

Более поздний законодательный памятник – сборник законов «Халха Джирум» – содержит все основные законы и постановления, которые были приняты на крупнейших съездах монгольских князей за период с 1709 по 1770 гг. и действовали на территории Халхи вплоть до провозглашения в 1911 г. автономии Внешней Монголии. Содержание сборника «Халха Джирум» самое разнообразное. Однако можно заметить, что в нем красной нитью проходит строгое выделение и подчеркивание привилегий духовенства. В частности, «Халха Джирум» предусматривал серьезные наказания за кражи монастырского имущества: «Если кто совершит кражу из монастырского стада, то надлежит отпустить его самого, а все его движимое и недвижимое имущество отобрать» (Халха Джирум, 1965: 44). В то же время в данном сборнике устанавливалась и ответственность за нарушение монашеских обетов: «Если будет пить монах гэцул, то взять [с него] пять пятилетних коней. Если будет пить послушник (банди), то взять [с него] трех пятилетних коней» (Халха Джирум, 1965: 88).

Внешняя Монголия, провозгласив независимость и возведя на престол Богдо-гэгэна VIII, нормативно определила место и значение религиозных предписаний в государственной и правовой системе страны. Первым шагом после объявления самостоятельности по указу Богдо-гэгэна была разработка с 1913 по 1918 гг. и введение в действие правового акта «Установленное указом правовое писание Монголии», состоявшего из 65 томов (Дудин, 2012: 161), в содержании которых традиционные правовые институты подкреплялись религиозной традицией воздействия на общественные отношения. Затем (20 июня 1912 г.) был издан Указ об образовании совета министров, в котором говорилось, что правительственными чиновниками могут быть только буддисты, а «с требованием ламаизма будет согласовываться весь образ государственного управления Монголии» (Дудин, Шемелин, 2015: 99).

С приходом к власти «Народного правительства» 1 ноября 1921 г. вступает в силу «Клятвенный договор», по которому Богдо-гэгэн признавался в качестве конституционного монарха. Официально провозглашалось его верховенство в религиозных вопросах при сохранении за ним статуса главы

государства. Вместе с тем отмечалось, что он не должен заниматься государственными делами. Было введено понятие «конституционная монархия», предполагавшее наличие института хана, который действовал через председателя народного правительства. Вместе с тем следует отметить, что за Богдо-гэгэном сохранялись «согласительные» функции по утверждению законов. Богдо-гэгэн получил право «отлагательного вето» в отношении законов, которые не касались изменения основ Монгольского государства. «Клятвенный договор» действовал до 1924 г., когда была провозглашена Монгольская Народная Республика (Дудин, Шемелин, 2015: 99).

При этом влияние буддизма и его духовных лидеров в Монголии было настолько сильно, что даже с приходом новой власти в 1921 г., многие ламы долгое время занимали в правительственных структурах руководящие должности. Только с началом массовых репрессий против буддийского духовенства в конце 30-х годов XX века она потеряла свое политическое значение в обществе. Первые «послабления» в отношении буддизма были сделаны только в конце 1940-х гг. Но о восстановлении былого влияния буддизма на общество и государство не могло быть и речи.

Возрождение буддизма в Монголии во многом связано с проведением политических и социальных реформ 1986 г., когда была устранена большая часть официальных ограничений на исповедание буддийской религии. При этом резкий рост влияния буддизма на социальную и политическую жизнь монгольского социума не мог остаться без внимания законодательных органов Монголии. По этой причине в 1992 г. в новую Конституцию Монголии была включена статья, которая определяла государственно-конфессиональные взаимоотношения (глава 1, статья 9): «В Монголии государство уважает религию; духовенство признает и почитает государство. Государство не может осуществлять религиозную деятельность, а религия не вправе заниматься политической деятельностью» (Конституция Монголии, 1992).

Сегодня деятельность религиозных институтов регулируется «Законом об отношениях государства и религиозных организаций» и «Концепцией национальной безопасности Монголии». Государство рассматривает буддизм как идеологическую основу для сохранения национальной идентичности и культурных традиций монголов. В соответствии с Законом от 11 ноября 1993 г. об отношениях между государством и религией, буддизм в отличие от других конфессий признан главенствующей религией (Ванчикова, Цэдэндамба: 2014: 94).

5. Заключение

Таким образом, распространенный в религиоведении взгляд на буддизм как на созерцательную религию, равнодушную к политико-правовым вопросам, является не совсем верным. Исследование показало, что буддизм оказал значительное влияние на формирование государственно-правовых отношений в Монголии. Включение буддийского канонического права в общегосударственное законодательство способствовало закреплению положений мировой религии в монгольском обществе, в результате чего они стали важным регулятором правоотношений. Это также содействовало тому, что буддийское духовенство начало восприниматься населением как важная и неотъемлемая часть общества. После провозглашения Монгольской Народной Республики и последующих гонений на духовенство буддизм перестал оказывать какое-либо серьезное влияние на право. В современной демократической Монголии ведущая роль буддизма в стране законодательно закреплена, а сам он рассматривается как идеологическая основа для сохранения национальной культуры и идентичности монголов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-23-03002 «Роль традиций в современной культуре монголоязычных народов».

Литература

- «Белая история», 2001 – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Улан-Удэ, 2001. 198 с.
- Берман, 1999 – Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. 431 с.
- Ванчиков, Цэдэндамба, 2014 – Ванчикова Ц.П., Цэдэндамба С. Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007. // Гуманитарный вектор. 2014. №2 (38). С. 89-96.
- Великая яса, 1997 – Великая яса // Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М, 1997. С. 108-130.
- Восемнадцать степных законов, 2002 – Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб., 2002. 160 с.
- Голстунский, 1880 – Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640, дополнительные указы Галдан Хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. 144 с.
- Гурлянд, 1904 – Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904. 112 с.
- Дудин, 2012 – Дудин П.Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии 1911–1924 гг. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 156-161.

Дудин, Шемелин, 2015 – Дудин П.Н., Шемелин А.В. Политический опыт государственного строительства и формирование понятия «Буддийское право» в странах Азии в период XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (117). С.96-102.

Закон Хутуктай-Сэчена, 2003 – Закон Хутуктай-Сэчена // Дугаров Р.Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ, 2003.

Их Цааз, 1981 – Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. 148 с.

Конституция Монголии – Конституция Монголии 1992 года. Принята 13 января 1992 г. Вступила в силу 12 февраля 1992 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://mongolnow.com/index.html> (Дата обращения 23.08.2016).

Крадин, Ивлиев, 2014 – Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014. 351 с.

Курапов, 2010 – Курапов А.А. Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 (85), ч. 2. С. 262-268.

Леонтович, 1879 – Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879. 282 с.

Мухаметов, 2006 – Мухаметов Ф. «Яса» Чингисхана и ее роль в монгольской правовой системе // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2006. №3. 64-71.

Почекаев, 2013а – Почекаев Р.Ю. Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1. С. 204–224.

Почекаев, 2013б – Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты распространения буддизма в Монголии в XIII–XVIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. СПб., 2013. С.16-33.

Рязановский, 1931 – Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. 348 с.

Сазыкин, 1980 – Сазыкин А.Г. Этико-правовые принципы литературы «народного буддизма» и монгольские законоуложения XVII–XVIII в. // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980. С. 129–137.

Уложение Алтан-хана – Уложение Алтан-хана // Правоведение. 2011. № 1. С. 126–135.

Халха Джирум, 1965 – Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. М., 1965. 340 с.

Цааджин бичиг – Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. М., 1998. 342 с.

Шатуев, 2010 – Шатуев Н.В. К вопросу о государственно-правовом регулировании религиозных отношений в Монголии в XVII–XVIII веках // Формы государства и права в России и странах АТР. Материалы заочной научной конференции 17.12.2010. [Электронный ресурс] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (Дата обращения 23.08.2016).

Wallace, 2014 – Wallace V.A. Buddhist Laws in Mongolia // Buddhism and Law. Edited by Rebecca French. Cambridge. 2014. P. 319-333.

References

«Belaja istorija», 2001 – «Belaja istorija» - mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII–XVI vv. [«White Side Story» - Mongolian historical and legal monument XIII–XVI centuries]. Ulan-Ude, 2001. 198 p.

Berman, 1999 – Berman H.G. Vera i zakon: primirenje prava i religii. [Faitli and Order: The Reconciliation of Law and Religion]. М., 1999. 431 p.

Vanchikov, Tsedendamba, 2014 – Vanchikova C.S., Tsedendamba S. Sovremennye processy v mongol'skom buddizme: 1990-2007 [Modern processes in Mongolian Buddhism: 1990–2007]. // Humanitarian vector. 2014. Nr.2 (38), pp. 89-96.

Velikaja jasa, 1997 – Velikaja jasa [Great jar] // Vernadsky G.V. Mongoly i Rossija [Mongolia and Russia]. Tver-M, 1997. S. 108-130.

Vosemnadcat' stepnyh zakonov, 2002 – Vosemnadcat' stepnyh zakonov: Pamjatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv. [Eighteen steppe laws Monument Mongolian rights XVI–XVII centuries]. SPb., 2002. 160 p.

Golstunsky, 1880 – Golstunsky K.F. Mongolo-ojratskie zakony 1640, dopolnitel'nye ukazy Galdan Hun-tajdzhija i zakony, sostavlennye dlja volzhskih kalmykov pri kalmyckom hane Donduk-Dashi [Mongol-Oirat laws 1640 additional decrees Galdan Hung Taiji and laws created for the Volga Kalmyks at the Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. SPb., 1880. 144 p.

Gurlyand, 1904 – Gurlyand Ja.I. Stepnoe zakonodatel'stvo s drevnejshih vremen po XVII stoletie [Steppe law from ancient times to the XVII century]. Kazan, 1904. 112 p.

Dudin, 2012 – *Dudin P.N.* Stanovlenie i normativnoe zakreplenie teokraticheskoy monarhii v Mongolii 1911–1924 g. [Formation and standard fastening theocratic monarchy in Mongolia, 1911–1924] // Right. Journal of Higher School of Economics. 2012. Nr. 2, pp. 156-161.

Dudin, Shemelin, 2015 – *Dudin P.N., Shemelin A.V.* Politicheskij opyt gosudarstvennogo stroitel'stva i formirovanie ponjatija «Buddijskoe pravo» v stranah Azii v period XX v. [The political experience of nation-building and the formation of the concept of «Buddhist Law» in Asian countries during the twentieth century] // Bulletin of the Trans-Baikal State University. 2015. Nr.2 (117), pp. 96-102.

Zakon Hutuktaj-Sjehena – *Zakon Hutuktaj-Sjehena* [Law Qutuytai-Sechen] // Dugarov R.N. Ocherki srednevekovoj istorii Kukurora (Ojrat-mongol'skaja civilizacija IV–XIX vv.) [Kukuror Essays on medieval history (Oirat-Mongolian Civilization IV–XIX centuries.)]. Ulan-Ude, 2003.

Ih Caaz, 1981 – *Ih Caaz* («Velikoe ulozhenie»). Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. [Their Tsaaz («Great Code»). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century]. M., 1981. 148 p.

Konstitucija Mongolii 1992 goda – *Konstitucija Mongolii 1992 goda*. Prinjata 13 janvarja 1992 g. Vstupila v silu 12 fevralja 1992 g. [The Constitution of Mongolia in 1992. Adopted on 13 January 1992 entered into force on 12 February 1992] / URL: <http://mongolnow.com/index.html> (reference date 23/08/2016) /

Kradin, Ivliev, 2014 – *Kradin N.N., Ivliev A.L.* Istorija kidan'skoj imperii Ljao (907–1125) [The history of the Khitan Liao Empire (907-1125)]. M., 2014. 351 p.

Kurapov, 2010 – *Kurapov A.A.* [Zakonotvorcheskaja dejatel'nost' kalmyckogo buddijskogo duhovenstva (XVII–XIX vv.)]. Legislative activity Kalmyk Buddhist clergy (XVII–XIX centuries.) // Proceedings of the Ural State University. Ser. 1, problems of education, science and culture. 2010. № 6 (85), h. 2, pp. 262-268.

Leontovich, 1879 – *Leontovich F.I.* K istorii prava russkih inorodcev. Drevnij mongolo-kalmyckij ili ojratskij ustav vzyskanij. [On the history of the rights of Russian natives. Ancient Mongolian-Kalmyk Oirat or charter penalties]. Odessa, 1879. 282 p.

Mukhametov, 2006 – *Mukhametov F.* «Jasa» Chingishana i ee rol' v mongol'skoj pravovoj sisteme [«Yasa» Genghis Khan and its role in the Mongolian legal system] // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. 10. Oriental. Eurasianism. Geopolitics. 2006. №3, pp. 64-71.

Pochekaev, 2013a – *Pochekaev R.Ju.* Zakon Hutuktaj-Sjehena i osobennosti razvitija mongol'skogo prava na rubezhe XVI–XVII vv. [Law Qutuytai-Sechen and features of the Mongol right at the turn of XVI–XVII centuries] // Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence. 2013. № 1, pp.204-224.

Pochekaev, 2013b – *Pochekaev R.Ju.* Pravovye aspekty rasprostraneniya buddizma v Mongolii v XIII–XVIII vv. [Legal aspects of the spread of Buddhism in Mongolia in XIII–XVIII centuries] // Countries and peoples of the East. Vol. XXXIV: Central Asia and the Far East. SPb., 2013, pp. 16-33.

Riasanovskij, 1931 – *Riasanovskij V.A.* Mongol'skoe pravo (preimushhestvenno obychnoe). Istoricheskij ocherk [Mongolian law (mostly normal). Historical Review]. Harbin, 1931. 348 p.

Sazikin, 1980 – *Sazykin A.G.* Jetiko-pravovye principy literatury «narodnogo buddizma» i mongol'skie zakonoulozhenija XVII–XVIII v. [Ethical and legal principles of literature «popular Buddhism» and Mongolian zakonoulozheniya XVII–XVIII century] // Lamaism in Kalmykia and questions of scientific atheism. Elista, 1980, pp. 129-137.

Ulozhenie Altan-hana – *Ulozhenie Altan-hana* [The Code of Altan Khan]. *Jurisprudence*. 2011. № 1, pp. 126-135.

Halha Dzhirum, 1965 – *Halha Dzhirum*: Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. [Halha Dzhirum Monument Mongolian feudal law of the XVIII century]. M., 1965. 340 p.

Caadzhin bichig, 1998 – *Caadzhin bichig* («Mongol'skoe ulozhenie»). Cinskoe zakonodatel'stvo dlja mongolov 1627–1694 gg. [Tsaadzhin bichig («Mongolian Code»). Qing legislation for the Mongols 1627–1694]. M., 1998. 342 p.

Shatuev, 2010 – *Shatuev N.V.* K voprosu o gosudarstvenno-pravovom regulirovanii religioznych otnoshenij v Mongolii v XVII–XVIII vv. [On the issue of state-legal regulation of religious relations in Mongolia in XVII–XVIII centuries] // Form of state and law in Russia and APR countries. Materials correspondence conference 17.12.2010. [Electronic resource] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (reference date 23/08/2016)

Wallace, 2014 – *Wallace V.A.* Buddhist Laws in Mongolia // *Buddhism and Law*. Edited by Rebecca French. Cambridge. 2014, pp. 319-333.

УДК 348.011.3

Буддизм и правовая традиция МонголииМерген Санджиевич Уланов ^{а, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^а, Наталья Петровна Мацакова ^а^а Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния буддизма на правовую традицию в Монголии. Научная актуальность исследования истории взаимодействия буддизма и правовых традиций обусловлена тем, что религия и право выступают ценностно-нормативными регуляторами общественных отношений, выявляя уровень и состояние нравственности социума, определяя систему его ценностных координат. Особое значение при этом имеет анализ культурно-исторического контекста взаимодействия правовых и религиозных институтов. В этой связи представляют интерес вопросы истории взаимовлияния буддизма и правовых традиций в Монголии. Авторы статьи рассматривают такие памятники монгольского права, как Великая Яса, Закон Хутуктай-Сэчена, Уложение Алтан-хана, «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» (Монголо-ойратское уложение 1640 г.), «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение), «Халха Джирум», а также современное законодательство Монголии. Распространенный в религиоведении взгляд на буддизм как на созерцательную религию, равнодушную к политико-правовым вопросам, является не совсем верным. Исследование показало, что буддизм оказал значительное влияние на формирование государственно-правовых отношений в Монголии. Включение буддийского канонического права в общегосударственное законодательство способствовало закреплению положений мировой религии в монгольском обществе, в результате чего они стали важным регулятором правоотношений. Это также содействовало тому, что буддийское духовенство начало восприниматься населением как важная и неотъемлемая часть общества. После провозглашения Монгольской Народной Республики и последующих гонений на духовенство буддизм перестал оказывать какое-либо серьезное влияние на право. В современной демократической Монголии ведущая роль буддизма в стране законодательно закреплена, а сам он рассматривается как идеологическая основа для сохранения национальной культуры и идентичности монголов.

Ключевые слова: буддизм, буддийское право, каноническое право, государство, Монголия, монголы, Халха, ламы, духовенство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmavo7@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), matsakova_np@mail.ru (Н.П. Мацакова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1077-1086, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

Helmet "tang" from the Metropolitan Museum of Art (New York City, United States). Features of Construction, Design and Operational Use

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey V. Salnikov ^b

^a Institute of archeology and Ethnography of SB RAS Ave, Novosibirsk, Russian Federation

^b Armavir socio-psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article discusses iron helmet (No. 36.25.115), which is stored in the Metropolitan Museum of art (New York City, United States). For the first time this helmet was published and analyzed by American scientists G. C. Stone and D.G. Alexander. The analysis showed that the Bowl was made by Turkish masters of the XVII century and backplate and the hoop is added to the helmet in 1781–1782 D.G. Alexander speculated that the helmet belonged to the Warrior of the Crimean Khanate. Dating the helmet does not raise objections. However, the attribution of a helmet requires some clarification.

Analysis of the design of the helmet and decoration revealed that backplate, hoop and Aventail from iron rings added to Bowl in 1781–1782, were manufactured by Circassian craftsmen living in the Northern Caucasus or in Crimea.

For the decoration of the helmet has been used typical Circassian ornaments: "sieve", cherkessian floral pattern, geometric shapes, triangular in shape, "gear", etc. During Assembly of the helmet were applied characteristic of Circassian gunsmiths technological solutions: using as a basis the bowl old-style helmet, tapered Finial with a ring for a decorative plume, hoop with four plates, ringed with aventail lip to protect the forehead, etc.

In Circassia similar headgear worn were known as tang (from the Arabic. "Taj", i.e., the "Crown"). In the XVII–XVIII centuries. they willingly purchased representatives of Crimean Tatar nobility. Similar in design and system design helmets Circassian production belonged to the highest aristocracy of the Crimean Khanate, are stored in Museum and private collections in Poland, Turkey and the United States. The inscription "Bekmurun" on the hoop from the Metropolitan helmet suggests that it was manufactured on request of Kabardian Bekmur princely heir (Bekmurziny), which moved from Circassia in Crimea, 1737.

The popularity of tang type helmets among the aristocracy of North Caucasus and Crimea were due not only to their impressive appearance and rich finish, but also high combat characteristics. Experimental test copies of such helmets have shown that they provide very reliable protection of the head and neck of a warrior from chopping and cutting the enemy strikes.

Keywords: The Crimean khanate, North Caucasus, Tatars, Circassians, armour, Circassian helmets«tang».

1. Введение

Военно-культурное наследие Крымского ханства (1441–1783) изучено весьма неравномерно. Если военная история данного государства исследуется давно и плодотворно, то военное искусство крымцев стало объектом специального научного исследования только в конце XX в. (Иценко, 1989). Вплоть до недавнего времени выводы о военном деле крымских татар и ногаев строились на основе анализа почти исключительно письменных источников.

В начале XXI в. для характеристики комплексов вооружения и тактики тюркских кочевников Восточной Европы XV–XVII вв. стали привлекаться изобразительные материалы (Зайцев, 2003;

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

Прокопенко, 2013; Бобров, 2016). В тоже время, необходимо отметить, что всестороннее изучение военного дела народов Крымского ханства в целом, и комплекса вооружения, в частности, невозможно без привлечения вещественных источников.

Таким образом, актуальным направлением современных научных исследований является расширение источниковой базы по оружию дистанционного и ближнего боя, а также защитному вооружению воинов Крымского ханства периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В фондах Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) хранится богато оформленный железный шлем (№ 36.25.115) первоначально атрибутированный американскими оружейоведами, как изделие османских оружейников.

До передачи в музейное собрание шлем входил в состав коллекции знаменитого американского исследователя Д.К. Стоуна, который предположил, что собственно турецким является лишь тулья наголовья, а «прекрасно декорированные» обруч и навершие «...скорее всего, были добавлены позднее» (Стоун, 2008: 160).

Несмотря на яркий оригинальный внешний вид, шлем долгое время не привлекал должного внимания специалистов. Только в 2015 г. краткое описание его конструкции и системы оформления было выполнено американским исследователем Д.Г. Александером, который соотнес наголовье с комплексом вооружения крымских татар, указав, что тулья была изготовлена османскими мастерами XVII в., а обруч и навершие добавлены к куполу крымскими оружейниками в 1781–1782 гг. (Alexander, 2015: 111, 112).

Целью настоящей статьи является уточнение датировки и атрибуции шлема № 36.25.115 из собрания Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США).

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции и системы декоративного оформления наголовья, определить время его изготовления и оружейную традицию, в рамках которой был изготовлен шлем, а также уточнить некоторые его функциональные характеристики.

2. Материалы и методы

Методологическим основанием научных исследований по изучению комплекса защитного вооружения средневековых народов традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих исследованиях традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

3. Обсуждение

По материалу изготовления шлема из Метрополитен может быть отнесен к классу железных, по конструкции тульи к отделу цельнокованых, а по форме купола к типу конических.

На основании особенностей конструкции и системы оформления купола и дополнительных элементов он может быть определен, как цельнокованый конический шлем с орнаментированной тульей, обручем и составным коническим навершием, кольчатой бармицей переднеазиатского типа (рис. 1).

Рис. 1. Конический шлем («танж») № 36.25.115 из собрания Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) (фото по: [Alexander, 2015: 111](#)).

Общая высота шлема – 22,0 см (с бармицей – 61,0 см), диаметр – 20,0 см. Вес – 1,75 кг. Купол шлема состоит из цельнокованой железной тульи, составного конического навершия и обруча.

Железная тулья шлема имеет коническую (близкую к сфероконической) форму. Многочисленные повреждения (вмятины, пробоины, отслоения) и следы ремонта (заклепанные и сквозные отверстия, надставленный украшенный золотой насечкой стальной конус) свидетельствуют о том, что тулья шлема использовалась на протяжении длительного времени, а шлемовые элементы неоднократно переделывались и заменялись ([рис. 2](#)).

Рис. 2. Верхняя часть тульи шлема № 36.25.115 с частично снятым навершием. Хорошо видны следы ремонта, клеймо османского арсенала и надставленный стальной конус (Alexander, 2015: 112).

Поверхность тульи покрыта достаточно грубым растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки по металлу. Восемь вертикальных двойных линий образуют четыре сектора симметрично расположенных по четырем сторонам наголовья. Боковые стороны гравированных секторов оформлены парой остроугольных фестонов благодаря чему они визуально напоминают пластины-накладки прикрывающие стыки пластин тульи на клепаных шлемах позднесредневековых кочевников Великой степи (Бобров, 2005; Бобров, Худяков, 2003, табл. 1, рис. 2, 3, 8; Бобров, Худяков, 2008: 419, рис. 148, с. 420, рис. 149, с. 423, рис. 151, с. 424, рис. 152, 1, с. 425, рис. 153, с. 434, рис. 165, 1, 4; рис. 167, с. 439, рис. 171).

В каждый сектор вписано изображение тюльпана с одним большим и двумя малыми бутонами в обрамлении длинных и коротких листьев (рис. 1). Пространство между секторами заполнено изображениями вьющейся цветочной лозы, от которой попарно отходят стебли тюльпанов, перемежающиеся пышными листьями (рис. 1). В верхней части тульи над растительным орнаментом выбито клеймо, представляющее собой характерный $|Y|$ -образный символ в круге. Увидеть клеймо, можно лишь сняв верхнюю часть навершия шлема (рис. 2).

Само навершие состоит из обруча, массивного конического подвершия и луковичного надвершия с кольцом для крепления плюмажа.

Обруч навершия представляет собой металлический обод, нижний край которого, оформлен полукруглыми фестонами. В каждый фестон вбита серебряная заклепка с полусферической шляпкой, соединяющая обруч навершия с тульей шлема. Благодаря подобной системе крепления обод конструктивно независим от остальных элементов навершия (рис. 2). Поверхность фестонов покрыта изображениями «сита» и трилистников соединенных цветочными побегами (рис. 2). Верхний край обруча навершия украшен геометрическим узором в виде узкой зубчатой ленты.

Нижняя часть конического подвершия позолочена и покрыта стилизованным растительным орнаментом. Фон рисунка заполнен мелкими зубчатыми/зигзагообразными линиями («зубчаткой»). Позолоченная полоса отделена от остального навершия выпуклым бортиком с «жемчужником». Центральная часть конуса подвершия покрыта серебром и украшена тремя позолоченными медальонами миндалевидной формы. В поле медальонов вписан все тот же стилизованный растительный орнамент, а по периметру пропущен узор в виде зубчатой ленты. Фон медальонов убран «зубчаткой». В своей верхней части подвершие расширяется формируя уплощенное «яблоко» под которым пропущена позолоченная полоса частично покрытая «зубчаткой» и окаймленная снизу выпуклым бортиком с «жемчужником».

Венчает шлем стальное надвершие луковичной формы украшенное орнаментом в виде прорезных сердец. В состав надвершия также входит пряжковидное кольцо П-образной формы с двумя загнутыми перемычками. Подобное кольцо служило для крепления плюмажа шлема.¹

¹ Наиболее вероятно, что шлем данного типа был снабжен плюмажем в виде пары красных лент, или лопастей (лопасти) из красного сафьяна, обшитого узорчатым галуном (Аствацатурян, 2004: 97).

К нижней части шлема приклепан серебряный обруч. По всей видимости, первоначально он был позолочен, однако позднее позолота была утрачена. Для соединения обруча с железной тульей используются заклепки с полусферическими серебряными шляпками.

Поверхность обруча украшена рядом миндалевидных медальонов, в которые вписаны двухсторонние символы (двойные трилистники), сочетающие в себе стилизованные изображения трехлепесткового бутона и наконечника стрелы (рис. 2; 3). По краю медальонов пропущен узор в виде зубчатой ленты. Пространство между ними заполнено изображениями геометрических фигур подтреугольной формы. Фон двойных трилистников и треугольников убран «зубчаткой» (рис. 3).

По четырем сторонам обруча шлема с помощью заклепок с полусферическими шляпками прибиты четыре миндалевидных накладки покрытыми надписями на арабском языке. Приведем перевод данных текстов.

Накладка 1 (на налобной части шлема): «Помощь от Аллаха». Вероятно, имеется в виду Сура «Ряд» (ас-Софф) 61:13 – «Будет еще то, что вы любите: помощь от Аллаха и близкая победа. Сообщи же благую весть верующим!». Так же на накладке указана дата, которая, вероятно, фиксирует время изготовления шлемовых элементов – «1196 год Хиджры» (рис. 3).

Накладка 2. «Сделано победителем Аллахом». И указано имя – «Бекмурун (?) Бег» (возможно, имя владельца наголовья).

Накладка 3. «Не Бога, кроме Бога и Мухаммед – посланник Бога, божественное благословение и мир ему» (т.е. «шахада»- первый из исламских символов веры).

Накладка 4. «Мавсунун (?) Бег ибн Хату (?) Хишиква» (?) (возможно, имена владельцев наголовья или мастеров изготовивших шлемовые элементы).

Вдоль нижнего края купола шлема пробиты частые отверстия для крепления клепаной кольчатой бармицы переднеазиатского типа (длина – 39 см) снабженной кольчужным сегментом, прикрывающим верхнюю часть лица.

Рис. 3. Налобная часть шлема № 36.25.115 с миндалевидной серебряной накладкой покрытой текстом на арабском языке и датой по Хиджре (Alexander, 2015: 112).

4. Результаты

Важной научной задачей является датировка и атрибуция шлема № 36.25.115 из Музея искусств Метрополитен.

На налобной накладке шлема указана дата – «1196 год Хиджры», что соответствует 1781–1782 гг. по Григорианскому календарю. Однако, наиболее вероятно, что эта дата локализует время изготовления и монтажа на купол наголовья шлемовых элементов (навершия и обруча), но не время производства самой железной тульи.

Американские исследователи Д.К. Стоун и Д.Г. Александер совершенно справедливо отметили, что туля шлема могла быть изготовлена значительно раньше навершия и обруча. На это указывает, как особенности ее конструкции и декоративного оформления, так и общий уровень сохранности. Согласно предположению Д.Г. Александера, туля шлема была изготовлена оружейниками Османской империи XVII в. (Alexander, 2015: 111, 112). В пользу данной версии свидетельствуют изображения

тюльпанов, характерных для изделий османских мастеров, а также |Y|-образное клеймо в круте на верхней части наголовья (рис. 2).

В оружейведческой литературе подобное клеймо («тамга») часто воспринимается, как свидетельство принадлежности предмета к так называемому «Арсеналу святой Ирины» в Стамбуле. Однако, по всей видимости, подобным клеймом снабжалось большинство предметов защитного вооружения хранившихся в государственных арсеналах Османской империи. При этом, наличие такой «тамги» на шлеме не означает, что наголовье было изготовлено именно турецкими оружейниками, так как султанские чиновники наносили подобные клейма и на трофейные наголовья иностранного производства.

В данном конкретном случае, атрибуция тульи как изделия османских оружейников XVII в. представляется наиболее вероятной. В то же время следует отметить, что силуэт купола шлема и сам гравированный рисунок несколько отличаются от классических османских образцов. Поэтому нельзя исключать возможность того, что первоначально шлем был изготовлен иранскими или кавказскими мастерами, симитировавшими популярный османский стиль оформления. Однако и в этом случае наиболее вероятным временем изготовления тульи может считаться XVII в. В 1781–1782 гг. к ней были добавлены навершие, обруч и кольчатая бармица. Однако кем могла быть создана эта финальная версия шлема?

Д.Г. Александр предположил, что шлемовые элементы были изготовлены и присоединены к наголовью крымскими мастерами, так как «...серебряные крепления в верхнем ободе купола... и очень длинная бармица являются типичными для татар Крыма», а упомянутые имена изготовителя и владельца шлема имеют «скорее всего, крымско-татарское происхождение». В качестве примера наголовий, сочетающих «татарский и османский стиль», американский исследователь привел шлемы из Оружейной Палаты Московского Кремля и Музея Войска Польского в Варшаве. На основании этого он атрибутировал шлем № 36.25.115 следующим образом: «Тулья, Турция, Османский период, XVII в.; шлемовые элементы, Крым, 1781/82» (Alexander, 2015: 111, 112).

В то же время в сопроводительном тексте Д.Г. Александр признал, что «посеребрённые украшения были, скорее всего, прикреплены к более раннему османскому куполу мастером в Крыму или на Кавказе», а «Хату» и «Хишиква» могут являться «черкесскими именами» (Alexander, 2015: 111, 112).

Рассмотрим данный вопрос более подробно.

Высокие конические шлемы, сочетающие цельнокованую тулью с орнаментированным обручем, коническим навершием с пряжкой и кольчатой бармицей, снабженной лопастью для верхней части лица, в целом, не характерны для комплекса вооружения народов Малой и Передней Азии (Бобров, 2011).

Единственным регионом, на территории которого подобные шлемы массово изготавливались на протяжении практически всего периода позднего Средневековья и раннего Нового времени был Кавказ. При этом, конические шлемы северокавказского производства, существенно отличались по своим конструктивным особенностям и декоративному оформлению от аналогов изготовленных, например, на территории Грузии (см. северокавказские и грузинские конические шлемы из собрания Государственного Эрмитажа: Инв. № В.О.-3331; В.О.-2802 и др.).

Анализ особенностей конструкции и системы оформления шлема № 36.25.115 из Метрополитен позволяет сделать вывод, что его ближайшим аналогом являются наголовья Северного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени, и, в частности, черкесские шлемы типа «танж» («таш», «таж»). Название данной категории шлемов происходит от арабского «тадж», то есть «корона», «венец» (Зайцев, Комаров, 2009: 61; Ривкин, Пинчо, 2011: 82).

Именно для данного типа шлемов характерно сочетание цельнокованой железной тульи с орнаментированным металлическим (часто позолоченным) обручем, высоким коническим навершием с пряжкой, а также бармицей переднеазиатского типа (Аствацатурян, 2004: 14, 98, рис. 80а; Зайцев, Комаров, 2009; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 26; Бобров, Сальников, 2016).

Кроме того, именно черкесские оружейники наиболее часто использовали, в качестве тульи шлема, купола старых османских наголовий дополняя и украшая их новыми навершиями и обручами (Ривкин, Пинчо, 2011: 82). Трапециевидное пряжковидное кольцо для крепления плюмажа также не является исключительно «крымско-татарским» конструктивным элементом, как иногда полагают. Напротив, оно достаточно часто встречается, как раз, на черкесских наголовьях. Так, например схожим кольцом снабжен черкесский шлем «ндълао» датированный 1760–1761 гг. из собрания П.П. Кваскова (Государственный Эрмитаж, Инв. № В.О. – 5652).

Декоративное оформление шлема из Метрополитен также имеет многочисленные аналоги среди черкесских материалов.

Так, в частности, типичным элементом черкесских шлемов являются металлические накладки с надписями на арабском языке симметрично расположенные по четырем сторонам обруча наголовья (Аствацатурян, 2004: 97, 99, рис. 82; Зайцев, Комаров, 2009: 62, 63, 69, Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 26; Бобров, Сальников, 2016: 325-330).

Солярный узор типа «сито», выполненный в технике т.н. «поверхностной черни» и нанесенный на фестоны обруча навершия шлема из Метрополитен, является одним из основных элементов

традиционного черкесского орнамента позднего Средневековья и раннего Нового времени (Аствацатурян, 2004: 39, рис. 19е, с. 41, рис. 24, с. 63, рис. 50, с. 91, рис. 77; Ривкин, Пинчо, 2011: 85-87, рис. 15, 35е).

Легко узнаваем и характерный стилизованный растительный орнамент на позолоченных элементах навершия, который не редко встречается на шлемах и миссюрках черкесского образца XVII-XIX вв. (Аствацатурян, 2004: 39, рис. 19ж, с. 98, рис. 80в; Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 26-28).

Также фиксируются на изделиях черкесских мастеров и такие декоративные элементы оформления, как двойные трилистники (Аствацатурян, 2004: 38, рис. 18в, с. 40, рис. 22, б, г), выпуклые бортики с «жемчудником» (Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 35е), геометрические фигуры подтреугольной формы (Аствацатурян, 2004: 39, рис. 19е; Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 1, 27, 37а), а также отделка фона изображения мелкими зигзагообразными линиями-«зубчатником» (Аствацатурян, 2004: 63, рис. 49, с. 96, рис. 79; Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 17е, 37с).

Таким образом, анализ конструкции и системы оформления шлема из Метрополитен позволяет сделать вывод, что он был изготовлен черкесскими мастерами. Мнение о возможности крымско-татарского происхождения шлема основывается на том, что схожие наголовья применялись крымско-татарской знатью XVII-XVIII вв. К данной серии относятся шлем ШахинГирея (сына крымского хана Адиль-Гирея, 1666-1671 гг.) из Музея Войска Польского (г. Варшава, Польская Республика), шлем крымского хана Сахиб-Гирея (1771-1775) из частной коллекции (США), а также три шлема из собрания музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика).

Однако специальные исследования показали, что все эти наголовья, хотя и использовались представителями крымско-татарской аристократии, были изготовлены черкесскими мастерами (Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 26; Бобров, Сальников, 2016).¹ Даже в том случае, если шлем из Метрополитен был действительно выполнен по заказу представителя татарской знати (что не очевидно) его авторами являлись черкесские оруженники проживавшие в Крыму или на Северном Кавказе. Последний вариант, учитывая особенности оформления шлема, а также военно-политическую обстановку в ханстве в 1780-1782 гг. представляется наиболее вероятным.²

Значительный интерес, в данной связи, представляет имя помещенное на одной из серебряных накладок обруча – «Бекмурун» (Bekmurun). Не исключено, что речь идет об известной кабардинской династии Бекмур (рус. Бекмурзины). Представители данного клана в 20-30-х гг. XVIII в. принимали активное участие в политической борьбе местной черкесской знати. В 1724 г. Бекмурзины примкнули к т.н. Баксанской партии (Акажукины и Мисостовы), что позволило изгнать из страны лидера влиятельной Кашкатауской партии Арсланбека Кайтукина. Однако триумф Бекмурзиных оказался недолгим. Уже во второй половине 30-х гг. XVIII в. наследники Бекмура были вынуждены эмигрировать в Крым. В июне 1737 г. князя Кайтукины, Атажукины и Мисостовы писали вице-канцлеру Российской империи А.И. Остерману: «...ныне брат наш Арслан-бек е.и.в. верное подданство пришел, и все мы с согласия признаем его за старшего и главнейшего бека. А Бекмурзины дети, поссорясь с нами, в Крым ушли» (Каджаров, 1992: 29).

Столетием позже о клане Бекмурун писал и знаменитый Султан Хан-Гирей. Рассказывая о Большой Кабарде, в разделе о «уделе Дян-ботие», он, в частности, упомянул в его составе «... княжеский род Бек-мрзе-хе» (Бекмур, Бекмурзины) и «Ккайтотко-хе» (Кайтукины) (Хан Гирей, 1992: 156). Данные сведения позволяют предположить, что возможным заказчиком и владельцем шлема из Метрополитен мог быть представитель кабардинского княжеского рода Бекмурзиных (Бекмур).

Важным направлением изучения боевых наголовий эпохи Средневековья и раннего Нового времени является их анализ в контексте междисциплинарных исследований с целью выявления базовых функциональных характеристик. Ранее, для проведения экспериментальных испытаний, была изготовлена копия высокого конического шлема «танж» хранящегося в музее Топкапы и имеющего сходную конструкцию и размеры с черкесским наголовьем из Метрополитен (Бобров, Сальников, 2016: 325-327).

Выполненная реконструкция стала объектом различных научных экспериментов, целью которых, было изучить особенности ношения и боевого применения шлемов подобного типа. Так, в частности, было установлено, что шлем типа «танж» одевался поверх головного убора или подшлемника из мягких органических материалов.

В боевом положении кольчатая бармица застегивалась под подбородком с помощью специальных парных крючков. В результате кольчатое полотно прикрывало затылок, шею, горло и щеки воина, но, при этом, не мешало ему свободно поворачивать и наклонять голову, что имело важное значение в ходе динамичного кавалерийского боя. Шлем служит весьма надежной защитой от рубящих сабельных ударов, так как клинок скользит и срывается с гладкой тульи наголовья, а

¹ Усиление влияния оружейных комплексов оседлых народов на кочевников является характерной чертой эволюции военного дела кочевников периода позднего Средневековья и раннего Нового времени (Худяков, Бобров, 2005).

² В конце 1780-1782 гг. Крымское ханство сотрясала масштабный конфликт политических элит, который вылился в ожесточенную гражданскую войну, во время которой многие ремесленные центры полуострова подверглись разгрому.

высокий купол амортизирует удар. В некоторых случаях, сабля по инерции соскальзывает на ключицу обороняющегося воина, но не приносит ему существенного вреда, так как лезвие встречает на пути двойной слой кольчатой брони (лопасть бармицы и наплечную часть корпусного кольчатого панциря) (Bobrov, Salnikov, 2016: 331, 332).

5. Заключение

Проведенный типологический анализ шлема № 36.25.115 из Метрополитен позволил уточнить его атрибуцию и время изготовления. На основании особенностей конструкции и системы оформления, наголовье может быть отнесено к большой группе высоких черкесских шлемов позднего Средневековья и раннего Нового времени, получивших известность под названием «танж». Наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного периода и неоднократно ремонтировалось.

Тулья шлема была изготовлена западно-азиатскими (вероятно, османскими) или кавказскими оружейниками XVII в. В начале 1780-х гг. шлем подвергся очередной переделке, в ходе которой к нему были добавлены составное коническое навершие, обруч и кольчатая бармица переднеазиатского типа. Работа над шлемом была завершена в 1196 г. Хиджры, что соответствует 1781–1782 гг. по Григорианскому календарю. Надписи на шлеме позволяют предположить, что наиболее вероятным заказчиком шлема являлся наследник кабардинского княжеского рода Бекмур (Бекмурзиных) эмигрировавших из Черкессии в Крым в 1737 г. Мастерами, выполнившими заказ, были черкесские оружейники, проживавшие на Северном Кавказе или (менее вероятно) в Крыму.

Следует отметить, что мастерам удалось весьма успешно совместить богатое («парадное») декоративное оформление с защитным функционалом воинского наголовья. Экспериментальные междисциплинарные исследования показали, что шлемы типа «танж» отличаются высокими боевыми характеристиками и служат надежной защитой от клинкового оружия противника.

6. Благодарность

Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Литература

- Аствацатурян, 2004 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.
- Бобров, 2005 – Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул, 2005. 24 с.
- Бобров, 2011 – Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, 2016 – Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388. <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>>(28.03.2016).
- Бобров, Худяков, 2003 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII вв. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 138–155.
- Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 776 с.
- Зайцев, 2003 – Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция, 2003, № 2 (13).
- Зайцев, Комаров, 2009 – Зайцев И.В., Комаров И.А. Два шлема из Нальчика. // Эпиграфика Востока. Вып. XXVIII. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2009. С. 59–71.
- Ищенко, 1989 – Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 139–143.
- Каджаров, 1992 – Каджаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992.
- Прокопенко, 2012 – Прокопенко В.М. Крымские татары в восточной миниатюре XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] // <http://www.kitabhona.org.ua/index.php/libizo/174-tatarvostmin> (2012).
- Ривкин, Пинчо, 2011 – Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Запорожье, 2011. 125 с.
- Стоун, 2008 – Стоун Д.К. Большая энциклопедия оружия и доспехов. М.: АСТ : Астрель, 2008. 767 с.

Хан Гирей, 1992 – Хан Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1992.

Худяков, Бобров, 2005 – Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 103-128.

Alexander, 2015 – Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Bobrov, Salnikov, 2016 – Bobrov L.A., Salnikov A.V. North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use // *Bylye Gody*. 2016. 2. pp. 323-334.

References

Astvatsaturyan, 2004 – Astvatsaturyan E.G. Oruzhie narodov Kavkaza [The arms of the peoples of the Caucasus]. Spb.: «Atlant», 2004. 432 p.

Bobrov, 2005 – Bobrov L.A. Zashchitnoe vooruzhenie kochevnikov Central'noj Azii XV – pervoj poloviny XVIII vv. [Defensive armament of the nomads of Central Asia in the first half of the 15th–18th centuries]. The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences. Barnaul, 2005. 24 p.

Bobrov, 2011 – Bobrov L.A. Osnovnye napravleniya ehvolyucii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Central'noj, Srednej i kontinental'noj Vostochnoj Azii vtoroj poloviny XIV–XIX vv [Main directions of evolution of complexes of the protective arms of the peoples of Central, Central and continental East Asia second half of XIV–XIX centuries]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical sciences. Barnaul, 2011. 54 p.

Bobrov, 2016 – Bobrov L.A. Takticheskoe iskusstvo krymskih tatar i nogaev konca XV – serediny XVII vv. [Tactical art of Crimean Tatars and nogayev late 15th-17th centuries]. [Electronic resource]//history of military affairs: studies and sources. 2016. Special Edition v. standing on the Ugra River 1480–2015. H. II. p. 210-388. <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>>(28.03.2016).

Bobrov, Salnikov, 2016 – Bobrov L.A., Salnikov A.V. North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use. *Bylye Gody*. 2016. 2. pp. 323-334.

Bobrov, Khudyakov, 2003 – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Boevye nagolov'ya kochevnikov Mongolii i Kalmykii vtoroj poloviny XVI-nachala XVIII vv. [Fighting headgear worn by nomads of Mongolia and the Republic of Kalmykia in the second half of the 16th-beginning of the 18th centuries]//Ancient Altai. Gorno-altaysk: Gorno-altaysk. UN-t; Inst Altaic them. S.s. Surazakova, 2003. P. 138-155.

Zaitsev, 2003 – Zaitsev I.V. Krymskie hany: portrety i syuzhety [Crimean khans: portraits and stories] // Oriental collection, 2003, no. 2 (13).

Zaitsev, Komarov, 2009 – Zaitsev I.V., Komarov I.A. Dva shlema iz Nal'chika [Two helmets from Nalchik]. Epigraphy of the East. Iss. XXVIII. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 59-71.

Ishchenko, 1989 – Ischenko S.A. Vojna i voennoe delo u krymskih tatar XVI–XVIII vv. (po zapiskam inostrannyh puteshestvennikov i diplomatov) [War and military the Crimean Tatars of the XVI–XVIII centuries. (notes by foreign travellers and diplomats)]//the Black Sea and the Volga region in relations between East and West in the 12th-16th centuries. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1989. P. 139-143.

Kadjarov, 1992 – Kadjarov V.Kh. Adygskaya hasa [Circassian hasa]. Nalchik, 1992.

Prokopenko, 2012 – Prokopenko V.M. Krymskie tatory v vostochnoj miniatyure XVI–XVII vv. [Crimean Tatars in Eastern miniature XVI–XVII centuries]. [Electronic resource] // <http://www.kitabhona.org.ua/index.php/libizo/174-tatarvostmin> (2012).

Rivkin, Pincho, 2011 – Rivkin K., Pincho O. Oruzhie i voennaya istoriya Kavkaza [Arms and military history of the Caucasus]. Zaporozhye, 2011. P. 125. (in Russian)

Stone, 2008 – Stone D. Bol'shaya ehnciklopediya oruzhiya i dospekhov [Big encyclopedia of weapons and armor]. M.: AST: Astrel, 2008. (in Russian)

Khan Girey, 1992 – Khan Girey. Zapiski o Cherkessii [Notes on Circassia]. Nalchik, 1992.

Khudyakov, Bobrov, 2005 – Khudyakov Yu.S., Bobrov L.A. Ehtnokul'turnye kontakty i vzaimovliyanie russkih s tyurkskimi narodami Zapadnoj i YUzhnoj Sibiri v voennom dele v XVI–XVII vv. [Cultural contacts and mutual influence of the Russians with the Turkic peoples of Western and southern Siberia in military affairs in XVI–XVII centuries] // Study of the historical and cultural heritage of the peoples of southern Siberia. Gorno-altaysk, 2005. Iss. 2. P. 103-128.

УДК 903.22

Шлем «танж» из Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США). Особенности конструкции, оформления и боевого применения

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b

^a Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен богато оформленный железный шлем (№36.25.115), хранящийся в фондах Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США), первоначально атрибутированный американскими исследователями, как симбиотическое наголовье турецкого и крымско-татарского производства.

По конструкции тульи, шлем из Метрополитен может быть отнесен к отделу цельнокovaných, а по форме купола к типу конических.

Покрытая гравированным орнаментом тулья, дополнена составным коническим навершием с кольцом для плюмажа, обручем и кольчатой бармицей переднеазиатского типа. Посеребренная и позолоченная поверхность навершия и обруча дополнительно украшена стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. По четырем сторонам обруча приклепаны серебряные накладки с надписями на арабском языке, а также датой монтажа шлемовых элементов.

На основании анализа конструкции и системы оформления установлено, что шлем продолжал использоваться на протяжении длительного времени и неоднократно подвергался ремонту и реконструкции. Его тулья была выкована западно-азиатскими (вероятно османскими) или кавказскими оружейниками XVII в. Клеймо на верхней части тульи свидетельствует, что она некоторое время хранилась в одном из государственных arsenалов Османской империи.

В 1781–1782 гг. к тулье были добавлены составное навершие, обруч и бармица. Конструкция и система оформления данных элементов позволяет установить, что профильные работы были выполнены черкесскими мастерами, проживавшими на Северном Кавказе или (менее вероятно) в Крыму. Для украшения обновленного шлема были использованы типичные черкесские орнаменты («сито», стилизованный растительный узор, геометрические фигуры подтреугольной формы, «зубчатка» и др.), а при монтаже характерные для черкесских оружейников технологические решения (использование в качестве основы тульи шлема старого образца, коническое навершие с кольцом для плюмажа, обруч с четырьмя накладками, кольчатая бармица с лопастью для защиты лба и др.). В Черкесии подобные наголовья были известны под названием *танж* (от арабск. «*тадж*», т.е. «корона»).

В XVII–XVIII вв. они охотно приобретались представителями крымско-татарской знати. Схожие по конструкции и системе оформления шлемы черкесского производства, принадлежавшие высшей аристократии Крымского ханства, хранятся в музейных и частных собраниях Польши, Турции и США. Надписи на обруче наголовья из Метрополитен позволяют предположить, что он был изготовлен по заказу представителя кабардинского княжеского рода Бекмур (Бекмурзины) эмигрировавших в Крым в 1737 г.

Популярность шлемов типа *танж* среди аристократии Северного Кавказа и Крыма была обусловлена не только их впечатляющим внешним видом и богатой отделкой, но и высокими боевыми характеристиками. Экспериментальные испытания копий подобных шлемов показали, что они обеспечивали весьма надежную защиту головы и шеи воина от рубящих и рубяще-режущих ударов противника.

Ключевые слова: Крымское ханство, Северный Кавказ, черкесы, защитное вооружение, черкесские шлемы «*танж*».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников).

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1087-1093, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 9 (947+957)

The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle

Olga N. Naumenko ^{a, *}

^a Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract

The penetration of European standards and norms in the life of Russian society, their influence on the culture, the legislation and administrative traditions, – these questions remain relevant over 300 years, since the beginning of the Europeanization of Russia by Peter I. The most important problem lies in the degree of adoption of the European experience, its relevance and adaptation to the Russian conditions. The question of penetration of the western norms into education, science, a family and other spheres which successfully functioned and were reproduced on a powerful internal resource of the Russian traditional culture is relevant too.

The article is based on archival materials. It discusses the experience of the Russian emperors to reform Tobolsk prison castle in accordance with the European and Russian samples, and the results of this policy. The author draws attention to the pattern that emerged over 200 years: the attempt even a partial introduction to the prison castle European humanist values necessarily accompanied by a crisis of Imperial power and ended with its collapse in 1917. A return to the inquisitorial part of the prison and the rejection of the humane treatment of prisoners entailed the stabilization of the government. The author analyzes the causes of this phenomenon, comparing the cultural-historical conditions for prison reform in Russia and Europe, as well as differences in socio-economic and political development. The article also presents new data on the history of the exile of the Romanovs to Siberia in 1601 and 1918.

Keywords: the Romanovs, the dynasty, Tobolsk prison castle, prison system, Europeanization, Russian Empire, the Emperor.

1. Введение

История династии Романовых неразрывно связана со знаменитым Тобольским тюремным замком, где в разные годы находились в заключении представители дворянской элиты России и европейских стран, известные писатели, поэты, композиторы, художники, религиозные лидеры, общественные деятели и революционеры. Только за 15 лет дворцовых переворотов (1725–1740 гг.) в качестве пересыльных или заключенных через замок прошло 20 князей, 4 барона, 9 графов, 5 герцогов, 9 генералов и адмиралов, 2 члена Верховного Тайного Совета. В числе узников замка дважды побывал любимый «арап Петра Великого» А.П. Ганнибал, 11 Долгоруких, 9 Биронов, Голицыны, Лопухины, Бестужевы-Рюмины, Минихи, губернатор Лифляндии Рудольф Август Бисмарк, дочь польского короля Карла Людовига и т. д. (Зуев и др., 1992).

Тобольский тюремный замок не был типичным примером пенитенциарного учреждения России, он являлся узловым звеном мощной функционирующей системы. В замок поступали все преступники, направляемые в Сибирь, и на его базе происходило их распределение по многочисленным тюрьмам и местам ссылки региона, за исключением наиболее опасной для общества и государства части ссыльных, которая нередко оставалась там. Для преступников замок был «воротами в Сибирь», меняя их жизнь навсегда: для большинства из них обратного пути не существовало. Не случайно на Тобольский тюремный замок было обращено особое внимание правящей династии: он отражал настроения в российском обществе, вычленил существовавшие

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko)

тенденции, проблемы, противоречия, духовные и политические ценности. Замок был индикатором влияния и личного авторитета российских императоров, и здесь наблюдалась четкая закономерность: как только в нем происходил отход от привычного для России инквизиционного характера наказания и поворот к европейским образцам, государство оказывалось на грани политических потрясений, а пик «тюремного гуманизма» закончился катастрофой – серией революций начала XX в. и свержением Романовых.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили архивные материалы, позволившие воссоздать картину пребывания узников в пенитенциарных учреждениях тюремного комплекса в XIII – начале XX вв., а также проследить личное участие российских императоров в судьбе замка. Среди документов – циркуляры, распоряжения, донесения, отчеты и иная делопроизводственная документация. В качестве источников также использованы: 1) чертежи г. Тобольска с расположением темниц и внутренним строением тюремного замка; 2) периодическая печать XIX в., освещавшая контакты Романовых с тюремным начальством по вопросам развития замка; 3) воспоминания революционеров относительно перевода семьи Романовых в камеры каторжной тюрьмы в 1918 г.

Методологической основой исследования стала теория модернизации, позволившая проанализировать развитие пенитенциарных идей Романовых, в том числе их европейских представлений о предназначении тюрем, а также реализацию проектов на базе Тобольского тюремного замка. Среди методов исследования доминирующим является сравнительно-исторический, с помощью которого проведено сопоставление условий содержания узников при разных императорах, на отдельных этапах эволюции Тобольской тюрьмы.

Цель статьи – охарактеризовать неизвестные страницы истории династии Романовых, связанные с Тобольским тюремным замком, и выявить закономерности в реализации пенитенциарных идей реформаторов и политических потрясений в стране. Термин «Тобольский тюремный замок» употребляется в широком смысле слова для характеристики разветвленного пенитенциарного комплекса города в XVIII – начале XX вв.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в историографии не обсуждалась, хотя история Дома Романовых является предметом пристального внимания со стороны отечественных и зарубежных специалистов (Cross, 2015; Ustinovich, 2016 и др.). Историко-философское осмысление взаимосвязи «судьба тюрьмы ~ судьба империи» применительно к политике Романовых не проводилось; отсутствуют исследования, касающиеся представителей династии как заключенных сибирских тюрем. В дореволюционных и современных научных трудах есть лишь упоминание об отправке в 1601 г. в сибирский Пелым двух представителей рода Романовых (Карамзин, 1997: 430–431 и др.), но нет никаких данных об их пребывании в Тобольской темнице, которую они миновать не могли. Сохранились свидетельства о решении революционной власти перевести семью Николая II в каторжное отделение Тобольского тюремного замка в марте 1918 г. (Мячин, 1991), но проблема не обсуждалась из-за недостатка архивных источников, уничтоженных в советский период: по этому поводу опубликована предыдущая работа автора (Бортникова и др., 2003). Существует несколько серьезных трудов по истории Тобольского тюремного замка в XVIII – начале XX вв. (Бортникова, 1999; Панишев, 2005; Науменко, 2008), но тема Романовых там не затрагивалась. В настоящее время имеется ряд монографий по истории пенитенциарной политики России в целом, однако непосредственная роль династии в судьбе Тобольского тюремного замка в них не отражена.

4. Результаты

Романовы стали первыми титулованными узниками сибирских тюрем еще до вступления их рода на Российский престол. Пожары в архиве Сибирского Приказа уничтожили документы, лишив историков возможности воссоздать картину ссылки, но косвенные свидетельства могут добавить новые штрихи к уже известным фактам.

В 1601 г. по приказу Б. Годунова в сибирскую ссылку были отправлены Иван Никитич и Василий Никитич Романовы – родные дяди будущего царя Михаила Романова; они следовали в Пелым, на пути в который лежала сибирская столица (Карамзин, 1997: 430–431). Карты Тобольска XVII в., составленные С.У. Ремезовым, зафиксировали несколько тюремных строений, где местное начальство могло оставить Романовых на ночлег и непродолжительный отдых перед отправкой в Пелым.

На одной из карт (ТИАМЗ, Инв. № КП ОФ 22/12) изображены три пенитенциарные помещения: темница с двускатной крышей (в восточном стиле, похожая на пагоду), специально оборудованная яма, а также целый комплекс с надписью «тюрьма», расположенный вне городских стен на противоположном берегу Иртыша. Комплекс достался Тобольску от Кучума – последнего правителя Сибирского ханства, умершего всего за 2–3 года до ссылки Романовых (Кучум, 2004: 190). Кроме жилых помещений, «тюрьма» включала винокурню и колодец, куда в клетке опускали захваченного врага.

Дорога из Европейской России в Тобольск (в данном случае – путь опальных бояр) проходила через этот татарский тюремный комплекс из-за удобства его расположения. Он находился напротив Тобольского городского острога, на берегу, где сливаются Иртыш и Тобол. Помещения подходили для ночлега перед утренней переправой, которая в силу особенностей реки была возможна только в светлое время суток. Возможность ночлега и даже более продолжительного отдыха в этих помещениях подтверждается и иными фактами: в течение дня пересыльные обычно проходили 25–35 верст (ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 30-а. Л. 24), стремясь попасть к ночи в ближайший населенный пункт, поэтому миновать этот комплекс Романовы не могли. Так как непосредственно «тюрьма» представляла собой клетку, не предназначенную для ночлега, логично предположить, что бояре остановились в «темничных» помещениях комплекса. Таким образом, путь в Тобольскую тюрьму Романовыми был проложен, однако последующие страницы ее истории связаны уже с правлением династии.

Первым реформатором Тобольской тюрьмы стал Петр Великий. При нем был усовершенствован «пыточный приказ», то есть создана разветвленная инквизиционная система (История, 1997: 170), и в подгорной части Тобольска началось строительство дополнительных тюремных помещений, оснащенных «совершенными» орудиями пыток. На экзекуцию туда привозили арестантов со всей губернии: одной из жертв в 1738 г. стал опальный князь И. Долгорукий (Зуев и др., 1992: 156). Кроме пыточных приспособлений, в Тобольске были созданы специальные одиночные камеры для «цепных» арестантов: в них практиковалось приковывание заключенных к стене на 5 и 10 лет. Длина и тяжесть цепи, а также иные условия содержания «цепных» произвольно определялись администрацией тюрем, так как отсутствовало нормативное регулирование данной сферы (ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 252. Л. 75). «Цепные» получали только нижнее белье и скудную пищу: в сутки 2,5 фунта хлеба и воду; их никогда не выводили на прогулку, а в камерах не было окон. После окончания срока выжившие переводились на пожизненное заключение с «вечным ношением ножных кандалов», тоже в одиночные камеры, но с окнами, тюремным питанием и прогулками (ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 36. Л. 14). Согласно данным отчетов, многие «цепные» сходили с ума. Эти камеры активно использовались и после Петра I: например, Тобольский губернатор А.М. Сухарев (1742–1752 гг.) «сажал на цепь тех, кто не хотел давать ему взятку» (Сибирские, 2000: 74). Приведенные данные являются далеко не полной характеристикой содержания арестантов.

Таким образом, на базе Тобольского тюремного комплекса при Петре I была создана «совершенная» инквизиционная система, призванная подавлять, уничтожать и перемалывать попавших в пенитенциарные учреждения подданных. Ее цель состояла в создании в российском обществе атмосферы страха. Потенциал порожденной императором тюрьмы был настолько велик, что она эффективно выполняла задачи на протяжении нескольких десятилетий, и ее реформирование потребовалось только при Екатерине II.

Реформа императрицы заключалась в двух аспектах. Прежде всего, – в расширении Тобольского тюремного замка, так как расправа с участниками войны Е. Пугачева показала тесноту тюремных помещений и недостаток пыточных устройств. Во-вторых, идеология «Просвещенного абсолютизма» требовала ориентации на европейские стандарты и в пенитенциарной политике. В соответствии с зарубежным опытом, Указом от 16 апреля 1781 г. императрица велела «завести во всех губерниях рабочие дома для преступников, обвиненных в кражах, грабеже и мошенничестве» (Тюремный вестник, 1897: 423). Тобольская тюрьма стала экспериментальной площадкой, и между императрицей и Тобольским губернатором Е.П. Кашкиным завязалась личная переписка. По признанию Екатерины II, необходимость рабочего дома в Тобольске была выше, чем в других городах, причем «...не только для отработки имущественных исков местными правонарушителями, но и для наказания вновь оступившихся ссыльных» (Тюремный вестник, 1897: 423).

Кроме работного дома, в Тобольске планировалось создать современное пенитенциарное учреждение, не знающее аналогов в России. Новый тюремный комплекс должен был включать дополнительные каменные темницы с необходимыми орудиями пыток, отдельные здания для хозяйственных нужд и мастерских. В темницах планировалось разделять арестантов по камерам в зависимости от вида совершенного преступления и срока наказания, а при строительстве предусмотреть препятствия для побега и т. д. Губернатор Е.П. Кашкин, зная по собственному опыту, что власти редко отпускали на строительные нужды необходимые денежные средства, вдвое завысил стоимость работ. Однако императрица распорядилась выдать сумму, превышающую запрошенную (Тюремный вестник, 1897: 423).

В результате в Тобольске появился единственный в России тюремный комплекс, полностью соответствующий представлениям Екатерины II об образцовых пенитенциарных учреждениях, которые в начале XVIII в. возводились в европейских странах в рамках начавшихся там тюремных реформ (Тюремный вестник, 1897: 424). Однако основной идеей пенитенциарной политики в Европе было трудовое и духовно-нравственное воспитание заключенных, и там начался постепенный отказ от телесных наказаний; в Тобольской же тюрьме применялись изощренные средневековые пытки и присутствовало множество иных разительных отличий. Однако Екатерина не спешила гуманизировать систему наказаний по европейским стандартам, предполагая неготовность

российского общества к этой мере. Специфика тюремного замка отразила двойственность всего Российского государства XVIII в.: европейскую форму, но патриархальное содержание.

При Александре I в Тобольском тюремном замке произошли изменения. Император не выделял денег на усиление карательной составляющей тюрьмы, на ее расширение и ремонт, и в 1820-е гг. из старого деревянного корпуса арестанты убегали, пробивая стены кулаками (ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 23. Л. 101). Однако Александр I продолжил политику своей бабушки в сфере европеизации тюремного заключения и ввел меры, на которые она так и не решилась.

В 1801 г. была официально отменена пытка (ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 301. Л. 1). В 1822 г. императорскими указом был уменьшен вес кандалов до 5–5,5 фунтов, отменены ножные кандалы для женщин и запрещены все виды кандалов для детей (БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 780. Л. 40). По всей протяженности Сибирского ссыльного тракта начали строиться десятки «этапов» и «полуэтапов» – зданий для ночлега ссыльных партий. Таким образом, и преступникам, и местным жителям была облегчена жизнь: ранее в домах сибиряков на ночлег размещали по 20–30 преступников, а остальные оставались на улице даже зимой, разжигая костры (ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17521. Л. 10). Для осужденных ввели теплую одежду и обувь – меховые «коты», новые овчинные тулупы и другие необходимые вещи, чтобы они не мерзли на сибирском морозе и чувствовали себя комфортно; со слов свидетелей, не каждый крестьянин имел такое имущество, поэтому «...из Тобольской тюрьмы арестант выходил богачом» (Максимов, 1891: 12–13). Тюремный замок стал рассматриваться не только местом возмездия, но и исправления: в нем появились священники. В тюрьме изменились санитарные нормы и лечение арестантов. Александр I инициировал программу по адаптации отбывших срок преступников к крестьянской жизни: с 1822 г. по 1838 г. в Западной Сибири обзавелись семьями и собственным хозяйством 13 094 осужденных (ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1805. Л. 599) и т. д.

Результат императорской политики известен: Россия получила восстание декабристов.

Пришедший к власти Николай I продолжил политику брата, но только в сфере расширения пенитенциарной системы, а прежняя гуманистическая составляющая была отброшена. К Тобольскому тюремному замку вернулась ее инквизиционная роль; пытки продолжались, резервы теплой одежды сокращались, санитарные нормы не соблюдались. Произошло нормативное урегулирование многих вопросов, связанных с каторгой и ссылкой. Прибытие арестантов в Тобольский тюремный замок отныне проводилось по четкому расписанию (ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1897. Л. 291); «этапы» и «полуэтапы» расширялись, а с 1840 г. вообще была введена доставка арестантов в Тобольск на баржах (ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2107. Л. 2; Д. 1897. Л. 291).

Император на базе Тобольского тюремного замка учредил новый, дополнительный вид пенитенциарного учреждения – арестантскую роту, а сам замок решил выстроить заново. Для грандиозного строительства было выбрано место на высоком обрывистом берегу Иртыша, что затрудняло побег. Новый комплекс включал несколько каменных корпусов, сотни камер, множество дополнительных помещений и высокую ограду. Проект был настолько амбициозен, что строительство замка продолжалось 17 лет: с 1838 г. до 1855 г. Эта тюрьма соответствовала не европейским стандартам, а русскому понятию «темница». Один из петербургских чиновников, посетив замок, отметил, что он «...помещается в весьма странной по архитектуре каменной постройке, состоит из двух этажей, причем верхний со сводами. Находящиеся в этом этаже камеры не только душат, по малому количеству содержащегося в них воздуха, но и угнетают подавляющей своей внешностью» (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 634. Л. 2).

Смерть императора прервала процесс обустройства тюремного замка, но камеры уже могли принимать массовые потоки арестантов. Таким образом, Николай I хорошо подготовился к возможным политическим катаклизмам. Однако необходимо констатировать удивительный факт: на императора с его репрессивной политикой не было покушений.

Александр II опять вступил на европейский путь тюремного реформирования. После длительного изучения российскими пенитенциаристами опыта Европы и участия в международных тюремных конгрессах, в 1879 г. в России была начата Тюремная реформа. Ее основной целью было не устрашение общества, а исправление осужденных. В русле таких веяний в Тобольском тюремном замке стали возрождаться арестантские мастерские, оборудоваться православные церкви, появились комнаты для костела, мечети и синагоги, открылись школы и библиотеки (ГАТО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 11. Л. 3). К исправлению осужденных и их образованию было привлечено местное общество. В замке опять появилась теплая и довольно качественная одежда из «русских, ордынских и всяких других овчин и разных шерстей, прочной хорошей, мягкой выделки, не пухлых, не кислых, не перегорелых, с крепкой, не вылезавшей шерстью и без плешин» (Тюремный вестник, 1893: 3). Император запретил пытки и максимально ограничил телесные наказания. В 1881 г. он был убит террористами, и европеизация Тобольского тюремного замка закончилась.

Контрреформы Александра III коснулись и Тобольска. С одной стороны, царь должен был следовать начатой пенитенциарной политике, так как механизм уже действовал и даже приносил экономию бюджету: за счет развития арестантских работ Тобольский тюремный замок частично перешел на самоокупаемость; бесплатный для казны энтузиазм местного общества пока не иссяк, а помещения еще не требовали ремонта. С другой стороны, в России (как и в Европе) появился

политический терроризм; европейские методы борьбы с ним оказывались не эффективными, и Александр III вернулся к проверенному способу. В открытых на базе Тобольского тюремного замка двух каторжных тюрьмах был установлен особый режим, где заключенные отбывали самую тяжелую, «кандальную», часть срока перед отправкой на рудники Восточной Сибири (ГА в г. Тобольске. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1. Лл. 50–51). Позднее на базе этих тюрем была организована Тобольская политическая каторга, наводившая страх на революционеров (Каллистов, 1924), а Россия вступила в полосу относительной стабильности 1880-х – начала 1890-х гг.

В правление Николая II в Тюремном замке опять начался эксперимент по европеизации и гуманизации тюремного заключения. Жизнь арестантов лучше всего описывают впечатления Д.И. Менделеева, посетившего Тобольск – свою родину – в 1899 г. и побывавшего по приглашению губернатора на экскурсии в образцовой тюрьме: «Между заключенными есть и такие, которые приговорены за семь убийств. Таких повесили бы или гильотинировали в иной стране, а тут – они помещены, да как помещены – в уютном чистом одноэтажном, светлом здании... Главный, ежедневный прием воздействия – это работа. Она, насколько возможно, не принудительна: нежелание или даже не расположение сегодня работать принимается во внимание, и таких оставляют в камерах; много мы их видели там... Прошли в кухню, где каторжник предложил попробовать щикашу и такой черный хлеб, которому позавидовали бы многие в Петербурге... Разумная гуманность отношения к каторжникам так поразила меня, что я не нахожу слов для выражения. Внутри – правда, на момент – являлось суровое латынское сомнение в полезности такой мягкости отношения к злодеям...» (Менделеев, 1900: 433–443).

Таким образом, Тобольский вариант гуманизации каторги, реализованный на рубеже XIX–XX вв., превзошел все предыдущие эксперименты. Глубина проникновения этого явления в тюремный быт оказалась прямо пропорциональной отношению люмпинизированной части российского общества к Николаю II. В марте 1918 г. свергнутого императора с семьей, находившегося в тобольской ссылке, было решено перевести в камеры каторжной тюрьмы, о чем в источниках есть ряд свидетельств. Одно из них: «Екатеринбургские комиссары пытались войти в соглашение с охраной Романовых о переводе последних в местную тобольскую тюрьму. Однако охрана категорически отказалась исполнять просьбу» (Мячин, 1991: 48). Член Исполкома Тобольского Совета депутатов И.Я. Коганицкий вспоминал, что заключение Романовых в каторжное отделение должно было обязательно сопровождаться их переводом на тюремный паек с запретом покупать продукты за собственный счет, а это означало голодную смерть: в тот период Тобольский тюремный замок не финансировался, камеры не закрывались, и заключенные сами добывали пропитание в городе. Положение было настолько тяжелым, что тюремная администрация периодически выставляла на аукцион тюремное имущество (ГА в г. Тобольске. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Л. 32). Все, чем могли быть обеспечены осужденные – это кипяток утром и вечером и немного вареной капусты на обед. И.Я. Коганицкий, принимая решение о переводе Романовых в тюрьму, не мог об этом не знать. Однако план не был реализован, а вскоре семья была отправлена в Екатеринбург и там убита.

5. Заключение

В рассматриваемый период гуманизм проникал во все сферы европейского общества, поэтому его институционализация в рамках пенитенциарных систем была логичной и закономерной, отражающей общую тенденцию развития общественного сознания и демократических институтов. В России было наоборот: гуманизация тюрьмы проводилась во времена крепостного рабства, а позднее – при унижении и нищете российского народа. В этих условиях «европеизированная» тюрьма и ссылка рассматривались нередко как спасение, о чем свидетельствуют многочисленные факты сознательно совершенных преступлений и просто побегов из Европейской России в ссылочно-поселенческие деревни «кандальной» Сибири. Таким образом, в российской действительности при попытках гуманизации тюрьмы терялся смысл уголовного наказания.

Рассмотренная история эволюционных изменений Тобольского тюремного замка показала невозможность безболезненного включения в российскую культуру европейских стандартов даже в пенитенциарной сфере, хотя они должны были вывести тюрьму из состояния Средневековья. Более того, если в западном мире гуманизация тюрьмы рассматривалась как объективная и завоеванная свобода, то в России воспринималась как слабость государственной власти, и в течение 300 лет правления Дома Романовых такое восприятие оставалось практически неизменным. Данный исторический этап был пройден, совершив замкнутый цикл от узников Романовых до ссыльных Романовых в начале и конце династии, но он так и не решил проблему разумного сочетания «своего» и «чужого» в культурно-цивилизационном пространстве уникального государства, объединившего в себе полярные векторы «Запад ~ Восток».

Литература

Бортникова, 1999 – Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: Изд-во Тюменского юридического института МВД РФ, 1999. 304 с.

Бортникова и др., 2003 – *Бортникова О.Н., Усманова Ф.Р.* Романовы в истории Тобольского тюремного замка / МВД России – 200 лет: история и современность. Тюмень: Изд-во Тюменского юридического института МВД РФ, 2003. С. 7–11.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольск.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Зуев и др., 1992 – *Зуев А.С., Миненко Н.А.* Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 162 с.

Каллистов, 1924 – *Каллистов С.* «Поверка». Из быта Тобольской каторги // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С. 25–32.

Карамзин, 1997 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX–XII. СПб.: Золотой век, 1997. 704 с.

Кучум, 2004 – *Кучум* / Большая Тюменская энциклопедия. Т. 2. Тюмень: Изд-во «Сократ», 2004. С. 190–191.

История, 1997 – История государства Российского. Жизнеописания. XVII век. М.: Книжная палата, 1997. 478 с.

Максимов, 1891 – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1891. 377 с.

Менделеев, 1900 – *Менделеев Д.И.* Поездка в Тобольск / Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. С. 433–443.

Мячин, 1991 – *Мячин К.А. (Яковлев).* Из воспоминаний / Последние дни Романовых. Сборник документов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991. С. 44–74.

Науменко, 2008 – *Науменко О.Н.* Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. 184 с.

Панишев, 2005 – *Панишев Е.А.* История Тобольского тюремного замка. Часть 1 (1855–1917). Тобольск: Изд-во ТГИАМЗ, 2005. 75 с.

Сибирские, 2000 – Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 577 с.

ТГИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

Тюремный вестник, 1893 – Тюремный вестник, 1893. № 2. 416 с.

Тюремный вестник, 1897 – Тюремный вестник, 1897. № 8. 472 с.

Ustinovich, 2016 – *Ustinovich E.S.* The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II // *Bylye Gogy*. 2016. Vol. 39. Is. 1. P. 14–21.

Cross, 2015 – *Cross A.* English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74. Is. 1, P. 57–68.

References

Bortnikova, 1999 – *Bortnikova O.N.* Sibir' tjuremnaja: penitenciarnaja sistema Zapadnoj Sibiri v 1801–1917 gg. [Sibir prison: penal system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: Tyumen Legal Institute Publ., 1999. 304 p. [in Russian]

Bortnikova i dr., 2003 – *Bortnikova O.N., Usmanov F.R.* Romanovy v istorii Tobol'skogo tyuremnogo zamka [Romanovs in the history of the Tobolsk prison castle] / Ministry of Internal Affairs of Russia – 200 years: history and present. Tyumen: Tyumen Legal Institute Publ., 2003. P. 7–11. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoj oblasti [Public Archive of the Omsk region]. [in Russian]

GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'sk [Public Archive in Tobolsk]. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Tjumenskoj oblasti [Public Archive of the Omsk region]. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation]. [in Russian]

Zuev i dr., 1992 – *Zuev A.S., Minenko N.A.* Sekretnye uzniki sibirskih ostrogov (Ocherki istorii politicheskoy ssylki v Sibiri vtoroj chetverti XVIII v.). [Confidential prisoners of the Siberian jails (Sketches of history of a political exile in Siberia the second quarter of the XVIII century)]. Novosibirsk: Science, 1992. 162 p. [in Russian]

Kallistov, 1924 – *Kallistov S.* «Poverka». Iz byta Tobol'skoj katorgi [«Checking». From life of the Tobolsk penal servitude] // Penal servitude and exile. 1924. No. 1 (8). P. 25–32. [in Russian]

Karamzin, 1997 – *Karamzin N. M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. [Istoriya of the state Russian]. Vol. IX–XII. St.-Peterburg: Golden Age, 1997. 704 p. [in Russian]

Kuchum, 2004 – *Kuchum* [Kuchum] / Big Tyumen encyclopedia. Vol. 2. Tyumen: Socrates Publ. house, 2004. P. 190–191. [in Russian]

History, 1997 – Istorija gosudarstva Rossijskogo. Zhizneopisanija. XVII vek [History of the state Russian. Biographies. XVII century]. Moscow: Book chamber, 1997. 478 p. [in Russian]

Maximov, 1891 – *Maximov S.V.* Sibir' i katorga [Sibir and penal servitude]. St.-Peterburg: Tipolitoграфиya N. Stefanova, 1891. 377 p. [in Russian]

- [Mendeleyev, 1900](#) – *Mendeleyev D.I. Poezdka v Tobol'sk [A trip to Tobolsk] / the Ural iron industry in 1899. St.-Peterburg, 1900. P. 433–443. [in Russian]*
- [Myachin, 1991](#) – *Myachin K.A. (Yakovlev). Iz vospominanij [From memoirs] / The Last days of Romanov. Collection of documents. Sverdlovsk: Middle-Ural book Publ. house, 1991. P. 44–74. [in Russian]*
- [Naumenko, 2008](#) – *Naumenko O.N. Tobol'skij tjuremnyj zamok: stranicy istorii. [Tobolsky the prison castle: pages of history]. Tyumen: Tyumen State University Publ., 2008. 184 p. [in Russian]*
- [Panishev, 2005](#) – *Panishev E.A. Istorija Tobol'skogo tjuremnogo zamka. [Istory of the Tobolsk prison castle. Part 1 (1855–1917)]. Tobolsk: TGIAMZ Publ. house, 2005. 75 p. [in Russian]*
- [Sibirskie, 2000](#) – *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty. [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen: Tyumen Publ. house, 2000. 577 p. [in Russian]*
- [TIAMZ](#) – *Tobol'skij istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik. [Tobolsk historical and architectural memorial estate] [in Russian]*
- [Tjuremnyj, 1893](#) – *Tjuremnyj vestnik [Prison messenger]. 1893. No 2. 416 p. [in Russian]*
- [Tjuremnyj, 1897](#) – *Tjuremnyj vestnik [Prison messenger]. 1897. No 8. 472 p. [in Russian]*
- [Ustinovich, 2016](#) – *Ustinovich E.S. The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II. Bylye Gogy. 2016. Vol. 39, Is. 1, P. 14–21. [in English]*
- [Cross, 2015](#) – *Cross A. English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? The Russian Review. 2015. Vol. 74, Is. 1, P. 57–68. [in English]*

УДК 9 (947+957)

Исторические судьбы Романовых в эволюции Тобольского тюремного замка

Ольга Николаевна Науменко ^{a,*}

^a Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Проникновение европейских стандартов и норм в жизнь российского общества, их влияние на культуру, законодательство и управленческие традиции, – эти вопросы остаются актуальным на протяжении 300 лет, с начала европеизации России Петром I. Важнейшая проблема заключается в степени заимствования европейского опыта, его своевременности и адаптации к российским условиям. Не теряет актуальности вопрос о необходимости западных норм в тех сферах, которые в течение длительного времени успешно функционировали и воспроизводились на мощном внутреннем ресурсе российской традиционной культуры: образование, наука, семья и др.

В статье на основе архивных материалов рассматривается опыт российских императоров по реформированию в соответствии с западными (периодически – российскими) образцами ключевого звена в пенитенциарной системе России – Тобольского тюремного замка, а также результаты этой политики. Автор обращает внимание на закономерность, проявляющуюся на протяжении 200 лет: попытки даже частичного введения в тюремном замке европейских гуманистических ценностей обязательно сопровождалась кризисом императорской власти и закончились ее крахом в 1917 г. С другой стороны, возврат к инквизиционной составляющей тюрьмы и отказ от гуманного отношения к узникам влекли за собой стабилизацию власти. Автор анализирует причины этого явления, сравнивая культурно-исторические условия для реформирования тюрем в России и Европе, а также их отличия в социально-экономическом и политическом развитии.

В статье также приводятся новые данные по истории ссылки Романовых в Сибирь в 1601 г. и 1918 г.

Ключевые слова: Романовы, династия, Тобольский тюремный замок, пенитенциарная система, европеизация, Российская империя, император.

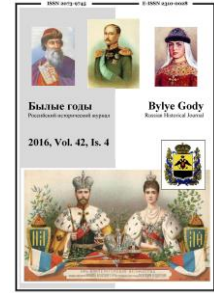
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 42, Is. 4, pp. 1094-1109, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764)

Cristian Ioan Popa ^{a,*}

^a “1 Decembrie 1918” University of Alba Iulia, Romania

Abstract

This article explores the life of Nicolae Pop Balomiri, a Greek-Catholic Protopope and Orthodox Archimandrite. Appointed General Vicar by the exiled Bishop Inochentie Micu-Klein in 1747, Balomiri fled Transylvania shortly afterwards when the Court in Vienna refused to acknowledge his appointment, instead supporting his predecessor, Petru Pavel Aaron. Early on in his exile, Balomiri converted to Orthodoxy, and was later made Archimandrite of the Monastery of Curtea de Argeş. From exile in Wallachia, he continued to campaign for the rights of Romanian Orthodox Christians in Transylvania, lobbying Russian Empress Elisabeta Petrovna to intervene with the Viennese to request a non-United bishop for Transylvania. Many historians have glossed over Balomiri's importance, possibly because of his controversial role as an apostate priest.

Keywords: Nicolae Pop Balomiri, Nicolae Balomireanul, protopope, Greek-Catholic Church, Moscow, Empress Elisabeta Petrovna.

Preamble

An important figure in the Romanian church is that of Protopope Nicolae Pop, born in Balomir (Alba County). He is also known by the name of his native village: “Balomiri” / “Balomireanul”, “of Balomir”. There is not much specific academic research on him, apart from two dedicated studies, one published seven decades ago (Badiu, 1943), the other more recent (Dobrei, 2010), both presenting a Christian-Orthodox perspective rather than a historical one. Because no discussion of the confessional dispute between the Orthodox and United believers in eighteenth century Transylvania may exclude his name, Romanian historiography highlights his role and activity and his importance to the Romanian church, sometimes giving him the credit he deserves. Nevertheless, historians seem to have avoided creating a complete profile of the man, probably because Balomiri was accused of apostasy. This may partially explain the attitude of historiographers; from a confessional point of view, Balomiri is no model and nor is he an easy subject. Our study takes a historical perspective on this individual, who was known by the names Nicolae Pop Balomiri and Nichifor Balomireanul, presenting his complexity, ambition and influence as he served the Romanian nation as a senior member of the clergy.

The beginning of his career in the United Archiepiscopate of Balomir (1739?–1747)

Nicolae Pop Balomiri was born around 1700, probably in Balomir village, a name he was later connected to. The Franciscan Iosef Michaud describes him as a tall man (Chindriş, 2005: XXV; Chindriş, Iacob, 2009: 37). The precise date he entered the clergy is unknown. It is only certain that his name is not mentioned among the United priests from Balomir in 1733 under Inochentie Micu-Klein's presidency (Bunea, 1900: 387). Fl. Dobrei suggests that Balomiri took the holy orders in 1733 or 1734 (Dobrei, 2010: 56), but this is mere supposition. Documents from the period mention the priests Popa Groza, Popa Ionaşc, Popa Petru, Popa Vasile and 66 Greek-Catholic families. It is also the period when the name of the first Protopope

* Corresponding author

E-mail address: cristi72popa@yahoo.com (Cristian Ioan Popa)

of Balomir, Popa Ion and the existence of *Archi-diaconatus Bălomiriensis* are first registered (Togan, 1898: 203). The United Archiepiscopate of Balomir followed the Archiepiscopate of Cugir and is known to have existed between 1733 and 1750. After this period, its headquarters moved to other localities within the Transylvanian Saxon district of Orăștie. It held a relatively humble position in the Transylvanian hierarchy, with only 15 localities, although all possessed a church (Miron, 2004: 120, nota 6; p. 322).

Early information on Balomiri is uncertain. Among the participants of the Synod of Blaj on 25 May 1739, under Inochentie Micu-Klein's presidency, the name of an protopope called Ion is mentioned, identified with the Protopope of Balomiri (Dănilă, 1998: 17), but the hypothesis suggesting this may refer to another clergyman cannot be excluded. Greta M. Miron suggests that the protopope was Ioan Szabo, from Căseiu (Miron, 2007: 370). Two years on from the Synod, in 1741, we know that Micu-Klein gave the Protopope of Balomiri a mission – the first we know about. Together with Protopope George of Juc, he was to collect from the eparchy of Sovaroș money for building the monastery of Blaj (“*dăjdii, pominoace și birșaguri*”). The success of this mission led to an acknowledgement of the two protopopes for “the gold collected to build the Monastery” (Bunea, 1900: 22, 138; Pâclișanu, 1924: 114; Meteș, 1936: 11; Bunea, 2012: 65, 152). On 3 May 1742, Nicolae Pop Balomiri and Matei from Armeni were appointed by the Greek-Catholic Synod to ask the Micu-Klein to present to the people the second Leopoldine Diploma (Bunea, 1900: 151; Bunea, 2012: 162; Bodale, 2012: 392). A year later, in 1743, Balomiri sent his superior, Micu-Klein, an informative note regarding confessional problems in Romos and Turdaș, villages on whose behalf he ask for, the following year, the emission of acts from the Aulik Chancellery of Transylvania (Stanciu et al., 2009: 188, doc. nr. 65, foto 0321-0322).

There are several relevant events recorded in 1744 in the district Orăștie, which was superior to the Archiepiscopate of Balomiri. This was the year of the anti-Unionist movement, successfully led by Visarion Sarai in the areas of Hunedoara and Orăștie. After numerous complaints from the United clergy under his supervision, the Protopope Balomiri decided to ask the army to intervene. General Theobald von Czernin sent a lieutenant and four soldiers to calm the local people. In one case, on the 24 November 1744, Balomiri had to request the help of additional armed forces against the judge of Șibot village, who had occupied the church, removed its ornaments, dug under the building and replaced the soil for purification, and appointed an Orthodox priest, who had taken the holy orders “beyond the mountains”, to replace the Greek-Catholic one. This is just one example for the events happening in Transylvania at that time. Although Balomiri had received promises from the inhabitants that the church would be protected, he warned that without drastic actions, United priests in the area of Orăștie would be expelled (“*Hic uniti sacerdotes subsistere non valemus*”) (Lupaș, 1943: 216-217; Săsăujan, 2002: 226). It seems probable that he was using the opportunity presented by these events to demonstrate his courage and skills in managing a crisis situation to Micu-Klein.

A map from 1739, representing Balomir village, where the Protopope's House was established, represents an important source document, because it illustrates certain realities of the medieval period (Image 1/1) which no longer existed shortly after this time, because the village was moved in 1769–1773. The place of the old village is marked by the toponymal *Satu Vechi*, where the archaeologists identified a medieval locality known under the name of *Polgradia* (Popa, 2011: p. 406, 417, 420, 423, 441, 488-489, 673, nr. 8, fig. 51/1, pl. 190-191) (Diagram 1/2). The map shows a stone medieval church in the neighbourhood of the market. On the right upper corner there is a big court with an entrance gate situated between two buildings facing the main street. A possible noble curia may be represented by a very close second building. It is here we can locate the Protopope's House and the possible house of the protopope Nicolae Balomiri (Popa, 2011: 442, 473, 562, fig. 51/4; 58).

The hierarchical position in the Archiepiscopate, later in the United Church from Transylvania – through the position of general vicar during Inochentie Micu-Klein's exile –, is, in our opinion the results of his appurtenance to the class of the nobility in Transylvania. The name used often in documents, *Nicolaus Balomiri/Balameri*, suggests his noble rank, probably Armalist, as Francisc Pall observes, sometimes translating the name as *Nicolae Pop of Balomir* (Pall, 1997a: 67).

“I appoint as general vicar the much respected Nicolae Pop ...” From the Protopope to the Greek-Catholic General Vicar (1747–1748)

The confessional dissensions of 1744 in Transylvania led to the exile to Rome of the Greek-Catholic Bishop Inochentie Micu-Klein. An ongoing correspondence began the following year between the bishop and Nicolae Pop Balomiri. During the first year of Micu-Klein's exile, his letters from Rome show a relationship of trust between the two clergy men (Prodan, 1998: 213). The first letter is dated 23 March 1745 and the bishop writes that he works “day and night in Rome for his poor abandoned nation” (Prodan, 1998: 213; Stanciu et al., 2009: 132, nr. doc. 99). After a while, another letter, dated 10 September 1745 (Pâclișanu, 1924: 28, XII; Ghitta, 2007a: 185), shows the bishop's desire to prepare his comeback as head of his Church, through a Synod which was destined to read the letter of excommunication of the Jesuit Josephus Balogh. About a year after this, in a letter from 19 November 1746, the Protopope of Balomir and the Protopopes Avram Pop of Daia and Gheorghe Dimandi of Juc are tasked with making informative notes for Rome on the activities of Petru Pavel Aaron, Vicar of Blaj, who replaced Micu-Klein (Hurmuzaki, 1900: 158; Pâclișanu, 1923: 158; Pâclișanu, 1924: 56-57, XXII; Pall, 1997a: 65; Chindriș, 2005: XXI-XXII; Chindriș, Iacob, 2007: 27-29; Dobrei, 2010: 57). On 17 December 1746, Micu-Klein wrote a letter to Balomiri motivating the halt of a synod

convoked by (Pâclișanu, 1923: 158; Pâclișanu, 1924: 61, XXVIII). The next spring, the letter from 9 April 1747 bears witness to the bishop's Petru Pavel Aaron hatred of Aron and his Jesuit supporters (Pâclișanu, 1923: 158, nota 2; Pâclișanu, 1924: 65-66, XXXIV; Chindriș, 2005: XXII, nota 133; Chindriș, Iacob, 2007: 30, nota 133; Stanciu et al., 2009: 157, doc. 150, foto 027-029). The entire correspondence is a mirror for the tensions growing within the Transylvanian United clergy, the pontifical environment and the Austrian administrative authorities, justifying the inevitable events to come.

In the context of the bishop's exile, in the villages of Balomir Archiepiscopate, the common people were agitated, demanding the return of Inochentie Micu-Klein as bishop if they were to switch to the Greek-Catholic confession (Pall, 1997a: 54, nota 3). In the neighbouring Archiepiscopate, the Romanians around Sebeș were pressured by the Transylvanian Saxon inhabitants to switch to the United Church lest they be "invaded by Germans, who will take their skin off the bodies and cut them in pieces" (Lupaș, 1943: 226). Nicolae Pop Balomiri did everything possible to keep the villages around him within the Union. We know, for example, that on 16 April 1747 he issued a permit to the Orthodox priest Vasile to continue religious services for two days in a United church in Orăștie, under the obligation that eventually the priest would join the United Church (Pall, 1997b: XVIII, 212, 315; Miron, 2004: 481; Stanciu et al., 2009: 167, doc. 180).

The Greek-Catholic confessional elite responded in various ways to the situation caused by Inochentie's exile. Most of them (Grigore Maior, Silvestru Caliani, Gheorghe Pop from Dobra, Ioan Săcădate, Gheorghe Timandi and others), as supporters of the national programme, remained faithful to the exiled bishop, led by the Protopope Nicolae Pop Balomiri, as Micu-Klein wanted. On the other side, Petru Pavel Aron's supporters were highlighting the compromise reached with the United Transylvanians regarding intent to gain rights as a nation (Câmpeanu, 2009: 191-200). Taking another point of view, Stanciu suggests considering Balomiri, together with Marsinai, the manager of the Archiepiscopate, as distinct from both parties (Stanciu, 2012: 230-231). It is clear that Balomiri's trustworthiness was repaid through his appointment as general vicar after Inochentie Klein proclaimed the apostasy of the functioning vicar, Petru Pavel Aron. Balomiri's new position was declared in a decree issued by Inochentie on 25 August 1747, enumerating the responsibilities of the role, including hearing and deciding upon problems related to religious matters, establishing new parishes, appointing new priests to available positions and executing the bishop's orders (Bunea, 1900: 223, 225; Pâclișanu, 1924: 99-101, LVI-LVII; Stăniloiaie, 1973: 92-93, 95; Bârlea, 1983: 87; Mureșanu, 1996: 139; Pall, 1997a: 97-99, 240; Pall, 1997b: 291-292; Prodan, 1998: 214; Damsa, 1994: 132; Chindriș, 2005: XXIII; Chindriș, Iacob, 2009: 31; Stanciu et al., 2009: 47, 165, nr. doc. 174, foto 0001-0004; Dobrei, 2010: 58; Stanciu, 2011a: 222, 225; Bunea, 2012: 215-216). The newcomers from the school of Rome, Silvestru Caliani and Gregorie Maior, were solicited by the exiled bishop to support Balomiri (Pâclișanu, 1923: 161; Pâclișanu, 1924: 96-97, 101, LV, LVIII). An eloquent fragment from his letter to Caliani states, "I have expelled Petru Aron from his position because he is incorrigible; I have suspended him from the holy orders and excommunicated him. I commend his canonical avoidance. I appoint as general vicar the much respected Nicolae Pop, Archdeacon of Balomiri; I commend you to leave in his hands everything related to execution and information" (Albu, 1983: 205). In parallel, Inochentie sent another two letters, one to the Greek-Catholic clergy and the other to Petru Pavel Aron (Bunea, 1900: 223).

For the safety of their correspondence, Bishop Inochentie asked Balomiri to send any letters to the address of the Rector of the Church Madonna del Pascolo (Bunea, 1900: 226, nota 1; Pall, 1997a: 151). Letters dated 9 and 30 September 1747 show the help Inochentie needed in his daily life, for example, asking Balomiri to do everything possible to stop the new Ruthenian bishop passing over the authority of Făgăraș diocese (Bunea, 1900: 227; Bunea, 2012: 217). Following a meeting where a number of protopopes gathered in Sebeș in August 1747, on the 12 September, in Daia Română, Petru Pavel Aron was suspended from his position as vicar, a decision presented to him by Nicolae Pop Balomiri and the Protopope Dragoș of Turda (Pall, 1997a: 110; Stanciu et al., 2009: 170, doc. 188). The same participants on the same date inscribed a letter to Inochentie asking him not to renounce his role and return soon. The letter was signed, among others, by Nicolae Pop Balomiri, under the name *Nicolaus Pop archidiaconus Ballamirensis* (Pall, 1997a: 110-111; Pall, 1997b: 304-305; 320, nota 5). By the end of September 1747, correspondence between Nicolae Balomiri and Inochentie reveals the bishop's desire for a church of peace because "God will soon send his defender" (*jam Deus mittet defensorem*) (Bunea, 1900: 227). The exiled bishop was clearly living with ongoing faith in better times to come, and that his return to Transylvania is only a matter of time.

Appointed as general vicar, Nicolae Balomiri became the second-highest authority in the religious hierarchy, though unrecognised by the Court of Vienna, a problem which spread agitation through the Austrian administration as well as within the United Church (Bunea, 1900: 231-232; Bunea, 2012: 221). In practical terms, the situation meant that Transylvania had three heads of the Greek-Catholic Church, none of them functioning (!) (Miron, 2004: 120, 94; Chindriș, Iacob, 2009: 32). Under these circumstances, a rapid and durable solution was required.

After hearing on 4 October 1747 about his imminent excommunication and replacement by Balomiri (Pall, 1988: 313; Pall, 1997b: 316), Aron informed Haller, the Governor of Transylvania, of his dismissal the following day (Pall, 1997b: 319). Within a short time, Haller had informed Empress Maria Theresa of the situation, mentioning the imminent convocation of a Synod in Blaj with the aim of announcing the dismissal Aron (Stanciu et al., 2009: 167-168, nr. doc. 181). On 18 October, Balomiri communicates to Governor Haller that he only desires the peace of the nation (Stanciu et al., 2009: 168, nr. doc. 182). Hurrying the procedure

along as much as possible, between the 8 and 19 October 1747 Nicolae Pop Balomiri convoked a synod ("săborul cel mare") in Blaj, without informing Aron, (Pâclișanu, 1924: 106, LXIV; Ghitta, 2007b: 54; Stanciu et al., 2009: 169, nr. doc. 186, foto 0014-0026). A letter sent by Balomiri to Protopope Lațcu of Colun states clearly that refusal to participate was punishable with suspension from the holy orders (Miron, 2004: 110, nota 192; p. 173, nota 95). This reflects the importance given to the meeting by the "party" dedicated to Micu-Klein. The synod lasted three days (19–21 October), and was "required by the absolute necessity of the clergy". After the end of the religious service, Balomiri gathered all the protopopes in the church to read them the letter announcing the appointment of the new general vicar. In spite of unjustified reservations, the synod (with three exceptions) recognised Balomiri as general vicar and, first of all, as the representative of Inochentie Micu-Klein. A solemn vow followed the meeting. A delegation, formed of Nicolae Balomiri and the Protopopes Gheorghe of Dobra and Maniu of Ormeniș were tasked with informing the Governor of Transylvania about the synod's decisions. At the same time, following the wishes of the exiled Inochentie, Balomiri was to send Inochentie 200 florins, part of the requested sum resulting from donations from the priests gathered for the synod. In a letter dated 19 October, Balomiri informed the bishop-in-exile of the synod's decisions and asked him not to renounce his role as bishop (Bunea, 1900: 225-226; Iorga, 1902: 244; Pâclișanu, 1923: 162; Pall, 1997b: 324; Chindriș, 2005: XXIII). An important step in this process was the sending of a delegation headed by Protopope Gheorghe of Dobra to Vienna with a memorandum asking for the return of the exiled bishop to his diocese (Pall, 1988: 315; Pall, 1997a: 114).

Balomiri's appointment as vicar did not receive governmental or papal acceptance. Aron made complaints to the imperial court, accusing the protopopes, especially Balomiri, of betrayal (Micu, 1995: 295r; Stanciu, 2011a: 227, nota 130). Balomiri, together with Protopope Ioan Dragoș of Turda, read the act of revocation to Aron (Stanciu et al., 2009: 168-169, nr. doc. 184), a fact that was interpreted as amounting to a coalition with the schism; the approval given to an Orthodox priest to preach in a Greek-Catholic church in Orăștie was considered supplementary proof of this (Stanciu et al., 2009: 47, 167, doc. nr. 180). Balomiri's situation was subject to a firm position from the Habsburg authorities, Dr Nilles calling him a "pseudo vicar" and, more serious, an "apostate priest" and a "betrayed" (Nilles, 1885: 593-594, 600). Aron's excommunication produced agitation among United believers (Pall, 1997b: 328), showing that opinions on his appointment were in fact divided. Empress Maria Theresa, without any authority in the field, tried to obtain a solution from Rome, sending a letter to the Papal Nuncio, Serbelloni, expressing her concern about the split of the United Church in two parties, the biggest and the most influential under the leadership of Nicolae Pop Balomiri (Bunea, 2012: 227). As a last solution, Aron was appointed an *apostolic vicar*, a position unknown to the Romanians (Stăniloae, 1973: 103-104; Damsa, 1994: 134), with the intention of returning his lost authority to him.

As part of the same strategy, on 18 November 1747, Serbelloni sent Balomiri a letter, asking of him "*abstinence from the exercise of the position of vicar and recognition of the apostolic vicar!*" (Pall, 1997a: 116; Pall, 1997b: 346; Chindriș, 2005: XXIII). Balomiri replied with a negative answer, invoking his vow to Inochentie and the fact that recognising Aron as an apostolic vicar would lead to the ruin of the union for "the uneducated poor people" (Bariț, 1993: 437; Pall, 1988: 317; Pall, 1997a: 116; Pall, 1997b: 400-401; Miron, 2004: 120, 95).

After the appointment of Aron as apostolic vicar, Balomiri fell completely into disgrace. In a letter to Serbelloni, Petru Pavel Aaron presented details undermining Balomiri (Pall, 1997b: 367-368). In the middle of December 1747, the Aulik Deputy for the Transylvanian Problems, together with the Aulik Chancellery of Transylvania, decided, in a common act, to investigate the main accused regarding the delicate situation of the Greek-Catholic clergy. The inquiry into Nicolae Pop Balomiri, S. Caliani and Gr. Maior took place on 15 December 1747, before Governor Haller, the Jesuit Pallovcis and Aron (Pall, 1988: 319; Pall, 1997a: 117, 375-384; Ghitta, 2007a: 185; Ghitta, 2007b: 54-55; Stanciu et al., 2009: 171, nr. doc. 191; p. 173, nr. doc. 196, foto 0150-1053). As a last line of defence, Balomiri tried to highlight the aspect of a compromised Union in a letter to Serbelloni, written from his residence in Balomir on the 18 December 1747 (Pall, 1997b: 400). Throughout this period, confusion reigned throughout the entire Greek-Catholic community. Vicar Aron also wrote to Serbelloni, on 20 December, complaining that Balomiri and the Basilithan monks were still refusing to recognise him as the apostolic vicar (Pall, 1997c: 5).

Events from the beginning of 1748 can best be described by the remaining correspondence. We know that in February 1748 the connection between Balomiri and Micu-Klein still continued, in disregard of the interdictions imposed by the Austrian authorities (Stanciu et al., 2009: 174, nr. doc. 200, foto 0531-0538). We also know that around the same time, Balomiri was cooperating with the United Ruthenian Bishop Manuel Olsavszky, promising a general improvement in the situation of the churches in the south of Transylvania (Stanciu et al., 2009: 174, nr. doc. 202, foto 0042). The "Balomiri" case continued to remain a concern to the Austrian authorities: the Aulik Deputy for Transylvanian Problems and the ministerial conference drew attention to the unstable situation of the United diocese, issuing a series of measures intended to help the situation, while accusing Inochentie Micu-Klein, Balomiri, Caliani and Maior of responsibility for the situation (Pall, 1997c: 46-51; 54; Stanciu et al., 2009: 175, nr. doc. 203, foto 0076-0099). The meetings reached their point of highest intensity at the ministerial conference on 2 March 1748 (Stanciu et al., 2009: 175-176, nr. doc. 204-205).

In an attempt to resolve the situation, at the request of Empress Maria Theresa, a general synod met in Sibiu from 15–17 May 1748, with the intent of “excluding Protopope Balomiri” due to “his greater devotion to the bishop than to the papacy”. The undertakings of this synod were very important in terms of the decisions and the firm position of the United protopopes. Some of the topics debated included Bishop Inochentie Micu-Klein’s return from exile to Blaj, Equality between the Romanian United Church and the Roman-Catholic Church, Recognition of the Romanian nation, and the ability of Romanian noblemen to access administrative functions. The creation of a memorandum to be sent to Vienna outlining these problems represents one of the most important acts of Transylvanian Romanians in the fight for national emancipation (Bârlea, 1983: 91-92; Prodan, 1998: 217-218; Chindriș, 2005: XXV; Chindriș, Iacob, 2009: 35-36; Bunea, 2012: 232). However, for Balomiri, the synod in Sibiu was the nail in the coffin for his career as a high-ranking Greek-Catholic clergyman. The accusations brought to him and the lack of support from some protopopes forced Balomiri to announce his abdication, at the conclusion of a long speech (Ghitta, 2007a: 193; Ghitta, 2007b: 59; Dobrei, 2010: 59-60) which happened at the same time as Petru Pavel Aron’s appointment as vicar by the clergy and by the exiled bishop (Miron, 2009: 79; Stanciu et al., 2009: 183, nr. doc. 222, p. 185, nr. doc. 229, p. 186, nr. doc. 230; Bunea, 2012: 244).

Due to the fact that Nicolae Pop Balomiri was not well thought of by Empress Maria Theresa, she attempted to resolve the situation as quickly as possible, asking Balomiri to present himself in Vienna. The Empress’s hostile attitude towards him was observed in an eloquent manner in the text of a letter dated 28 March 1748, in which Maria Theresa communicated to Bishop Olsavszky the need to bring Balomiri, Caliani and Maior to Vienna, under threat of imprisonment for refusal (Damșa, 1994: 136; Stanciu et al., 2009: 180, nr. doc. 215, foto 0100-0109). Later, a decree issued in May 1748 does not recognise the position Inochentie Micu-Klein was appointed to (Bunea, 1900: 247). Ironically, Balomiri was supposed to be a member of the 1748 deputation to Vienna presenting the memorandum outlining the grievances of the United clergy of Transylvania. He was replaced by Protopope Gheorghe Pop of Dobra (Dragomir, 1920: 197; Pall, 1988: 328; Pall, 1997a: 130, 138; Pall, 1997c: 91, nota 2; Stanciu et al., 2009: 182, doc. nr. 219).

The Apostasy (1748)

For Balomiri, Vienna was transformed from a capital of hopes into one of disillusion. His ego wounded, he left the religious union (Miron, 2004: 174). Disappointed and hunted by the authorities, he also left Transylvania, crossing the mountains via one of the illegal hidden passes, choosing to exile himself in Wallachia, together with some of the supporters of his cause. In the opinion of some historians, this took place at the end of May or early June 1748 (Bârlea, 1983: 92), while some researchers suggest August as the month of his exile (Bunea, 1900: 249) and others even autumn of the same year (Lupaș, 1918: 118). The text of an inquiry into Ion Chirilă from Sibiu shines light upon two important aspects related to the time and the place of Balomiri’s exile. It is interesting to mention that Chirilă was accused of carrying Orthodox religious books printed in Râmnic into Transylvania (!) (Stanciu et al., 2009: 199, nr. doc. 255, foto 0051-0060; p. 208-209, nr. doc. 272). In the course of the interview, Ion Chirilă affirmed that he met Balomiri in Râmnic on Pentecost Day and spoke to him. Ioan Maxim, an inhabitant of Sibiu also under investigation, confirmed the meeting between Balomiri and Chirilă, recalling the existence of a letter instigating against Aron and for Balomiri (Stanciu et al., 2009: 201-202, nr. 258, foto 0100-0107). Thus, the two inquiries help us to reconstruct an otherwise unknown path for Balomiri’s flight to exile. He passed first through Oltenia, arrived in Râmnic and spent some time in the egumen’s Monastery in Curtea de Argeș, where he probably received his Orthodox mission. Whereas in 1748 the Pentecost Day was on May 22, we believe that Balomiri left Transylvania in May. This is also because on 7 June and again on 28 June, the Court of Vienna chastises the Governor for lack of vigilance at the borders (Stanciu et al., 2009: 186, nr. doc. 232). In the end, Balomiri, just like Micu-Klein who appointed him as vicar, was to suffer the bitter taste of exile (Bariț, 1993: 437; Dragomir, 1920: 177-178, 198; Pall, 1997a: 138-139, 241; Pall, 1997b: 386, nota 39; Pall, 1997c: 90, 93).

One of Balomiri’s duties during his short mandate as vicar was to attract Orthodox clergy toward the United Church, and we have evidence of four Orthodox bishops switching to the Greek-Catholic Church: Toader from Orba, Onul and Ion from Băla and Nicula from Iarcea (Laslo, 2000: 118; Dumitran et al., 2009: 132, 184, 186). Paradoxically, all Nicolae Pop Balomiri’s actions after the summer of 1748 would be anti-Unionist missions, intended to weaken the United Church and to bring about the return of the Romanian population of Transylvania to Orthodoxy. The level of anti-Unionist movements generated by Balomiri’s exile was even greater than that caused by the sermons held by Visarion Sarai (Chindriș, Iacob, 2009: 37). For Balomiri, switching to Orthodoxy was in fact a *return* to this confession (Nistor, 2002: 583; Dobrei, 2010: 60). Even though he was born in an environment deeply affected by Greek-Catholicism, he belonged to a group of theologians from Blaj who were previously Orthodox priests.

In 1750, when the Habsburgs met again to discuss the consequences of Balomiri’s actions, Governor Haller represents him as an ambitious man who likes to order, but never to listen: “*Acta enim omnia illius satis ostendere, inquietum ingenii hominem fuisse, qui praeesse semper, non parere cupiebat, et ideo etiam profugit, quod alter vicarius apostolicus declaratus, ille vero renunciare coactus fuerit. Vereri ergo eundem, qui jam in juventute majora ambiit, Graecumque etiam fermentum jam imbibit, in Transylvania vix contentum futurum, qui forte superioribus continuo negotium facesseret, imo plebeculae venenum propinaret*” (Bunea, 2012: 233, nota 352). A. Bunea considers that Balomiri’s act of abandoning the Union is

generated by this attitude and by the attempt to bring Micu-Klein back to Transylvania through spurring agitation among United believers (Bunea, 1900: 248; Bunea, 2012: 233).

The Orthodox Archimandrite at the Monastery of Curtea de Argeș (1750–1764) and a new name: Nichifor Balomireanul

Nicolae Pop Balomiri switched to Orthodoxy, probably when he took refuge in Râmnic in June 1748. We believe that he was solicited to occupy a position in the monastery in Curtea de Argeș, where he became Father Superior and Archimandrite. He made his pledge of monkhood under the name Nichifor Balomireanul (Ionescu, 1893: 4; Hurmuzaki, 1900: 173; Bunea, 1900: 252; Iorga, 1908: 130; Iorga, 1932: 127; Bodogae, 1944: XXIII, nota 3). Tradition mentions his exile together with his relatives and supporters, establishing a new location in Ungureni hamlet, near Flămânzești village, close to Curtea de Argeș (Mateescu, 1909: 7, nota 3). N. Iorga asserts that Balomiri was accompanied across the Carpathians mountains by his administration, a fact that is unverified (Iorga, 1969: 60).

In October 1748, Balomiri, playing the last card in his already exhaustive diplomatic game, reached Moldavia and from there continued to Russia, probably in 1749 (Hurmuzaki, 1900: 171; Dragomir, 1920: 198; Ionașcu, 1943: 365; Bezviconi, 1962: 146; Pall, 1997b: 386, nota 39). At that time, the confessional conflict in Transylvania expanded beyond its borders to Wallachia, where the Protopope Brașov also took refuge. Balomiri was received for an audience with the Russian Empress, Elisabeta Petrovna, daughter of Peter the Great. Some erroneous opinions state that this meeting took place in [Santkt] Petersburg (Hurmuzaki, 1900: 172; Iorga, 1932: 127; Lupaș, 1933: 301; Bezviconi, 1962: 145-146; Iorga, 1969: 60; Popa-Andrei, 2009: 148 și nota 65). The place was in fact clearly confirmed in the translation of a letter sent by Elisabeta to Vienna: “We found out here, in Moscow...” (Bariț, 1993: 724). Complaining about his former situation in Transylvania, Nicolae Balomiri confessed to the Czarina, laying blame at the feet of the religious proselytism of the United Church. Presenting the privileges gained by the Orthodox from the Calvinists, Balomiri asked, among other things, for the establishment of a non-United bishop in Transylvania (Ionescu, 1893: 3; Hurmuzaki, 1900: 172-173; Iorga, 1902: 248; Iorga, 1916: 140-141; Lupaș, 1918: 118-119; Dragomir, 1920: 178; Meteș, 1936: LXXXIV; Ionașcu, 1943: 366; Albu, 1983: 212; Bârlea, 1983: 92; Chindriș, 2005: XXV; Buzalic, 2006: 84). As an immediate reaction to Balomiri’s confession, a diplomatic intervention was made in 1750 by Empress Elisabeta to Mihail Petrovici Bestuzev-Riumin (Pretlach, in the opinion of other sources), the Russian Ambassador in Vienna (Iorga, 1917: 149-150; Stanciu et al., 2009: 231, nr. doc. 314; Câmpeanu, 2009: 199; Stanciu et al., 2009: 54; Stanciu, 2011a: 229), presenting Balomiri’s requests (Bariț, 1869: 273-274; Soloviev, 1963: cartea XII, tom 23-24, p. 55-56) (annex 1). The Russian Ambassador was given a tough mission, but nevertheless, he asked for details from the Court of Vienna, showing interest in Transylvania’s Orthodox population. Vienna issued an official answer (Stanciu et al., 2009: 233, nr. doc. 314). Meanwhile, in Bucharest, as mentioned in a letter from the Franciscan Iosef Michaud, Nicolae Pop was planning “an affair” in Constantinople as well (Bunea, 1900: 252; Bunea 2012: 235), probably with the intent to submit to the Orthodox Patriarchy a complaint similar to that presented in Moscow.

Some historians consider Elisabeta’s actions, spurred by Balomiri’s intervention, as interference from Russia in the ethnical and confessional politics of Transylvania. At her own expense, the Russian empress built the Church of St. Nicolae in Șchei (Brașov) (Bariț, 1869: 273; Iorga, 1932: 127); some historians believe that Balomiri insisted on this matter, too (Nistor, 2002: 583). After 1746, Elisabeta asked for the protection of Transylvania’s Orthodox population; S. Dragomir asserts that Balomiri played a decisive role in encouraging Russian involvement in this matter (Dragomir, 1920: Popa-Andrei, 2009: 148, nota 65). On one hand, the Russian intervention is seen as the greatest support given to the Transylvanian Orthodox, together with that from Karlowitz (Ionescu, 1893: 3-4). On the other hand, Gh. Bariț calls it “Russian intervention in the religious affairs of the Romanians from Transylvania”, associated with the Serbian intervention and leading, in the end, to the deterioration of the Transylvanian Orthodox community (Bariț, 1869: 273). The same year, another line of action took place, involving the Orthodox believer Nicolae Oprea from Săliște sending petitions to Vienna (which were refused by the Austrian authorities) asking for the protection of the Russian Ministry in Vienna (Lupaș, 1927: 265; Popa-Andrei, 2009: 147, nota 62). For his assumed role as representative of the Romanian Orthodox in Transylvania and due to his relations with Russia, Nicolae Oprea was arrested and imprisoned (Popa-Andrei, 2009: 148).

Balomiri’s gesture came as a continuation of an older practice. Before him, two Orthodox metropolitans from Transylvania, Iorest and Sava Brancovici had, in the seventeenth century, complained to the Russian court (Bunea, 1910: 154). Practically, when solutions for the Orthodox complaints were not forthcoming, Russian support had been requested (Popa-Andrei, 2009: 148). Returning to the period under discussion, in 1758, an Orthodox priest, Popa Iuon from Aciliu, escaped to Russia, causing the authorities to fear a massive migration of the Transylvanian Orthodox population to Russia. The monk Nicodim arrived in Russia in 1757 and asked Elisabeta to annex the Transylvanian Orthodox Church to the Holy Synod of the Russian Church (Ionașcu, 1943: 368-381; Lupaș, 1927: 265; Săsăușan, 2002: 193-194). The Ulfeld report, issued by the Austrian authorities in 1758, was a consequence of these actions and highlighted the need for the truth about Transylvania to reach Russia, because Orthodox Transylvanians had a different statute, being tolerated, unlike other schismatic groups in Hungary, bearing rights not granted to other countries (Bunea, 1902: 140-147).

In reality, due to Russian influence, one of the two decrees Empress Maria Theresa issued on 7 November 1750 (not published for Romanians until 1759) shows the religious tolerance of the Empress, through allowing the free practice of the Orthodox cult in churches in the south of Transylvania (Bunea, 1900: 253-255; Lupaş, 1918: 120-121; Săsăușan, 2002: 165, 170; Bunea, 2012: 236-238). The second decree issued by Maria Theresa illustrates a hidden plan of the Viennese court: a Jesuit plot to attract Balomiri to Transylvania for incarceration, with a reward of 200 gold coins for his capture (Hurmuzaki, 1900: 173-174; Bunea, 1900: 253; Lupaş, 1918: 119; Dragomir, 1920: 207; Ionaşcu, 1943: 366; Albu, 1983: 211; Dobrei, 2010: 62; Bunea, 2012: 236-237). This plan is also presented in a note from the Aulik chancellery dated December 1750 (Stanciu et al., 2009: 237, nr. doc. 321). Every aspect of the plan was carefully prepared such that relations with Russia would remain safe. The Machiavellianism of the plot is underlined in a resolution from a conference in Vienna occasioned by the letter of the Russian empress, the text being synthesized by Gh. Bariţ as follows:

A rescript should be issued for this matter, to permit the Transylvanian Governor to respond with the enumeration of all the many outlaw acts committed by the non-United Romanians [...] the Governor must fiercely prevent Balomiri or his allies gaining access to such secret documents. On the contrary, the protectors of the Union must do everything possible to capture Balomiri or at least his correspondence (Bariţ, 1869: 273-274; Ionescu, 1893: 3-4; Bariţ, 1993: 437).

In spite of all this, the former vicar was not betrayed.

Balomiri's thoughts and actions immediately after his decision to escape Transylvania were full of intimidation and revenge. At the same time, similarly to the bishop in Rome, he thought that putting pressure upon the Transylvanian authorities and menacing those Romanians returning to Orthodoxy would produce results that would help him and Inochentie to return in Transylvania. In fact, Balomiri was acting according to the promise made to Bishop Micu-Klein in 1744 at the synod in Blaj. The authenticity of the menace is doubtful, playing a role in the suppositions related to the "Orthodoxy" of the bishop Micu-Klein, who, in fact, proved to be a better Catholic than his followers in the position of bishop (Nedici, 2013). The maintenance of the Eastern (Byzantine) rite by the Greek-Catholics was constant in this confession, with one inconsistency related to the Latinity in the understanding of the dogma. In his scenario, Balomiri based his actions partially on a mass migration of Transylvanian Romanians to Wallachia. This would have been a good opportunity to put supplementary pressure on the Austrians to accept Inochentie Micu-Klein's return from exile (Bunea, 1900: 251). However, the decision was not a consequence of anti-Unionist movements, such as the movement initiated by Visarion Sarai, as Şt. Meteş affirms (Meteş, 1971: 158). We mentioned above the episode in 1744, when Balomiri himself asked for the intervention of the army to calm tensions in his Archiepiscopate against the Orthodox.

A document probably dating from the summer of 1748, from the Transylvanian Aulik Chancellery to the Gubernia, flagged up that Nicolae Balomiri had left Transylvania for Wallachia. This communication came with the proposal that a replacement should be found most urgently. The Protopopes Avram from Daia, Gheorghe from Dobra, Zacharias Csóka Hunyadiensis, Basilius Fogorasiensis and Mány Órmény Szebesiensis were the authority's preferred candidates (Stanciu et al., 2009: 194, nr. doc. 250). The document demonstrates the Habsburg Court's desire to resolve the situation as quickly as possible.

During the first months of 1749, correspondence between the Aulik Council for War and General Platz shows the initiation of deliberate acts by Balomiri aimed at Transylvanian Romanians (Stanciu et al., 2009: 200, doc. 256, foto 84-87; p. 208, nr. doc. 271). Balomiri's departure from Transylvania provoked fresh confusion and anti-Unionist agitation among the masses, contributing, together with a lack of new clerical appointments, to a decrease in the number of United priests. The consequences of Balomiri's intervention in the Russian court generated, through the spreading popularity of the Russian Empress in Romanian villages, many pro-Orthodox reactions (Hurmuzaki, 1900: 173; Bunea, 1900: 252; Dragomir, 1920: 199-204; Pall, 1997a: 139, 169; Stanciu et al., 2009: 226, nr. doc. 309, foto 0306-0309). On 25 April 1750, Empress Maria Theresa complained about the state of the United religion in Transylvania ("the Union decreases day by day"). Aron, who was now firmly installed as Bishop, had no solution, although Balomiri was considered the main culprit, accused of apostasy and agitating the masses in Transylvania from exile in Wallachia (Bunea, 2012: 242, 248-249, annex II). The reformed Transylvanian clergy shared this perspective on the situation. In 1760, in his memoirs, the nobleman Gheorghe Rettegi notes the appointment of an Orthodox bishop of the "schismatic" Transylvanians, due to the influence of the Russian Empress following Balomiri's complaints (Sipos, 2007: 197).

Balomiri remained in Russia for more than a year, leaving on 17 November 1749 (Dragomir, 1920: 198). After his return from Moscow, the former Protopope and general vicar became Archimandrite and Father Superior of Argeş Monastery. He remained here between 1750 and 1764, taking the monachal name of Nichifor (Bariţ, 1869: 273; Ionescu, 1893: 4; Bunea, 1900: 252; Lupaş, 1918: 119; Dragomir, 1920: 207; Lupaş, 1933: 302; Ionaşcu, 1943: 366-367; Bârlea, 1983: 92; Dobrei, 2010: 62). He maintained a secret correspondence with his faithful supporters from Transylvania (Bariţ, 1869: 273), later stopped by the only efficient measure the Austrian court took against Balomiri (Dragomir, 1920: 207).

The consequences of his actions

From the group Micu-Klein appointed in Blaj as Balomiri's supporters, many men left the capital and some abandoned the Union. Daniil Marsinal (Marginai), an Armalist who took the path of Orthodoxy in the 1750s, followed the closest path to that of Balomiri. A nobleman, he was a member, as manager, of the Archiepiscopal Court, in the team of the former general vicar of Blaj, Balomiri. From Karlowitz, Marsinal instigated Transylvanian Romanians to appoint a non-United archbishop. (Stanciu, 2009: 169, 174; Stanciu et al., 2009: 49-50, 54; Stanciu, 2011a: 229; Stanciu, 2011b: 18-25; Stanciu, 2012: 231), T. Bodogae called him "a second Nicolae Balomireanul" (Bodogae, 1944: XLIII).

"The right hand of the Bishop" Inochentie Micu-Klein, as Fr. Pall calls him (Pall, 1997a: 169), was so discrete in the last years of his life that there is little information regarding his destiny. Information about him becomes harder to discover once his activities became more distanced from the Transylvanian desiderates. For example, there is no further information about the energy he spent in the field of confessional disputes between Transylvanian Romanians. His isolation is relative, most of the time a consequence of his departure from the forefront of the Transylvanian religious life, and the fact that his name is not frequently mentioned in local correspondence, unlike the Wallachian correspondence.

One of Balomiri's plans at the time he left Transylvania was for demographic destabilisation, with the Romanian population from the south of the Principality emigrating to the south of the Carpathians Mountains. He proposed a deal to the Wallachian ruler in which 16,000 Transylvanian Romanians were to be helped to pass over to Wallachia, in exchange for some assurances (Hurmuzaki, 1900: 170; Iorga, 1902: 248; Meteş, 1936: LXXXIV; Meteş, 1971: 159; Roman, 1971: 903; Prodan, 1998: 220; Stanciu et al., 2009: 200, nr. doc. 256; Dobrei, 2010: 62). The ruler refused for a while to endanger his relationship with the Habsburg House, being on good terms with the Catholics who had settled in Walachia (Hurmuzaki, 1900: 170-171; Albu, 1983: 207). Nevertheless, this attempt from Bucharest resulted in a written answer dated 14 May 1750, in which Balomiri receives approval from Grigore Ghica II for the Transylvanian Romanians who had made it to Wallachia to settle down on the territory without a landlord, to choose their own judge and to pay the local taxes (Dragomir, 1920: 89-90; Lupaş, 1927: 265; Ionaşcu, 1943: 366; Prodan, 1998: 220 și nota 80; Stanciu et al., 2009: 226, nr. doc. 309, p. 227, nr. doc. 311). There is no evidence for migration until the 1760s, when census calculations for 1761-1767 show a number of Transylvanian Romanians close to that proposed by Balomiri (Meteş, 1936: LXXXIV; Roman, 1971: 903). The establishment of border regiments in the south of Transylvania was a consequence of this situation.

Information about Balomiri's last years of life, exclusively from Wallachia, suggests a character willing to be appointed to an important position in the Orthodox Church and, at the same time, available to support the anti-Unionist movement in Transylvania. In 1763, he stood, without success, as a candidate for the position of Archbishop of Buzău, against Partenie, the Prior of Tismana Monastery and Cosma Popescu, the Protosinghellos of the Bucharest Mitropoly (Ionaşcu, 1943: 366, nota 2; Dobrei, 2010: 62). This was the year of his last hope of returning to Transylvania, where the Orthodox Romanians had managed to appoint an Orthodox Archbishop, the Serbian Dionisie Novacovici. The Archbishop of Râmnic, Grigorie Socoteanu, intervened on Balomiri's behalf, asking that he should be allowed "to return to his native land and people" (Dobrei, 2010: 62). The request was refused, and Balomiri remained in Wallachia.

A less important, though remarkable, fact is that Balomiri left no written work, given that even in his generation – that of the first theologians of Blaj – senior clergy typically left a series of works for the next generations. There is a possibility that an unsigned manuscript, written shortly after 1750 as a response to *Floarea Adevărului* by P.P. Aron, is, at least partially, the work of Balomiri, who was at that time arguably the party most interested (as recent refugee in Wallachia and "inside man") to respond to the work of the Transylvanian United Bishop. The manuscript was published by Teodor Bodogae, who mentions the difficulty of establishing its real author (Bodogae, 1944: II-XXXII). Some arguments support its authorship belonging to Balomiri, others argue against this, the most important from the last category being that the manuscript was finished around 1765 and the last year in which we have direct evidence for Balomiri's continued existence is 1764.

Nichifor Balomireanul remains in the collective memory of the Orthodox world. His name appears in 1763 in a rhymed chronicle signed by the Hieromonk Efrem of Prislop, who highlights Balomiri's closeness to Inochentie and how he was chased from Transylvania (Efrem, 1898: 2-5; Dobrei, 2010: 60). Priest Mihail Popovici from Banat, travelling in 1770-1771 in Russia, recollects Balomiri's actions with Czarina Elisabeta (Dobrei, 2010: 61). In 1773, several Wallachian noblemen make appeal regarding the historical memory of relations with the Russian Court, where good relations were established by two Transylvanian priests "decorated for their services by the Emperor": Nichifor Balomireanu ("Argeşanul") and Sofronie of Cioara ("Vieroşanul") (Dobrei, 2010: 63).

In Transylvania, after Balomiri left, the locality of Balomir had three United priests in 1750 and four in 1760-1762. As the conscription of the Greek-Catholic clergy of Petru Pavel Aron shows that year, Balomir lost its Protopope residence, which and moved to Vaidei (Josan et al., 1996: 77). An anathema written in 1752 with Cyrillic letters on an *Octoih* printed in Râmnic (1750) shows the existence of an Orthodox priest in Balomir named Popa Mihail (Dreghiciu, 1997: 374, poz. 28). The area Balomir village belonged to was subject to many anti-Unionist movements. Monk Sofronie was a native of Cioara village and a fervent activist against religious unification. It is also worth mentioning Nenadovici, who wrote in 1759, that "they had been fighting

the United fiercely like fighting wild animals for the last 15 years” (Bunea, 1902: 144-145). The petitions prove that these bad relations dated from before the beginning of the 1750s and were not strictly related to the anti-Unionist movements. Petru Dobra was appointed in 1744 as an inspector and “protector of the Union” (Lupaş, 1943: 225). In an attempt to temper these acts, an imperial order was issued in 1748 permitting the Orthodox believers in Orăştie district to preserve their confession if they were not willing to switch to the Greek-Catholic confession (*Serviciul Judeţean Alba al Arhivelor Naţionale, fond Mitropolia Greco-Catolică Română de Alba Iulia şi Făgăraş-Blaj. Arhiva generală. Acte neînregistrate, nr. 1/1748; Lupaş, 1943: 227*). Under the same Archbishopric, in 1757, the “schismatic priests” Stan and Toma of Cugir, Mihăilă of Şibot and Avram of Vinerea, during the agitation caused by the presence of Visarion Sarai in Transylvania, took the holy orders in “foreign provinces”, in Wallachia, or possibly even in Serbia (Bunea, 1902: 122).

The agitation produced by the movement of the priest Ioan from Aciliu spread through the former Archiepiscopate of Balomiri, where in 1758 the Romanian population took possession of the churches in Cugir, Şibot, Vinerea and Balomir by force (Bunea, 1902: 140). In the same year, the churches in Cugir and Balomir were retroceded (Bunea, 1902: 143). The scenario was repeated two years later, forcing the Empress Maria Theresa to admit that in some villages, Balomir among them, the masses, instigated by Sofronie of Cioara, had taken the churches from the United Church by force (Bunea, 1902: 176; Păclişanu, 1993: 33). In 1759, Ivan Demian and Mihul Băluş of Balomir forbade villagers from attending the church taken by the United Church from the Orthodox believers (Lupaş, 1944: 474, 483). Later, in 1767, another representative of Balomiri family is mentioned as priest in Balomir. His name is George (*Georgius Bálomeri*) and his name appears on the list of Orthodox priests, together with Mihai Samoilescu (*Samuel Balomiri*). The presence of his name in the registers of the School in Blaj in 1760 (Chindriş, 2005: LV, nota 437; Chindriş, Iacob, 2009: 106, nota 437) shows that he was also of the United Church. The names may reflect the passage of Balomiri family members to the Orthodox confession, beginning with Nicolae, although there did exist the same time several families with the same name, without connections to the family of the archbishop or connected to it only by alliance affinities. The case of the priest Mihai Samoilescu favours the last hypothesis, because although his last name was Samoilescu, he was later known as *Samuel Balomiri*, transforming the last name into a first name. We do not know if the priest George Balomiri, attested by the Greek-Catholic clergy in 1800 (Josan et al., 1996: 77, 226) is identical to the George mentioned in 1767 as family to another confession. We can only mention that during the eighteenth century, families called Balomiri were Greek-Catholic and became involved in prolific activity in the Transylvanian Saxon towns of Orăştie and Sebeş, being appointed to important administrative positions such as senator, imperial judge, mayor and so on.

In Transylvania, the actions of the former Greek-Catholic Protopope and Vicar Nicolae Pop Balomiri left their marks. The passage from one confession to another was clearly not a consequence of injustices and persecutions upon the Orthodox brethren, as Şt. Meteş proposes (Meteş, 1936: LXXXIV), ignoring the fact that Balomiri enlisted the help of the army to end the anti-Unionist movements in his Archiepiscopate. The internal fighting between Orthodox and United believers brought Russia into the fray. Balomiri played an important role in this through his direct intervention with Empress Elisabeth, pursuing a protectorate over Orthodoxy and the Transylvanian Romanians. The situation reached a level of tension the House of Habsburg had barely imagined possible and subsequently struggled to manage. Balomiri’s attitude was important in the events to follow, in that he was transformed from being a fervent supporter of the Union to the most active partisan within Orthodoxy. His refuge in Wallachia and his acceptance for an audience with the Russian Empress had the power to agitate the Romanians – Orthodox and Greek-Catholic believers alike (Bunea, 1900: 248-249; Miron, 2004: 174). For example, Nicolae Oprea from Sălişte, the Romanian Mandatory in Vienna for Romanians living in several districts in Southern Transylvania, was empowered by the Romanians in Orăştie to ask that they might be allowed to return to Orthodoxy (Bunea, 1900: 250, 261; Lupaş 1943, p. 241-252; Popa-Andrei, 2009: 147-148; Bunea, 2012: 234). We believe that Balomiri’s apostasy – which generated so much confusion and dissension, leading to the takeover and purification of churches by the Orthodox in the south of Transylvania through the exhumation of people buried by Greek-Catholic priests and their inhumation according to Orthodox rites (Bunea, 1900: 249; Bunea, 2012: 233) – may have been the starting point of a concerted anti-Unionist movement in 1751-1761 in this region. The migration of a significant number of believers to Wallachia led, without a doubt, to confessional and demographic destabilisation in Transylvania. As a result of these factors, and proving that the Austrian administration had finally given up, in 1761-1762, the Church of the Orthodox Romanians in Transylvania was officially recognised (Săsăujan, 2002: 72).

Those who had participated in Balomiri’s group in Transylvania suffered, over time, the consequence of their open political conflict with the authorities. Petru Maior, Gheorghe Cotore, Silvestru Caliani and Ioan Săcădate all suffered various consequences in 1764 for their attempt to reappoint Inochentie Micu-Klein as Bishop of Blaj (Câmpeanu, 2009: 199).

It is hard to find equilibrium in the confessional discourse upon Nicolae Pop Balomiri’s life and activity. Much depends on the provenance of the discourse. Resentments have taken the place of rigour in analysis of the facts, excluding from the Romanian pantheon an important member of the senior clergy, although, paradoxically, his destiny was intertwined with that of Inochentie Micu-Klein, whom he served devotedly until the end and whose plans he adopted, trying to bring about the exiled bishop’s return.

Nowadays, his actions as an apostate priest are seen from the perspective of his refuge in Wallachia; however, as his contemporaries observed, “if Visarion started the revolution against Union in the previous years, the next revolutionists were the main important members of United clergy, their protopopes” (Chindriș, Iacob, 2009: 33).

In reality, Balomiri played his best hand in the struggle undertaken by his generation for the recognition of the rights, often broken, of the Transylvanian Romanians during the period of the Habsburg domination. His complex personality has been evaluated erroneously from a confessional viewpoint. The moral rehabilitation of Protopope Nicolae Pop Balomiri is important, because he was not only a fighter for religion, but also a fighter for the Romanian nation. This reading of history is sustained by the activity of Balomiri’s family in the nineteenth century, who remained devoted to the Romanian cause, producing representatives such as Simeon Balomiri and Ioan Balomiri in who held posts in the Diet and in Parliament in Budapest (Salceriu, 1977: 594; Dănilă, 1996: 133). As one of the first generation of theologians from Blaj, fighters for the rights of the Romanians in Școala Ardeleană, Protopope Balomiri chose a different path in his last years of life, preferring not to be a privileged survivor. He chose instead to fight from the outside and change on the inside.

Annexe 1

An order given by Empress Elisabeth of Russia, to his ambassador in Vienna, following alerts from Protopope Nicholas Balomir (original in Russian):

«Явился здесь в Москве из Трансильвании протопоп Николай Баломири и в нашем Синоде подал прошение, что он прислан сюда от клира и народа трансильвано-волошского просить милостивой защиты православным христианам в нестерпимых бедах и гонениях, претерпеваемых ими за непринятие унии с римскою церковью. Из поданных им бумаг, к вам пересылаемых, вы увидите, что издавна и до самого царствования императора Леопольда они пользовались совершенною свободою относительно веры и отправления богослужения, имели собственных греческой веры епископов и священников без всякого ограничения и принуждения к унии; но вдруг явились от папы римского духовные особы под именем богословов, которые сделали распоряжения к приведению народа в унию, также и от нынешней императрицы об этом некоторые указы последовали. Вы, рассматривая все это, прежде всего обстоятельно наведаетесь, подлинно ли протопоп Баломири послан сюда от всего народа с просьбою о защите и точно ли трансильвано-волошский народ находится в таких обстоятельствах, как он объявляет, и если окажется, что подлинно, то вы можете надлежащий мемориал сочинить и подать министерству императрицы-королевы: в этом мемориале вы будете домогаться, чтоб они по-прежнему были оставлены в греческой вере без всякого притеснения. Вы обратитесь к справедливости и великодушию императрицы, укажите, что в ее областях, во всех государствах и в нашей империи находятся разных наций и религий люди и церкви и к перемене веры не принуждаются. Впрочем, отдастся на ваше благоусмотрение, подавать мемориал или объясниться устно»

(after Soloviev, 1963)

Literature

- Albu, 1983** – *Albu C.* Pe urmele lui Ion-Inocențiu Micu-Klein [In the Footsteps of Ion-Inocențiu Micu-Klein]. Bucharest. 1983.
- Badiu, 1943** – *Badiu I.* Un luptător pentru ortodoxie: protopopul Nicolae din Balomir [A Fighter for Orthodoxy: Protopope Nicolae from Balomir]. *Solia dreptății*. № 13-14. 1943.
- Bariț, 1869** – *Bariț G.* Documente pentru istoria eclesiastica a romanilor [Documents on the Ecclesiastical History of the Romanians]. *Transilvania*. № 22. 1869: 273-274.
- Bariț, 1993** – *Bariț, G.* Părți alese din istoria Transilvaniei. Pe 200 de ani din urmă [Chosen Sides from the History of Transylvania: 200 Years on End]. Vol. I. Ed. II. Brașov. 1993.
- Bezviconi, 1962** – *Bezviconi G.* Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse [Contributions to the History of Romanian-Russian Relations]. Bucharest. 1962.
- Bârlea, 1983** – *Bârlea O.* Biserica Română Unită și ecumenismul Corifeilor Renașterii culturale [The United Romanian Church and Ecumenism Coryphaeus Cultural Renaissance]. *Perspective*. № 3-4. 1983: 1-242.
- Bodale, 2012** – *Bodale A.M.* Câteva documente privitoare la istoria bisericească și la etnografia românească din Transilvania și Bucovina păstrate la arhivele din Viena (1675–1785) [Several Documents on the Church History and Romanian Ethnography in Transylvania and Bukovina from the Archives of Vienna (1675-1785)]. *Anuarul Muzeului Etnografic al Moldovei*. № XII. 2012: 357-408.
- Bodogae, 1944** – *Bodogae T.* Despre cunoștințele teologice ale preoților români de acum 200 de ani. Semnificația unui manuscris [On the Theological Knowledge of Romanian Priests 200 Years Ago: The Significance of a Manuscript]. Sibiu. 1944.
- Boicu, 1986** – *Boicu L.* Principatele Române în raporturile politice internaționale (secolul al XVIII-lea) [Romanian Principalities in International Political Ratios (Eighteenth Century)]. Jassy. 1986.
- Bunea, 1900** – *Bunea A.* Din istoria românilor. Episcopul Ioan Inocențiu Klein (1728-1751) [From Romanians' History: The Bishop Inocențiu Micu-Klein (1728–1751)]. Blaj. 1900.
- Bunea, 1901** – *Bunea A.* Statistica românilor din Transilvania în anul 1750, făcută de vicariul episcopesc Petru Aron [Romanian Statistics from Transylvania in 1750, gathered by Vicar Petru Aron]. Sibiu. 1901.
- Bunea, 1902** – *Bunea A.* Episcopii Petru Paul Aron și Dionisiu Novacovici sau Istoria românilor transilvăneni de la 1751 până la 1764 [Bishops Petru Pavel Aron and Dionisiu Novacovici or the History of Transylvanian Romanians History from 1751 to 1764]. Blaj. 1902.
- Bunea, 1910** – *Bunea A.* Desvoltarea bisericii românești [Development of the Romanian Church]. *Transilvania*. № 4. 1910: 145-162.
- Bunea, 2012** – *Bunea A.* Din istoria românilor. Episcopul Ioan Inocențiu Klein (1728–1751) [From Romanians' History: The Bishop Inocențiu Micu-Klein (1728–1751)]. Ed. II. Cluj-Napoca. 2012.
- Buzalic, 2006** – *Buzalic A.* Particularități în gândirea greco-catolică la jumătatea secolului al XVIII-lea [Properties of Greek Catholic Thought in the Mid-18th Century]. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historia* № 10/II. 2006: 71-92.
- Câmpeanu, 2009** – *Câmpeanu R.* Note la recitirea unei biografii: ambițiile nobiliare ale lui Inochentie Micu [Notes on Rereading a Biography: Inochentie Micu's Claims to Nobility]. *Anuarul Institutului de Istorie „George Barițiu”*. № XLVI. 2009: 191-200.
- Chifăr, 2007** – *Chifăr N.* Organizarea rezistenței ortodoxe și demersurile național-sociale ale episcopului Inochentie Micu-Klein [The Organization of Orthodox Resistance and the National and Social Demarches of Bishop Inochentie Micu-Klein]. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historia*. № 11/II. 2007: 68-92.
- Chindriș, 2005** – *Chindriș I.* Testamentul lui Petru Pavel Aron, studiu introductiv [The Testament of Petru Pavel Aron: Introductory Study]. Biblia Vulgata. Blaj 1760–1761. Vol. I. Bucharest. 2005: XI-LXXVIII.
- Chindriș, Iacob, 2007** – *Chindriș I., Iacob N.* Petru Pavel Aron [Petru Pavel Aron]. Blaj. 2007.
- Damșa, 1994** – *Damșa T.* Biserica greco-catolică din România în perspectivă istorică [The Greek-Catholic Church in Romania from a Historical Perspective]. Timișoara. 1994.
- Dănilă, 1998** – *Dănilă N.* Protopopul Petru Pop de Sebeș, un cărturar din prima jumătate a secolului al XVIII-lea [Archpriest Petru Pop of Sebeș, a Scholar of the First Half of the Eighteenth Century]. *Unirea*. № 7. 1988: 16-17.
- Dobrei, 2010** – *Dobrei F.* Protopopul Nicolae Pop din Balomir – repere biografice [Protopope Nicolae Pop Balomir: A Biography]. *Perspective istorice*. № 2. 2010: 56-63.
- Dragomir, 1920** – *Dragomir S.* Istoria desrobirii religioase a românilor din Ardeal în secolul XVIII [History of the Religious Abolition of the Slavery of Romanians in Transylvania in the Eighteenth Century]. Vol. I. Sibiu. 1920.
- Dreghiciu, 1997** – *Dreghiciu D.* Pagini din istoria învățământului în județul Alba, oglindite în însemnări de carte (sec. XVIII–XIX) [Pages from Education History in Alba County, Reflected in a Scrapbook (XVIII-XIX Century)]. *Apulum*. № XXXIV. 1997: 367-377.

Dumitran et al., 2009 – *Dumitran D., Dumitran A., Laslo F.-A.* “... virturi decreti tollerantiae beneficia clero Graeci restituenda ...”. Biserica românească din Transilvania în izvoarele statistice ale anului 1767 [The Romanian Church in Transylvania in Statistical Sources of the Year 1767]. Alba Iulia. 2010.

Dumitran et al., 2010 – *Dumitran A., Cucui E.D., Miha E., Pop S.F.* Iacov Zugravul [Iacov the Painter]. Alba Iulia. 2010.

Efrem, 1898 – Efrem. Plângerea Sântei mănăstiri a Silvașului din eparhia Hațegului din Prislop [Complaints from the Holy Monasteries of Silvaș in the Hațeg Diocese of Prislop]. *Foaia Diecesană*. № 15. 1898: 2-5.

Ghitta, 2007a – *Ghitta O.* Bishop Manuel Olsavszky and the Unrest in the Romanian Uniate Church of Transylvania (The Fifth Decade of the 18th Century). *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. № 11/II. 2007: 180-194.

Ghitta, 2007b – *Ghitta O.* Episcopul Manuel Olsavszky și Sinodul de la Blaj din 15–17 mai 1748 [Bishop Manuel Olsavszky and the Council of Blaj from 15 to 17 May 1748]: In Mitu S., Grăf R., Sima A.V., Cârja I. (eds). Biserică, Societate, Identitate. In onorem Nicolae Bocșan [Church, Society, Identity. Biserică, Societate, Identitate. In onorem Nicolae Bocșan]. Cluj-Napoca. 2007: 51-64.

Hurmuzaki, 1900 – *Hurmuzaki E.* Fragmente din istoria românilor [Fragments of Romanian History], Tom II. Bucharest. 1900.

Ionașcu, 1943 – *Ionașcu I.* Ieromonahul transilvan Nicodim în Țara Românească [Transylvanian Hieromonk Nicodim in Wallachia]. Omagiu lui Ioan Lupaș [Homage to Ioan Lupaș]. Bucharest. 1943: 365-385.

Ionescu, 1893 – *Ionescu P.* Istoria bisericii gr. or. române din Transilvania și Ungaria dela „unire” până la anul 1810 [Church Historian gr. or. Romanians in Transylvania and Hungary from the “Union” until 1810]. *Foaia Diecesană*. № 17. 1893: 1-4.

Iorga, 1902 – *Iorga N.* Sate și preoți din Ardeal [Villages and Priests in Transylvania]. Bucharest. 1902.

Iorga, 1908 – *Iorga N.* Istoria bisericii românești și a vieții religioase a românilor [Romanian Church History and the Religious Life of the Romanians]. Vol. I. Vălenii de Munte. 1908.

Iorga, 1910 – *Iorga N.* Știri despre veacul al XVIII-lea în țerile noastre după corespondențe diplomatice străine. II. 1750-1812 [News of the Eighteenth Century in our Countries Based on Foreign Diplomatic Correspondence. II. 1750-1812]. *Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice*. № XXXII. 1909-1910: 569-640.

Iorga, 1916 – *Iorga N.* Histoire des Roumains de Transylvanie et de Hongrie. II [History of the Romanians of Transylvania and Hungary. II]. Bucharest. 1916.

Iorga, 1917 – *Iorga N.* Histoire des relations russo-roumaines [History of Russian-Romanian Relations]. Jassy. 1917.

Iorga, 1932 – *Iorga N.* Istoria bisericii românești și a vieții religioase a românilor [Romanian Church History and the Religious Life of the Romanians]. Ed II. Bucharest. 1932.

Iorga, 1969 – *Iorga N.* Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea (1688-1821). II. Epoca lui Petre Maior – excursuri [Romanian Literary History in the Eighteenth Century (1688-1821)]. II. Age Petre Maior – Excursus]. Bucharest. 1969.

Iorga, 1995 – *Iorga N.* Istoria relațiilor române. Antologie [History of Romanian Relations: Anthology]. Bucharest. 1995.

Josan et al., 1996 – *Josan N., Fleșer G., Dumitran A.* Oameni și fapte din trecutul județului Alba în memoria urmașilor [People and Facts from the Past in the Descendants' Memories in Alba County]. Bibliotheca Musei Apulensis. Vol. III. Alba Iulia. 1996.

Laslo, 2000 – *Laslo F.A.* Conscriptia confesională a clerului greco-catolic din anul 1767. Considerații preliminare [Confessional Conscriptio of Greek Catholic Clergy since 1767: Preliminary Considerations]. *BCȘS*. 6. 2000: 113-123.

Lupaș, 1918 – *Lupaș I.* Istoria bisericească a românilor ardeleni [Ecclesiastical History of Romanians in Transylvania]. Sibiu. 1918.

Lupaș, 1927 – *Lupaș I.* Studii, conferințe și comunicări istorice [Studies, Conferences and Historical Communications]. Vol. I. Sibiu. 1927.

Lupaș, 1933 – *Lupaș I.* Cronicari și istorici români din Transilvania – Școala Ardeleană – [Chroniclers and Historians of Romanian Transylvania - Transylvanian School]. Vol. II. Craiova. 1933.

Lupaș, 1943 – *Lupaș I.* Studii, conferințe și comunicări istorice [Studies, Conferences and Historical Communications]. Vol. IV. Sibiu. 1943.

Lupaș, 1944 – *Lupaș I.* Doi precursori ai lui Horea în audiență la curtea împărătească de la Viena [Two Precursors of Horea in the Audience at the Palace in Vienna]. *Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice*. № XXVI. 1944 (1943-1944): 395-486.

Mateescu, 1909 – *Mateescu C.N.* Acte și scrisori din trecut [Acts and Letters from the Past]. *Luminătorul. Foaie bisericească*. № 6. 1909: 6-8.

Meteș, 1936 – *Meteș Ș.* Mănăstirile românești din Transilvania și Ungaria [Romanian Monasteries in Transylvania and Hungary]. Sibiu. 1936.

- Metes, 1971** – *Metes Ș.* Emigrări românești din Transilvania în secolele XIII–XX (Cercetări de demografie istorică) [Romanian Emigration from Transylvania from the 13th to the 20th Century (Research Historical Demography)]. Bucharest. 1971.
- Micu, 1995** – *Micu S.* Istoria românilor [The History of Romanians]. Bucharest. 1995.
- Miron, 2004** – *Miron G.M.* „poruncește, scoale-te, du-te, propoveduește...”. *Biserica greco-catolică din Transilvania. Cler și enoriași (1697-1782)* [“command, rise yourself, go and spread the word ...”. The Greek Catholic Church in Transylvania: The Clergy and the Congregation (1697-1782)]. Cluj-Napoca. 2004.
- Miron, 2007** – *Miron G.M.* Confesiune și nobilitate în Transilvania secolului al XVIII-lea. Nobili uniți [Transylvania Confession and Nobility in the Eighteenth Century: United Nobles]: In Mitu S., Gräf R., Sima A.V., Cârja I. (eds). *Biserică, Societate, Identitate. In honorem Nicolae Bocșan* [Church, Society, Identity. Biserică, Societate, Identitate: In honorem Nicolae Bocșan]. Cluj-Napoca. 2007: 367-375.
- Miron, 2009** – *Miron G.M.* Biserica greco-catolică din Transilvania în anii reformismului [The Greek Catholic Church in Transylvania during Reformism]: In Câmpeanu R., Câmpian A., Varga A., Miron G.M., Popa-Andrei M., Dörner A. (eds), *În spiritul Europei moderne. Administrația și confesiunile din Transilvania în perioada reformismului terzian și iosefin (1740–1790)* [In the Spirit of Modern Europe: Administration and Religions in Transylvania between Josephine and Terzian Reformism]. Cluj-Napoca. 2009: 77-129.
- Mureșanu, 1996** – *Mureșanu C.* Națiune, naționalism. Evoluția naționalităților [Nation, Nationalism: The Evolution of Nationalities]. Cluj-Napoca. 1996.
- Nedici, 2013** – *Nedici R.* Credința episcopului Ioan Inocențiu Klein [Bishop Ioan Inocențiu Klein's Faith]. *Anuarul Institutului de Istorie „George Barițiu”*. № LII. Suplement. 2013: 139-158.
- Nilles, 1885** – *Nilles N.* *Symbolae ad illustrandam historiam ecclesiae orientalis in terris coronae S. Stephani*. № I. Ceniponte. 1885.
- Nistor, 2002** – *Nistor I.I.* Istoria românilor [The History of Romanians]. Vol. I. Bucharest. 2002.
- Pall, 1988** – *Pall F.* Conflictul lui Inochentie Micu-Klein cu Petru Aaron (II). B) Promulgarea excomunicării lui Aaron și revocarea ei, în 1747–48 [Inochentie Micu-Klein's Conflict with Aron (II). B) Aaron's Excommunication Promulgation and its Revocation in 1747–48]. *Apulum*. № XXV. 1988: 311-331.
- Pall, 1997a** – *Pall F.* Inochentie Micu-Klein. Exilul la Roma (1745–1768) [Inochentie Micu-Klein: Exile in Rome (1745-1768)]. Vol. I. Cluj-Napoca. 1997.
- Pall, 1997b** – *Pall F.* Inochentie Micu-Klein. Exilul la Roma (1745–1768) [Inochentie Micu-Klein: Exile in Rome (1745-1768)]. Vol. II/1. Cluj-Napoca. 1997.
- Pall, 1997c** – *Pall F.* Inochentie Micu-Klein. Exilul la Roma (1745–1768) [Inochentie Micu-Klein: Exile in Rome (1745-1768)]. Vol. II/2. Cluj-Napoca. 1997.
- Pâclișanu, 1923** – *Pâclișanu Z.* Din istoria bisericească a românilor ardeleni. „Teologul” vâdicilor uniți (1700–1773) [From Transylvanian Romanians' Church History: “The Theologian” of United Bishops (1700–1773)]. *Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice*. № I. 1923: 147-190.
- Pâclișanu, 1924** – *Pâclișanu Z.* Corespondența din exil a episcopului Inochentie Micu Klein 1746–1768 [Correspondence from the Exile of Bishop Inochentie Micu Klein 1746-1768]. Bucharest. 1924.
- Pâclișanu, 1978** – *Pâclișanu Z.* Istoria Bisericii Române Unite [United Romanian Church History]. *Bună vestire*. № XVII/1. 1978.
- Popa, 2011** – *Popa C.I.* Valea Cugirului din preistorie până în zorii epocii moderne. Monumenta Archaeologica et Historica [Cugir Valley from Prehistory to the Dawn of the Middle Ages: Monumenta Archaeologica et Historica]. Cluj-Napoca. 2011.
- Popa-Andrei, 2009** – *Popa-Andrei M.* Biserica ortodoxă din Transilvania în epoca reformismului austriac [The Orthodox Church in Transylvania in the Austrian Reformism Epoch]: In Câmpeanu R., Câmpian A., Varga A., Miron G.M., Popa-Andrei M., Dörner A. (eds), *În spiritul Europei moderne. Administrația și confesiunile din Transilvania în perioada reformismului terezian și iosefin (1740–1790)* [In the Spirit of Modern Europe: Administration and Religions in Transylvania between Josephinian and Theresian Reformism]. Cluj-Napoca. 2009: p. 131-195.
- Prodan, 1979** – *Prodan D.* Răscoala lui Horea [Horea's Uprising]. Vol. I. Bucharest. 1979.
- Prodan, 1998** – *Prodan D.* *Supplex Libellus Valachorum*. Din istoria formării națiunii române [Supplex Libellus Valachorum: From History of Romanian Nation Formation]. Bucharest. 1998.
- Roman, 1971** – *Roman L.* Așezarea statornică a românilor transilvăneni în Țara Românească (1739–1831) [The Settlement of the Transylvanian Steadfast in Walachia (1739–1831)]. *Studii. Revistă de istorie*. № 24. 1971 (5): 899-929.
- Sacerdoțeanu, 1965** – *Sacerdoțeanu A.* Pomelnicul mînăstirii Argeșului [Arges Monastery Diptych]. *Biserica Ortodoxă Română*. № 3-4. 1965: 297-330.
- Salceriu, 1977** – *Salceriu M.* Figuri reprezentative ale culturii hunedorene la sfârșitul secolului al XIX-lea și începutul secolului al XX-lea [Representative Figures of Hunedoara Culture in the Late Nineteenth Century and Early Twentieth Century]. *Sargetia*. № XIII. 1977: 591-595.
- Săsăujan, 2002** – *Săsăujan M.* Politică bisericească a Curții din Viena în Transilvania (1740–1761) [Church Policy of the Court of Vienna in Transylvania (1740-1761)]. Cluj-Napoca. 2002.
- Săsăujan, 2007** – *Săsăujan M.* Atitudinea cercurilor oficiale austriece față de românii ortodocși din Transilvania, la mijlocul secolului al XVIII-lea, în baza actelor Consiliului Aulic de Război și a rapoartelor conferințelor ministeriale de la Viena [The Attitude of Austrian Public Cities Concerning Orthodox

Romanians in the Middle of the 18th Century, Based on the Documents of the Warshofrates and Reports of the Ministerial Conferences in Vienna]. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. № 11/II. 2007: 224-251.

Sipos, 2007 – *Sipos G.* Opinia publică reformată despre bisericile românești din Transilvania (mijlocul secolului al XVIII-lea) [The Reformed Public Opinion on the Romanian Churches from Transylvania (Middle of the 18th Century)]. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. № 11/II. 2007: 195-200.

Soloviev, 1963 – *Soloviev S.M.* Istoria Rossii s drevneișih vremen. Moscow. 1963.

Stanciu, 2009 – *Stanciu L.* Despre efectele politicii reformismului terezian. Pionierii Blajului la studii, în Roma (1736–1754) [The Effects of the Union with Rome: Blaj Pioneers for Studies in Rome (1736–1754)]. *Studia UBB. Theologica Catholica*. № 2. 2009: 159-176.

Stanciu, 2011a – *Stanciu L.* Travelling in a Wound: The Transylvanian Romanians' Church in the Middle of the 18th Century. *Historia Ecclesiastica*. № II/2. 2011: 200-238.

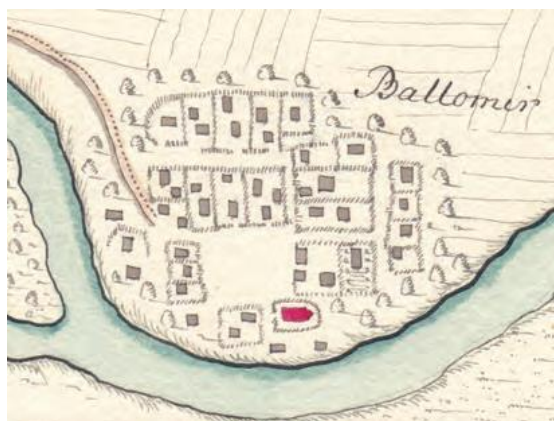
Stanciu, 2011b – *Stanciu L.* Cazul Daniel Marsinai (Marginai) și toleranța religioasă [The Case of Daniel Marsinai (Marginai) and Theresian Tolerance]. *Studia UBB. Theologica Catholica*. № 1. 2011: 15-27.

Stanciu, 2012 – *Stanciu L.* Pionierii Blajului sau despre prima generație a Școlii Ardelene [Pioneers of Blaj, or About the First Generation of the Transylvanian School]. *AII „A.D.Xenopol”*. № XLIX. 2012: 225-242.

Stanciu et al., 2009 – *Stanciu L., Hitchins K., Dumitran D.* (eds), Despre biserica românilor din Transilvania. Documente externe (1744-1754) [On the Church of the Romanians in Transylvania: External Documents (1744-1754)]. Cluj-Napoca. 2009.

Stăniloae, 1973 – *Stăniloae D.* Uniatișmul din Transilvania, încercare de dezmembrare a poporului român [Uniatism in Transylvania, the Attempt to Break Away the Romanian People]. Bucharest. 1973.

Togan, 1898 – *Togan N.* Statistica românilor din Transilvania în 1733 [Romanian Statistics from Transylvania in 1733]. *Transilvania*. № IX–X. 1898: 169-213.

1

2

Fig. 1. The medieval and premodern location of Balomir village on a map from 1739, possibly representing the church of the Archbishop Nicolae Pop Balomiri, as well as the parochial house and the nobiliary curia (*Plan des Lagers auf dem Rück March aus dem Bannat bey Ballomir*, 1739, private map collection “Ovidiu Șandor”, Timișoara) (1); Josephinian map (1769-1773) of the village moved to the present location (after Popa, 2011)

1

2

Fig. 2. The Greek-Catholic Archbishop Inochentie Micu-Klein (1) and the Greek-Catholic Cathedral of Blaj, around the year of 1900 (2)

Indignus Levit et Capitellanus
Nicolay P. Ballamiri Vic. Ge
neralijs qm.

Balomir Die 24ta
Menſis Juij Anno 1748.

Fig. 3. Document from 1748, issued in Balomir village, signed by the general vicar Nicolae Pop Balomiri (after Stanciu et al., 2009, foto doc. nr. 0042)

1

2

Fig. 4. Empress Maria Theresa of the Holy Roman Empire, Great Princess of Transylvania (1) Empress Elisabeth of Russia (2).

Fig. 5. Argeş Monastery, princely foundation, where Nichifor Balomireanu (Nicolae Pop Balomiri) served as Father Superior between 1750 and 1764 (after Dieudonné Augusta Lancelot-*The Pitoresque World-Scenes in many lands*, London, 1872)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1110-1117, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:342(571.5)

The Formation of Imperial Institutes of Governance in Trans-Baikal Transborder Area: Problems of Development of New Territories (XVIII – early XX centuries)

Olga A. Malygina^{a, *}, Roman A. Evtchov^a, Tatiana V. Palikova^a

^a Buryat State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the formation of Imperial institutes of governance in Trans-Baikal region in XVIII – early XX centuries. The territory is chosen by the authors is very important for creation of the project of ideal administrative-territorial structure of government and its embodiment in reality in terms transborder area, geostrategic position and recognition of military and economic importance of the region. The authors were able to create governance models in accordance with the phased tasks of the development of the territory, as well as fill some gaps in the process. The information is taken from historical sources and from central and regional archives. The study allowed to conclude that the administrative-territorial transformation of XVIII – early XX centuries can be considered an experiment for the development of the Plurinational state. This experiment is caused by the consolidation of the national periphery and to neutralize the threat of separatism and the need to protect the territories from external enemies.

Keywords: Imperial institutes of governance, Trans-Baikal transborder area, military governor, regional administration, governance outskirts, administrative structure.

1. Введение

Исторический опыт политического взаимодействия центра и периферии в царской России и разграничения полномочий между звеньями управления сегодня весьма актуален и востребован, а процесс формирования административно-управленческого аппарата и наделения его обязанностями и полномочиями для решения стратегической задачи обеспечения безопасности приграничных территорий необходим на всех уровнях власти. В этой связи с учетом важного геополитического положения забайкальское трансграничье приобретает особую значимость как военно-экономический плацдарм на востоке империи. Оставаясь объектом усиленной колонизации, Забайкалье получило особый статус управления, а процесс административной реорганизации не прекращался на протяжении всей имперской истории региона.

2. Материалы и методы

Основными источниками для данной статьи послужили нормативно-правовые документы, отчеты генерал-губернаторов и военных губернаторов, официальная и личная переписка должностных лиц из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Забайкальского края (г. Чита), Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ). В данных документах нашли отражение различные аспекты административного освоения новых территорий забайкальского трансграничья.

В работе использованы традиционные для исторической науки методы: проблемно-хронологический, структурно-функциональный, историко-сравнительный, ретроспективный. Проблемно-хронологический метод, обусловил структуру исследования и способствовал изучению поставленных проблем во временной последовательности. Структурно-функциональный метод дал

* Corresponding author

E-mail addresses: kirienko-o@mail.ru (O.A. Malygina), romachka1818@rambler.ru (R.A. Evtchov), palikova@mail.ru (T.V. Palikova)

возможность изучить внутренние закономерности становления административно-управленческого аппарата в исторической динамике. Историко-сравнительный метод способствовал раскрытию закономерностей имперского правительственного курса в отношении забайкальского трансграничья в сравнении с другими пограничными областями, а также внутренними регионами империи. Ретроспективный метод позволил реконструировать события той поры, опираясь на весь массив исторических источников.

3. Обсуждение

Административно-управленческий аппарат Российской империи оказался в центре внимания большого числа исследователей, которые обозначили основные направления изучения истории института управления: процесс его формирования и факторы, на него влияющие; взаимоотношения центральной и региональной власти; личностные качества отдельных представителей административного корпуса. Есть все основания говорить о сложившейся научной школе истории административно-территориального управления. Фундаментальным является труд Ю.В. Готье, посвященный областным и административным институтам. Его заслуга заключается в первую очередь в анализе проводимых властью реформ и их конкретного воплощения на местах (Готье, 1913). Значительным стал вклад И.И. Дитятина, рассмотревшего городские учреждения управления как взаимосвязанную систему проводимой правительством политики (Дитятин, 1875). Основателем школы изучения администрации Российской империи по праву следует считать П.А. Зайончковского, который заложил основу для исследования проблем организации и функционирования губернаторской власти (Зайончковский, 1978). Важный вклад в понимание проблем государственного устройства и системы управления в Российской империи внесли работа под редакцией А.В. Пыжикова и изыскания О.П. Дамбаевой (Административно-территориальное устройство России, 2003; Дамбаева, 2008). Комплексную разработку проблем административной политики в Сибири провел А.В. Ремнев, отмечавший, что важной особенностью правительственной политики в сибирском регионе в XIX – начале XX вв. «продолжало оставаться стремление охранять и сохранять» (Ремнев, 2004). Неоценимый вклад в познание имперской системы власти в Сибири внес известный ученый Л.М. Дамешек, создавший иркутскую историческую школу по изучению сибирской модели управления. В его работах государственная политика в отношении национальных окраин империи получила всестороннее освещение (Дамешек, 2011). Эти работы дополняются изучением вопроса реформирования местного самоуправления Российской империи и Сибири (Semenova, 2016), и вопросов политического управления религиозных сообществ на востоке (Tsyrempilov, 2012; Tsyrempilov, 2015). Однако вопрос формирования имперских институтов управления в Забайкальском трансграничье так и не стал предметом специального исследования. Его изучение на сегодняшний день ограничивается фрагментарными сведениями в контексте проработки вопросов административно-территориального управления. При этом с учетом важного стратегического и трансграничного положения Забайкалья вопросы управления данной территорией приобретают особую значимость.

4. Результаты

В начале XVIII века управление Забайкальем концентрировалось в двух центрах: восточное Забайкалье управлялось воеводой (Нерчинск), западное – приказчиком, заменявшим воеводу (Селенгинск).

Полномочия воевод на вверенных им территориях были широчайшими: судебно-полицейские, административно-хозяйственные, военные и даже дипломатические. В «Наказе Нерчинским воеводам» 1696 года их основной задачей было соблюдение казенных интересов, включавших контроль над сбором ясака и подведомственными территориями, пресечение преступности и наблюдение за тем, чтобы все под «Царскою высокою рукою послушны и жили смирно во всяком послушании» (ПСЗРИ, 3: 235).

Воеводе подчинялись приказчики, военные команды, острожные головы и в целом все население края. В 1724 году в Селенгинске одновременно существовали приказная изба и съезжий двор – резиденция воеводы. К началу 1730-х годов должность воеводы здесь была заменена комендантской, в то время как другие остроги (Удинск, Чита, Баргузин) возглавлялись приказчиками. Приказчики занимались административным управлением вверенных им крепостей и могли чинить следствие и суд по незначительным делам, более серьезные преступления, касавшиеся «татийных и разбойных и убивственных и волшебных дел» (Евдокимова, 2007: 86) решались воеводой. Приграничными взаимодействиями занималась пограничная канцелярия во главе с комиссаром. В его ведении был контроль над переходами через границу, наблюдение за контрабандистами, поиск и возврат беглых и т.д.

В 1719 году (ПСЗРИ, 5: 700) в результате административно-территориальной реформы, завершенной к 1724 году, Сибирская губерния разделена на пять провинций (ПСЗРИ, 7: 380), в том числе и Иркутскую провинцию, которая с 1724 по 1731 годы возглавлялась провинциальным воеводой, затем вице-губернатор. Таким образом, правительство внедрило многоступенчатую территориальную систему: губерния – провинция – округ – слобода. Провинции разделялись на

полковые дистрикты во главе с земскими комиссарами, непосредственно подчинявшимися вице-губернатору. Дистрикты являлись своеобразными аналогами уездов и в ряде случаев существовали с ними параллельно. Главными обязанностями земских комиссаров были учёт налоговой базы и сбор налогов, надзор за исполнением повинностей и земская полиция. Несмотря на то, что главной целью выделения дискритов было обеспечение и содержание военных команд данной территории, довольно часто оно предполагало расширение полномочий военных в сохранении полицейского порядка в регионе.

Введение дистриктов в Забайкалье – это особая веха развития региона – было следствием признания его, во-первых, частью страны и, во-вторых, особым военно-административным плацдармом (Паликова, 2015: 86). В 1724 году Забайкалье состояло из Нерчинского уезда и Селенгинского дистрикта, во главе которых стояли земские комиссары. В 1736 году в Селенгинске так же образован уезд, однако для удобства сбора податей дисктриктное деление сохранялось до 1760-х годов их окончательной ликвидации. С появлением магистрата в Селенгинске полицейская охрана города была подведомственна воеводе, о чем говорит факт существования розыскного повыгтя в Селенгинске.

Поворотным в развитии Забайкалья стал период середины 60-х годов XVIII века, когда была сформирована отдельная Иркутская губерния во главе с её единовластным правителем – губернатором. Вторым важным мероприятием стала перегруппировка забайкальских войск и формирование гарнизонных батальонов. В Забайкалье появились должности комендантов крепостей, которые играли значительную роль в управлении городами и воинскими соединениями, они концентрировали в своих руках руководство полициями – еще одним важным институтом организации городской административной жизни Российской империи. В административно-управленческую систему регионом были включены и органы самоуправления: в 40-х годах XVIII века в Селенгинске создается городской магистрат, а затем ратуша, ведавшая Кяхтинскими и Верхнеудинскими делами (Евдокимова, 2007: 47). В отличие от Селенгинска с его гражданским управлением, Троицкосавск вплоть до 1774 года (Евдокимова, 2007: 62) и Верхнеудинск (до 1775) также управлялись комендантами, но самостоятельного гражданского управления не имели. Основные административные учреждения: ратуша (не позднее, чем с 1727 года), магистрат (с 1743 года), снова ратуша (с 1766 года), комендантская канцелярия, пограничное и духовное правление находились в Селенгинске (Евдокимова, 2007: 47).

Очередное территориальное усовершенствование приводит к формированию в границах Забайкалья новой структуры – провинции и закрепляет с некоторыми новшествами территориальную структуру окраин 1730-х годов. Инициатива создания провинции принадлежала Иркутскому губернатору А.И. Брилю, который еще в 1768 году доказывал необходимость ее создания чрезмерной обширностью территорий вверенной ему губернии, труднодоступностью и крайней отдалённостью важных центров. С образованием в 1775 году (ПСЗРИ, 20: 22) Удинской провинции с центром в Удинске высшее управление обширными Забайкальскими территориями сосредоточивалось в руках провинциального воеводы и сопровождалось упразднением воеводского правления в Селенгинске и Нерчинске. Первым удинским воеводой назначен секунд-майор артиллерии И.В. Тевяшев (Гирченко, 1925: 9). С этого времени высшее управление переведено в Удинск, а местное – было разделено между комиссарами и комендантами (ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 114).

Провинция, включившая в свой состав все забайкальские территории, была поделена на комиссарства: Селенгинское, Нерчинское, Баргузинское, что является некоторым противоречием. Управление всем Забайкальем концентрируется в Удинске, в то время как городское население его через земскую избу подчинено Селенгинской ратуше. Последней было подведомственно всё посадское население Западного Забайкалья, а Нерчинской ратуше – посадские Нерчинского уезда. Особое место в этой схеме занимал Троицкосавск, который в этот период уже имел магистрат и мог управляться как городничим, так и комендантом.

Во главе комиссарств из-за их отдаленности от провинциального центра были поставлены комиссары, занимавшиеся административным управлением своими областями. Комиссары собирали налоги, а также выполняли некоторые полицейские функции. Коменданты крепостей как чины военные почти в полном объеме передали свои гражданские полномочия комиссарам, исключением стала лишь городская полиция, которая осталась за комендантами, несмотря на затяжные споры и конфликты (ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 101). Причиной этих споров было в большей степени несовершенство имперского законодательства, а также не подчинённость воеводе военного ведомства и в том числе комендантов, что в полной мере компенсировалось всевластием губернатора. Ко времени организации провинции в Забайкалье на всей западной территории империи провинциальное деление уже было полностью упразднено. В Забайкалье провинция существовала до 6 марта 1783 года (ПСЗРИ, 21: 875), когда указом «Об устройстве Иркутского наместничества» Иркутская губерния была преобразована в наместничество. Таким образом, институты управления Забайкальем в XVIII веке имели несколько устаревшие формы, часто отменённые для западных областей России, но являвшиеся инновационными формами управления для восточных окраин. Это связано в первую очередь с колониальным характером присоединения и управления Сибирью и

слабым развитием её экономики и городского общества.

По факту, Удинская провинция существовала до начала 1784 года (ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 238. Л. 1-2), когда Иркутская губерния была разделена на 4 области. Забайкалье входило в Нерчинскую область, разделенную на пять уездов (Верхнеудинский, Баргузинский, Нерчинский и др.). Управление Нерчинской областью было предписано обер-коменданту, концентрировавшему военное управление. Гражданское управление Забайкалья было подчинено губернатору и губернской канцелярии в Иркутске. Центром Верхнеудинского уезда остался город Удинск, переименованный в Верхнеудинск, городскому населению которого был дарован орган городского самоуправления – магистрат. Город Селенгинск перешел в разряд заштатных городов и стал частью Верхнеудинского уезда. Ведущая роль управления в городах была вновь предоставлена городничим-комендантам, которые в большинстве случаев санкционировали создание присутственных мест и контролировали порядок их деятельности (ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31. Л. 1, 5; Д. 130. Л. 1). Управление уездами теперь находилось в нижних земских судах – органах уездной полиции во главе с земскими исправниками. Образованное городничье правление Верхнеудинска, которое управлялось комендантом и городничим И.А. Аппелегрейном, сосредоточивало фактически все вопросы управления городом. Одновременно с учреждением городничего правления в Верхнеудинске в 1784 году появилась должность городничего в Нерчинске. В 1796 году Иркутское наместничество было вновь преобразовано в губернию.

Реформой М.М. Сперанского в 1822 году в Забайкалье вместо уездов были образованы два округа – Верхнеудинский и Нерчинский, во главе которых были поставлены окружные начальники. Их основными задачами были надзор, контроль, а также рассмотрение жалоб и разрешение споров при исполнении законов и др. При окружных начальниках создавался окружной совет, состоящий из: городничего, окружного судьи, земского исправника, окружного казначея, стряпчего и градского главы. Все города подразделялись на три типа: многолюдные, средние (Верхнеудинск, Троицкосавск, Нерчинск) и малолюдные (Селенгинск, Баргузинск). В зависимости от определения типа города, ему было предписано специальное для данного типа устройство, гражданское управление и штаты учреждений. В Верхнеудинске и Троицкосавске были образованы городские управы. Гражданское управление (вопросы городского хозяйства и суда) Верхнеудинска было поручено городскому суду, заменившему магистрат, а ратуша как в городах средних и многолюдных была создана – несколько позднее. Городские управы представляли собой более развитый тип полицейского управления, в котором появлялись новые штатные единицы, а так же отменены некоторые старые должности. Баргузин, так же как и Селенгинск с 1822 года стал заштатным, и лишился городничего правления, с этого времени благочиние города было поручено нижнему земскому суду. В Селенгинске, напротив, появляется должность городничего, заменившего коменданта и комиссара.

В 30-е годы XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский понимая, что Иркутская губерния протяженностью в 7 тыс. верст становится трудноуправляемой, подал в Комитет Министров проект создания области за Байкалом. Он предлагал выделить из Иркутской губернии Забайкалье и образовать Нерчинскую область, управление которой ограничилось бы областным правлением во главе с губернатором (РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 3-5). Проект был рассмотрен в 1837 г. в Особом комитете, но там «рекомендовали разработать предложения более тщательно» (Ремнев, 1995: 143). К середине XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев пришел к мысли, что вверенный ему регион требует усиления путем создания новых административно-территориальных единиц, одной из которых должна стать область за Байкалом. Представленную в идею не поддержали 8 из 11 членов Комитета Министров. В частности, действительный тайный советник граф Д.Н. Блудов, высказал мысль о том, что «учреждать новую губернию или область из уездов настоящих может быть необходимо тогда лишь, когда в них народонаселение, торговля, промыслы, а с ними и количество дел возросли до такой степени, что управление превосходит, так сказать, силы существующего губернского начальства» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 199. Л. 2). Однако, император Николай I ознакомившись с журналом Комитета Министров собственноручно написал: «Я разделяю мнение трех членов с оговоркой Комитета; но прежде исполнения хочу знать, какие новые от сего издержки быть могут?» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 199. Л. 31). Военному министру также был задан вопрос о «препятствиях к приведению в действие предложений генерал-губернатора, а именно по части военной» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 50. Л. 73). При подсчетах, сделанных по запросу императора в министерство государственных имуществ по поводу «количества издержек», выяснилось, что при введении упрощенной системы управления в Забайкальской и Якутской областях «делается экономии 26 702 р. 14 к.», а министр государственных имуществ генерал-адъютант граф П.Д. Киселев и военный министр, по совместительству председатель Комитета Министров генерал-адъютант князь А.И. Чернышев признали «предложение совершенно полезным» и «не встречающим препятствий» (РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1032. Л. 28, 30 об.). 11 июля 1851 г. «из Забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского за исключением Троицкосавка и слободы Кяхтинской и Усть-Кяхтинским с прилегающим к ним землям и Нерчинского» была образована Забайкальская область (ПСЗРИ. Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25 394). Регион получил статус области в соответствии с политикой имперского центра создания областей на присоединенных или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему

государственного устройства.

Особое управление получили Троицкосавск, слободы Кяхтинская и Усть-Кяхтинская, которые указом от 20 июня 1851 года были преобразованы в Кяхтинское градоначальство (РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 2085. Л. 96-106). Создание этой территориальной единицы было обусловлено в первую очередь ее особым положением единственного пункта торговли с Китаем. Кяхтинскому градоначальнику, кроме приграничных и административно-управленческих функций внутри города были подчинены таможенные, полицейские и даже приграничные контакты и связи с другой державой (РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 2085. Л. 101-103). Кяхтинское градоначальство просуществовало до 9 февраля 1863 года.

Вновь образованная Забайкальская область была территориально определена только в 1856 г., после выхода Высочайшее одобренного положения об утверждении плана Забайкальской области (ПСЗ РИ. Собр. II. 1856. Ч. I. Т. XXXI. № 30778). Столь длительное составление плана было обусловлено нечеткостью границы с Китаем. Вначале план Забайкальской области, утвержденный генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, был отправлен в Министерство иностранных дел, которое нашло, что «нанесенная на план областная граница с Китаем сличена с имеющейся в сем Министерстве картой границ нашим с сим государством [...], оказалась вообще довольно правильной и без всякого, по видимому, неудобства может быть в этом виде оставлена в означенном плане». Далее утвержденный проект «территориального обустройства согласно закону был отправлен «на дальнейшее благоусмотрение Сибирского Комитета» (ПСЗ РИ. Собр. II. 1856. Ч. I. Т. XXXI. № 30778). Из-за нерешенности «амурского вопроса» окончательно внутренние границы области были сформированы лишь через 10 лет после основания области. В 1861 г. усилиями и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова и губернаторов Забайкальской области Е.М. Жуковского и Амурской области Н.В. Буссе был составлен акт о разграничении двух областей (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 7454. Л. 2-16), закрепленный указом императора Александра II.

Что касается городского самоуправления, то в 1864 году судебные функции Верхнеудинской, Кяхтинской и Нерчинской городской ратуши были переданы укрупнённому Забайкальскому областному суду в г. Чита, не смотря на сопротивление городского общества (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6806. Л. 11, 31). Городовое положение 1870 года в Забайкалье было введено только в 1875 году, городские думы появились в Верхнеудинске, Троицкосавске, Чите, Селенгинске, Нерчинске.

Реформой 1867 года были созданы городские (Чита, Троицкосавск) и окружные (Верхнеудинское, Баргузинское, Селенгинское, Читинское, Троицкосавское, Нерчинское, Акшинское) полицейские управления, которые сосредоточили в себе охрану правопорядка в регионе. Благодаря новым учреждениям существенно сократилось излишнее делопроизводство и дублирующие функции полицейских учреждений.

При образовании Забайкальской области в ней была введена упрощенная система управления. Административный аппарат области составили военный губернатор (он же являлся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска) и областное правление, канцелярия губернатора, областной прокурор, землемер и инспектор по медицинской части. Областное правление исполняло роль высшей исполнительной власти в Забайкалье, подчинявшейся непосредственно генерал-губернатору и Главному управлению Восточной Сибири. Начальники отделений увольнялись и назначались по их представлениям. Присутствие областного правления составляли старший советник в качестве председателя, два советника и ассессор. Вся работа в общей канцелярии военного губернатора и областном правлении распределялась между тремя отделениями (ПСЗ РИ. Собр. II. 1851 Т. XXVI. № 25 394). Они ведали делами областной полиции; здесь же было сосредоточено делопроизводство по всем хозяйственным и социальным вопросам – народному продовольствию, земской и дорожной повинностям, общественному призрению и иным проблемам, которые по общим правилам сибирского учреждения в других губерниях принадлежали губернскому правлению, казенной палате и управлению государственными имуществами (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1005. Л. 206-208). К предметам ведения областного правления также относился и рекрутский набор. Ведомство дел пограничных и управление казачьим сословием определялось особым положением (ПСЗ РИ. Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25 394).

За время существования Забайкальской области она неоднократно переходила из юрисдикции одного генерал-губернаторства в другое: в 1851–1884 гг. подчинялась Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству, в 1884–1906 гг. – Приамурскому, с 1906 г. – Иркутскому.

Областное правление Забайкальской области было упразднено 15 апреля 1918 г. на основании постановления Совета Народных комиссаров области за № 475 с передачей административных дел, типографии и имущества в распоряжение Комиссариата по внутренним делам. Служащие строительного, ветеринарного, врачебного и 3-го отделения поступили в распоряжение Комиссариата по делам местного хозяйства (Баринов, 2012: 28).

Хотя цель образования области за Байкалом была определена как надзор «за правильным и успешным действием всех местных ей установлений» (ПСЗРИ. Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25 394), с самого начала было ясно, что основная функция вновь образованной области – военно-стратегическая. Во второй половине XIX в. российское правительство озадачилось проблемой организации управления дальневосточными территориями: бесконтрольность и не заселенность

амурских земель осложняли экономическое развитие русского Дальнего Востока. Образование Забайкальской области стало результатом реализации своего рода государственного проекта, вызванного к жизни геополитическим влиянием, которое резко актуализировало историческую необходимость присоединения Приамурья (Мерцалов, 2008: 29). Область призвана была сыграть роль плацдарма для дальнейшего закрепления на амурской территории.

5. Заключение

Таким образом, административно-территориальные преобразования XVIII – начала XX вв. – стали своего рода экспериментом по обустройству многонационального государства. Сложность в воссоздании четкой административно-территориальной структуры Забайкальского трансграничья заключается в ее индивидуальности и отсутствии единой окраинной системы управления в Российской империи. Огромная географическая отдаленность приводила к тому, что внедрявшиеся здесь имперские формы управления, успевали пройти апробацию в западных областях империи. Правительство неизменно искало совершенную форму, все больше запутывая и без того сложную систему Забайкальского управления. Многие преобразования XVIII – начала XIX в. иногда даже не успевали отразиться в законодательных актах, и были восстановлены нами благодаря архивным источникам. Лишь к середине XIX века удалось создать, как казалось, почти «идеальную» модель управления Забайкальской периферией, однако и она к концу XIX – началу XX вв. стала вызывать нарекания со стороны военных губернаторов области. Такая постоянная трансформация имперских институтов управления в Забайкальском трансграничье вызвана стремлением к консолидации национальной периферии и нейтрализации опасности сепаратизма, а также необходимостью защиты территорий от внешних воздействий.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX вв.)».

Литература

- Административно-территориальное устройство России, 2003 – Административно-территориальное устройство России. История и современность / А.В. Пыжиков [и др.]. М.: Олма – пресс, 2003. 317 с.
- ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.
- ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия.
- Гирченко, 1925 – Гирченко В.П. Из истории переселения в прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск: Объединённый забайкальский союз кооперативов, 1925. 20 с.
- Готье, 1913 – Готье Ю.В. История Областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Москва : Тип. Лиснера Г. и Собко Д., 1913. Т. 1. 492 с.
- Дамбаева, 2008 – Дамбаева О.П. Правовое положение области в государственном устройстве Российской империи / О.П. Дамбаева. Чита: ЗИП СибУПК, 2008. 170 с.
- Дамешек, 2011 – Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторов в Азиатской России и его особенности / Л.М. Дамешек. Иркутск: Отгиск, 2011. 127 с.
- Дитятин 1875 – Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Санкт-Петербург: Изд-во Типография П.П. Меркулева, 1875. Т. 1. 507 с.
- Евдокимова, 2007 – Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007. 248 с.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавия России в XIX в. / П.А. Зайончковский. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Мерцалов, 2008 – Мерцалов В.И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 13. С. 29.
- Паликова, 2011 – Паликова Т.В. Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX вв. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. №2. С. 80-84.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- Ремнев, 1995 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 236 с.
- Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – нач. XX вв. / А.В. Ремнев. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 550 с.
- Semyonova, 2016 – Semyonova N.L. Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s // Bylye Gody. 2016. 39. Is. 1. pp. 90-96.
- Tsyrempilov, 2012 – Tsyrempilov N.V. 'Alien' lamas: Russian policy towards foreign buddhist clergy in the eighteenth to early twentieth centuries // Inner Asia. 2012. Nr. 14. Is. 2. pp. 245-255.

[Tsyrempilov, 2015](#) – *Tsyrempilov N.V.* Introduction // Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines. 2015. Nr. 46. Pp. 3-8.

References

- [Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii, 2003](#) – Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii [Administrative-territorial structure of Russia], Moscow: Olma – press, 2003. 317 p. (In Russian)
- [GAZK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraja [State Archives of the Trans-Baikal Territory].
- [GARB](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya
- [Girchenko, 1925](#) – *Girchenko V.P.* Iz istorii pereseleniya v pribaikal'e staroobryadtsev-semeiskikh [Of migration in the history of the Baikal Old Believers Semeiskie]. Verkhneudinsk: Ob"edinennyi zabaikal'skii soyuz kooperativov, 1925. 20 p. (In Russian)
- [Got'e, 1913](#) – *Got'e Yu.V.* Istoriya Oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II [History Regional governance in Russia from Peter I to Catherine II]. Moscow: Tip. Lissnera G. i Sobko D., 1913. T. 1. 492 p. (In Russian)
- [Dambaeva, 2008](#) – *Dambaeva O.P.* Pravovoe polozhenie oblasti v gosudarstvennom ustroistve Rossiiskoi imperii [The legal status of the area in the state system of the Russian Empire]. Chita: ZIP SibUPK, 2008. 170 p. (In Russian)
- [Dameshek, 2011](#) – *Dameshek L.M.* Institut general-gubernatorov v Aziatskoi Rossii i ego osobennosti [Institute of governors-general in the Asian part of Russia and its features]. Irkutsk: Ottisk, 2011. 127 p. (In Russian)
- [Dityatin, 1875](#) – *Dityatin I.I.* Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii [Design and Management Russian cities]. Sankt-Peterburg: Tipografiya P.P. Merkul'eva, 1875. T. 1. 507 p. (In Russian)
- [Evdokimova, 2007](#) – *Evdokimova S.V.* Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Zabaikal'ya v XVII–XIX vv. [Socio-economic development of the Trans-Baikal cities in the XVII–XIX centuries]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2007. 248 p. (In Russian)
- [Zaionchkovskii, 1978](#) – *Zaionchkovskii P.A.* Pravitel'stvennyi apparat samoderzhaviya Rossii v XIX v. [Government apparatus Russian autocracy in XIX century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russian)
- [Mertsalov, 2008](#) – *Mertsalov V.I.* Geopoliticheskii faktor istoricheskogo razvitiya Zabaikal'ya i Chity (1851–1895) [Geopolitical Factor historical development of Trans-Baikal and Chita (1851–1895)]. Irkutsk: Scientific Bulletin of the Baikal State University of Economics and Law. 2008. Nr. 13. Pp. 29. (In Russian)
- [Palikova, 2011](#) – *Palikova T.V.* Formirovanie i sostav organov obshchestvennogo upravleniya v gorodakh Zabaikal'ya poslednei treti XIX – nachala XX vv. [The formation and structure of public administration in the towns of Transbaikalia the last third of XIX – early XX centuries]. Chita: Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, history, oriental studies. 2011. Nr. 2. Pp. 80-84. (In Russian)
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russian)
- [RSHA](#) – Russian State Historical Archive.
- [Remnev, 1995](#) – *Remnev A.V.* Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policies in the first half of the XIX century]. Omsk: Omsk State University, 1995. 236 p. (In Russian)
- [Remnev, 2004](#) – *Remnev A.V.* Rossiya Dal'nego Vostoka: imperskaya geografiya vlasti XIX – nach. XX vv. [Russian Far East geography imperial power of XIX – beg. XX centuries]. Omsk: Omsk State University, 2004. 550 p. (In Russian)
- [Semyonova, 2016](#) – *Semyonova N.L.* Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s. *Bylye Gody*. 2016. 39. Is. 1. pp. 90-96.
- [Tsyrempilov, 2012](#) – *Tsyrempilov N.V.* 'Alien' lamas: Russian policy towards foreign buddhist clergy in the eighteenth to early twentieth centuries. *Inner Asia*. 2012. Nr. 14. Is. 2. Pp. 245-255. (In English)
- [Tsyrempilov, 2015](#) – *Tsyrempilov N.V.* Introduction. *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines*. 2015. Nr. 46. Pp. 3-8. (In English)

УДК 94:342(571.5)

Формирование имперских институтов управления в забайкальском трансграничье: проблемы освоения новых территорий (XVIII – начало XX вв.)

Ольга Анатольевна Малыгина ^{a,*}, Роман Артурович Евтехов ^a, Татьяна Вадимовна Паликова ^a

^a Бурятский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kirienko-o@mail.ru (О.А. Малыгина),
romachka1818@rambler.ru (Р.А. Евтехов), palikova@mail.ru (Т.В. Паликова)

Аннотация. Статья посвящена формированию имперских институтов управления в Забайкалье в XVIII – начале XX вв. Выбранная авторами территория чрезвычайно важна для постижения процесса создания проекта идеальной административно-территориальной структуры власти и его воплощения в действительность в условиях трансграничья, геостратегического положения и признания военно-экономического значения региона. На основе широкого круга исторических источников, почерпнутых из центральных и региональных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, авторам удалось воссоздать ход внедрения моделей управления в соответствии с поэтапными задачами освоения территории, а также восполнить некоторые пробелы в этом процессе. Исследование позволило сделать вывод о том, что административно-территориальные преобразования XVIII – начала XX вв. можно считать экспериментом по обустройству многонационального государства, который вызван стремлением к консолидации национальной периферии и нейтрализации опасности сепаратизма, а также необходимостью защиты территорий от внешних врагов.

Ключевые слова: имперские институты управления, Забайкальское трансграничье, военный губернатор, региональная администрация, управление окраинами, административное устройство.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1118-1126, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(477) «176/179»

The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century

Irina I. Kryvosheia ^{a, *}, Sergey I. Degtyarev ^b^a Uman State Pedagogical University named after Pavlo Tychyna, Ukraine^b Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the highest stratum of cossack neuryadovoy officership of Left-Bank Ukraine – bunchukovym comrades. The special attention is given to the process of incorporation of bunchukovogo partnership in the service and social elite of the Russian Empire. During the last decades of the Cossack statehood bunchukovy comrades gradually turned into military and civilian high-level officials. In the 1780th they got the rights of the Russian nobility. The paper also presents data on the number of bunchukovy comrades in the Cossack regiments in the early 1780s and indicated how many of them were in the civil state service in Kyiv, Chernihiv and Novgorod-Siversky governorships (namestnichestva) in 1782–1796.

The authors concluded that social and official status of bunchukovoe comrades in the XVIII century was very high. This is recognized even by representatives of the Russian administration in the Ukrainian lands. This contributed to the fact that for bunchukovymi comrades were enshrined rights of the nobility of the Russian Empire, and in the public service they occupied mid-level positions. They received in this case ranks of collegiate assessor.

Keywords: cossack officership (starshina), neuryadova starshina, bunchukovoe partnership, nobility, Hetmanate (Hetmanshchina), Russian Empire, XVIII century.

1. Введение

В конце XVIII в. были окончательно ликвидированы остатки украинской казацкой автономии. С этого времени административно-управленческая система и социальное устройство Российской империи распространились на украинские земли, полностью заменив собой местные национальные управленческие и общественные практики. Украинская служебная элита была вынуждена интегрироваться в российский имперский бюрократический аппарат, одновременно пытаясь сохранить свое привилегированное общественное положение. Представители казацкой старшины, на которых во времена казацкой государственности возлагались военно-гражданские функции, теперь должны были выбирать или военную службу, или гражданскую. Касалось это и так называемой неурядовой старшины, к которой относились и бунчуковые товарищи, о которых пойдет речь в данной работе.

2. Материалы и методы

При написании данной статьи мы опирались на работы ряда исследователей. Источниковой базой стали опубликованные нормативные акты изучаемого периода, справочные издания и архивные материалы из Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киев, которые позволили нам проанализировать реалии, в которых оказалась неурядовая казацкая старшина после окончательной ликвидации российским правительством казацкой автономии в последней трети XVIII в.

* Corresponding author

E-mail addresses: iiivahnuk@i.ua (I.I. Kryvosheia), starsergo@bigmir.net (S.I. Degtyarev)

Работая над этим исследованием, мы использовали принципы историзма, объективности и исторического антропологизма. Принцип историзма позволил учесть конкретно-исторические обстоятельства эпохи, взаимосвязь событий, понимание причин, времени, места события. В частности этот принцип проявился в попытке определить причины перехода многих бунчуковых товарищей на государственную службу в гражданские учреждения. При этом были учтены реалии, в которых оказались земли бывшей Гетманщины в конце XVIII в. Принцип объективности предусматривает изучение исторического процесса с учетом объективных закономерностей, которые определяли процессы государственного и общественно-политического развития данного исторического этапа; использование реальных фактов и т.п. Поэтому нами брались во внимание и политика российской администрации на северо-восточных украинских землях, и внутренние общественные процессы, которые происходили на территории бывшей Гетманщины. Использование принципа исторического антропологизма позволило нам акцентировать внимание на гуманистической сути исследования. Этот принцип стал одним из ключевых, поскольку центральным ориентиром статьи является определенная человеческая общность, которая выступает носителем конкретных ценностей и традиций.

Были применены в работе также клиометрические методы, с помощью которых выявлены и проанализированы различные количественные показатели. В частности нами приводятся данные о количестве бунчуковых товарищей в казацких полках в начале 1780-х годов, указано, сколько их было также на гражданской государственной службе в течение 1782–1796 гг.

3. Обсуждение

Тему бунчукового товарищества, самого высокого чина неурядовой старшины Гетманщины, затрагивали в своих работах как украинские, так и зарубежные ученые. Интерес к этой категории казаков в большей мере определяется высокой значимостью бунчуковых товарищей в общественной жизни казацкой автономии. Не последнюю роль в сохранении памяти об этом ранге неурядовой старшины сыграл фактор однозначного признания царской администрации за ними прав российского дворянства (ПСЗРИ, 1835; Когут, 1996: 193, 208-225; Когут, 2004; Кривошея, 2014: 151; Миллер, 1897). В частности вопросам, связанным с бунчуковым товариществом посвящали свои труды З. Когут, В. Кривошея, И. Кривошея, Л. Окиншевич, В. Панашенко и другие исследователи (Когут, 2004; Кривошея, 2008; Кривошея, 2014; Окиншевич, 1926; Окиншевич, 1948; Панашенко, 1997; Панашенко, 2004).

4. Результаты

Бунчуковое товарищество как отдельный чин и высшая категория неурядовой старшины окончательно оформилось в начале XVIII в. во время гетманства И. Скоропадского. Суть институции «бунчуковый товарищ» формировалась довольно долго путем эволюции гетманской власти и знатного товарищества войскового. Бунчуковый товарищ – это знатный товарищ войсковый, который служил в установленном чине под бунчуком, вписывался в так называемый компут (реестр) бунчукового товарищества, чем юридически и определялось назначение, подчинялся судебному и административному гетману и центральным учреждениям, выполнял обусловленные традицией обязанности и имел права и привилегии, характерные для элиты старшинской прослойки.

Количество бунчуковых товарищей в первых компутах времен И. Скоропадского приближено к сотне человек и указывает на происхождение этой общности от старинного гетманского окружения в сто знатных казаков, известного со времен Б. Хмельницкого. Чин бунчуковый товарищ формируется именно тогда, когда служба под гетманским бунчуком для определенного количества лиц переходит на стабильную основу. Название бунчуковый для этого ранга неурядовой старшины становится постоянным в первые два десятилетия XVIII в. До середины столетия институт бунчукового товарищества достиг пика своего развития, а представители этого чина неурядовой старшины закрепили за собой высокий статус и соответствующие привилегии.

Служба неурядовой старшины всегда обеспечивалась из личных имений. Все функции бунчуковых, особенно военная, были довольно затратными и для многих непосильными. Анализ документов доказывает имущественную неоднородность товарищества, где со временем увеличивался процент небогатой прослойки и уменьшалось количество богатых. Это свидетельствует об ускоренной поляризации в среде бунчукового товарищества. Имея разные доходы, бунчуковые товарищи несли одинаковую служебную нагрузку, что приводило к разорению части товарищества. Благоприятствовала этому и служба нескольких человек с одного имения.

Функции бунчукового товарищества в сравнении с функциями других чинов неурядовой старшины отличались сложностью и ответственностью, имели в основном руководящий характер. Картина службы массы бунчуковых не была однородной. Элита бунчуковых товарищей имела немногочисленные поручения с высоким уровнем ответственности. Большая часть товарищества при значительно более низких экономических возможностях была больше отягощена различными поручениями, чем другие представители казацкой верхушки.

Начиная с 1764 г., с ликвидацией гетманата, суть института бунчукового товарищества постепенно эволюционировала. Он утратил признаки представителя и исполнителя гетманской

власти. Теперь чин бунчукового товарища давался Второй Малороссийской коллегией по приказу ее председателя графа П.А. Румянцева, генерал-губернатора Левобережной Украины. Назначение и руководство бунчуковым товариществом стало прерогативой этого органа и его главы. С этого времени довольно монолитная каста бунчуковых начала размываться за счет награждений чином абшитованного бунчукового товарища как награды за службу низшим чином, особенно путем раздачи чина городским урядникам, особенно войтам больших городов. Вместе с другими факторами это определило увеличение численности бунчукового товарищества в конце существования казацкой государственности.

Хотя следует отметить, что параллельно с раздачей низшим служащим чина бунчукового товарища (и ряда других казацких чинов), Малороссийская коллегия достаточно щедро раздавала им и российские чины, определенные Табелью о рангах. Можно предположить, что первое приводило к нивелированию высокостатусных украинских казацких чинов, а второе делало (или имело целью сделать) более популярными и привычными российские табельные чины. Все это ускорило инкорпорацию украинской служебной элиты в имперскую административную систему.

Состоянием на середину XVIII в. сложилась ситуация, когда часть лиц, которые находились на службе (как военной, так и гражданской), получала российские табельные чины, а другие продолжали пользоваться украинскими, в основном казацкими, чинами. Это приводило к некоторым недоразумениям – было тяжело определиться с субординацией между обладателями российских и украинских чинов. Чтобы избежать этих недоразумений, гетман К.Г. Разумовский еще в 1756 г. обращался в Сенат с просьбой о сравнении «украинских чиновников в ранге с русскими чинами» (ИР НБУВ. Ф. 61, № 1084). Определенное место в этом документе отводилось и бунчуковому товариществу. В частности в нем шла речь о том, что «бунчуковые товарищи которых всех в Малой России немного больше ста человек превосходят они ис перво статейных малороссийских брате дети и внучата гетманские, обозных, генеральной старшины, полковников, а иные отставшие от польско владения и российские шляхтичи на пред сего толко на службу ходили они при гетманах и завсегда в одной гетманской деспотии и под судом ево ж бывали и служат без жалованья». При этом гетман предлагал «дать им ранг майорский или капитанский» (Дегтярьов, 2014: 410). В то время эти чины, соотносясь с Табелью о рангах, могли относиться к высоким V–VIII классам и иметь гражданские аналоги в виде чинов статского советника (V класс), коллежского советника (VI класс), надворного советника (VII класс) или коллежского асессора (VIII класс). Такие чины автоматически давали бы бунчуковым товарищам статус дворян Российской империи.

Сам К.Г. Разумовский разделял все казацкие чины, от генеральной старшины до рядовых, на десять классов. Бунчуковых товарищей при этом он относил к 3-му классу, подчеркивая их высокий статус (Дегтярьов, 2014: 418).

В 1764 г. фиксируется единственное упоминание о делении бунчукового товарищества на «первостатейных» и «второстатейных». Речь шла об уравнивании первых с земскими судьями, а вторых – с земскими подсудками. Эта информация засвидетельствовала неоднородность высшего чина неурядовой старшины. В сфере юрисдикции изменения наступили с 1763 г., теперь бунчуковое товарищество как часть шляхетского сообщества судилось в учрежденных земских и подкоморских судах. Генеральный войсковой суд превратился для верхушки неурядовой старшины в суд второй инстанции, апелляционный.

По табели 1763 г. в Гетманщине служили 139 действительных бунчуковых товарищей и 39 абшитованных (ЦИАУК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 17000. Лл. 76-78). Из служащего товарищества сказок (ведомостей) не подали 13 человек, таким образом, есть данные о службе 126 товарищей. Из них 78 лиц на тот момент не имели поручений и находились дома. В сравнении с 1751 г., когда из 203 товарищей имели поручения всего 24 человека (12 %), наблюдается усиление служебной занятости товарищества. Для 48 товарищей (35 %), которые выполняли определенную нагрузку, задания распределялись следующим образом: 14 бунчуковых работали в полковых счетных комиссиях; 12 принимали участие в различных следственных комиссиях; 3 – находились при Генеральном суде по выбору своих полков; 3 – при полковых канцеляриях для рассмотрения разных дел; 3 – в «апробации» ревизий разных полков; 2 – в Генеральной малороссийской счетной комиссии; 2 – в экспедиции генерального есаула Жоравки для собирания сказок со всех малороссийских чинов; 2 – отбирали земли, принадлежащие Гадячскому замку; 2 – в экспедиции строительства Батуринского; 2 – в приграничных польских комиссиях и по одному: в экономической гетманской канцелярии; ответственный за ремонт мостов и гатей по всей Малороссии; на должности войта; при сотенной стрелецкой команде. Бунчуковый товарищ Черниговского полка В. Кричевский выполнял одновременно три поручения: собирал деньги для жены умершего бунчукового товарища Дорошенко; собирал волов и принимал участие в следствии в сотне Ройской о завладении значковыми товарищами Мокриевичами казацкими грунтами. То есть в 1763 г. из имевших поручения, подавляющее большинство находилось при счетных комиссиях разного уровня и в следственных группах (всего 28 человек). Еще шестеро выполняли судебные функции на полковом и генеральном уровнях. Так, в 1763 г. бунчуковые товарищи выполняли в рамках судебной функции – 18 поручений, хозяйственно-финансовой – 17, административной – 11, дипломатической – 2. Вскоре именно бунчуковые товарищи возглавили большинство полковых счетных комиссий: в 1773 г. из

десяти полков в шести. Например, Стародубскую полковую счетную комиссию возглавил Иван Миклашевский; Переяславскую – Михаил Гриневиц; Прилуцкую – Константин Маркович; Лубенскую – Михаил Ореховский; Черниговскую – Петр Григорович; Нежинскую – Степан Левицкий (Месяцеслов, 1773: 189). Ситуация со службой высшего ранга неурядовой старшины существенно изменилась после 1764 г. Занятость бунчуковых уменьшилась, что позволяло товариществу при желании претендовать на уряды (назначаемые должности) и выборные должности.

Бунчуковое товарищество все больше превращалось в чиновничество, приближаясь по статусу, правам и привилегиям к российскому дворянству. Признаком времени стало своеобразное восстановление старинных традиций знатного товарищества войскового. Чины неурядовой старшины второй половины XVIII в. постепенно снова начали приобретать черты звания. Если до 1760-х годов с назначением бунчукового товарища на уряд его вычеркивали из компута бунчуковых, то теперь они, числясь в компуте, стали занимать разные должности. Особенно желанными для бунчуковых товарищей на новом этапе были должности судей в возрожденных земских и подкоморских судах. В 1765 г. Малороссийской коллегией был издан указ о назначении земских чиновников из числа бунчуковых и войсковых товарищей (Струкевич, 1996: 61). Действующие бунчуковые товарищи параллельно занимали уряды полковников, полковой старшины и сотников (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2966. Л. 1; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2968. Л. 1; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3404. Л. 2; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 78. Л. 5; ЦГИАУК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 687. Л. 62). Документы начала 1780-х годов пестрят данными о совмещении чина бунчукового товарища и новых чинов и выборных должностей, таких как коллежский ассесор, предводитель шляхетства (Biblioteka Narodowa), дворянский заседатель, губернский секретарь, судебный заседатель, земский исправник и др. (ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 86. Лл. 3-11; ЦГИАУК. Ф. 1539. Оп. 2. Д. 78. Л. 2). При открытии наместничеств бунчуковые избирались: заседателями совестного суда, верхнего земского суда, заседателями губернского магистрата, судьями и заседателями уездных судов, капитанами-исправниками земских судов, судьями нижних расправ, комиссарами и предводителями округов. Сама возможность занимать такие выборные должности для всех чинов неурядовой старшины обозначала в реалиях того времени уравнивание ее в правах с российским дворянством (ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 110; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 209а; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 194; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 212; ЦГИАУК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 683. Л. 15; Путро, 1988: 91-92).

Со времен Второй Малороссийской коллегии, когда правительство гетмана было ликвидировано окончательно, бунчуковое товарищество как воплощение гетманской власти, бывшие его подчиненные и главные исполнители воли, оказались не у дел. Постепенно коллегия привлекала к службе представителей высших слоев неурядовой старшины путем принятия их на разные должности в своем ведомстве. Такие предложения были привлекательными для бунчуковых по нескольким причинам. В первую очередь, они предусматривали фиксированную годовую оплату (Струкевич, 1996: 58-59). Не меньше значила и карьерная выслуга, которая, в конечном результате, вознаграждалась табельным чином с гарантированным потомственным дворянством. Одновременно эта элитная и еще недавно довольно замкнутая группа начала размываться за счет усиленной раздачи Малороссийской коллегией чина бунчукового товарища разным урядникам, особенно мещанской верхушке (например, П. Тернавиот в Нежине) (Кривошея, 2008: 340; ЦГИАУК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 17000. Л. 78; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 218).

О некотором выпадении бунчукового товарищества, как отдельной категории неурядовой старшины, из поля зрения Малороссийской коллегии свидетельствуют формулярные списки из полков. Тщательно занося весь личный состав урядников полка, войскового и значкового товарищества за каждую треть года, составители формуляров пропускали бунчуковых. Они фиксируются лишь в случаях, когда занимали одновременно должность сотника, полкового есаула и т.д. (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2966. Л. 1; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2968; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3404; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 78. Л. 5; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 267; Кривошея, 2008: 340). Это подтверждает высокий социальный статус товарищества, общности с неопределенным на то время административным подчинением, по причине чего чиновники старались бунчуковых «не замечать».

После окончательной ликвидации Гетманщины чин бунчукового товарища продолжал функционировать, а количество товарищества даже увеличилось. Возьмем для примера бывший Переяславский полк. В 1782 г. здесь насчитывалось 4 бунчуковых товарища, которые не желали продолжать военную службу и 7 – желающих этого (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 2. Д. 535). То есть всего 11 действующих бунчуковых. При составлении описаний Киевского наместничества чиновники использовали этот традиционный казацкий чин для обозначения владельцев имений. Всего в 1787 г. такими владельцами на территории Переяславского полка был 31 бунчуковый товарищ (Описи Київського намісництва, 1989: 237-278). Причем из состава товарищества 1782 г. осталось 9 человек. Вероятно, на тот момент чин бунчукового уже получили многие другие представители казацкой старшины. Это не удивительно, так как именно чин бунчукового товарища служил гарантированным пропуском в ряды российского дворянства. В 1782 г. в наместничествах также составлялись списки дворян, где всячески подчеркивалось их благородное происхождение (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 66706-66718; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 86).

Остается открытым вопрос о количестве носителей этого чина в других полках. Если так выросло их число в Переяславском полку, где всегда бунчуковых товарищей было немного, сколько же тогда должно их быть в это время на территориях бывших Нежинского или Стародубского полков? Фактически численность бунчукового товарищества росла до 1784 г., когда царским указом было запрещено награждать малороссийских служащих казацкими («прежними войсковыми чинами») (ПСЗРИ, 1784).

После 1782 г. окончательно были разделены военные и гражданские функции неурядовой старшины. Теперь, когда за службу начали платить, наконец, отошел в прошлое полуфеодальный принцип службы бунчукового товарищества с собственных имений. Лишь часть бунчукового товарищества стремилась продолжать военную службу. В 1783 г. о таком желании заявили 5 бунчуковых товарищей Нежинского полка, 7 – Стародубского, 5 – Лубенского, 10 – Прилуцкого (и еще 4 перешли на гражданскую службу), 2 – Переяславского, 10 – Гадячского и 9 – Миргородского (ЦИАУК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 541). Очень тяжело подсчитать общее количество бунчукового товарищества в полках Гетманщины в начале 1780-х годов. Хотя сохранилось много формулярных (послужных) списков, сведенных табелей, которые составлялись Второй Малороссийской коллегией, а потом наместничествами. Данные о высшей категории неурядовой старшины дробились по разным ведомостям, сам состав товарищества оставался непостоянным, а документы часто содержали противоречивую информацию. В 1775 г. в Стародубском полку насчитывался 21 бунчуковый товарищ и 7 абшитованных (Панашенко, 2004: 300-302). Л. Окиншевич сообщал о численности бунчукового товарищества 1782 г. в трех полках: Киевском – 4, Лубенском – 4 и Нежинском – 17 (Окиншевич, 1948: 80). Очевидно, что это не все бунчуковое товарищество упомянутых полков. Если в традиционно малочисленном товариществе полка Прилуцкого было в 1783 г. 14 бунчуковых, в Гадяче – 10 и в Миргороде – как минимум 9, и это лишь желающие продолжать военную службу (ЦИАУК. Ф. 54. Оп. 2. Д. 541. Лл. 2, 24, 28, 31), тогда в Лубенском, который к середине столетия догнал наибольшие по количеству полки, никак не могло быть 4 товарища. Да и для Нежинского число 17 выглядит малодостоверным. Данные в течение года кардинально изменялись. В Прилуцком полку в 1782 г. насчитывалось 8 бунчуковых (ЦИАУК. Ф. 204. Оп. 1. Д. 8. Лл. 2-3), а в 1783 г. – 14.

Часть бунчуковых товарищей попала в новоучрежденные имперские учреждения (административные, судебные, финансовые и т.п.). Многие из них получили российские чины по Табели о рангах, но некоторые продолжали пользоваться этим почетным казацким чином. Анализ справочного издания «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» позволил нам определить место бунчукового товарищества Левобережной Украины в системе гражданской государственной службы Российской империи (Табл. 1). Во внимание принимались лишь те чиновники – носители чина бунчукового товарища, которые служили в учреждениях Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств (Малороссийского генерал-губернаторства). Также нами прослежена динамика количественных изменений бунчукового товарищества на гражданской государственной службе в течение 1782–1796 гг. (Табл. 2).

Таблица 1. Место бунчукового товарищества Левобережной Украины в системе гражданской государственной службы Российской империи. 1782–1796 гг.

Киевское наместничество			
Год	Всего чиновников	Чиновников с украинскими чинами	Чиновников с чином бунчукового товарища
1782	71	20	9
1783	75	20	8
1784	245	118	30
1785	231	85	20
1786	207	66	14
1787	214	61	14
1788	208	30	7
1789	212	24	5
1790	190	23	6
1791	194	21	4
1792	194	20	4
1793	200	21	4
1794	202	17	3
1795	199	14	4
1796	171	11	3
Черниговское наместничество			
1782	176	108	30
1783	209	122	45
1784	218	125	46

1785	128	44	15
1786	202	74	34
1787	203	54	27
1788	204	35	13
1789	204	30	9
1790	202	27	5
1791	209	25	5
1792	206	27	6
1793	192	25	6
1794	190	24	2
1795	193	27	4
1796	176	108	4
Новгород-Северское наместничество			
1782	51	16	8
1783	54	17	6
1784	215	122	42
1785	107	21	8
1786	190	54	16
1787	195	43	12
1788	198	33	7
1789	200	31	7
1790	200	32	6
1791	202	34	10
1792	198	28	8
1793	189	29	7
1794	182	25	2
1795	185	22	1
1796	182	17	0

Таблица 2. Динамика уменьшения количества бунчуковых товарищей в гражданских государственных учреждениях Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. 1782–1796 гг.

1782	1783	1784	1785	1786	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796
47	59	118	43	64	53	27	21	17	19	18	17	7	9	7

Данные, приведенные в Месяцесловах, не всегда были полными. При составлении этого справочника такое иногда случалось, поскольку данные о чиновниках не всегда передавались из регионов в Петербург своевременно. К тому же, например, в 1780-х годах на землях Левобережной Украины имперская административная система еще находилась в стадии становления, поэтому работа надлежащим образом была организована не во всех местных учреждениях, особенно нижних инстанций. Это тоже могло быть одной из причин неполноты поданных о чиновниках ведомостей из данного региона. Но в целом информация, приведенная в Месяцесловах, позволяет определить уровень популярности гражданской государственной службы в имперских учреждениях в среде бунчукового товарищества и их долю в общей массе служащих этих учреждений.

После ликвидации казацкого устройства и создания карабинерных и кавалерийских полков не все представители казацкой старшины смогли или захотели вступить на военную службу (Kappeler, 2014; Tot, 2013). Но полностью отказываться от государственной службы они тоже не желали. Чтобы не «потеряться» в результате имперских социальных и административных реформ, которые активно проводились российским правительством на землях бывшей Гетманщины в начале 1780-х годов, многие носители статусных военно-гражданских украинских чинов поступали на гражданскую службу, которая гарантировала привилегированное положение в общественной среде Российской империи.

Это касалось и бунчуковых товарищей, количество которых на гражданской службе резко выросло в 1784 г. и составило 118 человек (Таблица 2). Затем носителей этого почетного чина становилось все меньше, поскольку после 1784 г., как мы отмечали выше, награждения казацкими чинами прекратились, а большинство бунчуковых товарищей (как и носителей других казацких титулов) постепенно отдавали предпочтение чинопроизводству по Табели о рангах.

В начале 80-х годов XVIII в. бунчуковые товарищи на гражданской службе получали, как правило, чин коллежского ассесора, на военной – премьер-майора (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2994. Л. 2; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1393; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1410; Кривошея, 2008: 342). Традиция награждения бунчукового товарища чином коллежского ассесора сложилась в течение предыдущих 15 лет (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2683). Это связано с признанием за коллежскими ассесорами прав именно потомственного дворянства. Поскольку инкорпорация бунчукового товарищества в состав российского дворянства не вызывала вопросов у российской администрации, для казацкой старшины такая схема была надежной: для начала нужно было получить чин бунчукового, а затем подать прошение о присвоении гражданского чина в награду за службу или для продолжения службы, при этом окончательное решение принимал Сенат. Как правило, Сенат за бунчуковыми утверждал чин коллежского ассесора. Согласно формулярным спискам чиновников VIII класса по Киевскому наместничеству за 1786 г. из 29 коллежских ассесоров 19 человек (66 %) получили этот чин, будучи бунчуковыми товарищами (ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 218). Отметим, что четыре из них чином бунчукового были награждены за службу бурмистрами.

5. Заключение

Подводя черту в данной работе, следует обозначить, что служебная карьера перед получением чина бунчукового товарища включала традиционные ступени значкового и войскового товарища или сотника, или полкового старшины. В 1785 г., когда на украинские земли было распространено действие царской Жалованной грамоты дворянству, за бунчуковым товариществом закрепились дворянские права и привилегии. Таким образом, после 1782 г., а особенно с 1785 г., бунчуковое товарищество могло выбирать: продолжать военную или гражданскую службу на кардинально других условиях, теперь с выплатой жалования за службу, или жить в собственном имении как дворяне, не служа вообще. Окончательно право на дворянство было признано за бунчуковыми и войсковыми товарищами и их потомками лишь в 1835 г.

Литература

- Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми, 2014.
- ІР НБУВ – Інститут рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ІР НБУВ).
- Когут, 1996 – Когут З. Російський централізм і українська автономія: ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. Київ, 1996.
- Когут, 2004 – Когут З. Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // Коріння ідентичності: студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 46-79.
- Кривошея, 2008 – Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини: [монографія]. Київ, 2008.
- Кривошея, 2014 – Кривошея І.І. Неурядова старшина Української козацької держави (XVII–XVIII ст.): монографія. Київ, 2014. Т. 1.
- Месяцеслов, 1773 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1773. СПб., 1773.
- Миллер, 1897 – Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: превращение малорусской старшины в дворянство // Киевская Старина. 1897. № 1. С. 1-31; № 2. С. 188-220; № 3. С. 351-374; № 4. С. 1-47.
- Окіншевич, 1926 – Окіншевич Л. Генеральна старшина на Лівобережній Україні XVII–XVIII вв. // Праці комісії для вивчення історії західно-руського та українського права. Вип. 2. Київ, 1926. С. 84-175.
- Окіншевич, 1948 – Окіншевич Л. Значне військове товариство в Україні-Гетьманщині XVII–XVIII ст. // Записки наукового товариства імени Шевченка. Мюнхен, 1948. Т. CLVII: Праці Історико-Філологічної Секції.
- Описи Київського намісництва, 1989 – Описи Київського намісництва 70–80 років XVIII ст. Київ, 1989.
- Панащенко, 1997 – Панащенко В. Бунчукові товариші // Київська старовина. 1997. № 5. С. 24-40.
- Панащенко, 2004 – Панащенко В. Бунчукові, військові і значкові товариші в Гетьманщині // Істину встановлює історія: зб. на пошану Ф.П. Шевченка. Київ, 2004. Т. 2: Наукові студії. С. 291-347.
- ПСЗРИ, 1784 – Полное собрание законов Российской империи, собрание первое (ПСЗРИ). СПб., 1784. Т. XXII. № 16117.
- ПСЗРИ, 1835 – ПСЗРИ, собрание второе. СПб., 1835. Т. X. № 7976.
- Путро, 1988 – Путро А.И. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII в.: (некоторые вопросы социально-экономического и общественно-политического развития). Киев, 1988.
- Струкевич, 1996 – Струкевич О.К. Україна-Гетьманщина та Російська імперія протягом 50–80-х років XVIII ст.: (політико-адміністративний аспект проблеми). Київ, 1996.
- ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев.

Biblioteka Narodowa – Biblioteka Narodowa w Warszawie. Dział mikrofilmów, Rps. PAN Kr.273, mf. 25651. 96 k.

Kappeler, 2014 – *Kappeler A.* Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories. *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. 5, Is. 2: 107-115.

Tot, 2013 – *Tot Yu.V.* Reorganising the Local Government at the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I. *Bylye Gody*. 2013. 30 (4): 36-44.

References

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.I.* Tsivil'ne chinovnitstvo Ukraïni u kintsi XVIII – pershiy polovini XIX st.: monografiya [Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries: monograph]. Sumy, 2014.

IR NBUV – Institut rukopisey Natsional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo [The Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky] (IR NBUV).

Kogut, 1996 – *Kogut Z.* Rosiys'kiy tsentralizm i ukraïns'ka avtonomiya: likvidatsiya Get'manshchini, 1760–1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy. The liquidation of Hetmanate, 1760–1830]. Kyiv, 1996.

Kogut, 2004 – *Kogut Z.* Ukraïns'ka elita u XVIII stolitti ta ïi integratsiya v rosiys'ke dvoryanstvo [Ukrainian elite in the XVIII century and its integration into the Russian nobility] // *Korinnya identichnosti: studii z rann'omodernoï ta modernoi istorii Ukraïni*. Kyiv, 2004.

Kryvosheia, 2008 – *Kryvosheia V.V.* Kozats'ka elita Get'manshchini: [monografiya] [Cossack Hetman elite: monograph]. Kyiv, 2008.

Kryvosheia, 2014 – *Kryvosheia I.I.* Neuryadova starshina Ukraïns'koï kozats'koï derzhavi (XVII–XVIII st.): monografiya [Neuryadova officership of Ukrainian Cossack state (XVII–XVIII centuries.): monograph]. Kyiv, 2014. Vol. 1.

Mesyatseslov, 1773 – *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristovogo 1773* [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1773]. SPb., 1773.

Miller, 1897 – *Miller D.* Ocherki iz istorii i yuridicheskogo byta staroy Malorossii: prevrashchenie malorusskoy starshiny v dvoryanstvo [Sketches from the history and the legal life of the old Malorussia: conversion of malorussian officership to the nobility] // *Kievskaya Starina*. 1897. № 1, № 2, № 3, № 4.

Okinshevich, 1926 – *Okinshevich L.* General'na starshina na Livoberezhniy Ukraïni XVII–XVIII vv. [General officership in Left-Bank Ukraine XVII–XVIII centuries] // *Pratsi komisii dlya viuchuvannya istorii zakhidno-rus'kogo ta vkrains'kogo prava*. Vol. 2. Kyiv, 1926.

Okinshevich, 1948 – *Okinshevich L.* Znachne viys'kove tovaristvo v Ukraïni-Get'manshchini XVII–XVIII st. [A significant military society in Ukraine-Hetmanate XVII–XVIII centuries] // *Zapiski naukovoogo tovaristva imeni Shevchenka*. Myunkhen, 1948. Vol. CLVII: Pratsi Istoriko-Filologichnoi Sektsii.

Opisi Kiivs'kogo namisnitstva, 1989 – *Opisi Kiivs'kogo namisnitstva 70–80 rokiv XVIII st.* [Descriptions of the Kyiv province of 70–80 XVIII century]. Kyiv, 1989.

Panashenko, 1997 – *Panashenko V.* Bunchukovi tovarishi [Bunchukovoe partnership] // *Kiivs'ka starovina*. 1997. № 5.

Panashenko, 2004 – *Panashenko V.* Bunchukovi, viys'kovi i znachkovi tovarishi v Get'manshchini [Bunchukovoe, military and znachkovoe partnership in Hetmanate] // *Istinu vstanovlyue istoriya: zb. na poshanu F.P. Shevchenka*. Kyiv, 2004. Vol. 2: Naukovi studii.

PSZRI, 1784 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the first edition]. Vol. XXII. № 16117.

PSZRI, 1835 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the second edition]. Vol. X. № 7976.

Putro, 1988 – *Putro A.I.* Levoberezhnaya Ukraina v sostave Rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVIII v.: (nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya) [Left-bank Ukraine in the Russian state in the second half of the XVIII century: (some of the issues of socio-economic and socio-political development)]. Kyiv, 1988.

Strukevich, 1996 – *Strukevich O.K.* Ukraina-Get'manshchina ta Rosiys'ka imperiya protyagom 50–80-kh rokiv XVIII st.: (politiko-administrativniy aspekt problemi) [Hetman Ukraine and the Russian Empire during the 50-80 years of XVIII century: (political and administrative aspects of the problem)]. Kyiv, 1996.

Tot, 2013 – *Tot Yu.V.* Reorganising the Local Government at the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I. *Bylye Gody*. 2013. 30 (4): 36-44.

TsGIAUK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskii arkhiv Ukrainy v g. Kyiv [Central State Historical Archive of Ukraine in Kyiv].

Biblioteka Narodowa – Biblioteka Narodowa w Warszawie. Dział mikrofilmów [The National Library in Warsaw. Microfilms department], Rps. PAN Kr. 273, mf. 25651. 96 k.

Kappeler, 2014 – *Kappeler A.* (2014) Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5, Is. 2: 107-115.

УДК 94(477) «176/179»

Инкорпорация бунчукового товарищества в состав служебной и социальной элиты Российской империи в последней трети XVIII в.Ирина Ивановна Кривошея^{a, *}, Сергей Иванович Дегтярев^b^a Уманьский государственный педагогический университет имени Павла Тычины, Украина^b Сумский государственный университет, Украина

Аннотация. Статья посвящена высшей прослойке неурядовой казацкой старшины Левобережной Украины – бунчуковым товарищам. Особое внимание уделено процессу инкорпорации бунчукового товарищества в состав служебной и социальной элиты Российской империи. В течение последних десятилетий существования казацкой государственности бунчуковые товарищи постепенно превратились в военных и чиновников высокого уровня. В 1780-х годах они все получили права российского дворянства. В работе также приводятся данные о количестве бунчуковых товарищей в казацких полках в начале 1780-х годов, указано, сколько их было также на гражданской государственной службе в течение 1782–1796 гг.

Авторы пришли к выводу, что социальный и служебный статус бунчуковых товарищей в XVIII веке был очень высок. Это признавали и представители российской администрации на украинских землях. Это способствовало тому, что за бунчуковыми товарищами легко закреплялись права дворянства Российской империи, а на государственной службе они занимали должности среднего звена получая при этом чины не ниже коллежского ассесора.

Ключевые слова: казацкая старшина, неурядовая старшина, бунчуковое товарищество, дворянство, Гетманщина, Российская империя, XVIII век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iiivahnuk@i.ua (И.И. Кривошея), starsergo@bigmir.net (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1127-1136, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773–1775

Olga I. Golovanova ^{a, *}^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article on a basis the skoropisnykh of documents of the Tyumen voyevodsky office the events in the city and the county connected with people's movement under the leadership of Yemelyan Pugachev 1773–1775 are recovered. It is obvious that Tyumen became a strong point in fight with risen. All weight and responsibility laid down on "shoulders" of the Tyumen voyevodsky office headed by the voivode. The author describes preparation for defense, participation of the Tyumen military teams and inhabitants in suppression of a revolt in Siberia and in the Urals, and also repressive actions from local administration. In article stages of the "Tyumen" fight are allocated, the factors which determined a vector of succession of events in the Tyumen County are considered. It is supposed that sharpness of the conflict for expansion of independent insurgent movement, in principle, wasn't. In work the attempt of judgment of the reasons of focal revolts in the county becomes, their spontaneity is emphasized. The role of the government troops which determined fundamental change in events in the Urals and Siberia including in the Tyumen County is considered.

Keywords: source, document, Tyumen voyevodsky office, people's movement, voivode Tikhomirov, Cossack Yemelyan Pugachev.

1. Введение

Народное движение под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. является крупнейшим социальным протестом, привлечшим в свои ряды несколько сотен тысяч человек и охватившим большую часть Российской империи: Оренбургский край, Урал, Прикамье, часть Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ряды восставших вливались люди разных национальностей. Здесь были выходцы не только из крестьян, но и из казаков и других сословий, горожан, заводских работников, дворовых слуг и др.

Актуальность статьи заключается во введении в научный оборот новых региональных источников, связанных с народным движением под руководством Емельяна Пугачева. Это позволит более детально восстановить события в Тюмени и Тюменском уезде, глубже понять процессы, связанные с распространением повстанческого движения и с его подавлением, а также проследить влияние восстания на дальнейшую государственную политику Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Материалом исследования послужили документы, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области. Их общий объем – 807 страниц рукописного текста. Жанровый состав – указ, промемория, ордер, предложение, рапорт, экстракт, допрос, копия с журнала, протокол заседания. Делопроизводственные материалы выполнены скорописью, характерной для XVIII в. В связи с этим, во-первых, возникает проблема прочтения источников. Во-вторых, проблема преодоления историко-культурной дистанции. В третьих, проблема, связанная с интерпретацией исторической реальности современными исследователем. В статье фрагменты источников воспроизводятся по всем правилам транслитерации исторического текста с сохранением орфографии, выносных букв, титлов.

* Corresponding author

E-mail addresses: golovanova.o@list.ru (O.I. Golovanova)

2.2. На первом этапе, в статье использована система методов, связанных с поиском, обнаружением, отбором источников, их всесторонним критическим анализом, установлением достоверности и информативной ценности источника. На этапе реконструкции использован идеографический метод, способствовавший воссозданию исторической реальности в городе и уезде в исследуемый период. Данный метод помог выявлению факторов, определивших вектор событий в Тюмени и уезде. Сравнительно-исторический метод дал возможность выделить, сопоставить и кратко охарактеризовать этапы «тюменской» войны. Историко-генетический метод раскрыл процессы, связанные с распространением повстанческого движения и его подавлением. Системный метод помог ввести историю Тюменского уезда в общероссийский контекст, проанализировать (пусть не прямое) влияние этих событий на общий ход народного движения. При подсчете количественных данных использовался математический метод.

3. Обсуждение

Интерес со стороны исследователей к изучению данного феномена в России не ослабевает. Накопленные знания позволяют поднять комплекс проблем, среди которых, влияние конфликта на социально-экономическое развитие государства, проблема роли личности в историческом процессе, вопрос о роли народа в истории и т.д.

О пугачевском восстании написано достаточно много научной литературы. Явление, именуемое по-разному (пугачевщина, восстание, крестьянская война, гражданская война, бунт и т.д.), в зависимости от времени и идеологии трактовалось с различных позиций.

Практически у всех дореволюционных исследователей было отрицательное отношение к народному движению, которое рассматривалось как бессмысленный мятеж, унесший большое количество человеческих жизней. Одним из первых историков, которому было разрешено работать с материалами архива был Н.Ф. Дубровин ([Дубровин, 1884](#)). Историк А.И. Дмитриев-Мамонов рассматривает ход восстания, успехи и поражение пугачевского войска, движение правительственных войск и т.д. ([Дмитриев-Мамонов, 1907](#)).

Советские историки внесли большой вклад в изучение данного явления. Исследователи рассматривали предпосылки выступления, идеологию восставших, описывали военные действия и подводили итоги войны, выявляли причины вовлечения в движение различных слоев и групп населения и т.д. ([Сивков, 1950](#); [Троицкий, 1969](#); [Мавродин, 1966](#); [Андрущенко, 1969](#); [Рындзюнский, Рахматуллин, 1972](#); [Лимонов, 1974](#); [Белявский, 1978](#); [Муратов, 1980](#); [Буганов, 1984](#)). Такие работы дали возможность представить восстание (крестьянская война) в целом. Однако их труды были написаны в рамках существовавшей идеологии и базировались на теории классовой войны.

Несмотря на то, что в настоящее время наблюдается небольшой спад в изучении данной проблематики, появляются перспективные исследования по общим и частным вопросам ([Соловьев, 1991](#); [Шахмагонов, 1991](#); [Овчинников, 1995](#); [Майорова, 1999](#); [Александрер, 2012](#)). Некоторые исследователи рассматривают данный феномен на междисциплинарном уровне. Так, ученый В.Я. Мауль изучает социокультурное пространство пугачевского бунта на уровне ментальности ([Мауль, 2012](#)).

Таким образом, историография восстания под предводительством Емельяна Пугачева имеет давнюю традицию. Изменение точек зрения на разных этапах свидетельствует о сложности данного феномена. Его нельзя рассматривать в рамках антиправительственного восстания или крестьянской войны. Поэтому тема актуальна и сейчас.

История Тюменского уезда 1773–1775 гг. не была отдельным предметом изучения, в силу неяркости событий, т.к. территория не была охвачена восстанием, а имелись лишь очаги повстанческого движения. Однако именно от подобных регионов зависело дальнейшее развертывание событий: волеются они в повстанческое движение и придадут новый импульс восстанию или останутся верноподданными Екатерины II и Российской империи. В сознании тюменцев возникали закономерные вопросы: что будет дальше? Что делать?

К числу вопросов, не получивших, с нашей точки зрения, достаточно полного освещения, относится организация управления в уезде в условиях приближения восставших. Из-за фрагментарности делопроизводственных материалов, а также имеющегося в них одностороннего подхода (государственный фактор) сложным вопросом является воссоздание социальной ситуации в уезде.

4. Результаты

В Тюмени и уезде не было открытых военных столкновений с восставшими. Однако повстанческое движение имело место в Тугульме, с. Липчинском, сл. Усть-Ницинской, д. Сунгуровой и др. В Тюмени зафиксирована попытка организации бунта ссыльными.

Особенно сложной и напряженной была обстановка в уезде в январе-феврале 1774 г., когда линия противостояния находилась довольно близко, т.к. восстанием были охвачены районы Шадринска, Екатеринбургa, Кургана, Ирбитской слободы и т.д. Первые «благие известия» о разгроме восставших появятся только весной 1774 г.

В Тюменской воеводской канцелярии во главе с воеводой коллежским ассессором Михаилом Ивановичем Тихомировым проводились различные мероприятия, не допускающие в этот период не только приближения «самозванцевой команды», но и формирования повстанческого движения в городе и уезде.

Опасность исходила со стороны Исетской провинции, доказательством чего является следующее: «ежели чрез кого уведают что оные злодеи оказыватца будут в Исетском воеводстве или в слободе оной то о том того ж часу с нарочным сюда ж репортоват о чем как в Сибирскую губернскую канцелярию так и его высокопревосходительству гдину генерал поручику лейбгвардии пример майору Сибирскому губернатору и кавалеру Денису Ивановичу Чичерину отрепортоват» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 32).

О сложившейся ситуации вокруг Тюмени и уезда можно судить из промемории (конец января 1774 г.) коменданта города Андрея Петровича Устьянцева воеводе: «час от часу здешнему городу становитца опаснее», поэтому воеводская канцелярия предупреждает обывателей, чтоб «от злодеиских и разбоинческих набегов приняли на себя возможную предосторожность и каждой обывател какое может имет содержать бы при себе и ко обороне своей и защищению оружие» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 31, 159).

Документы свидетельствуют, что основная информация о продвижении восставших шла не «сверху», а «снизу», т.е. из близлежащих присутственных мест (Шадринская, Куртамышская, Исетская канцелярии и т.д.). Внутри уезда постоянно осуществлялось движение документопотоков, включая документы с реквизитом «секретно».

Ямщикам и нарочным (гонцам, курьерам), осуществлявшим почтовые перевозки, доставку казенных писем, велено иметь при себе оружие или копьё. Сохранилась уникальная персональная ведомость, содержащая перепись ямщиков Тюмени и Тюменского уезда (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 93-112). Из 356 ямщиков только 33 имели ружья. Для развоза казенных пакетов обывательским подводам выдавали особые билеты («подорожные»), без которых на учрежденных воеводой караульных постах проезд был запрещен (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 165).

Воеводская канцелярия приказала оставить только одну дорогу на Тугулым, а остальные «завалить лесомъ», на воротах, где есть «жилы», «установить рогатки». Поездки в Екатеринбург были запрещены (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 28). 30 января 1774 г. воевода дал приказ в недельный срок всему податному населению города и уезда изготовить рогатки: городовым разночинцам – 639 рогаток, верхнему стану – 1349, кармацкому – 1280, пышминскому – 860, нижнему – 500. Посадским и цеховым крестьянам – 1420, экономическим крестьянам – 1278, ямщикам – 1278. Требования к изготовлению следующие: длиною в «сажень и чтоб были у тех рогаток брусья троегранные дабы пробить по обоим сторонам для вмещения игол чрез шесть вершков, а иголы были каждая по три аршина и привести в город незамедлительно» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5452. Лл. 5-6). Следует обратить внимание на то, что уезд, состоящий предположительно из 34 населенных пунктов, делился на 5 станов (городовой, нижний, верхний, кармацкий, пышминский).

В феврале 1774 г. в селах и деревнях уезда были организованы заставы (д. Сунгурово, д. Червишево, с. Тугулым, д. Лучинская, с. Липчинская, д. Галашево, д. Салаирка, Тарманские юрты, Заболотные юрты и др.). Например, в деревнях Сунгуровой и Червишевой учреждены заставы и определены ответственные из числа офицеров, которые должны организовать из обывателей дневной и ночной караул «и накрепко смотрет и разведывает о таковых злодеях и ежел кто не имея писменных пропусков или мало чем окажетца подозрительным караулом прислат в тюменскую воеводскую канцелярию того ж часу». На заставах определены выборные штатные смотрители. На тугулымскую заставу (занимавшую пограничное положение) было отправлено 153 чел.; на заставу в д. Галашево – 114 чел.; оставлено по основным дорогам для «разгону подвод при домах» 669 чел. (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 140-141, 239, 297, 298).

В документах обозначилась и главная проблема – отсутствие военной силы и оружия не только в Тюменском уезде, но и в близлежащих территориях. Например, в Исетске: «от злодеиского нападения артиллерии и пороху нисколько не состоит и хотя крестьянство и есть, а оружия не имеющия, а отставные от военной службы престарелые и потому ж без оруженне и ко всем тем обстоятельством здешнее общество паче чаяния о^т нападения злодейского никакого спасения не имеет» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 29, 300).

В предложении от губернатора Чичерина в Тюменскую воеводскую канцелярию (по секрету) сообщается, что из Тобольска направлено в конце января 1774 г. в Челябинск, Шадринск, Екатеринбург, Ялуторовск 20 пудов пороха и ружья «для роздачи выписным казакам», а «оставшия за негодностию и с нуждою починиваны и те все розданы вновь набираемымъ рекрутамъ». На просьбу тюменского воеводы о военной помощи сообщается, что «Тюменскую воеводскую канцелярию снабдить нечем». На очередную просьбу сообщается, что солдаты «раскомандированы в разные места, а особливо в предосторожности в Ялуторовскъ, а хотя в Таболске команда есть, но те оставлены для содержания всякой предосторожности почему в Тюмень солдат послать неково» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 86, 218).

В документах указывается, что в ведении коменданта Тюмени находились 12-я и 13-я легкие полевые команды. Были и приписные казаки. Однако все они направлены с указания губернатора на

подавление повстанческого движения в Краснослободское, Ялуторовское, Верхнетуринское ведомства. Приписные казаки находились в Екатеринбурге, Шадринске, на Кыштымском заводе (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 772, 777, 779).

При Тюменской воеводской канцелярии оставалась только штабная команда, состоящая из 4 офицеров и 9 рядовых. В документах указывается на наличие в городе солдат, которых было не более 30 (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 61, 212).

В феврале 1774 г. в Тюмень для несения караула, кроме местного населения (143 чел.), было переброшено из других деревень 365 чел. К началу марта караул города составлял 1546 чел. Для несения караула набирали желающих на «побеждение злодеевъ» только из верноподданных крестьян. И только после крупных побед правительственных войск (март 1774 г.) численность караула сократилась до 1066 чел. В апреле 1774 г. Тюмени было оставлено 490 чел.: посадских конных – 50; пеших – 100; ямщиков конных – 50, пеших – 50; крестьян пеших – 200, бухарцев конных – 20, ясачных татар конных – 20. Остальных отпустили домой (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 443, 515).

В Тюмени на случай приближения восставших было организовано народное ополчение. Крестьяне и разночинцы были поделены на сотни, в каждой сотне определены сотники и по два пятидесятника «дабы в случае нужды чрез них тот вооруженной народ удобнее собрать и к обороне употребить было возможно» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 160). В Тюмени, согласно переписи мужского населения, у посадских было 14 ружий, 7 винтовок, 18 пистолетов и 138 копий, у цеховых – 2 ружья, 7 винтовок, 128 копий (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 4-18, 172).

Около Спасской церкви (считается, что церковь построена в 1796 г., однако на этом месте в начале XVIII века стояла перенесенная с другого места деревянная церковь Спаса, упоминаемая в Дозорной книге 1624 г.) на валу была построена батарея для пушек. Для ее постройки срочно собирали круглый лес, тес, плахи и т.д. Примечательно, что городские «всякого чина жители» добровольно привозили сюда материал для постройки (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 161, 166).

Воеводская канцелярия в случае приближения восставших рекомендовала делать проруби и закладывать их лесом, организовать колокольный звон и барабанный бой для сбора воинской команды и всех жителей города. По приказу воеводы кузнечного дела мастерами и цеховыми крестьянами было изготовлено 400 копий, которые были посажены на шести длиной в четыре аршина. Были починены все старинные чугунные пушки и отлиты пушечные дробы (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 302, 443, 444, 534).

Архивные источники зафиксировали фрагмент рапорта коменданта Устьянцева губернатору Чичерину, в котором сообщается, что жители Тюменского уезда «крестьяне разночинцы бухарцы есашные и протчие татары отозвались единодушно быть в непоколебимой к сеи ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейшей верности и усердия» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 213).

Таким образом, со стороны администрации уезда было сделано все возможное для обороны города и уезда. Тюменцы рассчитывали на собственные силы: военные и «моральные». Устояли бы эти силы – вопрос времени.

О приближении к Тюмени и уезду «злодейского вора и изменника Пугачева толп и бунтавщиковъ башкинцов» в документах зафиксировано следующее (все документы направлены в Тюменскую воеводскую канцелярию): комендант Устьянцев сообщает (конец января 1774 г.), что «оказались уже по сю сторону Екатеринбурха по бо^лшой дороге в 96 верстах»; в промемории («по секрету») из Исетска сообщено, что «в городе Челябине от разбойническаго набегу обывателям учинен немалой страх и опасны были от разорения и пожара»; в промемории (14 февраля 1774 г.) из Окуневской управительной канцелярии сообщается о «приближающихся вора^х и осаждении оными Кургамышского ведомства села Долговского»; 17 февраля 1774 г. разведка показала, что «злодейская партия вступила и заняли лежащих от Тюмени по Екатеринбургской дороге во 160 верстах Красноярскую слободу»; 19 февраля 1774 г. прислана промемория из Верхотурья о том, что «злодейская толпа разоривъ Каменской казенной заводъ двинулась по разным крестьянским селениям» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 26, 28, 159, 193, 211-212, 266, 346, 300). Восставшие, «стоящие в погосте Камышлов двинулись к своим сообщникам Ертарского завода к работным»; «Шадринскъ осажденъ»; «за деревней Хандориной в поле лагерь»; «ближе стоящая к Тюменскому ведомству стоящая при деревне Кила^х злодейская толпа» и т.д. (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 5, 284, 309, 346, 430, 513, 517).

Что касается Тюменского уезда, то восставшие максимально приблизились примерно к началу марта 1774 г. В их планы входил захват населенных пунктов Тюменского уезда: «злодейская воровская партия стремится придти Тюменскаго ведомства в экономическое село Спаское», а оттуда «точно намерение имеют идти на тот Успенской завод» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 367). В документах зафиксировано, что восставшие появились 5 марта 1774 г. в с. Спасское (Тюменский уезд!): «на сырной неделе в понедельник приехавши в село из злодейской команды два человека и объявили крестьянам чтоб ехали слушать их указ» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 430).

«Тюменские» источники свидетельствуют о бесчинствах пугачевцев, хотя следует отметить субъективность документов. На страницах значится: «неприятельская сила», «бунтовщики», «преступники», «самозванцева партия», «злодеи», «воры», «шайка», «тираны и бесчеловечные

мучители». На занятых территориях, со слов свидетелей событий, они жгли деревни, грабили, убивали людей. Жгли документы присутственных мест, грабили государственную казну.

Так, 6 февраля 1774 г. в Таловскую слободу прибыли крестьяне со своими семьями, т.к. бунтовщики выжгли их деревню Косолину и «убили живущих во оной досмерти». 7 февраля 1774 г. бунтовщики призвали крестьян Окуневской, Карачельской форпостов и Пещанской слободы к присяге на верность «под именем покойнаго императора Петра Третьего». А «ежели в каком либо месте разного чина обватели в их волю не предадутся то таковых вешают и тирански мучают». 12 февраля 1774 г., а жителей пристарелых колот молодых и малолетних обоего пола в полон уводят» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 162, 195).

Для пополнения своего войска восставшие посылали в села и деревни старшин, где «будучи всех крестьян прелщают и приводят к себе в послушание». Например, в Камышловской слободе «денежную казну забирают и годныхъ крестьянъ в свою команду в казаки набирают» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 212, 266). Свидетели событий говорили также и о запугивании: «и приезжаетъ злодейская сила по Климиной деревне и говорят нимъ крестьянам ежели в из домов убежите то ваши дома все разорим и пустим на поругателство» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 346).

Информация о численности восставших в январе-марте 1774 г. на Урале и в Сибири отсутствовала (официальные данные появятся позже), получить которую было практически невозможно. В документах из Верхнотурья, Исетска и др. записано: «в какомъ числе злодеи движение имеют достоверно известия получить неможно ибо оные посланных для разведывания служители перехватывают»; «партия в коеи многочисленное число людей сколко числа не знаютъ», «в болшом числе» и т.д. (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 211, 300, 430).

Поведение местных крестьян отражена в документах: крестьяне «де ни мало не чиня сопротивления в том их наборе со своих деревень людьми дают им помощь без препятственно». Беляковская канцелярия, прося у Тюменской воеводской канцелярии военнотружущих, сообщает, что «на одних здешнихъ крестьянъ положитца неможно»; «да и других ведомствах от крестьянъ такового ж злодейства ожидать надобно»; крестьяне «по усмотрению бунтавщиков вскоре побрататца могут» и т.д. (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 213, 284, 376).

Многие крестьяне не знали, что им делать: «живущие по сю сторону подзаводские мужики говорить <...>, боясь де их воровъ и все к ним пойдут ис чего де их воровское собрание теми вновь набирающимися от них крестьянами умножаетца» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 213). 26 февраля 1774 г. в Тюменскую воеводскую канцелярию поступил «покорнейший рапортъ» из с. Спасское от старосты Попкова, сотника Калинина и всех мирских людей, которые просят помощи у воеводы (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 346).

Из Ялуторовского уезда (март 1774 г.) сообщили, что взбунтовались крестьяне в Иковской, Белозерской и Маранской слободах. В Иковской слободе капитана Смолянинова перевязали и держат в амбаре. Здесь имела место пушечная стрельба (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 376). В Ирбите взбунтовались крестьяне, однако впоследствии сдались. В этой слободе был пойман «злодеи», которого вначале повесили, а затем сняли и разрубили «на мелкие части в страхъ злодейской толпе развешанъ» (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 456-457).

Властями был обвинен в пособничестве армии Пугачева иеромонах Верхотурского монастыря Гай, которого, закованного в ножные кандалы, 7 марта 1774 г. секретно переправили из Туринской воеводской канцелярии через Тюмень в Тобольск (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 448).

В Тюменском уезде 1 марта 1774 г. зафиксирована попытка организовать бунт крестьянами Усть-Ницинской слободы. Их обвинили в том, что они не выполняют приказы коменданта и «верноподданныхъ крестьянъ приводятъ в замешательство и страхъ». Организаторов бунта арестовали, и, «набив на руки и на ноги крепкия деревянные колотки», доставили в Тюменскую воеводскую канцелярию, далее в Тобольск (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 372, 387).

Не все спокойно было и в самом городе. До наших дней дошел уникальный документ – экстракт, фиксирующий пресечение Тюменской воеводской канцелярией попытки организации бунта ссыльными в феврале 1774 г. (см.: Голованова, 2016: 53).

Согласно следственным мероприятиям, в начале 1774 г. во время работ на строительстве батареи, предположительно у Спасской церкви, ссыльные обсуждали, что «когда злодейская самозванцева партия» подойдет к Тюмени, можно «коменданта воеводу товарища и других чиновных людей прирезать и дома разграбить», а затем «в ту толпу злодейскую податся» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5454а. Л. 3). Указывалось их желание вернуться домой «в Россию» (в XVIII в. в сознании многих обывателей Российской империи Сибирь все еще рассматривалась как отдельная территория). Эта тема обсуждалась ими на базаре, в домах и т.д.

Доказано, что Иван Тельной ездил в Беляковскую слободу «разведал и от обыватели тамошних известился то они к Беляковке приблизатся будут и в Тюмень; а как те злодеи в Беляковку вступили то он возвратяся в Тюмень приехав в учрежденную заставу околною дорогою объявил о том старосте Терикову и протчими присыльными с которыми имел согласие» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5454а. Л. 5).

Во время судебного разбирательства по обвинению в организации бунта и намерении убить воеводу и его помощников были установлены степень вины 65 подозреваемых. Иван Ряскин «имел

злодейское намерение <...> коменданта и других начальников убить и дома разграбить»; Данила Евдокимов: «от Рясина слышал <...> и согласился»; Родион Семенов, Яков Игнатьев, Тихон Савельев, Григорий Мельников и др. «слышали от Рясина и соглашались» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5454а. Лл. 2, 4-5, 12-13).

В документе присутствуют ссылки не только на добровольное признание вины, но и на применение допросов и очных ставок «с пристрастием» (при «запирательстве»), после которых трое умерло. Следует отметить, что многие из ссыльных были направлены из европейской части Российской империи за особо тяжкие преступления (убийство людей), «с наказанием кнутом и вырезанием ноздри и постановлением знаков в Нерчинск вечно в тягчайшую работу» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5454а. Лл. 4-5, 7, 11, 14-15). Однако, как оказалось на практике, многие из направленных в Нерчинск к моменту восстания жили в Тюмени, имели свой дом, семью и детей.

Анализ документов подтверждает, что крестьяне действительно поднимали бунт и переходили в лагерь восставших. И чем ближе к линии восстания, тем больше крестьян бунтовало. Но многие из них делали это вынужденно, опасаясь последствий. Некоторые поддавались влиянию большинства.

Следует обратить внимание на особенности социально-экономического развития Тобольской губернии, в том числе и Тюменского уезда. Все, кроме использования государством территории как места ссылки, способствовало снятию социальной напряженности в обществе: отсутствие помещичьего землевладения, многоукладность экономики, большое количество свободной земли, отдаленность от центра, низкая плотность населения, многонациональный состав.

В связи с этим предполагаем, что протест местного населения имел не антифеодалную направленность, а мог быть адресован сибирской администрации. Возможен антагонизм, основанный на межличностных отношениях и т.д. Что касается ссыльных (с позиции современников – это преступная субкультура), то здесь может быть целый комплекс мотивов для бунта.

Несмотря на то, что Тобольский губернатор Чичерин, перечисляя «неблагонадежные» ведомства (Ялуторовское, Краснослободское, Туринское, Верхнетуринское), в которые были направлены им военные detaшаменты (воинские подразделения для спецзадания), отметил и Тюменский уезд, повстанческое движение здесь в сравнении с другими уездами не получило массового характера (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 756).

Коренной перелом в ходе восстания сыграли правительственные войска. Первые «благоприятные известия» появляются в конце февраля 1774 г., когда генерал поручик и кавалер Иван Александрович Деколонг, будучи в Шадринске с войском, выступил по Исетской дороге в направлении Маслянской слободы. 22 февраля 1774 г. он освободил деревню Илтянову и «многоя злодейская воровская партия везде наголову побита» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 309).

На этом этапе (март-май 1774 г.) основной задачей Тюменской воеводской канцелярии было донесение информации о победах до всех слоев населения уезда. Канцелярия проводила так называемую «информационную войну»: с одной стороны, формировала у обывателей образ врага, злодея, вора Пугачева и его «толпы» через «распубликование» определенных документов, с другой стороны, создавала победоносный образ правительственных войск.

«Тюменские» источники содержат информацию о значимых победах правительственных войск (взятии Татищевой крепости, Троицей крепости, освобождении Оренбурга); о поимке жены (второй) и соратников Пугачева; преследовании восставших и т.д. Особо подчеркивается в документах розыск казака Емельяна Пугачева (возмутитель, вор, преступник, самозванец, мучитель, тиран и т.д.).

Сохранилась копия рапорта генерал-майора князя Голицина генерал-аншефу лейб-гвардии премьер-майору Александру Ильичу Бибикову (главнокомандующему войсками), который находился в Екатеринбурге (умер в апреле 1774 г, главнокомандующим назначен П.И. Панин). Князь Голицин сообщил о взятии Татищевой крепости 22 марта 1774 г.: «злодеи разсудили встретит корпус в Татищевой крепости и приведя большие пушки к деревянным стенам снеговой вал и облив оной водою обморозил <...> сокрушил бои лейбгвардии поручик Александр Толстой <...> злодеи начали было бегством но расставлены вокруг крепости detaшаменты путь имъ пресекавъ истребляли и брали в полон некоторые бросаясь на реку Яикъ бедной живот свои оканчивали». Сообщается, что убито более 2 тыс. человек, 3 тыс. пленных, 600 яицких казаков. Изъято 36 больших пищадей, «куда сам злодеи ежели не погиб между убитыми чего еще узнать было невозможно» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 587-588, 600).

3 апреля 1774 г. князь Голицин в городке Сакмарск «преследовал 2 тыс. башкирцев и протчеи отчаяной сволочи всего 4 тыс.». Сообщает, что для победы над восставшими люди отдавали последних своих лошадей. Пугачев «имел четырех готовых лошадей бежал на Пречисленскую крепость». 12 апреля 1774 г. он вступил в Оренбург: «город восхищен приносит молитву за здравие ЕЯ ИВ что матернием ее попечителям избавлен от варварской толпы голот обитал и надежда была потеряна то теперь изобилие из Сорочинского магазейна на две тысячи подвод блиско сюда следуют» (ГАТО, Ф.1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 620-627).

19 мая 1774 г. П.М. Голицин сообщает губернатору Чичерину: «по совершенному поражению злодейской главной толпы, об освобождении Оренбурга, и восстановлению во всей губернии спокойствия и к приведению бунтующие народы в должное повиновение» корпус генерал-майора

Д.П. Мансурова движется по реке Яик, генерал-майора Ф.Ю. Фреймана в Башкирии догоняет Пугачева (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 671-672).

В городе Исетске (Исетская провинция) в мае 1774 г. находится подполковник И.И. Михельсон, который сообщает о «восстановлении тишины и разбитии многочисленной толпы в окрестностях сего города». У него под стражей содержится «называемой граф Чернышов будучи пойман в Табынскъ тамошними казаками». Башкирские старейшины просят о помиловании. Они обязались «искоренить злодейские везде зборища но и самого самозванца изловить» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 634-635). 20 мая 1774 взята Троицкая крепость (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 661).

Особой страницей в истории уезда является участие тюменских военных отрядов и обывателей уезда в сражениях. Сохранившиеся документы позволяют фрагментарно проследить путь 12-й легкой полевой команды, которая была направлена в помощь Исетскому дистрикту «навстречу злодеев разбоиников ко истреблению их так де и к обороне от оных» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 218). Задача команды – прибыть к Краснослободку через Беляковскую слободу. В ордере от 16 февраля 1774 г. описан маршрут: «следоват к Екатеринбург по опасности не заходя в Долматов и Шардинск Ялуторовского дистрикта на винокуренной завод, а с того завода Тюменского ведомства на Сингулския юрты и на новозаведенной Походяшинъ винокуренной завод, оттуда Беляковскую слободу» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 222). Во многих документах присутствуют «следы» движения полевой команды (см.: ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 266, 284, 300). Например, 19 февраля 1774 г. 12-ю команду ожидали в Беляковской слободе, однако она, не заходя в «здешнее селение», прошла по Исети дальше (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 224). Командир – пример-майор Желобоев. Количество и ее состав членов команды неизвестны. Удалось установить, что для похода было подготовлено 350 подвод.

Кузнецкая 13-я легкая полевая команда 12 марта 1774 г. прибыла в Ялуторовское ведомство и освободила Пухову слободу от повстанцев: «злодеи разбиты и предводитель атаманъ Ковалевской убить ис подобными себе злодеями в доказательство злодейства повешаны взято 6 чугунныхъ пушек со снарядами и побито тех злодеев до шестисот человек, а оставшие все разбежались кому куда» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 517).

14 марта 1774 г. ближе стоящая к Тюменскому ведомству «при деревне Килах злодейская толпа командированными из Тюмени с вооруженными обывателями командою прогната, ис того опасность уменьшилась» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 513).

Особое внимание было уделено в «присматривании» в уезде главного государственного преступника – казака Емельяна Пугачева. В мае 1774 г. было опубликовано в уездных селениях описание внешности Емельяна Пугачева, присланное из Исетской провинции, на случай «где ежел паче чаяния оной злодеи Пугачевъ в каком либо жителстве случится всеми силами стараться изловить приметамы ж оной возмутитель росту среднего лицомъ смугль волосы на голове и бороде темнорусые с сединою во рту в верхней челюсти одного зуба нетъ да и правая рука прострелена» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 622, 665-666).

Сохранился и прекрасно дошел до наших дней собственноручный текст воеводы Тихомирова: «Отъ прибывших из Петербурга курьевов Яъ верное имею известие, што бывшие в толпе злодея Пугачева и самые к нему ближние старшины яицкого войска видя приближение ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА войска и неизбежную свою за учиненные злодеяния погибель решили доказать государству свою услугу схватя самово тово злодея предводителя своего Пугачева, с теми курьерами встретились под Москвою» (подпись Тихомиров). Дата документа не указана, хотя это было после ареста Пугачева (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 268).

После того как реальная угроза со стороны восставших миновала, Тюменская воеводская канцелярия занималась сбором данных о погибших, пострадавших, участвовавших в восстании, сбежавших крестьян и казаков. Закономерны также и карательные мероприятия.

Например, 25 ноября 1774 г. Чичерин запрашивает информацию о «счислении душъ крестьяновъ и другихъ чинов людей сколько ихъ до бывшихъ замешательствъ в каждой слободе наличныхъ имелось; сначала замешательства разными случаями убитых кроме умерших самъ собою убитых с злодейской стороны пришедшими шайками; а потом убитых же посланными на усмирение военными командами; наконецъ нераскающихся в своем преступлении а укрывающихся еще в бегах» (по форме) (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 757). К сожалению, ведомость нами пока в архивном массиве не обнаружена.

Отдельно запрашивалась информация о выписных казаках, которые были отправлены в уезд в 1773 г. «кто именно из них убиты другие и поныне не явились и обретаются в бегах» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 771). Так, в ведомости из Тюменской воеводской канцелярии указывается, что против неприятеля было послано 162 чел., из них 120 казаков и 42 служилых татар. Из них «умерших в караулах при замешательствах» – 6, убитых от «злодейской шайки» – 8, повешенных в Шадринске «за злодейство» – 3, взятых в Шадринске в «злодейскую партию куда девались не известно» – 15 чел. (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 553).

5 декабря 1774 г. новый запрос о «грабежах казенного и партикулярных домов», ответ следующий: «разработано злодейской партии денег, домовъ нисколько не было» (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Л. 551-552).

В ноябре-декабре 1774 г. в Тюменском ведомстве «в окраинных граничущих другова ведомства с изменниками слободами селениями по краю оных» были установлены на выездах «по одной веселице для колесования по одному колесу к вешению за ребро по одному глаголю». В Тугулыме установлено 2 виселицы и 2 колеса, в Липчинском селе – 3 виселицы и 3 колеса, а в Сунгуровой – по 4 (ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5536. Лл. 749-750). Это свидетельствует о наличии в данных населенных пунктах «бунтарского» настроения.

5. Заключение

На основании архивных документов делаем вывод о том, что военные действия в Сибири продолжались 3 месяца с января по март 1774 г. В связи с этим можно выделить следующие этапы: 1) январь – февраль 1774 г. – расширение территории восставших и присоединение повстанческих районов. В Тюменском уезде бунтарское движение имело место в таких населенных пунктах, как Тугулым, Липчинское, Сунгурово, Усть-Ницинское (список может быть увеличен); 2) март – май 1774 г. – коренной перелом, победы правительственных войск и постепенный переход к мирной жизни в регионе; 3) май 1774 – декабрь 1774 г. – реакция тюменской администрации к причастным к восстанию.

На первом этапе в городе Тюмени и уезде под непосредственным руководством воеводы, формируется система обороны от неприятеля, предотвращается бунтарское движение; на втором этапе организуется и проводится информационное обеспечение жителей уезда о правительственных победах; на заключительном этапе подсчитываются людские и материальные потери, проводятся карательные мероприятия как по отношению отдельных селений, так и персональный.

Очевидно, что Тюмень становилась опорным пунктом для борьбы с повстанцами, рассчитывая на собственные силы. Усилиями жителей города и уезда во главе с воеводой была создана система обороны: организованы караульные посты, ограничены пути сообщения, существовал пропускной режим между населенными пунктами. В городе на случай приближения восставших было организовано народное ополчение, строились укрепительные сооружения, отливались копья и дроби, чинились пушки и т.д.

Особенности социально-экономического развития региона, которые в итоге сдерживали формирование социальной напряженности; деятельность тюменской администрации, которая максимально в сжатый срок обеспечила подготовку обороны и осуществляла общий контроль в уезде; поражение восставших и победы правительственных войск на Урале и в Сибири, – все это препятствовало возможности распространения восстания в уезде. Полагаем, что для тюменцев более характерны пассивные формы борьбы, например, подача челобитных в Тюменскую воеводскую канцелярию, или просто бегство.

Архивный материал подтверждает общепринятое мнение: недооценку размаха восстания со стороны государства, отсутствие общего плана борьбы с восставшими на начальном этапе. Вся тяжесть и ответственность ложилась на «плечи» сибирской администрации, включая и Тюменскую воеводскую канцелярию. Поэтому можно сказать, что город Тюмень и уезд, включаясь в события 1773–1775 гг., повлиял на их общий ход.

Народное движение под предводительством казака Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.), несомненно, способствовало пересмотру Екатериной Великой государственной концепции управления империей.

Литература

- Александр, 2012** – Александр Дж.Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 240 с.
- Андрущенко, 1969** – Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
- Белявский, 1978** – Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1978. № 3. С. 34-46.
- Буганов, 1984** – Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. 383 с.
- ГАТО** – Государственный архив Тюменской области.
- Голованова, 2016** – Голованова О.И. «Экстракт» как источник информации о «волнениях» в городе Тюмени в период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. // Общество: философия, история, культура. Изд-во «Хорс». 2016. № 1. С. 53-56.
- Дмитриев-Мамонов, 1907** – Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. 288 с.
- Дубровин, 1884** – Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1884. Т. 1. 411 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 415 с.
- Лимонов, 1974** – Лимонов Ю.А. Пугачев и пугачевцы. Л.: Наука, 1974. 188 с.
- Мавродин, 1966** – Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 307-320.

Майорова, 1999 – *Майорова А.С.* Материалы допросов участников Пугачевского восстания как биографический источник // *Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения.* М.: Русский мир, 1999. С. 256–258.

Мауль, 2012 – *Мауль В. Я.* Русский бунт в социокультурном измерении. Саарбрюккен, 2012. 442 с.

Муратов, 1980 – *Муратов Х.И.* Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1775). М.: Просвещение, 1980. 175 с.

Овчинников, 1995 – *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование). М.: ИРИ РАН, 1995. 272 с.

Рындзюнский, Рахматуллин, 1972 – *Рындзюнский П.Г., Рахматуллин М.А.* Некоторые итоги изучения Крестьянской войны 1773–1775 гг. // *Ист. СССР.* 1972. №2. С. 71–88.

Сивков, 1950 – *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII // *Исторические записки.* 1950. Т. 31. С. 88–135.

Соловьев, 1991 – *Соловьев В.М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (Пolemические заметки о крестьянских войнах в России) // *Ист. СССР.* 1991. №3. С.130–145.

Троицкий, 1969 – *Троицкий С.М.* Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // *Вопросы истории.* 1969. №3. С. 134–146.

Шахмагонов, 1991 – *Шахмагонов Н.Н.* Емельян Пугачев – разрушитель или герой? // *Человек и закон.* 1991. №3–4. С. 80–89.

References

Alexander, 2012 – *Alexander, Dzh. T.* The Russian power and a revolt under Yemelyan Pugachev's leadership. Ufa: IP Galiullin D. A., 2012. 240 p. [in Russian].

Andrushchenko, 1969 – *Andrushchenko A. I.* Peasant war of 1773–1775 on Yaika, in Cisural area, in the Urals and in Siberia. M.: Science, 1969. 360 p. [in Russian].

Belyavsky, 1978 – *Belyavsky M.T.* Some results of studying of ideology of participants of peasant war of 1773–1775 in Russia // *Vestn. Mosk. un-that. Ser.8: History.* 1978. No. 3. pp. 34–46 [in Russian].

Buganov, 1984 – *Buganov V. I.* Pugachev. M.: Young Guard, 1984. 383 p. [in Russian].

GATO – Public Records Office of the Tyumen region [in Russian].

Golovanova, 2016 – *Golovanova O. I.* "Extract" as a source of information on "disorders" in the city of Tyumen during peasant war under Yemelyan Pugachev's leadership 1773–1775 // *Society: philosophy, history, culture.* Hors publishing house. 2016. No. 1. pp. 53–56 [in Russian].

Dmitriyev-Mammons, 1907 – *Dmitriyev Mammons A.I.* Pugachev's rebellion in Zauralie and Siberia. SPb., 1907. 288 p. [in Russian].

Dubrovin, 1884 – *Dubrovin N. F.* Pugachev and his accomplices. SPb.: I.N typography. Skorokhodova, 1884. T. 1. 411 pages; T. 2. 424 pages; T. 3. 415 p. [in Russian].

Limonov, 1974 – *Limonov Yu. A.* Pugachev and pugachevets. L.: Science, 1974. 188 p. [in Russian].

Mavrodin, 1966 – *Mavrodin V.V.* The Soviet historical science about peasant wars in Russia // *Smirnov I. I., Mankov A. G., Podjyapolskaya E. P., Mavrodin V. V.* Peasant wars in Russia the 17–18th centuries. M.; L., 1966. pp. 307–320 [in Russian].

Mayorova, 1999 – *Mayorova A. S.* Materials of interrogations of participants of the Pugachevsky revolt as biographic source // *Russia in the 9–20th centuries. Problems of history, historiography and source study.* M.: Russian world, 1999. pp. 256–258 [in Russian].

Maul, 2012 – *Maul V.Ya.* The Russian revolt in sociocultural measurement. Saarbruecken, 2012. 442 p.

Muratov, 1980 – *Muratov H.I.* Peasant war under E.I. Pugachev's leadership (1773–1775). M.: Education, 1980. 175 p. [in Russian].

Ovchinnikov, 1995 – *Ovchinnikov R.V.* Investigation and trial of E.I. Pugachev and his associates (Source study research). M.: IRI RAS, 1995. 272 p. [in Russian].

Ryndzyunsky, Rakhmatullin, 1972 – *Ryndzyunsky P.G., Rakhmatullin M.A.* Some results of studying of Peasant war of 1773–1775. *Ist. USSR.* 1972. No. 2. pp. 71–88 [in Russian].

Sivkov, 1950 – *Sivkov K.V.* Samozvanchestvo in Russia in the last third of XVIII. *Historical notes.* 1950. T. 31. pp. 88–135 [in Russian].

Nightingales, 1991 – *Nightingales V.M.* Topical issues of studying of people's movements (Polemical notes about peasant wars in Russia). *Ist. USSR.* 1991. No. 3. pp. 130–145 [in Russian].

Troitsk, 1969 – *Troitsk S.M.* Impostors in Russia in the 17–18th centuries. *Vopr. ist.* 1969. No. 3. pp. 134–146 [in Russian].

Shakhmagonov, 1991 – *Shakhmagonov N. N.* Yemelyan Pugachev – the destroyer or the hero? *Person and law.* 1991. No. 3–4. pp. 80–89 [in Russian].

УДК 93

Тюменский уезд в период народного движения под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.Ольга Ивановна Голованова ^{а, *}^аТюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе скорописных документов Тюменской воеводской канцелярии восстанавливаются события в городе и уезде, связанные с народным движением под руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. Очевидно, что Тюмень становилась опорным пунктом в борьбе с восставшими. Вся тяжесть и ответственность ложилась на «плечи» Тюменской воеводской канцелярии во главе с воеводой. Автор описывает подготовку к обороне, участие тюменских военных команд и обывателей в подавлении восстания в Сибири и на Урале, а также репрессивные мероприятия со стороны местной администрации. В статье выделяются этапы «тюменской» борьбы, рассматриваются факторы, определившие вектор развития событий в Тюменском уезде. Предполагается, что остроты конфликта для развертывания самостоятельного повстанческого движения, в принципе, не было. В работе делается попытка осмысления причин очаговых бунтов в уезде, подчеркивается их стихийность. Рассматривается роль правительственных войск, определивших коренной перелом в событиях на Урале и Сибири, в том числе и в Тюменском уезде.

Ключевые слова: источник, документ, Тюменская воеводская канцелярия, народное движение, воевода Тихомиров, казак Емельян Пугачев.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: golovanova.o@list.ru (О.И. Голованова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1137-1147, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 398.324

The Ubykh`s Social Typology

Vladimir I. Kolesov^{a, *}^a E.D. Felitsyn`s Krasnodar State Historical and Archeological Museum, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to social structure of the Ubykhs, which depended on different patterns, such as environment (two landscape zones), livelihood culture and social organization of the production.

The author used unpublished documents from Krasnodarsky krai State Archive and personal sources. The author analyzed previous historical studies (A.N. Genko, P. Uslar, L.I. Lavrov, G. Dumezil, M.Kh.-B. Kishmakhov, M.G. Khafizova, V.I. Voroshilov, A.A. Cherkasov, etc.).

The author researched the role of political leaders in functional processes, especially Berzeks family. There is the observe of Russian influence on Ubykhs culture. The Ubykhs political integration was temporary and unstable.

In conclusion, the author analyzed the Ubykh “cultural core”. The Ubykhs society was the regional politia with simple chiefdom.

Keywords: Ubykhs, Black Sea Coast, Russian Empire, chiefdom, Berzeks, core of culture, society, politia

1. Введение

Трагическая история убыхов, одного из коренных народов Северо-Западного Кавказа, привлекает внимание специалистов в области гуманитарных наук уже более 150 лет (Лавров, 2009; Кишмахов, 2012). И если уникальность убыхского языка, занимающего особое срединное положение в семье адыго-абхазских языков, является общепризнанным фактом (Услар, 1887; Генко, 1928; Dumezil, 1931), то социокультурная классификация убыхской общности до сих пор вызывает оживленную дискуссию. Цель данной статьи рассмотреть убыхскую специфику в контексте концепции «ядра культуры» Дж. Стюарда (Johnson and Earle, 2000), во взаимосвязи адаптационных механизмов к реалиям окружающей среды, экономики и социальной организации производства, политической интеграции и расслоения.

2. Материалы и методы

В фокусе исследовательского внимания оказался период проживания убыхов на Северо-Западном Кавказе, до ухода в эмиграции, период целостности данной общности. Были использованы материалы как опубликованных (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), так и неопубликованных архивных источников Государственного архива Краснодарского края, среди которых наиболее ценными являются материалы, отложившиеся в фонде Начальника Черноморской Береговой линии (Ф. 260). Составленные российскими чиновниками (в основном, офицерами) на русском языке документы отражают реалии и события, происходившие на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг., при этом немалое внимание авторы уделяли взаимоотношениям с местным населением – убыхами, джигетами, черкесами. Кроме того, среди сохранившихся документальных источников ценны созданные от имени самих горцев клятвенные обещания (ГАКК. Ф. 260).

* Corresponding author

E-mail addresses: kolesov_v@yahoo.co.uk (V.I. Kolesov)

Использованные эго-документы середины XIX в. представляют собой дневниковые записи англичанина Джеймса Бэлла и воспоминания поляка Теофила Лапинского, участвовавших в событиях Кавказской войны на стороне местного горского населения (Бэлл 1, 2007; Бэлл 2, 2007; Лапинский, 1995). Гетерогенность анализируемых материалов позволяет исследовать сложные социально-политические ситуации и взаимодействия военного времени со стороны различных противоборствующих сторон. При анализе письменных источников использовался метод историзма – принцип рассмотрения природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, в закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. История изучаемого объекта воспроизводится во всей своей многогранности, с учетом мельчайших подробностей.

Для определения специфики убыхов как социокультурного организма нами были использованы совокупность методов и подходов, присущих как для теории социальной эволюции (Johnson and Earle, 2000: 26), так и для политической антропологии, а именно, анализ взаимосвязи использования ресурсов окружающей среды с редистрибуцией и надлокальной централизацией (Крадин, 2004: 167).

3. Обсуждение

Убыхская проблематика оказалась в фокусе внимания отечественных и зарубежных ученых-гуманитариев в последней четверти XIX в. Известный лингвист и этнограф П.К. Услар составил обзор состояния убыхского языка (Услар, 1887: 75–103). Позднее уже в Османской империи исчезающий убыхский язык исследовали Бенедиктсен и А. Дирр (Dirr 1928: 134), а в Турецкой республике – Ю. Месарош, Ж. Дюмезиль и Х. Фогт (Dumézil, 1931; Meszaros 1934; Vogt, 1963). Советские лингвисты А.Н. Генко, М.Я. Немировский внесли свой вклад в изучение убыхского языка (Генко, 1928; Немировский, 1947: 37–54). В советской историографии выделялась статья А.В. Фадеева об участии убыхов в освободительном движении на Западном Кавказе (Фадеев, 1935: 135–181), но специальных работ исследовавших культуру убыхов не появилось. После опубликования художественного произведения Б. Шинкубы «Последний из ушедших», прототипом главного героя которого стал последний носитель языка убых Тевфик Есенч, наблюдается рост интереса к истории, языку и культуре этой этнической общности. В постсоветский период была защищена кандидатская диссертация по историческим наукам М.Г. Хафизовой, в которой в том числе была рассмотрена социальная организация убыхов (Хафизова, 2007). В 2009 г. увидела свет рукопись выдающегося отечественного кавказоведа Л.И. Лаврова (1909–1982), не опубликованная при жизни автора (Лавров, 2009). Известный канадский исследователь Дж. Коларуссо выпустил монографию о нартской эпосе кавказских народов, в том числе и убыхов (Colarusso, 2002). В последние годы можно отметить выход фундаментальной монографии М.Х-Б. Кишмахова и ряд других исследовательских работ по убыхской тематике (Ворошилов, 2006; Кишмахов, 2012; Cherkasov et al., 2015).

4. Результаты

Территория проживания убыхов определялась в письменных источниках XIX в. как причерноморская часть Северо-Западного Кавказа: долины рек Саше, Хосты/Хамыш (Коков, 2000: 419), Субеши и Шахе, верховья Мзымты. Они соседствовали с севера с адыгскими сообществами шапсугами, абадзехами, а также – с абазинами, к югу – в горах с псхувцами, айбга и ахчипсоу (три общества джигетов-садзов, близкородственных абазинам), в низине в прибрежной полосе – с собственными джигетами (садзами). Со всеми своими соседними обществами убыхи находились в той или иной степени взаимоотношений – от консолидации и интеграции до вооруженных столкновений. По подсчетам исследователей, в середине 1830-х гг. убыхов насчитывалось до 12 тыс. чел. (Cherkasov et al., 2016: 387).

К середине XIX века сложилась две территориальных зоны проживания: прибрежная (смешанная), где «лингвистические» убыхи входили в состав обществ совместно с садзами, шапсугами, абхазами, и предгорная, место жизнедеятельности убыхских обществ («собственно» убыхов). Зыбкая граница между соседними обществами постоянно нарушалась, обуславливая взаимопроникновения социокультурных характеристик. Например, российские чиновники генерал-майор князь Бекович-Черкасский и полковник Гасфорт в рапорте графу Паскевичу от 17 сентября 1830 г. анализировали население Северо-Западного Кавказа, где указывали, что в народ Адиге входят несколько племен, главное из которых Абадзе, делящееся на колена – собственно Абадзе, Натухайцы, Шапсуги, Абадзехи. Так вот, «собственно Абадзе» по их словам жили по берегу Черного моря на реках Сапше, Шахе и Субеше. Место убыхам они определяли в центре этих земель «в средоточии сих четырех племен». Их они характеризовали хоть и отличающимися во многом по языку, но в политическом и географическом смысле относящихся к вышеуказанным племенам (АКАК, 7: 904). Делили они убыхов на Саше и Вардане и определяли численность их в количестве 3 тыс. дворов и 1,5 тыс. вооружённых человек (АКАК, 2: 906). В 1830-х гг. англичанин Дж. Бэлл описывал ситуацию следующим образом. «Вдоль побережья жители говорят на трех различных языках: «адыге», который распространен до маленькой речки Бу, являющейся южной границей Нотухача; «абаза», между Бу и Хамишем; и «азра», от Хамиша и далее на юг, до границы с Мингрелией... Некогда

жители обоих берегов Хамиша в результате древних распрей относились друг к другу холодно и со взаимной неприязнью, и между ними существовали ограниченные сношения и малая общность чувств. Однако, по мере усиления внешних притеснений, опасность такого состояния дел стала более очевидной, и два вождя – Джерико-Оку Ислам, южный вождь, и Хаджи Дачим-Оку (Хаджи Догомуко Берзек – В.К.)... договорились положить этому конец» (Бэлл 2, 2007: 42–43). Этот процесс в российских документах выглядел противоположным, не интегрирующим, а дифференцирующим. Н.Н. Раевский (либо чиновник из его окружения, составивший документ) объяснял, что население, проживавшее между р. Хамыш («6 морских миль к югу от Соче») и Мингрелией, зовет себя «азога», а в русских документах именовались «абхазцами». Оно подчинялось владетельным князьям Абхазии Шервашидзе. «С некоторого времени часть этого народа от Хамыша до Гагры отложились от Шервашидзе» и вступили в «тесный» союз с джигетами, «состоящими из трех обществ Вордане, Саше, Убых» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62. Л. 46 об.–47 об.). Л.И. Лавров в своей фундаментальной работе, проанализировав многочисленные источники XIX в., и более поздние академические труды, выделил три основных типологии общности убыхов: отнесение их к адыгскому культурному массиву как одного из «племён» (то есть частей, составляющих адыгов), признание их частью абхазского мира, наряду с садзами, ахчипсоу, айбга, цужа, хамышевцами, и т.д., и, наконец, выделение их в самостоятельный народ, отличающийся особым языком (занимающим промежуточное положение между абхазским и адыгским) и культурой (Лавров, 2009: 30–37). Между тремя этими версиями имелись «переходные» модели представления убыхов. Например, констатация факта функционирования черкесской культуры, при наличии своего особого убыхского языка. Такие классификационные парадигмы пытались жестко очерчивать границы убыхской общности, но донациональная эпоха предлагала другую перспективу – совокупность автономных убыхских и соседних обществ, постоянно взаимодействующих между собой в конкуренции за ресурсы окружающей среды, и поэтому, меняющие стратегии «выживания» в зависимости от гетерогенных конъюнктур.

Главами этих обществ («значительнейшие Убыхские фамилии» по терминологии российского чиновничества) считались дворяне-куашха: Берзек, Чизьма, Дычан (Джан), Зияш (Дзейш), Хунджа (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1 Д. 289. Л. 46).

Убыхские общества (по Л.И. Лаврову: Вардане, Субеш/Субешх, Саше/Сочэ, Хизе, Псахе-Чизма, Хоста/Хамыш) состояли из отдельных семей, живших небольшими деревнями (3–4 семьи). В то же время такие деревни (аулы) могли тянуться на значительное расстояние. Л.И. Лавров описывает сел. Вардане как начинавшееся в трех километрах от моря, и протянувшееся по рекам Дагомыс на 18 километров до их верховий (Лавров, 2009: 40–45). Таким образом, каждая локальная убыхская группа состояла из разросшихся семейных единиц. Сословная структура такой группы на начало XIX в. выглядела следующим образом: дворяне (куашха) – «лидеры» (чаще всего, военные), подвластные им крестьяне и рабы, а также свободные крестьяне-общинники (вагыш), имеющие права голоса на народных собраниях. В дальнейшем такая структура трансформировалась: в 1840–1850-е гг.: верховенство занимают свободные сословия или вольные жители, а не дворяне. Небольшие аулы принадлежали тому ли иному дворянину, чье имя и давало наименование данному населенному пункту. Так, известно, что аул Хаджи Берзека (по контексту, Догомуко Берзека) находился «в десяти верстах от укр. Навагинского, на левом берегу реки Сочи» (сегодня – селение Пластунка, входящее в состав города Сочи) (Бэлл 2, 2007: 323). Лидерский статус глав обществ не обозначал подчиненность им свободных членов этих объединений. Например, в феврале 1842 г. четыре представителя знатнейшего рода Берзеков присягнули Российской империи, поклявшись на Коране, что не только они, но и их крестьяне, и их подданные, будут верноподданными российскому императору (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–13 об.). Но дальнейшие события показали, что этой присяге оказались привержены только четыре Берзека, остальные же жители общества Субеши, и других убыхских обществ не считали себя связанными какой-то клятвой одних из дворян, тем более, что присягнувших не поддержали даже их родственники – остальные мужчины из дворянского рода Берзеков. В ситуации с этой присягой интересен факт, что первоначально в российских документах Берзеки именовались «князьями», затем И.д. Начальника Черноморской береговой линии (ЧБЛ) И.Р. Анреп объяснил вышестоящему начальству, что он называл их князьями, как сами они себя называли и кем их признавали джигеты (садзы) и абхазы. Позднее Анреп «удостоверился, что Убыхи, как Шапсуги и Нагухайцы князей не имеют и потому Берзеки могут причислены к высшему дворянству» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 15).

Такое «дворянское» самосознание, возможно, свидетельствует об их особенном положении – принадлежности к дворянскому сословию в прошлом, а на середину XIX в. сохранившемся только номинально, как символ/знак. Особое место в дворянской иерархии в 1830-е гг. занимал Ахмет Аубла/Аблагуо. Л.И. Лавров писал, что эта семья принадлежала к высшей горской знати «ахы» (Лавров, 2009: 72). Такое высокое положение отразилось и в российских документах, где Ахмет Аубла назван князем (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 111). Фамилия Аубла (Облагу) причисляется Ш.Д. Инал-Ипа к садзским или абхаз-убыхским (Инал-Ипа, 1995: 254, 256), то есть смешанным фамилиям. Ахмет Аубла проживал в прибрежной зоне, в долине Соче. Л.И. Лавров указывал, что Аблагуо, очевидно,

были одним из абхазских (асадуаских) родов, завладевших частью убыхского побережья в процессе абхазской миграции на северо-запад (Лавров, 2009: 74).

Каждая из зон проживания (своеобразных экологических ниш) убыхов характеризовалась особым ландшафтом. Эти земли представляли собой как минимум два типа окружающей среды. Причерноморская – с большим количеством плодородных земель, предгорная – с меньшим. Климат влажный, обусловленный большим количеством выпадающих в течение года осадков, характерен для обоих территориальных ареалов, температурный режим различается в зависимости от вертикальной зональности. Мягкий климат в прибрежной полосе сменялся более суровым и холодным в предгорной и горной зонах обитания убыхов. Дж. Бэлл писал, что «от Мамая ...холмы, как и долины, весьма плодородны...» (Бэлл 2, 2007: 250). Ему вторил Т. Лапинский, понимая под «Абазией» широкую полосу черноморского побережья Северо-Западного Кавказа: «почва Абазии самая плодородная на земле. Как равнина, так и горы производят все виды хлебных злаков» (Лапинский, 1995: 55). Земледелие заключалось в обработке земли, освобожденной от зеленых насаждений (например, подсечно-огневым способом), простейшими орудиями труда – деревянными рогатками и мотыгами. «Земледелие здесь основано на примитивном начале; никто у этого простого народа не питает мысли присвоить более значительный участок земли, чем он может с пользой использовать» (Бэлл 1, 2007: 194). Под зерновые культуры были определены как небольшие участки пашни, так и склоны холмов, и даже некоторые предгорья. В причерноморской части возделывалась пшеница, хотя в большей степени внимание уделялось кукурузе, ячменю и овсу, в горах же, по-прежнему, специализировались на выращивании проса. Т. Лапинский подчеркивал возросшую роль кукурузы «в последнее время» (конец XVIII – первая четверть XIX вв.), обусловленную не только высокой урожайностью этого злака, но и рыночным спросом на него турецких хлеботорговцев. Помимо зерновых культур, небольшие свободные участки земли занимали под огородничество и садоводство. Выращивали лук, «красный» перец, чеснок, петрушку, огурцы, капусту, тыквы, стручковую фасоль и др. «Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и хотя на них затрачивается мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов» (Лапинский, 1995: 55). Особое место в жизнедеятельности убыхов, по-видимому, занимало виноградарство, причем помимо окультуренных виноградников, повсеместно в лесу можно было встретить и дикую виноградную лозу. Рассматривая долину р. Сюбеш (Субеши), Дж. Бэлл отмечал, что «долина... выглядит особенно богатой и очень хорошо возделана, здесь очень много деревьев, а самые большие все украшены гирляндами огромных виноградных кустов, из которых многие жители ...получают восхитительное вино и очень хорошую водку» (Бэлл 1, 2007: 41). Т. Лапинский писал, что «в Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов» (Лапинский, 1995: 55). И. Бларамберг указывал, что во второй четверти XIX в. «некоторые черкесские племена, в том числе убыхи, начали заниматься разведением шелковичного червя, тем более, что в их краях тутовое дерево не редкость. То небольшое количество шелка, которое они получают в настоящее время, используется черкешенками для собственных нужд» (Бларамберг, 1974: 370).

Меньше пригодных для земледелия мест в предгорной зоне стимулировало население заниматься помимо земледелия, обеспечивавшего только единичное хозяйство, скотоводством и охотой, чему способствовали многочисленные лесные массивы. Вот как описывал эти земли Дж. Бэлл. «Хаджи Дахум-Оку.... принадлежит клану Берзек, самому многочисленному на побережье... Хаджи и большая часть его клана занимают возвышенный район под названием Убух, простирающийся от вершин Главного Кавказского хребта до варданской параллели, образуя тем самым начало северо-западного разветвления хребта. Укрепившись в этом неприступном месте, Хаджи и его клан всегда готовы напасть с вершины своих гор, подобно стремительным горным лавинам, чтобы или отбросить врага, или отомстить предателям» (Бэлл 2, 2007: 67). Занимаясь скотоводством, разводили овец и коз, в прибрежной зоне можно было встретить коров и буйволов. Исследователи отмечали, что скотоводство в предгорной и горной Убыхии доминировало над земледелием и садоводством, причиной этому была плохая земля (Кишмахов, 2012: 252). Участки, выделявшиеся под выращивание аграрных культур, были, скорее всего, в личной собственности нуклеарной семьи, пастбища для выпаса скота – не имели ограждений, и считались общественными, то есть находящимися в ведении всего общества или расширенной родовой группы. «Пастбища остаются в общем пользовании жителей местности и редко когда огораживаются» (Бэлл 1, 2007: 194). Недостаток пригодных для выпаса скота земель, особенно в позднее зимнее, снежное время могло компенсироваться кооперацией с соседними (через Большой Кавказский хребет) абазинскими группами, чьи пастбища по договоренности убыхи использовали под свои стада. В российских документах зафиксированы факты подобного расширения собственных ресурсных возможностей убыхами. Например, генерал Засс в феврале 1835 г. рапортовал, что убыхи из-за недостатка кормов перегнали свои стада баранов в верховья реки Чадаго, т.е. на северную сторону Большого Кавказского хребта, на пастбища союзных им баговцев, одну из групп абазин-тапантовцев. Возглавлял группу убыхов, перегонявших стада, представитель одного из важнейших дворянских родов Берзек, живущих именно в горной местности, – Бах Берзек, погибший в столкновениях с русскими войсками, решившими воспрепятствовать убыхам в спасении скота от голодной смерти, и тем самым, ослабить их (АКАК, 8: 748–749).

В прибрежной зоне убыхские общества до прихода русских войск вели достаточно оживленную торговлю с оттоманскими купцами. В основном, торговля велась рабами, а также некоторыми продуктами охоты (например, мехом пушных зверей). Английские ситцы, полученные в результате не только торговли, но и пиратства, убыхи продавали, в том числе, и абадзехам (Дьячков-Тарасов, 1902: 11).

Дж. Белл упоминал семью дворянина Магу, получившего право взимать морскую пошлину за победу над морским чудовищем (Бэлл 2, 2007: 241). Л.И. Лавров отмечал, что культ змееборца Магу известен в регионе и не может считаться исключительно убыхским, но, в тоже время, он связывал имя культурного героя Магу с происхождением одной из убыхских дворянских фамилий Чизе-Магу (Лавров, 2009: 65, 85) – Чисьма/Чизме российских документов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 16 об.).

В условиях ограниченности ресурсов и роста плотности населения набеги с целью грабежа на соседние общества составляли для убыхов важную статью дохода. Организации подобных походов представляли прекрасные примеры надгрупповой консолидации убыхов. Н.Ф. Дубровин описывал, что перед совершением похода убыхи выбирали предводителя партии. Им мог быть только человек известный своей храбростью и опытностью, участвовавший к тому времени в подобных мероприятиях и в качестве простого воина и руководителя небольших групп в 30–40 чел. Важно отметить, что такая временная консолидация не стирала полностью межгрупповые границы. «Собранная партия делилась на части: люди одной деревни, числом от десяти до ста человек, составляли особую часть или по выражению убыхов, отдельный огонь, получавший название по имени деревни или целого околотка» (Дубровин, 2002: 295–296). Например, в 1834 г. убыхи участвовали в набеге на российские границы под предводительством кабардинских князей Атажукина, Беярсланова и Карамурзиных (АКАК, 8: 743). В марте 1839 г. «независимые азога» (по терминологии Н.Н. Раевского) собрались в долине Мзымты (Артокуадж) в количестве до 2 тыс. человек, и под руководством «дворянина Керандука» (Хаджи Керандухо Берзек – В.К.) совершили набег на земли Шервашидзе, разграбив дер. Чандар (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62. Л. 46 об.–47 об.) (соврем. Ачандары). В сентябре 1840 г. 7 тыс. чел. убыхов и других горцев, собравшихся на Соче, во главе с Хаджи Берзеком, начали поход на Абхазию, но остановились в Цандрипше, чтобы наказать присягнувших России «князей Цанбеевых» (АКАК, 9: 449) (садзские дворяне Цанба/Цванба). Поход убыхов не увенчался успехом, как рапортовал ген. Головин гр. Чернышеву 23 января 1841 г.: «...сборище Убыхов разошлось, не исполнив своего намерения..» (АКАК, 9: 496).

Между представителями убыхских дворянских фамилий существовала конкуренция, обусловленная борьбой за символический капитал – лидерство над временными объединениями-коллективами для совершения набега и т.д., поэтому неудачный поход воспринимался как удар по репутации, снижающий ресурсные возможности лидера. В документах описан случай такого неудачного похода и последовавших за ним обвинений в потере удачливости. Зимой 1852 г. поход убыхов в Абхазию во главе с Хаджи Керандухом Берзеком провалился. В рапорте И.д. начальника III отделения ЧБЛ полковника Колюбакина вице-адмиралу Серебрякову описывалось изменившееся положение Берзеков: «Нет сомнения, что Берзеки, предводители Убыхов, чтобы не лишиться первенства в народе, первенства, приобретенного многолетними военными удачами, попытаются смыть с себя срам последнего предприятия против Абхазии... Счастье изменило им, собралось ополчение не тайно, несколько тысяч, предводительствуемые Берзеками...». После поражения «Убыхи сложили вину малодушия на предводителей и обвинили в измене Хаджи Керандуха Берзека, который почти один хотел не отступать, а идти вперед...». Далее констатировалось, что «...Берзеки, побуждаемые как положением выгоды, так страстями, из которых самая сильная в сердце азиатца есть мщение, не могут оставаться спокойными, а должны искать случая для оправдания себя перед народом и для восстановления военной славы своей...» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1 Д. 1415. Л. 1–1 об.). Ранее, осенью 1841 г., когда убыхи во главе в Хаджи Догомуко Берзеком нападали на двигавшиеся русские войска от Св. Духа к Навагинскому укреплению, после нескольких неудачных штурмов и стычек, Берзек хотел продолжать атаковать, но «его не допустили и он, оставляя сборище (ок. 5 тыс. человек), сказал «теперь дерись, кто хочет, а я еду домой»» (АКАК, 9: 517). Эти неудачные военные действия существенно уменьшили дворянский слой убыхского общества. По данным российских лазутчиков, погибло 11 человек из фамилии Берзек, 7 – из фамилии Дзиаш (Дзейш), ранены сын Хаджи Берзека и влиятельный воин Состангул Берзек (АКАК, 9: 518). Всего убыхи потеряли до 1700 чел. убитыми и ранеными (АКАК, 9: 520), возможно в этой цифре учли не только убыхов, а увлеченных ими в поход союзников.

Еще одной формой надгрупповой консолидации убыхов были народные собрания, на которых принимались все важнейшие решения. Например, в ноябре 1843 г. около форта Навагинского на такое собрание для обсуждения принятия присяги России собралось до 400 убыхов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15 об.).

Политика Российской империи на Северо-Западном Кавказе изменила уклад жизни прибрежных и горных убыхских, садзских и иных обществ. Захват бухт и удобных мест для постройки причалов и фортов, ограничили, или вовсе прекратили внешнюю торговлю убыхов с оттоманскими купцами, чем существенно снизили экономический потенциал прибрежных обществ. В мае 1840 г. ген. Н.Н. Раевский докладывал гр. М.С. Воронцову: «...от уменьшения контрабанды у горцев

накопилось шкуры, воск, мед, мед и меха, которых некуда им сбыть» (АКАК, 9: 489). Меновая торговля с русскими приживалась постепенно, будучи зависима от разнородных практик. В декабре 1846 г. в рапорте ген. Будберга гр. Воронцову описывались перипетии подобных стратегий. «Убыхи и Шапсуги после почти 2-х летнего голода, собрав в нынешнем году обильную жатву и не нуждаясь уже в нашей помощи, постоянно выказывали с половины года неприязнь к нам, и хотя меновая торговля не прекращалась, но в тоже время число враждебных против нас предприятий увеличивалось» (АКАК, 10: 628).

В тоже время, у убыхских дворян появилась новая возможность получения дохода – принятия подданства и переход на службу России с получением офицерских чинов и жалованья. В 1837 г. «старшина» убыхов Беарслан Берзеков встречался с бароном Розеном (адъютантом Вельяминова, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории), склонялся к принятию российского подданства и обещал поспособствовать привести к присяге убыхов, живущих «в горах за р. Сочею» (АКАК, 8: 874–875). К генералу Симборскому, командующему российскими войсками в Абхазии, то есть в другую сторону, на юг, в том же июле 1837 г. поехал для встречи еще один лидер убыхов – старшина Хасан Берзеков, которому были даны письменные условия покорности горцев. На следующий день он вернул их с отказом горцев присягать российскому императору (АКАК, 8: 876). В феврале 1842 г. четыре представителя знатнейшего рода Берзеков (Тлицук Шеулех-уко, Мату Шеуей-уко, Эдиге Шеулех-уко, Эльбуз Хапеш-уко) присягнули Российской империи. Причем они поклялись на Коране, что не только они, но и их крестьяне, и их подданные, будут верноподданными российскому императору. Берзеки получили чины поручиков и жалованье (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–13 об.). Подробнее, этот случай был рассмотрен коллегами-историками в специальной статье (Cherkasov et al., 2015: 543–544). Ранее, в 1841 г. какие-то представители этой же могущественной семьи Берзек изъявили покорность российскому правительству в лице генерала Анрепа, «что было поводом к несогласию между сильнейшими в народе фамилиями Берзеков и послужию ко взаимному ослаблению их партий» (АКАК, 9: 296).

Такие самостоятельные стратегии расширения лидерских возможностей отдельными дворянскими семьями или даже их частями вызвали конфликтность, нарушая сложившийся баланс и зыбкую иерархию дворянских родов. Владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе описывал ситуацию переговоров с Хаджи Догомуко Берзеком о принятии подданства, на которых тот сетовал на раздоры и несогласия, бытовавшие между значительнейшими убыхскими фамилиями (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15). В мае 1844 г. сообщалось о ссоре двух знатных убыхских родов Берзеков и Фаговых (Фагуа) в ходе народного собрания по выборам представителя в депутацию для поездки в Стамбул, в результате которой один из Фаговых был убит, после чего два других дворянских рода «князья» Дишановы (Джаны) и Дзияшевы (Дзепш-Зеуш) предпринимали усилия к примирению сторон (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 107–107 об.). Ранее, в 1838 г. Дж. Бэлл описывал конфликт между Берзеками и другим дворянским убыхским родом Хунджа (у Бэлла – Хунш). Один из Хунджей пожелал жениться на дочери Хаджи Дахум-Оку (Догомуко) Берзека, на что получил ответ о непозволительности ему выдвигать такие притязания из-за более низкого ранга его рода перед Берзеками. Влюбленный похитил невесту, чем спровоцировал эскалацию конфликта. Семья Хундж удерживала девушку несколько недель. Отец девушки, «заручившись помощью своего братства», сумел вернуть ее только в результате кровавого столкновения, итогом которого стали пятнадцать человек убитых и раненых (Бэлл 2, 2007: 84). В августе 1849 г. ген. Будберг докладывал гр. Воронцову в числе прочего и о том, что «у Убыхов происходят кровопролитные междоусобия между фамилиями Берзек и Чизма» (АКАК, 9: 678).

Периоды ведения военных действий с соседями сменялись временами покоя и согласия, демонстрирующими межгрупповую солидарность и консолидационные процессы. В ноябре 1843 г., когда российская администрация, используя владетельного князя Абхазии Михаила (Махмуда) Шервашидзе, пыталась склонить убыхов к принятию присяги на верность подданства российскому императору, убыхский отказ был обусловлен желанием посоветоваться по данному вопросу с абадзехами и шапсугами: «...с содействием коих надеются водворить согласие и между всеми жителями своего племени». Дело в том, что незадолго до этих переговоров Шервашидзе и начальника III отделения ЧБЛ генерал-майора Муравьева с убыхами, последние были приглашены и участвовали в аналогичном народном собрании абадзехов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 16 об.). Первичные переговоры с убыхами вели представители элит соседних обществ – князья Ростом Инал-Ипа (абхаз), Аслан-Бей Гечь Антхуа (садз) и дворянин Якуб Чачава (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15 об.).

Солидарность убыхов с абадзехами обусловлена «конструированием» общего происхождения: абадзехи считали убыхов «родственным племенем» (Дьячков-Тарасов, 1902: 9). Кроме того, среди выдающихся абадзехских фамилий встречалась фамилия Берзек (Дьячков-Тарасов, 1902: 38).

Судьба Ахмета Аубла демонстрирует стратегии наилучшего использования в 1830–1840-х гг. ресурсов прибрежной части Убыхии, где он проживал: присяга представителям российской администрации, получение чинов, жалованья и иных привилегий. В 1838 г. он взаимодействует с ген. Симборским, высадившимся недалеко от местожительства Аубла: ищет возможность сохранения своего статус-кво на побережье как покровителя торговли, просит «пожалеть» усадьбы и сады,

обменяться пленными (Лавров, 2009: 73). В 1842 г. Аубла через посредничество субашинского турка Хасана Сулимана-Ипы явился к форту Головинскому и передал И.д. Начальника III отделения ЧБЛ подполковнику Плац-беку Кокуму, что он раскаялся в своих проступках, и, «мучаясь угрызениями совести», просил о помиловании (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 11–11 об.). Дело в том, что, согласно Л.И. Лаврову, Ахмет Аубла еще в 1841 г. вместе с Зурабом Хамышем приняли присягу на верность российскому императору, но вынуждены были отречься от неё (Лавров, 2009: 73). Аубла и Хамыш были арестованы убыхами во главе в Хаджи Берзеком (Догомуко), племянником его Керентуком (Хаджи Керендук Берзек) и Мурадом, жителем долины Вардане, известным своей храбростью. Аубла и Хамыша принудили отречься от данной ими присяги, и только после этого освободили.

В январе 1845 г. именно стараниями капитана князя Ахмета Аубла два рода «почетных убыхских дворян» Дишановы (Джаны) и Фагуа (Фаговы) приняли присягу на верность подданство России: Джаны – Махметан, Патта, Состанкул, Апигеж; Фагуа – Возуршей 1-й и 2-й, Джумгат, Ахмет, Эберхам, Шимаф, Еслам, Татлистан, Золику, Гетше, Омер, Мисауст, Якуб, Систахула, Хозербека, Асланух, Гучус, Бат, Мурза, Темруха, Хотшир, Патух, Эбар, Тляж, Прону (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 112). Данная присяга рассматривалась в историографии (Cherkasov et al., 2015: 546). В 1846 г. Аубла в числе других раскрыл российскому командованию план похода горцев на Абхазию – Пицунду и укрепление Св. Духа (Лавров, 2009: 73). Личность Ахмета Аубла интересна еще и тем, что по сведениям Дж. Белла, он трепетно относился к крестам и запрещал разрушать их (Бэлл 2, 2007: 19, 47). Подробнее о жизни и деятельности Ахмета Аубла можно прочитать в недавно вышедшей статье (Cherkasov et al., 2014: 67). Противоположной стратегией получения новых возможностей для пролонгации лидерства была опора на Османскую империю, и получение от неё всевозможных преференций. Хаджи Догомуко Берзек, названный в российском документе «Убыхский мулла Декумук-хаджи», прибыв из Египта (?) в 1839 г., доставил «всем почетнейшим людям» грамоту от великого визиря турецкого султана Ибрагим-паши, в которой содержался призыв к сопротивлению колонизации и разрушению приморских российских укреплений (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 24). Обе эти стратегии могли стать одной и той же практикой дворянина-убыха, заинтересованного в сохранении своего лидерского статуса, к тому же ощущающего потребность, в том числе и в материальных ценностях. Непримиримый вроде бы противник России Хаджи-Керендук Берзек «попеременно – то враждовал против нас, то втайне от народа сближался с нами из видов корысти...долгое время получал пенсию от правительства, но в 1851 г. был лишен её за подозрительные действия и стал открыто враждовать против нас...» (АКАК, 9: 252). Такие модели ведения дел порождали к нему двойственное отношение не только среди российских чиновников, но и убыхского сообщества. Когда в начале 1860 г. Хаджи Керендук Берзек вступил в очередные переговоры с российскими чиновниками, против него и бывших с ним на переговорах убыхов составила «партия недовольных», о чем начальнику войск в Абхазии ген.-майору Корганову рассказал приехавший к нему джигетский дворянин Сомех-Абич. «Партия недовольных» обвиняла Берзека, что он вел переговоры, не имея полномочий от всего убыхского населения, «и не имея согласия от всех, обещали примирение от имени всего Убыхского племени». Противники примирения с Россией апеллировали к письму из Стамбула находящегося там убыхского дворянина «Варданского жителя Измаил-бея-Баракай-ипа-Дзиаша», который извещал, что вскоре Турция и Англия опять объявят войну России (АКАК, 11: 48). Хаджи Керендук Берзек не терял надежды уговорить большую часть своих «соплеменников» принести присягу на верность подданства России, поэтому прислал к Корганову своего племянника прапорщика Кучук-Хаджи-Мехмет-Берзека. Но уже в марте 1860 г. сообщалось, что Хаджи Керендук среди многих «важных лиц, пользовавшихся некогда большим влиянием в народе, ныне утратившим свою силу...имеет положительное намерение с семейством и с некоторыми родственниками и подвластными своими выселиться в Турцию» (АКАК, 12: 837–838).

5. Заключение

Таким образом, убыхская общность в середине XIX в. представляла собой динамичную систему, обусловленную функционированием гетерогенных факторов.

Две ландшафтные зоны (прибрежная и горная) со специфической окружающей средой диктовали использование различных технологий в получении всевозможных ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Преобладание простейшего земледелия (пашенного в низинах и мотыжного в предгорьях), отгонного скотоводства, собирательства (бортничество и дикорастущие плоды) предопределило функционирование у убыхов мелких нуклеарных хозяйств, объединенных в дисперсные населенные пункты. Причем, наблюдалась прямая зависимость укрупнения поселений при движении с гор на равнинные участки в прибрежную зону.

В тоже время, такие более менее крупные прибрежные поселки являлись уже смешанными по составу населения – убыхско-адыгско-садзскими (абазинскими), и полилингвальными с преобладанием адыгского и садзского языков межкультурной коммуникации. Горные же хутора оставались семейными (родовыми) хуторами, где собственно и функционировал убыхский язык.

Социальная организация производства в горной зоне находилась на семейном уровне, в прибрежной – на локальном, более сложном уровне конкуренции за ресурсы, где возрастала роль элит.

Консолидация убыхов, а тем более надгрупповая солидарность во главе с родовыми (фамильными) лидерами-дворянами демонстрировалась окказионально (набег, война, народное собрание), когда получение дополнительных ресурсов требовало решения проблем жизнеобеспечения с помощью реализации лидерских потенциалов.

Активное освоение Северо-Западного Кавказа Российской империей трансформировало уклад жизни и культуру жизнеобеспечения убыхов. С одной стороны, увеличивающаяся плотность населения ограничивала доступ к приобретению ресурсов, с другой – открывала возможности получения новых благ в виде жалованья, новых рынков сбыта зерна, шкурок пушного зверя и т.д.

Оказавшись между двух империй – Российской и Османской, убыхи меняли стратегии поведения, лавируя в новых социокультурных условиях. Демографическое давление на район проживания убыхов, события Кавказской войны способствовали росту политической интеграции, которая хоть и была слабой, но проявлялась в участии убыхов в «конфедерациях» (с адыгами, садзами, абхазами и абазинами) и в т.н. горском меджлисе – «Великом народном собрании», одним из руководителей которого являлся Хаджи-Керендук Берзек. В тоже время, консолидация с соседними обществами сменялась противодействиями и войной, после чего опять возобновлялся союз. Такая динамичность проявлялась также в постоянной конфликтности между убыхскими лидерами, между дворянами и крестьянами, что тоже свидетельствует о неустойчивости социальной структуры общности. Характеристикой политической ситуации в Убыхии может быть фраза российского чиновника генерал-майора Муравьева в аналитической записке своему начальнику Анрепу: «...сильное это племя неповинуется между собой никакой власти, кроме нравственного влияния...».

Такая же амбивалентность наблюдалась в религиозной сфере, где периоды временной консолидации сменялись процессами дезинтеграции, что было обусловлено религиозным синкретизмом убыхов. В 1850 г. объединил убыхов, приведя их к присяге, прибывший на Северо-Западный Кавказ наиб имама Шамиля Муххамед-Эмин. Но спустя год убыхи сожгли все мечети и отказались от присяги.

Функции родовых (фамильных) лидеров-дворян (куашха) реализовывались в экстраординарных случаях жизнедеятельности убыхов, практически не влияя на повседневные занятия земледелием и скотоводством, охотой и собирательством. В каждом таком случае необходимо было восполнить ресурсы и адаптироваться к новым вызовам, обусловленным неурожаем, суровой зимой или войной. Такой тип общности можно определить как догосударственную форму социальной организации – региональную политию (независимую политическую единицу) с «простым» вождеством (сложной иерархической системой, объединяющей совокупность локальных общинных поселений).

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта, поддержанного Российским научным фондом № 15-18-00008 «Вымирание малых народов: факторы, дискуссии, ревитализация» (2015–2017 гг.).

Литература

- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.
АКАК, 2 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 2. Тифлис, 1868
АКАК, 7 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 7. Тифлис, 1878.
АКАК, 8 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881.
АКАК, 9 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1883.
АКАК, 10 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885.
АКАК, 11 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 11. Тифлис, 1888.
АКАК, 12 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904.
Бларамберг, 1974 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1974.
Бэлл 1, 2007 – *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Т. 1. Нальчик: Изд-во «Эль-фа», 2007.
Бэлл 2, 2007 – *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Т. 2. Нальчик: Изд-во «Эль-фа», 2007
Ворошилов, 2006 – *Ворошилов В.И.* История убыхов (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX в.). Майкоп, 2006.
Генко, 1928 – *Генко А.Н.* О языке убыхов // Известия АН СССР. М.: Наука, 1928
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

- [Дубровин, 2002](#) – *Дубровин Н.Ф.* О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2002.
- [Дьячков-Тарасов, 1902](#) – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзеи (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 22. Вып. 4. Тифлис, 1902.
- [Инал-Ипа, 1995](#) – *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во «Наука», 1995.
- [Крадин, 2004](#) – *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004.
- [Кишмахов, 2012](#) – *Кишмахов М.Х-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум–Карачаевск: ООО «Тетраграф», 2012.
- [Коков, 2000](#) – *Коков Дж.Н.* Избранные труды. Адыгская топонимия. В двух томах. Т. 1. Нальчик, 2000.
- [Лавров, 2009](#) – *Лавров Л.И.* Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
- [Лапинский, 1995](#) – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев / Перевод В.К. Гарданова. Нальчик, 1995.
- [Немировский, 1947](#) – *Немировский М.Я.* К истории изучения убыхского языка // Ученые записки Ростовского на Дону Государственного университета им. В.М. Молотова. Т. V. Труды историко-филологического факультета. Вып. 2. Кафедра общего и кавказского языкознания. Таганрог, 1947.
- [Услар, 1887](#) – *Услар П.* О языке убыхов // Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- [Фадеев, 1935](#) – *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический вестник. Л., 1935. № 4.
- [Хафизова, 2007](#) – *Хафизова М.Г.* Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX века: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 2007. 175 с.
- [Cherkasov et al., 2014](#) – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Vol. 8, no. 3, 2014.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015) The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. // *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016) The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. // *Bylye Gody*. (2), 40: 382-391.
- [Colarusso, 2002](#) – *Colarusso J.* Nart Sagas from the Caucasus: Myths and legends from the Circassians, Abazas, Abkhas, and Ubykhs. Princeton, New Jersey, 2002.
- [Dirr, 1928](#) – *Dirr A.* Die sprache der Ubychen. Leipzig, 1928.
- [Dumezil, 1931](#) – *Dumezil G.* La langue des Oubykhs. Paris: Librairie ancienne honore champion, 1931.
- [Johnson and Earle, 2000](#) – *Allen W. Johnson and Timothy Earle.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State, Second Edition. Stanford University Press, 2000.
- [Meszaros, 1934](#) – *Meszaros J. von.* Die Päkhy-sprache / The Oriental institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Civilization, №3. Chicago, 1934.
- [Vogt, 1963](#) – *Vogt H.* Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction phonologique index français-oubykh textes oubykhs. Oslo, 1963.

References

- [АКАК](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey [Acts, collected by Caucasian Archeographic Committee]. Izdan pod redaktsiey A.P. Berzhe. [Edited by A.P. Berzhe]. V 12-ti tomakh [In twelve vol.]. Tiflis, 1866–1904.
- [АКАК, 2](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 2. Tiflis, 1868
- [АКАК, 7](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 7. Tiflis, 1878.
- [АКАК, 8](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 8. Tiflis, 1881.
- [АКАК, 9](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 9. Tiflis, 1883.
- [АКАК, 10](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 10. Tiflis, 1885.
- [АКАК, 11](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. В 12 т. Т. 11. Tiflis, 1888.
- [АКАК, 12](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. В 12 т. Т. 12. Tiflis, 1904.
- [Bell, 2007](#) – *Bell J.* Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov. V dvukh tomakh. [Journal of Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. In two volumes]. Nalchik: El-fa, 2007.
- [Blaramberg, 1974](#) – *Blaramberg I.* Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistic, ethnographical and military description of Caucasus] // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vekov / Sost., red. perevodov, vvedenie i vstup. stat`yi k tekstam V.K. Gardanova. Nalchik: El`brus, 1974.

- Genko, 1928** – *Genko A.N.* O yazyke ubykhov [About Ubykh language] // Izvestiya Akademii nauk SSSR [Soviet Academy of Science News]. M.: Nauka, 1928.
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. Vol. 8, no. 3, 2014.
- Cherkasov et al., 2015** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2.
- Colarusso, 2002** – *Colarusso J.* Nart Sagas from the Caucasus: Myths and legends from the Circassians, Abazas, Abkhas, and Ubykhs. Princeton, New Jersey, 2002.
- Dirr, 1928** – *Dirr A.* Die sprache der Ubychen. Leipzig, 1928.
- Dubrovin, 2002** – *Dubrovin N.F.* O narodakh Tsentral`nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Central and North-Western Caucasian Peoples]. Nalchik: El-fa, 2002.
- Dumezil, 1931** – *Dumezil G.* La langue des Oubykhs. Paris: Librairie ancienne honore champion, 1931.
- D`yachkov-Tarasov, 1902** – *D`yachkov-Tarasov A.N.* Abadzekhi (Istoriko-etnografichesky ocherk) [Historical and Ethnographical Essay of Abadzekh] // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Russian Imperial Geographical Society, Caucasian Division Notes]. Kniga XXII. Vypusk. 4 [Vol. XXII, №4]. P. 3. Tiflis, 1902.
- Fadeev, 1935** – *Fadeev A.V.* Ubykhi v osvoboditel`nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze [The Ubykhs in North Caucasian Liberation Movement] // Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]. L., 1935. № 4.
- GAKK** – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraia [Krasnodarsky krai State Archive].
- Inal-ipa, 1995** – *Inal-ipa Sh. D.* Sadzy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [The Sadzes. The Historical and Ethnographical Essays]. M.: Nauka, 1995.
- Johnson and Earle, 2000** – *Johnson Allen W. and Timothy Earle.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. 2-nd edition. Stanford University Press, 2000.
- Khafizova, 2007** – *Khafizova M.G.* Ubykhi v osvoboditel`nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20–60 gody XIX veka [The Ubykhs in North Caucasian Liberation Movement on 20–60 years of 19 century]: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD thesis]. Nalchik, 2007.
- Kishmakhov, 2012** – *Kishmakhov M.Kh.-B.* Problemy etnicheskoy istorii i kultury ubykhov [Problems of Ubykhs History and Culture]. Sukhum–Karachaevsk, 2012.
- Kokov, 2000** – *Kokov Dzh. N.* Izbrannyye Trudy. Adygeiskaya toponimiya. [Collected works. Adygeian Toponymy]. V dvukh tomakh. [In two volumes]. Tom 1. [Vol. 1]. Nalchik, 2000.
- Kradin, 2004** – *Kradin N.N.* Politicheskaya antropologiya [Political Anthropology]. M.: Logos, 2004.
- Lapinski, 1995** – *Lapinski, Th.* Gortsy Kavkaza I osvoboditel`naya bor`ba protiv russkikh [Caucasian Mountaineers and their fight against Russians]. Perevod V.K. Gardanova [Translated by V.K. Gardanov]. Nalchik: El-fa, 1995.
- Lavrov, 2009** – *Lavrov L.I.* Ubykhi: Istoriko-etnograficheskaya monografiya [The Ubykhs.: historical and ethnographical monography]. Sankt-Petersburg: Nauka, 2009.
- Meszaros, 1934** – *Meszaros J. von.* Die Päkhy-sprache / The Oriental institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Civilization, №3. Chicago, 1934.
- Nemirovskiy, 1947** – *Nemirovskiy M.Ya.* K istorii izucheniya ubykhskogo yazyka [To History of Ubykh language Studies] // V.M. Molotov`s Roston-on-Don State University Scientific Affairs. Vol. 5. History and Philology Department Studies. Issue 2. General and Caucasian Linguistic Division. Taganrog, 1947.
- Uslar, 1887** – *Uslar P.* O yazyke ubykhov [About Ubykh language] // Abkhazsky yazyk [The Abkhazian language]. Tiflis, 1887.
- Vogt, 1963** – *Vogt H.* Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction phonologique index français-oubykh textes oubykhs. Oslo, 1963.
- Voroshilov, 2006** – *Voroshilov V.I.* Istoriya ubykhov [The Ubykhs History]. Maykop, 2006.

УДК 398.324

О типологии убыхской общностиВладимир Игоревич Колесов ^{a, *}^a Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры убыхской общности, ее обусловленности таким параметрам как окружающая среда (две ландшафтные зоны), культура жизнеобеспечения, социальная организация производства.

При написании статьи автор использовал неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края и источники личного происхождения середины XIX в. Проанализированы достижения предыдущей историографии (А.Н. Генко, П.С. Услар, Л.И. Лавров, Ж. Дюмезиль, М.Х-Б. Кишмахов, М.Г. Хафизова, В.И. Ворошилов, А.А. Черкасов и др.).

Исследованы роли политических лидеров в функционировании социума, в особенности фамилии Берзек. Констатируется влияние процесса освоения Российской империей Северо-Западного Кавказа на трансформацию убыхского общества. Политическая интеграция убыхов была временной и непостоянной.

Через анализ «ядра культуры» делается вывод о типе убыхского социума как региональной политике с простым вождеством.

Ключевые слова: Убыхи, черноморское побережье Кавказа, Российская империя, вождество, Берзеки, ядро культуры, сообщество, полития.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: kolosov_v@yahoo.co.uk (В.И. Колесов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1148-1157, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19th Century

Veronika V. Tsibenko^{a, *}^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

In the present paper we analysed in a historical perspective the formation of the key concepts concerning the military actions in the North-Western Caucasus of the 19th century in Russian, Turkish and Western historiography. We didn't set before ourselves the task to find out, “what really happened in the western North Caucasus”, but rather how actually “what happened in the western North Caucasus” is interpreted in different historiographical traditions.

Our study has shown that Russian, Turkish and Western historiography on the North-Western Caucasus of the 19th century so strongly depends on local traditions that we can say about three separate historiographies. Current situation is noticeable for the development of Circassian ‘auto-historiography’ which is characterised by ethnocentrism and victimisation due to the trends of counter-history.

In spite of interaction between Russian, Turkish and Western historiographies, each of them was formed according to own logic of development. Thus, the misunderstandings in the terminology on the North-Western Caucasus of the 19th century (in particular, with the term ‘Caucasian War’) lean on the differences of historiographical traditions leading to the conflicts of interpretations.

Keywords: Caucasus, North-Western Caucasus, Circassians, Caucasian War, Russian-Caucasian War, Russian-Circassian War, Historiography.

1. Introduction

In June 2015, in Vol. 36 of the historical journal “Bylye Gody” we published an article entitled “Circassian Question: Transformation of Content and Perception”. The article caused a lively response from the Circassian community and was noted by critical publications of Circassian activists Iyad Youghar and Adel Bashqawi (Youghar, Bashqawi, 2016), and right after them – by leading analyst of post-Soviet affairs Paul Goble (Goble, 2016). Though this criticism had no academic argument and in many respects didn't correspond to the contents of the article, it interested us as an indicative example of historiography's contradictions.

Attention of the authors mentioned above was attracted by our chronology and terminology that were taken by them as “official Russian” (Youghar, Bashqawi, 2016). According to Goble, “the article not only falsifies dates of the Russian-Circassian War which lasted from 1763 to 1864 but rechristens that conflict as ‘the Caucasian War’, a Russian innovation which ignores what really happened in the western North Caucasus” (Goble, 2016).

Meanwhile this ‘innovation’ relies on one-and-a-half-century-long Russian tradition. Thus Goble's words once again demonstrated the unfamiliarity of Western researchers with Russian historiography of the North-Western Caucasus. Moreover, we can state the similar situation in the Russian research field. And if we'll add the Turkish historiography, the knowledge of which is very poor both in the West and in Russia, the picture will be even more complicated.

In this regard, we decided to analyse in a historical perspective the formation of the key concepts concerning the military actions in the North-Western Caucasus of the 19th century in Russian, Turkish and

* Corresponding author

E-mail addresses: tsibenkovv@sfedu.ru (V.V. Tsibenko)

Western historiography. We didn't set before ourselves the task to find out, "what really happened in the western North Caucasus", but rather how actually "what happened in the western North Caucasus" is interpreted in different historiographical traditions. Respectively, this article doesn't give any correct answers to such questions as how was called, how long lasted and whether there was at all any war in the North-Western Caucasus in the 19th century. Contrariwise, we'll try to understand why we see things the way we do.

2. Materials and Methods

Since it is important for us to explain the differences in historiographical traditions, we have chosen the comparative method as a basic one for our study. Being aware of all the limitations of broad generalizations, we do our best to avoid simplified picture, and consider historiography as a complex, multiple, and sometimes contradictory phenomenon.

The main difficulty for our study is to determine the meaning of "Russian", "Turkish" and "Western historiography", as in reality we are dealing only with linguistic segments (Russian, Turkish and English ones¹) that hide a number of various historiographical traditions and schools, influenced by both geography and ethnicity. Bearing this in mind, we made an attempt to trace the genesis of each historiographical tradition and suggested a schematic periodisation.

It should be noted separately that we consider the words "Russian" and "Turkish" applied to historiography not in a narrow ethnic sense, but in civic. It's expressed in Russia in an untranslatable division into "russkiy" (ethnically) and "rossiyskiy" (politically, regardless of ethnic origin). In Turkey, there is also a similar division ("Türk" and "Türkiyeli"), however the dominance of nation-state model prevents the wide spread of it.

Moreover, seeing no premises for the emergence of a single transnational historiography of the Northern or North-Western Caucasus, we also called into question the isolation of local historiographical traditions. To check the real degree of permeability of borders we used the cultural transfer theory ([Espagne, Werner, 1988](#)).

We should also note that during our research work it wasn't always possible to separate the North-Western Caucasus from the Northern one, and Circassians (Adyghe) from other Caucasian peoples. We carried out this differentiation where it could be made.

In the course of the research we were guided by numerous bibliographies on the North-Western Caucasus written in Russian, Turkish and the western languages². Besides, in 2013-2016 we collected our own bibliographic base including a lot of up-to-date works in the Russian, English, Turkish and Arab languages which weren't mentioned in previous bibliographies.

3. Discussion

Though there are a huge amount of current works on comparative historiography, they rarely present the research of Russian, Turkish and Western historiography all together. In Circassian Studies there is only one such known to us research on the subject, presented by Zeynel Abidin Besleney at the conference held in Sukhum (Abkhazia) in 2007 ([Besleney, 2009](#)).

Claiming to cover all the Circassian Studies Literature, Besleney concentrates on the most known to him Turkish segment. And if he selects just one of those not numerous English-language works, the same approach to the Russian-language studies is unacceptable and can be explained only by a poor knowledge of Russian.

The large Soviet and Post-Soviet Russian historiography is ignored by Besleney under the pretext of its ideological bias. As a result, Besleney, describing the Circassian Studies Literature, speaks only about researches made by the Circassian Diaspora. In the section entitled "Works by Circassian Intellectuals and Researchers both in the Caucasus and the Diaspora" Shora Negomoko (Nogmov) is the only Caucasian intellectual mentioned, and in the section on Post-Soviet Studies not a single author from the Caucasus or the whole Russia was presented.

Such an approach is commonly used, and Russian contribution to the research field is neglected due to the predisposition to see the Diaspora the centre of the Circassian world rather than the North-Western Caucasus. The following idea is widely repeated: after the mass resettlement of the Caucasians to the Ottoman Turkey in the 19th century the North-Western Caucasus remained without Circassians, and those, inconsiderable in number, still living in the Caucasus – are Russified, suppressed and completely dependent on the Russian authorities. According to Besleney, "Because of the marginalization of the remaining Circassians in the Caucasus amongst the Slavic settlers, interest in them following their uprooting somewhat died out" ([Besleney, 2009: 82](#)).

Even so, Besleney admits the low level of research activity in the Diaspora because of the "near absence of any means of formal educational and research opportunities in Circassian Studies". He states that most of the works in the Diaspora "do not meet current academic and scientific requirements" ([Besleney, 2009: 81-](#)

¹ In the course of our research we did not use studies in other European languages, including French and German, which would greatly expand our understanding of the 'Western' historiography.

² Including the ones compiled by the Circassians ([Berzeg, 1996, Jaimoukha, 2009, Özbek, 1993](#)).

82). At the same time, we can assert that the main mass of high-quality researches in the Circassian Studies is done in Russian, and many of the academics in the field are of Circassian origin. Thus, in the present paper we will try to address some knowledge gaps about the Russian researches and create a balance in the coverage of the Russian, Turkish and Western historiography.

4. Results

Russian Historiography

The term ‘Caucasian War’ was introduced in the Russian historiography in 1860 by the Russian military historian Rostislav Fadeyev (Fadeev, 1860). It was used on an equal basis with the ‘Caucasian Wars’ by the majority of historians in the Russian Empire, including Vasily Potto, Alexey Dubrovin, Anton Gizetti, Arnold Zisserman, Dmitry Romanovsky, and Semyon Esadze. In 1864 the commander-in-chief of the Caucasian army grand duke Mikhail Nikolaevich wired to St. Petersburg to the Tsar Alexander II: “I am lucky enough to congratulate your Majesty on the end of the glorious Caucasian War. Henceforth there is not a single unsubdued tribe...” (Fadeev, 2010: 238).

The term ‘Caucasian War’ was, according to imperial approach, applied to the struggle of Russia for the setting of power in the Caucasus with Turkey, Iran and North Caucasian mountaineers. In an encyclopaedia of the beginning of the 20th century the following definition of the Caucasian War was given: “long struggle of Russia against numerous, aggressive tribes of the Caucasus, as well as with neighbouring Asian countries for the purpose of conquest and pacification of the vast outskirts” (Novickij, 1913: 220). The event perception was influenced seriously by the Enlightenment ideas dominating in Russia due to which the actions of Russia were treated as bringing civilization to the Caucasus, while resistance of local tribes was associated with wildness and Muslim fanaticism.

Chronological framework was established rather widely. The outbreak of war was usually attributed to the 16th century, and the end – to 1864. According to another common view the start date of the war was 1801, marking the Georgia’s incorporation into the Russian Empire. As the imperial apologist Romanovsky stated: “having solemnly accepted Georgia under the protection, thereby made the conquest and pacification of the Caucasus obligatory” (Romanovsky, 1881: 290).

In the Russian historiography of the Soviet period the interpretation of the Caucasian War was completely changed. Having rejected the idea of a civilizing mission of the Russian Empire, perceived as a ‘prison of peoples’, Soviet historians (for example, Mikhail N. Pokrovsky, Nikolay T. Likhmitsky et al.) focused on studying national liberation struggle of the Caucasian peoples against colonial oppression of Russian Tsarism. This approach was based on the ideological legacy of the revolutionary-democratic movement in the Russian Empire, including the works of such radical Russian thinkers as Aleksander Herzen and Nikolay Chernyshevsky.

The historical framework of the Caucasian War was narrowed to 1817–1864 and left aside the military confrontation with Turkey and Iran. Geographically the war covered the territory of Chechnya, mountain Dagestan and North-Western Caucasus. What Fadeev referred to as the ‘Mountain War’ that “in fact began only in 1817, on return of General Yermolov from Persia” (Fadeev, 1865: 23) started to be called the Caucasian War. To indicate the military operations conducted in the 16th century with the participation of Russia, Turkey and Iran the term ‘Caucasian Wars’ was used.

The Caucasian War, with the obligatory reference to Marxism-Leninism¹, started to be interpreted as anti-colonial and anti-feudal. The Soviet historians applying the Marxist methodology were trying to find out the social antagonism and the class struggle between workers and the oppressors-aristocrats in the history of the Caucasus.

Considerable retreat from this ideological line took place after the end of the World War II in the 50-s. At that time the movement of Shamil on which the main emphasis when studying the Caucasian War was placed, started to be recognized not progressive but reactionary, which overseas conquerors, colonialists and imperialists exploited².

However, with the dethronement of the Stalin’s ‘personality cult’ at the XX Congress of the CPSU in 1956, there was a partial return to the original positions. In the late Soviet period the ideas of voluntary and beneficial incorporation of the North-Western Caucasus into Russia were added (for detailed information see: Degoev, 2000).

These trends in the Russian Caucasian Studies (Imperial, classic Soviet, Stalin’s, and the late Soviet) in the conditions of ‘perestroika’ and later the post-Soviet chaos, switched to the direct confrontation, creating, according to Oleynikov, the ‘Caucasian war of historiographies’ (Olejnikov, 2001: 69).

The absence of central academic directions, to which researchers got accustomed in the Soviet times, led to the unprecedented level of segmentation and dissociation. Numerous isolated historiographical schools emerged, marked by ethnocentrism and ethnonationalism. Their interpretations of the history of the

¹ For example, Engels’: “The real war, in which the people take part, we have not seen in the Centre of Europe for generations. We saw it in the Caucasus...” (Marx, Engels, 1960: 200).

² The foundation was laid by the publication of the brochure (Baghirov, 1950) by the “Azerbaijan’s Stalin” (Cornell, 2010: 41) Mir Jafar Baghirov.

North-Western Caucasus were rested upon the Soviet theoretical base – the primordialist and essentialist concept of ‘ethnos’.

One of the leading modern Russian caucasiologists Vinogradov notes: “Nowadays definitely heroic and complementary ‘own’ history is regarded by some as a kind of ethnic ownership... caucasiologists of the North Caucasian ‘national’ territorial subjects of the Russian Federation objectively found themselves in a difficult situation, when possible discrepancy of their interpretations of the ‘Caucasian War’ to already created ethnic stereotypes may cause that public rejection and condemnation, the weight of which cannot be overestimated in the local ethno-cultural environment” (Vinogradov, 2015: 36).

Since then, the military actions in the Caucasus were interpreted by the representatives of the national historiographical schools in the framework of inter-ethnic conflict and the ‘historical guilt’ of Russia that committed ‘genocide’ of the North Caucasian peoples. For example, in April 1990 in the Koshehabl village in Adyghea an academic meeting was held, the final recommendations of which stated: “Tsarism pursued a policy of genocide against the Adyghe peoples in the 19th century” (Mekulov, 1991: 263).

It should be noted that the concept of genocide had started to develop in the late 80's already in accordance with the trend of the time. Since the XVII Congress of CPSU in 1986 when Gorbachev declared the policy of glasnost and for the first time used the word ‘genocide’ openly¹, the country was overflowed by a wave of historical offenses. From the political tribunes the ideas on genocides of Russians, Cossacks, Armenians, Azerbaijanis, Georgians, Abkhazians, Chechens, Ingushes, etc. were mouthed.

At the research conference “National liberation struggle of the peoples of the North Caucasus and the problem of muhajirism”, held in Nalchik on October 24-26, 1990, the term ‘Russian-Caucasian war’ was first introduced into academic circulation. Soon ‘Russian-Circassian War’², ‘Russian-Adyghe War’, ‘Russian-Kabardian War’, and other ‘ethnic’ wars were added to the list. Their chronology also extended: the beginning was traced back to the 15th century, and the war was supposed to last up to the present days. The ‘century-long Colonial War’ (1760-1864 or 1763-1864) became the most widely-used term that entered even the official documents of the North Caucasian republics.

The traditional term ‘Caucasian War’ as not reflecting the ethnic confrontation was subjected to criticism by ethnic historiographical schools. However, it found a lot of critics in the opposite camp. According to some researchers, the term is easily politicised and disputable in sense, territory, and chronology. It compromises the very idea of the complexity and ambiguity of the process of the North Caucasus integration into Russia (Klychnikov, 2006; Vinogradov, 2015). For example, the school of professor Vinogradov develops the alternative concept of the ‘North Caucasus crisis of the 19th century’, and the President of the Academy of Sciences of the Republic of Chechnya, professor Gapurov suggests to use the term ‘Caucasian War’ as the geographical one to the wars of Russia, Turkey and Iran, and to call the ‘uprising’ of mountaineers – that time the citizens of the Russian Empire already – as the ‘people’s liberation war’ (Gapurov, 2015).

This trend can be found in popular among Russian academics ideas of mutual interest and interattraction between Russian and Caucasian peoples, predetermination of entering of the Northern Caucasus into Russia as an organic part of it. Also influential are the concepts of the Contact Zones (Ludmila S. Gatagova, Viktor V. Cheronus, Dmitriy I. Oleynikov) and the Frontier (Aleksey V. Shcherbina, Tatyana P. Khlynina, Evgeniy F. Krinko, Amiran T. Urushadze). A widespread geopolitical approach in modern historiographical works on the history of the North-Western Caucasus in the 19th century should be also mentioned (Vladimir V. Degoev et al.). Besides, there is one more specific feature of the Russian researches that is to study Circassian tribes (i.e. Ubykhs, Shapsugs, etc.) instead of Circassians in general (for example, see: Cherkasov et al. 2014).

There are regular calls in Russian research community for reconciliation of historiographical schools and attempts to develop some uniform criteria for Caucasian Studies. Specific initiatives include the Charter and the Code of Ethics elaborated at the annual forums of historians-caucasiologists. As Gapurov stated at one of such meetings: “All European countries reconciled long ago and together build the common European home. And we, citizens of one country, can’t finish till today the Caucasian War, which began and ended in the 19th century. It proceeds in our minds and researches. The time has come to conclude a peace treaty” (Gapurov, 2013: 32).

Thus, the term ‘Caucasian War’ with the chronology of 1817–1864 remains in modern Russian Caucasus Studies rather by inertia to be on solid ground. Paraphrasing the known statement of Churchill for Russian historiography of North-Western Caucasus, ‘Caucasian War’ is the worst term, except for all the others.

¹ “The ‘enlightened’ 20th century entered the history with such outcomes of imperialism as the most bloody wars, wild militarism and fascism, genocide, disadvantaged population of many million” (1986: 29).

² This term was used by certain Russian pre-revolutionary historians, for example, Fedor Shcherbina, however without ethnic implication.

Turkish Historiography

In the Turkish historiography of the Ottoman period, there was not at all any term for the ‘Caucasian War’. The Ottomans didn’t consider the military actions of Russia in the Caucasus as something special, but only as a part of successive Russian-Turkish and Russian-Iranian wars that involved the Caucasian peoples.

For the Turkish historiography Islam was one of the most important criteria to evaluate the events occurring in the Caucasus. Ottoman historians wrote about the Russian advance on the Caucasus since the 17th century as the attack of Disbelievers (kâfirs) against the world of Islam. The Ottoman sultan, being at the same time the caliph, perceived Muslims of the Caucasus (Cherkezistan as it was called¹) as a people of Caliphate.

Sultans had also other reasons to put in a claim for the North-Western Caucasus. The oaths of fidelity were brought by the Circassian princes in Constantinople, the money was sent to them regularly and the status fur, leather and gun gifts gave. Besides there was an idea of hereditary succession of North-West Caucasian ownership passed to the Ottomans from the Golden Horde through the Crimean Khanate². Lands between the Kuban and the Terek deemed fallen under Ottoman domination with the recognition by the Crimean Khan of vassal dependence on the Ottoman sultan in 1475 (Bilge, 2005: 36, Kırzioğlu, 1976: 383). Belonging of the North-West Caucasian lands to the Ottomans was legally confirmed by the Treaty of Küçük Kaynarca of 1774, according to which the river Kuban became the new Russian-Turkish border³. For the same reason the Ottomans considered themselves entitled to give Russia the entire east coast of the Black Sea from the mouth of the Kuban river to the marina of St. Nicholas according to the Treaty of Adrianople in 1829.

Since 1774 in connection with the loss of the Crimea the interest of the Ottoman Empire in the Circassians increased in a greater extent than ever before. Considering the Circassians Ottoman subjects, sultans demanded from them subordination based on the principle: “Do not fight in the peacetime; when declaring the war, fight on the side of the Ottoman Empire” (Güneş-Yağcı, 2009: 106). Therefore, all the military operations of the Circassians beyond Russian-Turkish wars were perceived negatively by the Ottoman side as being able to do much harm to the foreign policy of the empire and to provoke another war. Thus, one could not talk about any special term for war of Russia with mountaineers in an Ottoman historiography of that period.

The situation changed radically during the reign of the Young Turks, many of whom were immigrants from the Caucasus. Against the background of such historical events as the World War I and the creation of the Mountain Republic the ideas of the Russian invasion and occupation (işgal, istila) of the independent Caucasus began to dominate in Turkish historiography. However, these views gained an opportunity for a wide circulation only in 50-60-s of the 20th century. Then such participants of the events as the Kabardians Pşmahö Kosok and İsmail Hakkı Berkok, and a little later the Ingush Wassan-Giray Cabağı could publish the works on a centuries-long history of the ‘war for freedom and independence’ (Hürriyet ve İstiklâl Savaşı) of the Northern Caucasus and the struggle of Caucasians against Russians (Kafkas-Rus Mücadelesi) (Berkok, 1958; Cabağı, 1967; Kosok, 1960). This trend was supported by the Turkish researchers of the period (Hızaloğlu, 1958; Hızal, 1961; Tokses, 1966).

Such a long silence on the North-Western Caucasus and the Circassians in the Turkish historiography was due to the tabooing of ethnic topics by Turkish nationalist ideology since the early 20-ies of the 20th century. Marginal was even the Circassian identity itself. The weakening of ideological dictate after the end of the single-party system and Turkey’s accession to NATO in 1952 along with its involvement to the Cold War led to the return of the Caucasus to the agenda. The Caucasian Associations have appeared since the 50-ies, and journals on Caucasian issues expressing anti-Soviet and anti-Russian orientation, as well.

Since the 60-s the interest in the history of the North-Western Caucasus gradually grew mostly among the researchers of Circassian origin. The most prominent of them were Nihat M. Berzeg and İzzet Aydemir. The numerous Circassian Diaspora publishing houses started to print the sources and research works in the field.

Circassian historiography as a part of Turkish historiography exists largely on the principle of counter-history, challenging many points of the official historical doctrine. Thus, for example, the Turkish historians call the resettlement of the North Caucasians to the Ottoman Empire ‘migration’ (göç) and link it with the resettlements from the Crimea and the Balkans, placing emphasis on Islamic identity of the Circassians (Caucasians). The Circassian researchers, in turn, from the 90-s have been developing the concept of exile (sürgün) and genocide (soykırım) (Aslan Cahit, Fethi Güngör, Abdullah Saydam, Yeldar Barış Kalkan, Yalçın

¹ The geographical term “Caucasus” began to appear in the Ottoman Empire only in the 19th century. Before that the terms “Cherkizistan”, “Dagestan”, “Kuban” and others were used.

² Another version is suggested by the Ottoman historian Ahmet Cevdet Paşa (1822–1895): “Both the Kabartayts and other Circassian tribes, senior servants of the high monarchy, up to the days of Sultan Bayezid, served to him as a horse army in peace and war. Afterwards, at the meeting with Bayazid Khan great Haji Giray Khan asked him for the said tribes, his request was granted, and since then these tribes had always served him (Cevdet Pasha, 1888: 378-379).

³ At the same time, according to Ahmet Cevdet Paşa, the legal status of the Great Kabarda – “a member, due to the force of circumstances cut off from the body of the empire” – was unclear. The Ottoman Empire fearing of breach of the treaty, did not support the Kabardians, and Russia used it in its own interests (Cevdet Pasha, 1888: 378-379).

Karadaş and others), paying little attention to religious issues. They also avoid to understand the Circassian identity as a common Caucasian one, passing to a narrow ethnic meaning: “Circassian equals Adyghe”.

Turkish historiography of the republican period uses such terminology as the ‘Russian-Caucasian War/Wars’ (Rus-Kafkas savaşı/savaşları), ‘Russian-Circassian War/Wars’ (Rus-Çerkes Savaşı, Çerkes-Rus savaşları), ‘Circassian national war’ (Çerkez milli savaşı) and ‘Circassian national liberation war’ (Çerkes Ulusal Kurtuluş Savaşı) (Kalkan, 2006). 1864 was usually referred to as the war/ wars end whereas the outbreak of war was usually dated as 1762, 1763, 1829. For example, Kanbolat wrote: “In 1762 the Russian-Circassian War under the leadership of the Imam Mansour began ... In 1819 the Russian-Circassian War under the name ‘War of Myurids’ started over again. It was a guerrilla war and Circassians demonstrated wonders in this war” (Kanbolat, 1989: 51, 70). In 2000s in Circassian-Turkish historiography the ‘Russian-Circassian War’ term with dating 1763-1864 entrenched, which refers to the ethnic approach described above. However, the religious wing of the Diaspora adheres to the version about 300 years-long ‘Russian-Caucasian War’ that allows to keep interpretation of an ethnonym ‘Circassian’ as the North Caucasian.

The term ‘Caucasian War’ still meets misunderstanding in Turkey. Thus, one of the modern Circassian writers describes the widely celebrated in the Caucasus Memorial Day of victims of the Caucasian War as follows: “Authorities hold events in honour of the ‘Commemoration Day of those died in the Caucasian wars’. Now I will be accused again of cruelty and denigration, however I cannot help asking. What does Russia mean, speaking about the deads in the Caucasian wars? Obviously, the Circassians killed each other, Russia came and separated the parties. It boarded us on the ships and sent to Turkey with words: ‘If you remain here, you won’t calm down and you will kill each other. I will better send you to the Ottoman Empire’” (Özden, 2016a). Also there is an opinion on ineligibility of the term ‘war’ in relation to the historical events of that time, since that was the “resistance against the policy of genocide of the Russian Tsarism – a huge imperialist force” (Özden, 2016b). Supporters of this approach point to the absence of professional army and the centralised state system in Circassia.

Western Historiography

The foundation of the western historiographical tradition on the North-West Caucasus was laid by the British travellers and writers. They formed an emotional evaluation of Russia’s military presence in the Caucasus as endangering British interests in India. Circassia was perceived as a barrier or a shield, like Poland, capable to deter the ‘onward march of Russia’ (Rolland, 1858: 29). The pioneer in the Circassian affairs David Urquhart stated in 1853: “For Hindoostan and for the Ottoman empire there is one, and a mighty, protecting barrier... the Caucasus. In our times we have seen this new people arise... This people is at war with Russia. Hear it, Europe!” (Urquhart, 1854: 135-136).

Like Urquhart, such travellers across Circassia as Edmund Spencer, James Stanislaus Bell, John Augustus Longworth and William Jesse in the 30-40s used the word ‘war’ or ‘Russian war’ in relation to the Caucasian events. Already in the 50s George Leighton Ditson mentioned the ‘Caucasian war’ (Ditson, 1850: 372), while Russell Lee used ‘Circassian wars’ (Lee, 1853). However this meant firstly the Holy war of the ‘brave Schamil, the Napoleon of the Circassians’ (Lee, 1853: 411). There were repeated calls to assist him for the salvation of the Caucasus and the British possessions: “Russia will inevitably overwhelm the Caucasus at Schamyl’s decease, if aid be not given in time. And Russia stops not there. Its aggressive policy, opposed to that of the world, will lead it to India, and the empire of the Indian ocean” (Wagner, 1854: 157).

In turn, the actions of the Circassians in the North-Western Caucasus were described as a modern struggle for liberty (Lee, 1853: 344), struggle against subjugation by Russia (Rolland, 1862), etc. In the British historiography neither de facto nor de jure political power of Russian Empire over Circassia was recognised. Independence of the Caucasian tribes was defended and the principle of freedom of trade was stated.

The most of research literature on the subject described the Russian conquest of the Caucasus and, in response, the Caucasian/Circassian resistance. This trend have preserved till nowadays, being used in the works of John Braddeley, Peter Brock, Willis Brooks, Moshe Gammer, Paul Henze, Kadir Natho, and many others. Since the 2000s such researchers as Walter Richmond, Oliver Bullough, Kadir Natho, Paul Goble, Irma Kreiten, Merab Chukhua, Lars Funch Hansen, Antero Leitzinger actively promote the idea of the Circassian genocide, and the Circassian historiography develops in the course of Postcolonial Studies.

Though in the Western historiography the term ‘Caucasian War/Wars’ was regularly met, by the 2000s under the influence of Circassian researcher’s contribution the term ‘Russian-Circassian War’ starts to prevail¹. Besides, the understanding of Circassians as the North Caucasians still preserves².

It should be stated that no unified approach to the chronology was developed. The outbreak of war is dated as 1800, 1802, 1817, 1825, 1829, 1830; the end of war – as 1763, 1840, 1859, 1861, 1864, 1872. An American researcher of Circassian origin Kadir Natho made a conclusion that is worth noting in this respect: “The overwhelming majority of the historians, however, came to the conclusion that the Russian-

¹ At the same time, the leading researcher in Circassian Studies Walter Richmond uses the Russian-Circassian War, Russian-Caucasian War and Caucasian War synchronously.

² Sometimes, as John Baddeley and Moshe Gammer did, they are distinguished from the Kabardians are separated from Circassians as a special ethnic group.

Caucasian War started in 1763 and lasted until 1864. Nevertheless, the information of these historians is not accurate, since the first Russian invasion in Circassia took place in 985, which was held by Prince Sviatoslav... This had happened 1,016 years ago, 778 years before the Russian-Caucasian War is supposed to have begun!" (Natho, 2009: 267).

Interaction

Having traced an independent development of Russian, Turkish and Western historiographical traditions, we would like to overcome the effects of isolation, and therefore try to examine the relationship among the Cultural Zones. For this purpose, we will concentrate on an exchange of texts and the transfer of concepts between our three Zones.

Interesting to note that the Imperial period of the 19th-early 20th century was characterised more by people exchange rather than texts. Many English speaking authors, who wrote about the Caucasus, had the experience of direct observation of the object of study during their travels to the Caucasus and Russia. The Russian historiographers of the period also had an opportunity to see what was happening in the North-Western Caucasus with their own eyes. The Ottoman Empire in this respect wasn't able to provide some special investigations on the North-Western Caucasus, but regularly obtained firsthand information from Circassians who came to Constantinople for a while or settled there.

In the Soviet period, visits to the Caucasus and contacts between Russian and foreign researchers were already considerably restricted and controlled. However, as shows the research of Peter Brock in the 50s (Brock, 1956), one should not underestimate acquaintance in the West with the recent trends in the Soviet historiography. Penetration of the western views and approaches to the Soviet research circles was also substantial, though it was given along with required criticism from the standpoint of Marxist ideology.

The Institute for the Study of the USSR at Munich (1950-72) became the most important foreign centre of research cooperation in the field. Its employees belonged to the second wave of Russian emigration, among them a Circassian researcher Ramadan Trajo took place. It was he who first introduced the dating of the Caucasian War as 1763-1864. Besides Munich, Istanbul (Constantinople) preserved its fame as a meeting point for the Circassians.

As concerns texts, the English translation of Russian (including Circassian) and Turkish works on the subject were and still are very scarce. On the other hand, a number of the main key concepts and current theoretical trends come to Russian and Turkish historiography through the western authors.

Translations of western texts into the Turkish language became actual for Turkey in the 60s of the 20th century with the return of interest in the Caucasus. The translations from Russian began to appear only in the 90s. At that time, Russia and Turkey suddenly opened for themselves the huge massif of foreign literature on the North-Western Caucasus. Between Cultural Zones an active transfer of key concepts was launched.

Thus, in the Russian historiography influenced by the Turkish one an idea of voluntary resettlement or relocation for religious reasons (muhajirism) was replaced by the idea of forced eviction. In Turkey, in turn, with the translation in 1995 of the Kasumov's book "Genocide of Circassians" (Kasumov, Kasumov, 1995) the idea of genocide was introduced. Subsequently the concept of genocide developed in both Russia and Turkey thanks to the translations (by the way, not always exact) of English texts.

Nevertheless, it is possible to find some kind of filter in selection of works and even in their translation. Foreign-language researches were subject to condensation, adaptation and essential editings both in Russia and Turkey. For example, the Turkish version of the "Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War" by Semyon Esadze turned into the "Russian Conquest of Circassia" (Esadze, 1999). In Russia, mainly in the Caucasus, the publications of extracts or quotations from the works of English authors were in common practice. By the 2000s the situation in Russia and Turkey normalised to some extent, and translations of works became closer to the originals.

5. Conclusion

Our study allows to state that Russian, Turkish and Western historiography on the North-Western Caucasus of the 19th century so strongly depends on local traditions that we can say about three separate historiographies. Though, one can notice some common trends, especially in the 'empty period' of Russia, Turkey and Britain.

Current situation is noticeable for the development of Circassian 'auto-historiography' which is characterised by ethnocentrism and victimisation due to the trends of counter-history.

In Turkey there is some kind of opposition of the Circassian historians to the Turkish ones, caused by long marginalization of ethnic histories under the pressure of the Turkish nationalist discourse.

In Russia, on the contrary, the policy of the Soviet authorities on the development of national cultures and identities, drawing on the positivist concept of 'ethnos', after the collapse of the USSR led to the fragmentation of local ethnic historiographical schools. This manifests itself not only in the confrontation with the official history, but also in mutual deafness among the schools themselves. Therefore in Russia we can trace the permanent attempts to reconcile the conflicting camps.

Last but not least, the Western historiography has a significant impact on the research field, though it demonstrates the lack of homogeneity due to its diffuse borders.

In spite of interaction between Russian, Turkish and Western historiographies, each of them was formed according to own logic of development. Thus, the misunderstandings in the terminology on the North-Western Caucasus of the 19th century (in particular, with the term ‘Caucasian War’) lean on the differences of historiographical traditions leading to the conflicts of interpretations.

6. Acknowledgments

This publication was made possible by funding from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, research work “Factors and Mechanisms of Destabilization of the Situation in the North Caucasus: Islamism, Nationalism and Regionalism”.

References

- Baghirov, 1950** – *Baghirov M.J.* K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizma i Shamilya [To a Question of Nature of the Movement of a Muridizm and Shamil], Moscow: Gospolitizdat, 1950, 32 p. [In Russian].
- Berkok, 1958** – *Berkok I.* Tarihte Kafkasya, İstanbul: İstanbul Matbaası, 1958, 533 p.
- Berzeg, 1996** – *Berzeg S.E.* Kafkasya ve Çerkesler Bibliyografyası, Samsun: Nart Publications, 1996, 143 p.
- Besleney, 2009** – *Besleney Z.A.* An Overview of Circassian Studies Literature, The North Caucasus: Histories, Diasporas and Current Challenges. Proceedings of the Sukhum Conference “Towards a New Generation of Scholarships on the Caucasus”, Ed. Ergün Özgür, Ankara: Kalkan Matbaası, 2009, pp. 74-90.
- Bilge, 2005** – *Bilge S.* Osmanlı Devleti ve Kafkasya, İstanbul: Eren Yayıncılık, 2005, 250 p.
- Brock, 1956** – *Brock P.* The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy, The English Historical Review, July 1956, Vol. 71, Nr 280, pp. 401-27.
- Cabağı, 1967** – *Cabağı W.G.* Kafkas-Rus Mücadelesi, İstanbul: Baha Matbaası, 1967, 112 p.
- Cevdet Pasha, 1888** – *Cevdet Pasha.* Opisanie sobytii v Gruzii i Cherkessii po otnosheniyu k Ottomanskoj imperii ot 1192 goda po 1202 god khidzhry (1775–1784) [Description of the events in Georgia and Circassia in relation to the Ottoman Empire from 1192 to 1202 year AH (1775-1784)], Russkij arhiv, 1888, Nr 3, Moscow, 1888, pp. 378-379 [In Russian].
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Menkovskii V.I., Ivantsov V.G. et al.* The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, 2014, Vol. 8, Nr 3, pp. 64-72.
- Cornell, 2010** – Cornell S.E. Azerbaijan Since Independence. New-York: M.E. Sharpe, 2010, 483 p.
- Degoev, 2000** – *Degoev V.V.* Problema Kavkazskoj vojny XIX v.: istoriograficheskie itogi [The Problem of the Caucasian War of the XIX century: historiographical summary], Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. Rossiya i Severnyj Kavkaz. Vol. 2 (150), Moscow: Russkaja panorama, 2000, pp. 225–250 [In Russian].
- Ditson, 1850** – *Ditson G.L.* Circassia: or a Tour to the Caucasus, New-York: Stringer & Townsend, 1850, 474 p.
- Esadze, 1999** – *Esadze S.* Çerkesya'nın Ruslar Tarafından İşgali. Kafkas-Rus Savaşlarının Son Dönemi, Ankara: Kafkas Derneği Yayınları, 1999, 134 p.
- Espagne, Werner, 1988** – *Espagne M., Werner M.* Le Transfert de la Culture Allemande en France, Annales ESC, 1987, pp. 969-992.
- Fadeev, 1865** – *Fadeev R.A.* Pis'ma s Kavkaza k redaktoru Moskovskih Vedomostej [Letters from the Caucasus to the editor of the Moscow News], St.Petersburg: Tipografija V. Bezobrazova i K^o, 1865, 259 p. [In Russian].
- Fadeev, 1860** – *Fadeev R.A.* Shest'desjat let Kavkazskoj vojny [Sixty years of the Caucasian war], Tiflis: Voenno-pohodnaja tipografija Glavnogo shtaba Kavkazskoj armii, 1860, 147 p. [In Russian].
- Fadeev, 2010** – *Fadeev R.A.* Gosudarstvennyj porjadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus], Moscow: Institute of Russian civilization, 2010, 986 p. [In Russian].
- Gapurov, 2013** – *Gapurov Sh.A.* Diskussionnye voprosy kavkazovedenija (XIX vek): poiski kompromissa [Discussion questions of the Caucasiology (19th century): Search for a Compromise], Proceedings of the International Forum of the Historians-Caucasiologists (October 14–15, 2013, Rostov-on-Don), Ed. V.V. Chernous, Rostov-on-Don: MARCH, 2013, pp. 31-39 [In Russian].
- Gapurov, 2015** – *Gapurov Sh.A.* K diskussii o Kavkazskoj vojne [To the Discussion on the Caucasian War], Kavkazskaja vojna: simvoly, obrazy, stereotypy, Ed. T. V. Kovalenko, Krasnodar: Ekoinvest, 2015, pp. 45-55 [In Russian].
- Goble, 2016** – *Goble P.* Moscow Disinformation Spreading from Mass Media to Academic Output [Electronic Resource], URL: <http://windowoneurasia2.blogspot.ru/2016/01/moscow-disinformation-spreading-from.html> (Accessed: 25.05.2016).
- Güneş-Yağcı, 2009** – *Güneş-Yağcı Z.* Osmanlı Devleti'nin Kuzey Kafkasya Siyaseti: Çerkeslerden Bağlılık Senedi Alınması, Karadeniz, 2009, Nr 2, pp. 99-112.
- Hızal, 1961** – *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal Davası, Ankara: Orkun Yayınları, 1961, 163 p.

- Hizaloğlu, 1958** – *Hizaloğlu M. Şeyh Şamil (Şimali Kafkasya İstiklâl Mücadeleleri)*, Ankara: Ayyıldız Matbaası, 1958, 80 p.
- Jaimoukha, 2009** – *Jaimoukha A.M. Circassian Bibliography & Library*, Amman: Sanjalay Book Press, 2009, 224 p.
- Kalkan, 2006** – *Kalkan Y.B. Çerkes Halkı ve Sorunları: Çerkes Tarih, Kültür, Coğrafya ve Siyasetine Sınıfsal Yaklaşım*, İstanbul: Gün Yayıncılık, 2006, 354 p.
- Kanbolat, 1989** – *Kanbolat Y. Bin Sekiz Yüz Altmış Dörde Kadar Kuzey Kafkasya Kabilelerinde Din ve Toplumsal Düzen*, Ankara: Bayır Yayınları, 1989, 114 p.
- Kasumov, Kasumov, 1995** – *Kasumov A., Kasumov H. Çerkes Soykırımı: Çerkeslerin XIX. Yüzyıl Kurtuluş Savaşı Tarihi*, Ankara: Kafkas Derneği, 1995, 310 p.
- Kırzioğlu, 1976** – *Kırzioğlu F. Osmanlılar'ın Kafkas Ellerini Fethi (1451–1590)*, Ankara: Ankara Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1976, 550 p.
- Klychnikov, 2006** – *Klychnikov Y.Y. K voprosu o diskussii vokrug definicii «Kavkazskaja vojna»* [On the Question of Discussion on the Definition 'Caucasian War'], *Voprosy Juzhnorossijskoj istorii*, 2006, Is.11, P. 100-101.
- Kosok, 1960** – *Kosok P. Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklâl Savaşı Tarihinden Yapraklar*, İstanbul: Çeltüt Matbaası, 1960, 64 p.
- Lee, 1853** – *Lee R. Stories from Russia, Siberia, Poland and Circassia*, London: T. Nelson and Sons, 1853, 444 p.
- Marx, Engels, 1960** – *Marx K., Engels F. Sobranie sochinenij* [Collective works], Vol. 17, Moscow: Politizdat, 1960, 841 p. [In Russian].
- Mekulov, 1991** – *Mekulov D.H. (Ed). Materialy I Koshehabl'skogo foruma «Istorija – dostojanie naroda»* [Proceedings of the I Koshehabl'sky Forum "History – people's heritage"]. Maikop, Adygeja, 1991, 264 p. [In Russian].
- Natho, 2009** – *Natho K.I. Circassian History*, Wayne-New Jersey: Xlibris Corporation, 2009, 574 p.
- Novickij, 1913** – *Novickij V.F. (Ed). Voennaja jenciklopedija* [Military Encyclopaedia]. Vol. 11, St. Petersburg.: Tovarishhestvo I.D. Sytina, 1913, 362 p. [In Russian]
- Olejnikov, 2001** – *Olejnikov D I. Rossija v Kavkazskoj vojne: poiski ponimaniya* [Russia in the Caucasian War: Searches of Understanding] // *Rossija i Kavkaz skvoz' dva stoletija: istoricheskie chtenija*, St.Petersburg: Zvezda, 2001, pp. 69-88 [In Russian].
- Özbek, 1993** – *Özbek B. Çerkesya Bibliyografyası* Ankara: Private Edition, 1993, 252 p.
- Özden, 2016a** – *Özden M. 21 Mayıs'ta Çerkes Kurumları Neden Birleşemez?* [Electronic Resource], URL: <http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=870423&pt=Murat%20%C3%96zden&21-May%C4%B1%E2%80%99ta-%C3%87erkes-Kurumlar%C4%B1-Neden-Birle%C5%9Femez> (Accessed: 25.05.2016).
- Özden, 2016b** – *Özden M. Özgürlüğe Giden Yol* [Electronic Resource], URL: <http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=885764&pt=Murat%20%C3%96zden&%C3%96zg%C3%BCrl%C3%BC%C4%9Fe-Giden-Yol> (Accessed: 25.05.2016).
- Rolland, 1862** – *Rolland S.E. Circassia: Speech* [of Stewart E. Rolland,] [on behalf of the Circassians in their struggle against subjugation by Russia] at a public meeting at Preston held at the Corn Exchange, Preston, October 1, 1862 to receive the deputies from Circassia [in a report of the meeting], London: Hardwicke, 1862, 34 p.
- Rolland, 1858** – *Rolland S.E. The growth of Russian power contingent on the decay of the British constitution*, London, Robert Hardwicke, 1858, 48 p.
- Romanovsky, 1881** – *Romanovsky D.I. General fel'dmarşal knjaz' Aleksandr Ivanovich Barjatinskij i Kavkazskaja vojna. 1815–1879* [Generalfeldmarschall prince Alexander Ivanovich Barjatinskij and the Caucasian war. 1815–1879] // *Russkaja starina*, 1881, Vol. 30, Nr 2, pp. 247-318 [In Russian].
- Tokses, 1966** – *Tokses S. Kafkasya'da Kafkas-Rus Mücadelesi*, Kabartay-Balkar Cumhuriyeti (XIX. Asırda), Undergraduate Dissertation, İstanbul University, Faculty of Letters, Department of History, İstanbul, 1966, 57 p.
- Urquhart, 1854** – *Urquhart D. Recent events in the East*, London: Trübner & Co., 1854, 311 p.
- Vinogradov, 2015** – *Vinogradov B.V. «Kavkazskaja vojna»: terminologičeskie i stadial'nye aspekty issledovanija* [“The Caucasian War”: Terminological and Stadial Aspects of Research], *Kavkazskaja vojna: simvoly, obrazy i stereotipy*, Krasnodar: Ekoinvest, 2015, pp. 35-45 [In Russian].
- Wagner, 1854** – *Wagner F. Schamyl and Circassia*. London: G. Routledge & Co., 1854, 188 p.
- Youghar, Bashqawi, 2016** – *Youghar I., Bashqawi A. The Circassians Refuse the Hostile Attitude* [Electronic Resource], URL: <http://www.radioadiga.com/ClosedIndex/artikk.php?ind=4425> (Accessed: 25.05.2016).
- 1986** – XXVII s'ezd Kommunističeskoi partii Sovetskogo Soyuza, 25 fevralya – 6 marta 1986 g. Stenografičeskii otchet [The XXVII Congress of the CPSU, 25 February – 6 Mart 1986. The Stenographical Report], Moscow: Politizdat, 1986, 654 p. [In Russian].

УДК 94

Война, которой не было: российская, турецкая и западная историография по Северо-Западному Кавказу XIX в.Вероника Витальевна Цибенко^{а, *}^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируется в исторической ретроспективе формирование ключевых понятий для обозначения военных действий на Северо-Западном Кавказе XIX века в российской, турецкой и западной историографии. Авторы прослеживают взаимосвязь между историографическими традициями, предлагают собственную периодизацию.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что хотя восприятие событий на Северо-Западном Кавказе было обусловлено локальными историографическими традициями и рамками заданных магистральных подходов, проявляется ряд общих тенденций. Например, можно отметить схожесть в имперский период российского, османского и британского взглядов на Северо-Западный Кавказ как арену борьбы великих держав. В современной историографии отчетливо выделяется собственное направление «автоисториографии», развиваемое исследователями с черкесскими корнями и носящее черты контристики.

Несмотря на выявленные взаимовлияния между российской, турецкой и западной историографическими традициями, каждая из них формировалась в соответствии с собственной логикой развития. Таким образом, непонимания, связанные с терминологией по описанию событий на Северо-Западном Кавказе XIX века (в частности, с термином «Кавказская война») опираются на разницу историографических традиций, порождающую конфликты интерпретаций.

Ключевые слова: Кавказ; Северо-Западный Кавказ; черкесы; Кавказская война; Русско-кавказская война; Русско-черкесская война; историография.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tsibenkovv@sfedu.ru (В.В. Цибенко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1158-1163, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94: 7.033 (571.1)

The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia

Evgeny A. Naumenko ^{a, *}^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the political phenomenon – "technology of lie" that emerged of Jesuit and quasi-Catholic culture of Europe at the Middle Ages. The article also considers penetration of this phenomenon into Western Siberia through representatives of exile. According to author, the technologies of lie were created as a result of distortion of Catholicism, departure from a true spiritual component. This policy was considered by its carriers as a competition form. The author considers that misstatement of Orthodoxy was possible to a lesser extent because of its traditional dogmatism; the Russian imperial power did not use technologies of lie at the wide nation-wide and geopolitical level. The phenomenon existed only in local cultures.

In article the social and economic and political reasons of forming of these technologies in the Russian Empire and Western Siberia, their manifestations and a consequence are analyzed. As examples cases of anti-Semitic "bloody slanders" are given in the European Russia and a defiant line item of the Jesuit organization in a Siberian exile. The author notes that the considered tactics has been directed to some religious groups and to certain representatives of society and the government. As a rule, none of the victims were ready to "information attacks" and lost them, losing not only property and positions, but also life sometimes. The author emphasizes that this practice has been adopted by part of the Russian revolutionary atheists. There is approved action of these technologies in terms of the Siberian penal servitude and the exile. Later the experience gained by them has formed the basis of fabricated political processes in case of the Stalin the regime.

Keywords: technology of lie, Jesuits, Catholicism, anti-Semitism, bloody slander, exile, penal colony, Western Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Геополитические проблемы современного мира во многом связаны с произвольным толкованием религиозных текстов. В настоящее время это коснулось Священной книги мусульман – Корана, но в прошлые столетия таким объектом была Библия. Если в православии закреплён догматизм – невозможность новой интерпретации первоисточников (учение можно лишь развивать, но не пересматривать), то в католицизме присутствует относительная свобода в понимании Священных текстов. Как результат – именно в католических странах наблюдался разгул инквизиции и Крестовые походы. Одним из следствий искажения Библии стало появление политического феномена – технологий лжи, характерного прежде всего для идеологии Ордена иезуитов. Современные информационные войны иллюстрируют широкие возможности этих методов для решения экономических, политических и иных задач в интересах конкретных стран. Подобная тактика понимается ее носителями как форма конкуренции и, в отличие от России, в Европе имеет глубокие исторические корни.

* Corresponding author

E-mail addresses: hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

2. Материалы и методы

2.1. Источники исследования включают материалы Государственного архива Российской Федерации, Государственных архивов Омской и Тюменской областей, а также коллекции русских православных икон Музея археологии и этнографии Тюменского государственного университета. Архивные источники (в основном делопроизводственная документация: переписка, прошения, жалобы, отчеты) позволяют понять механизм применения технологий лжи в деятельности двух групп ссыльных: 1) выдворенного из Белоруссии в Сибирь Ордена Иезуитов; 2) политических каторжан – будущих советских и партийных руководителей. Иконы являются материально-иллюстративными источниками по проблеме антисемитских «кровавых наветов», используемых в качестве средства для реализации технологий лжи.

2.2. В основу исследования положен цивилизационный методологический подход, который дал возможность исследовать феномен как результат столкновения двух культурно-исторических типов сознания: ортодоксально-православного и религиозно-деформированного (квази-католицизм, воинствующий атеизм). Применение сравнительно-исторического метода позволило рассмотреть реализацию технологий лжи в различные исторические периоды в Европейской части России и Западной Сибири. Использование метода актуализации помогло оценить масштаб, опасность и серьезность последствий информационных войн.

3. Обсуждение

Проблема политических технологий лжи, несмотря на актуальность, пока не стала объектом широкого научного исследования, хотя уже затронута в ряде работ (Залюбовский, 2008; Smolkin-Rothrock, 2014; Карабущенко, 2015 и др.). В сфере интересов авторов – геополитика, в том числе современная ситуация на Украине. История и деятельность иезуитских организаций изучена значительно лучше, но использование ими нетрадиционных методов (в частности, гипноза) отражено только в статьях В.Н. Колотова (Колотов, 2014). История Ордена иезуитов в Сибири проанализирована в предыдущих работах авторов, но без акцента на аморальные способы деятельности (Науменко и др., 2014; Науменко и др., 2016). Апробация технологий лжи ссыльно-каторжными революционерами в условиях Западной Сибири также не рассматривалась в историографии. В целом информационная война как средство достижения цели пока не стала предметом специального исторического исследования; не определена связь феномена с деформацией религиозного сознания.

4. Результаты

Западная Сибирь впервые столкнулась с технологией лжи после прибытия туда в 1815 г. ссыльных иезуитов, для которых данная тактика была узаконенным средством достижения цели (ГАОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 43). Орден был отправлен в Сибирь по приказу Александра I после победы над Наполеоном, когда произошло сближение России с рядом европейских стран, изгнавших иезуитов со своей территории по настоянию Римского папы. Население Сибири не было знакомо с этим религиозным направлением, и местным губернаторам даже потребовались справочные материалы о возникновении и истории Ордена. В целом в Западной Сибири у ссыльных иезуитов появились благоприятные условия для успешной реализации привычных методов достижения цели.

Ложь (клевета) была законодательно запрещена в Российской империи. Это многовариантное преступление (лживая присяга, лживые доносы и прочее) наказывалось сроком от нескольких месяцев тюремного заключения до 10 лет каторги (Система наказаний, 2016), поэтому сибирское население имело возможность увидеть применение наказания на конкретных примерах поступавших в регион ссыльных. Такая практика была лучшей профилактической мерой для обывателей, которые старались воздерживаться от данного вида преступления: авторам в архивных фондах пока не встречалось уголовных дел о клевете, возбужденных против представителей коренного населения, доказанных в судебном порядке и наказанных каторгой.

В регионе отсутствовала практика «кровавых наветов», применявшаяся в Европе и западной части Российской империи на основе технологий лжи. «Кровавые наветы» – многочисленные регулярные сфабрикованные судебные процессы по обвинению иудеев в убийствах христианских детей и использовании их крови для религиозных ритуалов (Harris, 1989: 237). Методы этой политики были хорошо отработаны: на первой стадии власти обвиняли евреев в преступлении (для этого необязательным было найти мертвое тело); на второй стадии в обществе начинались иудейские погромы и передел еврейской собственности; на третьей стадии, как правило, евреям выносился оправдательный приговор, но уже не публично, а в скрытом от общества варианте (Клиер, 2011: 183). Таким образом, цель была достигнута: общественное мнение сформировано и готово к новому антисемитскому акту, если у государства возникала в этом потребность.

Католическая (лучше сказать – квази-католическая) церковь Запада закрепляла антисемитизм в общественном сознании иконописными сюжетами и религиозной скульптурой: изображением иудеев в аду и на Страшном Суде (Rowe, 2011: 216). Такие образы характерны не только для Европы, но и для Западной Украины, где традиционно сильным является влияние католицизма (Химка, 2011: 161–162). В качестве сравнения можно отметить, что богатейшая коллекция русских православных

икон конца XIX – начала XX вв., хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Тюменского государственного университета, не содержит ни одного подобного сюжета (МАиЭ ТюмГУ Инв. № ОФ КР II – 18, ОФ КР II – 31 и др.); нет их и в католических храмах региона. В целом юг Тобольской губернии в тот период отличался относительной конфессиональной толерантностью, и население радушно принимало в свои ряды представителей всех конфессий (Бортникова и др., 2016).

Гарантией успеха иезуитов был тот факт, что даже в условиях сибирской ссылки (1815–1820 гг.) Орден продолжал находиться под покровительством императорской власти, причем степень опеки не уменьшилась по сравнению с предшествующим периодом. Екатерина II пригласила иезуитов в 1773 г. в Белоруссию после их изгнания из европейских стран за попытку отравить Папу Римского Климента XIV (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 44) и получила после этого имя «Раскольническая императрица». Событие совпало с вхождением в состав России белорусских земель, где уже проживали члены Ордена. Точное число прибывших иезуитов неизвестно, но среди них было 32 студента, 48 «братьев» (они обычно были преподавателями) и 98 священников (Lutteroth, 1923: 8). Съехавшимся в Белоруссию иезуитам были выделены имения, а принадлежавшие им крестьяне освобождены от государственных податей (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 45). Специальным указом члены Ордена освобождались от государственного контроля за накоплением капитала (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 45 об.).

Александр I пошел дальше. В его отношениях с Орденом обращают на себя внимание три факта, связанные с периодом сибирской ссылки: 1) к 1815 г. иезуиты задолжали Русской Православной Церкви более двухсот тысяч рублей серебром, но возвращать деньги отказались, и император погасил долг из государственной казны (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 45); 2) все уголовные дела на иезуитов, «сворачивавших» православных в свою веру, закрывались по приказу императора (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 1); 3) когда в 1820 г. иезуиты решили покинуть Сибирь, Александр I выдал им заверенные императорской печатью и личной подписью сопроводительные документы следующего содержания: «Государь Император Высочайше повелел, чтобы высылаемым иезуитам всякое снисхождение оказываемо было, чтобы назначено было нужное время на приготовление к пути, и чтобы следовали спокойно, без всякой поспешности, неприятности им нанессти могущей» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 1). На все время пути иезуитам из казны было назначено кормовое пособие по 1 рублю в сутки (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 2), в то время как обычным арестантам выдавали по 2 копейки (ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 129. Л. 15), то есть иезуиты получили денег в 50 раз больше.

Немаловажным фактором, обеспечившим успех политики иезуитов в Сибири, было их богатство и влияние во всем мире. Владения иезуитов находились не только в Европе, но и в Азии, в европейских колониях. Там они имели свои колледжи и общежития, центры управления, земли, имущество и доходы (Plattner, 1952: 20). Богатые и успешные иезуиты пользовались огромным уважением в Европе. В частности, когда студенты одного из иезуитских колледжей в Португалии в начале XVIII в. отправлялись в миссионерскую поездку и «маршировали правильными квадратами» через главные улицы столицы вместе с профессорами, «...толпа заполнила улицы и кварталы, выкрикивая пожелания удачного путешествия» (Plattner, 1952: 25). Таким образом, философия выживания – «Цель оправдывает средства» – надежно закреплялась в мировоззрении европейцев того периода, обеспечивая поддержку новому способу социальной конкуренции, но такой подход был новым явлением в российской культуре повседневности.

В Западной Сибири богатство Ордена попало на благоприятную почву местной коррупции. В 1819 г., через четыре года после прибытия в Тобольск иезуитов, М.М. Сперанский провел ревизию работы чиновников, и, выехав за пределы губернии дальше в Сибирь, изрек: «Если в Тобольске я отдал бы всех под суд ... то здесь оставалось бы их только повесить» (Ревизия, 2016). Иезуиты вмешивались в дела местной администрации, и те, кого не удалось подкупить или оболгать, подвергались открытому давлению. В частности, в 1815 г. несколько духовных лиц греко-униатского вероисповедания, связанные с Орденом иезуитов, обратились к Тобольскому губернатору Францу Абрамовичу фон Брину с просьбой разрешить им исполнять обязанности католических священников, чтобы иметь возможность занять их места в приходах. Губернатор отказал, мотивируя незаконным характером такой деятельности, а также сослался на отсутствие полномочий у губернских властей решать духовные дела. За униатов вступились иезуиты. Генерал Ордена Дроздович потребовал от губернатора срочно решить вопрос в положительную сторону. Ситуация накалялась, но Франц Абрамович не поддался угрозам и вообще запретил Иезуитскому ордену принимать в свои ряды священников греко-униатского вероисповедания (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 244. Л. 20). Иезуиты, в свою очередь, проигнорировали запрет. Более того, они активизировали деятельность по вовлечению в Орден католического и православного населения Западной Сибири. Губернские власти зафиксировали несколько случаев, когда в иезуитскую веру были обманом обращены еврейские дети (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 244. Л. 20 об.).

Предмет спора между иезуитами и губернатором был прост: Александр I предоставил иезуитам право в сибирской ссылке проводить службы в римско-католических церквях и открывать духовные учебные заведения, но только в тех приходах, где имелось католическое население, но отсутствовал пастырь (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 45 об.). Однако иезуиты с помощью уже испытанных технологий

просто избавлялись от местных католических священников и занимали их места (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 244. Л. 20). Вовлеченные в Орден духовные лица греко-униатского вероисповедания были их орудием и помощниками.

В 1820 г. Александр I запретил деятельность иезуитов в России, и они эмигрировали из Сибири. Однако информация об их дальнейшей судьбе противоречива. Согласно одним свидетельским данным, иезуиты для жительства выбрали Австрию и уехали туда (ГАОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 391. Л. 1). Согласно другой, более вероятной версии, Орден в составе 400–500 человек двигался по Сибири в сторону Чукотки/Аляски (Максимов, 1891: 312) и влился в одну из иезуитских общин США. Согласно третьему источнику – карте, составленной Ф. Платтнером, их путь от Тобольска лежал сначала на Север вдоль рек Обь, Тунгуска и Селенга, а затем повернул на Пекин (Plattner, 1952: 1), но карта может относиться к более раннему периоду сибирской истории иезуитов, на настоящий момент совершенно не изученной. Таким образом, хотя Орден покинул Сибирь, но пять лет их ссылки надолго запомнились как местной власти, так и обывателям.

Вторая группа ссыльных, прибывшая в Сибирь из западной части России (в том числе из Белоруссии и Прибалтики) и применявшая в революционной борьбе технологии лжи, была представлена политическими арестантами, которые в 1907 г. в стенах Тобольской каторжной тюрьмы организовали коммуну, вытеснив охрану и тюремную администрацию. Арестанты запретили начальнику тюрьмы А.Г. Богоявленскому вмешиваться в тюремные дела, и как только он попытался навести порядок, вынесли ему «смертный приговор», который был исполнен находившимися на воле единомышленниками (Васильев-Северянин, 1926: 714). Новый начальник тюрьмы И.С. Могилев, заступив на должность летом 1907 г., так описал свои первые дни работы: «Когда я получил 1-ю каторжную тюрьму, то обнаружил: камеры были открыты, арестанты свободно разгуливали по тюрьме; подкандальников никто не имел, стены камер были увешаны сотнями фотографических карточек всяких революционных деятелей; арестанты не стеснялись петь, шуметь, играть в карты и шашки в нашем присутствии, икон не было – таковые уничтожались» (ГА в г. Тобольске. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 28).

Когда новый начальник попытался законными методами навести порядок, политкаторжане ему также вынесли «смертный приговор», но перед убийством организовали его «моральное уничтожение». Обманув влиятельных лиц – депутатов Государственной Думы Н.Л. Скалозубова и полковника С. Тахчогло (брата лидера Тобольской каторжной коммуны Д. Тахчогло), с их помощью в российской и даже зарубежной печати начальник Тобольской каторжной тюрьмы И. С. Могилев был представлен почти маньяком, который применяет к заключенным пытки, в том числе «горячий» и «холодный» карцеры, всевозможные телесные наказания, после которых осужденные оказывались при смерти, и прочее (Васильев-Северянин, 1926 и др.). Однако археологические раскопки в Тобольском тюремном замке, а также рассекреченные в начале 1990-е гг. архивные материалы и иные источники не подтвердили наличие описанных карцеров и пыток. После посещения тюрьмы депутат Государственной Думы полковник С. Тахчогло понял, что брат-революционер использовал его в политических целях, и написал И. С. Могилеву из Москвы: «Милостивый Государь Иван Семенович! Прошу простить, что не имею возможности лично поблагодарить Вас за любезность, оказанную мне во время моего пребывания в Тобольске. Принося глубокую благодарность, я надеюсь, что Ваши недюжинные административные способности найдут возможным примирить непримиримое, а льгота, данная Вам брату (снятие кандалов), поддержав расстроенное здоровье, заставит его благополучно закончить все сроки и избежать новых осложнений. Думаю, что Ваш административный такт заставит брата смирить свои нервные проявления...» (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 238. Л. 3). Между тем, начальник тюрьмы был вскоре убит согласно «приговору», а понятие «могилевщина» настолько надежно закрепилось в публицистической и научной литературе советского периода, что представленные в 1990-е гг. научному сообществу материалы, реабилитирующие И.С. Могилева, вызвали отторжение у наиболее возрастной группы ученых и даже после перепроверки не смогли внушить полного доверия. Полагаем, рассмотренная революционная тактика была апробацией будущих сфабрикованных политических процессов в период сталинских репрессий, а в настоящее время активно используется в геополитике.

5. Заключение

Объединяющим фактором для обеих групп ссыльных была религиозная дезадаптация, деформация системы морально-нравственных ценностей и, как следствие, использование общего принципа «Цель оправдывает средства» в личных и корпоративных целях. Обе группы относились к политической элите российского общества (иезуиты – к бывшей, революционеры – к будущей) и в силу объективных процессов стремились к власти. В этой политической борьбе православные принципы управления и отношения к человеку оказались неконкурентноспособными перед новой жизненной философией и политическими технологиями. Характерно, что в обоих случаях местное общество было не готово к информационной лжи и превратилось в орудие политических игр. Этот фактор в конечном итоге создал базу для манипулирования общественным сознанием и в более поздние периоды.

Литература

- ГАОО – Государственный архив Омской области.
 ГА в г. Тобольске – Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.
 Васильев-Северянин, 1926 – *Васильев-Северянин П.* Царство Дубяги // Суд идет. 1926. № 12. С. 710–717.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Залюбовский, 2008 – *Залюбовский И.* Правда и ложь информационных технологий // Управление персоналом. 2008. № 4. С. 60–64.
 Карабущенко 2015 – *Карабущенко П.Л.* Политические элиты и проблемы национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. 2015. № 3. С. 91–97.
 Клиер, 2011 – *Клиер Д.* Кровавый навет в русской православной традиции / Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 181–206.
 Колотов, 2014 – *Колотов В. Н.* Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 1. С. 117–133.
 Максимов, 1891 – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1891. 377 с.
 МАиЭ ТюмГУ – Музей археологии и этнографии Тюменского государственного университета.
 Науменко и др., 2014 – *Науменко О.Н., Науменко Е.А.* Католический Орден иезуитов и Сибирь: некоторые страницы истории, религиозной психологии и просветительской деятельности // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 37–39.
 Науменко и др., 2016 – *Науменко Е.А., Науменко О.Н.* Религиозная психология иезуитов / Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Уфа: Омега-Сайнс, 2016. С. 164–167.
 Система преступлений – Система преступлений и наказаний по Уложению 1845 г. // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.studfiles.ru/preview/6189412/page:6/> (дата обращения: 23.06.2016).
 Ревизия – Ревизия Сперанского в Сибири // Новая университетская жизнь // [Электронный ресурс] / URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502> (дата обращения: 24.06.2016).
 Химка, 2011 – *Химка Д.П.* Образ евреев в украинской иконе XIV–XVIII вв. / Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М.: Индрик, 2011. С. 161–181.
 Bortnikova et al., 2016 – *Bortnikova Yu. A., Naumenko O. N., Naumenko E. E.* Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // *Bylye Gogy*. 2016. Vol. 39. Is. 1. P. 14–21.
 Lutteroth, 1923 – *Lutteroth H.* Russia and the Jesuits, from 1772 to 1820: principally from unpublished documents. Translation from French. London: Seeley, Jeckson and Holliday, 1923. 88 p.
 Plattner, 1952 – *Plattner F. A.* Jesuits go East. Translation from German. Westminster, Maryland: The Newman Press, 1952. 283 p.
 Rowe, 2011 – *Rowe N.* The Jew, the Cathedral, and the Medieval City. New York: Cambridge University Press, 2011. 326 p.
 Smolkin-Rothrock, 2014 – *Smolkin-Rothrock V.* The Ticket to the Soviet Soul: Science, Religion, and the Spiritual Crisis of Late Soviet Atheism // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73, Is. 2, P. 171–197. [in English]
 Harris, 1989 – *Harris D. A.* The Jewish World. New York: Liberty Publishing House, 1989. 449 p.

References

- GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [Public Archive of the Omsk region].
 GA v g. Tobol'ske – Byudzhetnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [Budgetary public institution of the Tyumen region the Public Archive in Tobolsk].
 Vasil'ev-Severyanin, 1926 – *Vasil'ev-Severyanin P.* Tsarstvo Dubyagi [Kingdom of DUBYAGA] // Court goes. 1926. No 12. P. 710–717. [in Russian]
 GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [Public Records Office of the Russian Federation].
 Zalyubovskii, 2008 – *Zalyubovskii I.* Pravda i lozh' informatsionnykh tekhnologii [Truth and lie of information technologies] // Personnel management. 2008. No. 4. P. 60–64. [in Russian]
 Karabushchenko, 2015 – *Karabushchenko P. L.* Politicheskie jelity i problemy nacional'noj bezopasnosti [Political elite and problems of a homeland security] // Public and municipal authority. 2015. No. 3. P. 91–97. [in Russian]
 Kliyer, 2011 – *Kliye D.* Krovavyj navet v russkoj pravoslavnoj tradicii [A bloody slander in the Russian orthodox tradition] / Jews and Christians in orthodox societies of Eastern Europe. M.: Indrik, 2011. P. 181–206. [in Russian]
 Kolotov, 2014 – *Kolotov V.N.* Tehnologii gipnoza v missionerskoj praktike iezuitov vo V'etname XVII veka (chast' 1) [Technologies of hypnosis in missionary practice of Jesuits in Vietnam the 17th century (part 1)] // *The Bulletin of the St.-Petersburg University*. 2014. No. 1. P. 117–133. [in Russian]
 Maksimov, 1891 – *Maksimov S.V.* Sibir' i katorga [Siber and penal servitude]. Sanct-Petersburg: Tipolitografiya N. Stefanova, 1891. 377 p. [in Russian]
 MAIE TYUMGU – Muzej arheologii i jetnografii Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta

[Museum of Archeology and Ethnography of the Tyumen State University].

Naumenko i gr., 2014 – Naumenko O.N., Naumenko E.A. Katolicheskiy Orden iezuitov i Sibir': nekotorye stranicy istorii, religioznoj psikhologii i prosvetitel'skoj dejatel'nosti [Catholic Award of Jesuits and Siberia: some pages of history, religious psychology and educational activities] // Omsk scientific bulletin. 2014. No. 5 (132). P. 37–39. [in Russian]

Naumenko i gr., 2016 – Naumenko E.A., Naumenko O.N. Religioznaja psikhologija iezuitov [Religious psychology Jesuits] / Synthesis of science and society in the solution of global problems of the present. Ufa: Omega-Sayns, 2016. P. 164–167. [in Russian]

Sistema prestuplenij, 2016 – Sistema prestuplenij i nakazaniy po Ulozheniju 1845 g. [The system of crimes and punishments according to the Code of 1845] // [Electronic resource] / URL: <http://www.studfiles.ru/preview/6189412/page:6/> (date of the address: 23.06.2016). [in Russian]

Revizija, 2016 – Revizija Speranskogo v Sibiri [Speransky's audit in Siberia] // New university life // [Electronic resource] / URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502> (date of the address: 24.06.2016). [in Russian]

Himka, 2011 – Himka D. Obraz evreev v ukrainskoj ikone XIV–XVIII vv. [An image of Jews in the Ukrainian icon of the XIV–XVIII centuries] / Jews and Christians in orthodox societies of Eastern Europe. Moscow: Indrik, 2011. P. 161–181. [in Russian]

Bortnikova et al., 2016 – Bortnikova Yu. A., Naumenko O. N., Naumenko E. E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917). *Bylye Gogy*. 2016. Vol. 39. Is. 1. P. 14–21. [in English]

Lutteroth, 1923 – Lutteroth H. Russia and the Jesuits, from 1772 to 1820: principally from unpublished documents. Translation from French. London: Seeley, Jeckson and Holliday, 1923. 88 p. [in English]

Plattner, 1952 – Plattner F.A. Jesuits go East. Translation from German. Westminster, Maryland: The Newman Press, 1952. 283 p. [in English]

Rowe, 2011 – Rowe N. The Jew, the Cathedral, and the Medieval City. New York: Cambridge University Press, 2011, 326 p. [in English]

Smolkin-Rothrock, 2014 – Smolkin-Rothrock V. The Ticket to the Soviet Soul: Science, Religion, and the Spiritual Crisis of Late Soviet Atheism. *The Russian Review*. 2014. Vol.73, Is. 2, P. 171–197. [in English]

Harris, 1989 – Harris D.A. The Jewish World. New York: Liberty Publishing House, 1989. 449 p. [in English]

УДК 94: 7.033 (571.1)

Технологии лжи в субкультурах Западной Сибири

Евгений Александр Науменко ^{a, *}

^a Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается политическое явление – «технологии лжи», сформировавшиеся в иезуитской и квази-католической культуре Европы в период Средневековья, а также проникновение этого явления в Западную Сибирь через представителей ссылки. По мнению автора, технологии лжи сформировались в результате искажения канонов католицизма, отхода от истинных духовных догматов религии. Такие позиции иезуитской морали рассматривались его носителями как форма социальной конкуренции. Автор считает, что православие подвергалось искажению в значительно меньшей степени в силу его традиционного догматизма, поэтому использование технологий лжи на широком общегосударственном и геополитическом уровне для Российской империи не было характерно и имело место исключительно в локальных культурах.

В статье анализируются социально-экономические и политические причины формирования этих технологий в Российской империи и Западной Сибири, их проявления и последствия. В качестве примеров приводятся случаи антисемитских «кровавых наветов» в Европейской России и вызывающая позиция Ордена Иезуитов в сибирской ссылке. Автор отмечает, что рассматриваемая тактика была направлена на определенные религиозные группы и на отдельных представителей общества и государственной власти. Как правило, никто из жертв не был готов к информационным «атакам лжи» и их проигрывал, теряя не только собственность и должности, но иногда и жизнь. Автор подчеркивает, что практика подобных технологий была заимствована частью российских революционеров-атеистов, апробировавших их действие в условиях сибирской каторги и ссылки. Автор предполагает, что приобретенный ими опыт лег в основу сфабрикованных политических процессов при сталинском режиме.

Ключевые слова: технологии лжи, иезуиты, католицизм, антисемитизм, кровавые наветы, ссылка, каторга, Западная Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 42, Is. 4, pp. 1164-1172, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 341.241.17:303.446.4

The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article presents a historiographical review of the Russian and European studies on the delimitation history of the Northern Frontier of Russia and Sweden-Norway in the period from 1822 to 1826, gives the complex reconstruction of the decision-making process in the final stage of the delimitation project of the Russian-Norwegian border of 1825–1826. The belief in the existence of a long-term Norway strategy to expand to the East is dominated in the Russian historiography. Russian historians politicise the evaluation of the 1826 Delimitation Convention as well as their predecessors in the early 20th century, who considered the results of the delimitation as unfair. At the same time Norway traditionally treats the Delimitation Convention as a fair act of institutionalizing of the boundaries of the once common ownership. The reconstruction of the final stage of the negotiations between Saint Petersburg and Sweden-Norway in 1826, presented by the author, shows the key role of the Russian emperors in the decision-making process. Alexander I, guided by the "Neighbourhood Policy" with respect to Sweden-Norway, formulated the contradictory and unclear instructions to V.E. Galyamin, the Head of the Russian delegation of the joint demarcation commission. This predetermined the contradictory nature of the delimitation project prepared in 1825. Nicholas I inherited the border issue after his brother's death, decided to follow the "Neighbourhood Policy" and made territorial concessions in favor of the united kingdoms, despite the much-criticised Galyamin – Spork project in the General Staff.

Keywords: history, border, historiography, Russian-Norwegian relations, northern frontier, general districts, Sami.

1. Введение

Как правило, факт демаркации границы – компромисс двух сторон, которые не всегда приобретают выгоду. Почти всегда скрытое или явное недовольство результатами разграничения постепенно переходит в плоскость последующих научно-исторических и политических дискуссий, сопровождаемых попытками отдельных политических акторов исправить существующие рубежи.

Идентичные процессы наблюдались и после установления российско-норвежского участка российско-шведской границы в 1826 году. Противоречивость ее архитектуры еще в XIX – нач. XX вв. не прошла незамеченной мимо региональной и национальной общественно-научной мысли Норвегии и России. Процессы национальной и региональной консолидации, наблюдаемые в это время, подтолкнули историческую публицистику и науку к истории российско-норвежского разграничения С.А. Подвысоцкого и А.О. Йонсена (Johnsen, 1923; А.П., 1877a: 6–7; А.П., 1877b: 5–6; А.П., 1877c: 3–4; А.П., 1877d: 5–6; А.П., 1877e: 6–7; А.П., 1877f: 3–4; А.П., 1877g: 6–7). Исследователи обеих стран пытались легитимировать политические границы и понять причины, побудившие элиты принять линию границы, предложенную совместной российско-шведско/норвежской делимитационной комиссией 1825 г.

Интерес к теме подогревался и неудовлетворенностью разграничением жителей Архангельского Севера, которые ощущали себя униженными результатами разграничения

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov)

«двоеданных погостов» (наименование части территории Северного Фронтра, принятое в Российской Империи начала XIX в.). Многие представители региональной элиты, поморы, а также саамы считали часть погостов, перешедших к Норвегии, «исконно русскими землями», по небрежности уступленными Норвегии чиновниками (Зайков, 2012: 116–117). Такие настроения, подкрепляемые историческими изысканиями, во многом способствовали распространению в России начала XX в. идеи о возвращении утраченных земель, популярной не только в Архангельске, но и в Санкт-Петербурге (Ермолаев, 2006: 46–48).

Норвежские власти и общественность, обеспокоенные реваншистскими настроениями на Русском севере, также пытались доказать свои исторические права и легитимировать политическую границу (Johnsen, 1923). Неудивительно, что некоторые исследователи начала XX в. стали изучать историю российско-норвежского разграничения 1826 г. и делали попытки написать комплексную историю российско-норвежского пограничья (Зайков, 2012: 117–123). Однако под влиянием геополитических трансформаций на рубеже 1920-х гг. этот исторический спор решить не удалось.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

3. Обсуждение

Полемика, поднятая норвежскими и российскими учеными в начале XX в. об оценках процесса разграничения Северного Фронтра 1822–1826 гг., разгорается вновь в начале XXI в. Большое значение для всплеска интереса к теме сыграла динамика российско-норвежских отношений последних трех десятилетий, характеризующаяся переменным ростом сотрудничества и кооперации и одновременного соперничества в вопросе о разграничении в Баренцевом Море, который завершился подписанием договора о делимитации морской границы в 2010 г.

Часть российской общественности рассматривает новый пограничный трактат как территориальную потерю. Создается впечатление, что ситуация 1826 г. во многом повторилась вновь. Пытаясь понять мотивы норвежской внешней политики, исследователи ищут параллели в истории разграничения 1825–1826 гг. (Похлебкин, 1997: 48–61; Поваль, 2012: 1–26). Большинство авторов убеждены в существовании долговременной исторической стратегии Норвегии, которая направлена на экспансию в восточном (русском) направлении. Российские историки подвергают оценку конвенции 1826 г. чрезмерной политизации, повторяя идеи своих предшественников начала XX в.

В Норвегии сложилась историческая традиция восприятия договора как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. В рамках этой традиции может показаться, что норвежские территориальные притязания не выглядят экспансивными в отношении России. В среде скандинавских историков долгое время доминировала теория, что Российская Империя, движимая идеей перманентных территориальных расширений, создавала угрозу норвежскому Финмарку, поэтому разграничение «общих округов» (норвежское наименование Северного Фронтра) явилось дипломатической сделкой, направленной на создание легитимных барьеров дальнейшей русской экспансии через норвежское заполярье в Западную Европу. Отметим, что противоречия между российскими и норвежскими историками-международниками и правоведами в интерпретации пограничной конвенции 1826 г. все еще доминируют в историографическом пространстве.

Дискуссии, развернувшиеся в рамках V международного исторического семинара в Петрозаводске 15–16 сентября 2015 года, о причинах, побудивших императорскую Россию одобрить делимитационный проект Галямина – Спорка 1825 г., который за исключением некоторых правок лег в основу текста российско-шведско/норвежской пограничной конвенции 1826 года, а также о роли подполковника В.Е. Галямина в процессе «творения границы» побудили автора данной статьи обратиться к освещению истории разграничения Северного Фронтра с целью дать российским исследователям всестороннее представление об истории изучения данного вопроса и внести ясность в ряд вопросов, поднимаемых коллегами-историками в отношении финальной стадии процесса разграничения общих российско-норвежских владений на Крайнем Севере.

4. Результаты

Наиболее полным трудом по истории российско-норвежского пограничья в хронологических рамках XIV–XIX вв. считалась монография норвежского историка О.А. Йонсена «Политическая История Финмарка», изданная в 1923 г. (Johnsen, 1923). Несомненная заслуга исследователя – введение в научный оборот большого количества источников: документов комиссий стортинга и финансового департамента, которые готовили разграничительные проекты, протоколов

делимитационной комиссии Галямина – Спорка 1825 г. и демаркационной комиссии Галямина – Мейландера 1826 г. (Johnsen, 1923: I–XX).

Главным фактором территориального межевания между Россией и Швецией-Норвегией в 1825–1826 гг. О.А. Йонсен считал изменение геополитической картины Северной Европы по окончанию наполеоновских войн, а также личностный фактор. Стратегическое партнерство России со Швецией с 1812 г. и крепкая дружба российского императора Александра I с кронпринцем, позже королем Карлом Йоханом, – две составляющие, которые, как полагал ученый, были главными причинами, побудившими императора пойти навстречу шведским предложениями о разграничении округов, несмотря на сопротивление архангельского губернатора С.И. Миницкого, выступавшего против «нового разграничения» (Johnsen, 1923: 236–239, 258). Эти выводы в дальнейшем нашли отражение в работах А. Лунда (Lunde, 1979), С. Викана (Wikan, 1995), А. Андресен (Andresen, 1989), Э. Ниemi (Niemi, 2005), Й.П. Нильсена (Нильсен, 1992; Nielsen, 2005), В.В. Рогинского (Roginsky, 2005; Рогинский, 2008). К идентичным выводам склоняются российские исследователи Б.В. Кристоман, А.С. Касиян (Касиян, 2008).

Дипломатическая история российско-норвежского разграничения 1823–1826 гг. частично была изучена в монографии шведского исследователя К.Ф. Пальмшерны, посвященной предпосылкам ноябрьского трактата 1855 г. (Palmstierna, 1932). Анализируя переписку шведских посланников с МИД королевства, исследователь реконструирует процесс дипломатических переговоров. Однако, сосредоточившись на центральных исторических персонажах, он существенно сужает влияние региональных и локальных акторов на переговорный процесс, ограничивая его Архангельском – Санкт-Петербургом с одной стороны и Христианией – Стокгольмом с другой стороны (Palmstierna, 1932: 223–235). Главным противником делимитации границы и инициатором сопротивления норвежско-шведской позиции К.Ф. Пальмшерна считает архангельского губернатора С.И. Миницкого, который в рапортах и личной беседе с главой российского МИД К.В. Нессельроде настаивал на существовании границы и систематически отвергал проекты разграничений, предлагаемые норвежской стороной (Palmstierna, 1932: 226–228, 230–231).

В отличие от российской историографии К.Ф. Пальмшерна считал, что позиция российских центральных властей в отношении норвежских предложений 1823 и 1824 гг. не была однородной и пронорвежской (Palmstierna, 1932: 223–227). Проанализировав депеши шведских посланников, К.Ф. Пальмшерна считал, что глава российского МИД К.В. Нессельроде поддерживал инициативы С.И. Миницкого (Palmstierna, 1932: 226–227). Ученый рассматривал в качестве ключевых факторов продвижения проектов норвежской стороны внешнеполитические линии Александра I и Николая I, направленные на поддержание добрососедства с королевством, а также дипломатический профессионализм посланников Швеции-Норвегии, которые, несмотря на контраргументы российской стороны, умело отстаивали интересы королевства в переговорный период (Palmstierna, 1932: 235).

Историк подчеркивал, что именно шведский дипломат Н.Ф. Пальмшерна в критические моменты летом 1824 г. и весной 1825–1826 гг., когда позиция короля была неустойчивой, отстаивал норвежские проекты разграничения (Palmstierna, 1932: 227–233). Весной 1826 г. Карл Йохан был готов принять план разграничения Николая I, который существенно сокращал линию границы проекта Галямина – Спорка до р. Паз и делал ее более естественной.

Колебания Александра I и Николая I исследователь объяснял скептическим отношением императоров к ценности спорного пространства и арестом подполковника В.Е. Галямина, который с декабря 1825 г. по январь 1826 г. находился под следствием по обвинению в участии в декабристском восстании. Показав противоречия центра и региона Российской Империи в процессе принятия решений, К.Ф. Пальмшерна не проанализировал и не сопоставил мнения Стокгольма и Христиании.

Наиболее значительной работой по истории пограничья в российской историографии стала публикация А. Подвысоцкого на страницах нескольких выпусков Архангельских Губернских Ведомостей за 1877 г. (А.П., 1877a; А.П., 1877b; А.П., 1877c; А.П., 1877d; А.П., 1877e; А.П., 1877f; А.П., 1877g). Методологический недостаток публикации А. Подвысоцкого – попытка автора понять мотивы центральных и региональных властей на основе достаточно узкого круга источников. Эмпирический подход к интерпретации источников сделал Подвысоцкого, как и Йонсена, пленником представлений регионально-локальных акторов о разграничении и пограничном пространстве. Воспринимая эти источники за неопровержимое объективное свидетельство, исследователь очевидно верил, что проблема промысловых миграций норвежских лопарей на территорию российских двоеданных погостов возникла лишь незадолго до начала переговоров о разграничении, а главными причинами неудачного разграничения стали отстранение архангельской администрации от процесса пограничных переговоров летом 1825 и 1826 гг. и недостаточное знание местности подполковником В.Е. Галяминым. Именно отстранение региональной администрации от переговорного процесса, по мнению А. Подвысоцкого, послужило причиной сопротивления региональной власти, которое нашло выражение в инициативах гражданского губернатора И.Я. Бухарина в 1828 г., пытавшегося инициировать пересмотр пограничной конвенции (А.П., 1877a: 6–7; А.П., 1877b: 5–6; А.П., 1877c: 3–4).

Российские дореволюционные работы по истории разграничения во многом повторяют предположения А. Подвысоцкого и исследователей Г.Ф. Гебеля, Н. Голубцова (Зайков, 2012: 119–123).

Основное их отличие – акцентирование на вопросах «кто виноват в несправедливом разграничении», «каковы мотивы виновников данного события». Краеведы пытались решить эти вопросы при помощи доступных материалов: легенд лопарей и дел губернского архива. Чрезмерный эмпиризм публикаций естественно привел к гипертрофированному восприятию пограничной политики центральных властей. Так, историк Н. Чулков пустил в оборот идею о подкупе подполковника В.Е. Галямина, возлагая на него вину за неудачное разграничение (Чулков, 1901). В.Н. Никольский полагал, что в одинаковой с В.Е. Галяминым степени был виноват «сын австрийского авантюриста» вице-канцлер К.В. Нессельроде, курировавший переговоры в МИД. Этой же позиции придерживались постсоветские исследователи В. Похлебкин (Похлебкин, 1997) и Р.А. Давыдов (Попов, Давыдов, 1999). Они влетали «хитроумную» игру шведского посланника Н.Ф. Пальмшерны, обманувшего императора (Попов, Давыдов, 1999: 19). Последний историк, хоть и не соглашается с мнением о подкупе подполковника, все же обвинял в равной степени офицера и центральные власти в несправедливом разграничении, ссылаясь на то, что архангельскую администрацию «не допустили к проверке границы», а центр, в свою очередь, не провел «предварительного, серьезного исследования». Другой архангельский краевед К.А. Чудинов, вводя в российский научный оборот инструкции, данные подполковнику Галямину, цитирует этот документ отрывочно. Отрывком инструкции, где полковнику вменяется «не отдавать тех мест, обитаемых нашими жителями» (Чудинов, 1992: 17), он «документально» подкрепляет позицию о небрежном разграничении.

Более странным путем пошла историк-правовед В.В. Ефимова, заложив конспиративную теорию о том, что «дистанцирование» Галямина от архангельской администрации могло быть продиктовано какими-то специальными и секретными предписаниями правительства (Ефимова, 2010: 71). Известно, что более обстоятельный труд К.Ф. Пальмшерны опровергает эти гипотезы дореволюционных и современных российских исследователей (Palmstierna, 1932: 231–232). По субъективным причинам эта монография не используется российскими историками для реконструкции переговорного процесса, как и источники центральных российских и скандинавских архивов. Действительным прогрессом в российской нордистике явилось частичное опровержением идеи о «продажности и небрежности» Галямина в публикациях профессора Института Всеобщей Истории РАН В.В. Рогинского, основанных на документах центральных архивов – инструкциях Александра I и вице-канцлера К.В. Нессельроде (Roginsky, 2005: 65–66; Рогинский, 2008: 27–29). Эти документы иллюстрируют достаточную противоречивость предписаний В.Е. Галямину. Делимитационные принципы включали взаимоисключающую формулу: «Не отторгать от России населенные места ранее ей принадлежавшие, вместе с тем, оставить за Норвегией населенные места на которые она предъявит бесспорные права» (Рогинский, 2008: 28), что свело к минимуму возможность удачного для русских лопарей разграничения. Так эти инструкции характеризуют и норвежские историки С. Викан (Wikan, 1995: 54–55), А. Андресен (Andresen, 1989: 33).

Полный текст инструкций, переданных В.Е. Галямину, описание переговоров Галямина – Спорка и обсуждение проекта делимитации императорским и королевскими дворами в Санкт-Петербурге и Стокгольме подробно реконструированы автором данной статьи в коллективной монографии «Россия становится ближе. Норвегия и Россия 1814–1917» (Zaikov, Nielsen, 2014: 38–59).

Отметим, что согласно имеющимся сведениям, В.Е. Галямин, будучи летом 1825 года на территории российско-норвежского пограничья, не принимал участия в процессе натурной съемки границ территории общих округов и находился на территории Пазрецкого погоста (RA/UD, Prebensen samling, pakke 5212). Задача комиссии состояла именно в съемке территории спорных «общих округов» и их границ, а не российско-норвежской границы.

Тем не менее, существовала ли необходимость участия В.Е. Галямина в топографических работах при условии технического характера самой задачи и инструкции императора: «изучив местность и собрав все факты послужившие поводами для споров местного населения, выработать план разграничения и правила, которые бы могли положить конец возникшим спорам между российскими и норвежскими лопарями» (RA/PA-0409, VII)? В то время у Й.Х. Спорка уже были готовые проекты разграничения. Защита интересов коренного населения пограничья не являлась приоритетной задачей, и инструкции ясно предписывали полковнику, «если позволяет время исследовать конфликты между норвежскими и российскими подданными, но не отклоняясь от своей основной задачи – определения границ» (RA/UD, Prebensen samling, pakke 5213). Ответ очевиден: участия В.Е. Галямина не требовалось.

Во время проведения топографических работ, которыми занимались норвежские комиссары и солдаты Кольской гарнизонной команды, В.Е. Галямин собирал сведения о русском и норвежском населении спорной территории. Это подтверждают следующие документы: его рапорт от 1825 года (Zaikov, Nielsen, 2014: 50–53), а также рапорт от 1826 года, подготовленный по итогам второй поездки на границу вместе с норвежским комиссаром Ф.В. Мейландером для проведения демаркационных работ и обсуждения судьбы промысловых прав саами (RA/PA-0409, X). Факт, что предложения, озвученные В.Е. Галяминым Ф.В. Мейландеру в 1826 г. относительно сохранения промысловых прав русских лопарей, повторяют требования нявдемских и пазрецких лопарей, выдвинутые сельскому заседателю Гусеву в 1827 г. (ГААО, Ф. 2, Оп. 4, Д. 399, Л. 27.) и исправнику Кривковичу в 1828 г.

(ГААО, Ф. 1, Оп. 3, Д. 1010, Л. 79об.), исчерпывающе свидетельствуют о том, что В.Е. Галямин был достаточно хорошо знаком с интересами русских лопарей.

Рис. Карта российских и норвежских делимитационных проектов 1824–1826 гг. Зеленая линия – проект разграничения губернатора С.И. Миницкого; желтая линия – старая граница, указанная скольтами; сиреневая линия – проект Финансового департамента (Швеция-Норвегия); фиолетовая линия – запасной проект комитета Стортинга; красная линия – основной проект комитета Стортинга

Первоисточники, доступные из Государственного архива Норвегии в г. Осло и Российского государственного военно-исторического архива нам помогут понять, как выглядел процесс принятия решения на финальной стадии переговорного процесса.

Отметим, что в ряде отечественных исследований К.А. Чудинова, Б.В. Кристоман и В.В. Ефимовой реконструкция данного этапа производится на основе справки Министерства финансов от 13 января 1895 г., подписанной С.Ю. Витте и хранящейся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, Ф. 560, Оп. 28, Д. 520, Л. 1–11). Эта справка с кратким переводом более ранних оригинальных документов, подготовленная для международной комиссии о проверке лопарских тоней 1898–1899 гг., не подвергалась содержательной критике вышеперечисленными авторами и не сопоставлялась с первоисточниками.

Еще в 1825 году проект Галямина – Спорка был раскритикован непосредственным начальником русского комиссара главой Генштаба графом Иваном Ивановичем Дибичем, который предложил сместить границу на северо-запад и провести ее по р. Нейден. В итоге линия границы существенно сокращалась. 25 августа 1825 года он сообщил свои соображения графу К.В. Нессельроде (РГВИА, Ф. 38, Оп. 1, Д. 62, Л. 17-об. 17).

Вице-канцлер, приняв проект комиссаров за компромиссный вариант, отклонил соображения Дибича. 29 августа в летней резиденции императора Каменный остров он передал Александру I записку с предложением одобрить делимитационный проекта Галямина – Спорка (РА/ПА-0409, IX). 1 ноября 1825 года император утвердил проект Галямина – Спорка и дал распоряжение проинформировать Н.Ф. Пальмшерну о согласии России подписать конвенцию о разграничении. Но 19 ноября 1825 года российский император скоропостижно скончался (Palmstierna, 1932: 233–234).

Вопрос был реанимирован лишь в 1826 году. В марте того года Николай I, не отказавшись полностью от проекта Галямина – Спорка, все же высказал соображение, что границу надо сделать закрытой для подданных и более естественной, отодвинув на запад, проведя от Пазрецкой губы вверх по р. Паз (Palmstierna, 1932: 234–235). Влияние на решение молодого императора, мы полагаем, скорее всего оказал граф И.И. Дибич, высказывавшийся ранее против проекта В.Е. Галямина. Еще 15 марта он передал императору записку о «Разграничении Русской и Шведской Лапландии», найденную среди личных бумаг в кабинете умершего императора и составленную по материалам, собранным губернатором С.И. Миницким в 1824 году. К ней граф приложил записку с собственными

соображениями по проекту делимитации, ранее озвученными К.В. Нессельроде (RA/PA-0409, VI-1B). Поэтому всеподданнейший доклад, представленный графом Нессельроде 30 марта 1826 г. и переданный в этот же день Н.Ф. Пальмшерне, все же содержал решение императора Николая I (РГИА, Ф. 560, Оп. 28, Д. 520, Л. 11), а не вице-канцлера, который, несмотря на поддержку архангельского губернатора С.И. Миницкого в 1823–1824 гг., дал положительный отзыв на проект Галямина – Спорка летом 1825 г.

1 апреля Н.Ф. Пальмшерне на встрече с вице-канцлером сообщил, что «не может согласиться с приведенными последними доводами императора (в справке С.Ю. Витте после слова «доводами» слово «император» отсутствует), что проведение границы в том направлении как оно определено комиссарами представляется необходимым для обеспечения топливом и пастбищами пограничных лопарей норвежских подданных» (RA/S-1076/F/Fb/L0001; РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 520, л.11).

Королевское правительство было обескуражено российским отказом от предыдущих договоренностей, но посчитало, что пограничный договор на принципах Николая I будет лучшим вариантом, чем его отсутствие или очередное затягивание переговоров (RA/S-1076/F/Fb/L0001). Мы полагаем, что это особенно было важно в условиях туманности внешнеполитической линии николаевской России.

Судьба границы находилась в руках русских, и шведский двор готов был пойти на уступки, но ситуация вдруг круто изменилась. 22 апреля 1824 года Пальмшерне получил депешу с решением королевского правительства принять предложения Николая I и просьбой оставить на десять лет за гарнизоном Вардехуса права рубки леса по восточной стороне р. Паз с последующим продлением этого права (RA/S-1076/F/Fb/L0001). Прежде чем Н.Ф. Пальмшерне решил озвучить согласие шведского правительства, Император неожиданно поменял свое прежнее мнение, посчитав важным придерживаться сложившейся еще в период правления своего брата политики добрососедства. Как бы внезапно согласившись с проектом Галямина – Спорка, Николай I сделал довольно удачный дипломатический шаг. Своим одобрением он дал понять Карлу Йохану, что Россия в знак сохранения дружбы делает уступку Швеции-Норвегии и надеется в будущем на такую же политику королевского двора в отношении России.

Уже 24 апреля 1824 года К.В. Нессельроде пригласил посланника на конференцию и сообщил Н.Ф. Пальмшерне, что «Его Императорское Величество уполномочил ... сообщить Вам, что Они желают подарить Королю эту уступку как новый знак Его дружбы» (RA/EA-4036/H/Hc/L002). Вице-канцлер добавил, что российский император согласен со всеми принятыми годом ранее решениями, но с поправками, которые были внесены в текст конвенции, подготовленной в апреле – мае 1826 года (RA/EA-4036/H/Hc/L002).

29 апреля шведский дипломат отрапортовал в Стокгольм: «Я с превеликим удовольствием имею честь довести до Вашего сведения, Ваше Превосходительство, что я имею возможность рассматривать дело о Лапландии завершенным» (RA/EA-4036/H/Hc/L002).

5. Заключение

Обобщая выводы современных российских исследований, можно выделить их четкую преемственность с дореволюционными историками, краеведами в методологическом и фактуальном плане. В подавляющем большинстве трудов вопрос о статусе «двоеданных погостов» выглядит надуманной проблемой соседствующих держав, стремящихся к территориальным экспансиям на Русский Север. Не вникая в дипломатическую предысторию XVIII – первой трети XIX вв., исследователи, исключая В.В. Рогинского, начинают излагать проблему разграничения с 1822 г., игнорируя историческую преемственность с предыдущим столетием. В такой упрощенной интерпретации доказательная база губернатора С.И. Миницкого, представленная в 1823–1824 гг., выглядит с исторической позиции убедительной. Формируется представление, что Норвегия не имела легитимных притязаний на спорное пространство и Кольский полуостров, о чем упоминал А.О. Йонсен.

В представленной реконструкции с опорой на российские и зарубежные источники мы продемонстрировали, что Александр I, пытавшийся защитить интересы коренных русских подданных и в то же время соблюсти интересы Швеции-Норвегии, в итоге дал подполковнику В.Е. Галямину противоречивые инструкции. Подполковник, связанный, как говорится, по рукам и ногам, был вынужден по многим позициям уступить норвежскому переговорщику, который так же как и Галямин, используя принцип хозяйственной оккупации, успешно доказал справедливость территориальных притязаний норвежских подданных.

Несмотря на сомнение в справедливости проекта Галямина – Спорка, высказанное главой генерального штаба И.И. Дибичем и поддержанное поначалу Николаем I, император сделал выбор в пользу большой политики и уступил Швеции-Норвегии часть спорной территории, на которой проживали российские подданные – «нявдемские и пазрецкие лопари».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- А.П., 1877a** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 96. С. 6–7.
- А.П., 1877b** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 97. С. 5–6.
- А.П., 1877c** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 98. С. 3–4.
- А.П., 1877d** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 99. С. 5–6.
- А.П., 1877e** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 100. С. 6–7.
- А.П., 1877f** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 101. С. 3–4.
- А.П., 1877g** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 102. С. 6–7.
- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Ермолаев, 2006** – *Ермолаев Д.А.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // Вестник «Баренц-Центра» МПГУ. 2006. № 5. С. 45–59.
- Ефимова, 2012** – *Ефимова В.В.* Генерал–губернаторы Европейского Севера и русско–норвежская конвенция 1826 г. // Живущие на Севере. 2010. № 1. С. 65–78.
- Зайков, 2012** – *Зайков К.С.* Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX–XXI вв. // Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.). Под ред. Комарова А.А. Москва. 2012. С. 112–131.
- Касиян, 2008** – *Касиян А.С.* Лапландский вопрос в российско–норвежских отношениях: разграничение 1826 г. и его последствия в начале XX в. // Международные отношения на Севере Европы и Баренцев регион: история и историография: сборник научных статей. Отв. ред. Ю.П. Бардилова. Мурманск. 2008. С. 141–149.
- Нильсен, 1992** – *Нильсен Й.П.* Хорошие соседи. Норвежцы и русские на Севере. 1826–1917. Осло. 1992.
- Поваль, 2012** – *Поваль Л.М.* Российско-норвежское соглашение о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 110–133.
- Попов, Давыдов, 1999** – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург. 1999.
- Похлебкин, 1997** – *Похлебкин В.* Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48–61.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рогинский, 2008** – *Рогинский В.В.* Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // Вестник «Баренц-Центра» МПГУ. Мурманск. 2008. № 7. С. 25–30.
- Чудинов, 1992** – *Чудинов К.А.* Конвенция о русско–норвежской границе 1826 г. // Россия и Норвегия. История и культура. Под ред. А.А. Куратова. Архангельск. 1992. С. 16–19.
- Чулков, 1901** – *Чулков Н.* К истории разграничения России с Норвегией. Москва. 1901.
- Andresen, 1989** – *Andresen A.* Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes. 1989.
- Johnsen, 1923** – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie aktmæssing fremstillet Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania. 1923.
- Lunde, 1979** – *Lunde A.* Sør Varanger Historie. Kirkenes. 1979.
- Nielsen, 2005** – *Nielsen J.P.* Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders. Moscow. 2005. Pp. 7–16.
- Niemi, 2005** – *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid / S. Imsen. Grenser og grannelag i Nordens historie. Oslo. 2005. Pp. 387–415.
- Palmstierna, 1932** – *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm. 1932.
- RA** – State archive in Oslo.

Roginsky, 2005 – *Roginsky V.V.* The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. Pp. 62–68.

Wikan, 1995 – *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.

Zaikov, Nielsen, 2014 – *Zaikov K., Nielsen J.P.* Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // J.P. Nielsen. *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo, 2014. Pp. 38–59.

References

A.P., 1877a – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 96, pp. 6–7 [in Russian].

A.P., 1877b – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 97, pp. 5–6 [in Russian].

A.P., 1877c – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 98, pp. 3–4 [in Russian].

A.P., 1877d – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 99, pp. 5–6 [in Russian].

A.P., 1877e – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 100, pp. 6–7 [in Russian].

A.P., 1877f – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 101, pp. 3–4 [in Russian].

A.P., 1877g – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 102, pp. 6–7 [in Russian].

Andresen, 1989 – *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire] [in Russian].

Chudinov, 1992 – *Chudinov K.A.* Konventsiya o russko-norvezhskoi granitse 1826 g. [The 1826 Convention on the Russian-Norwegian border] // *Rossiya i Norvegiya. Istoriya i kul'tura* [Russia and Norway. History and culture]. Ed. by A.A. Kuratov. Arkhangelsk, 1992, pp. 16–19 [in Russian].

Chulkov, 1901 – *Chulkov N.* K istorii razgranicheniya Rossii s Norvegiei [On the demarcation history between Russia and Norway]. Moscow, 1901 [in Russian].

Efimova, 2012 – *Efimova V.V.* General-gubernatory Evropeiskogo Severa i russko-norvezhskaya konventsiya 1826 g. [Governor-General of the European North and the 1826 Russian-Norwegian Convention] // *Zhivushchie na Severe* [People living in the North], 2010, no. 1, pp. 65–78 [in Russian].

Ermolaev, 2006 – *Ermolaev D.A.* Prigranichnye otnosheniya v raione Zapadnogo Murmana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov. Problemy granitsy i kolonizatsii [Cross-border relations in Western Murman in the latter half of the 19th – early 20th centuries. Problems of borders and colonization] // *Vestnik "Barents-Tsentra" MPGU* [Bulletin of the Barents Center of MSHU], 2006, no. 5, pp. 45–59 [in Russian].

GAO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region] [in Russian].

Johnsen, 1923 – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie aktmæssing fremstillet Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania, 1923.

Kasiyan, 2008 – *Kasiyan A.S.* Laplandskii vopros v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh: razgranichenie 1826 g. i ego posledstviya v nachale XX v. [Lapland issue in the Russian-Norwegian relations: the 1826 delimitation, and its implications in the early 20th century] // *Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barentsev region: istoriya i istoriografiya: sbornik nauchnykh statei* [International relations in Northern Europe and the Barents Region: history and historiography: collection of scientific papers]. Ed. by Yu.P. Bardileva. Murmansk, 2008, pp. 141–149 [in Russian].

Lunde, 1979 – *Lunde A.* Sør Varanger Historie. Kirkenes, 1979.

Nielsen, 2005 – *Nielsen J.P.* Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 7–16.

Niemi, 2005 – *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // S. Imsen. *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo, 2005, pp. 387–415.

Nil'sen, 1992 – *Nielsen J.P.* Khoroshie sosedi. Norvezhtsy i russkie na Severe 1826–1917. [Good neighbors. The Norwegians and the Russians in the North. 1826–1917]. Oslo, 1992 [in Russian].

Palmstierna, 1932 – *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm, 1932.

Pokhlebin, 1997 – *Pokhlebin V.* Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' [Russia was the first to recognize the independence of Norway] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 1997, no. 5, pp. 48–61 [in Russian].

Popov, Davydov, 1999 – Popov G.P., Davydov R.A. Murman. Oчерk istorii kraya XIX – nachala XX v. [Murman. The outline of the history of the territory in the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg, 1999 [in Russian].

Poval', 2012 – Poval' L.M. Rossiisko-norvezhskoe soglashenie o razdele arkticheskikh prostranstv [Russian-Norwegian agreement about the division of the Arctic space] // *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2012, no. 6, pp. 110–133 [in Russian].

RA – State archive in Oslo.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskikh arkhiv [Russian State Military Historical Archive] [in Russian].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] [in Russian].

Roginskii, 2008 – Roginskii V.V. Konventsiiya 1826 g. o razgranichenii mezhdru Norvegiei i Rossiei kak diplomaticheskaya problema [The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a diplomatic challenge] // *Vestnik "Barents-Tsentra" MPGU* [Bulletin of the Barents Center of MSHU], 2008, no. 7, pp. 25–30 [in Russian].

Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 62–68.

Wikan, 1995 – Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.

Zaikov, Nielsen, 2014 – Zaikov K., Nielsen J.P. Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // J.P. Nielsen. *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo, 2014, pp. 38–59.

Zaikov, 2012 – Zaikov K.S. Pogranichnaya konventsiiya 1826 g. v otechestvennoi istoriografii XIX–XXI vv. [The 1826 Delimitation Convention in the national historiography of the 19th – 20th centuries] // *Rossiya i Norvegiya. Voprosy otechestvennogo istochnikovedeniya i istoriografii (XIX–XXI vv.)* [Russia and Norway. The problems of domestic source study and historiography (19th – 20th centuries)]. Ed. by A.A. Komarova. Moscow, 2012, pp. 112–131 [in Russian].

УДК 341.241.17:303.446.4

История разграничения Северного Фронтра (1822–1826 гг.) в свете российской и европейской историографии: проблемы интерпретации и восприятия

Константин Сергеевич Зайков^{а, *}

^а Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен историографический обзор российских и европейских исследований, посвященных истории разграничения Северного Фронтра России и Швеции-Норвегии в период с 1822 по 1826 гг., дана комплексная реконструкция процесса принятия решений на финальной стадии обсуждения делимитационного проекта российско-норвежской границы 1825–1826 гг. Автором обозначены проблемы современных исторических исследований, посвященных истории разграничения Северного Фронтра. В российской историографии доминирует убеждение в существовании долговременной стратегии Норвегии, направленной на экспансию в восточном (русском) направлении. Российские историки подвергают оценку пограничной конвенции 1826 г. чрезмерной политизации, как и их предшественники в начале XX в., считавшие итоги разграничения несправедливыми. В то же время в Норвегии сложилась историческая традиция восприятия пограничной конвенции как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. Реконструкция финальной стадии переговоров между Санкт-Петербургом и Швецией-Норвегией в 1826 году, представленная автором статьи, свидетельствует о ключевой роли императоров с российской стороны в процессе принятия решений. Александр I, руководствуясь «политикой добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, сформулировал противоречивые и неясные инструкции главе российской делегации совместной разграничительной комиссии В.Е. Галямину. Это предопределило противоречивый характер подготовленного в 1825 году делимитационного проекта. Получив пограничный вопрос в наследство после смерти брата, Николай I решил следовать «политике добрососедства» и, несмотря на критику проекта Галямина-Спорка в Генеральном штабе, сделал территориальную уступку в пользу объединенных королевств.

Ключевые слова: история, граница, историография, российско-норвежские отношения, северный фронтир, общие округа, саами.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1173-1181, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47)

The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries

Ekaterina N. Badmaeva^{a, *}

^a Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, Russian Federation

Abstract

The problems of large-scale migration of population in contemporary Russia have deep historical roots. The author analyzes the research experience of migration processes in pre-revolutionary Russia and revealed key features and results of the migration of this period. The researchers of the pre-revolutionary period considered colonization as the process of settlement, peculiar to any historical situation; the process of migration from densely populated areas to places where they have been specifically populated and heavily adapted to the conditions of life. The article based on archival and published sources considers the process of population movement in the XIX – first half of the XX centuries in Kalmykia, associated with the crisis of the peasant economy, overpopulation of the Black earth provinces of European Russia and the high density of the rural population and low allotments. The special attention is given to the issue of land in the Kalmyk steppes of Astrakhan province, associated with the policy of the exemption of pasture and hay lands of the Russian state. The problems of colonization and resettlement are considered in close connection with the agricultural and other socio-economic issues.

The government policy on resettlement was twofold. Initially, the leadership spoke out against the unauthorized resettlement of Russian peasants, but in the end gradually legalized the latter. The government sought to improve the socio-economic situation of Russian peasants at the expense of resettlement in the Kalmyk land. At the same time the state allegedly took into account the interests of indigenous people and sought support among the Kalmyk noyons (princes) for its policies in the Kalmyk steppe. The resettlement process took place in stages and the process of penetration in the foreign language environment of the peasant-migrant had its own peculiarities due to the specific nature of the region, traditions and customs of the steppe nomads, the harsh climatic conditions.

Keywords: colonization, peasantry, land management, resettlement, agrarian reform, the Kalmyk steppe of the Astrakhan province, Kalmyk lands, nomadic economy, the village.

1. Введение

Проблемы масштабного переселения крестьян и колонизация российских окраин в XIX в., вне всякого сомнения, заслуживают пристального внимания историков и экономистов, социологов и политологов с целью глубокого и всестороннего изучения истории миграции России. В отечественной историографии бытует устойчивое мнение о том, что в связи с кризисным состоянием крестьянского хозяйства, перенаселением черноземных губерний Европейской России и высокой плотностью сельского населения, основные территории переселения крестьян в XIX – первой половине XX вв. находились в Сибири, на Урале и в Азиатской России. Между тем, Калмыкия, расположенная на юго-востоке Европейской части СССР, в дореволюционный период входила в число степных колонизируемых районов. На ее богатом историческом прошлом, современная наука, по нашему глубокому убеждению, может в полной мере представить историю переселенческой политики Российского государства в ее региональном аспекте, рассмотреть взаимодействие органов власти с крестьянством, показать влияние колонизационной политики на социально-экономические и

* Corresponding author

E-mail addresses: en-badmaeva@yandex.ru (E.N. Badmaeva)

демографические преобразования в Калмыкии, сложный, продолжительный во времени акт адаптации мигрантов к условиям колонизируемого региона, не менее сложный процесс вхождения переселенцев в новую среду обитания и их непростые взаимоотношения с коренным населением. Кроме того, обращая внимание на изучение этих актуальных вопросов невозможно не учитывать и последствия переселения, сказавшиеся на личной судьбе отдельного переселенца и всех переселенцев в целом, социально-экономическом развитии колонизируемого региона. Такой комплексный взгляд на проблему, безусловно, представляет, научный интерес и вызывает необходимость серьезных изысканий по проблеме крестьянских переселений в различных ее аспектах (экономическом, политическом, социальном, социально-психологическом). Актуальность заявленной проблематики обусловлена необходимостью изучения богатого опыта прошлого, который даст возможность найти ответы на многие актуальные проблемы миграции, трудовых ресурсов на современном этапе, которые играют огромную роль в социально-экономической сфере общества.

2. Материалы и методы

Важное значение имеет группа документов, сосредоточенных в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). В НА РК отложились фонды: ф. 1 — Канцелярии главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог; ф. 2 — Комиссии калмыцких дел; ф. 7 — Совета Астраханского калмыцкого управления; ф. 9 — Управления калмыцким народом. Они, являясь ценными историческими источниками, позволяют проанализировать решения местных властей по вопросам переселенческой политики, их реализацию, выявить региональную специфику. Также в исследовании привлечены опубликованные источники официального происхождения. Для решения поставленных задач использован разнообразный методологический инструментарий.

Исследование базируется на принципах и методах научного познания, его анализ опирается на общенаучный диалектический метод познания, предполагающего объективность и всесторонность познания исследуемых явлений и процессов с учетом их всеобщей взаимной связи. Так же использовались в работе метод анализа и обобщения фактического материала, принципы системности, комплексности, выделения общего и единичного.

Изложение научного исследования основано на проблемно-хронологическом принципе, дающего возможность выделения основных направлений крестьянской политики царской России, а также выявление ее реализации во временной последовательности на основных этапах ее проведения.

Магистральным условием достижения объективности в написании научной статьи явилось использование обстоятельного применения различных методов исторического исследования: историко-сравнительного, описательного, метода статистического анализа. Использование различных методов и принципов в совокупности обеспечило исследователю комплексный подход к написанию научной статьи.

3. Обсуждение

В объемной дореволюционной историографии переселение крестьян в первой половине XIX — начала XX вв. фиксируется как одно из основных и решающих значений для российского народа в целом, так и для народов России, проживавших на территории Российской империи. Крестьянские переселения в России указанного периода впервые были рассмотрены в работах А.А. Кауфмана, Н.М. Ядринцева, Н.П. Огановского и др. Нельзя также не отметить библиографическую работу П. Куркина, содержащую список работ по естественному движению населения 4-х губерний, в том числе Воронежской и Екатеринославской. Крестьяне именно этих губерний в значительном количестве переселялись в Калмыцкую степь Астраханской губернии. Н. Огановским подробно подсчитан удельный вес безземельных переселенцев в Российской империи в 1894–1899 гг., 1903–1906 гг., 1907–1911 гг. Среди работ регионального характера в дореволюционный период ярко выделяется исследование Я.П. Дуброва.

В советской историографии следует отметить исследование Н.Н. Пальмова, который детально проанализировал отдельные положения законодательных актов 1806 и 1846 г. и пришел к выводу о том, что указ о запрете селиться на калмыцких землях абсолютно не действовал. Одной из заслуг Н. Пальмова является подробное рассмотрение процесса постепенного ограничения прав калмыцкого народа российским правительством. Известный ученый, проф. У. Эрдниев на основе имеющихся материалов пришел к утверждению о том, что в XIX в. изъятие из калмыцких пастбищ громадного количества пригодной земли привело к значительному уменьшению кормовой базы калмыцкого скотоводства, экономическим трудностям. В 1960–1980-е гг. калмыцкие ученые Л.С. Бурчинова, А.Н. Команджаев, С.С. Белоусов и И.В. Борисенко (Бурчинова, 1968; Команджаев, 1982; Белоусов, 1989; и Борисенко, 1989) впервые проанализировали процесс складывания территории дореволюционной Калмыкии, как составной части России.

4. Результаты

После добровольного вхождения калмыков в состав российского государства, царское правительство старалось не допускать и не поощрять самовольного заселения отведенных калмыкам

земель. Так было вплоть до последней четверти XVIII в., когда вопреки правительственным запретам, окраины Калмыцкой степи Астраханской губ. и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии стали заселяться русскими и украинскими крестьянами. Первоначально они поселялись отдельно в небольших хуторах, не зарегистрированных в официальных документах и отчетах. Границы земель, самовольно занятых пришлыми крестьянами, также не были определены, что, впрочем, не мешало им заниматься хозяйственной деятельностью. Местная администрация мало обращала внимания на появившиеся в Калмыцкой степи поселения русских и украинских крестьян, добрососедски проживавших рядом на территории степных кочевников. Такие поселения новоприбывших крестьян продолжали появляться и расширяться в Калмыцкой степи в течение первой половины XIX в., несмотря на ограничения, установленные царским правительством в «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской» (*Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX*), принятом в 1806 г. Этим документом запрещалось «посторонним» без разрешения центрального правительства селиться на калмыцких землях, даже вводилась система пропускных билетов для въезда в Калмыцкую степь (*Очерки истории, 1967: 299*). Введенные регламентирующие ограничения, также подтвержденные позднее в другом законодательном акте — «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г., обуславливались усиливающимся несанкционированным властями заселением калмыцких земель русскими и украинскими крестьянами. Правительство всерьез опасалось возможных осложнений из-за земельных споров между кочевниками и пришлыми крестьянами, также попытки повторного ухода оставшейся части калмыков на историческую родину, в Джунгарию из-за сужения района калмыцких кочевий в результате постепенной экспансии их территории. Вторичный исход степных кочевников был невыгоден центральной власти, так как в тот период калмыки играли важную стратегическую роль в деле защиты южных границ Российской империи. Вмешательство правительства в решение земельных проблем в интересах степных кочевников должно было умиротворить калмыцкую знать и убедить их в действительной заботе и решимости царского правительства защищать калмыцкие земли от хищнического захватничества. Однако, как видим, система административных установлений и запретов на самом деле не действовала, стихийное бесконтрольное заселение калмыцких земель продолжалось.

Переселение крестьян и самозахват территории калмыцких земель, как правило, производились преимущественно на землях, пригодных для земледелия. Пришельцев привлекали в основном Ергени и территория Большедербетовского улуса — наиболее плодородные земли региона. В начале XIX в. в северной части Ергеней крестьянами-переселенцами из внутренних малоземельных губерний России были основаны такие поселения, как Большие и Малые Чапурники, Цаца, Дубовый овраг. В 1828 г. крестьяне Воронежской губернии самовольно захватили 40141 дес. земли урочища Аксайского, принадлежащего калмыкам Малодербетовского улуса и основали там поселок (*Пальмов, 1925: 125, 131*). Все попытки Астраханской комиссии калмыцких дел (далее АККД) вернуть земли калмыкам не увенчались успехом, более того, многие переселенцы обзавелись солидным хозяйством и в конце концов «... в повинностях государственных и общественных сделались примерными поселянами в Астраханской губернии» (*НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 145об.*). Они приняли на себя обязательства ежегодно оплачивать в казну по 30 коп. с десятины удобной и по 10 коп. с десятины неудобной земли (*Пальмов, 1925: 131*). Исправно платя налоги государству, большинство пришлых поселенцев урочища Аксайского легитимировались. Своевременная уплата налогов и пошлин стала основанием отмежевания значительных участков степи в 1830—1840-е гг. поселенцам таких селений, как Цаца, Дубовый овраг, Большие и Малые Чапурники, основанные еще в начале XIX в. (*Очерки истории, 1967: 200*).

Прибывшие на поселение в 1827 г. в Астраханскую губернию с ведома местных властей 70 крестьян сел Буйлова и Гнилуши Воронежской губернии основали на калмыцких землях селение Аксайское (*НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 162*). Переселенцев первоначально вселили в селе Сасыкольском, позволили им пользоваться земельными и сенокосными угодьями местных жителей. Вскоре нехватка земли стала причиной раздора между поселенцами и сасыкольскими крестьянами. По решению астраханской казенной палаты новоприбывшие крестьяне покинули селение и разместились в 12 верстах от села Сасыкольское на 3000 дес. калмыцких кочевий, которая оказалась непригодной для выращивания сельскохозяйственных культур (*НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 34об.*). Астраханская казенная палата (далее АКП) выбрала компромиссный на ее взгляд вариант и направила в соответствующие компетентные инстанции прошение об оставлении поселенцев в селении Сасыкольское. При этом АКП просила выделить им из калмыцких кочевий новые земли в виде 15-десятинной пропорцией земли, пригодной к хлебопашеству (*НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 35об.*). Калмыкам взамен предлагалось выделить казенные земли. АККД отказал в указанной выше просьбе АКП, основываясь на законе 1806 г. «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской». Переселенцы остались проживать на прежних местах, им разрешили пользоваться калмыцкими землями. Более того, через несколько лет они получили поддержку от Астраханской палаты государственных имуществ, получившей полномочия упрощенной АККД. В этой ситуации непосредственно повел себя Совет Астраханского калмыцкого управления, который в принципе должен защищать интересы калмыцких

крестьян. Данный госорган, заручившись поддержкой Министерства государственных имуществ, разрешил самовольным переселенцам остаться на калмыцких землях. В представлении, направленном в Астраханскую палату государственных имуществ от 2 июня 1841 г., говорилось: «... что хотя не находит со своей стороны препятствий на оставлении крестьян на калмыцкой земле, но вместе с тем не считает себя вправе отменить прежнего своего заключения» (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 369об.). В результате соглашательской политики Совета калмыцкого управления и тенденциозного отношения государственных органов к проблемам калмыцкого народа, его население лишилось 5393 дес., 2000 саж. земли, из которых больше половины (2665 дес. 2232 саж.) по своим качественным характеристикам подходили для ведения земледелия (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 256).

Это были не единичные случаи пренебрежения государственными органами законных интересов калмыцкого населения, ставшие обыденным явлением в повседневной жизни. Так, в 1828 г. Кавказская казенная палата в нарушении действующего закона отдала в оброчную статью 4339 дес. земли, которая прежде использовалась местным населением для прогона скота к реке Куме. Новыми владельцами земли стали пришлые крестьяне соседних поселений — Покойного, Прасковей и Новоселицы. На отданной им земле они самовольно распахали целину и позже основали хуторские поселения. Эти действия проводились, несмотря на требование Министерства внутренних дел в 1833 г. Кавказской межевой комиссии возвратит калмыкам прогон для скота к реке Куме и снести расположенные там хутора. Калмыцким крестьянам вернуть потерянные земли не удалось, а образованные поселенцами хутора так и остались на прежнем месте (НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4. Л. 10б.).

Процесс самозахвата калмыцких земель, в том числе крестьянами из соседних сел, происходил и в земледельческом Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, где располагались кочевья калмыков. Переселенцами были образованы хутора, ставшие впоследствии центрами крупных уездов губернии — Медвеженский и Новогеоргиевский (Дуброва, 1899: 27).

С конца 1840-х гг. в заселении Калмыкии наступил новый этап. Государство поменяло вектор своей политики и разрешило организованное переселение исключительно государственных крестьян и на жестко отведенные им места. Твердые гарантии на устройство в новом месте имели крестьяне-переселенцы, прибывшие по вызову, в некоторых случаях также те, кто имел увольнительную от обществ в местах своего прежнего проживания. Такие государственные крестьяне официально легализовались, имели право переселения на калмыцкие земли, оседание, прописку, получение пособий, ссуд и т.п. Легализация переселения крестьян стала еще одной попыткой привязать переселение к правительственной колонизации.

Рассмотрение переселенческого движения в указанный период невозможно без рассмотрения реализации указа 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Указом была поставлена задача создания 44 станиц у дорог, пролегающих через калмыцкие кочевья. В этот период МГИ было заинтересовано заселить не только калмыков, в целях перевода их на кочевой образ жизни, но и решить вопрос о земельном устройстве государственных крестьян из аграрно-перенаселенных мест Воронежской и Екатеринославской губерний. Позднее, на поселение в Калмыцкую степь плавно присоединили крестьян Таврической, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Тульской, Тамбовской, Саратовской и других малоземельных губерний. При заселении им выделялись: денежное пособие в размере 35 руб., 30 дес. земли, они также на 8 лет освобождались от уплаты налогов (ПСЗ Российской империи. Т. XXXI: 725). В дальнейшем новоприбывшие крестьяне составили основу населения станиц и поселений, находящихся на территории региона, вдоль дорожных трактов. Что касается идеи привлечения калмыков на место жительства вдоль тракта и перехода их на оседлость, отметим, что такие попытки не увенчались успехом, как отмечается в историческом исследовании советского времени, опыт привлечения калмыков к оседлости был неудачным (Очерки истории, 1967: 315).

В рамках реализации указа, были созданы жилые поселки (станции) на стратегически важных объектах — Царицынско-Ставропольском тракте, включающем земли Ергенинской возвышенности; Аксайской дороги, соединяющей Волгу с Доном (село Цаца до станицы Нижнечирской); луговой части калмыцких кочевий (вдоль левого берега Ахтубы); Кизлярском тракте, соединяющей Астрахань с Кавказской линией. В 1848 г. удалось создать 4 станицы на Аксайской дороге и вдоль Царицынско-Ставропольского тракта в количестве 130 семей, а в 1849 г. там проживали уже 330 крестьянских семей. Местом их жительства стали 12 новых станичных поселений: станица Плодовитое на Аксайской дороге, у речки Ластва, где жили в основном крестьяне Воронежской губернии; станицы Киселевское, Заветное, Ремонтное (Джурак), Кормовой (Кицен-Бурук) и Приютное (Амта-Нур), Хошеутово, Княжево и Удачное. В станице Промысловской у Кизлярского тракта первыми жителями стали русские переселенцы, юртовские татары и калмыки. В 1855 г. статистическим отделом Департамента сельского хозяйства в «Журнале Министерства государственных имуществ» был опубликован отчет «Заселение дорог в Калмыцкой степи». На учет были взяты 23 станицы с количественным составом 1387 семей переселенческих крестьян и 245 калмыков (Борисенко, 1989: 64-68). Всего у дорог калмыцких кочевий было создано 27 станиц из 44 запланированных. К 1864 г. в поселениях, расположенных на Царицынско-Ставропольском тракте, в общей сложности проживало уже 11893 крестьян. В Астраханской губернии, на так называемом Линейном тракте, к 1864 г. было

основано 8 селений с населением в 3458 чел. В 1866 г. в районе Крымского тракта в поселениях Улан-Эрге, Булгун-Сала, Кюрюльте, Элисте, Шандасте и Кише заселилось 358 чел. (Борисенко, 1989: 71)

МГИ было заинтересовано в скорейшем заселении станиц, обеспечении производства рабочими руками и по этой причине шло на легализацию самовольных переселенцев. Более-менее жесткий заслон был поставлен только перед беглыми переселенцами, скрывающимися от властей за правонарушения, совершенные в местах прежнего обитания. Только в 1852 г. 38 семей переселенцев, ранее проживавших лишь в одном округе Екатеринославской губернии — Александровском, укрывались от отбытия рекрутской повинности и числящихся за ними недоимок (НА РК. Ф. 7. Оп. 5. Д. 49. Л. 50б. - 6, 60б.).

Местные власти проявляли особую бдительность при выявлении скрывающихся от закона переселенцев. Главный попечитель калмыцкого народа в донесении от 11 марта 1852 г. в МГИ сообщал об обнаружении при объезде в 1850 г. станиц немалого числа нелегальных переселенцев, которые будучи высланными после переписи из пределов области Войска Донского, где они находились на заработках, примкнули к переселенцам, направляющимся в Калмыкию (НА РК. Ф. 7. Оп. 6. Д. 99. Л. 20б.). 25 октября 1852 г. им же издано предписание, направленное на недопустимость водворения крестьян, не имевших официального разрешения, даже при наличии паспорта и прошения, а крестьян, не имевших и этого — передавать полиции (НА РК. Ф. 7. Оп. 6. Д. 9. Л. 9).

Массовая колонизация Калмыцкой Степи еще более интенсивно стала проводиться после реформы 1861 г., положившей начало процессу разорения и быстрого обнищания российских крестьян в центральных губерниях, главным образом в результате малоземелья. Как отмечал в своей работе еще в 1928 г. Н.А. Рожков: «Средний крестьянский надел в России в период с 1860 г. по 1880 г. уменьшился с 4,8 до 3,5 десятины (почти на 30 %), появилось множество разорившихся крестьян, сельских пролетариев, живших случайными заработками...» (Рожков, 1928: 45).

Нехватка земли, полуголодное существование, мнимое, а не действительное «освобождение» крестьян стали причиной крестьянских выступлений в западных, центральных черноземных и нечерноземных, южнорусских губерниях страны. Безземельные и разорившиеся крестьяне для спасения своих семей стали стихийно, в массовом порядке, переселяться в малозаселенные окраины российской империи. Правительство на первых порах отрицательно относилось к крестьянским переселениям, так как оно считало необходимым «обеспечение помещиков старых земледельческих районов дешевыми рабочими руками». Потому «переселенческий вопрос» практически еще двадцать лет не решался в правовом порядке на государственном уровне. Царское Правительство с опозданием, идя вслед за уже идущим процессом переселения, приняло ряд правовых актов — положения и законы по переселенческим вопросам 1881, 1889, 1904 и 1906 гг. Этими документами было положено начало государственной переселенческой политике. Основные места выхода охватывали аграрно-переселенческие черноземные губернии Европейской России (Полтавскую, Курскую, Черниговскую, Воронежскую, Могилевскую, Харьковскую, Киевскую, Орловскую, Самарскую, Витебскую, Екатеринославскую и др.) с высокой плотностью сельского населения и низкими земельными наделами (Ямзин, 1912: 15–16). Переселялись крестьяне этих губерний в основном на окраинные земли России, где из-за нехватки земли происходили спорные конфликты между местным и пришлым населением. Заселение крестьянами новых поселений в Калмыцкой Степи также происходило не так гладко, как докладывали местные руководители в Министерство государственных имуществ. Новоприбывшие поселенцы в большинстве своем не учитывали при заселении калмыцких земель специфики проживания в суровых калмыцких степях и не предполагали о том, что возникнут определенные трудности в земледелии, поскольку местное население занималось исключительно кочевым образом жизни и разведением скотоводства. Взаимопроникновение культурных и бытовых элементов между калмыцкими и переселенческими обществами не всегда находили тесный контакт, ввиду природной замкнутости калмыка и элементарного незнания русского языка простого малограмотного степняка. Пришлые крестьяне, зачастую в поисках лучшей жизни, бросали свое жилье и уходили в более благодатные, по их мнению, места.

В 1860 г., в связи с проведенными пограничными преобразованиями на Северном Кавказе, в очередной раз часть лучших калмыцких земель, а также территория самовольных поселений пришлых крестьян были отданы в подчинение Ставропольской губернии (станции Дивная, Дербетовская, Урожайная, Величаявая и др.). В 1863–1873 гг. в Ставропольской губернии было проведено размежевание крестьянских поселений с улусами, несколько приостановившая приток переселенцев на калмыцкие земли Большедербетовского улуса. В пределах калмыцких кочевий Астраханской губернии оставалось порядка 20 станичных поселений. По данным переселенческой статистики, в 1870-е гг. крестьян, переселившихся в Калмыцкую степь, насчитывалось 18411 душ или 3410 дворов. В 1904 г. в 13-ти переселенческих селах Черноярского уезда проживало 43349 душ крестьян, а всего в 20 поселениях насчитывалось 63044 жителя (Вся Астрахань и весь Астраханский край, 1904). Переселенцы в основном старались селиться в хуторах, там, где были наиболее благоприятные почвы и климат для освоения земледелия. Такие места большей частью находились в направлении Аксайской дороги и Царицынско-Ставропольского тракта. В 1910 г. в этих местностях

насчитывалось 14 хуторов, в общей сложности составляющих 875 дворов с общей численностью в 8073 чел. В некоторых селах численность поселенцев доходила до 3913 душ.

Основным видом трудовых занятий перекочевавших русских и украинских крестьян в Калмыцкой Степи являлось земледелие и скотоводство. Ставропольские поселенцы широко использовали аренду земли у калмыков Большедербетовского улуса. В 1895 г. русские крестьяне арендовали у большедербетовцев под распашку 10058 дес. земли, они владели большим, чем калмыки, количеством скота. Русские и украинские крестьяне разводили частные сады, огороды, вели высеивание ярового и озимого хлеба, что свидетельствует о комплексе агрокультурных мероприятий, проводимых инородными. В хозяйственной деятельности переселенцы активно взаимодействовали с местным населением, делились своим накопленным опытом, в особенности земледельческим, в то же время перенимали у калмыков их богатые навыки разведения крупного рогатого и мелкого скота, кочевого пастбищного животноводства в специфических природно-климатических условиях региона.

Помимо русского и украинского крестьянства в калмыцкие степи переселялись и представители других национальностей. В 1880-е гг. в Большедербетовском улусе появились два оседлых поселения – Эсто-Хагинское (Либенталь) и Немецко-Хагинское (с. Ульяновка), возникшие на землях у речки Хагин Сала и балки Овсауль Кюль (Джуве). Первое поселение было основано «эстами» и немцами из Эстлянской и Лифляндской губерний, также проживали крестьяне Екатеринославской губернии, второе поселение – немцами из Бессарабии, Черниговской губернии и переселенцами из Саратовской губернии (Твалчрелидзе, 1897: 634). В 1893 г. в Эсто-Хагинке насчитывалось 84 двора, из них 224 чел. составляло местное население и 55 чел инородных; в Нем-Хагинке соответственно 199 дворов, 1179 коренных жителей и 23 инородных. В 1904 г. в Эсто-Хагинке проживало 774 чел., в Нем-Хагинке – 1820 чел. В 1906 г. в Эсто-Хагинке было образовано «Общество народного образования», «Общество трезвости», существовал драмкружок, мужской и женский хоры (Иваненко, 1977: 1). Отметим, в Калмыкии в это время большая часть населения вообще была неграмотной. Как видим, с 1880-х гг. в переселенческом движении наблюдаются количественные и качественные изменения. На рубеже 1910-х гг. возникла необходимость урегулирования отношений крестьян-переселенцев и местного населения в местах заселения. Задача следующего этапа состояла в применении накопленного опыта с учетом трансформировавшихся общественно-политических условий.

5. Заключение

Вышеизложенное позволяет нам сделать некоторые выводы по истории переселения в калмыцкие земли русско-украинских крестьян. На первом этапе заселение происходило стихийно и самовольно, в дальнейшем переселенческий процесс был более-менее упорядочен. Государственная политика по переселению носила двойственный характер. Вначале руководство выступало против самовольных переселений крестьян, но в итоге постепенно их легализовало. Правительство стремилось поправить социально-экономическое положение русских крестьян малоземельных губерний за счет переселения на калмыцкие земли. Русско-украинская переселенческая диаспора в Калмыцкой степи состояла из бывших жителей более чем из 10 губерний Российской империи. Одновременно государство, якобы, учитывало интересы коренных жителей и искало поддержку среди калмыцких нойонов (князей) для проведения своей политики в Калмыцкой степи. Процесс переселения проходил поэтапно и процесс проникновения в иноязычную среду крестьянина-переселенца имел свои особенности, обусловленные спецификой региона, традициями и обычаями степных кочевников, суровыми природно-климатическими условиями.

Основным видом трудовой деятельности переселенцев являлось земледелие и скотоводство, где в первом – богатый опыт имели переселенцы, во втором – калмыцкое население. В 1880-е гг. на территории калмыцких кочевий появились немецкие и эстонские поселенцы, отличавшиеся усердием и трудолюбием, четкой организацией труда, богатым культурным наследием. В начале XX в. население переселенцев в Калмыкии составило около 80 тыс. чел.

Как положительный момент колонизации окраин, следует отметить, что переселение крестьян в новые для них места ослабило малоземелье в центральных губерниях и в определенной степени предотвратило крестьянскую революцию в России. Данный процесс сыграл важную роль в проникновении капиталистических отношений в калмыцкой деревне, что было немаловажно для развития ее сельского хозяйства. Потомки тех первых переселенцев, оставшихся для проживания в степном регионе, сегодня составляют значительную часть населения Республики Калмыкия – одного из субъектов Российской Федерации.

Литература

Белоусов, 1989 – Белоусов С.С. Стихийные крестьянские переселения в Калмыкию в первой половине XIX века // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста, 1989. С. 51–62.

Борисенко, 1989 – Борисенко И.В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста, 1989. С. 63–89.

- Бурчинова, 1968** – *Бурчинова Л.С.* Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историч. 1968. №3.
- Вся Астрахань, 1904** – Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1905. Справочный отдел. Астрахань, 1904.
- Воцинин, 1912** – *Воцинин В.П.* Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб, 1912.
- Дуброва, 1899**– *Дуброва Я.П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XV, вып. 1–2, Казань, 1899.
- Иваненко, 1917** – *Иваненко А.* Из прошлого // Зори Маньча, 1977. 12 февраля.
- Кауфман, 1905** – *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. 439 с.
- Кауфман, 1917** – *Кауфман А.А.* Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1917–1918. 332 с.
- Команджаев, 1982** – *Команджаев А. Н.* О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982.
- Куркин, 1904** – *Куркин П.И.* Земская санитарная статистика (Опыт систематической библиографии). Вып. I. Земская статистика вообще и санитарная статистика в губерниях Воронежской, Вологодской, Екатеринославской и Курской. М., 1904. VIII. 127 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия
- Огановский, 1914** – *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
- Очерки истории, 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 431 с.
- Пальмов, 1925** – *Пальмов Н.Н.* Обоседление калмыков и русская эмиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. Астрахань, 1925. № 2–3.
- ПСЗ, 1914** – Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ Российской империи). Собрание третье. Т. XXIX. № 22135. Отд. 2, № 20758. СПб., 1914. 902 с.
- Рожков, 1928** – *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). 2-е изд. Л., М.: Книга, 1928. Т. II: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века.
- Твалчрелидзе, 1897** – *Твалчрелидзе А.И.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 634–637.
- Эрдниева, 1976** – *Эрдниева У.Э.* К истории землепользования Калмыкии // Вестник института. Серия историческая. 1976. № 15. С.27–38.
- Ядринцев, 1892** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1892. 720 с.
- Ямзин, 1912** – *Ямзин И.Л.* Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: Типография Императорского ун-та св. Владимира, 1912.

References

- Belousov, 1989** – *Belousov S.S.* Stihijnye krest'janskije pereselenija v Kalmykiju v pervoj polovine XIX veka [Spontaneous peasant resettlement in the Republic of Kalmykia in the first half of the XIX century] // Social'no-jekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'janstva Kalmykii v dooktjabr'skij period. Jelista, 1989. S. 51–62.
- Borisenko, 1989** – *Borisenko I.V.* Russko-ukrainskaja pereselencheskaja derevnja Kalmyckoj stepi: puti vznikovenija i razvitija (seredina XIX v. – 1917 g.) [Russian-Ukrainian resettlement village the Kalmyk steppe: way of the emergence and development (mid-nineteenth century – 1917)] // Social'no-jekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'janstva Kalmykii v dooktjabr'skij period. Jelista, 1989: 63–89.
- Burchinova, 1968** – *Burchinova L.S.* Kolonial'naja politika carizma v Kalmykii v russkoj istoriografii [Colonial policy of tsarism in Kalmykia in the Russian historiography] // Vestnik Kalmyckogo NIIJaLI. Serija istorich. №3. Jelista, 1968.
- Vsja Astrahan', 1904** – *Vsja Astrahan' i ves' Astrahanskij kraj.* Pamjatnaja knizhka Astrahanskoj gubernii na 1905. Spravochnyj otdel. [All Astrakhan and the entire Astrakhan region. The memorable book of the Astrakhan province in 1905]. Astrahan', 1904.
- Voshhinin, 1912** – *Voshhinin V.P.* Pereselencheskij vopros v Gosudarstvennoj Dume III sozyva. Itogi i perspektivy [The resettlement question in the State Duma of III convocation. Results and prospects]. SPb., 1912.
- Dubrova, 1899** – *Dubrova Ja.P.* Byt kalmykov Stavropol'skoj gubernii do izdanija zakona 15 marta 1892 [The life of the Kalmyks of the Stavropol province to the publication of the law March 15, 1892] // Izvestija obshhestva arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete. T. XV, vyp. 1–2, Kazan', 1899.
- Ivanenko, 1917** – *Ivanenko A.* Iz proshlogo [From the past] // Zori Manycha, 1977. 12 fevralja.

- Kaufman, 1905** – *Kaufman A.A.* Pereselenie i kolonizacija [Resettlement and colonization]. SPb., 1905. 439 s.
- Kaufman, 1917** – *Kaufman A.A.* Voprosy jekonomiki i statistiki krest'janskogo hozjajstva [The field of Economics and statistics of the farm]. M., 1917–1918. 332 s.
- Komandzhaev, 1982** – *Komandzhaev A.N.* O meste pereselencheskogo hozjajstva v agrarnoj jevoljucii Kalmykii [The place of the resettlement farms in the agrarian evolution of Kalmykia] // Problemy agrarnoj istorii dorevoljucionnoj Kalmykii. Jelista: KNIIFJe, 1982.
- Kurkin, 1904** – *Kurkin P.I.* Zemskaja sanitarnaja statistika (Opyt sistematičeskoj bibliografii). Vyp. I. Zemskaja statistika voobshhe i sanitarnaja statistika v gubernijah Voronezhskoj, Vologodskoj, Ekaterinoslavskoj i Kurskoj [Zemstvo sanitary statistics (Experience systematic bibliography). Vol. I. Zemstvo statistics in General and health care statistics in the provinces of Voronezh, Vologda, Ekaterinoslav, and Kursk]. M., 1904. VIII. 127 s.
- NA PK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykija [The national archives of the Republic of Kalmykia].
- Oganovskij, 1914** – *Oganovskij N.P.* Zakonomernost' agrarnoj jevoljucii. T. III. Obnovlenie zemledel'českoj Rossii i agrarnaja politika. Vyp. I. Naselenie. Pereselenčeskij vopros [The pattern of agrarian evolution. T. III. Update agricultural Russia and agricultural policy. Vol. I. The Population. The resettlement question]. Saratov, 1914.
- Očerki istorii, 1967** – *Očerki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktjabr'skij period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 431 s.
- Pal'mov, 1925** – *Pal'mov N.N.* Obosedlenie kalmykov i russkaja jemigracija v Kalmyckuju step' [Abaseline Kalmykov and the Russian emigration in the Kalmyk steppe] // Kalmyckaja oblast'. Astrahan', 1925. № 2–3.
- PSZ, 1914** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee PSZ Rossijskoj imperii). Sobranie tret'e. T. XXIX. № 22135. Otd. 2, № 20758 [Meeting the third. T. XXIX. No. 22135. Otd. 2, No. 20758]. SPb, 1914. 902 s.
- Rozhkov, 1928** – *Rozhkov N. A.* Russkaja istorija v sravnitel'no-istoričeskom osvешhenii: (Osnovy social'noj dinamiki). 2-e izd. [Russian history in comparative-historical light: (the Basics of social dynamics)] L., M.: Kniga, 1928. T. II: Proizvodstvennyj kapitalizm i revoljucionnoe dvizhenie v Rossii vtoroj poloviny XIX i nachala XX veka. S. 328.
- Tvalchrelidze, 1897** – *Tvalchrelidze A.I.* Stavropol'skaja gubernija v statističeskom, geografičeskom, istoričeskom i sel'skohozjajstvennom otnošenijah [Stavropol province in the statistical, geographical, historical and agricultural relations]. Stavropol', 1897. S. 634–637.
- Jerdniev, 1976** – *Jerdniev U.Je.* K istorii zemlepol'zovanija Kalmykii [Land use history of Kalmykia] // Vestnik instituta. № 15. Serija istoričeskaja. Jelista, 1976. S. 27–38.
- Jadrincev, 1892** – *Jadrincev N.M.* Sibir' kak kolonija v geografičeskom, jetnografičeskom i istoričeskom otnošenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. 2-oe izd., ispr. i dop. SPb, 1892. 720 s.
- Jamzin, 1912** – *Jamzin I.L.* Pereselenčeskoe dvizhenie v Rossii s momenta osvoboždenija krest'jan [Resettlement movement in Russia since the emancipation of the serfs]. Kiev: Tipografija Imperatorskogo un-ta sv. Vladimira, 1912.

УДК 94 (47)

Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв.

Екатерина Николаевна Бадмаева ^{а, *}

^а Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация

Аннотация. Проблемы масштабной миграции населения в современной России имеют глубокие исторические корни. Автором подробно проанализирован опыт исследования миграционных процессов в дореволюционной России и выявлены узловые особенности и итоги переселенческого движения этого периода, связанные с кризисным состоянием крестьянского хозяйства, перенаселением черноземных губерний Европейской России и высокой плотностью сельского населения, а также низкими земельными наделами. В современной историографии, освобожденной от идеологического догмата, переселенческая политика в дореволюционный период изучается с самых разных сторон, с привлечением ранее недоступных источников, что дает возможность с объективных сторон рассмотреть историю переселенчества в царской России и роль русского крестьянства в социально-экономическом и политическом развитии национальных окраин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: en-badmaeva@yandex.ru (Е.Н. Бадмаева)

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается процесс передвижения населения в XIX – первой половине XX вв. в Калмыкии. Процесс переселения в Калмыцкой степи и Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, где находились кочевнические угодья калмыков, проходил поэтапно и процесс проникновения в иноязычную среду крестьянина-переселенца имел свои особенности, обусловленные спецификой региона, традициями и обычаями степных кочевников, суровыми природно-климатическими условиями. Особое внимание уделяется вопросу землепользования в Калмыцкой степи Астраханской губернии, анализируется политика российского государства по изъятию пастбищных и сенокосных угодий степных кочевников. Проблемы колонизации и переселений рассматриваются в тесной связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами.

Ключевые слова: колонизация, крестьянство, землепользование, переселение, аграрная реформа, Калмыцкая степь Астраханской губернии, калмыцкие земли, кочевое хозяйство, деревня.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1182-1197, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special

Mikhal Smigel^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov^b^a Matej Bel University, Slovak Republic^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article provides a comparative analysis of slavery in Circassia and in the territory of the slave South in the United States in 1850–1860-ies years in the context of the fight against the slave trade and slavery in the world. The article discusses the Russian-American general trends for the prohibition of slavery and the slave trade. Among the materials are Russian and foreign archival sources, documents of personal origin (memoirs, diaries) of travelers as well as scientific research. The methodological basis of historical-comparative study are the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, making judgments as a result of the analysis of a set of facts, and displays the slave of phenomena in the development and the context of the historical situation.

In conclusion, the authors note that slavery and the slave position in the United States and the Circassia had their differences in 1850–1860-ies. Such differences included the inability of the transition to the United States from the status of a slave in the state of the dependent peasant, which was the norm in Circassia. In the United States the slaves were brought from outside, while in Circassia the slavery occurred in the region, mainly by trapping. At the root of discrimination in the United States was the racial principle, in Circassia this is based on the religious principle.

The position of slaves had their similarities. A slave was powerless property of his master, there were certain unwritten rules governing the relationship, slave owners were reluctant to bring slaves to the extreme and etc. The important similarity between the US and Circassia was the presence of their territories with a strong slave system, where slaves constituted more than 30 % of the population. In the US, it was the territory of the slave-holding South, and in Circassia – the slaveholding Ubykhia.

Keywords: slavery, Circassia, Russian Empire, the slave-owning South of the United States, historical-comparative study.

1. Введение

Начало второй половины XIX века ознаменовалось сложным социально-экономическим процессом – борьбы с рабством и работорговлей. В эту борьбу вступили в 1860-х годах Российская империя и Соединенные Штаты Америки. В составе России, которая в 1861 году ликвидировала крепостную зависимость своих крестьян, были территории, на которых процветала работорговля и рабство как явления. Одной из таких территорий и была Черкесия.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), опубликованные документы, а также научные публикации из современной периодической печати и справочная литература. Важным источником стали материалы личного происхождения: дневники и мемуары путешественников и

* Corresponding author

E-mail addresses: michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

эмигрантов периода Кавказской войны. Среди них необходимо отметить: работы Теофила Лапинского, Джеймса Белла, Фредерика Дюбуа де Монпере и др. Особенности рабства в США и общий контекст борьбы с работорговлей и рабством в мире рассматривается посредством автобиографий освобожденных рабов, мемуаров (т.н. «невольничьи повествования») и научных публикаций с конца XIX века, а также современной мировой научной литературы.

Методологическую основу историко-сравнительного исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Обсуждение

Необходимо отметить, что в отличие от достаточной обработки и большего количества публикаций о рабстве в евро-атлантической цивилизации, тема рабства и работорговли на территории Черкесии рассматривалась в научной литературе весьма поверхностно. Первые подробные свидетельства о рабстве на территории Черкесии иностранные путешественники начали оставлять в начале XIX века. Так, например, в дневниковых записях англичанина Джеймса Белла и швейцарского француза Фредерика Дюбуа де Монпере находятся подробные описания положения зависимых крестьян на территории Черкесии и отмечается практически полное игнорирование положения раба-пленника. В конце 1850-х гг. на территорию Черкесии прибыл польский эмигрант Теофил Лапинский, который принял активное участие в боевых действиях против России на стороне черкесов. После своего возвращения в Европу Т. Лапинский опубликовал свои дневниковые записи, которые стали важным источником для понимания рабства на территории Черкесии.

В период после окончания Кавказской войны многие документы военного противостояния были опубликованы в Актах Кавказской археографической комиссии, которые были изданы в 13-ти томах в Тифлисе. Помимо этого публиковались многочисленные источники личного происхождения, например, воспоминания участников боевых действий в дореволюционных журналах.

4. Результаты

Рабство как понятие

Рабство практиковало большинство известных человеческих обществ во все периоды истории. Рабство, как таковое, однако, перешло этапами развития и в разные времена менялось. Тем не менее, то, что осталось неизменным, был сам смысл – потребность в рабочей силе и прибыль, вытекающая из неё, а также возможность владения другим человеком.

Российская дореволюционная научная литература дала следующее определение рабству: «Рабство – состояние человека, лишённого личной свободы и составляющего собственность другого. В античном мире, экономические условия которого были, главным образом, основаны на рабстве, оно было весьма распространено и всюду для выполнения тяжёлых или низменных работ пользовались рабами, главный контингент которых составляли военнопленные» ([Большая энциклопедия, 1904: 76](#)).

Необходимо отметить, что рабство в Риме было возведено в степень государственного учреждения. Раб (*homo servus*) по римским законам не имел никаких прав и был предметом торговли и господин имел над рабом право жизни и смерти. Имущество раба принадлежало его господину. С возведением христианства в государственную религию, в рабстве произошли некоторые смягчения (часть первоначальных римских рабов была превращена в так называемые колон (*colonus*) – свободных поселенцев, земледельцев) ([Ингрэм, 1896: 126-127](#)), хотя оно и продолжало существовать даже и после падения Западной Римской империи.

У германских племен покоренные и военнопленные составляли особый класс, члены которого в течение средних веков также превратились в крепостных. Важно отметить, что у восточных народов рабство имело более мягкий характер, но даже и позднейшая цивилизация не смогла искоренить это явление в Египте, Аравии, Марокко, Персии и Османской Турции. Согласно законам ислама, обращать свободного мусульманина в рабство, было запрещено. Это, однако, не касалось захваченных в плен во время войн немусульман. Такое положение и стало исходной точкой для налаживания предприятий на торговлю невольниками обоих полов, поступавших на рынки Передней Азии ([Мухамеджанов](#)).

В средневековой Европе рабство постепенно заменили другие формы использования рабочей силы. Это произошло в результате всестороннего перерождения общества и экономических отношений (увеличение населения и снижение затрат на рабочую силу). Создался новый институт крепостничества, породив новое состояние несвободных, прикрепленных к земле и поставленных под власть землевладельца крестьян. Однако с XIV века крепостное право в Европе начинает отступать (сначала в Западной Европе, а затем – спустя несколько столетий – в Восточной Европе).

Рабство, которое в старой Европе находилось в процессе исчезновения, было восстановлено в течение XVI века в Новом Свете. На колонизируемых европейцами территориях повсеместно, в широких масштабах разворачивалось сельскохозяйственное производство, требующее большого количества работников. Во многих местах, в особенности в Америке, работников было просто негде взять – местное индейское население не удалось превратить в рабочую силу, а волна переселенцев из Европы была недостаточной. Одновременно в ходе освоения европейцами Африки обнаружилась возможность достаточно легко получить практически неограниченное количество работников, захватывая и обращая в рабство коренных африканцев. Началась массовая работорговля и ввоз в Новый Свет миллионов африканских рабов. Понятие раба как рабочего орудия и предмет торговли усилилось, но с другой стороны исчезло значение раба, как военнопленного (Pagden, 1995: 169).

В это же время рабство в мусульманских странах Передней Азии не только сохранилось, но и динамично развивалось. Рабский труд и работорговля были важной частью экстенсивной экономики многих азиатских держав, включая Османскую Порту. Основными источниками поступления невольников в империю были: Африка (Вадай, Борну, Багирми, Судан-Хартум, бассейн Нила, Эфиопия, Занзибар), побережья Красного моря и Персидского залива, Хиджаз и Кавказ (Источники работорговли).

Особенности рабства в США

С некоторыми из первых рабов, привезенными на британские североамериканские колонии с Африки (впервые в 1619 году голландский корабль высадил в Джеймстаун двадцать чернокожих) обходились как со слугами, нанятыми на ограниченный период времени, вскоре они достигали свободы и собственности на землю. Постепенно, однако, практика рабства закрепилась как обычай и закон страны и оправдывалась различием цвета кожи и язычеством чернокожих людей. С постепенным распространением сельскохозяйственных культур в Северной Америке также увеличился спрос на рабов, которые стали заменой наемных слуг и работников.

Причиной развития рабства стала необходимость в достаточном количестве контролируемой рабочей силы, и таким образом англичане присоединились к работорговле, начатой португальцами и испанцами в XVI веке. Несмотря на то, что британская Северная Америка в течение более чем трех столетий существование рабской транспортировки способствовала менее чем 5 % от общего объема импорта рабов в Западное полушарие – около 400 тыс. с общего числа около 10 млн человек – она предлагала рабам больше шансов на выживание и меньше возможностей к самореализации. Естественный прирост черных иммигрантов в Америке в конце колониального периода приблизился к приросту белого населения. К концу XVIII века численность африканцев приблизилось к 20 % от общего количества населения Северной Америки. В южных штатах, однако, они составляли большинство (Tindall, Shi, 2000: 39-41).

Структура рабовладельческого Юга состояла в основном из трех слоев – свободные белые (плантаторы, средний класс и белая беднота), так называемые свободные негры или «свободные цветные» и порабощенные (несвободные) негры. Средняя категория имела неясное определение, которое колебалось между рабством и свободой, а их права, по сравнению с правами белых, были ограничены. Она возникла из африканцев, отпущенных на волю самими рабовладельцами, негров, которые были выкуплены из рабства, или получили свободу, например, в качестве вознаграждения за службу в армии (Pendleton, 1912: 102). Между «свободными цветными» людьми было также много мулатов и людей смешанного происхождения. Свободные негры были в основном ловкими ремесленниками (кузнецы, плотники, сапожники), фермерами или простыми рабочими. Их число росло медленнее, после принятия законов, которые отпущение с рабства усложняли, но, несмотря на это, в 1860 году в рабовладельческих штатах жило 262 тыс. свободных африканцев, т.е. более половины от общего числа 488 тыс. «свободных цветных» по всей стране. Наиболее многочисленно они были представлены в северных районах Юга (Tindall, Shi, 2000: 280).

Рабы находились на низшей ступени социальной лестницы Юга. Из общего числа 4 млн. рабов, сосредоточенных на Юге в 1860 году, более половины работало на плантациях, в основном на полях. Там, как правило, проводились два взаимно-переплетающиеся сельскохозяйственные циклы таким образом, чтобы сев, уборка и переработка сельскохозяйственных культур плавно следовали один за другим с минимальным временем простоя, чтобы рабская сила использовалась перманентно. «Рано утром мы обычно отправлялись работать на поле, и работали там до тех пор, пока не услышали звон, который звал нас назад к дому» (Douglass, 1845: 75). Лучшей считалась работа домашней прислуги (дворецких, кучеров, поваров, горничных) или ремесленников. Кроме работы на полях и плантациях собственников, рабы должны были сами обеспечить себе различные жизненные потребности. Строили и жили в основном в простых деревянных домиках с одной или двумя комнатами, часто без пола и окон. В некоторых местах, однако, владелец инвестировал в постройку более безопасного (но менее гигиеничного) коллективного жилого помещения, которое было постоянно под наблюдением и контролем. В свободное время рабы заботились о своих маленьких полях, которые были им выделены. Владельцы, таким образом, избавлялись от обязанности кормить рабов, и в то же время открывался путь к развитию параллельной самообеспечительской экономики (Křížová, 2013: 137-138, 142). В случае материального обеспечения – пищи, одежды, жилья, здравоохранения – рабы были в

таком же положении, как и бедные люди в других частях света. Вероятно, минимально в такой же ситуации как крестьяне в Восточной Европе (Tindall, Shi, 2000: 282).

Время работы невольников зависело от сельскохозяйственной специализации плантаций и ферм, а также от сезонности. Но, в основном, от рассвета до заката. Законы штатов, которые касались рабов, сосредотачивались на интересах рабовладельцев и физическом наказании рабов-преступников – порки, отсечение конечностей, кастрация, жжение, морение голодом и т.д. – были легализованы. Рабыня Соджонер Трут (Sojourner Truth) вспоминала, что «мой господин Джон Нили (John Nealy) меня часто хлестал связкой прутьев с горячими углями или связанными кабелями» (Truth, 1850: 27). Бунт или побег были действительно крайним методом, но в то же время рабы понимали бессмысленность таких попыток, и в основном выбирали различные способы избегания работы или саботажа. Более умные рабовладельцы осознавали, что большей пользы добьются от вознаграждения рабов, нежели от тирании. К тому же вполне понимали, что побег одного из них, мог бы стать примером для других (Douglass, 1845: 20). И, наконец, с очень слабыми шансами на сопротивление или побег, большинство рабов подчинилось подавляющему превосходству «рабской машинерии». На плантациях, направленных на прибыль, между рабами и их владельцами возникла (рядом с естественной враждебностью) и взаимозависимость. «В аграрных обществах, которые во многом зависят от межличностных отношений, чернокожие рабы были в состоянии выкроить уступки, чтобы смягчить жестокость рабства и получить – хотя бы в какой-то степени – личное и социальное развитие» (Tindall, Shi, 2000: 282).

В африканских поработанных семьях существовали сильные семейные связи. Несмотря на то, что в большинстве колоний семейные связи и брак рабов были вне закона и рабы не могли осуществлять родительские права в отношении своих детей, многие рабовладельцы поняли, что они будут лучше и надежнее работать, если им будет разрешено создавать семьи (Tindall, Shi, 2000: 40). Если этого не происходило, то приводило к тому, что белые называли «упадком нравов» на плантациях: свободным и спонтанным связям, полигамии, смещениям в семейной организации (с ключевой ролью матери). Семейная жизнь рабов постоянно характеризовалась неопределенностью, так как ее члены могли быть в любой момент проданы в другое место.

Даже несмотря на это культура рабов была необычайно сильна родовыми связями, часто в их специфической форме «социального родства». Тем не менее, рабы не всегда имели возможность жить в соответствии с этими принципами. Где-то семейные дела были полностью под присмотром, где-то, их оставляли в компетенцию самих рабов, а вообще считалось, что для чернокожих женщин характерен промискуитет. Этим обычно оправдывалось, например, сексуальное насилие в отношении женщин-рабов (Williams, 1837: 15), о чем свидетельствует наличие многих детей смешанной расы (мулаты, самбо). «По данным переписи населения в 1860 году в Соединенных Штатах насчитывалось 412 тыс. мулатов – около 10 % чернокожего населения, но, видимо, эта цифра была значительно недооценена» (Tindall, Shi, 2000: 40, 284-285). Сексуальное насилие – изнасилование и насильственные сожительства с черными рабынями белых и цветных работников или владельцев плантаций были обычным, общепринятым и законным явлением. Изнасилование в судах рассматривалось только тогда, когда оно причиняло ущерб имуществу, то есть было произведено насилие в отношении рабыни без согласия ее владельцев (Křížová, 2013: 142).

Во время вынужденной жизни в рабстве разные чернокожие из разных частей Африки сплели новую идентичность афроамериканцев, а структуру американской культуры переплели нитями африканского наследия. Значительными были африканские влияния в музыке, фольклоре, религиозных обрядах и т.д. Одним из наиболее важных культурных выражений рабов была их религия – смесь христианских и африканских элементов (Tindall, Shi, 2000: 40). Рабовладельцы обычно открыто поддерживали религиозную жизнь своих рабов. Фредерик Дуглас (Frederick Douglass), к примеру, одним из немногих преимуществ в его рабстве считал тот факт, что его владелец не выражал против его религии какого-либо предубеждения или запрета (Douglass, 1845: 67). Проповедники и религиозные лидеры, выросшие среди рабов, в основном, рабовладельцами уважались еще и потому, что избавиться от них было практически невозможно (Tindall, Shi, 2000: 284).

Изучение повседневной жизни рабов – а именно с их точки зрения – является очень трудной задачей. Даже несмотря на большое количество сохранившихся автобиографий освобожденных рабов, которые в XVIII веке были написаны с помощью белых авторов, документов личного характера (мемуары, так называемые «повествования беглых невольников» или «невольничьи повествования» – *the slave narrative*) (Удлер, 2009: 118-123), большинство из которых возникает в XIX веке, и уникальным коллекциям в духе устной истории, записанным антропологами в XX веке. Не вызывает сомнений то, что отношения рабов на Юге США с их владельцами и белым обществом в целом были более чем сложными. «Они удерживались в повиновении жестокими наказаниями и постоянными угрозами продажи или физической ликвидации. В то же время, общество рабов было далеко не единой монолитной массой. Они жили в сложной иерархии, в которую белые только иногда были в состоянии эффективно вмешаться, и эта иерархия во многом наследовала африканские традиции». Хотя насилие являлось неотъемлемой частью культуры на плантациях, на практике рабы всегда имели определенные права. Они не были закреплены в письменной форме, но были основаны на

традиционном праве. В различных регионах эти права, конечно же, отличались – право самостоятельного выкупа, свободное воскресенье, посещение религиозных служб, практики африканских традиций и т.д. – но пространство для маневра должно было существовать. Если оно слишком сужалось, это приводило к кризису и сопротивлению: к саботажу, бегству или восстанию (в Северной Америке, однако, это было редкостью) (Кřížová, 2013: 145-147). Аболиционизм, который набирал обороты с начала XIX века, был в этом плане вспомогательным явлением.

Рабство в Черкесии

Система управления в Черкесии

Фредерик Дюбуа де Монпере характеризует структуру черкесского общества, называя 5 классов (сословий. – *Авт.*): первый класс – князья; второй класс – дворяне или уорк; третий класс – отпущенные на свободу крепостные; четвертый класс – зависимые или крепостные; пятый класс – рабы (Монпере, 2010: 35-36).

По мнению де Монпере первые четыре класса мало отличались между собой своей одеждой и домашней жизнью. Все влияние знати над своими вассалами основано на доверии, на патриархальном убеждении; вся власть определяется древними обычаями (Монпере, 2010: 36).

Что касается пятого класса – класса рабов, то каждый посторонний, который отважится проникнуть вглубь этого края и не сумеет назвать своего кунака или хозяина, может всегда ожидать, что его обратят в раба. Раб являлся бесправной собственностью своего господина.

С. Смоленский в своих мемуарных повествованиях «Воспоминания кавказца» делил зависимые сословия на две категории: *пшитль* – подвластный хлебопашец и *ясырь* – раб, дворовый человек (Смоленский, 1875: 423). Эти две категории составляли до 30 % населения.

С юридической точки зрения рабство в Черкесии распространялось сразу на два класса: крепостных и рабов.

О крепостных и рабах

Как уже отмечалось, в категориях зависимых необходимо различать два социальных положения: зависимые или крепостные крестьяне и рабы. В горском обществе существовала возможность перехода из состояния раба в состояние зависимого крестьянина. Для этого раб-пленнику необходимо было взять в жены рабыню и выполнить некоторые другие условия своего господина.

Низшую общественную ступень у адыгов составляют *пшитли*¹ – рабы. Рабство – татарский обычай, который черкесы ввели у абазов. Рабы – это потомки военнопленных, женщины и дети, похищенные в Южной России, в Черномории, в Грузии и при различных раздорах между племенами, и адыги, ставшие рабами по приговору суда. Число рабов значительно, но не одинаково в различных частях страны. В Убыхии оно составляет почти четвертую часть населения, в Абадзехии – десятую, в Шапсугии – едва двадцатую (Лапинский, 1995: 104).

Теофил Лапинский так описывал положение зависимого крестьянина: «Раб (имеется ввиду зависимый крестьянин – *Авт.*) работает не больше, а часто еще меньше своего господина². Он вооружен, и его движимое имущество является его собственностью. Семья раба имеет собственное жилище, часть поля для собственного пользования, и часто рабы владеют значительным количеством лошадей³, волов, овец и коз. Владелец не может обращаться с рабом по своему произволу, а этот имеет право привлекать своего господина к суду и подавать на него жалобу. Если он не может выдержать угнетения своего хозяина, то со всей семьей и движимым имуществом переходит к соседу и находит у него защиту до окончания процесса. В худшем же случае рабы могут спастись бегством из одной страны в другую, как, например, из Шапсугии в Абадзехию, и вопрос об их выдаче дает повод к длительным процессам или даже войне, поэтому те, которые имеют рабов, очень остерегаются доводить их до крайности. Однако беглый раб не получает свободы, так как всюду, куда бы он не пришел, считается рабом; он имеет только право выбрать себе нового хозяина.

Рабы вступают в брак только между собой. Хозяин должен купить рабу жену, но, ни в коем случае, не может навязать ему женщину, которой тот не хочет. Если свободная женщина выходит замуж за раба или свободный женится на рабыне, то он и их дети являются свободными. Дети, родители которых не свободны, остаются собственностью своего господина. Ни один ребенок раба не может быть продан без согласия своих родителей, и пятая часть платы за проданного идет семье

¹ Слово «пшитли» составлено из двух слов: «пши» – князь и «тли» – «его» или «собственный» – и означает «собственность князя».

² Здесь необходимо понимать, что князья и дворяне, имеющие рабов вообще не работали на земле, а тезис о том что раб работал не больше своего господина, относится к господам из лично свободных членов черкесского общества. – *Авт.*

³ Тезис о наличии у рабов значительного количества лошадей является довольно спорным. Так, например, в труде де Монпере отмечалось, что знать не терпит, чтобы у подвластных были кони. «Начни кто-нибудь из них растить жеребенка, дворяне уведут его и дают взамен какое-либо другое животное, из породы рогатого скота, говоря при этом: «Вот что создано для тебя, но не конь» (Монпере, 2010: 22).

проданного. В стране продажа поодиночке не в обычае¹; всегда продается вся семья. Продажа поодиночке встречается только в Турции» (Лапинский, 1995: 104-105). Т. Лапинский обращал свое внимание еще на одну особенность: «Рабы считаются отдельным племенем – пшитли-тлако, на суде имеют своего защитника, созывают собственные собрания и вместе защищают свои права» (Лапинский, 1995: 105).

Законодательно зависимые крестьяне были защищены, но на деле участь зависимых была не многим лучше участи рабов. Исследователь М.В. Покровский, изучив свыше 1,5 тыс. показаний беглых рабов убежавших на территорию русских, говорит об этом с исчерпывающей полнотой. Обычно в этих показаниях звучала такая жалоба: «Владелец мой хотел жену и детей моих продать как невольников к туркам, и я, дабы не разлучаться с семейством, решился навсегда предаться под покровительство русских» (Покровский, 1989: 183).

Другой эмиссар англичанин Джеймс Белл отмечал: «Рабства, в нашем понимании этого слова, здесь не существует, и этот термин абсолютно не применим, когда речь идет о положении черкесов самого низшего класса» (Белл, 2007: 193). Джеймс Белл подчеркивал, что по отношению к черкесам зависимость была не сильной: «Эти люди возделывают землю, ухаживают за конями и скотом и служат в доме для гостей; но остальные крепостные работы, как рубка леса и доставка воды, как правило, поручаются русским пленникам. Черкесский крепостной не может быть «принужден» хозяином идти на войну, а во время поездки считается более чем обязательным брать человека, добровольно согласившегося служить хозяину. Я уже говорил о низких ценах у русских; когда происходит обмен пленниками, тот, кто имеет родственника для выкупа, покупает русского раба, чтобы отдать того в обмен» (Белл, 2007: 194). При этом и Лапинский и Белл имеют ввиду только класс зависимых крестьян, а не рабов.

Больше всего, по мнению Теофила Лапинского, достойны были сожаления женщины и дети черноморских казаков и поселенцев, которые похищались адыгами. Здоровая женщина, которая может еще рожать детей, освобождалась только за большой выкуп, а так как черкесы знали, что русские женщины во многих домашних работах искуснее, а также работоспособнее, чем их собственные, то они не очень спешили с их продажей. Автор отмечал: «Я видел много таких бедных женщин у адыгов; некоторые находятся уже много лет в плену, имеют мужа и детей – конечно, также рабов, и впоследствии забывают даже свой родной язык» (Лапинский, 1995: 149).

Столь мягкое отношение, даже в теории, к рабам могло бы вызывать уважение, если бы ни одно, но... Статус зависимого крестьянина нужно было, мягко выражаясь «заслужить». То есть хозяин должен был быть заинтересованным в том, чтобы раб стал у него зависимым крестьянином. Таким образом, раб, выражаясь современным языком, должен был обладать компетенциями, например, ремеслом кузнеца, гончара или другими навыками потребность в которых есть на данной территории.

Известно, что одним из главных источников пополнения рабов в период Кавказской войны были перебежчики из русской армии. Давайте рассмотрим статус перебежчика с момента его появления на горской территории. «Перебежчик рассматривается тем, кто его первым встретит, как его собственность, как хорошая добыча; если он имеет лошадь, оружие и деньги, то все это у него отбирается, даже одежду на теле оставляют редко. Адыг ведет его в свой двор, там бреет ему голову, накидывает на него изодранное в куски платье, и он остается во дворе как раб так долго, пока владелец не пожелает продать его дальше (Лапинский, 1995: 144).

В черкесских магометанских семействах беглеца принуждают принять их веру. Употребляются всевозможные обманные обещания, лести, угрозы, чаще же – плохое обращение, чтобы заставить его отказаться от своей старой веры. Если несчастный поддается соблазну, то все-таки не получает обещанной свободы и остается рабом, с ним и обращаются как с таковым (Лапинский, 1995: 145). Рабов русского происхождения держат вдали от тех местностей, которые более подвергаются нападениям русских, поэтому их немного в равнинах Шапсугии и Абадзехии; напротив много в горах, большинство же в Убыхии, куда никогда не достигает неприятель и откуда невозможно бегство. Только немногие беглецы принимают магометанскую веру, и только немногие позволяют себя уговорить взять жену. Большинство предпочитают терпеть свою жестокую судьбу и надеются всегда на улучшение их положения (Лапинский, 1995: 145-146). Таким образом, рабы-пленники подвергались дискриминации по религиозному принципу.

Часто также перебежчики продавались черкесами за деньги русским. Те беглецы, которые женятся и принимают магометанскую веру, не опасаются более выдачи русским; несмотря на это, число ренегатов очень незначительно, но очень часты самоубийства. Действительно, печально положение такого бедного беглеца. Предмет недоверия, презрения и насмешек, едва прикрытый лохмотьями, большую часть года подвергающийся мучительнейшему голоду, продаваемый как скот, он имеет только один выход – покончить свое существование в этих негостеприимных для него горах (Лапинский, 1995: 146).

¹ Тем не менее, уже на с. 150 своего повествования Т. Лапинский приводит пример как у рабыни мужа продали в Турцию и выдали ее замуж повторно – Авт. (Лапинский, 1995: 150).

Теофил Лапинский полагал, что ежегодно из русской армии убегало до 4 тыс. человек, из которых три пятых находились в Шапсугии и Абадзехии, две пятых – в Убыхии (Эти территории являлись составными частями Черкесии – Авт.). По национальному признаку более половины были поляками, затем малороссы и татары. Меньше всего было великороссов и казаков. Татар переходило на сторону черкесов в среднем по 600 человек в год, из которых три шестых оставались в стране как рабы, две шестых продавались в Турцию и одна шестая отводилась назад к русским (Лапинский, 1995: 146-147). Если распространить эту же пропорцию и на другие категории беглецов, то мы должны только за 10 лет получить цифру в 20 тыс. оставленных у черкесов перебежчиков из русской армии. Около одной десятой этого числа были женаты и оставили христианскую религию, положение же девяти десятых, то есть 18 тыс. людей-рабов находилось в нечеловеческих условиях на грани самоубийства. Каков же удельный вес таких рабов в рабовладельческой Убыхии. Известно, что в Убыхии содержалось две пятых таких рабов, то есть только за 10 лет общее количество рабов пополнилось на 8 тыс. человек. Таким образом, за время Кавказской войны в Убыхии должно было осесть минимум 25 тыс. рабов из бывших военнослужащих русской армии, часть из них погибла от голода или покончила жизнь самоубийством, но остальные должны были составлять, по меньшей мере, половину всех рабов в Убыхии, а это означает, что каждый второй раб находился в депрессивном состоянии в стыке между жизнью и смертью.

Очевидно, что большее количество рабов из перебежчиков поступало в Убыхию в период деятельности Черноморской береговой линии, то есть с 1834 по 1855 гг., когда форты находились непосредственно в прибрежной части Убыхии (форт Навагинский и по соседству форты Головинский и Святого Духа). Согласно имеющимся данным за 10 месяцев (август 1850 – июнь 1851 гг.) только из двух рот Навагинского гарнизона убежало 9 человек (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 37-38), то есть бегство солдат не являлось исключительным случаем. Трое из девяти солдат были возвращены горцами русской военной администрации (Cherkasov et al., 2013). Как уже отмечалось более половины всех перебежчиков – это поляки, которые не желали служить в вооруженных силах России по политическим причинам. Убегая от своих командиров, они попадали из огня да в полымя. Положение поляков сразу становилось трагичным – рабство.

Работорговля как основа предпринимательства в Черкесии

Согласно Лапинскому – на турецком языке говорят только торговцы рабами или те, которые долгое время жили в Константинополе (Лапинский, 1995: 97). Значительная торговля рабами ведется с Турцией, и большей частью работорговцами-турками, имеющими своих компаньонов в стране; они получают от этой торговли большую выгоду. Наибольший спрос имеется на детей от 6 до 12 лет и на молодых людей, способных к военной службе, которые покупаются турками для сдачи вместо себя в армию. Взрослые, особенно красивые, девушки, тоже имеют спрос; однако они считаются неверным товаром, так как обычно такая девушка не может привыкнуть к новой жизни в Турции и чахнет там, несмотря на комфорт, которым она часто бывает окружена в большинстве турецких гаремов. Ей страшно в городах, в больших, пышно убранных комнатах, в которых она не может весело прыгать и шуметь, как в своих горах; тоска по родине переходит иногда в неизлечимую болезнь, и часто нет другого средства спасти бедную девушку от верной смерти, как отослать ее обратно в горы. Только отвезенные в Турцию в раннем детстве привыкают к турецкой жизни, забывают даже родной язык и не тоскуют по родине. Пожилые люди продаются чрезвычайно редко (Лапинский, 1995: 105).

В период Кавказской войны довольно много продавалось беглецов из русской армии, в первую очередь поляков. Пленных поляков вывозили в Трапезунд, где их продавали владельцам медных рудников (АКАК 9, 1881: 454).

С рабами было связано и производство. Так, князья и дворяне в Черкесии обрабатывают свою землю при помощи рабов (Лапинский, 1995: 102). Наибольшее количество рабов находилось у князей и дворян. Однако редко бывало, чтобы рабовладелец имел больше 4–5 семейств рабов, то есть больше 80–100 человек обоего пола (Лапинский, 1995: 105).

О масштабах рабства и работорговли

Т. Лапинский оценивал численность проживающих на Востоке, а в частности в Турции, горцев в 50 тыс. человек (Лапинский, 1995: 105-106). Косвенно эту цифру подтверждают данные русской администрации, которая считала, что черкесы вывозят ежегодно до 1 тыс. человек (АКАК 8, 1881: 769). Это те черкесы, которые на 99 % попали на Восток, будучи проданными в рабство. В условиях Кавказской войны работорговля продолжалась контрабандно. Однако были и другие варианты доставки «живого товара». Так, есть данные о том, что джигеты доставляли рабынь на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Для того чтобы иметь представление о степени желанности торговать «живым товаром» у племени джигетов необходимо привести такой яркий пример. В мае 1852 года русской администрацией предпринимались инициативы по склонению джигетов к прекращению войны. Джигеты выставили два требования, одно из которых право свободного вывоза девушек на продажу в Турцию (Cherkasov et al., 2015).

Интересным является еще тот факт, что для работорговцев важно было покупать только «лучший товар». В результате в Турцию продавались лучшие девушки – цвет черкесской нации.

Численность рабов в Убыхии. Третья народность независимых адыгов – убыхи образуют только одно племя, которое разделяется на много фамилий. Число рабов у убыхов очень велико и составляет более третьей части населения (Лапинский, 1995: 79), то есть около 35 %.

Цены на рабов

Мальчик никогда не продается в стране дешевле 100 серебряных рублей, девушка, если она только сносно сложена, достигает 300, но не превышает почти никогда 500 рублей, раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей. Торговец рабами получает прибыли почти всегда втрое, вчетверо, часто даже в десять раз больше. Красавица, которая покупается в знатный гарем или в сераль султана, оплачивается иногда от 50 до 100 тыс. пиастров (приблизительно 2,5–5 тыс. талеров)... Некоторые горцы привозят своих рабов сами в Константинополь на продажу и ждут часто там месяцами, пока продадут свой товар (Лапинский, 1995: 106).

Убыхи, у которых имеется самое большое количество рабов, поставляют самый значительный контингент в гаремы Константинополя и благодаря этой торговле имеют самые большие связи с турками (Лапинский, 1995: 106).

По мнению Теофила Лапинского девять десятых находящихся в Турции рабов были привезены из Убыхии (Лапинский, 1995: 108).

Высокой была цена и на крепостных. Так, стоимость выкупа на свободу крепостной семьи из 4 человек оценивалась в 250 голов крупного рогатого скота (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 955. Л. 21).

Борьба с работорговлей и рабством в мире

Требование всеобщей аболиции – абсолютного запрета рабства – возникло в Старом Свете после 1750 года. Видные европейские интеллектуалы заявили, что рабство противоречит человеческому достоинству и «естественным правам» человека (любого человека, без различия), и человеческие существа не могут быть предметом торговли. По словам Дэвида Б. Дэвиса, широко распространенное движение против рабства было исторической вехой в развитии современной европейской морали (Davis, 1966: 7). Несомненно, требование отмены рабства как такового тесно связано с развитием промышленного капитализма, который в своей классической форме проявился в Европе после Великой Французской революции. В это время изменились и приоритеты европейских предпринимателей, и само предпринимательство, которое три столетия приносило возрастающие прибыли, внезапно перестало быть выгодным в условиях так называемого капитализма свободной конкуренции и массового спроса в свободной рабочей силе (Křížová, 2013: 190–192). С начала XIX века, таким образом, в разных странах мира начинается процесс запрета торговли рабами и впоследствии отмены рабства как такового.

Впервые и наиболее ярко критика рабства зазвучала в Великобритании. Здесь она получила и широкую общественную поддержку. При возникновении организованного аболиционизма в Англии и США (1783–1887 гг.), а затем во Франции, никто не стремился немедленно освободить рабов, но искались пути, как превратить их в свободных рабочих. После первого Вильберфорцевого предложения о запрете работорговли, представленного в Палате общин британского парламента (1789 г.), и изолированного запрета в Дании (1792 г.), наконец, настал поворотный момент во время войны Великобритании против наполеоновской Франции (Geaïss, 1999: 325). Великобритания в 1807 году приняла закон, запрещающий работорговлю в Британской империи. Этот акт громко отпраздновали как победу гуманизма и экономической рациональности. В целом, однако, считалось, что запрет приведет к увеличению цены на рабов и заставит рабовладельцев таким образом улучшить условия их жизни, поспособствует естественной репродукции и, в то же время, поиску новых источников трудовых ресурсов среди бедных колонистов-иммигрантов (Křížová, 2013: 202, 206). В то же время возникло и антиаболиционистское движение как в Великобритании, так и в США (Dalzel, 1793; Francklyn, 1789; Foot, 1792; Foot, 1805).

Однако, несмотря на британский пример, спрос на рабов в Новом Свете увеличивался. Об этом свидетельствует тот факт, что торговля с людьми была одинаково активной после 1807 года, как и перед ним. Она кульминировала параллельно с периодом пика плантационной продукции сахарного тростника в 1740–1830-х гг., а затем хлопка. В 1830-х гг. из Африки всё ещё вывозили около 60 тыс. рабов в год. Трансатлантическая работорговля стала снижаться только тогда, когда оказалось более выгодным удерживать африканцев в Африке, чем их вывозить, т.е. в процессе колонизации этого континента и его покорения европейскими державами во второй половине XIX века (Ferro, 2007: 222).

Томас Джефферсон (владелец более чем 600 рабов), который и благодаря голосам южных штатов был избран в 1801 году президентом, подписал закон запрещающий ввоз новых рабов в США от 1808 года. Тем не менее, присоединение Соединенных Штатов к запрету работорговли, было довольно формальным и неэффективным актом, поскольку незаконный ввоз рабов по экономическим причинам продолжался, и вторым важнейшим рынком рабов США, после Нового

Орлеана, стал Вашингтон (до 1850 г.). Только в 1820 году Конгресс США объявил работорговлю эквивалентной пиратству, которая должна была наказываться казнью (Geaiss, 1999: 325).

В США ясно подтвердилось, что естественный прирост был, в конечном счете, дешевле, чем покупка новых рабов. В то время как в 1770 году в США было около 400 тыс. рабов, в 1800 году эта цифра увеличилась до 1 млн (20 % от общей численности населения в США, которое составляло 5 млн), а затем до 4 млн в 1860 году (15 % от общей численности населения – 30 млн). То есть менее чем за столетие, число рабов в США увеличилось в десять раз. На Юге, где находились все рабы, их общая доля в численности населения составила 40 % (в 1800 г. – 1 млн рабов и 1,5 млн белых; в 1860 г. – 4 млн рабов и 6 млн белых) (Piketty, 2015: 178-179). В принципе, запрет внешней работорговли способствовал развитию внутренней торговли рабами в Соединенных Штатах.

Расширение объемов выращивания хлопка на Юге США с его постоянной ненасытной потребностью в рабочей силе повлияло на растущий спрос на рабов. Запрет на их ввоз отобразился влиянием на подъем цены на тех невольников, которые уже находились в стране. Естественно, рыночная цена рабов резко варьировалась в зависимости от конкретного хозяйственного периода, специфических характеристик рабов, и от того, насколько их оценивали сами хозяева. Первоклассный раб-мужчина (в молодом возрасте) стоил в 1790-х годах от 300 до 400 долларов США. До кризиса в 1837 году, когда цены достигли максимума, он стоял 1000–1300 долларов, а во время бума в 1850-х годах, его цена снова выросла до 1500–2000 долларов (Tindall, Shi, 2000: 280-281). При этом, свободный сельскохозяйственный работник зарабатывал в США в 1860 году в среднем около 200 долларов в год (Piketty, 2015: 183).

Борьбу против работорговли поставил на более широкую платформу Венский конгресс (1814–1815 гг.), и в последующий период, в связи с систематическим дипломатическим давлением со стороны Великобритании, все европейские морские державы постепенно приняли законы, запрещающие торговлю людьми. Проблема рабства как такового, тем не менее, сохранилась. Лишь восстание рабов на Ямайке в 1831 году ускорило отмену рабства в «*Rex Britannica*». В Британской империи рабство было навсегда отменено в 1833–1838 гг., во Французской империи его отменяли в несколько этапов (впервые в 1794 г., но при Наполеоне в 1802 г. его возобновили; полная отмена произошла только в 1861 г.)¹. Окончательная ликвидация рабства длилась ещё несколько десятилетий. После 1850 года, его постепенно отменили в странах Южной Америки. Отмена рабства в Бразилии в 1888 году окончательно искоренила его влияние из сферы евро-атлантической цивилизации.

Этот курс четко обозначился и в Соединенных Штатах Америки. В принципе, освобождение рабов в Британской империи (1834–1838 гг.) имело двойной эффект на США. С одной стороны, это привело к расцвету рабства в южных штатах США и до начала войны с Севером в 1861 году рабовладельческая экономика переживала значительный подъем. С другой стороны, в США около 1835 года возникает новая волна воинствующего аболиционизма – основанная в первую очередь свободными афроамериканцами, которые могли бы обеспечить себе постоянную свободу только в случае отмены рабства как системы. Эскалация напряженности между Севером, где рабы были освобождены в 1827 году и который быстро индустриализовался, и аграрным Югом активизировалась и взорвалась под влиянием результата президентских выборов в США в 1860 году (Geaiss, 1999: 325). Победа республиканца Авраама Линкольна на выборах 6 октября 1860 года с идеей свободной земли ознаменовало начало новой эпохи в истории США, связанной с ликвидацией рабства (Прилуцкий, 2014: 142).

Отмена крепостного права в России и рабства на Кавказе

Отмена института рабства в колониальном и крепостного права в восточно-европейском мирах происходили практически одновременно. Это ясно видно в случае Старого и Нового Света – с отменой крепостной зависимости в России и рабства в США в 1860-х годах.

С конца XVIII века (после Великой Французской революции), а особенно с начала XIX века (после наполеоновских войн), Европа начала быстро восстанавливаться и модернизироваться, стряхивая из себя последние остатки феодального строя (Корнилов, 1905: 6). В 1850-х годах крепостное право в Западной и Центральной Европе стало практически анахронизмом. Эту ситуацию понимал и новый русский царь Александр II, который освоил идеи либерализма и прогресса, осознал, что лучше освободить крестьян «сверху», чем ждать освобождения «снизу». Экономические проблемы России, кризис крепостнической системы, рост количества крестьянских восстаний и бунтов (которые реально угрожали перерасти в широкую антифеодальную войну), растущая активность социального несогласия, а также военные неудачи в Крымской войне (1853–1856 гг.) и

¹ На территории Франции и ее колоний рабство было отменено в 1794 г., но в 1802 г. – под влиянием восстановления французских имперских амбиций – оно было восстановлено. Опять же было отменено в 1815 г., во время «сто дней» Наполеона. Его возобновление, однако, произошло в 1831 г., а к дальнейшей отмене – в революционном 1848 году. В последнее рабство вновь было восстановлено в 1858 г. и только окончательно от него Франция избавилась в 1861 г. (Křížová, 2013: 208, 227).

падение международного авторитета России в европейской политике стали импульсами, которые привели Александра II к убеждению в необходимости проведения реформ в стране.

После вступления на престол в 1855 году, царь обратился к русскому дворянству и призвал его понять, что отмена крепостного права является самым важным вопросом, и от его решения зависит прогресс и мощь страны. Проведению крестьянской реформы предшествовала длительная работа по выработке проектов законодательных актов об отмене крепостного права. В 1857 году по указу Александра II был образован секретный Комитет по крестьянским делам, затем губернские крестьянские комитеты и, впоследствии, Главный комитет по устройству сельского населения (1858 г.). В течение шести лет (1855–1861 гг.), таким образом, был найден компромисс между сторонниками и противниками крепостного права (Švankmajer et al., 1996: 257).

19 февраля (3 марта) 1861 года в Санкт-Петербурге император Александр II подписал манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшие из 17-ти законодательных актов. На основании этих документов отменялось существующее крепостное право, устанавливался правовой статус освобожденных крестьян, возникала администрация крестьянской организации и правила покупки земельных наделов. Все это создавало условия для дальнейшего развития России и утверждения в стране капиталистической формации (Зайончковский, 1968: 161).

В целом, этим манифестом 1861 года и другими последующими мерами было освобождено от крепостной зависимости почти 21,3 млн крестьян мужского пола (женщины были освобождены без выкупа и земельный надел им не полагался, безземельные крестьяне освобождались бесплатно с двухлетним переходным периодом земельной зависимости). Царские указы были восприняты российской общественностью как несостоявшиеся ожидания, поскольку думалось, что крестьяне будут полностью освобождены без обязательств и получают дополнительно землю за счет аристократических землевладельцев. Таким образом, распространилось мнение, что это подделка и настоящий царский манифест был будто бы скрыт или нарушен. Это вызвало мощный подъем (стихийного и неорганизованного) крестьянского движения. Ответом было более чем 1100 крестьянских восстаний, которые в 1861–1863 годах вспыхнули в 29 губерниях (Švankmajer et al., 1996: 258-259).

Несмотря на все ограничения и половинчатые меры, несовершенства и слабину реформы, нельзя не согласиться с тем, что это был очень важный акт инновационного вмешательства в российское общество. Царским указом Александра II в России исчезло аристократическое учреждение и дворянское самоуправление Екатерины II. Крестьянин перестал быть собственностью – он больше не мог быть продан, перемещен с одной усадьбы на другую, превращен в персонального слугу. Прекратилось право дворянства вмешиваться в семейную жизнь крестьян, и они должны были управлять ею сами (в волостях) и с помощью государства (Švankmajer et al., 1996: 259-260). Крестьянин мог свободно перемещаться, владеть собственностью, заниматься торговлей или любой другой предпринимательской деятельностью, вступать в государственную службу или предлагать себя в качестве рабочей силы, получать образование (Литвинов, 1897: 275-276). Это стало, несомненно, ключевым событием в истории России нового времени.

Сложно происходило и реальное осуществление реформы. Огромные различия между составными частями империи вынудили правительство к различным путям по внедрению реформ в жизнь и выдаче особых местных «Положений». В западных губерниях европейской России, Литве, Польше и западных областях Украины и Белоруссии реформы осуществлялись с большей выгодой для крестьян (после польского восстания в 1863 года были отменены все обязательства по отношению к помещикам, и земля была выделена в большей степени и по сниженным ценам) (Švankmajer et al., 1996: 259).

Иная ситуация была на Северном Кавказе и в Закавказье. Отмене крепостного права здесь предшествовали крупные крестьянские восстания. Указ об отмене крепостного права в Грузии издавался одновременно – в Тифлисской губернии был издан 13 октября 1864 года, на Кутаисскую губернию и на Мегрелию он был распространен в 1865–1866 гг., на Сванетию – в 1871 году. В Армении и Азербайджане крестьянская реформа была произведена в 1870–1883 годах и носила не менее кабальный характер, чем в Грузии. Аналогично ситуация сложилась в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Например, в Калмыкии крепостное право было отменено в 1892 году, в Дагестане – в 1913 году, в других отдаленных местах империи вплоть до 1917 года (Зайончковский, 1968: 329, 338-340).

На территориях Черкесии и Абхазии ситуация была еще более сложной, учитывая продолжающуюся Кавказскую войну и существование рабства на этих территориях. В 1864 году, всё же, война с адыгскими племенами Западного Кавказа официально завершилась. Освобождение зависимых или крепостных крестьян и рабов происходили здесь одновременно от 1866 года. В общем, реформы на Кавказе осуществлялись главным образом в пользу местных феодалов. «Например, в Чечне в 1867 году администрация установила неимущественным горцам одноразовый взнос в размере 250 рублей за ликвидацию рабства и подневольного состояния, а решением о выделении земли вовсе не занималась» (Švankmajer et al., 1996: 259). В Абхазии крепостное право было запрещено в 1870 году. Согласно местному «Положению» все категории зависимого населения

должны были отбывать своим владельцам в течение четырех лет службу, работу и другие повинности или взамен этого уплатить особую выкупную плату. Так, например, выкупная плата раба («ахашала») составляла для лиц мужского пола от 10 до 50 лет и женского от 10 до 45 лет — от 50 до 120 рублей (Зайончковский, 1968: 331).

На прибрежных территориях Черкесии ситуация осложнялась и тем фактом, что большая часть адыгов и абазин (также родственных убыхов, абхазов и др.) ушла в Османскую империю, а оставшееся небольшое их количество было переселено на равнинные земли Прикубанья. Присоединенные территории Западного Кавказа заселялась казачьим населением, армянами и выходцами из центральной части Российской империи.

Таким образом, последним штрихом рабства на прибрежных территориях Черкесии стало мухаджирство – массовое переселение черкесов в Османскую Турцию, кульминирующее в 1860-е годы. К примеру, 4 августа 1866 года джигетские старшины Гагринского поселения, прибыв к воинскому начальнику Гагринского укрепления Берта де Лагарда, объявили о своем решении выселиться в Турцию. К переселению джигетов «в Турцию побудило объявление окружного начальника, что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание» (Материалы по истории, 2012: 196). В результате джигеты покинули побережье.

Прибывшие в Турцию черкесские переселенцы размещались частично на территории Анатолии, но преимущественно на Балканском полуострове – в европейской части Османской империи – главным образом в Болгарии (согласно некоторым источникам, в течение 1857–1877 гг. переселилось около 1,5 млн человек из региона Западного Кавказа). Черкесы были рассеяны по всей Болгарии малыми группами, их поселения образовывали линии, практически прорезавшие всю страну. В конце 1870-х гг. – в результате балканского кризиса – состоялось переселение адыгов из Балкан до внутренних районов Анатолии и на территории Ближнего Востока (Нефляшева).

Тем не менее, рабство в Турции сохранилось недолго. Уже в 1876 году, в период правления султана Абдулазиза (1861–1876 гг.), турецкое правительство законодательно отменило работорговлю и рабство в Османской империи. Можно сказать почти одновременно с отменой крепостного права в России и рабства в США (Мухамеджанов). Но фактически рабство в Османских владениях продолжало существовать и в начале XX века (Большая энциклопедия, 1904: 77). В конечном итоге закончилось только вступлением некоторых держав в Лигу Наций после 1920 года (Турция, Иран и др.) (Křížová, 2013: 217).

Отмена рабства в США и российская помощь Северу

В 1861 году президентом США стал один из известных противников рабства — Авраам Линкольн. Сам Линкольн, несмотря на свое убеждения и давления аболиционистов, первоначально занимал умеренную позицию в данном вопросе (он выступал не за ликвидацию рабства как такового, а лишь против распространения этого института на Западные территории, готовившиеся войти в состав федерации в качестве новых штатов), однако сам факт избрания на пост главы государства видного аболициониста послужил для южных штатов сигналом к объявлению о своем выходе из состава федерации (Зайков, 2009: 73). Единство США ослабло. Старые споры между Севером и Югом о рабстве привели к Гражданской войне (1861–1865 гг.) – конфликта двух культур (в экономическом и этическом понимании) (Шихов, 2013: 151), история которой хорошо известна. Как отмечает Маркета Кжижова, «в контексте вопроса о рабстве, однако, надо подчеркнуть, что в первую очередь воевали не за освобождение негров, а за единство страны» (Křížová, 2013: 258).

Во время войны, однако, А. Линкольн понимал необходимость пересмотреть свои умеренные позиции по вопросу рабства – в войну на стороне Вашингтона было вовлечено около 200 тыс. негров, а снижение боевого духа северян было необходимо поддержать благородной целью. «Чтобы черные американцы могли быть на самом деле раз и навсегда свободны, запрещение рабства должно было быть включено в Конституцию. С этим обещанием Линкольн и победил на президентских выборах в 1864 году» (Křížová, 2013: 259). 13-я поправка к Конституции США, принятая Конгрессом на первом послевоенном заседании в 1865 году (уже после гибели Линкольна) гласила: «В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено» (Зайков, 2009: 73). Другими словами: победой северных штатов в Гражданской войне рабство в США было отменено.

Тем не менее, можно констатировать, что впоследствии радикальные республиканцы отказались от программы более глубоких преобразований южанского общества, включая достижение полного гражданства освобожденных рабов. Важно также, что освобожденные рабы не получили ни земли, ни материальной поддержки. Не нашлось и мужества для осуществления радикальной земельной реформы в пользу бывших рабов. Именно это было причиной того, что большинство освобожденных рабов остались на домашних плантациях или в их окрестностях и продолжали работать в качестве сельскохозяйственных рабочих (в 1880 году три четверти афроамериканцев жили в бывших штатах Конфедератов, и большинство из них не имело ресурсов для покупки земли).

По словам современников – бывший раб не стал свободным человеком, он был просто свободным негром. Это ему гарантировали 14-я поправка (1868 г.) и 15-я поправка (1870 г.) к федеральной Конституции, провозглашавшие равенство гражданских и политических прав черных американцев. Все же, желанную свободу – постепенно, в местном масштабе южных штатов – заменял режим расовой сегрегации. Только участие США в Первой мировой войне изменило положение бывших рабов в стране, а проблемой афроамериканцев стало интересовать международное сообщество (Křížová, 2013: 259-261).

В связи с Гражданской войной в США является занимательной позиция Российской империи в вопросе противоборствующих сторон (в геополитическом контексте), а также отмены рабства в стране. Россия оказалась единственной сверхдержавой того времени, открыто поддержавшей воюющий Север. Как подчеркнул Алекс Григорьев, «значение этой поддержки не стоит переоценивать, однако, она оказала значительное влияние на ход событий» (Григорьев).

Российско-американские отношения, по состоянию на 1861 год, можно было считать практически идеальными. США и Россия нуждались друг в друге на международной арене, так как оба государства совместно противостояли влиянию Великобритании и Франции. Во время Крымской войны 1853–1856 годов, именно Соединенные Штаты оказались единственным мощным государством, поддержавшим Россию, воюющую с Великобританией, Францией, Турцией и Сардинией. Огромную роль в союзе Санкт-Петербурга и Вашингтона сыграли два человека: госсекретарь США Уильям Сьюард и посол России в Вашингтоне барон Эдуард фон Стеклъ (Григорьев).

Вспышкой Гражданской войны оказалось, что Север был явно не готов к противостоянию Конфедератам. Кроме того, в США опасались вооруженной интервенции европейских держав. В этой ситуации крайне важную роль должна была сыграть позиция трех мощнейших держав мира: Великобритании, Франции и России.

В то время, слабость США играла на руку Парижу в связи с их собственными интересами в соседней Мексике. Позиция Франции по отношению к конфликту в США не была внятно сформулирована, но Париж неофициально поставлял южанам оружие и военные материалы. Лондон, с одной стороны, приветствовал борьбу за отмену рабства, но с другой стороны, отстаивал свои интересы – принимая во внимание экономическую зависимость от американского рынка (поставки американского хлопка с Юга), и в то же время опасался чрезмерного усиления США. В результате Великобритания заявила о своем нейтралитете, назвав Конфедерацию одной из сторон конфликта, что означало признание независимости Юга де-факто.

Позиция России была определена изначально: Санкт-Петербург безоговорочно поддержал легитимное правительство Авраама Линкольна. Император Александр II, незадолго до инаугурации президента отменивший крепостное право, симпатизировал действиям Соединенных Штатов. В отличие от Франции и Англии Российская империя не была заинтересована в ослаблении Соединенных штатов и нуждались во взаимной поддержке на международной арене (например, в ходе польского восстания в 1863 г.) (Пичурина).

Наиболее серьезным шагом России стала отправка в США двух военных эскадр в 1863 году. План отправки эскадр был утвержден Александром II 25 июня (7 июля) 1863 года. Одна из них (Балтийская) через Атлантический океан прибыла в конце октября 1863 года в Нью-Йорк, вторая (Тихоокеанская) через Тихий океан – в Сан-Франциско (в ноябре 1863 г.) (Ефимов). Российские военные корабли оставались в США на протяжении года. Официально это был дружеский визит, демонстрирующий доброе отношение России к американскому народу. Не официально это был сигнал Англии и Франции о том, что в Вашингтоне могут в случае нужды рассчитывать на поддержку военно-морских сил России, способных защищать Тихоокеанское и Атлантическое побережья. США практически не имели флота на Тихоокеанском побережье, там базировались только торговые суда. На Атлантике нуждался в защите порт Нью-Йорк, так как военные силы США были сконцентрированы намного южнее (Kroll, 2007). Таким образом, российские эскадры выполнили роль гаранта безопасности США. Вашингтон получили мощную политическую, военную и психологическую поддержку, а вероятность иностранного вмешательства в конфликт была предотвращена (Пичурина).

В дальнейшем курсы США и России не разошлись, а между странами установились крепкие политические связи. После убийства президента Авраама Линкольна в 1865 году, Россия выразила глубокие соболезнования американскому народу и по решению императора Александра II провела ряд траурных мероприятий. Особую резолюцию принял Конгресс США в 1866 году, в связи с покушением на Александра II от руки Дмитрия Каракозова, поздравляющую царя с чудесным спасением. В том же 1866 году состоялась продажа русской Аляски Соединенным штатам (Григорьев).

5. Заключение

Рабство и положение рабов в США и в Черкесии в 1850–1860-е гг. имели свои отличия:

1. Переход из состояния раба в состояние зависимого крестьянина был обычным явлением в Черкесии, а в США он был недопустим;

2. В Черкесии рабы, в своем большинстве, пополнялись в результате пленения, в то время как в США такого вида включения в зависимость не было;

3. В основе дискриминации в Соединенных Штатах стал расовый принцип, в Черкесии эту основу составлял религиозный и экономический принципы;

4. В США афроамериканцами были созданы «невольничьи повествования», в которых отмечались все стороны их существования в период рабства. К сожалению, рабы в Черкесии не смогли создать такого источника, так как они переселились в Турцию вместе со своими рабовладельцами.

В положении рабов были и свои сходства:

1. Практически невозможно с уверенностью сказать, являлись ли условия жизни рабов лучше в США или в Черкесии, попросту выходя из основы ясного негатива этого явления, как такового (хотя мировая историография пыталась сравнить разные периоды существования рабства и его географические специфики). В обоих случаях, рабы воспринимались как низшие и неполноценные существа;

2. Раб являлся бесправной собственностью своего господина, существовали определенные неписанные правила регулирующие отношения, рабовладельцы остерегались доводить рабов до крайности и др.;

3. Важным сходством между США и Черкесией было наличие у них территорий с ярко выраженным рабовладельческим строем, где рабы составляли более 30 % населения. В США это были территории рабовладельческого Юга, а в Черкесии – рабовладельческая Убыхия.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Сроки выполнения 2016–2018 гг. Шифр: 100.01.

Литература

[АКАК 8, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 13 т. Т. 8. Тифлис, 1881.

[АКАК 9, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 13 т. Т. 9. Тифлис, 1881.

[Белл, 2007](#) – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1838 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.

[Большая энциклопедия, 1904](#) – Большая энциклопедия. / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 16. СПб., 1904.

[ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.

[Григорьев](#) – *Григорьев А.* Роль России в Гражданской войне США // Сайт «Голос Америки» (<http://www.golos-ameriki.ru/content/russias-role-in-us-civil-war-2011-04-14-119866069/232628.html>), 26.3.2016.

[Ефимов](#) – *Ефимов А.В.* Очерки истории США. 1492–1870 гг. Москва, 1958. // Сайт «Biografia.ru» (<http://biografia.ru/arhiv/amerika58.html>), 26.3.2016.

[Зайков, 2009](#) – *Зайков А.* Отмена рабства: европейский и американский опыт // *Права человека. Энциклопедический словарь* / Отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2009.

[Зайончковский, 1968](#) – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.

[Ингрэм, 1896](#) – *Ингрэм Д.К.* История рабства от древнейших до новых времен / Пер. З. Журавской. СПб., 1896.

[Источники работорговли](#) – Источники работорговли и невольничьи рынки в XIX веке в Османской империи // Сайт «АдыгиRU» (<http://adygi.ru/index.php?newsid=12389>), 25.3.2016.

[Корнилов, 1905](#) – *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905.

[Лапинский, 1995](#) – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.

[Литвинов, 1897](#) – *Литвинов М.А.* История крепостного права в России. М., 1897.

[Материалы по истории, 2012](#) – *Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.).* Сухуми, 2012.

[Монпере, 2010](#) – *Монпере Фредерик Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010.

[Мухамеджанов](#) – *Мухамеджанов И.* Рабство в Османской империи // Сайт «Islamtoday» (<http://islam-today.ru/istoria/rabstvo-v-osmanskoj-imperii/>), 29.3.2016.

[Нефляшева](#) – *Нефляшева Н.* Миграции с Северного Кавказа вчера и сегодня. Мухаджиры // Сайт «Кавказский узел» (www.m.kavkaz-uzel.ru), 29.3.2016.

[Пичурина](#) – *Пичурина Е.* Гражданская война в США. Как русские американцам в борьбе за независимость помогали // Сайт «Политическая Россия - общественно-политический интернет-журнал» (<http://politrussia.com/politkasha/grazhdanskaya-voyna-v-266/>), 26.3.2016.

[Покровский, 1989](#) – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.

- [Прилуцкий, 2014](#) – *Прилуцкий В.В.* Движение сторонников свободной земли и вопрос о рабстве в США в середине XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4.
- [Смоленский, 1875](#) – *Смоленский С.* Воспоминания кавказца // Военный сборник. 1875. № 10.
- [Удлер, 2009](#) – *Удлер И.М.* Афроамериканские «невольничьи повествования» как документальный источник истории рабства в США // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Вып. 29. Филология. Искусствоведение. С. 118-123.
- [Шихов, 2013](#) – *Шихов В.А.* Проблема рабства как важнейшая причина Гражданской войны в США в отечественной и американской историографии // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 15.
- [Cherkasov et al., 2013](#) – *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (1), 27: 5-15.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.
- [Dalzel, 1793](#) – *Dalzel A.* History of Dahomy. London, 1793.
- [Davis, 1966](#) – *Davis D.B.* The Problem of Slavery in the Western Culture. Ithaca – London, 1966.
- [Documents and materials, 2016](#) – Documents and materials on the History of Jigietia Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House *Researcher*, 2016.
- [Douglass, 1845](#) – *Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Boston, 1845.
- [Ferro, 2007](#) – *Ferro M.* Dějiny kolonizací. Od dobývání až po nezávislost 13 – 20. Století. (*оригин.* Histoire des colonisations. Des conquêtes aux indépendances XIIIe – XXe siècle. Éditions du Seuil, 1994). Praha, 2007.
- [Francklyn, 1789](#) – *Francklyn G.* Observations occasioned by the attempts made in England to effect the abolition of the slave trade, shewing the manner in which negroes are treated in the British colonies. London, 1789.
- [Foot, 1792](#) – *Foot J.* A Defence of the Planters in the West Indies, comprised in Four Arguments. London, 1792.
- [Foot, 1805](#) – *Foot J.* Observations principally upon the Speech of Mr. Wilberforce on his Motion in the House of Commons, 30 May 1804, for the Abolition of the Slave Trade. London, 1805.
- [Geaiss, 1999](#) – *Geaiss I.* Dějiny světa v souvislostech. Praha, 1999.
- [Keckley, 1868](#) – *Keckley E.* Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House. New York, 1868.
- [Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.
- [Kroll, 2007](#) – *Kroll C.D.* "Friends in Peace and War": The Russian Navy's Landmark Visit to Civil War San Francisco. Dulles, Va., 2007.
- [Pagden, 1995](#) – *Pagden A.* Lords of All the World (ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800). New Haven – London, 1995.
- [Pendleton, 1912](#) – *Pendleton A.L.* A Narrative of the Negro. Washington D. C., 1912.
- [Piketty, 2015](#) – *Piketty T.* Kapitál v 21. století. Bratislava, 2015.
- [Švankmajer et al., 1996](#) – *Švankmajer M. et al.* Dějiny Ruska. Praha, 1996.
- [Tindall, Shi, 2000](#) – *Tindall G.B., Shi D.E.* Dějiny Spojených států amerických. Praha, 2000.
- [Truth, 1850](#) – *Truth S.* Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York in 1828. Boston, 1850.
- [Williams, 1837](#) – *Williams J.* A Narrative of Events Since the First of August 1834, By James Williams, an Apprenticed Labourer in Jamaica. London, 1837.

References

- [AKAK 8, 1881](#) – Akty sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian archaeological commission]. V 13 t. T. 8. Tiflis, 1881.
- [AKAK 9, 1881](#) – Akty sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian archaeological commission]. V 13 t. T. 9. Tiflis, 1881.
- [Bell, 2007](#) – *Bell Dzh.* Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1838 gg. [The diary of staying in Circassia during 1837-1838]. V 2 t. T. 1. Nal'chik, 2007.
- [Bol'shaya entsiklopediya, 1904](#) – Bol'shaya entsiklopediya [The great encyclopedia]. / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 16. SPb., 1904.
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The state archive of the Krasnodar territory].
- [Grigor'ev](#) – *Grigor'ev A.* Rol' Rossii v Grazhdanskoi voine SShA [The role of Russia in the Civil war of US] // Sait «Golos Ameriki» (<http://www.golos-ameriki.ru/content/russias-role-in-us-civil-war-2011-04-14-119866069/232628.html>), 26.3.2016.
- [Efimov](#) – *Efimov A.V.* Ocherki istorii SShA. 1492–1870 gg. [The essays on the history of the United States. 1492-1870 years]. Moskva, 1958. Sait «Biografia.ru» (<http://biografia.ru/arhiv/amerika58.html>), 26.3.2016.

- Zaikov, 2009** – *Zaikov A.* Otmena rabstva: evropeiskii i amerikanskii opyt [The Abolition of slavery: European and American experience]. Prava cheloveka. Entsiklopedicheskii slovar' / Otv. red. S.S. Alekseev. M., 2009.
- Zaionchkovskii, 1968** – *Zaionchkovskii P.A.* Otmena krepostnogo prava v Rossii [The abolition of serfdom in Russia]. M., 1968.
- Ingrem, 1896** – *Ingrem D.K.* Istoriya rabstva ot drevneishikh do novykh vremen [The history of slavery from ancient to modern times]. Per. Z. Zhuravskoi. SPb., 1896.
- Istochniki rabotorgovli** – Istochniki rabotorgovli i nevol'nich'i rynki v XIX veke v Osmanskoj imperii [The sources of the slave trade and slave markets in the nineteenth century in the Ottoman Empire]. Sait «AdygiRU» (<http://adygi.ru/index.php?newsid=12389>), 25.3.2016.
- Kornilov, 1905** – *Kornilov A.A.* Krest'yanskaya reforma [The peasant reform]. SPb., 1905.
- Lapinskii, 1995** – *Lapinskii T.* Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their struggle for freedom against the Russians]. Nal'chik, 1995.
- Litvinov, 1897** – *Litvinov M.A.* Istoriya krepostnogo prava v Rossii [The history of serfdom in Russia]. M., 1897.
- Materialy po istorii, 2012** – Materialy po istorii Abkhazii XIX v. (1863–1874 gg.) [The materials on the history of Abkhazia in XIX century (1863–1874.)]. Sukhumi, 2012.
- Monpere, 2010** – *Monpere Frederik Dyubua de.* Puteshestvie vokrug Kavkaza [Monpere Frederic Dubois de. The travel around the Caucasus]. T. 1. U cherkesov i abkhazov. Maikop, 2010.
- Mukhamedzhanov** – *Mukhamedzhanov I.* Rabstvo v Osmanskoj imperii [The slavery in the Ottoman Empire]. Sait «Islamtoday» (<http://islam-today.ru/istoria/rabstvo-v-osmanskoj-imperii/>), 29.3.2016.
- Neflyasheva** – *Neflyasheva H.* Migratsii s Severnogo Kavkaza vchera i segodnya. Mukhadzhiry [The migration from the North Caucasus yesterday and today]. Sait «Kavkazskii uzel» (www.m.kavkaz-uzel.ru), 29.3.2016.
- Pichurina** – *Pichurina E.* Grazhdanskaya voina v SShA. Kak russkie amerikantsam v bor'be za nezavisimost' pomogali [The Civil War in the United States. As Russian helped the Americans in the struggle for independence]. Sait «Politicheskaya Rossiya – obshchestvenno-politicheskii internet-zhurnal» (<http://politru.com/politkasha/grazhdanskaya-voyna-v-266/>), 26.3.2016.
- Pokrovskii, 1989** – *Pokrovskii M.V.* Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: sotsial'no-ekonomicheskie ocherki [From the history of the Circassians in the late XVIII – first half XIX century: social and economic essays]. Krasnodar, 1989.
- Prilutskii, 2014** – *Prilutskii V.V.* Dvizhenie storonnikov svobodnoi zemli i vopros o rabstve v SShA v seredine XIX v. [The movement of supporters of free land and the issue of slavery in the United States in the middle of XIX century]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 4.
- Smolenskii, 1875** – *Smolenskii S.* Vospominaniya kavkaztsa [The memories of the Caucasian]. *Voennyi sbornik*. 1875. № 10.
- Udler, 2009** – *Udler I.M.* Afroamerikanskie «nevol'nich'i povestvovaniya» kak dokumental'nyi istochnik istorii rabstva v SShA [The African-American "slave narrative" as a documentary source of the history of slavery in the United States]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 5 (143). Vyp. 29. Filologiya. Iskusstvovedenie. S. 118-123.
- Shikhov, 2013** – *Shikhov V.A.* Problema rabstva kak vazhneishaya prichina Grazhdanskoi vojny v SShA v otechestvennoi i amerikanskoj istoriografii [The problem of slavery as a major cause of the Civil war in Russian and American historiography]. Voprosy vseobshchei istorii. 2013. T.15.
- Cherkasov et al., 2013** – *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* (2013). By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (1), 27: 5-15.
- Cherkasov et al., 2015** – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.
- Dalzel, 1793** – *Dalzel A.* History of Dahomy. London, 1793.
- Davis, 1966** – *Davis D.B.* The Problem of Slavery in the Western Culture. Ithaca – London, 1966.
- Documents and materials, 2016** – Documents and materials on the History of Jigeta Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.
- Douglass, 1845** – *Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Boston, 1845.
- Ferro, 2007** – *Ferro M.* Dějiny kolonizací. Od dobývání až po nezávislost 13–20 Století. (origin. Histoire des colonisations. Des conquêtes aux indépendances XIIIe – XXe siècle. Éditions du Seuil, 1994). Praha, 2007.
- Francklyn, 1789** – *Francklyn G.* Observations occasioned by the attempts made in England to effect the abolition of the slave trade, shewing the manner in which negroes are treated in the British colonies. London, 1789.
- Foot, 1792** – *Foot J.* A Defence of the Planters in the West Indies, comprised in Four Arguments. London, 1792.

- [Foot, 1805](#) – *Foot J.* Observations principally upon the Speech of Mr. Wilberforce on his Motion in the House of Commons, 30 May 1804, for the Abolition of the Slave Trade. London, 1805.
- [Geaiss, 1999](#) – *Geaiss I.* Dějiny světa v souvislostech. Praha, 1999.
- [Keckley, 1868](#) – *Keckley E.* Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House. New York, 1868.
- [Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.
- [Kroll, 2007](#) – *Kroll C.D.* "Friends in Peace and War": The Russian Navy's Landmark Visit to Civil War San Francisco. Dulles, Va., 2007.
- [Pagden, 1995](#) – *Pagden A.* Lords of All the World (ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800). New Haven – London, 1995.
- [Pendleton, 1912](#) – *Pendleton A.L.* A Narrative of the Negro. Washington D. C., 1912.
- [Piketty, 2015](#) – *Piketty T.* Kapitál v 21 století. Bratislava, 2015.
- [Švankmajer et al., 1996](#) – *Švankmajer M. et al.* Dějiny Ruska. Praha, 1996.
- [Tindall, Shi, 2000](#) – *Tindall G.B., Shi D.E.* Dějiny Spojených států amerických. Praha, 2000.
- [Truth, 1850](#) – *Truth S.* Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York in 1828. Boston, 1850.
- [Williams, 1837](#) – *Williams J.* A Narrative of Events Since the First of August 1834, By James Williams, an Apprenticed Labourer in Jamaica. London, 1837.

УДК 93

Рабство в Черкесии и в США (1850–1860-е гг.): общее и особенноеМихал Шмигель ^{a,*}, Александр Арвелодович Черкасов ^b^a Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ рабства в Черкесии и на территории рабовладельческого Юга в США в 1850–1860-е гг. в контексте борьбы с работорговлей и рабством в мире. Рассматриваются российско-американские общие тенденции по запрещению рабства и работорговли. Материалами для подготовки работы послужили российские и зарубежные архивные источники, документы личного происхождения (мемуары, дневники) путешественников, а также научные исследования. Методологическую основу историко-сравнительного исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении авторы приходят к выводу, что рабство и положение рабов в США и в Черкесии в 1850–1860-е гг. имели свои отличия. К таким отличиям относилась невозможность перехода в США из состояния раба в состояние зависимого крестьянина, что являлось нормой в Черкесии. В США рабы привозились извне, в то время как в Черкесии обращение в рабство происходило в регионе, в основном путем пленения. В основе дискриминации в Соединенных Штатах стал расовый принцип, в Черкесии эту основу составлял религиозный принцип.

В положении рабов были и свои сходства. Раб являлся бесправной собственностью своего господина, существовали определенные неписанные правила, регулирующие отношения, рабовладельцы остерегались доводить рабов до крайности и др. Важным сходством между США и Черкесией было наличие у них территорий с ярко выраженным рабовладельческим строем, где рабы составляли более 30 % населения. В США это были территории рабовладельческого Юга, а в Черкесии – рабовладельческая Убыхия.

Ключевые слова: рабство, Черкесия, Российская империя, рабовладельческий Юг США, историко-сравнительное исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1198-1207, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (479)

The Protest Movement in the North Caucasus in the second half of XIX – the beginning of XX centuries: Causes, Character, Significance

Amiran T. Urushadze ^{a, b}, Evgeniy F. Krinko ^{a, c*}, Diana D. Chelpanova ^{a, c}, Alexei A. Iosko ^b

^a Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the protest movement in the North Caucasus in second half of XIX – the beginning of XX centuries. The article is the first of planned by authors cycle of articles about the protest movement in the North Caucasus during the second half of the XIX century to early XXI century. The article based on analysis of published and archival evidence highlighted the reasons for the uprisings, and their character and significance. The frame of archival material were documents of central state archive of Kabardino-Balkarian Republic and the Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of humanitarian researches. The main catalysts for the protests on the southern outskirts of the Russian Empire were the inertia of the Caucasian war, the large-scale legal and administrative innovations, unreasonable actions of the crown authorities. The article describes the largest rebellion of the highlanders in this period, which allows us to trace the peculiarities of the various stages of the protest movement in the North Caucasus. The insurrections of the 1860s became the reaction of traditional mountain societies on the Imperial upgrades.

The indignation of the indigenous population caused the increase of taxes, which threatened completely to upset the already undermined by years of war economy of highlanders. The forced resettlement of highlanders to the plains by the Russian authorities pushed the mountaineers to the rebellion. The role of a fuse played the numerous rumors about the impending mass baptism of the highlanders and turn them into Cossacks. But the most important that the indigenous population did not trust the Russian legal and administrative institutions, did not believe in their fairness and impartiality. The uprising of 1877 was the last attempt to stop the spread of Russian sovereignty in the North Caucasus. The uprising tried to copy the state structure of the Imamate of Shamil, to restore the old titles and forms of government but it has not had much success. The pre-revolutionary period is associated with a system of political and administrative crisis of the Empire and the evolution of *abrechestva*, which has led to the emergence of the phenomenon of “professional robbery” in the Caucasus.

Keywords: social protest, abrechestvo, popular uprisings, First Russian revolution (1905–1907), North Caucasus.

1. Введение

Северный Кавказ на протяжении длительного времени имеет устойчивую репутацию едва ли не самого конфликтного и проблематичного региона России. Однако эта негативная оценка, найдя отражение не только в массовом сознании, но и в соответствующих публицистических штампах и историографических стереотипах, редко подкрепляется обстоятельными научными трудами. Как правило, внимание исследователей сконцентрировано на отдельных протестных акциях или

* Corresponding author

E-mail addresses: urushadze85@mail.ru (A.T. Urushadze), krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko), chelpanchic@gmail.com (D.D. Chelpanova), aleksey.iosko@mail.ru (A.A. Iosko)

движениях, а немногочисленные попытки обобщения нередко приобретают политизированный характер. Осмысление самой динамики протестов на Северном Кавказе после его вхождения в состав Российской империи представляется достаточно актуальной и перспективной исследовательской задачей, позволяющей выйти на принципиально новый уровень осмысления рассматриваемой проблемы.

2. Материалы и методы

Протесты выступают предметом изучения представителей различных социальных и гуманитарных наук, рассматривающих, наряду с историческими, политические, социальные, психологические, экономические, юридические аспекты проблемы. Уже само многообразие видов и форм протестов обуславливает различия в подходах к их объяснению (Внукова, Челпанова, 2014: 89–98; Дементьева, 2013: 83–94 и др.). Часть авторов видит в протестах социально-психологический феномен, связывая их с иррациональной природой коллективного поведения, психологией массы и толпы (Г. Лебон, Г. Тард). Другие объясняют возникновение протестов социальными условиями, вызывающими общественное недовольство (Н. Смелзер), выводят их из чувства депривации, вызванного лишением индивида или группы возможности распоряжаться каким-либо желаемым объектом – властью, социальным статусом, экономическими ресурсами и т.д. (Р. Мертон). Сторонники структурно-функционального анализа находят в протестах дисфункцию социальной системы (Т. Парсонс). Согласно марксистскому подходу, развитие общества неизбежно сопровождается классовыми конфликтами, порожденными противоречиями в развитии социально-экономических отношений. Высшей их формой считается социальная революция, как насильственный способ слома старого строя.

В рамках данного исследования протесты рассматриваются как реакция общества на внешние и внутренние вызовы, что позволяет отказаться от «демонизации» российской политики на Северном Кавказе и его народов. С учетом широких хронологических рамок главное внимание уделяется наиболее крупным протестам радикального характера. Основными источниками выступают как опубликованные материалы, так и документы, выявленные в фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

3. Обсуждение

В российской общественной мысли XIX в. сложился ориентализированный образ Кавказа и его жителей, согласно которому насилие составляло основную «родовую» черту края. В этом отношении показательны слова выдающегося кавказоведа П.К. Услара: «В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, — тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать, сколько душе угодно, насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, — сами всячески подделывались под Амалат-беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они казаться интересными, — иначе что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах? Горцев не могли мы представить себе иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то в роде воспаления в мозгу, — людей режущих на право и на лево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!» (Услар, 1868: 4–5). Этот упрощенный взгляд на южную окраину империи стал мишенью для критики нескольких поколений кавказоведов в дореволюционный период. До сих пор не потеряли своего значения работы М.М. Ковалевского о социальном строе и быте народов Кавказа, несмотря на то, что он преувеличивал значение родовых форм организации кавказских социумов (Ковалевский, 2012).

В советской историографии изучение революционного движения относилось к наиболее широко разрабатываемым исследовательским направлениям и. Опираясь на марксистские принципы, советские историки положительно оценивали революционное движение в Российской империи, в том числе и на Северном Кавказе, нередко преувеличивая его значение. При этом «точками сборки» истории протестного движения в советской историографии становились предреволюционные периоды. Целый ряд работ был посвящен вопросам развития отдельных горских народов и регионов накануне Первой русской революции 1905–1907 гг. и Российской революции 1917 г. (Хасбулатов, 1963; Гриценко, 1972 и др.). Другие этапы в истории протестной активности не получили систематического изучения.

Постсоветский этап развития исторических представлений отмечен появлением работы М.М. Гасанова, в которой был предложен исторический анализ восстаний народов Дагестана в 1860–1870-е гг. (Гасанов, 1997). Богатый эмпирический материал был концептуализирован в рамках традиционной для советской исторической школы теоретической парадигмы.

В современных исследованиях и документальных публикациях в научный оборот вводятся новые сведения о протестных движениях на Северном Кавказе (Восстания, 2001; Клычников, Линец, 2006; Вайнахи, 2011; Хлынина и др., 2012; Матвеев, 2015 и др.). Развитие конфликтного потенциала

региона показано как явление, детерминированное природными особенностями края (горные и высокогорные районы, выступавшими в качестве «изолятов» многих обществ) и императивами традиционного общества (обычай кровомщения) (Гатагова, 2016). Предметом специального изучения стало абречество как социальный феномен (Бобровников, 2002; Ботяков, 2004). Однако в целом история социальных протестов на Северном Кавказе в имперский период представляется недостаточно изученной.

4. Результаты

После Кавказской войны немногочисленные акты протеста были обусловлены формированием новой, непривычной для горцев системы управления и суда, нарушавшей их традиционный быт и уклад жизни, а также проведением крестьянской реформы и злоупотреблениями местного начальства. Сказывалась и инерция минувшей Кавказской войны, в ходе которой многие горцы привыкли видеть в российских институтах враждебную силу (Гатагова, 2016: 165).

Российские военные и гражданские администраторы, участники событий Кавказской войны по-разному оценивали перспективы «окончательного замирения» края. Слова героя одного из «кавказских» фельетонов В.А. Соллогуба: «Кавказ теперь та же Россия, только не с гладкой, а с взъерошенной поверхностью» (Кавказ, 1854), – часто воспринимались уже не как литературная метафора, а как признание нового положения на южной окраине империи Романовых. С другой стороны, прощавшийся с дворцом наместника в Тифлисе А.И. Бяратинский писал в декабре 1862 г. великому князю Михаилу Николаевичу, вступающему в права кавказского наместника: «Нет сомнения, что вытесняемый неприятель будет защищаться с упорным ожесточением...» (Муханов, 2007: 340).

Опасения пессимистов оказались реальнее надежд оптимистов. Уже весной 1860 г. заволновалась только что покоренная Чечня. Восстание было вызвано намерениями коронной администрации переселить жителей селений Беной и Аргун из лесистой местности на равнину. Во главе восставших встал Байсангур, который, по некоторым данным, был беноевским набиом имама Шамиля (Тахнаева, 2015: 67–75). Русские войска быстро рассеяли восставших. Но на этом вооруженное сопротивление не закончилось. Повстанцы перешли к партизанским действиям. В феврале 1861 г. Байсангур все же был схвачен. Вскоре военно-полевой суд приговорил Байсангура к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в Хасав-Юрте. Однако надежды российской администрации на то, что со смертью Байсангура Чечня замирится, не оправдались. Дело беноевского набиа продолжили другие вожаки – Атабай, действовавший в Малой Чечне, и Умадуй (Ума Дуев), возглавивший аргунцев (Гатагова, 2016: 170). Отряды Атабая и Умадуя повели партизанскую войну на территории Терской области. Они регулярно совершали нападения на казачьи станицы, угоняли скот. Локализовать восстание имперской администрации удалось только в конце 1861 г., после того как его лидеры сдались властям. Атабай и Умадуй избежали смертной казни благодаря заступничеству начальника Терской области Д.И. Святополка-Мирского, который обратил внимание императора на то, что вожаки восставших добровольно сложили оружие, выйдя с повинной. Александр II повелел сослать обоих в отдаленные от Кавказа губернии Российской империи.

Тревожным было положение и в Дагестане. Здесь, параллельно с событиями в Чечне, развернулось восстание андийского вольного общества и движение сельских общин Ункратля. Андийцы вынудили отступить местные коронные войска. И только после прибытия сильного подкрепления из Темир-Хан-Шуры начальство Андийского округа сумело сломить сопротивление восставших. Восстание в Ункратле превосходило числом участников и масштабами выступление жителей Анди. Оно началось в январе 1861 г. Лидером антиимперского сопротивления ункратлинцев стал житель селения Хварши Каракуль-Магома. Под его началом восставшие совершили несколько успешных военных походов в Кахетию и Западный Дагестан, дойдя до Ботлиха и атаковав несколько рот Куринского пехотного полка (История Дагестана, 1968: 144). Весной 1861 г. восставшие были окружены. Отсутствие боеприпасов и продовольствия вынудили большую часть сторонников Каракуль-Магомы сложить оружие. Но сам он с ближайшими сподвижниками продолжил сопротивление. В 1862 г. жители Ункратля снова восстали, однако в этот раз имперские власти быстро замирили непокорных.

Восстания 1860–1861 гг. были подавлены, но недовольство новой властью осталось. Относительное затишье продолжалось не более двух лет. Уже в 1863 г. восстал Закавказский округ. Слухи о новом мятеже быстро распространились среди населения Чечни и Дагестана. Беспорядки вновь охватили округа Терской и Дагестанской областей. Вторично восстал Андийский округ, жителей которого поддержало Гумбетовское общество. Повстанцы действовали разрозненно, что позволило официальным властям быстро подавить выступления.

И вновь передышка для российских властей была очень короткой. В 1866 г. произошло крупное восстание в Кайтаго-Табасаранском округе Дагестанской области. Жители отказались выплачивать подъемную подать, а кроме того были возмущены отводом общинной земли под строительство двух крепостей для гарнизонов. Борьбу с восставшими возглавил лично начальник Дагестанской области Л.И. Меликов. Первую волну восстания коронным властям удалось «сбить», но мятеж перекинулся на

селение Маджалис. Здесь горцы были недовольны ликвидацией священной власти кайтагских уцмиев, род которых относили к сейидам – потомкам пророка Мухаммеда ([Северный Кавказ, 2007: 139](#)). Восстание грозило перерасти масштаб Дагестанской области и охватить весь Кавказ. Но после того как был убит руководитель восстания Суттай, коронная администрация смогла задавить выступление силой. Семь лидеров восстания были повешены, более 200 семейств отправлены в сибирскую ссылку ([История Дагестана, 1968: 148](#)). События в Кайтаго-Табасаранском округе нашли свое продолжение в движении горцев Аварского округа. Здесь во главе выступления встал племянник имама Шамиля – Габизат-Магома. Ему удалось собрать ополчение из нескольких селений – Эрпели, Каранай, Унцукуль, Ашильта. Но накануне восстания его руководители были схвачены по доносу сельских старост, оставшихся верными российской администрации.

Ряд радикальных протестных выступлений на территории Дагестанской области в 1860-х гг. замыкает третье восстание в Ункратле, случившееся в 1871 г. Его причиной послужил служебный произвол начальника Ункратлинского участка наиба Хаджиява Каратинского. Задержав группу горцев, он обвинил их в контрабандной торговле. Горцы были заключены в тюрьму, где некоторые из них умерли. Родственники и односельчане умерших отомстили наибу. Его дом в результате нападения был сожжен, а сам он зарублен. Отряд милиции, посланный для наведения порядка в Ункратлинском участке, был разбит восставшими. Только после прибытия регулярных войск восстание удалось подавить. Участники выступления были высланы, а их дома разрушены ([Северный Кавказ, 2007: 139–140](#)).

На Северо-Западном Кавказе крупных восстаний не происходило. Значительная часть местного населения на заключительном этапе Кавказской войны была выселена в Турцию. Оставшиеся горцы находились под плотной опекой властей. Но и здесь имели место выступления недовольного населения. Показательным примером является быстро подавленное властями восстание в ауле Ходзь Лабинского отдела Кубанской области в апреле 1868 г., в котором объединились землевладельцы и крестьяне, несмотря на противоречия их интересов.

Многочисленные протестные движения местного населения в 1860-х гг. были вызваны целым комплексом обстоятельств. Горцы с трудом адаптировались к новой системе административного управления и правового регулирования, которые приходили на смену старым механизмам и институтам, освященным многовековой традицией. Возмущение вызывал рост налогов, грозивший окончательно расстроить и без того подорванное многолетней войной хозяйство горца. К восстанию местное население толкали широко практиковавшиеся российскими властями принудительные переселения горцев на равнину. Роль запала играли и многочисленные слухи о готовящемся массовом крещении горцев и обращении их в казаков. Но самое важное, что коренное население не доверяло российским административно-правовым институтам, не верило в их справедливость и беспристрастность. Одним из многочисленных примеров такого отношения являются события 23 октября 1866 г. в Терской области. В этот день несколько десятков кабардинцев с тягловым скотом отправились за дровами в малокабардинский общественный лес, дорога к которому проходила через земли осетин из аула Эльхот. На обратном пути кабардинцев настигли несколько осетин, потребовавших отдать им быков за потраву травы на принадлежавших им землях. Кабардинцы отказались. После этого более 60 осетин перегородили дорогу кабардинцам, требуя быков за причиненный ущерб. Завязалась массовая драка, приведшая к жертвам с обеих сторон ([ЦГА КБР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 326. Л. 2](#)). Это показывает, что коренное население российского Северного Кавказа предпочитало обходить стороной имперские суды, нередко вставая на путь насилия, как единственный способ защитить свои интересы.

Отдельным сюжетом в истории протестного движения на Северном Кавказе второй половины XIX – начала XX вв. является мусульманское сопротивление. Российские власти видели главную угрозу для южной окраины империи в шариате и суфизме. Репрессии администрации обрушивались на представителей различных течений внутри суфизма. По этой причине среди противников официальных властей оказался и шейх братства Кадирия Кунта-Хаджи, который еще в ходе Кавказской войны призывал горцев к смирению и осуждал насилие. За эти призывы Кунта-Хаджи преследовался Шамилем и оказался вынужден в 1858 г. покинуть Кавказ. Вернувшись на родину в 1861 г. он продолжил проповедь своих убеждений. Число сторонников Кунта-Хаджи быстро достигло 5 тыс. человек. Растущая популярность шейха все больше беспокоила российские власти, которым всюду виделся призрак «мусульманского фанатизма». В начале 1864 г. Кунта-Хаджи был арестован и выслан в Новгородскую губернию, где вскоре скончался (1867 г.). Сподвижники шейха попытались добиться его освобождения, собравшись в январе 1864 г. в Шали. Имперская администрация не собиралась вступать в переговоры. Войскам был дан приказ разогнать собравшихся. В «шалинском деле» (в чеченской историографии это событие известно как «кинжальный бой») было убито по разным оценкам от 160 до 500 последователей Кунта-Хаджи ([Северный Кавказ, 2007: 141](#)). Арест почитаемого шейха и жестокая расправа с его мюридами спровоцировали целую серию выступлений и бунтов. В их подавлении участвовали регулярные части Кавказской армии, зачинщики отправлялись в сибирскую ссылку, а на провинившиеся общества накладывались контрибуции.

Протестное движение 1860-х гг. в крае было массовым и почти повсеместным. Но еще более серьезным испытанием для кавказской администрации стало вспыхнувшее в связи с началом Русско-

турецкой войны в 1877 г. восстание в Веденском округе во главе с молодым чеченцем Алибек-Хаджи Алдановым, провозглашенным имамом. Одним из его ближайших помощников стал вернувшийся из ссылки Умадуй. Повстанцы распускали слухи о слабости оставшихся в регионе русских войск, победах приближавшихся турок. В короткий срок численность повстанческих отрядов достигла 3 тыс. человек (Ковалевский, 1912: 17). Уже через месяц восстание охватило Дагестан. Здесь в восстании приняли участие жители 394 аулов (Магомеддадаев, Амирова, 2010: 20). Против повстанцев действовали регулярные войска численностью 25 тыс. человек при поддержке отрядов казаков и горской милиции.

На сторону восставших перешла часть знати, получившей от российских властей чины и оклады, а тех, кто сохранил верность присяге, безжалостно уничтожали. Однако в ряде сел, например, в Шали, сами жители не пустили к себе восставших. Только осенью регулярные войска нанесли им поражение, а окончательно подавить восстание удалось после сдачи Алданова, повешенного с десятью другими лидерами горцев. Восстание в Чечне и Дагестане 1877 г. напрямую примыкает к событиям Кавказской войны: оно вспыхнуло в районах, в числе последних признавших суверенитет империи Романовых. Тактика восставших, в рядах которых было немало родственников и потомков бывших участников Кавказской войны, напоминала действия имама Шамиля: рейды повстанческих отрядов, превращение крупных поселений в опорные точки сопротивления и др. Расчеты восставших на помощь Турции не оправдались. И этот факт также роднит восстание 1877 г. и борьбу Шамиля, надежды которого на силу османской армии в период Крымской войны оказались тщетными.

Восстание 1877 г. – последняя попытка остановить установление российского имперского суверенитета на Северном Кавказе. Участники восстания пытались копировать государственные структуры имама Шамиля, восстанавливать старые титулы и формы правления, но все это не имело большого успеха. Большая часть сельской администрации и горской милиции осталась верна «белому царю». Возродить имамат и вернуться к временам Кавказской войны оказалось невозможно.

После этого, казалось, на Северном Кавказе наступило продолжительное затишье. Многие считали Кавказ окончательно умиротворенным: «После покорения Кавказа народилось уже новое поколение, чуждое воинственным тревогам прошлого и успешнее, на уроке 1877 г., убедиться, к чему ведут минутные вспышки легкомысленной части населения» (Вайнахи, 2011: 169). Но в конце XIX в. представители местной администрации обращали внимание вышестоящего начальства на тревожные обстоятельства и негативные условия «народной жизни». В частности, отмечался «застой» в развитии горского населения Терской области, условия жизни которого не претерпели значительного изменения. Большинство горцев, исповедовавших ислам, нетерпимо относилось к христианскому населению области. На почве религиозного фанатизма возникала «масса убийств, разбоев и грабежей». Основной причиной такого удручающего положения считалась крайне низкая эффективность местной российской администрации, выполнявшей лишь полицейские функции (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 3). Образовавшимся вакуумом с успехом воспользовалась мусульманская элита, почти полностью подчинившая умы и общественную жизнь местного населения (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 5).

Пока в Петербурге обдумывали возможные преобразования, Кавказ вместе со всей империей устремился к масштабному кризису, вылившемуся в Первую русскую революцию 1905–1907 гг. Как и в других регионах страны, здесь проходили митинги, демонстрации и забастовки (особенно на нефтепромыслах и железных дорогах), но горцы значительно менее участвовали в революционном движении, чем представители других национальностей. Более того, именно из них формировались отряды внутренней стражи в центральных губерниях. Лишь ослабление власти привело к тому, что разбой и грабежи проявились «в размахе, небывалом со времен Турецкой войны» (Вайнахи, 2011: 214).

Начальник Терского областного жандармского управления 29 апреля 1905 г. писал, что «столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберегать от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 13). Даже во Владикавказе – административном центре Терской области – обстановка была крайне напряженной, на улицах происходили «перестрелки с вооруженными шайками горцев, устраивающих набеги на денежные кассы и склады казенного оружия, о селениях и станциях и говорить нечего: местная хроника положительно переполнена сообщениями о грабежах и убийствах, в которых потерпевшей стороной являются сельские и станичные жители» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 18–19).

В 1905–1907 гг. такая ситуация была характерна для всего Северного Кавказа. В горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей появились многочисленные банды разбойников-абреков. Порой они контролировали целые районы, устанавливая в условиях дефицита официальной власти и кризиса доверия к институтам российской администрации новый «справедливый» порядок. На примере стихийной канонизации погибших абреков, объявлявшихся святыми (шейхами) (Бобровников, 2002: 82) видно, как империя проигрывала борьбу в идеологической сфере. Причины абречества различались: его могли вызвать наряду с произволом властей и кровная месть, и корыстные мотивы, а среди абреков были и крестьяне, и представители

знати. Это не позволяет согласиться с присущим советской историографии отождествлением абречества с формой классовой борьбы.

Настоящую войну с абреками повел И.И. Воронцов-Дашков, назначенный кавказским наместником в феврале 1905 г. В своем секретном циркуляре от 14 сентября 1908 г., предназначавшемся губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края, наместник приказывал: «... периодически к 1–15 числам каждого месяца представлять мне через особый отдел Канцелярии наместника подробные сведения о случаях преследования, поимки и уничтожения разбойничьих шаек...» (ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756. Л. 1). Кроме того, в декабре того же года наместник предписывал главам областей и округов Кавказского края: «Увольнять со службы тех полицейских приставов и начальников участков и входить в установленном порядке с представлениями об увольнении тех уездных начальников, в районе которых разбои принимают хронический характер» (ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756. Л. 510б.).

Само воссоздание наместничества свидетельствовало о стремлении власти найти более эффективные способы управления регионом. Однако неумелые действия российской администрации, в частности, показательные акции по насильственному разоружению горцев, порой провоцировали их неповиновение (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 39). Ношение оружия мужчинами на Кавказе имело важный символический аспект, выступая в качестве признака свободного человека. Лишение оружия воспринималось горцами как посягательство на их социальный статус. Произвол властей подпитывал недовольство местного населения, а наиболее отчаянные пополняли отряды абреков. Бесконтрольное разоружение горцев спровоцировало столкновение воинских частей с чеченцами на базаре Гамурзиевского селения Веденского округа 14 марта 1909 г. Поэтому в Терской области порядок изъятия оружия был строго регламентирован (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 141).

Несмотря на все усилия, борьба с абречеством приняла затяжной характер. Символом бессилия российской администрации стали смелые действия отрядов, возглавляемых Зелимханом Гушмазукаевым. Самой отчаянной акцией абреков Зелимхана стало ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г., совершенное открыто, при свете дня. Секрет неуловимости Зелимхана был в его народной популярности. Для многих жителей Терской области он был далеко не просто удачливым бандитом, но борцом за справедливость. Иногда его имя связывалось с идеей продолжения борьбы, к которой мусульман Кавказа призывал и долгие годы возглавлял имам Шамиль. Российская агентура даже имела сведения, согласно которым в 1909 г. на съезде старейшин селений Терской и Дагестанской областей Зелимхан был провозглашен святым и великим имамом (Вайнахи, 2011: 251). Кроме того, часто он и его ближайшие сподвижники получали помощь и убежище от шейхов-зикристов (Императорская Россия, 2006: 423). Некоторые исследователи полагают, что самый известный абрек Северного Кавказа прямо «присоединился» к зикристам (Хутарев-Гарнишевский, 2014: 165). С другой стороны, есть свидетельства, указывающие на широкие связи Зелимхана с эмиссарами радикальной младотурецкой национально-патриотической организацией «Итигат», целью которой было создание «Великой Турции» от Средиземноморья до Тихого океана (Вайнахи, 2011: 251). Восстановить контроль над ситуацией в крае И.И. Воронцов-Дашкову удалось только к 1913 г., когда основные лидеры кавказского абречества, включая Зелимхана, были истреблены, а имперские власти расширили социальную базу поддержки проводимой политики.

Едва справившись с абреками, имперская администрация столкнулась с масштабными крестьянскими волнениями. Еще в 1911 г. в ауле Хакуринохабль Кубанской области произошло вооруженное восстание бывших крепостных крестьян против местной знати, получившее название «Мечетской войны», в котором участвовало около 500 человек. Через два года в Кабарде и Балкарии вспыхнули Зольское и Черекское восстания, ставшие наиболее крупными протестными выступлениями на Северном Кавказе в предреволюционный период. Численность участников Зольского восстания составляла от 1 до 12 тыс. человек (Цораев, 1963: 42). Черекское восстание поддержало не более 2 тыс. человек (Цораев, 1963: 52).

Восстания 1913 г. стали результатом многолетнего конфликта частных владельцев и рядовых общинников, механизм формирования которого был заложен еще в ходе «великих реформ» на Северном Кавказе. Новые правила землепользования, вводимые российской администрацией, были воплощением несправедливости и произвола в глазах местного населения. Вожак восставших крестьян Пшемахо Ирижев на предложение сельского судьи решить вопрос в рамках закона ответил: «У нас отняли землю, не спрашивая нас, отнимем и мы» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 90). Расследуя события Зольского восстания, власти пришли к оптимистичному выводу, что «причина происшедших беспорядков отнюдь не носила революционного характера...» (ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 58. Л. 19). Но уже через несколько лет падение центральной власти вызвало сильные потрясения в регионе.

Тяготы начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны сказывались и на положении населения Северного Кавказа. Недовольство горцев вызвал императорский указ «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», подписанный Николаем II 25 июня 1916 г. Указ вызвал многочисленные протесты в «азиатских» провинциях империи. Особенный размах протестное движение приобрело в

Туркестане. Но и на Северном Кавказе горцы выступили против российской администрации с оружием в руках. Наиболее крупные восстания вспыхнули в Хасавюртовском округе и Караногайском приставстве, где число восставших достигало 3–4 тыс. человек (История Северного, 1988: 560). Протесты, прокатившиеся по Кабарде, Балкарии, Чечне и Ингушетии были с трудом локализованы властями при помощи казаков и армейских частей.

5. Заключение

Российской империи так и не удалось превратить Северный Кавказ в простое продолжение внутренних губерний. Кавказская война сформировала у многих горцев взгляд на имперскую администрацию как на враждебную силу. Проведенные реформы, трансформировавшие общественный и экономический уклад края, вызвали массовое недовольство населения. Эти факторы определили всплеск протестного движения в 1860-е гг. Подавленное силой возмущение превратилось в глухой ропот недовольных горцев. Относительное затишье сменилось наиболее масштабным во второй половине XIX столетия вооруженным выступлением – восстанием 1877 г. Жесткие меры, предпринятые империей, вновь лишь на время стабилизировали положение. Ослабление центральной власти, вступление России в начале XX в. в полосу затяжного политического кризиса – расшатали имперский закон и порядок на Кавказе.

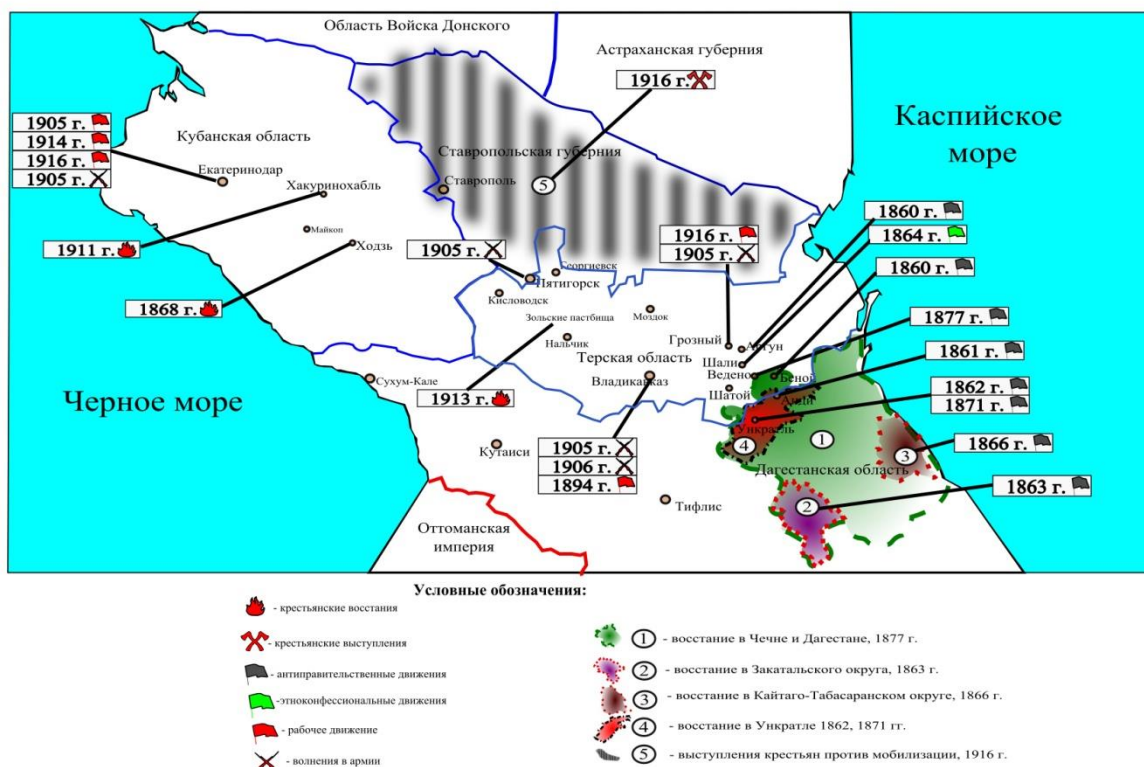

Рис. 1. Протестные движения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

Последний кавказский наместник – великий князь Николай Николаевич, сменивший И.И. Воронцова-Дашкова летом 1915 г., докладывая императору о необходимости проведения на Кавказе самых широких реформ во всех областях местной жизни, со смешанным чувством удивления и тревоги писал: «... нельзя не признать, что за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия» (Кавказ и Российская, 2005: 543).

5. Благодарности

Разделы 1, 4, 5 выполнены в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

Разделы 2, 3 выполнены в рамках поддержанного РНФ проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Литература

- Архив КБИГИ** – Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.
- Бобровников, 2002** – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
- Ботяков, 2004** – *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
- Вайнахи, 2011** – Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.
- Внукова, Челпанова, 2014** – *Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В.* Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 192 с.
- Восстания дагестанцев, 2001** – Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Книга 1. Махачкала: Фонд Шамиля, 2001. 279 с.
- Гасанов, 1997** – *Гасанов М.М.* Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60–70-е годы XIX в. Махачкала: Юпитер, 1997. 312 с.
- Гатагова, 2016** – *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 447 с.
- Гриценко, 1972** – *Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 278 с.
- Дементьева, 2013** – *Дементьева И.Н.* Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. №4 (66). С. 83–94.
- Императорская Россия, 2006** – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
- История Дагестана, 1968** – История Дагестана. Т. II / Под ред. Г.Д. Даниялова, В.Г. Гаджиева. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1968. 372 с.
- История Северного, 1988** – История Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: «Наука», 1988. 659 с.
- Кавказ и Российская, 2005** – Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.
- Кавказ, 1854** – Кавказ, 1854. 21 апреля.
- Клычников, Линец, 2006** – *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: «Спецпечать», 2006. 211 с.
- Ковалевский, 1912** – *Ковалевский П.И.* Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. Зелим-хан. СПб.: Типография М.И. Акинфиева, 1912. 98 с.
- Ковалевский, 2012** – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Кучково поле, 2012. 432 с.
- Магомеддадаев, Амирова, 2010** – *Магомеддадаев А.М., Амирова З.М.* Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 20–31.
- Матвеев, 2015** – *Матвеев В.А.* Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX вв. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. 150 с.
- Муханов, 2007** – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.
- Северный Кавказ, 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Тахнаева, 2015** – *Тахнаева П.И.* Наиб Байсангур из Беноя (по страницам биографии) // Кавказский сборник. Т. 9 (41) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. С. 67–75.
- Услар, 1868** – У[слар] П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 3–42.
- Хасбулатов, 1963** – *Хасбулатов А.И.* Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 75 с.
- Хлынина и др., 2012** – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
- Хутарев-Гарнишевский, 2014** – *Хутарев-Гарнишевский В.* Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI веков. Историческая компаративистика. Общественно-политический фон // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности. М.: НЛО, 2014. С. 160–182.
- ЦГА КБР** – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
- Цораев, 1963** – *Цораев М.М.* Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 60 с.

References

- Arhiv KBIGI** – Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij [Archive of the Kabardino-Balkar Institute of humanitarian researches].
- Bobrovnikov, 2002** – *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie. Očerki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana [The Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence. Essays on the history and Ethnography of the right of Upland Dagestan]. M.: Vostochnaja literatura, 2002. 368 s.
- Botjakov, 2004** – *Botjakov Ju.M.* Abreki na Kavkaze. Sociokul'turnyj aspekt javlenija [Abreki in the Caucasus. Socio-cultural aspect of the phenomenon]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 208 s.
- Vajnahi, 2011** – Vajnahi i imperskaja vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) [Vainakh and Imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the Soviet Union (early XIX to mid XX century)]. M.: ROSSPJeN, 2011. 1094 s.
- Vnukova, Chelpanova, 2014** – *Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashhenko I.V.* Social'no-politicheskaia naprijazhennost' v polijetnichnom regione [Socio-political tensions in the multiethnic region]. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2014. 192 s.
- Vosstanija dagestancev, 2001** – Vosstanija dagestancev i chechencev v posleshamilevskuju jepohu i imamat 1877 goda [The rebellion of the Dagestanis and Chechens in postshamil era and the Imamate 1877]. Kniga 1. Mahachkala: Fond Shamilja, 2001. 279 s.
- Gasanov, 1997** – *Gasanov M.M.* Nacional'no-osvoboditel'naja i klassovaja bor'ba narodov Dagestana v 60–70-e gody XIX v [National liberation and the class struggle of the peoples of Dagestan in the 60-70-s of the XIX century]. Mahachkala: Jupiter, 1997. 312 s.
- Gatagova, 2016** – *Gatagova L.S.* Severnyj Kavkaz v jepohu pozdnej imperii: priroda nasilija. 1860–1917 [The North Caucasus in the era of the late Empire: the nature of violence. 1860–1917]. M.: Novyj hronograf, 2016. 447 s.
- Gricenko, 1972** – *Gricenko N.P.* Gorskij aul i kazach'ja stanica Tereka nakanune Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revolucii [Highland village and Cossack stanitsa Terek on the eve of the Great October socialist revolution]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 278 s.
- Dement'eva, 2013** – *Dement'eva I.N.* Izuchenie protestnoj aktivnosti naselenija v zarubezhnoj i otechestvennoj nauke [Study the protest activity of the population in foreign and domestic science] // Problemy razvitija territorii. 2013. №4 (66). S. 83–94.
- Imperatorskaja Rossija, 2006** – Imperatorskaja Rossija i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov [Imperial Russia and the Muslim world (end of XVIII – beginning of XX century)]. Sost. D.Ju. Arapov. M.: Natalis, 2006. 480 s.
- Istorija Dagestana, 1968** – Istorija Dagestana [History Of Dagestan]. T. II / Pod red. G.D. Danijalova, V.G. Gadzhieva. M.: Glavnaja redakcija Vostochnoj literatury, 1968. 372 s.
- Istorija Severnogo, 1988** – Istorija Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the North Caucasus (end of XVIII century – 1917)] / Otv. red. A.L. Narochnickij. M.: «Nauka», 1988. 659 s.
- Kavkaz i Rossijskaja, 2005** – Kavkaz i Rossijskaja imperija: proekty, idei, illuzii i real'nost'. Nachalo XIX–nachalo XX vv [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. The beginning of the XIX–beginning of XX centuries]. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. 720 s.
- Kavkaz, 1854** – Kavkaz [Caucasus], 1854. 21 aprelja.
- Klychnikov, Linec, 2006** – *Klychnikov Ju.Ju., Linec S.I.* Severokavkazskij uzal: osobennosti konflikt'nogo potenciala (istoricheskie očerki) [The North node: features of conflict potential (historical essays)]. Pjatigorsk: «Specpechat'», 2006. 211 s.
- Kovalevskij, 1912** – *Kovalevskij P.I.* Vosstanie Chechni i Dagestana v 1877–1878 gg. Zelim-han [The uprising in Chechnya and Dagestan in 1877–1878. Zelim-khan]. SPb.: Tipografija M.I. Akinfieva, 1912. 98 s.
- Kovalevskij, 2012** – *Kovalevskij M.M.* Zakon i obyčaj na Kavkaze [The law and custom in the Caucasus]. M.: Kuchkovo pole, 2012. 432 s.
- Magomeddadaev, Amirova, 2010** – *Magomeddadaev A.M., Amirova Z.M.* Prichiny i posledstvija vosstanija 1877 goda v Dagestane v ocenke sovremennikov i issledovatelej [Causes and consequences of the revolt of 1877 in Dagestan in the assessment of contemporaries and researchers] // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2010. № 1. S. 20–31.
- Matveev, 2015** – *Matveev V.A.* Mezhetnicheskie konflikty na Severnom Kavkaze: opyt osmyslenija i protivodejstvija na rubezhe XIX – nachala XX vv [Ethnic conflicts in the North Caucasus: the experience of comprehension and reaction at the turn of XIX – early XX centuries]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. 150 s.
- Muhanov, 2007** – *Muhanov V.M.* Pokoritel' Kavkaza knjaz' A.I. Barjatinskij [Conqueror of the Caucasus Prince A. I. Baryatinsky]. M.: Centrpoligraf, 2007. 428 s.
- Severnyj Kavkaz, 2007** – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [The North Caucasus in the Russian Empire] / Otv. red. V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 s.
- Tahnaeva, 2015** – *Tahnaeva P.I.* Naib Bajsangur iz Benoja (po stranicam biografii) [Naib Baysangur from Bena (page of biography)] // *Kavkazskij sbornik*. T. 9 (41) / Pod red. V.V. Degoeva. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2015. S. 67–75.

Uslar, 1868 – U[slar] P. Koe-cto o slovesnyh proizvedenijah gorcev [Something about verbal essays of highlanders] // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. I. Otd. V. Tiflis: Tipografija Glavnogo upravlenija namestnika kavkazskogo, 1868. S. 3–42.

Hlynina i dr., 2012 – Hlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Rossijskij Severnyj Kavkaz: istoricheskij opyt upravlenija i formirovanija granic regiona [Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of region borders]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2012. 272 s.

Hutarev-Garnishevskij, 2014 – Hutarev-Garnishevskij V. Rossijskie specsluzhby, politicheskij islamizm i separatizm na Severnom Kavkaze v nachale XX i XXI vekov. Istoricheskaja komparativistika. Obshhestvenno-politicheskij fon [The Russian special services, political Islamism and separatism in the North Caucasus in the beginning of XX and XXI centuries. Historical and comparative studies. The socio-political background] // Bol'shoj Kavkaz dvadcat' let spustja: resursy i strategii politiki i identichnosti. M.: NLO, 2014. S. 160–182.

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archive of Kabardino-Balkar Republic].

Coraev, 1963 – Coraev M.M. Vosstaniya kabardinskih i balkarskih krest'jan v 1913 godu [The uprising of the Kabardian and Balkar peasants in 1913]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 60 s.

УДК 94 (479)

Протестные движения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начало XX вв.: причины, характер, значение

Амиран Тариелович Урушадзе ^a, Евгений Федорович Кринко ^{a, c 1}, Диана Дмитриевна Челпанова ^{a, c}, Алексей Александрович Иосько ^b

^a Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^c Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена протестному движению на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. Работа является первой из планируемого авторами цикла статей о протестном движении на Северном Кавказе на протяжении от второй половины XIX в. до начала XXI столетия. На основе анализа опубликованных и архивных свидетельств выделяются причины восстаний, а также их характер и значение. Корпус архивных материалов составили документы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Основными катализаторами протестов на южной окраине Российской империи были инерция Кавказской войны, масштабные административно-правовые новации, непродуманные действия коронных властей. В статье описываются наиболее крупные восстания горцев в указанный период, что позволяет проследить особенности различных этапов протестного движения на Северном Кавказе. Выступления 1860-х гг. стали реакцией традиционных горских социумов на имперскую модернизацию. Возмущение коренного населения вызывал рост налогов, грозивший окончательно расстроить и без того подорванное многолетней войной хозяйство горца. К восстанию горцев толкали широко практиковавшиеся российскими властями принудительные переселения горцев на равнину. Роль запала играли и многочисленные слухи о готовящемся массовом крещении горцев и обращении их в казаков. Но самое важное, что коренное население не доверяло российским административно-правовым институтам, не верило в их справедливость и беспристрастность. Восстание 1877 г. явилось последней попыткой остановить распространение российского суверенитета на Северном Кавказе. Участники восстания пытались копировать государственные структуры имамата Шамиля, восстанавливать старые титулы и формы правления, но все это не имело большого успеха. Предреволюционный период связан с системным политическим и управленческим кризисом в империи и эволюцией абречества, которая привела к появлению феномена «профессионального разбоя» на Кавказе.

Ключевые слова: Социальный протест, абречество, народные восстания, Первая русская революция (1905–1907), Северный Кавказ.

¹ Корреспондирующий автор

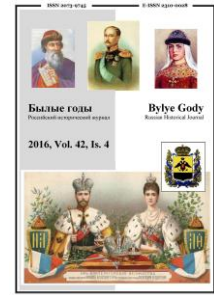
E-mail addresses: urushadze85@mail.ru (А.Т. Урушадзе), krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко), chelpanchic@gmail.com (Д.Д. Челпанова), aleksey.iosko@mail.ru (А.А. Иосько)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1208-1216, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

The Idea of Local Civilizations in Russian Historiosophy in the middle of XIX – beginning of XX centuries. Conservative and Liberal Aspects

Sergey Shestakov^{a, *}, Ruslan Kasimov^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article concerns the influence of local civilizations idea on Russian liberal historiosophy of the middle of XIX – beginning of XX centuries. It's known that the concept of local civilizations is connected with conservatism. Liberalism with its universalism is commonly opposed to local civilizations paradigm. However, Russian liberal historiosophy of mentioned period, stating cultural and economic “Russian social organism” immaturity acknowledges intermediacy of Russia as culture and civilization, her transitive status between tradition to liberal ideal. Depicting this intermediacy with historical and local boundaries Russian liberal historiosophy of the middle of XIX – beginning of XX centuries doesn't neglect local civilizations paradigm but creates its new implicit version.

Keywords: theory of local civilizations, intermediate civilization, universal civilization, conservatism, liberalism, historiosophy, N. Danilevsky, K. Leontyev, P. Vinogradov, P. Milyukov.

1. Введение

Проблема приоритета разработки теории локальных цивилизаций является дискуссионной. Впервые системно и последовательно эту теорию оформил Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» в рамках консервативного историософского идейно-политического дискурса. Книга «Россия и Европа» была негативно принята представителями либерального крыла российской историософии. Однако популярность «России и Европы» среди российской просвещенной публики была столь велика, что в течение достаточно короткого периода – с 1871 г. по 1895 г. – книга выдержала четыре издания. Высоко оценил главный труд Н.Я. Данилевского, в частности, его теорию культурно-исторических типов (или теорию локальных цивилизаций), Ф.М. Достоевский. Именно Данилевский ввел в историософский дискурс России парадигму локальных цивилизаций.

Теория локальных цивилизаций была в значительной мере расширена и обогащена в трудах консервативного философа К.Н. Леонтьева, который придал законченную форму проблеме места и роли российской цивилизации в системе мировых цивилизаций; по его убеждению, историческое будущее – не за западной, а за российской цивилизацией.

На поверхностный взгляд во второй половине XIX – начале XX вв. в российском дискурсе мы видим наличие двух взаимоисключающих историософских парадигм: с одной стороны – консервативной теории локальных цивилизаций, с другой – либерального универсализма и оптимистического прогрессизма. Однако изучение проблемы соотношения российских историософских парадигм (консервативной и либеральной), историософских стилей рассматриваемого периода выявляет более сложную и тонкую корреляцию: имеет место некое взаимопроникновение базовых идеологем в рамках рассматриваемой «цивилизационной» проблемы. Сложилось мнение, что российский либеральный историософский дискурс имманентно, априори отвергает цивилизационную парадигму. В представленном исследовании мы постарались доказать, что элементы «цивилизационной» идеологии в немалой степени латентно, а порой и открыто, присутствуют в рамках либерального российского историософского дискурса.

* Corresponding author

E-mail addresses: shestakovprof@gmail.ru (S. Shestakov), rhkasimov@mail.ru (R. Kasimov)

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников представлены труды историков середины XIX – начала XX вв. Выбраны труды наиболее типичных, по мнению авторов, представителей консервативного и либерального направления российской исторической науки этого периода. «Почвенники» Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев представляют собой виднейшие фигуры в ряду создателей российской цивилизационной парадигмы (Кузык, Яковец, 2006: 41-44). П.Г. Виноградов и его ученик П.Н. Милюков являлись одними из наиболее последовательных сторонников позитивизма и эволюционизма в исторической науке указанного периода и яркими представителями «западнического» и либерального направления российской историософии. «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова рассматриваются как «конкретно-историческое исследование локальных цивилизаций» (Кузык, Яковец, 2006: 45).

2.2. В работе применялся главным образом компаративный метод, позволяющий выявить общие элементы консервативного и либерального подхода в историософии указанного периода. Идея «локальных цивилизаций», выраженная эксплицитным и имплицитным способом, обнаружена посредством позитивной и негативной аналогии.

Метод системного анализа позволяет выявить системовыделяющие факторы, играющие решающую роль в развитии исследуемого объекта. В качестве системы представлена историософия середины XIX – начала XX вв. Элементами выступают контрарно противопоставленные консерватизм и либерализм. В качестве системовыделяющего фактора постулируется идея локальной цивилизации.

3. Обсуждение

История изучения проблемы локальных цивилизаций (названная Е.Б. Черняком «цивилюграфией» (Черняк, 1996)) представлена в работах И.Н. Ионова (Ионов, 2007), Б.С. Ерасова (Ерасов, 2002), Ю.В. Яковца (Яковец, 2003), Б.Н. Кузька и Ю.В. Яковца (Кузык, Яковец, 2006). Теория локальных цивилизаций, получившая большую популярность, начиная с последнего десятилетия прошлого века, развивалась такими мыслителями, как М.А. Барг, Л.И. Рейснер, Ю.Н. Афанасьев, Я.Г. Шемякин, М.Л. Мчедлов, Л.С. Васильев, Э.С. Кульпин, Ю.С. Пивоваров, и многими другими.

Термин «консерватизм» имеет ряд трактовок: он может пониматься и как тенденция к «сохранению статус-кво» (напр.: Brennan, Hamlin, 2004), и – более широко – как идеология, в основе которой лежит принцип опоры на традицию. Связь категорий «локальная цивилизация» и «консерватизм» рассматривается в книге С.А. Шестакова «Российский консерватизм: история и современность» (Шестаков, 2005). «Либерализм» и «локальная цивилизация» обычно воспринимаются как взаимоисключающие понятия. Однако идея локальной цивилизации, возникнув как продукт историософии XIX века, преформативно оказала воздействие и на либерально-ориентированные теоретические конструкты. Категория «либеральной суперцивилизации», разработанная А.С. Ахиезером, помогает говорить о существовании цивилизационного дискурса у либеральных мыслителей. «Промежуточная цивилизация», служащая медиатором между «традиционной» и «либеральной суперцивилизациями», обладает всеми признаками локальности (Ахиезер, 1997: 702-737). Следы подобного «гравитационного» влияния идеи локальной цивилизации обнаруживаются и у предшественников современных российских либералов – в трудах либеральных российских историков середины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Впервые фундаментальная работа по культурно-цивилизационной идентификации России была проделана славянофилами. Славянофилы были первыми, кто интуитивно, не системно, обозначили цивилизационную самость России как отдельную историософскую проблему. Вслед за славянофилами в процессе формирования и развития российского консерватизма важнейший вклад в оформление теории локальных цивилизаций внесли Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. У Данилевского и Леонтьева фундаментальный консервативный принцип об особости российского исторического пути, об обособленности российской цивилизации получил всестороннее научно-теоретическое, социально-философское обоснование, законченное оформление и концептуально целостный вид. Главная работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой впервые в систематизированном виде была изложена цивилизационная теория, увидела свет в 1869 году и оказала сильнейшее влияние, – и непосредственное, и опосредованное, – на формирование самого широкого спектра социально-политических доктрин.

Данилевский ввел понятие «культурно-исторический тип». При этом он отождествлял термины «культура» и «цивилизация» (в тексте Данилевского: «культурно-исторические типы, или цивилизации» (Данилевский, 1991: 88)). Теория культурно-исторических типов или, иначе говоря, теория локальных цивилизаций является отправным звеном концепции Данилевского. Он рассматривал культурно-исторические типы как самодостаточные организмы и категорически отвергал европоцентристские, прогрессистские концепции линейного, поступательного развития

человечества. Данилевский выделил несколько культурно-исторических, цивилизационных типов и сделал вывод о невозможности передачи культурных начал одного цивилизационного типа другому.

Основные принципы цивилизационного подхода, изложенные Данилевским, кратко сформулированы в четырех «законах». Постулировалось существование культурно-исторических типов, основой которых служит «всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою». Необходимым условием развития цивилизации является политическая независимость. «Начала цивилизации» одного культурно-исторического типа не передаются и не наследуются другими цивилизациями. «Полнота, разнообразие и богатство» цивилизации возможны только при разнообразии составляющих ее «этнографических элементов» (Данилевский, 1991: 91–92).

Со времени выхода в свет работы Данилевского цивилизационный подход претерпел значительные трансформации; ряд положений, выдвинутых автором «России и Европы», устарел, многие его утверждения были подвергнуты критике, однако принципы, сформулированные Данилевским, так или иначе, присутствуют у главных сторонников цивилизационной теории.

Единого определения термина «цивилизация» не существует, поскольку это сложное и многофункциональное понятие. Применительно к содержанию нашего исследования, думается, наилучшим образом подходит дефиниция, предложенная С. Хантингтоном: «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей» (Хантингтон, 1994). Фундаментальным принципом цивилизационного подхода является антиуниверсализм. У классиков цивилизационной теории на этот счет почти совпадающие утверждения. Данилевский: «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать» (Данилевский, 1991: 124). О. Шпенглер: «Человечество – пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем исторических форм, и на его месте перед нашими глазами обнаруживается неожиданное богатство настоящих форм» (Шпенглер, 1998: 59). А. Тойнби: «Тезис о «единстве цивилизаций» является ложной концепцией» (Тойнби, 1991: 81).

Цивилизация – это наиболее крупная историческая общность и наивысшая в иерархии устойчивых социумов. В рамках «цивилизационной» парадигмы сложилось устойчивое мнение о том, что Россия не принадлежит к «европейской», «германо-романской» (по Данилевскому), западной цивилизации. «Принадлежит ли ... Россия к Европе? – спрашивает Данилевский и отвечает, – К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит» (Данилевский, 1991: 59). Можно привести еще целый ряд цитат о непринадлежности России к Западу. Собственно говоря, этот тезис стал общим местом.

На основании своего анализа Данилевский выделяет Россию, и, шире, славянство, в самостоятельный культурно-исторический тип. Каждая цивилизация, по-своему, самоценна и самодостаточна, нет «худших» и «лучших» обществ, «ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами во всех сторонах развития» (Данилевский, 1991: 159).

Причина непринадлежности России к Европе – не географического, а культурно-исторического характера. «В сущности же, – пишет Данилевский, – и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии... Смысл (слова «Европа») очень полновесен – только он не географический, а культурно-исторический... Европа есть сама германо-романская цивилизация» (Данилевский, 1991: 58). Таким образом, принцип антиуниверсализма получает у Данилевского заверченный вид; антиуниверсализм является идейным каркасом, на котором выстроена концепция автора «России и Европы». Автор «России и Европы» настаивал на принципиальной невозможности и опасности переноса западноевропейских общественно-политических институтов на российскую почву. Данилевский стал, пожалуй, одним из первых радикальных «идеологических» антизападников в России.

Культурно-цивилизационную концепцию Данилевского развил и поставил на более высокий уровень социально-философской рефлексии К.Н. Леонтьев, который считал себя учеником Данилевского, но, в отличие от последнего, выдвигавшего идею всеславянской федерации, не являлся панславистом. Леонтьев не был оценен большинством современников: либеральная интеллигенция считала его реакционером и мракобесом. В век прогресса и просвещения Леонтьев отвергал либеральные ценности и призывал к средневековым, как казалось, порядкам. Взгляды Леонтьева понимались прямолинейно, без малейших попыток осознать их глубину и многозначность. После смерти Леонтьева, предвидя надвигающиеся социальные потрясения всемирно-исторического масштаба, видные российские мыслители смогли оценить силу его философского и пророческого дара. Н.А. Бердяев охарактеризовал К.Н. Леонтьева как «самого крупного, единственно крупного мыслителя из консервативного лагеря, да и вообще одного из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе» (Бердяев, 1991: 108).

Леонтьев негативно оценивал происходящие у него на глазах процессы социальной эмансипации, культурно-национальной нивелировки, интернационализации общественной жизни – по его выражению, «либерального всесмещения». Западная Европа идет, как он считал, к ее вырождению и культурно-цивилизационному краху. «Европейская революция, – писал Леонтьев, –

есть всеобщее смешение, стремление уравнивать и обезличить людей в типе среднего, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека» (Леонтьев, 1992а: 283).

Отвергая, вслед за Данилевским, идею общечеловеческой цивилизации, как разрушительную, уничтожающую национальную самобытность, как опасную либеральную утопию, Леонтьев противопоставлял ей национализм: «Дисциплина национальных нравов для обществ, – указывал он, – спасительнее самых привлекательных качеств общечеловеческой нравственности» (Леонтьев, 1996: 223). Общечеловеческое, универсальное, Леонтьев понимал только как совокупность различных цивилизационных сообществ, как многоцветье национальных культур при уникальности и неповторимости каждой из них.

Леонтьев был решительным противником принципа национализма «по крови» («любить племя за племя – натяжка и ложь» (Леонтьев, 1996: 108)), выдвигая принцип «цивилизационного» национализма: «Истинное (то есть культурное, обособляющее нас в быте, духе, учреждениях) славянофильство (или – точнее – культуруфильство) должно стать жестоким противником опрометчивого ... панславизма» (Леонтьев, 1992b: 496). Таким образом, Леонтьев в процессе своей консервативной рефлексии поднимается на качественно новый, высший уровень – цивилизационный. Он четко и недвусмысленно очерчивает границы объекта охранения – российская цивилизация. Кровно-племенной признак при этом играет малозначущую, по Леонтьеву, роль; главный признак – культурно-цивилизационный: «Русским в наше время надо ... стремиться к самобытности духовной, умственной и бытовой» (Леонтьев, 1992b: 496). Принцип «цивилизационного» национализма, «цивилизационизм» (мы сочли возможным в данном случае предложить этот термин) – важнейший вклад К.Н. Леонтьева в российскую консервативную мысль.

Леонтьев отворачивается от либерально-эгалитаристской Европы и обращает свой взор к Азии. Будущее России, по Леонтьеву, – в союзе с азиатским политическим и культурно-цивилизационным пространством. Леонтьев впервые выдвинул тезис о России как особой, православно-мусульманской цивилизации; по отношению к народам России он употребляет термин «загадочные славяно-туранцы». Характеризуя культурно-исторический облик России, он пишет: «Только у нее и существует уже, и зарождается, и может ... развиться дальше – многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатцам, ни Западу, ни Востоку» (Леонтьев, 1996: 357). Леонтьев, хотя и не употреблял понятие «Евразия» по отношению к российской цивилизации, фактически явился основоположником концепции евразийства.

К.Н. Леонтьев был твердо убежден во всемирно-исторической миссии России. Он полагал, что либерально-капиталистический путь человечества близок к своему завершению; заря нового мира восходит на Востоке, и центром этого мира, безусловно, станет Россия. Леонтьев провозглашал: «Россия – глава мира возникающего; Франция – представительница мира отходящего» (Леонтьев, 1996: 166).

Данилевский и Леонтьев, несмотря на очевидную, во многом, несхожесть их взглядов, вошли в историю российской политической мысли как создатели историсофской концепции, всесторонне обосновывающей цивилизационную особость и самодостаточность России, объяснившие глубинные причины неустрашимого, на их взгляд, противостояния России и Запада. Данилевский, а вслед за ним Леонтьев, призывали окончательно распрощаться с Западом и идти своим российским путем.

Идентификация России как особой культурно-цивилизационной общности идущей по своему, отличному от Западной Европы историческому пути, приняла в работах В.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева законченную форму. Принципиальным пунктом является то обстоятельство, что оформление теории локальных цивилизаций как историсофской методологической парадигмы, произошло в рамках российского консервативного дискурса.

Методологическая значимость теории локальных цивилизаций очевидна: эвристический потенциал этой теории открывает все новые горизонты. Парадокс: цивилизационная концепция, возникшая как обоснование самоценности и самодостаточности локального, приобрела универсальную природу, применяется как универсальный методологический инструмент интернационального общепринятого формата, когда авторство идеи отходит уже на второй план.

В связи с указанным, оформленным современной реальностью, обстоятельством частичного «отрыва» одной из системообразующих идеологием (т. е. теории локальных цивилизаций) от базового консервативного корня и отправления ее в свободное плавание, проблема корреляции консервативной и либеральной историсофии приобретает новые неожиданные ракурсы.

Политически ангажированное понятие «либерализм» имеет в современном российском культурно-историческом дискурсе множество трактовок. В обыденном словоупотреблении через средства массовой информации либерализм часто понимают как синоним социальной несправедливости, неравенства и несвободы, понятие морально и социально негативное. Подобная метаморфоза кажется парадоксальной, если рассмотреть этимологию слова «либерализм», значением корня которого является «свобода». Относительно же неравенства достаточно вспомнить своеобразный манифест либерализма, автором которого стал известный теоретик Р. Дворкин: «Я собираюсь обосновать тезис о том, что главным нервом либерализма является определенная концепция равенства, которую я назову либеральной» (Дворкин, 1998: 46).

Несмотря на внутренние противоречия, исторически присущие либерализму как идеологии и теории (Gaus, 2000), по умолчанию признаются основные принципы «liberal settlement», предполагающие определенное постоянство «на протяжении длительного времени» (Дворкин, 1998: 47). Определение этих принципов вызывает значительные затруднения у самих теоретиков либерализма. Тем не менее, всеми теоретическими версиями признается универсальность двух «политико-экономических механизмов», без которых было бы невозможно «равное распределение». Речь идет о рынке и представительной демократии (Дворкин, 1998: 62-63).

Для противников либерализма эта доктрина выступает как «новая религия человечества», основой которой являются «права человека» (Бенуа, 2009: 339). «Идеология прав человека рассматривает объединенное человечество одновременно как фактически данное и как идеал, как сущее и как должное существовать, иными словами, как истину в потенции», – пишет известный современный мыслитель консервативного толка А. де Бенуа (Бенуа, 2009: 351). Подчинение единообразным законам подразумевает создание единообразного человечества, что приравнивает либерализм к «философии одинаковости».

В современной России «бытовой» патриотизм и «номенклатурный» консерватизм, транслируемые СМИ, строятся, большей частью, на негативной основе – отрицании либерализма. Либерализм представляется как главная угроза российской цивилизационной идентичности. Но за рамками этой критики остается вопрос о корнях российского либерализма. «Бытовой патриот» и официальный журналист обычно придерживаются конспирологических теорий.

Подобные построения совершенно антиисторичны и являются мировоззренческим паллиативом. Несмотря на то, что либерализм действительно не имел глубоких корней в отечественной мысли, в «классический» период российской философии и историософии (XIX – нач. XX вв.) было немало оригинальных мыслителей либерального направления. Например, А.В. Малинов и А.В. Прохоренко выделяют «либерально-академическое» направление философии истории в указанный период. Среди ученых-либералов перечисляются такие значительные имена, как М.М. Сталюсевич, В.И. Герье, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, П.Н. Милуков, Р.Ю. Вишпер, А.А. Лапшо-Данилевский (Малинов, Прохоренко, 2010: 158–222).

Работы указанных ученых наводят на мысль: в Российской империи либерализм понимался совершенно иначе, чем сегодня. И этот факт наиболее заметен в отношении либеральных мыслителей к краеугольному камню консерватизма – проблеме цивилизационной идентичности.

Сторонник либерализма во второй половине XIX века понимается как «политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще желающий большой свободы народа и самоуправления» (Даль, 1881: 255). Либерализм представляется как «политическое направление, противоположное консерватизму; в философии и религии он противопоставляется ортодоксальности... в общем, (либерализм) есть стремление к общественным реформам, имеющем целью свободу личности и общества, а также к свободе человеческого духа от стеснений, налагаемых церковью, традицией и т.д.» (Энцикл., 1896: 632). В отличие от современной интерпретации, либерализм не воспринимается как феномен, возникший в Новое время, и мыслится как внеисторическое явление: «либеральные стремления можно найти уже в глубокой древности» (Энцикл., 1896: 632).

Здесь под такое определение либерализма попадают социалисты, анархисты и даже радикальные славянофилы. Но, стараясь сохранить понятийную преемственность, сосредоточим свое внимание на мыслителях, которым, хотя бы отчасти, свойственны элементы современного «liberal settlement». В российском дискурсе XIX – начала XX века ближайшими предшественниками современного либерализма были мыслители, разделяющие идеи западничества и позитивистские методы исследования общества и истории.

Видным представителем либерализма в этом узком значении был историк и правовед П.Г. Виноградов (1854–1925), который в последние годы жизни, удостоенный звания баронета и ставший подданным Британской империи, не скрывал своей англофилии: «Даже во время политического соперничества между Англией и Россией среди русского общества было немало почитателей английской культуры и правового строя. К числу таких почитателей принадлежал всегда и пишущий эти строки» (Виноградов, 2010: 377). В области метода Виноградов был сторонником британской версии позитивизма. Рассматривая «сущность и особенности исторического процесса», Виноградов отмечал, что «точкой отправления мы можем взять формулу Спенсера, которая ... имеет то преимущество, что она предполагает лишь простейшие наблюдения над явлениями природы и не требует прямо, подобно формуле Гегеля, таких значительных допущений, как допущение тождества мысленного и мирового процессов» (Виноградов, 2010: 66).

Виноградов использовал в своих научных трудах термин «цивилизация» в распространенном в то время нормативном значении высшего уровня прогресса рациональности и знания, социальной эволюции. В этом отношении историк был преемником идеи «прогресса цивилизации» Ж.А. Кондорсе. Естественно воплощением вершин социокультурного прогресса является Западная Европа. А.В. Антощенко описывает историософскую позицию Виноградова: «Всемирно-исторический процесс представлялся как распространение достижений цивилизации передовых европейских народов сначала в Европе, а затем и на других материках» (Виноградов, 2010: 21).

Несмотря на либеральное мировоззрение Виноградов признавал существование различных типов социокультурных систем, которые он, сообразно позитивистской методологии, называл «общественными организмами» (Виноградов, 2010: 71). Эти «организмы» обладают достаточной мерой самостоятельности и совокупностью индивидуальных характеристик, чтобы не быть простыми ступенями восхождения к абсолюту. «Общественные организмы» если не эквивалентны, то изомерны культурно-историческим типам Н.Я. Данилевского, также разделявшего социокультурный органицизм. В полном соответствии с идеями славянофилов либерал Виноградов соглашается с фактом уникальности российской цивилизации. «...Признавая возможность заимствования достижений западной цивилизации, Виноградов подчеркивал необходимость учета своеобразия «национального организма» России», – пишет А.В. Антощенко (Виноградов, 2010: 23).

В противоположность тяготеющим к ризоматическим построениям современных либеральных мыслителей, обособленные «общественные организмы» представлены как иерархические структуры, выстраиваемые от низшего к высшему: от семьи, рода и племени к государству и церкви. Виноградов подчеркивает «самопроизвольность» их развития и независимость от «общественного договора», поддерживаясь «более молчаливой солидарностью своих членов, чем определенными их соглашениями» (Виноградов, 2010: 68). Здесь прослеживается тенденция дерационализации социальной материи, каковая прослеживается у мыслителей консервативного направления. Но если у Виноградова дерационализация строится на основаниях витализма, то консервативная тенденция – на основаниях трансцендентных.

Историк признает несколько видов «общественных форм». Прежде всего, это «общественные союзы», которые преследуют «свои цели или снабжены определенной властью, в которой выражается как бы коллективная воля союза». Примером «общественного союза» выступают церковь и государство. Характерной чертой «союзов» является преобладание коллективного над индивидуальным. «Общественные группы», наоборот, не обладают властью, но имеют сознание обособленности от среды и характеризующие их «исторические черты». Эти качества сегодня назвали бы идентичностью. Примером «общественной группы» является народ. Наконец, выделяется «антропологический тип», лишенный не только власти, но и идентичности (Виноградов, 2010: 68). Очевидно, верный идеям эволюционизма, Виноградов рассматривает каждый «общественный организм» как прогрессивное развитие от «типа» к «союзу».

Глубокое противоречие построений Виноградова кроется в несовместимости социального эволюционизма, восходящего к Конту, Спенсеру и Тейлору, (признающего наличие исторической вершины развития, отождествляемой с модернистской Европой, и автоматически принимающего сравнительную неполноценность «антропологических типов» и «общественных групп») и, во многом бессознательного принятия социоисторического плюрализма (утверждающего принципиальное равенство «общественных организмов»). В статье «Англия и Россия» автор предлагает не только реформирование России (движение России к Западу), но и считает необходимым понимание европейцами характера российского бытия (движение Запада к России): «Именно в направлении ознакомления западных людей с настоящей Россией и приближения России на всех путях к идеалам гражданственности и права ... лежит залог всех дальнейших успехов – и дипломатических, и военных» (Виноградов, 2010: 382).

В работах Виноградова постоянно обнаруживается невысказанная, «самопроизвольная», идея локальности и множественности цивилизаций, тем более очевидная, что она постоянно вступает в противоречие с его сознательными позитивистскими установками. Здесь же обнаруживается социальный дуализм Виноградова, в противоположность «liberal settlement», оправдывающего важность коллективной идентичности наряду с индивидуальной: «История не только отбирает то, что есть наиболее выдающегося в жизни великих людей; она показывает также степень важности тех коллективных событий, в которых каждый человек принимает участие» (Виноградов, 2010: 88).

Другим примером либерального мировоззрения могут послужить работы П.Н. Милокова (1859–1943), почетного доктора Кембриджского университета, лидера Конституционно-демократической партии, министра иностранных дел Временного правительства. Один из родоначальников «истории культуры», «внутренней истории», которую он противопоставил истории «внешней», политической и прагматической.

Не отрицая «целесообразности» исторического процесса, Милоков в духе позитивистской «теории трех стадий» полагал, что философия истории – анахронизм, которому не место в современном мире. Философию истории, как опосредующее звено между собственно историей, занимающейся поиском причин, и политикой, занятой поисками целей истории, должно заменить социологией, или «теорией прогресса» (опять же в духе О. Конта) (Милоков, 1896: 7). Предпочтение исторического анализа (в противоположность синтезу), «дедукция» и сциентизм позволяют также атрибутировать методы историка как позитивистские. Индивидуализм, эта известная черта либерализма, также разделяется историком: «... индивидуальное сознание, несомненно, является носителем коллективного сознания...» (Милоков, 1901: 5).

Милоков в отличие от Виноградова не видел качественного социально-культурного своеобразия России: «...качественно, по существу... ход этого развития (России) ничем не отличается от подобного же процесса в любой стране... (исторический) процесс... представляет количественные

различия и особенности...» (Милуков, 1901: 12). Тем не менее, проблема национальности играет большую роль в историософии ученого. Национальности, понимаемой как чисто социологическое явление, дается следующее определение: «Национальность есть социальная группа, располагающая таким единственным и необходимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшая себе постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия» (Милуков, 1901: 7).

Для Милукова характерно противопоставление «органического периода», который характеризуется становлением «националистических идеалов» и «критического периода» истории, когда происходит ослабление военной деятельности нации, возникновение значительного разнообразия интересов внутри нее и мирное взаимодействие с соседними народами. Этот космополитический утопизм наиболее близок современному российскому либерализму (Милуков, 1901: 9–13).

Но согласно Милукову, количественная разница между развитием Европы и России предопределяет различие в скорости протекания эволюционных процессов. В этом отношении можно говорить о существовании особого культурного и исторического феномена, с одной стороны сверхнационального (так как русская культура перешагнула порог «органистического периода» в XVIII в. (Милуков, 1901: 12)), а с другой стороны не достигнутого уровня периода «критического», или как принято сегодня говорить – уровня «мировой цивилизации». То есть цивилизация в России уже есть, но с недостаточным уровнем «сознательности». Этот уровень исторической эволюции вполне правомерно было бы назвать периодом локальной цивилизации.

Таким образом, в построениях Виноградова и Милукова Россия представлена в виде своеобразной «промежуточной цивилизации» (в терминологии С.А. Ахиезера), переходной от традиционализма к либерализму. Современный мыслителям «общественный организм» имеет границы не только исторические, но и локальные, что позволяет предположить наличие парадигмы локальной цивилизации и в либеральной историософии сер. XIX – нач. XX вв.

5. Заключение

Идея локальной цивилизации представлена в трудах историков середины XIX – начала XX вв. эксплицитно и имплицитно. Первое характерно для историков консервативной ориентации, второе – для либеральных историков.

Если консервативные концепции локальных цивилизаций, примером которых служат «культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского и «общественные организмы» К.Н. Леонтьева, общеизвестны и хорошо изучены, то латентные образы российской цивилизации в работах мыслителей либерального направления мало исследованы.

Однако идея цивилизации представляет собой бессознательный, точнее предсознательный фактор, явно не упоминаемый, но мощным образом влияющий на теоретические построения либеральных историков. Как было указано, эта лакуна в системе П.Г. Виноградова проявляется как методологическое противоречие, а в системе П.Н. Милукова – как умолчание. Но тот и другой историк подразумевают существование уникального социоисторического сверхорганизма, сегодня именуемого «локальной цивилизацией». В противном случае, устранив этот фактор, либералы перестали бы быть историками, ведь историческая рефлексия невозможна, как писал Г. Риккерт, без «индивидуализирующего понимания» (*individualisierende Auffassung*). «История, поскольку конечной целью ее является изображение объекта во всей его целостности, не может пользоваться генерализующим методом, ибо последний, игнорируя единичное как таковое и отвлекаясь от всего индивидуального, ведет к прямой логической противоположности тому, к чему стремится история» (Риккерт, 1998: 144).

Литература

- Ахиезер, 1998 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: от прошлого к будущему. Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1997. 804 с.
- Бердяев, 1995 – Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: pro et contra. Т. I, II. М., 1991. 736 с.
- Виноградов, 2010 – Виноградов П.Г. Избранные труды. М., 2010. 632 с.
- Бенуа, 2009 – Бенуа А. де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории). СПб., 2009. 476 с.
- Даль, 1881 – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб., М., 1881. 807 с.
- Данилевский, 1991 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. 576 с.
- Дворкин, 1998 – Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Кимлика и др. М., 1998. 248 с.
- Ерасов, 2002 – Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002. 524 с.
- Ионов, 2007 – Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007. 499 с.

- Кузык, Яковец, 2006 – Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т.1: Теория и история цивилизаций. М., 2006. 768 с.
- Леонтьев, 1992a – Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М., 1992. 544 с.
- Леонтьев, 1992b – Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М., 1992. 318 с.
- Леонтьев, 1993 – Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. 400 с.
- Леонтьев, 1996 – Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1996. 800 с.
- Малинов, Прохоренко, 2010 – Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. СПб., 2010. 256 с.
- Милоков, 1896 – Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть первая. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896. 223 с.
- Милоков, 1901 – Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть третья. Национализм и общественное мнение. СПб., 1901. 424 с.
- Риккерт, 1998 – Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
- Тойнби, 1991 – Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. 736 с.
- Хантингтон, 1994 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 34.
- Черняк, 1996 – Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. М., 1996. 381 с.
- Шестаков, 2005 – Шестаков С.А. Российский консерватизм: история и современность. Тюмень, 2005. 254 с.
- Шпенглер, 1998 – Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1998. 637 с.
- Энцикл., 1896 – Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XVIIa. СПб., 1896. 960 с.
- Яковец, 2003 – Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. 441 с.
- Brennan, Hamlin, 2004 – Brennan G., Hamlin A. Analytic Conservatism // British Journal of Political Science. 2004. Vol. 34. Issue 4. P. 675-691.
- Gaus, 2000 – Gaus G. F. Liberalism at the end of the century // Journal of Political Ideologies. 2000. Issue 5 (2). p. 179-199.

References

- Achiezer, 1998 – Achiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: the Criticism of Historical Experience]. Novosibirsk: 1997. 804 p.
- Berdyayev, 1995 – Berdyayev N.A. K. Leontyev – filosof reaktsionnoy romantiki [C. Leontyev – philosopher of reactionary romantics] // Konstantin Leontyev: pro et contra. T.I, II. М., 1991. 736 p.
- Vinogradov, 2010 – Vinogradov P.G. Izbrannyye trudy [Selected Works]. М., 2010. 632 p.
- Benoist, 2009 – Benoist A. Protiv liberalisma [Against Liberalism] – SPb., 2009. 476 p. [in Russian]
- Dal, 1881 – Tolkovyiy slovar velokoruskogo yazyka V. Dal'ya [Explanatory Dictionary of Russian Language by V. Dal]. V. 2. SPb., М., 1881. 807 p.
- Danilevsky, 1991 – Danilevsky N.Y. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. М., 1991. 576 с.
- Dworkin, 1998 – Dworkin R. Liberalism // Sovremenny liberalizm [Modern Liberalism]. М., 1998. 248 p. [in Russian]
- Yerasov, 2002 – Yerasov B.S. Tsivilisatsii: universalii i samobytnost [Civilizations: Universals and Individuality] М., 2002. 524 p.
- Ionov, 2007 – Ionov I.N. Tsivilisatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeistviya [Civilisational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Cooperation]. М., 2007. 499 p.
- Kuzyk, Yakovetz, 2006 – Kuzyk B.N., Yakovetz Y.V. Tsivilisatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushee [Civilizations: Theory, History, Dialog, Future]. V. 1. М., 2006. 768 p.
- Leontyev, 1992a – Leontyev K.N. Zapiski otshelnika [Hermit Writings] М., 1992. 544 p.
- Leontyev, 1992b – Leontyev K.N. Tsvetuschaya slozhnost [Flourishing Complexity]. М., 1992. 318 p.
- Leontyev, 1993 – Leontyev K.N. Izbrannoe [Selected Works]. М., 1993. 400 p.
- Leontyev, 1996 – Leontyev K.N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo [The East, Russia and the Slavic]. М., 1996. 800 p.
- Malinov, Prochorenko, 2010 – Malinov A.V., Prochorenko A.V. Filosofiya istorii v Rossii [Philosophy of History in Russia]. SPb., 2010. 256 p.
- Milyukov, 1896 – Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoy kultury [Essays on History of Russian Culture]. P.1. SPb., 1896. 223 p.
- Milyukov, 1901 – Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoy kultury [Essays on History of Russian Culture]. P. 3. SPb., 1901. 424 p.
- Rickert, 1998 – Rickert H. Natural Sciences and Cultural Sciences. М., 1998. 413 p. [in Russian]
- Toynbee, 1991 – Toynbee A. Understanding of History. М., 1991. 736 p. [in Russian]
- Huntington, 1994 – Huntington S. The Clash of Civilizations? *Politicheskie issledovaniya*. 1994. № 1. P. 34. [in Russian]
- Chernyak, 1996 – Chernyak E.B. Tsiviliografia: nauka o civilisatsii [Civiliography: Science on Civilisation]. М., 1996. 381 p.

- Shestakov, 2005** – *Shestakov S.A.* Rossiskiy conservatism: istoria i sovremennost [Russian Conservatism: History and Modernity]. Tyumen, 2005. 254 p.
- Spengler, 1998** – *Spengler O.* Decline of the West. T.1. Rostov-na-Donu, 1998. 637 p. [in Russian]
- Encycl, 1896** – Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. V. XVIIa. SPb., 1896. 960 p.
- Yakovets, 2003** – *Yakovets Y.G.* Globalizatsia i vzaimodeystvie tsivilisatsiy [Globalization and Cooperation of Civilizations]. M., 2003. 441 p.
- Brennan, Hamlin, 2004** – *Brennan G., Hamlin A.* Analytic Conservatism. *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34. Issue 4. P. 675-691.
- Gaus, 2000** – *Gaus G.F.* Liberalism at the end of the century. *Journal of Political Ideologies*. 2000. Issue 5 (2). P. 179-199.

УДК 930

Идея локальных цивилизаций в отечественной историософии середины XIX – начала XX вв.: консервативный и либеральный дискурсы

Сергей Александрович Шестаков ^{a, *}, Руслан Харисович Касимов ^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается влияние идеи локальных цивилизаций на российскую либеральную историософию середины XIX – начала XX вв. Концепция локальных цивилизаций считается связанной с консерватизмом. Либерализм, одной из главных идеологием которого является универсализм, противопоставляется парадигме локальных цивилизаций. Однако российская либеральная историософия указанного периода, признавая культурно-экономическую незрелость российского «общественного организма» и его дистанцированность от либерального идеала, предполагает «промежуточность» России как культуры и цивилизации, как переходной от традиции к либеральному идеалу. Очерчивая эту «промежуточность» историческими и локальными границами, российская либеральная историософия этого периода фактически не отрицает парадигму локальных цивилизаций, а создает ее новую, имплицитную версию.

Ключевые слова: теория локальных цивилизаций, промежуточная цивилизация, универсальная цивилизация, консерватизм, либерализм, историософия, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: shestakovprof@gmail.ru (С.А. Шестаков),
rhkasimov@mail.ru (Р.Х. Касимов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1217-1223, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

The Evolution of the Political Activity of the Guild Merchants of Yenisei province (second half of XIX – early XX centuries)

Irina O. Tuman-Nikiforova ^{a, *}, Valery I. Fedorchenko ^a, Natalia V. Pashina ^a, Igor I. Krylov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The paper investigates the evolution of the political activity and the political culture of the guild merchants of Yenisei province in the second half XIX – early XX centuries. On the basis of archival materials considered the chronology of the process, motives, forms and specifics of business involvement in regional political organizations, conducted a comparison of the phenomena studied in the Yenisei province to other regions of the Russian Empire, identified factors that determined the transformation of the political views of the merchants over the post-reform period.

On the basis of the participation of the guild merchants in the political life of the Yenisei province, the authors came to the conclusion that at the beginning of the test period, the political culture of the Yenisei merchants had mostly traditional, passively subservient character. Since the end of the XIX century. as a result of the emerging civil revitalization of the merchant community, its political culture began to take on characteristics of modernization, such as: awareness of class and regional interests expressed through claims of representation in the government.

Keywords: guild merchants, Yenisei Province, representative organizations, the modernization, the party of the bourgeoisie congresses, political activities, liberalism, conservatism, monarchism.

1. Введение

Вторая половина XIX – начало XX вв. в истории Российской империи – время, болезненной трансформации традиционных политических институтов (монархизм, патриархально-подданические ориентиры) в модернизационные (демократия, представительская власть, либерализация общества). Эволюция политической системы вовлекла предпринимательские слои в политическую сферу, которые в дореволюционной России, особенно Сибири, в массе своей были представлены гильдейским купечеством. Эволюция политической деятельности гильдейского купечества Енисейской губернии (Красноярский, Ачинский, Канский, Минусинский, Енисейский уезды) позволяет проследить процесс политической трансформации российской глубинки от традиционных политических моделей к индустриальным. Исследование политической эволюции в Енисейской губернии, через анализ деятельности местного купечества в рамках сопоставления с другими регионами России, позволяет выявить типичный вариант политической эволюции Сибири, как колониальной окраины.

2. Материалы и методы

Особое значение для изучения проблемы имели фонды Государственного архива Российской Федерации (Ф. 115, 116, 117, 523), позволившие воссоздать политическую конъюнктуру Енисейской губернии конца XIX – начале XX вв. Архивные источники дополнены материалами периодической печати, содержащими разнообразную информацию, о политической жизни купеческого сословия и отношении к ней со стороны других социальных элементов. Особую группу источников, из которой

* Corresponding author

E-mail addresses: ituman-nikiforova@yandex.ru (I.O. Tuman-Nikiforova), vfedorchenko@mail.ru (V.I. Fedorchenko), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), krilov24@yandex.ru (I.I. Krylov)

были извлечены сведения биографического плана, составила мемуарная литература, включающая воспоминания самих купцов (Г.В. Юдина, В.А. Баландиной и др.), мемуары путешественников, государственных деятелей и политических ссыльных (Ф. Нансен, П. Столыпин, П. Кропоткин и др.).

Анализ источников производился с опорой на историко-генетический метод исследования, позволивший не только обнаружить в исследуемом объекте совокупность элементов, свойств, функций, но и проследить процесс их исторического движения от традиционной модели (монархизм, подданничество, патриархальность) к индустриальной (парламентаризм, демократия, либерализм).

3. Обсуждения

Вопросы участия гильдейства в политике их взаимоотношения с властью не был лишен внимания советских исследователей, однако в своей оценке они исходили из догматов, предполагающих разоблачение и «очернение» антипода пролетариата – буржуазии, доминирующим сословным элементом каковой выступало гильдейское купечество. Для доказательства объективных причин октябрьской «революции» 1917 г. советская историография легитимировала мысль о том, что накануне XX в. российская буржуазия была сформирована как класс (Разгон, 1969). С чем категорически не согласились западные исследователи, подчеркивавшие слабость процесса классового образования в среде российской буржуазии, отмечая при этом некую активизацию политических установок купеческого сословия в 1905 г. под влиянием уступок самодержавия буржуазной демократии (Пайпс, 1993; Owen, 1981).

Изучение политической деятельности российского купечества в целом, и его региональных представителей в постсоветский период сошло на нет, в связи с резкой деполитизацией российской истории и отказом от методологии марксизма. Если проблема и рассматривалась, то, лишь в контексте анализа передовых отрядов буржуазии (Петров, 1998). Региональный уровень проблемы изучался в контексте комплексных работ по гильдейству (Бойко, 1996; Комлева, 2006; Туман-Никифорова, 2003). Однако исследователи по сей день не пришли к единому мнению в оценке характера и направленности политической деятельности купечества в пореформенный период, в связи с чем обозначенная проблема представляет особый научный интерес.

4. Результаты

Наиболее дискуссионным является вопрос о взаимоотношениях купечества с дворянской администрацией. Некоторые исследователи считают, что купечество, провинциальных регионов проявляло противостояние власти, особенно местной (Щапов, 1937: 169). Анализ ведомостей о преступлениях (1904–1906 гг.) по Енисейской губернии выявил правонарушения, учинённые купцами и направленные против местной администрации: сопротивление распоряжениям правительства, не повиновение властям, неуважение к присутственным местам, оскорбление чиновников при исполнении (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 258. Лл. 168–169). Однако такое своеволие, во многом носило внешний (показной) характер. Так, по словам А.П. Щапова «сибиряки в диком проявлении гнева нагрубят, дерзят, будут своевольничать, но когда их припугнут законом, трусят и уступают» (Щапов, 1937: 169). Наряду с этим исследователи отмечали наличие у гильдейства ярко выраженных верноподданнических чувств (Лаверычев, 1974: 82). На примере гильдейцев Енисейской губернии нами выявлено, что большая часть купцов находилась во внешне равных взаимоотношениях с местной администрацией, имевших некий «внутренне принудительный» характер, обусловленный тем, что успешность их экономической деятельности напрямую зависела от политической благонадежности, и не сочеталась с серьёзными разногласиями с властями.

Конфликты с чиновничеством, действительно происходили, но до рубежа XIX–XX вв. не имели под собой политической подоплёки, возникая по причине столкновения интересов экономически могущественного предпринимателя и бюрократического аппарата. Так, противостояние купца М.К. Сидорова с местным чиновничеством в 60-х гг. XIX в. было вызвано стремлением последнего ограничить буржуазную инициативу (Туман-Никифорова, 2003: 28–29). Подобные этому столкновения приобрели политический ракурс лишь в начале XX в. по причине общего возрастания оппозиции власти в империи.

Оказывая неповиновение местной администрации, как, например, в 1905 г., когда ряд авторитетных в регионе купцов Енисейской губернии отказались выступить против рабочих, купеческое сообщество одновременно охотно «выслуживалось» перед монархическим домом, в частности иницируя сбор средств на различного рода подарки по торжественным случаям. Так, в честь коронации Николая II города Енисейской губернии преподнесли подарочное блюдо из золота (МАГК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–20б.). При этом купцы не торопились субсидировать верноподданнические праздники в собственном регионе, если те не сулили им выгоды. «Восточное обозрение» в репортаже 1883 г. из Красноярска сообщало: «В дни празднования коронации наши миллионеры предпочли радоваться в душе, ... один купец обещал доставить ... конфет, но обманул» (Восточное обозрение, 1883: 6).

Политическая деятельность в купеческой среде заметно активизировалась с середины XIX в., в связи с проникновением либеральных идей через представителей политической ссылки. Купцы не только общались с политическими ссыльными, но и нанимали их на службу, привлекали к участию в

общественных и коммерческих делах. Красноярского библиофила Г.В. Юдина воспитывал декабрист И.В. Киреев (Polovnikova, 2008: 145), Н.В. Латкин был дружен с декабристом В.Л. Давыдовым. Семьи Латкина, Сидорова, Кабакова поддерживали отношения с М.В. Буташевичем-Петрашевским (Юрков, 1991: 3). Купец А.Е. Емельянов нанял политссыльную М.С. Чернавскую воспитателем для своей дочери (Баландина, 2009: 75).

К середине XIX в. сложились условия для формирования буржуазного самосознания: доступ к либеральным ценностям, общение с политссыльными, осознание своей роли в экономической жизни, кристаллизация в сословии наиболее сильных коммерсантов, слабость дворянско-бюрократического элемента в Сибири. Однако купечество по-прежнему не допускалось во власть государством, поэтому его политическая деятельность осуществлялась в опосредованных формах.

Оппозиционные силы Сибири, включавшие в себя интеллигенцию с «примесью» богатых купцов действовали в культуртрегерских организациях (музеях, издательствах газет, отделах РГО), где в совокупности численно превосходили представителей от других сословий (Севостьянова, 2007: 39). Гильдейство Енисейской губернии активно поддерживало работу культуртрегерских организаций, правда, преимущественно через материальные пожертвования. Купцы В.А. Данилов, И.П. Лыткин, Г.П. Сафьянов, И.Г. Гусев, И.П. Окулов субсидировали открытие и содержание Минусинского музея. И.П. Кузнецов, Г.В. Юдин, Г.П. Сафьянов, братья Гадаловы, А.А. Саввиных и др. участвовали в работе Восточно-Сибирского отдела РГО (Ивлев, 1982: 140).

Широко распространённой формой участия гильдейцев в политической жизни была организация периодических изданий. В пореформенное время влиятельная буржуазия России активно использовала в своих интересах периодическую печать (Лаверычев, 1974: 187). Так, например, в Сибири, крупнейшие предприниматели основали в Томске «Сибирскую газету», в Тюмени – «Сибирский голос», в Иркутске – «Голос Сибири», «Иркутский вестник» (Краткая энциклопедия... 1998: 28). Купечество Енисейской губернии также участвовало в издании сибирских газет. Так, А.А. Саввиных поддерживал деятельность газеты «Голос Сибири».

Формирование политических взглядов купечества выразилось в их обращении к власти по актуальным вопросам через местные городские думы. Купец Н.В. Скорняков в апреле 1881 г. сформулировал программу местных нужд, в либеральном ключе, предусматривающую введение в Сибири земств, суда присяжных, свободы печати, слова, переселений, прекращение ссылки в регион (Краткая энциклопедия..., 1998: 28). Именно проблема введения земств в России была главной необходимостью гильдейства, и, соответственно, причиной конфликтов с региональной администрацией (Rieber, 1986: 92, Пушкина, 1995: 39–49).

Политические взгляды купцов выкристаллизовывались в представительных организациях, первой формой которых в Сибири стали съезды золотопромышленников. Большое экономическое значение отрасли для страны привело к созданию данных организаций в Сибири, идентичных по структуре и задачам съездам предпринимателей центра страны. В конце XIX в. правительство разрешило создать общие и местные съезды золотопромышленников, но поставило их под свой контроль. В 1896 г. съезды прошли в Томске и Южно-Енисейском горном округе. Представители от енисейских съездов участвовали в работе Постоянной совещательной конторы, выполняющей координационные функции в Санкт-Петербурге (Пушкина, 1995: 46–51).

Мощные съездовские организации сложились в Енисейской губернии: в состав их бюро из местного гильдейского купечества входили лишь самые крупные золотопромышленники (А.П. Кузнецов, А.А. Саввиных, И.Г. Савельев, С.В. Востротин, П.Ф. Иорданский). Съезды выступали в защиту интересов богатейших золотопромышленников, что приводило к разобщенности предпринимателей (Мосина, 1978: 42). В других отраслях экономики купцы не были консолидированы. Биржевых комитетов, с представительными функциями, как в некоторых других губерниях Сибири, в Енисейской губернии не было. Можно заключить, что в среде купцов Енисейской губернии осознания своих политических, экономических, социальных интересов не сложилось. Сходная тенденция прослеживалась и на общероссийском уровне, за исключением купечества ряда центральных и столичных регионов (Шепелев, 1987: 116).

В 1905 г. политическая активность гильдейцев возросла, что проявилось многовекторно. Во-первых, усилились областнические интересы купцов Сибири, особенно томского и иркутского отрядов (Мосина, 1978: 56). Аналогичная тенденция была характерна и для Енисейской губернии. Так, гордума г. Красноярска в марте 1905 г. утвердила проект об увеличении представительства сибирского региона в центральных органах власти и учреждении губернского избирательного собрания.

Во-вторых, купечество Сибири принимало участие в оформлении и деятельности организации либеральных и монархических партий. Последние, однако, мало привлекали купцов Приенисейского края. Так, в Красноярске был создан «Союз мира и порядка», занимавший по своему политическому спектру промежуточное положение между монархистами и октябристами. В феврале 1906 г. партия склонилась к октябристскому краю, ее организатор А.Г. Смирнов числил себя октябристом (Кусков, 1907: 200). В целом по Сибири наиболее высоким было представительство буржуазии в партии октябристов (Порхунов, 1993: 66). В Енисейской губернии эта тенденция была слабее. Трансформация монархистов в партию октябристов привела к организационному распаду правых

либералов в июле 1906 г. (Кусков, 1907: 21-22). Купечество губернии не принимало участия в деятельности «Русского народного союза». На Всероссийский съезд «Союза русского народа» в 1911 г. от Енисейской губернии делегатов выдвинуто не было (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 102. Л. 2–6). Корреспондент губернского журнала «Сибирские вопросы» в 1912 г. писал, что октябристы и националисты в регионе «находятся в совершенном разброде» (Сибирские вопросы, 1912: 66).

Леволлиберальная партия была представлена передовой интеллигенцией и немногочисленными представителями буржуазии. Впервые кадетская партия была организована в Красноярске в ноябре 1905 г., в связи с инициативой местного отделения Сибирского областного народного союза, получила название «Партия народной Свободы», включала около 300 человек, вместе с сочувствующими (Мосина, 1978: 78–80). Состав первого комитета «Партии народной Свободы» включал четырех промышленников, пять представителей интеллигенции, одного ссыльного. Активно участвовали в его работе гильдейцы А.А. Саввиных и П.Ф. Иорданский, правда, сам комитет проявлял себя пассивно (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 211. Лл. 13–14).

В-третьих, гильдейские купцы приняли участие в предвыборных кампаниях в Государственную думу. Золотопромышленник С.В. Востротин представлял Енисейскую губернию в III и IV Государственных думах от «Партии народной Свободы». Предприниматели Сибири участвовали и в предвыборных кампаниях. Так, в 1912 г. выборщиком депутатов в IV Государственную думу от Канского уезда стал купец А.А. Филимонов (Краткая энциклопедия..., 1998: 29).

5. Заключение

Таким образом, политическая деятельность гильдейства Енисейской губернии определялась несколькими векторами: политической эволюцией страны в целом и сибирского региона в частности, развитием предпринимательства, развитием гражданско-правовых тенденций общества. Доминирование дворянско-бюрократического элемента и неразвитость региона, приводили к политической пассивности буржуазии и главного ее элемента – купечества до окончания XIX в. У купечества были выражены подданнические настроения, при внешней иллюзорной агрессивности по отношению к местной администрации, что диктовалось колониальной спецификой региона, аккумулирующей миграционные, маргинальные демографические потоки.

В то время как гильдейцы Европейской России, с конца XIX в. начали бороться за влияние в управлении государством, купечество Енисейской губернии в общей массе за исключением единичных представителей вело себя пассивно. Политическая незрелость енисейского купечества во многом определялась экономической, культурной, гражданско-правовой слабостью колониального региона. Для сравнения томские и иркутские купцы, находящиеся в более благоприятном экономическом положении, проявляли политическую и гражданско-правовую активности на более высоком уровне.

Пассивность гильдейцев, однако, не означала полного отсутствия осознания своих политических интересов. В течение исследуемого периода происходило понимание купцами своей значимости, через участие в работе городских дум, представительных и культуртрегерских организаций, периодических изданий. В начале XX в. политическая деятельность купцов заметно активизировалась. Политические взгляды авангарда енисейского купечества являли собой умеренный либерализм областного типа. Они выражали заинтересованность во влиянии на принятие государственных решений, отстаивании экономических интересов региона при сохранении монархии. Эта особенность была характерна для сибирского купечества в целом. В политических умонастроениях преобладающего большинства купцов преобладали традиционные подданнические политические ценности.

Литература

Баландина, 2009 – Баландина В.А. Воспоминания Веры Арсеньевны Баландиной // Енисейские встречи: альманах. Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2009. Вып. 2. С. 69–137.

Бойко, 1996 – Бойко В.П. Томское купечество XVIII–XIX веков: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.

Восточное обозрение, 1883 – Восточное обозрение 1883. 28 июля. С. 6.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Ивлев, 1982 – Ивлев С.В. Восточносибирский отдел Русского географического общества и общественно-политическая жизнь Сибири. 1877–1907 // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Новосибирск: НГУ, 1982. С. 139–147

Комлева, 2006 – Комлева Е. В. Купечество городов Енисейской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Москва: Academia, 2006. 384 с.

Краткая энциклопедия, 1997 – Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в 4-х т. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1997. Т. 3. Кн. 3. 125 с.

Кусков, 1907 – Кусков П. Красноярск в конце 1905 года (наброски по воспоминаниям) // Былое. 1907. Июнь.

- [Лаверычев, 1974](#) – *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия России (1861–1900 гг.). Москва: Мысль, 1974. 220 с.
- [МАГК](#) – Муниципальный архив города Канска.
- [Мосина, 1978](#) – *Мосина И.Г.* Формирование буржуазии в политическую силу Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 170 с.
- [Пайпс, 2012](#) – *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Москва: «Захаров», 2012. 479 с.
- [Петров, 1998](#) – *Петров Ю.А.* Предприниматели и власть в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 42–43.
- [Порхунов, 1993](#) – *Порхунов Г.А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск: Омский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. 1993. 194 с.
- [Пушкина, 1995](#) – *Пушкина Т.Л.* Опыт административного контроля правительственными учреждениями съездовских организаций сибирских предпринимателей в конце XIX – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 36–53.
- [Разгон, 1969](#) – *Разгон И.М.*: Расстановка классовых сил в Сибири в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1969. Вып. 4. 262 с.
- [Севостьянова, 2007](#) – *Севостьянова Е.В.* Общественные организации в сфере культуры в Восточной Сибири как элемент гражданского общества (вторая половина XIX – начало XX века). // Гражданское общество: история и современность: сб. статей: в 2 ч. / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2007. Ч. 1. С. 35–41.
- [Сибирские вопросы, 1912](#) – Сибирские вопросы. 1912. № 25. С. 66.
- [Туман-Никифорова, 2003](#) – *Туман-Никифорова И.О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Красноярск: Красноярский государственный торгово-экономический институт, 2003. 182 с.
- [Туман-Никифорова, 2003](#) – *Туман-Никифорова И.О.* Путешествие с Енисея в Санкт-Петербург: М.К. Сидоров. От Невы до берегов Енисея: Мат-лы науч.-практ. конф., посв. 300-летию основания Санкт-Петербурга и 375-летию Красноярска «300 лет вместе». Красноярск: КрасГУ, 2003. С. 28–31.
- [Шепелев, 1987](#) – *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Ленинград: Наука 1987. 272 с.
- [Щапов, 1937](#) – *Щапов А.П.* Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. / Иркутск: Восточносибирское областное издательство, 1937. 380 с.
- [Юрков, 1991](#) – *Юрков В.* Латкин – «купчик безродный» // Красноярский рабочий. 1991. 20 сентября.
- [Owen, 1981](#) – *Owen T.C.* Capitalist and politics in Russia: A social history of Moscow merchants 1855–1905. Cambridge, 1981. 295 p.
- [Polovnikova, 2008](#) – *Polovnikova, 2008* – *Polovnikova, I.A.* Born in Siberia: Gennadii Vasil'evich Iudin, 1840–1912 (Conference Paper) // Slavic and East European Information Resources. Vol. 9, Issue 2, 2008, P. 143–152.
- [Rieber, 1986](#) – *Rieber A.* Merchants and entrepreneurs in imperial Russia. Chapel Hill University, 1986. 496 p.

References

- [Balandina, 2009](#) – *Balandina V.A.* Vospominanija Very Arsen'evny Balandinoj [Memories Vera Arsen'evna Balandina] // Enisejskie vstrechi : al'manah. – Krasnojarsk : LITERA-print, 2009. Vyp. 2. P. 69–137. [In Russian]
- [Vostochnoe obozrenie, 1883](#) – *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review] 1883. 28 ijulja. P. 6. [In Russian]
- [GAKK](#) – State Archive of the Krasnoyarsk Territory.
- [GARF](#) – State Archive of the Russian Federation.
- [Ivlev, 1982](#) – *Ivlev S.V.* Vostochnosibirskij otdel Russkogo geograficheskogo obshhestva i obshhestvenno-politicheskaja zhizn' Sibiri 1877–1907 gg. [East Siberian department of the Russian Geographical Society and the socio-political life of Siberia. 1877–1907 yers] // Social'no-politicheskoe razvitie Sibiri XIX–XX vv. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 1982. P. 139–147. [In Russian]
- [Komleva, 2006](#) – *Komleva E.V.* Kupechestvo gorodov Enisejskoj gubernii v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX v. [Merchants cities Yenisei province in the last quarter XVIII – in the first half XIX.] Moskva : Academia, 2006. 384 с. [In Russian]
- [Kratkaja jenciklopedija, 1997](#) – *Kratkaja jenciklopedija po istorii kupechestva i kommercii Sibiri v 4-h t.* [Brief encyclopedia on the history of merchants and commerce Siberia in 4 vol.]. Novosibirsk : RIPEL pljus, 1997. T. 3. Kn. 3. 125 p. [In Russian]
- [Kuskov, 1907](#) – *Kuskov P.* Krasnojarsk v konce 1905 goda (nabroski po vospominanijam) [Krasnojarsk at the end of 1905 (an outline of the memories)] // Byloe. 1907. Ijun'. P. 20. [In Russian]
- [Laverychev, 1974](#) – *Laverychev V.Ja.* Krupnaja burzhuazija Rossii (1861–1900 gg.) [Major Russian bourgeoisie (1861–1900 y.)]. Moskva: Mysl', 1974. 220 p.
- [МАГК](#) – Municipal archives of the city of Kansk.

- Mosina, 1978** – *Mosina I.G.* Formirovanie burzhuazii v politicheskiju silu Sibiri [The formation of the bourgeoisie in the political force of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978. 170 p. [In Russian]
- Pajps, 2012** – *Pajps R.* Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moskva: «Zaharov», 2012. 479 p. [In Russian]
- Petrov, 1998** – *Petrov Ju.A.* Predprinimateli i vlast' v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Owners and power in Russia at the turn of XIX–XX centuries] // *Otechestvennaja istorija*. 1998. № 6. P. 42–43. [In Russian]
- Porhunov, 1993** – *Porhunov G.A.* Gorodskie demokraticheskie sloi naselenija Sibiri v obshhestvenno-politicheskom dvizhenii (1905–1914 gg.) [Urban democratic sections of the population of Siberia in the socio-political movement (1905–1914 biennium)]. Omsk: Omskij gos. ped. in-t im. A.M. Gor'kogo. 1993. 194 p. [In Russian]
- Pushkina, 1995** – *Pushkina T.L.* Opyt administrativnogo kontrolja pravitel'stvennymi uchrezhdenijami s'ezdovskih organizacij sibirskih predprinimatelej v konce XIX – nachale XX v. [Experience of the administrative control of organizations governmental agencies Congressional Siberian businessmen in the late XIX – early XX century] // *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri (XIII – nachalo XX vv.)*. Barnaul, 1995. P. 36–53. [In Russian]
- Razgon, 1969** – *Razgon I.M.*: Rasstanovka klassovyh sil v Sibiri v period Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoy revoljucii [The alignment of class forces in Siberia during the Great October Socialist Revolution]. *Voprosy istorii*. 1969. Vyp. 4. 262 p. [In Russian]
- Sevost'janova, 2007** – *Sevost'janova E.V.* Obshhestvennye organizacii v sfere kul'tury v Vostochnoj Sibiri kak jelement grazhdanskogo obshhestva (vtoraja polovina XIX – nachalo HH veka) [Public organizations in the cultural field in Eastern Siberia as an element of civil society (the second half of XIX – early XX century)]. // *Grazhdanskoe obshhestvo: istorija i sovremennost': sb. statej: v 2 ch. / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2007. Ch. 1 P. 35–41*. [In Russian]
- Sibirskie voprosy, 1912** – *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1912. №25. P. 66. [In Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2003** – *Tuman-Nikiforova I.O.* Gil'dejskoe kupechestvo Enisejskoj gubernii (60-e gg. XIX – nachalo XX vv) [Guild merchants Yenisei province (60th XIX – The beginning of XX centuries)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj trgovno-jekonomicheskij institut, 2003. 182 p. [In Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2003** – *Tuman-Nikiforova I.O.* Puteshestvie s Eniseja v Sankt-Peterburg: M.K. Sidorov. Ot Nevy do beregov Eniseja [Traveling with the Yenisei River in St. Petersburg: MK Sidorov. From the Neva River to the shores of the Yenisei] // *Mat-ly nauch.-prakt. konf., posv. 300-letiju osnovanija Sankt-Peterburga i 375-letiju Krasnojarska «300 let vmeste»*. Krasnojarsk: KrasGU, 2003. P. 28–31. [In Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev L.E.* Carizm i burzhuazija v 1904–1914 gg: Problemy trgovno-promyshlennoj politiki [Tsarism and the bourgeoisie in the years 1904–1914: Problems of trade and industrial policy]. Leningrad: Nauka 1987. 272 p. [In Russian]
- Shhapov, 1937** – *Shhapov A.P.* Sobranie sochinenij: Dopolnitel'nyj tom k izdaniju 1905–1908 gg. [Collected Works: Supplementary to that publication of 1905–1908] / Irkutsk: Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937. 380 p. [In Russian]
- Jurkov, 1991** – *Jurkov V.* Latkin – «kupchik bezrodnyj» [Latkin – «little merchant rootless»] // *Krasnojarskij rabochij*. 1991. 20 sentjabrja. P. 3. [In Russian]
- Owen, 1981** – *Owen T.C.* Capitalist and politics in Russia: A social history of Moscow merchants 1855–1905. Cambridge, 1981. 295 p.
- Polovnikova, 2008** – *Polovnikova I.A.* Born in Siberia: Gennadii Vasil'evich Iudin, 1840–1912 (Conference Paper). *Slavic and East European Information Resources*. Vol. 9, Issue 2, 2008, P. 143–152.
- Rieber, 1986** – *Rieber A.* Merchants and entrepreneurs in imperial Russia. Chapel Hill University, 1986. 496 p.

UDC 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Эволюция политической активности гильдейского купечества Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Ирина Туман-Никифорова ^{a, *}, Валерий Федорченко ^a, Наталия Пашина ^a, Игорь Крылов ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Аннотация. В статье исследуется эволюция политической активности и политической культуры гильдейского купечества Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX веков.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ituman-nikiforova@yandex.ru (И. Туман-Никифорова), vfedorchenko@mail.ru (В. Федорченко), nvpashina@yandex.ru (Н. Пашина), krilov24@yandex.ru (И. Крылов)

На основе архивных материалов рассмотрены хронология процесса, мотивы, формы и специфика участия предпринимателей в деятельности региональных политических организаций, проведено сравнение изучаемых явлений в Енисейской губернии с другими регионами Российской империи, выявлены факторы, определившие трансформацию политических взглядов купечества на протяжении пореформенного периода.

На основе анализа участия гильдейского купечества в политической жизни Енисейской губернии, авторы пришли к выводу, что в начале исследуемого периода политическая культура енисейского купечества имела преимущественно традиционный, пассивно-подданнический характер. Начиная с конца XIX в. в результате наметившейся гражданско-правовой активизации части купеческого сообщества, его политическая культура стала приобретать модернизационные черты, как-то: осознание классовых и региональных интересов, выраженные через претензии представительства во властных структурах.

Ключевые слова: гильдейское купечество, Енисейская губерния, представительские организации, модернизация, партии, съезды буржуазии, политическая деятельность, либерализм, консерватизм, монархизм.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 42, Is. 4, pp. 1224-1231, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 947

The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province)

Oksana V. Klevtsova ^{a, *}, Nikolay A. Zhironov ^a

^a Yelets state University n.a. I. A. Bunin, Russian Federation

Abstract

At the present stage the education is going through a period of reform. That is why, it is necessary to refer to the historically accumulated experience, the deep and comprehensive analysis of the history of reforming of the educational system throughout its existence. This article addresses the issues of organization of public schools after the abolition of serfdom, for example, one of the traditional provinces of the Russian Empire.

Life story of a provincial society is poorly understood. The authors attempt to examine the process of reform of primary school system for example, the Eletski region of Orel province in the second half of the XIX century. The article presents the analysis of the material conditions of the teachers, examines the technical condition of school facilities, analyzes the sources of funding. The article deals with the issue of methods of teaching different subjects in primary public school. In the course of this research, the authors turned to the archives of the Lipetsk and Orel regions. The scientific revolution was first introduced to the data stored in these public archives.

The special attention is paid to the study of the question of the role of Yeletsky district councils in the establishment of the school system. Analysed annual reports, results of inspections of the condition of public education in the post-reform period. The results of the research allow to study the process of school reform not only at the national level, but also gives an idea of the degree of implementation of the state policy in the field.

Keywords: education reform, the district Council, the abolition of serfdom, The Yelets region of the Orel province.

1. Введение

Одной из специфических черт дореформенной российской деревни являлось практически полное отсутствие системы образования и здравоохранения населения. В ходе либерального реформирования 1860–1870-х гг. правительство совместно с русской православной церковью предприняло меры, направленные на распространение грамотности среди крестьян и поднятие культурного облика российской деревни. В стране была создана целая сеть церковно-приходских школ и школ грамотности, которые занимались просвещением сельского населения.

В настоящее время правительство РФ проводит политику, направленную на оптимизацию системы школьного образования страны. Данная политика направлена на сокращение неэффективных образовательных учреждений, в том числе малокомплектных сельских школ, с целью повышения качества знаний школьников и в целом всей системы российского образования. В данной связи необходимо исследовать истоки государственной политики в отношении становления и развития системы народного образования в России.

Актуальность проблемы обусловлена также необходимостью детального анализа сельской образовательной среды и ее социально-культурных аспектов в российской провинции (на примере

* Corresponding author

E-mail addresses: ksejijmel@yandex.ru (O.V. Klevtsova), zhironov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhironov)

Елецкого уезда Орловской губернии) после отмены крепостного права в контексте модернизации аграрного общества.

В статье раскрыты мало изученные аспекты региональной истории. Кроме этого, многие источники документального характера, впервые введены в научный оборот.

2. Материалы и методы

Основная методика исследования заключается в комплексном изучении документальных материалов, хранящихся в Государственных архивах Липецкой и Орловской областей, в Российской государственной библиотеке и анализе научной литературы по данному вопросу.

В Государственном архиве Липецкой области (ГАЛО) проанализированы фонды, содержащие данные по становлению и развитию системы начального образования на территории Елецкого уезда Орловской губернии. Особый интерес заслуживает фонд Ф. Ф-138. В нем освещены основные проблемы формирования народной школы в уезде.

В Государственном архиве Орловской области (ГАОО) особый интерес вызывают фонды Орловской дирекции народных училищ (Ф. 78), а также канцелярия орловского губернатора (Ф. 525). Полученные данные позволяют изучить деятельность губернского правления и губернского земского собрания, познакомиться с процессами происходящими в системе образования в Орловской губернии и непосредственно в Елецком уезде. В данных фондах сохранилась переписка земских уездных органов с канцелярией губернатора.

В ходе работы применялся исторический метод, который позволил рассмотреть ситуацию, сложившуюся в системе образования в динамике. Сравнительно-исторический метод помог провести синхронные сопоставления и выявить сходства и различия исторических событий. Ретроспективный метод позволил воссоздать общую картину развития сети провинциальных церковноприходских школ и школ грамотности после отмены крепостного права. Метод математической статистики дал возможность провести количественные анализ грамотного и безграмотного населения, проанализировать динамику изменения финансирования учебных заведений.

3. Обсуждение

На современном этапе исследователи предпринимают попытку рассмотрения школьной системы в неразрывной связи с общим развитием страны и отдельных регионов в больших хронологических промежутках. Среди них можно выделить исследования посвященные церковноприходскими школами Томской епархии, изучением начальных школ Воронежской, Курской губерний и т.д. (Филоненко, Шипилов, 2007; Гизей, 2004; Хабалева, 2015; Ивако, 2002). В своих работах авторы затрагивают вопросы функционирования школ в стране, анализируют их общее состояние, рассматривают вопрос педагогических кадров, исследуют динамику развития процесса организации школ.

В работе В.Е. Тонких представлены общие сведения об истории школьного образования на территории Липецкой области (Тонких, 1995). Тема образовательной среды г. Ельца и его округа нашла свое отражение в работах Стояновской И.Б. (Стояновская, Стояновская, 2015).

Российское дореволюционное сельское образование не получила должного освещения в зарубежной историографии. Интерес к данной тематике был проявлен на рубеже 1980–1990-х гг. и представлен рядом работ американских историков (Seregny, 1989; Eklof, 1990).

Следует отметить, что в исследованиях посвященных развитию образования в регионе не получили достаточного освещения вопросы формирования сети церковноприходских школ и школ грамотности Орловской губернии и Елецкого уезда в частности. Не подверглись изучению формы и способы просвещения народа, роль общественных организаций и частных лиц в деле распространения грамотности, не проведен анализ материальной базы школ и качества финансирования учебных заведений.

4. Результаты

Начальная школа в дореволюционной России представляла собой самостоятельный тип образовательного заведения. Она имела свои собственные программы и практически не соприкасалась со средним образованием. Все учебные заведения в стране подразделялись на низшие, средние и высшие.

К низшему типу школ относились уездные и городские училища. В начальном образовании существовало три ступени. На первой ступени учеников знакомили с азами Закона Божьего, чтением, письмом, началом арифметики. Обучение в начальных одноклассных училищах велось в течение трех лет, в одноклассных церковно-приходских школах – два года.

Особым типом школ первой ступени были так называемые школы грамоты. Срок обучения в них редко достигал двух лет, а знания были самыми минимальными (Белослудцева, 2009: 95-96).

Такая сословная система образования стала складываться при царствовании Николая I. В соответствии с уставом гимназий и училищ уездных и приходских от 1828 г. особенной целью приходских училищ являлось «распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми из самых нижних состояний» (Устав гимназий: <http://pedagogic.ru>).

В соответствии с новым законопроектом вся материальная ответственность возлагалась на плечи городских и сельских обществ.

В Елецком уезде Орловской губернии в первой половине XIX в. сельские школы содержались за счет сборов на училища. Сумма сбора определялась 14 коп., но в реальности она часто превышала 30 коп. с души. Данный фактор сильно препятствовал скорейшему распространению системы народных школ.

Состояние образования в Ельце и его уезде накануне либерального реформирования 1860-х гг. сохранилось в записях орловского полицейского Н.А. Ридингера «Статистические заметки города Орла за 1860 г.». В источнике приводится статистика и даны развернутые комментарии автора по данной проблематике (Тропин, 2015: 56-57). Также, в поле зрения Н.А. Ридингера попадает сюжет, связанный с обсуждением вопроса о статусе и здании будущей гимназии (Тропин, 2015: 110).

В 1862 г. согласно ведомости о сельских приходских училищах в Орловской губернии работало 83 училища, в которых были задействованы 114 учителей (ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1912. Л. 5-12). Общее количество обучающихся составляло 5495 учеников обоего пола. В большинстве уездов число сельских учебных заведений не превышало 5.

В Елецком уезде были действующими 12 приходских училищ, из которых 3 – являлись женскими. Педагогический коллектив 6 школ состоял из двух учителей, остальных – из одного. Основными предметами были: Закон Божий, Русский язык, Арифметика, Чистописание, Священную историю, Толкование литургии, Пение и сельский судебный устав.

Обеспеченность учительскими кадрами была явно недостаточной. На одного учителя в среднем приходилось 45 учеников. В большей части школ эта цифра была выше. В некоторых селах, например в с. Казаках, один педагог работал с 106 учениками. В подобных условиях сложно было говорить о качестве приобретаемых знаний в сельских училищах.

Всего в Орловской губернии в 1862 г. получало образование в учебных заведениях различных уровней 17499 человек, в том числе 2070 девочек (Памятная книжка, 1865: 165). Крестьянские дети, являвшиеся подавляющим большинством подрастающего поколения губернии, составляли всего 1/3 от учащихся.

В 1866 г. состоялось первое собрание Орловской губернской управы, на котором было принято решение создать на территориях волостей по одному или двум училищ. Решать материальные проблемы планировалось за счет добровольных сборов с обществ и при помощи платы за обучение. С мальчиков за уроки вносили по 2 коп., а с девочек по 1 коп. (Отчеты..., 1869).

В отчете о состоянии учебных заведений Орловской губернии за 1865 г. имеется информация о школах Елецкого уезда. «С 14 по 18 декабря осмотрены находящиеся в уезде сельские приходские училища ведомства государственных имуществ. Везде общий результат – наставники малознакомы с методикой преподавания предметов. Малознакомы с новейшими методами ведения обучения грамотности, большую часть времени тратят на изучение ея, держась старого способа учить азам» (ГАОО. Ф.78. Оп.1. Д. 2109. Л. 68-70 об.).

В отчете была дана качественная характеристика методики преподавания в народной школе уезда: «Письменные работы также вызывают удивление – ученики пишут буквы и копируют прописи – письменных работ не делают и диктовки не знают. Арифметику знают, но на счетах почти не работают» (ГАОО. Ф.78. Оп.1. Д. 2109. Л.71).

В целом же, качество образования в сельских школах уезда являлось низким и требовало улучшения. Для этого требовались финансы и учительские кадры. Без этого дело народного образования в сельской местности развиваться не могло.

В 1877 г. на губернском земском собрании было решено распределить расходы и заботы по народному образованию между губернскими и уездными земствами. Теперь открытием, содержанием и развитием начальных народных училищ возлагалось на уездные земства. Губернскому земству надлежало следить за развитием и функционированием учебных заведений общегубернского значения.

В выписке из журнального постановления XXXVIII очередного Елецкого уездного земского собрания от 28 сентября 1903 г. говорится о механизме финансирования школьных заведений в уезде. Согласно документу в 1903 г. на содержание народных училищ было выделено 39.732 р., а на все образование – 51.164 р., что составило 25 % от всего земского бюджета (199.000 руб.). Увеличение финансирования способствовало быстрому росту числа учебных заведений. Количество земских училищ выросло до 106. Улучшилось и снабжение школ учебными пособиями. В ходе проверок в этом году ситуация со снабжением была признана удовлетворительной (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 180. Л. 128 об.).

В Елецком уезде школы содержались совместно с сельскими обществами, при чем, главная часть расходов падала на земство. Оно платило жалование учителям, снабжало школы учебными и классными пособиями.

Елецкая земская управа с самого начала заняла активную позицию в организации школьного дела. Еще в 8 октября 1870 г. в ее ведение были переданы все начальные народные школы. Земство сразу приняло на себя выплату добавочного жалования учащим, субсидировало строительство и ремонт школ, нанимало сторожей, снабжало учебными пособиями.

В 1873 г. земство поставило цель – учредить ежегодные учительские съезды, открыть образцовую школу и библиотеку. Таким образом, предполагалось решить вопрос по улучшению ситуации в деле подготовки квалифицированных учителей. Но, из-за независимых от земства причин, съезд учителей состоялся только один раз, а образцовая школа не смогла в кратчайшие сроки подготовить достаточное количество педагогических кадров.

Земство стремилось всецело контролировать процесс преподавания в школах. С этой целью помимо инспектора народных училищ надзор за школами помогали осуществлять так называемые помощники предводителя дворянства. В их обязанности входило проверять качество знаний учеников, докладывать училищным советам о потребностях учебных заведений. Таким образом, на территории Елецкого уезда устанавливалась тесная связь между школами и училищными советами (*История..., 1897: 9*).

По данным за 1875 г. Орловского губернского земства учащие получали жалование от 60 до 250 руб. в год. Такая низкая оплата труда крайне негативно сказывалась на качестве преподавания. Инспектор народных училищ господин Лопатин, проверяя школы Ливенского уезда Орловской губернии, замечал, что решить «вопрос по улучшению преподавания Закона Божьего, без назначения платы за труд законоучителям...» невозможно. Именно по этой причине на заседании Елецкого земского собрания в 1875 г. постановили призывать духовенство на священнических съездах к более сочувственному отношению к школам (*История..., 1897: 47*).

В 1877 г. Елецкое земство на очередном собрании решило платить 150 руб. учителю, если они не окончили курса среднего учебного заведения. Выплата в 200 руб. полагалась учащему, окончившему данные курсы. К 1896 г. земский учитель получал 270 руб., учительница – 252 руб., помощник учителя – 176 руб., помощница учительницы – 169 руб. (*Филоненко, Шипилов, 2007: 71*).

К 1903 г. значительная часть учителей Елецкого уезда получала заработную плату вовремя и в размере от 250–300 р. (*ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 180. Л. 128 об.*)

В 1912–1913 гг. было проведено анкетирование учителей земских школ 279 уездов России относительно их заработной платы; было выяснено, что в 2 уездах оклад составлял менее 180 руб., в 34 уездах – от 180 до 240 руб., в 56 уездах – от 240 до 360 руб., в 178 уездах – 360 руб., в 15 уездах – свыше 360 руб.

Исходя из розничных цен в 1910 г. в Воронежской губернии продукты стоили: картофель – 13 коп. за пуд, говядина – 4 руб. 50 коп., баранина – 4 руб. 15 коп., свинина – 4 руб. 95 коп., сало свиное – 8 руб. 05 коп., масло сливочное – 17 руб. Таким образом, на свою месячную зарплату в 30 рублей воронежский учитель начальной школы мог купить (или – или): 3780 кг картофеля, 109 кг говядины, 118 кг баранины, 99 кг свинины, 61 кг сала, 29 кг масла (*Филоненко, Шипилов, 2007: 71*). Хотя это и небольшие цифры, но уровень дохода земского учителя был в разы больше зарплаты рабочего и сельского наемного рабочего, а также учитель освобождался от платы за жилье и имел еще ряд льгот.

Для Российского образования конца XIX – начала XX вв. новым явлением будет процесс феминизации учительского персонала. Это было связано с рядом причин. В первую очередь зарплата полагающаяся учительнице была значительно ниже зарплаты учителя, а объем работы она выполняла практически идентичный. Тенденция увеличения числа женщин в системе образования можно проследить по данным Министерства народного просвещения. Если в 1880 году в Орловской губернии учителя составляли 77 % преподавательского состава начальных народных школ, то в 1899 – уже 50 %, а в 1910 – 29,4 %. В свою очередь, учительницы составляли в том же 1880 г. 23 %, в 1899 г. – 50 % и в 1910 г. – 70,6 % соответственно (*Хабалева, 2015: 109*).

Для улучшения качества преподавания в классах, где число учеников превышало 100 человек помимо учителя работал еще помощник учащего. Его жалование составляло 5 руб. в месяц.

Священнослужители преподавали Закон Божий и получали плату в 50 коп. за урок если школа располагалась в том же селе, где проживал священник и по 1 руб. за урок если до школы приходилось долго добираться. Сельские общества часто платили вознаграждение за год, и оно составляло 25–30 руб.

В целях улучшения материального положения учебных заведений в 1877 г. земская управа приняла решение взимать плату за обучение, но только с учеников, которые не относятся к сельскому обществу. В случае переполнения классов разрешалось отказывать в приеме малолетним претендентам. Данное постановление способствовало тому, что в учебные заведения в первую очередь стали принимать мальчиков, а только после этого на вакантные места зачислялись девочки. Это доказывают статистические данные по распределению учащихся. В Елецком уезде в 1882 г. на 2.587 мальчиков приходилось 168 девочек. В 1886 г. данный показатель составил 4.008 к 495 соответственно (*История..., 1897: 49*). Лишь в 1893 г. Елецкое земство приняло решение предоставлять одинаковые права мальчикам и девочкам при приеме в школы.

В связи с тем, что государство переложило материальную ответственность по содержанию и организации школ на сельское общество и земство, бюджет народного образования формировался исключительно из возможностей местного населения. Так, за 19 лет с 1875 по 1894 г. в среднем Елецкому земству удалось выделить на школы 14.231 руб., а сельским обществам – 5.426,4 руб. От городских обществ и частных лиц суммы в означенный период не поступали (*История..., 1897: 33*).

В ходе проведения подсчетов Орловская губернская земская управа не учитывала затраты духовенства на церковно-приходские школы. Еще одной проблемой проведения подсчета расходов на нужды образования является то, что невозможно было точно просчитать пожертвований частных лиц, так как они не подвергаются фиксации.

Подводя итог по объемам финансирования народного образования можно сделать вывод, что на территории Орловской губернии с 1875 г. наблюдается постоянный рост числа ассигнований на школы. Выделенная сумма на развитие образования в губернии от Министерства народного просвещения в 1894 г. сократилась на 469 руб. 59 коп. и составила 2.279 руб. 88 коп. Размер денежных средств от земства, напротив, продолжает расти и к 1894 г. на школы будет потрачено 117.520 руб. 46 коп., что по сравнению с 1875 г. больше на 188 %. (*История..., 1897: 33*).

За 20 лет численность школ всех типов, в том числе и школ грамотности увеличилась в 2,49 раз. В 1875 г. на 1349 человек приходилась 1 школа любого типа. К 1894 г. этот показатель составил в перерасчете на 1 школу – 1027. Сократилось и число людей, не охваченных обучением. Если в 1875 г. на 1 обучающегося приходилось 26 необученных, то к 1894 г. данный показатель составил 1 к 15. (*История..., 1897: 27*).

Елецкое земство особое внимание уделяло созданию благоприятной обстановки в классах. «Успехи обучения могут проявиться ...при удовлетворительной внешней обстановке» (*История..., 1897: 41*). Школьные помещения, расположенные на территории уезда, разделили на три типа: собственные здания, наемные и даровые. Самыми желательными были школьные здания специально выстроенные. Такие помещения обладали всеми необходимыми удобствами, отвечали всем требованиям гигиены.

Для проведения контроля за состоянием учебных помещений 2 октября 1872 г. создается должность особо уполномоченного Елецкой земской управы. Основная часть инспектируемых школ находилась в удовлетворительном состоянии, но были случаи, когда уполномоченный описывал ужасные условия, непригодные для обучения. Например, Никольское мужское училище до приезда инспектора располагалось в маленькой, грязной и неудобной избе, «не могло вмещать в себя должного воздуха, было сырое и темное» (*Клевцова, 2016: 46*).

Строительство, содержание, ремонт, отопление, освещение школ, покупка книг и письменных принадлежностей – все это было дело сельских обществ. Почти полное отсутствие необходимых средств вследствие бедности населения с одной стороны и часто безучастное отношение крестьян к школе вследствие не сознания получения образования являлись тормозом для успешного развития образования на селе. Несмотря на большое количество училищ, их количество являлось недостаточным для всеобщего начального образования из-за естественного роста населения. Увеличение числа детей школьного возраста требовало больших зданий, а денег у крестьян на их приобретение не было.

В ходе училищных инспекций в 1903 г. было проверено фактическое состояние учебных помещений. «До 5 % школ находятся в ветхом состоянии, стены прогнили, крыши текут, на одного ученика – 1 кв. аршин пола и 2 куб. аршина воздуха. Требования училищного совета о ремонте школ под видом угрозы их закрытия крестьянами не исполняются. Училищный совет вынужден закрывать такие школы, чтобы не вредить здоровью детей и учителей» (*ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 180. Л. 129*).

Эти факты говорили о критическом состоянии народного образования в уезде. Елецкое земство с 1895 г. помогало сельским обществам в постройке новых школ. Земство выдавало на эти цели ссуды до 50–70 %, но крайняя бедность мешало населению строить удобные школы, поэтому число зданий требующих перестройки постоянно увеличивалось (*ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 180. Л. 130*).

Самыми неудобными являлись помещения для церковно-приходских школ. В основном они располагались в каморках, церковных сторожках и караулках, были крайне неудобными и ветхими.

Общая сложная экономическая ситуация в селах, привлечение мальчиков с детства к трудовой дисциплине и помощи родителям на полях, способствовало тому, что посещение занятий было крайне низким, особенно в осенне-весенний период. В Елецком уезде, в основном период обучения составлял 10–9 месяцев и лишь в период с 1865 по 1872 данный период был самым маленьким от 6 до 7 месяцев (*История..., 1897: 44*).

Но, несмотря на объективные проблемы за вторую половину XIX в. народное образование в Орловской губернии, в том числе и в Елецком уезде, шло по пути поступательного развития. В 1881 г. в Орловской губернии располагалось 444 общих начальных народных сельских училищ, в которых обучались 22808 учеников мужского и 2238 – женского пола (*Обзор..., 1881: 62*). Через 10 лет (в 1892 г.) в губернии уже функционировало 498 общих начальных народных сельских училищ, в которых получали образование 31530 мальчиков и 4220 девочек (*Обзор..., 1892: 60*).

Несмотря на некоторые успехи, в развитии народного просвещения к концу века оставались неразрешенные проблемы. Сохранилась проблема перегрузки учителей (в среднем на одного учителя приходилось 80 учеников). В 1900 г. в 107 учебных заведениях различного типа в Елецком уезде в должности законоучителя работало 40 человек. В преподавательском штате числилось 93 учителя, из которых 21 человек были выходцами из крестьянского сословия (*ГАЛО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-12*).

В Орловской губернии с 1907 по 1913 гг. общий прирост грамотного населения составил 54 %. Земства Центральной России работали в направлении введения всеобщего начального обучения и

как показывает статистика эта работа приносила положительные результаты ([Барынкина, Барынкин, 2015: 24](#)).

5. Заключение

Бурное, зачастую трагическое начало XX в. с его революционными, военными событиями не дало возможности спокойно довести до логического конца начатые социальные реформы, в том числе и в области образования

Введение всеобщего начального народного образования к концу века оставалось нерешенным. Материально-техническая база сельской школы требовала колоссальных денежных вливаний. Остро стоял вопрос привлечения большего числа детей в классы. Необходимо было стимулировать работу школьного персонала. Положение сельского учителя оставалось плачевным. Он напрямую зависел от попечителя и сельского схода. Часто учителям народной школы приходилось делить угол с крестьянами, жить за счет продуктов, полученных за уроки. Перед правительством оставался открытым вопрос по созданию народной школы.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансировании гранта РГНФ, проект № 15-11-48002 и при поддержке администрации Липецкой области.

Литература

[Барынкина, Барынкин, 2015](#) – *Барынкина И.В., Барынкин В.П.* Распространение начального образования и просвещения на селе в Центральной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Калужской, Орловской и Смоленской губерний) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 22-24.

[Белослудцева, 2009](#) – *Белослудцева В.В.* Церковно-приходская школа в системе начального образования в России во второй половине XIX в. // Вестник Пермского университета. 2009. Выпуск 4 (11). С. 95-96.

[Ивако, 2002](#) – *Ивако Н.В.* Уездное земство и развитие начального образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примерах Орловской губернии). // Вопросы гуманитарных наук. 2002. № 2. С. 10-12.

[История..., 1897](#) – История начальной школы в Орловской губернии. Очерки деятельности уездных земств по народному образованию. Орел, 1897.

ГАЛО – Государственный архив Липецкой области.

ГАОО – Государственный архив Орловской области.

[Гизей, 2004](#) – *Гизей Ю.Ю.* Церковно-приходская школа в структуре начального образования Томской губернии (1884–1917). // Материалы III Всероссийской научной конференции «Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современности». Томск, 2004. С. 130-136.

[Клевцова 2016](#) – *Клевцова О.В.* Ситуация с народными школами Елецкого уезда Орловской губернии по результатам проверки уполномоченного Елецкой земской управы М. Диесперова // История: факты и символы. 2016. №5(4). С. 44-50.

[Обзор..., 1881](#) – Орловской губернии за 1881 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1881. 228 с.

[Обзор..., 1893](#) – Орловской губернии за 1892 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1893. 77 с.

[Отчеты..., 1869](#) – Отчеты Орловской губернской земской управы. Орел, 1869. – 77 с.

[Памятная книжка, 1865](#) – *Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии за 1864 год.* Орел, 1865. С. 165.

[Стояновская, Стояновская, 2016](#) – *Стояновская И.Б., Стояновская М.А.* Общественно-педагогическое движение в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах г. Ельца и его уезда). // История: факты и символы. 2016. №1(6). С. 38-48.

[Тонких, 1995](#) – *Тонких В.Е.* Система школьного образования Липецкой области: История, современность, будущее. Рязань: ГЭЛИОН, 1995. 185 с.

[Тропин, 2015](#) – *Тропин Н.А.* Н.А. Ридингер: необычный полицмейстер в среднерусской провинции середины XIX века. // История: факты и символы. 2015. №3(4). С. 94-121.

[Тропин, 2015](#) – *Тропин Н.А.* Губернский город Орел середины XIX века взглядом полицмейстера: монография. Воронеж: Научная книга, 2015. 91 с.

[Устав..., 1828](#) – Устав гимназий и училищ уездных и приходских 1828 г. <http://pedagogic.ru>

[Филоненко, 2004](#) – *Филоненко Т.В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века. // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 137-142.

[Филоненко, Шипилов, 2007](#) – *Филоненко Т.В., Шипилов А.В.* Материальное положение учителей в дореволюционной России. // Педагогика. 2007. № 7. С. 65-73.

[Хабалева, 2015](#) – *Хабалева Е.Н.* Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере Орловской губернии). // Научный диалог. 2015. Выпуск № 8 (44). С. 97-114.

Eklof, 1990 – *Eklof Ben*. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861-1914, Berkeley: University of California Press, 1990. 652 p. [English]

Seregny, 1989 – *Scott J*. Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905, Indiana University Press, 1989. 292 p. [English]

References

Barynkina, Barynkin, 2015 – *Barynkina I.V., Barynkin V.P.* Rasprostranenie nachal'nogo obrazovaniya i prosveshcheniya na sele v Central'noj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (po materialam Kaluzhskoj, Orlovskoj i Smolenskoj gubernii) [Distribution of primary education and education in the village in the Central Russia at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries (on materials of the Kaluga, Oryol and Smolensk province)], Bulletin of the Bryansk state university, 2015, Nr 1, pp. 22-24. [in Russian]

Belosludceva, 2009 – *Belosludceva V.V.* Cerkovno-prihodskaya shkola v sisteme nachal'nogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Parish school in system of primary education in Russia in the second half of the 19th century], Bulletin of the Perm university, 2009, publicacation 4 (11), pp. 95-96. [in Russian]

Ivako, 2002 – *Ivako N.V.* Uezdnoe zemstvo i razvitie nachal'nogo obrazovaniya v rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. (na primerah Orlovskoj gubernii) [The county district council and the development of primary education in the Russian province in threesome half XIX-early XX century. (On an example of the Oryol province)], Questions humanities, 2002, Nr. 2, pp. 10-12. [in Russian]

Istoriya..., 1897 – Istoriya nachal'noj shkoly v Orlovskoj gubernii. Ocherki deyatelnosti uездных zemstv po narodnomu obrazovaniyu [History of elementary school in the Oryol province. Sketches of activities of district zemstvos for national education], Oryol, 1897, 55 p. [in Russian]

GALO – State archive of the Lipetsk region. [The Russian state historical archive]. [in Russian]

GAOO – State archive of the Oryol region. [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Gizej, 2004 – *Gizej Yu.Yu.* Cerkovno-prihodskaya shkola v strukture nachal'nogo obrazovaniya Tomskoj gubernii (1884–1917) [The parish school in the structure of primary education Tomsk province (1884–1917)], Proceedings of the III Vserossyiskoy scientific conference "Education in Siberia: actual problems of history and modernity", Tomsk, 2004, pp. 130-136. [in Russian]

Klevcova, 2016 – *Klevcova O.V.* Situaciya s narodnymi shkolami Eleckogo uезда Orlovskoj gubernii po rezul'tatam proverki upolnomochennogo Eleckoj zemskoj upravy M. Diesperova [Situation with national schools of the Yelets county of the Oryol province by results of check of the representative of the Yelets territorial justice M. Diyesperov], History: facts and symbols, 2016, Nr 5(6), pp. 44-50. [in Russian]

Obzor..., 1881 – Obzor Orlovskoj gubernii za 1881 god. Izdanie Orlovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta [The review of the Oryol province for 1881. Edition of the Oryol Provincial Statistical Committee], Oryol: Printing house of Provincial Board, 1881, 228 p. [in Russian]

Obzor..., 1892 – Obzor Orlovskoj gubernii za 1892 god. Izdanie Orlovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. [The review of the Oryol province for 1892. Edition of the Oryol Provincial Statistical Committee], Oryol: Printing house of Provincial Board, 1893, 77 p. [in Russian]

Otchety ..., 1869 – Otchety Orlovskoj gubernskoj zemskoj upravy. [Reports of the Oryol provincial territorial justice], Oryol, 1869, 77 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1865 – Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Orlovskoj gubernii za 1864 god [The memorable book and the address calendar of the Oryol province for 1864], Oryol, 1865, 77 p. [in Russian]

Stoyanovskaya, Stoyanovskaya, 2016 – *Stoyanovskaya I.B., Stoyanovskaya M.A.* Obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie v rossijskoj provincii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. (na materialah goroda El'ca i ego uезда) [The public and pedagogical movement in the Russian province of the second half of the XIX beginning of the 20th centuries (on materials of Yelets and its county)], History: facts and symbols, 2016, Nr. 1 (6), pp. 38-48. [in Russian]

Tonkih, 1995 – *Tonkih V.E.* Sistema shkol'nogo obrazovaniya Lipeckoj oblasti: Istoriya, sovremennost', budushchee [The school system of the Lipetsk region: history, present, future], Ryazan: HELIOS, 1995, p. 185. [in Russian]

Tropin, 2015 – *Tropin N.A.* Gubernskij gorod Orel seređiny XIX veka vzglydom policmejstera: monografiya [Provincial city of Oryol of the middle of the 19th century look of the chief of police: monograph], Voronezh: Scientific book, 2015, 91 p. [in Russian]

Tropin, 2015 – *Tropin N.A.* N.A. Ridinger: neobychnyj policmejster v srednerusskoj provincii seređiny XIX veka. [N. A. Ridinger: the unusual chief of police in the Central Russian province of the middle of the 19th century], History: facts and symbols, 2015, Nr. 3 (4), pp. 94-121. [in Russian]

Ustav..., 1828 – Ustav gimnazij i uchilishch uездных i prihodskih 1828 g. [Charter of gymnasiums and schools district and parish 1828], <http://pedagogic.ru> [in Russian]

Filonenko, 2004 – *Filonenko T.V.* Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka [The development of school education in Russia in the early twentieth century], Questions of history, 2004, Nr. 9, pp. 137-142. [in Russian]

Filonenko, SHipilov, 2007 – *Filonenko T.V., SHipilov A.V. Material'noe polozhenie uchitelej v dorevolucionnoj Rossii* [Financial position of teachers in pre-revolutionary Russia], *Pedagogics*, 2007, Nr 7, pp. 65-73. [in Russian]

Habaleva, 2015 – *Habaleva E.N. Osobennosti organizacii nachal'nogo obrazovaniya v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orlovskoj gubernii)* [Features of the organization of primary education in the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the 20th century (on the example of the Oryol province)], *Scientific dialogue*, 2015, publicacation Nr 8 (44), pp. 97-114. [in Russian]

Eklof, 1990 – *Eklof Ben. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Peasant Pedagogy 1861–1914*, Berkeley: University of California Press, 1990. 652 p. [English]

Seregny, 1989 – *Scott J. Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905*, Indiana University Press, 1989. 292 p. [English]

УДК 947

Начальное образование в пореформенной русской деревне (по материалам Елецкого уезда Орловской губернии)

Оксана Владимировна Клевцова ^{a,*}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. На современном этапе образование переживает период реформ. Именно по этому, необходимо обращаться к исторически накопленному опыту, проводить глубокий и всесторонний анализ истории реформирования образовательной системы на всем протяжении ее существования.

В данной статье затрагиваются вопросы организации народных школ после отмены крепостного права на примере одной из традиционных провинций Российской империи.

История жизни провинциального общества является малоизученной. Авторами предпринята попытка рассмотреть процесс реформирования начальной школьной системы на примере Елецкого уезда Орловской губернии во второй половине XIX в.

В ходе работы был проведен анализ материального положения учителей, изучено техническое состояние школьных помещений, проанализированы источники финансирования. В статье затрагивается вопрос методики преподавания различных предметов в начальной народной школе.

В ходе работы над исследованием, авторы обратились к архивным фондам Липецкой и Орловской областей. В научный оборот впервые были введены данные, хранящиеся в этих государственных архивах.

В статье раскрывается отношение земства, привилегированной и образованной части населения к решению вопроса распространения грамотности.

Работа содержит статистические данные о численности населения уезда, количестве учебных заведений, проводится анализ числа грамотного и безграмотного населения.

Особое внимание уделяется изучению вопроса о роли Елецкого земства в деле создания школьной системы. Детально проанализированы ежегодные отчеты, результаты инспекторских проверок состояния народного образования в пореформенного периода.

Результаты исследования позволяют изучить процесс реформирования школьной системы не только на общегосударственном уровне, но и дает представление о степени реализации государственной политики на местах.

Ключевые слова: реформа образования, земство, отмена крепостного права, Елецкий уезд Орловской губернии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ksenijmel@yandex.ru (О.В. Клевцова), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1232-1238, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Terek Area in the Post-Reform Period (1870–1880 years): the Internal Structure and Demography

Tatyana E. Gvarliani ^{a, *}, Leonid L. Balaniuk ^b, Alexander G. Varfolomeev ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c Southwestern state University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the internal structure and demographic processes in the Terek region in the post-reform period (1870–1880-ies). As materials there were used the archival documents of the Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania. In addition, there are reflected the scientific research on the topic of publishing.

The methodological basis of research are the principles of historicism, objectivity and consistency, suggesting the consideration of each historical event in conjunction with other phenomena and events, taking into account the concrete historical situation and in chronological order; the freedom from addiction and a desire for maximum reliability; the study of all phenomena, events and processes as elements of a single historical process.

With the beginning of the post-reform period, the economic activities and life organization of cossacks were as close to a peasant, which makes the cossacks at this time, a special group of peasants of Russia. The cossack society is gradually transformed into peasant communities with their focus on agriculture. However, the development of economic occupations was hampered by maintaining a long military service, which in new terms came to be regarded by the cossacks as a hindrance to normal life. The level of development of agriculture was constrained by low agro-technical culture and preservation, and routine equipment.

Keywords: Terek area, Russian Empire, the Cossacks, demography, 1870–1880.

1. Введение

В 1856 году по указу императора Александра II наместником на Кавказе становится генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант князь Александр Николаевич Барятинский. В годы его наместничества в 1864 году закончилась многолетняя Кавказская война. Своей послевоенной задачей князь считал создание условий для плодотворной мирной жизни на территории Северного Кавказа.

В 1860 году создается обширная Терская область, со столицей во Владикавказе, принадлежавшая Терскому казачьему войску. В Терскую область, помимо земель Терского казачества вошли земли, населенные чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами и, частично, территории Ставрополя и Дагестана (*Большой энциклопедический словарь, 1994: 1327*).

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены архивные документы Центрального государственного архива республики Северная Осетия-Алания (Фонд 11. «Управление и хозяйство Терских казаков»). Помимо этого, нашли свое отражение в работе и научные исследования по теме публикации.

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani), Balanyuk.LL@rea.ru (L.L. Balaniuk), r_angelo8@mail.ru (A.G. Varfolomeev)

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и систематичности, предполагающие: рассмотрение каждого исторического явления и события во взаимосвязи с другими явлениями и событиями, с учетом конкретно-исторической обстановки и в хронологической последовательности; свободу от пристрастий и стремление к предельной достоверности; исследование всех явлений, событий и процессов как элементов единого исторического процесса.

3. Обсуждение

Большая работа по сбору и публикации сведений о населении Северного Кавказа (горцах, казаках, переселенцах на территории казачьих войск), быте, нравах, обычаях населения, административных преобразованиях, сословной организации, была проведена еще в дореволюционный период. Фактический материал исторического и этнографического характера, ценные статистические сведения о полиэтничном населении края, его занятиях, уровне развития торговых отношений содержится в работах С. Броневского ([Броневский, 1823](#)), Н. Данилевского ([Данилевский, 1846](#)), Н.Ф. Дубровина ([Дубровин, 1871](#)), П. Зубова ([Зубов, 1835](#)), Г.Н. Казбека ([Казбек, 1988](#)) и др.

В советский период по истории казаков Терека создается ряд трудов. Среди них монографии Н.П. Гриценко ([Гриценко, 1961](#)), Л.Б. Заседателевой ([Заседателева, 1974](#)), Д.С. Васильева ([Васильев, 1986](#)), И.Л. Омельченко ([Омельченко, 1991](#)). Авторы этих работ приводят версии появления на Терек первых поселений казаков как Гребенских, так и Терских низовых. При этом подробно описывается ареал расселения, определивший жизнь первых Терских казаков. Л.Б. Заседателева много внимания уделяет описанию терской казачьей общины, ее роли в хозяйственной и бытовой жизни казаков. И.Л. Омельченко анализирует причины образования Терского казачества и его дальнейшую эволюцию. Авторы подробно рассматривают характер отношений казаков с соседними народами.

Статистические данные об этническом составе населения Северного Кавказа, в том числе на Терек и прилегающих территориях, особенно подробные по итогам Всероссийской переписи 1897 г., приводятся в работах Н.Г. Волковой ([Волкова, 1974](#)).

Из современных работ использованы материалы исследований Н.Н. Великой ([Великая, 2001](#)), Г.Н. Малаховой ([Малахова, 2001](#)), С.А. Козлова ([Козлов, 2002](#)), А.Г. Аскерова ([Аскеров, 2009](#)), Д.И. Савельева ([Савельев, 2010](#)) и др. Эти работы, основанные на значительной источниковой базе, а также исследования предшественников дают в совокупности достаточно полное представление об истории формирования и развития Терского казачества, изменениях, происходивших в административно-управленческой структуре станиц и войска, обстоятельно характеризуют систему самоуправления терцев, подробно рассматривают различные стороны хозяйственной жизни казаков, административные основы социально-экономического развития Терской области и др.

4. Результаты

В административном плане Терская область объединяла 8 округов: осетинский, кабардинский, нагорный, ингушский, кумыкский, чеченский, аргунский, ичкерийский. Устанавливалось разделенное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки общественного и политического строя населения Северного Кавказа на гражданский лад ([История народов, 1988: 278](#)).

Переход к мирной жизни положительно сказался на демографических процессах. В пореформенный период продолжилась приписка в казачье сословие, но в значительно меньших размерах, чем в период военных действий. В начале 70-х гг. XIX века терское казачество увеличилось всего на 248 душ «из-за естественного прироста и из-за зачисления в войско из людей других сословий» ([Тхамокова, 2000: 87](#)).

С созданием Терской области и Терского казачьего войска, куда вошли Моздокский, Гребенской и Кизлярский полки, казаки перешли в подчинение начальнику Терской области и одновременно наказному атаману генерал-майору Д.И. Кемферту. По оценке военного министра Д.А. Милютина, Кемферт был храбрый, боевым генералом, но слабым администратором. Ему не по силам было справиться с такой нелегкой задачей, как приведение в благоустройство и в прочный порядок территории, только что покоренной и дотоле не знавшей почти никакой гражданственности ([Милютин, 2004: 72](#)).

После окончания Кавказской войны и стабилизации обстановки встал вопрос о переходе Терских казаков на режим мирного времени. Как отмечали дореволюционные авторы: «с водворением мира казак стал более гражданином, чем воином. Сам стал заботиться о хозяйстве и пропитании» ([Великая, 2001: 112](#)). В 1870 году было принято Положение «О поземельном устройстве в казачьих войсках», объявившее станичные земли в общинном владении. Согласно Положению станицам было отведено по 30 десятин удобной земли на мужскую душу. По земельной описи 1871 года, оказалось, что по нормальному наделу недоставало 300 тыс. десятин земли. Считая даже по самой низкой оценке даже по 10 рублей за десятину, государство осталось в долгу Терскому казачьему войску около 3-х млн. рублей ([ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 49, Л. 35](#)).

Станицы получили право самостоятельно избирать атамана и судей. Кроме того, казацки поселения приобрели некоторые вольности в решение экономических и хозяйственных вопросов.

Земля для пахоты распределялась следующим образом: ежегодно перед наступлением пахоты составляется список по кварталам и дворам о числе паев пахоты, причитающихся каждому двору по расчету общественного сбора. Казаки распахивали землю преимущественно самодельными тяжелыми плугами и «скородять» деревянными бородами. Сеяли на такой земле преимущественно арбузы, дыни, кукурузу и просо. Осенью эту землю боронят деревянными валами и сеют озимые. После этого участок оставлялся не менее как на три года. При таком пользовании землей и способам ее обработки, требовалось гораздо большее количество земли, а урожай получался не значительным. Это наглядно демонстрировало, что казаки были совершенно не знакомы с полезными севооборотами (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 49. Л. 35 об.).

Лицам не войскового сословия разрешалось селиться на землях казачьих войск. Помимо этого позволялось выходить из казачьего сословия. Казаки могли заниматься промыслами и торговлей на общих основаниях. Положение 1870 года предусматривало выделение земельных паев всем казакам, достигшим 17-летнего возраста и обязанных отбывать воинскую повинность. Однако в некоторых станицах пай нарезались на каждого родившегося мальчика. Во всех станицах половина пая выдавалась вдовам, из свободных земель могли выделить участки сиротам, а также семьям, в которых было много дочерей. То есть в ряде случаев (в том числе не предусмотренных законом) продолжали действовать нормы обычного права (Тхамокова, 2000: 120).

В полной мере это относилось к так называемым «родным участкам», родовым владениям, под которыми понимались окультуренные отдельными семьями земли. Они не подлежали традиционному переделу, не включались в пай, могли передаваться по наследству, продаваться внутри общины. Этот институт вольной заимки на пашенные, лесные, сенокосные угодья, огороды не был юридически оформлен и признан государством, но, тем не менее, просуществовал до начала XX века.

По Положению 1870 г. для казаков, живущих в станицах было предусмотрено отводить по 30 десятин земли на каждого мужчину, а также 300 десятин предоставлялось тем станицам, где были приходские церкви. Никакая часть земли и никакое угодье в черте станичного юрта находящееся не могло выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность. В Кизлярском отделе общины придерживались передельно-паевой системы, при которой общинные (станичные) земли распределялись по жребию на равные пай, с постоянной пережеребьевкой через шесть лет. В 1870 г. на земли войскового сословия (генералов, офицеров) была введена полная частная собственность, что противоречило общеказачьему историческому принципу владения и пользования землей (Аскеров, 2009: 89).

Для решения всех накопившихся проблем, связанных с землей, правительство предлагало следующие меры: изъять «из казенных лесных дач и прирезать Терскому войску лесу сколько окажется возможным»; офицерские участки, «находящиеся в станичных юртах купить для войска за счет казны»; «из приобретенных таким образом земли в войско и из войсковых лесных дач наделить предгорные станицы, у которых дополнительные наделы находятся в отдалении». Было выделено 9 станиц, к которым данная мера могла быть применена, это такие как: станицы Кахановская, Ильинская, Горячеисточечная, Петропавловская, Фельдмаршальская, Аки-Юртовская, Сунженская, Тарская, Горячеводская; следующей мерой стало «обводнить и оросить за счет казны безводные земли, лежащие между городом Моздоком и Каспийским морем и 125 тыс. десятин прекрасной земли, лежащей между реками Терек и Сунжей, на которой вследствие засухи произрастание бывает только до мая месяца». Автором документа также говорится, что это предложение не новое и что об этом «войсковое начальство хлопочет уже более 30 лет, но дело не продвигается вперед»; принять меры к прекращению движения песков в северо-восточной территории Терского казачьего войска, «которые уже приближаются к самым поселениям станицы»; урегулировать за счет казны течение Терека от станицы Щедринской до Каспийского моря, «чтобы он разливами своими не наносил бедствий окружающей местности, пригодный по своим почвенным и климатическим условиям для произведения высшей культуры, как-то: винограда, шелковицы, риса и даже хлопка» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 54, Л. 21).

В этот же период наместником проводится перепись во всех терских казачьих станицах региона с целью точного выявления количества проживающих в них лиц.

Перепись проводилась по казачьим полкам. Всего насчитывалось четыре полка: Горский, Моздокский, Владикавказский, Георгиевский.

В Горском казачьем полку насчитывалось 10 станиц, 7 хуторов. Самыми большими станицами и хуторами были: станица Павлодольская – 510 дворов с 1052 душами мужского пола; станица Екатериноградская – 339 дворов с 1228 душами мужского пола; станица Прохладная – 326 дворов с 1176 душами мужского пола; хутор Венеровского на реке Кура – 21 двор с 217 душой мужского пола; хутор полковника Гокипаева – 21 двор с 121 душой мужского пола. Всего в Горском казачьем полку насчитывалось 2503 двора, 8359 души мужского пола (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 57, Л. 38).

В моздокском казачьем полку было 6 станиц, 64 хутора, 1 поселок. Из них наиболее крупными станицами, хуторами и поселками были: станица Наурская – 459 двора с 1858 душой мужского пола;

станция Ищерская – 254 двора с 1264 душой мужского пола; хутор Аустров – 21 двора с 125 душой мужского пола; хутор Найренов – 20 двора с 97 душами мужского пола; поселок Савелевский – 56 двора с 263 душами мужского пола. Всего в Моздокском полку насчитывалось 1720 дворов, 5163 души мужского пола (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 57, Л. 38).

Владикавказский полк насчитывал 16 станиц, 1 поселок. Станицы с большим количеством населения были: станица Троицкая – 289 дворов с 592 душой мужского пола; станица Терская – 236 дворов с 307 душами мужского пола; поселок Актротовский – 45 дворов с 174 душами мужского пола. Владикавказский полк насчитывал 1467 дворов, 3471 души мужского пола (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 57, Л. 38об.).

Георгиевский полк насчитывал 28 станиц. Из них самыми крупными были: станица Георгиевская – 487 дворов с 1247 душами мужского пола; станица Новопавловская – 369 дворов, 1153 души мужского пола; станица Пришибская – 294 двора с 847 душами мужского пола. Всего Георгиевский полк насчитывал 3862 двора, 4636 души мужского пола (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 57, Л. 38об.). Общая численность дворов в четырех полках равнялась 9552; в них перепись выявила 21629 душ мужского пола (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 57, Л. 38об.).

Из материала переписи видно, что район бы густо заселен, наибольшего развития достиг район расположения Георгиевского полка. Значительное заселение именно этого района связано с тем, что, во-первых, он был наиболее безопасным, как во время Кавказской войны, так и в мирное время; во-вторых, местность здесь была довольно равнинная, что давало возможность активно заниматься сельским хозяйством.

К началу 1880-х гг. общая численность населения Терской области превысила 600 тыс. человек. В г. Владикавказе насчитывалось более 23000 населения, в Георгиевске – свыше 4800, в Пятигорске – почти 11500, в Кизляре – 7900, в Моздоке с хуторами – 175000 человек. Подавляющее количество населения проживало в станицах, селах, аулах. Православные в Терской области составили 215300 человек, мусульмане – 336400, армяно-григориан – 17700, протестанты – 4700, католики – 3300, евреи – 4700, раскольники – 24100 человек (Ivantsov et al., 2014).

В 1860-е годы российским правительством была проведена административно-территориальная реформа. В ходе реформы в Терской области были упразднены уезды и учреждены три отдела:

- Пятигорский отдел, в состав которого входили 29 станиц, два города (Пятигорск и Георгиевск), весь район Минеральных вод и несколько разрозненных поселений (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 65, Л. 62);
- Сунженский отдел, в составе 20 станиц и 32 поселений горских обществ (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 65, Л. 62);
- Кизлярский отдел, составляющий 21 станицу, город Кизляр, участок из 10 селений крестьян, остров Чечень, до 60 рыболовных «ватаг» и участок Караногайский, насчитывавший свыше 30 тыс. душ кочевого населения (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 65, Л. 62об.).

Во главе Терской области стоял начальник области и наказной атаман Терского казачьего войска, который в военном отношении пользовался правами начальника дивизии, а в непосредственном его подчинении стоял войсковой штаб. Что же касается гражданского управления, то ему принадлежали все права и обязанности, которыми наделялись губернаторы.

Следующим шагом правительства в регионе в данный период стало издание Положения «об общественном управлении в казачьем войске». Был признан сословный характер станичных обществ и право участвовать в сходах лицам не войскового сословия, при этом иногородние рассматривали только те вопросы, которые их непосредственно касались (Желтова, Иванова, 1996: 60). Согласно Положению станицы получили право самостоятельно избирать атамана и судей. Кроме того, казацкие поселения приобрели некоторые вольности в решение экономических и хозяйственных вопросов.

По давнему обычаю во главе станицы стоял станичный сбор, который составляли по новому Положению 7–8 человек. В Положении четко регламентировались права атамана, раскрывались его основные функции: «станичный атаман должен быть дельным полицейским чиновником. По станичным делам атаман должен распорядителем и хорошим хозяином» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 32, Л. 64). Атаман осуществлял исполнительную власть в станицах. Назначался он выборными лицами (большинством голосов) на 3 года. С согласия начальства возможно было смещение атамана до истечения срока его полномочий или, наоборот, продлить этот срок.

Для удобства управления атаману «в исполнении его обязанностей и для улучшения порядка в управлении избирается один или два помощника» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 32, Л. 64). Функции помощника также строго регламентировались. В его обязанности входило: исполнять поручения атамана, «особенно по взысканию недоимок»; при отсутствии атамана или его болезни помощник должен был «вступать во исполнение должности атамана» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 32, Л. 65).

Кроме помощников в каждом квартале станицы стали назначаться квартальные или нарядчики. Их деятельность также полностью регламентировалась. Квартальные надсмотрщики обязаны ежедневно по утрам обходить свои кварталы «справляться о происшествиях и заразных

болезнях, наблюдать за чистотой дворов и улиц и преследовать беглых и бродяг» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11, Оп. 52, Д. 32, Л. 65об.).

5. Заключение

С началом пореформенного периода хозяйственная деятельность и организация жизни казаков были максимально приближены к крестьянской, что позволяет считать казачество в это время особой группой крестьян России. Казачьи общества действительно постепенно превращались в крестьянские общины с их ориентацией на земледелие. Однако развитие хозяйственных занятий тормозилось сохранением продолжительной воинской службы, которая в новых условиях стала рассматриваться самими казаками как помеха нормальной жизни. Уровень развития земледелия также сдерживался низкой агротехнической культурой, сохранением рутинной техники.

Примечания

[Аскеров, 2009](#) – Аскеров А.Г. Социально-экономическое развитие Нижнетерского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Кизляр, 2009.

[Большой энциклопедический словарь, 1994](#) – Большой энциклопедический словарь. М., 1994.

[Броневский, 1823](#) – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

[Васильев, 1986](#) – Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986.

[Великая, 2001](#) – Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001.

[Волкова, 1974](#) – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.

[Гриценко, 1961](#) – Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. Грозный, 1961.

[Данилевский, 1846](#) – Данилевский Н.Я. Кавказ. Его горские жители в их нынешнем положении. М., 1846.

[Дубровин, 1871](#) – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6-ти томах. Том 1: очерк Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1871.

[Желтова, Иванова, 1996](#) – Желтова В.П., Иванова Н.А. Российское законодательство о казачьем сословии. Ростов н/Д., 1996.

[Заседателева, 1974](#) – Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). М., 1974.

[Зубов, 1835](#) – Зубов П.П. Картины Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении. СПб., 1835.

[История народов, 1988](#) – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

[Казбек, 1888](#) – Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888.

[Козлов, 2002](#) – Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002.

[Малахова, 2001](#) – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.

[Милютин, 2004](#) – Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860 гг. М., 2004.

[Омельченко, 1991](#) – Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.

[Савельев, 2010](#) – Савельев Е.П. Казаки: история. М., 2010.

[Тхамокова, 2000](#) – Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.

[ЦГА РСО-Алания](#) – Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания.

[Ivantsov et al., 2014](#) – Ivantsov V.G., Šmigel' M., Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Interaction of the Russian State and Terek Cossacks: Mechanisms and Results (XVIII–XIX Centuries). // *Bylye Gody*. 2014. № 31 (1). p. 9. Pp. 5-12.

References

[Askerov, 2009](#) – Askerov A.G. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Nizhneterskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The socio-economic development of Nizhneterskogo Cossacks in the second half of the XIX and early XX century]. Kizlyar, 2009.

[Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar', 1994](#) – Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Great Encyclopedic Dictionary]. M., 1994.

[Bronevskii, 1823](#) – Bronevskii S. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. M., 1823.

[Vasil'ev, 1986](#) – Vasil'ev D.S. Ocherki istorii nizov'ev Tereka [The essays on the history of the lower reaches of the Terek]. Makhachkala, 1986.

[Velikaya, 2001](#) – Velikaya N.N. Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv. [The cossacks of the Eastern Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. Rostov n/D, 2001.

- [Volkova, 1974](#) – *Volkova N.G.* Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX century]. M., 1974.
- [Gritsenko, 1961](#) – *Gritsenko N.P.* Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Priterechnykh raionov v XVIII – pervoi polovine XIX veka [The socio-economic development of Priterechnyy areas in the XVIII – first half of XIX century]. Groznyi, 1961.
- [Danilevskii, 1846](#) – *Danilevskii N.Ya.* Kavkaz. Ego gorskie zhiteli v ikh nyneshnem polozhenie [The Caucasus. Its highland inhabitants in their present position]. M., 1846.
- [Dubrovin, 1871](#) – *Dubrovin N.F.* Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. V 6-ti tomakh [The history of war and Russian domination in the Caucasus]. Tom 1: ocherk Kavkaza i narodov ego naselyayushchikh. SPb., 1871.
- [Zheltova, Ivanova, 1996](#) – *Zheltova V.P., Ivanova N.A.* Rossiiskoe zakonodatel'stvo o kazach'em soslovii [Russian legislation on the Cossack class]. Rostov n/D., 1996.
- [Zasedateleva, 1974](#) – *Zasedateleva L.B.* Terskie kazaki (ser. XVI – nach. XX v.) [Terek Cossacks (mid. XVI – early XX centuries)]. M., 1974.
- [Zubov, 1835](#) – *Zubov P.P.* Kartiny Kavkazskogo kraya, prinadlezhashchego Rossii i sopredel'nykh onomu zemel' v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnoshenii [The paintings of the Caucasus region, belonging to Russia and adjacent lands that meter in the historical, statistical, ethnographic, financial and trade relations]. SPb., 1835.
- [Istoriya narodov, 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [The history of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII century – 1917)]. M., 1988.
- [Kazbek, 1988](#) – *Kazbek G.N.* Voенно-statisticheskoe opisanie Terskoi oblasti [The military statistical description of the Terek region]. Tiflis, 1888.
- [Kozlov, 2002](#) – *Kozlov S.A.* Kavkaz v sud'bakh kazachestva (XVI–XVIII vv.) [The Caucasus in the fates the Cossacks (XVI–XVIII centuries)]. SPb., 2002.
- [Malakhova, 2001](#) – *Malakhova G.N.* Stanovlenie i razvitiye rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII–XIX vv. [The formation and development of Russian government in Northern Caucasus in the late XVIII–XIX centuries]. Rostov n/D., 2001.
- [Milyutin, 2004](#) – *Milyutin D.A.* Vospominaniya. 1856–1860 gg. [The memories. 1856–1860 years]. M., 2004.
- [Omel'chenko, 1991](#) – *Omel'chenko I.L.* Terskoe kazachestvo [Terek Cossacks]. Vladikavkaz, 1991.
- [Savel'ev, 2010](#) – *Savel'ev E.P.* Kazaki: istoriya [The Cossacks: history]. M., 2010.
- [Tkhamokova, 2000](#) – *Tkhamokova I.Kh.* Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik, 2000.
- [TsGA RSO-Alaniya](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [The central state archive of the republic of North Ossetia-Alania].
- [Ivantsov et al., 2014](#) – *Ivantsov V.G., Šmigel' M., Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.* Interaction of the Russian State and Terek Cossacks: Mechanisms and Results (XVIII–XIX Centuries). *Bylye Gody*. 2014. № 31 (1). p. 9. Pp. 5–12.

УДК 94

Терская область в пореформенный период (1870–1880 гг.): внутреннее устройство и демография

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{a, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^b, Александр Геннадьевич Варфоломеев ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются внутреннее устройство и демографические процессы в Терской области в пореформенный период (1870–1880-е гг.). В качестве материалов были привлечены архивные документы Центрального государственного архива республики Северная Осетия-Алания. Помимо этого нашли свое отражение в работе и научные исследования по теме публикации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани), Balanyuk.LL@rea.ru (Л.Л. Баланюк), r_angelo8@mail.ru (А.Г. Варфоломеев)

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и систематичности, предполагающие рассмотрение каждого исторического явления и события во взаимосвязи с другими явлениями и событиями, с учетом конкретно-исторической обстановки и в хронологической последовательности; свободу от пристрастий и стремление к предельной достоверности; исследование всех явлений, событий и процессов как элементов единого исторического процесса.

С началом пореформенного периода хозяйственная деятельность и организация жизни казаков были максимально приближены к крестьянской, что позволяет считать казачество в это время особой группой крестьян России. Казачьи общества действительно постепенно превращались в крестьянские общины с их ориентацией на земледелие. Однако развитие хозяйственных занятий тормозилось сохранением продолжительной воинской службы, которая в новых условиях стала рассматриваться самими казаками как помеха нормальной жизни. Уровень развития земледелия также сдерживался низкой агротехнической культурой, сохранением рутинной техники.

Ключевые слова: Терская область, Российская империя, казачество, демография, 1870–1880 гг.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1239-1250, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Reforms and Cases of Suicide in Russia (Suicidal Activity of Saint Petersburg Population in the second half of XIX Century: Proportions, Trends and Distinctive Features)

Sergei Bogdanov ^{a, *}, Vladimir Ostapuk ^a

^a Belgorod State National Research University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the dynamics of the population of the capital of the Russian Empire mortality from suicide in the period after the abolition of serfdom and the end of the XIX century. As an empirical basis used statistical sources different departments. This approach brings to the study of the real situation of this type of violent death among the population of the capital of the Russian Empire in the post-reform period. Compares statistics of suicide in St. Petersburg, according to the mayor of the capital and information-Russian Interior Ministry. The article contains a retrospective analysis of the Study of Russian population mortality from suicide for quite an extended period of time - from the beginning of the XIX century and ending with the first decade of the XXI century. The dynamics of officially registered cases of suicide among the city residents. Traced fluctuations average annual suicide of St. Petersburg over the age of 16 years. The concept of the death rate among the adult population of the city from suicide, and calculated its value at a given chronological period. It calculates the level of suicide prevalence of various parts of the city for 10,000 inhabitants of each of the parts of the city. The reasons of high prevalence of mortality due to suicide in some parts of the capital. Substantiates the assumption that the official police statistics undercount the number of deaths from violent causes in the largest city of Russia of the XIX century. Consider the opinions of experts in the period has been criticized state forensic examination on the facts discovered in the territory of St. Petersburg of the bodies of people with signs of violent death. These and other factors make it possible to express an opinion on the figures understated official statistics about the number of victims of violent deaths in the case of Russia the largest city of the time period.

Keywords: reforms, suicide, misreporting of death through violence, Saint Petersburg city municipality, Ministry of the Interior of Russia.

1. Введение

Феномен самоубийства в российском обществе XIX столетия изучался социологами, философами, медиками, правоведами, педагогами. Однако среди многочисленных исследователей данного явления историки – достаточно редкое явление. Между тем, устойчивое воспроизводство самоубийств является одним из индикаторов, свидетельствующим о наличии системных деформаций во всем многообразии социальных отношений, и прежде всего в плане роста смертности населения. При этом деформации приобретают особую остроту в периоды масштабных преобразований, что провоцирует рост суицидальной активности населения. Поэтому для воссоздания целостной картины тех или иных временных периодов принципиально важным является рассмотрение всей совокупности явлений, процессов, тенденций, как созидательных, так и разрушительных. Одним из таких деструктивных явлений выступает самоубийство.

2. Материалы и методы

Особенностью предлагаемого исследования является то, что на основании разнообразных статистических источников впервые рассчитаны коэффициенты смертности от суицида среди

* Corresponding author

E-mail addresses: dr.bogdanov_sv@mail.ru (Sergei Bogdanov), ostapuk.bsu.edu.ru (Vladimir Ostapuk)

населения старше 16 лет различных частей столицы Российской империи – Санкт-Петербурга – и их динамика на протяжении 1873-1897 гг. Также выявлены основные причины недоучета фактов насильственной смертности в самом того периода времени крупном по численности населения городе Российской империи.

Столица государства также выбрана не случайно. Выбор был предопределен двумя обстоятельствами. Первое, фактическое отсутствие современных историко-демографических исследований самоубийств в Петербурге второй половины XIX столетия. Второе, необходимость выявления совокупности факторов, предопределивших колебания уровня суицидальной активности населения крупнейшего города России этого периода.

Официальные статистические сведения о количестве самоубийств в Санкт-Петербурге представлены в двух группах источников, публиковавшихся различными ведомствами: Центральным Статистическим Комитетом МВД (далее – ЦСК МВД) и Петербургским Градоначальством.

В 1897 г. вышло из печати издание ЦСК МВД – Временник «Умершие насильственно и внезапно в Российской Империи в 1888–1893 гг.» ([Временник ЦСК МВД, 1897](#)).

В сравнении с двумя предшествующими статистическими сборниками, посвященным насильственным и внезапным смертям, это издание содержало сведения за 1885–1893 гг. по всем губерниям и областям Российской империи за исключением областей Войска Донского, Карской, Терской и Закаспийской, округов Закавказья и Черноморского. Данный «Временник» имел еще одну особенность – в нем впервые были обобщены статистические данные о насильственных и внезапных смертях по десяти главнейшим городам Европейской России за период с 1870 по 1893 гг.

Вторая группа источников – Всеподданнейшие отчеты Санкт-Петербургского градоначальника – отличались довольно подробным освещением различных сторон жизни столицы Российской империи. Сведения о количестве самоубийств публиковались в приложениях к отчету под названием «Статистическая таблица о разных происшествиях в С-Петербурге за ... год». Заглавия отчетов с 1873 по 1893 гг. неоднократно изменялись: Всеподданнейший отчет С-Петербургского градоначальника; с 1894 по 1896 гг. – Обзор деятельности С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции; с 1897 г. – Приложение к Всеподданнейшему отчету о деятельности С.-Петербургского градоначальства ([Всеподданнейшие отчеты, 1873-1893](#); [Обзоры деятельности, 1894-1896](#)).

Также ценным источником по статистике самоубийств в крупнейшем городе страны являются «Статистические ежегодники С-Петербурга», издание которых было инициировано руководителем статистического отдела при Петербургской городской управе Ю.Э. Янсоном. Первый выпуск увидел свет в 1882 г.

Сопоставление сведений ЦСК МВД и Санкт-Петербургского градоначальника выявляет расхождение показателей, представленных в различных документах. Так, согласно подсчетам ЦСК МВД, за 1870–1893 гг. (сведения о количестве самоубийств в отчетах МВД за 1875 г. отсутствуют) в столице государства от самоубийств погибло 2 869 человек ([Временник ЦСК МВД, 1897: 76](#)).

В то же время, согласно Всеподданнейшим отчетам Санкт-Петербургского градоначальника за 1873–1893 гг. (без сведений за 1880 и 1881 гг. – отчеты не составлялись), количество самоубийств в городе существенно разнится – 2 505 случаев.

Таким образом, в отчетах МВД количество погибших от самоубийств в Санкт-Петербурге на 364 человека больше, чем в отчетах столичного градоначальника. По всей видимости, данные статистические разногласия объясняются различными сроками поступления сведений о количестве самоубийств в данные ведомства. Это в свою очередь приводило к данным статистическим разночтениям.

Однако, учитывая постоянное увеличение столичного населения, численность которого к концу XIX столетия перешагнула миллионную отметку, данное расхождение не оказывало существенного воздействия на расчеты уровня смертности населения от самоубийств.

Однако даже внутри этого непродолжительного периода отмечались периоды всплесков и относительного затишья регистрируемых случаев самоубийств среди населения столицы Российской империи. Не случайно этот феномен привлекал к себе внимание специалистов различных отраслей науки.

3. Обсуждение

В изучении феномена самоубийств среди населения Российской империи можно выделить ряд периодов, каждый из которых характеризуется специфическими подходами, обусловленными не только позициями авторов, изучавшими данную проблему, но и влиянием доминирующей государственной идеологии.

Первый период: начало – первая половина XIX в. Количество научных изысканий, посвященных самоубийствам в Санкт-Петербурге, оказалось незначительным. Бесспорный интерес и у современников, и у последующих исследователей вызвал доклад академика К.Ф. Германа «Изыскания о числе убийств и самоубийств в России в 1819–1820 годах», который был им озвучен в 1823 г. ([Herrmann, 1832](#)).

Отдельные сведения о самоубийствах в 1830–1840-х гг. публиковались в рамках различных

описаний столицы, очерков «народной нравственности», предназначенных для широкой читающей общественности (Башуцкий, 1834: 91-94; Пушкирев, 1839: 66-68). Однако серьезный анализ самоубийств в этих работах отсутствовал.

Время общественной реакции, инициированной Николаем I, ознаменовалось, в том числе и ужесточением цензурного наступления на любую печатную продукцию. Тема насильственной смертности населения в России, хотя и не была вовсе запрещенной, в перечне нежелательных все же оставалась. Данное обстоятельство не способствовало развертыванию серьезных исследований по данной проблеме. Исключением, пожалуй, является работа К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики России», с которой читающая общественность получила возможность ознакомиться в 1847 г. (Веселовский, 1847).

В этом исследовании впервые была озвучена проблема недоучета полицейскими органами насильственной смертности в стране. Сам факт того, что книга была отпечатана в типографии Министерства внутренних дел, является весьма показательным в плане признания этим ведомством серьезности обозначенной проблемы.

Второй период: вторая половина XIX – начало XX вв. Вполне закономерным следствием общей либерализации в стране после отмены крепостного права явился интерес к социальной повседневности, которая значительно усложнилась, и проявлялась не только в виде созидательных, но и деструктивных явлений – преступности, самоубийствах, алкоголизме и пр. Совершенно очевидной стала невозможность дальнейшего использования поверхностного подхода к исследованию самоубийства в России, характерного для подавляющего большинства публикаций предшествующих десятилетий.

Уже в первой половине 1860-х гг. читающая общественность получила возможность ознакомиться с научными изысканиями, которые насыщаются статистикой, в них присутствуют попытки представить социологические, психологические причины самоубийств. Наиболее заметными явились труды А.В. Лихачева, Н.В. Пономарева, П.Ф. Булацеля (Лихачев, 1882; Пономарев, 1880; Булацель, 1884).

Что касается изучения самоубийств в Санкт-Петербурге, то наиболее интересными явились работы Ю. Губнера, И. Пастернацкого, П. Загорского, А.А. Липского, С.А. Белякова, Ф.К. Тереховко (Губнер, 1868; Пастернацкий, 1872; Загорский, 1880-1881; Липский, 1887; Беляков, 1893; Тереховко, 1903).

Начало XX столетия ознаменовалось усилением внимания отечественных специалистов к проблематике самоубийств. Это было обусловлено вспышками суицидальной активности среди учащихся учебных заведений Российской империи (Самоубийства, покушения, 1906-1916; Хорошко, 1909; Бернацкий, 1911; Левицкий, 1911; Феноменов, 1914; Флоровский, 1915), увеличением количества самоубийств в армии, в том числе среди офицерского корпуса (Военно-статистический ежегодник, 1911). Научная общественность продолжала искать ответы на множество вопросов, связанных с феноменологией самоубийства (Бронзов, 1912; Лебедев, 1913), социальными условиями и факторами его воспроизводства (Антропов, 1911; Прозоров, 1915: 117-133; Коровин, 1916).

Различным аспектам самоубийств в Петербурге-Петрограде оказались посвящены специальные сборники статей, многочисленные газетные и журнальные публикации (Прозоров, 1913).

Безусловно, данный период оказался самым плодотворным в плане появления многочисленных и разнообразных работ, посвященных самоубийствам в российском обществе.

Третий период приходится на 1917–1987 гг. В рамках данного периода особняком стоят 1920-е гг. Благодаря усилиям М.Н. Гернета, в структуре Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР был образован Отдел моральной статистики, учитывающий, помимо прочих проявлений асоциального поведения, самоубийства. С 1922 г. в советской России началась регистрация самоубийств по особым статистическим листам, причем довольно обширным и информативным. В это десятилетие появилось большое количество научных работ, посвященных самоубийствам в СССР. Однако обращение к недавнему прошлому данной социальной патологии в России стало неудобным по идеологическим соображениям: уровень самоубийств в советской России оказался выше, нежели в Российской империи.

В 1930–1970-е гг. в СССР тема самоубийств была плотно закрыта не только для общества в целом, но и для научной общественности. Считалось, что нормальный советский человек не способен на суицид. В этот период проблема самоубийств изучалась исключительно в медико-биологическом аспекте. Публикация статистики самоубийств для широкой общественности в СССР возобновилась лишь в 1988 г.

Четвертый период ведет свой отсчет с начала либеральных реформ в стране и продолжается в настоящее время. Неблагоприятная демографическая ситуация в стране серьезно актуализировала проблемы смертности населения от самоубийств. Как результат: с 1993 по 2011 гг. в ИНИОН РАН поступила информация о 1089 публикациях, в той или мере затрагивающих проблемы самоубийства. Однако современных отечественных исследований, специально посвященных самоубийству в России второй половины XIX столетия, по-прежнему остается очень мало.

Необходимо отметить, что в последнее время проблемы насильственной смерти населения Российской империи все чаще становятся объектом научных исследований зарубежных специалистов.

Эта тема была затронута в публикации А. Стиккли и И. Маккинена (Stickley, Mäkinen, 2005; 45(5): 647-670). В то же время авторы преимущественно анализировали причинно-следственные связи социальных потрясений и умышленных убийств в российском обществе. Проблемы самоубийств рассматривались поверхностно.

Подавляющее большинство западных специалистов обращают свое внимание на проблемы взаимосвязи самоубийств и высокого уровня смертности в России, останавливаясь преимущественно на советском (Pridemore, 2006; 85: 413-430) или постсоветском периоде (Wasserman, Värnik, 1998; 394: 34-41).

Таким образом, проведенный историографический обзор научной литературы по проблематике настоящего исследования позволяет обратить внимание на сохраняющиеся «белые пятна» в изучении диалектики взаимосвязи суицидальной активности населения Санкт-Петербурга и процессов ускоренной модернизации в стране, развернувшейся во второй половине XIX столетия.

4. Результаты

Динамика законченных самоубийств в Санкт-Петербурге в 1873–1897 гг. представлена в таблице 1 (Всепогоднейшие отчеты 1873-1893; Приложение 1897; Статистический ежегодник С-Петербурга, 1889: 258).

Таблица 1. Количество самоубийств в Санкт-Петербурге (1873–1897 гг.)

Год	Количество самоубийств	В % к предыдущему году	В % к 1873 г.
1873	91	-	-
1874	71	78,0	78,0
1875	104	146,4	114,2
1876	93	89,4	102,1
1877	82	88,1	90,1
1878	100	121,9	109,8
1879	82	82,0	90,1
1880	91	110,9	100,0
1881	120	131,8	131,8
1882	137	114,1	150,5
1883	106	77,3	116,4
1884	114	107,5	125,2
1885	136	119,2	149,4
1886	190	139,7	208,7
1887	114	60,0	125,2
1888	129	113,1	141,7
1889	131	101,5	143,9
1890	147	112,2	161,5
1891	180	122,4	197,8
1892	175	97,2	192,3
1893	186	106,2	204,3
1894	117	62,9	128,5
1895	153	130,7	168,1
1896	127	83,0	139,5
1897	132	103,9	145,0

Таким образом, на протяжении последней четверти XIX столетия, в Санкт-Петербурге наблюдался рост количества законченных самоубийств. Число суицидентов увеличивалось неравномерно, но в целом, к концу 1890-х гг. в сравнении с началом 1870-х гг. ежегодное количество погибавших от самоубийств петербуржцев возросло практически в два раза.

С начала 1870-х гг. в столице России происходило увеличение среднегодовых показателей количества законченных самоубийств. В 1873–1877 гг. они составили 88,2 человек, в 1878–1882 гг. – 106,2 человек, в 1883–1887 гг. – 132 человека, в 1888–1892 гг. – 152 человека. Только в 1893–1897 гг. этот показатель имел тенденцию к снижению по отношению к предыдущему периоду – 143 человека.

На протяжении 1873–1897 гг. наблюдались годы подъемов и спадов регистрируемых суицидов. Однако какой-либо закономерности в их чередовании не выявлено.

Своеобразным рубежом, с которого количество самоубийств в столице российского государства стало заметным, явился конец 1870 – начало 1880-х гг. Видимо, это было связано с активизацией деятельности правоохранительных органов и бюрократического аппарата, вызванных серьезным обострением социально-политической обстановки в стране, сменой руководства МВД, приходом к власти нового российского самодержца – Александра III, откровенного приверженца жесткой

государственной дисциплины и порядка.

Данные обстоятельства способствовали ужесточению требований к регистрационной дисциплине различных происшествий, в том числе и самоубийств.

Суицидальный потенциал столицы Российской империи во второй половине XIX столетия усиливался еще и наличием значительного количества лиц, которые совершали покушение на самоубийство, но по тем или иным причинам оно не было до конца доведено. В целом, за 1881–1890 гг. в Санкт-Петербурге 4 139 граждан попытались свести счеты с жизнью. Из данного количества 1 456 человек (35,2 %) погибли в результате самоубийства и 2 683 человека (64,8 %) совершили попытку суицида. Наибольшее количество самоубийств и попыток самоубийства в данное десятилетие было зарегистрировано в 1886 г. – 477 случаев. Наименьшие показатели суицидальной активности петербуржцев пришлось на 1885 г. – 355 случаев.

Анализ возрастного состава петербуржцев, совершивших самоубийство и покушение на самоубийство в 1881–1890 гг., свидетельствует о следующем.

Наибольшее число, покусившихся на свою жизнь, как среди мужчин, так и среди женщин, приходится на возраст от 21 до 25 лет – 655 мужчин и 264 женщины. В следующих возрастных группах наблюдается постепенное уменьшение числа покушений и законченных суицидов: от 26 до 30 лет – 595 мужчин и 236 женщин; от 31 до 35 лет – 400 мужчин и 123 женщины; от 36 до 40 лет – 321 мужчина и 107 женщин; от 41 до 50 лет – 330 мужчин и 86 женщин; старше 50 лет – 176 мужчин и 50 женщин.

Ситуации с самоубийствами детей в возрасте до 15 лет в это десятилетие характеризуется следующими показателями. Законченных самоубийств в самой младшей возрастной группе в 1881–1890 гг. произошло 15 среди мальчиков и 2 – среди девочек.

Анализ моральной статистики позволяет выявить одну закономерность, которая на протяжении всей второй половины XIX столетия год от года отчетливо проявлялась. Выяснение семейного положения суицидентов в Санкт-Петербурге подтверждает вывод о семье, как факторе, сдерживающим суицидальные намерения человека. Например, в 1881–1890 гг. среди покончивших жизнь петербуржцев одиноких (холостых мужчин, незамужних женщин, вдовцов и вдов) оказалось 70%, а женатых и замужних – 30 %.

Коэффициент смертности среди взрослого населения столицы от самоубийств в среднегодовом исчислении рассчитывается как отношение количества законченных самоубийств, совершенных в среднем в год, к среднегодовой численности населения города в возрасте от 16 лет. Данный показатель для Петербурга в целом рассчитывается на 100000 жителей города (для частей и участков города – на 10000 жителей).

Необходимым элементом расчета является численность населения города и ее динамика в обозначенный хронологический период.

Как известно, в пореформенный период в столице Российской империи было проведено шесть переписей населения: в 1862, 1863, 1864, 10 декабря 1869 г., 15 декабря 1881 г. 15 декабря 1890 г., 28 января 1897 г. ([С-Петербург по переписи 1881 г., 1883](#); [С-Петербург по переписи 1890 г., 1891](#); [С-Петербург по переписи 1869 г., 1872](#))

Воспользуемся результатами переписей 1869–1897 гг. В результате расчетов было установлена следующая среднегодовая численность населения Санкт-Петербурга с разбивкой по пятилетиям: в 1873–1877 гг. – 606 255 человек, в 1878–1882 гг. – 662 961 человек, в 1883–1887 гг. – 717 110 человек, в 1888–1892 гг. – 770 400 человек, в 1893–1897 гг. – 832 691 человек.

В связи с тем, что доля детей и подростков, совершивших самоубийство, в общем количестве добровольно ушедших из жизни, оказывалось относительно небольшим, в дальнейших расчетах будем принимать во внимание только население Петербурга в возрасте от 16 лет и старше. Это позволит нам получить более верные расчеты коэффициентов смертности населения столицы российского государства от самоубийств. Исключение составляет только период 1893–1897 гг. В связи с тем, что при проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи разбивка населения по возрастам несколько отличалась от ранее проводившихся переписей в Санкт-Петербурге. Это способствовало некоторому увеличению учитываемых жителей старших возрастов. Так, по переписи 1897 г. собранные сведения о численности населения группировались по следующим самым молодым возрастным группам: дети моложе года, от 1 года до 9 лет включительно, от 10 до 19 лет. Петербургские переписи использовали большее дробление детских возрастов: до 1 года, от 1 года до 5 лет, от 6 до 10 лет, от 11 до 15 лет.

Динамика смертности населения Санкт-Петербурга в возрасте от 16 лет и старше от самоубийств в 1873–1899 гг. представлена на следующей диаграмме ([рис. 2](#)).

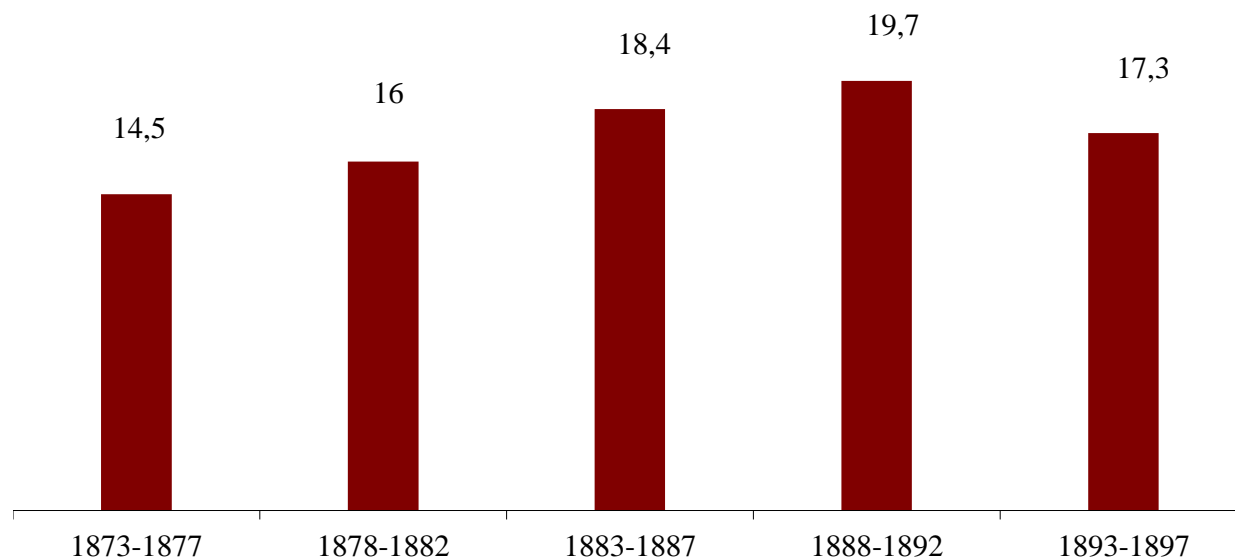

Рис. 2. Динамика коэффициентов смертности населения Санкт-Петербурга от самоубийств в возрасте от 16 лет в среднегодовом исчислении, 1873–1897 гг.

В целом, на протяжении 1873–1892 гг. наблюдается постепенное увеличение смертности среди взрослого населения столицы Российского государства от самоубийств. И только в 1893–1897 гг. показатели суицидальной смертности стали снижаться в сравнении с двумя предыдущими пятилетиями.

Представляет интерес остановиться подробнее на распределении погибших от самоубийств по частям Санкт-Петербурга в изучаемый отрезок времени. Данные сведения содержатся в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Смертность населения по частям Санкт-Петербурга в возрасте старше 16 лет от самоубийств в среднегодовом исчислении, человек в расчете на 10000 населения соответствующей части города, 1873–1897 гг.

Части С-Петербурга	Годы				
	1873-77	1878-82	1883-87	1888-92	1893-97
Адмиралтейская	1,7	1,1	2,1	0,9	0,8
Казанская	2,5	1,5	2,0	2,2	2,7
Спаская	1,8	1,6	1,6	2,9	1,3
Коломенская	1,6	0,9	1,2	2,1	1,1
Нарвская	1,2	0,9	0,7	1,5	0,6
Московская	1,2	1,4	1,4	1,8	1,4
Александро-Невская	0,6	1,1	1,7	1,6	1,8
Рождественская	1,1	1,3	2,0	3,3	2,0
Литейная	0,8	1,4	1,3	2,0	2,0
Васильевская	1,6	1,3	2,0	2,4	1,9
Петербургская	1,7	2,7	2,2	1,6	3,3
Выборгская	1,9	3,2	2,9	1,6	1,9

Анализ динамики суицидальной активности петербуржцев от 16 лет, в 1873–1897 гг., позволяет обратить внимание на следующие тенденции:

1. Самые высокие коэффициенты смертности населения города от самоубийств пришлось на 1888–1892 гг. Наблюдался всплеск самоубийств в Спасской, Коломенской, Рождественской частях столицы;

2. В исследуемый период наибольшие среднегодовые показатели погибших от самоубийств фиксировались: в 1873–1877 гг. – в Казанской части; на протяжении двух десятилетий (1878–1882 и 1883–1887 гг.) – в Выборгской части; в 1893–1897 гг. – в Петербургской части. Как видим, наиболее пораженные суицидом оказались окраины и пригороды столицы. Исключение составил 1-й участок Казанской части, хотя участки центральной части города традиционно характеризовались более низким числом и законченных самоубийств и покушений на самоубийство;

3. Сравнение коэффициентов смертности взрослого населения от самоубийств в столице России в начале 1870-х гг. и в конце 1890-х гг. выявляет семь частей города, в которых произошло увеличение данного показателя, в четырех частях – снижение и одну часть, где он не изменился.

Устойчивое воспроизводство самоубийств в Петербургской и Выборгской частях на более высоком уровне, нежели в среднем по городу объясняется целым рядом причин.

Во-первых, в этих частях города на протяжении всего пореформенного периода происходил постоянный прирост населения. В Выборгской части в 1869 г. насчитывалось 22 821 человек, в 1890 г. – 41 227 человек. Численность населения в Петербургской части с 1869 г. по 1890 г. возросла с 42 611 человек до 76 988 человек. При этом в данной части Санкт-Петербурга темпы роста населения почти в 2 раза превышали темпы роста населения столицы в целом. Это приводило к скученности населения.

Во-вторых, социальный состав жителей этих двух частей города обнаруживает много схожего. В Петербургской части – значительное количество фабричных рабочих и солдат (особенно на третьем участке). Выборгская часть – сосредоточие большого числа промышленных предприятий, которые привлекали к себе значительные массы «рабочего люда», «пришлого элемента». В большинстве своем это были неграмотные и малограмотные люди (население Петербургской части, особенно четвертого участка, занимало последнее место в таблице распределения участков города по грамотности).

В-третьих, на окраинах столицы проживало преимущественно бедное население, среди которых получило широкое распространение пьянство.

В довольно обстоятельном исследовании «Город С-Петербург с точки зрения медицинской полиции», подготовленном врачами столичной полиции, отмечается: «Обращая преимущественное внимание на санитарные условия быта, характерные для Выборгской части, следовало бы сказать, что, с одной стороны, бедность, а с другой – некультурность жителей едва ли способна вызывать самобытным естественным порядком улучшение в пище, одежде и обиталищах, иначе сказать, в санитарных условиях жизни» ([Город С-Петербург, 1897: 709](#)).

После рассмотрения основных показателей смертности населения столицы Российской империи от самоубийств в пореформенные десятилетия вполне закономерным является вопрос о полноте и качестве данной статистики.

Сравнение двух источников официальной статистики самоубийств в Санкт-Петербурге на протяжении исследуемого хронологического периода выявило наличие определенных различий. Основной причиной этого являлось крайне низкое качество моральной статистики в России, на что обращалось внимание еще в конце 1840-х гг. Авторитетный специалист по проблемам моральной статистики К.С. Веселовский в своем труде указывал на неполноту и неточность официальных сведений о самоубийствах в стране: «Можно утвердительно сказать, что везде число самоубийств бывает значительнее того, какое оказывается на основании официальных документов» ([Веселовский, 1847: 7](#)).

Критика официальной статистики самоубийств в стране содержалась также в книге А.В. Лихачева ([Лихачев, 1882: 18-19](#)).

По мнению доктора Ю. Гюбнера, отчеты МВД и губернских статистических комитетов учитывали всего лишь одну третью часть от действительного количества самоубийств ([Гюбнер, 1868](#)).

Упомянутый выше К.С. Веселовский приводит следующий довольно характерный пример: «Вычислено, что в Петербурге, по сложности восьми лет, приходится по 30 самоубийств на год; между тем, из рапортов петербургского обер-полицеймейстера оказывается, что с 1834 по 1849 год, найдено мертвых и всплывших тел 172, из которых 116 по гнилости были преданы земле без анатомического вскрытия» ([Веселовский, 1847: 8](#)).

Что касается рассматриваемого хронологического периода, то здесь возникают проблемы неполноты статистической информации в отношении количества обнаруженных мертвых тел.

Дело в том, что ЦСК МВД сведений о количестве обнаруженных мертвых тел за период с 1870–1894 гг. по столице Российской империи не представил. Хотя по остальным крупнейшим городам Европейской части страны такая информация была обнародована ([Временник ЦСК МВД, 1897: 76-95](#)).

Что касается Всеподданнейших отчетов Санкт-Петербургского градоначальника, то в них содержалась информация о количестве обнаруженных мертвых тел, вскрытие которых из-за их гнилости не производилось. Это отчеты за 1873–1883 гг. С 1884 г. в отчетах по судебно-медицинскому ведомству такие сведения перестали публиковаться.

Еще одна особенность предопределила масштабы латентной смертности от насильственных причин в Санкт-Петербурге в пореформенные десятилетия.

Особенностью географического положения столичного города явилось обилие рек, каналов. Наряду с определенными положительными моментами (крупный порт, оживленное судоходство, отсутствие проблем с водоснабжением), это также создавало и ряд серьезных проблем (угроза наводнения, большая вероятность несчастных случаев на водах столицы, а также возможность для преступника избавиться от жертвы собственного преступного деяния, замаскировав тем самым это деяние под смерть от несчастного случая – утопления).

Бесспорно, извлечение из воды тела погибшего человека не может однозначно являться

свидетельством насильственной смерти в отношении погибшего. Но это также не может быть и неоспоримым свидетельством естественной смерти погибших, тела которых были выловлены в водах Петербурга.

В целом, за 1873–1893 гг. из столичных рек и каналов было выловлено 3762 тела погибших, которые были отнесены к разряду «утопленников». Однако истинная причина смерти этих людей так и осталась до конца невыясненной.

Согласно отчетам Санкт-Петербургского градоначальника, только за период с 1873–1883 гг. у 797 обнаруженных мертвых тел «за гниlostью причины смерти не открыты». Не подлежит сомнению тот факт, что среди этого количества обнаруженных мертвых тел, определенная часть умерла в результате насильственных действий (как убийств, так и самоубийств). Поэтому официальную статистику погибших от убийств и самоубийств, на наш взгляд, необходимо увеличить, по меньшей мере, в 1,2–1,3 раза.

Одной из объективных сложностей определения действительных причин смерти выловленных тел из вод Петербурга являлся уровень судебно-медицинских исследований. Один из специалистов в этой сфере врач П.П. Заблоцкий, разбирая характерные признаки смерти от утопления от помещения в воду уже мертвого тела, в заключение пишет: «... что все прочие признаки, упоминаемые врачами и взятые отдельно, недостаточны для определения рода смерти, и что одна совокупность может приблизить к вероятному заключению» (Заблоцкий, 1845: 56).

Действительно, попытки сведения счетов с жизнью посредством утопления среди жителей Петербурга не были столь уж редким явлением.

Доктор О. Вислоцкий считал, что одной из «...главных причин неудовлетворительности судебно-медицинской экспертизы составляет то обстоятельство, что есть еще известное количество судебно-медицинских научных начал, которые до сих пор не расследованы и не определены с желаемой точностью, так что на их основании во многих случаях возможен только условный или вероятный ответ. Сюда принадлежит, например, смерть от повешения, удушья, потрясения мозга, от удара в окрестность желудка, от продолжительного щекотания, от истощения и поражения нервной системы вследствие различных причин и т.д.» (Вислоцкий, 1872: 173).

5. Заключение

Вряд ли в рамках одной статьи возможно создание полной картины развития такой сложной междисциплинарной проблемы, какой является самоубийство. Поэтому в поле зрения не попали такие вопросы, как: мотивы самоубийств, социальное положение суицидентов, способы сведения счетов с жизнью. Данные проблемы могут составлять вполне самостоятельные темы научных исследований. В статье ставился достаточно ограниченный и конкретный круг вопросов, связанный с рассмотрением динамики самоубийств, расчетом уровня самоубийств среди жителей различных частей российской столицы, а также недоучетом количества погибших от суицида.

Динамика смертности населения Санкт-Петербурга от самоубийств свидетельствовала о неуклонном увеличении числа жителей крупнейшего города страны, добровольно покончивших с жизнью. Города становились все более «суицидоопасными», чем сельская местность. Достаточно отчетливо это проявилось в столице Российской империи.

Распределение суицидентов по полу показало традиционную картину: мужчины значительно преобладали над женщинами в общем количестве лиц, совершивших самоубийство. Хотя доля женщин, совершивших самоубийство, постепенно увеличивалась, как в общем количестве суицидентов, так и среди умерших в результате насильственной смерти.

Статистика насильственной смертности среди жителей столицы в пореформенные десятилетия не являлась полной. Она отражала всего лишь определенную часть умерших от убийств и самоубийств, причина смерти которых была очевидной и не вызывала сомнений у судебных медиков. Не вызывает сомнений тот факт, что среди указанного в отчетах количества обнаруженных в водах столицы Российской империи погибших определенная часть явилась жертвами убийств или самоубийств. В связи с тем, что ни полицейская статистика, ни отчеты Санкт-Петербургского градоначальника не отличались полнотой сведений, можно предположить, что число погибших от насильственных причин в действительности было больше. Косвенным свидетельством этого является значительное количество обнаруженных полицейскими органами тел погибших, причины смерти которых, так и остались невыясненными. В то же время, не смотря на расхождения статистики самоубийств, подготовленной разными властными структурами Российской империи, тем не менее, общие тенденции развития данного вида насильственной смертности среди городского населения прослеживаются отчетливо. И в этом плане, статистика самоубийств, собранная столичным Градоначальством, обнаруживает схожую с другими наиболее крупными городами Европейской части Российской империи траекторию в динамике данного вида насильственной смерти.

Таким образом, периоды крутой ломки устоявшихся социальных структур, экономического уклада, морально-психологических устоев и стереотипов сопровождаются, как правило, значительным увеличением суицидальной активности населения. На примере крупных городов это оказывается более заметным, нежели в российской провинции.

Литература

- Антропов, 1911** – *Антропов Р.Л.* Почему молодежь кончает самоубийством: социально-беллетрист. очерки из полового и иных психозов послереволюц. периода. СПб., 1911. 112 с.
- Башуцкий, 1834** – *Башуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга. Часть 2. СПб., 1834. 234 с.
- Беляков, 1893** – *Беляков С.А.* О самоубийстве и несчастных случаях в психиатрических заведениях: доклад С.-Петерб. об-ву психиатров в заседании 14 ноября 1892 г. СПб., 1893. 144 с.
- Бернацкий, 1911** – *Бернацкий В.А.* Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911. 72 с.
- Бронзов, 1912** – *Бронзов А.А.* Самоубийства. СПб., 1912. 11 с.
- Булацель, 1884** – *Булацель П.Ф.* Самоубийство с древнейших времен до наших дней: ист. очерк филос. воззрений и законодательств о самоубийстве. Ревель, 1884. 208 с.
- Веселовский, 1847** – *Веселовский К.С.* Опыты нравственной статистики России. СПб., 1847. 64 с.
- Вислоцкий, 1872** – *Вислоцкий О.* О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства. Варшава, 1872. 176 с.
- Военно-статистический ежегодник, 1911** – Военно-статистический ежегодник армии за 1910, 1911 гг. СПб.: Военная типография, 1911-1913.
- Временник ЦСК МВД, 1897** – Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888–1893 гг.». СПб., 1897. 95 с.
- Всеподданнейшие отчеты 1873-1893** – Всеподданнейшие отчеты Санкт-Петербургского градоначальника. СПб., 1873–1893.
- Город С-Петербург, 1897** – Город С-Петербург с точки зрения медицинской полиции. Составлено по распоряжению С-Петербургского Градоначальника генерал-майора Н.В. Клейгельса врачами петербургской столичной полиции. СПб., 1897. 742 с.
- Гюбнер, 1868** – *Гюбнер Ю.* Самоубийства в Санкт-Петербурге. СПб., 1868. 23 с.
- Заблоцкий, 1845** – *Заблоцкий П.П.* Врачебно-полицейские и судебно-медицинские изыскания об утопленниках. СПб., 1845. 71 с.
- Загорский, 1880-1881** – *Загорский П.* Смертность в С.П.Б. за 1878 г. СПб., 1880–1881. 24 с.
- Коровин, 1916** – *Коровин А.М.* Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-й год. М., 1916. 55 с.
- Лебедев, 1913** – *Лебедев Н.* Самоубийство как социально-этическое зло. М., 1913. 20 с.
- Левицкий, 1911** – *Левицкий И.И.* Борьба с самоубийствами учащихся: докл. сенат. Гарину и Мин. нар. просв. Иркутск, 1911. 144 с.
- Липский, 1887** – *Липский А.А.* Самоубийство детей в С.-Петербурге. СПб., 1887. 12 с.
- Лихачев, 1882** – *Лихачев А.В.* Самоубийство в Западной Европе и Европейской России: Сравнительное статистическое исследование. СПб., 1882. 253 с.
- Обзоры деятельности 1894-1896** – Обзоры деятельности С-Петербургского градоначальства и столичной полиции. СПб., 1894-1896.
- Пастернацкий, 1872** – *Пастернацкий И.* Статистическое исследование самоубийств в Петербурге за 1870, 1871 и 1872 годы // Медицинский вестник. 1872. № 34, 36, 38; 1873. № 41.
- Пономарев, 1880** – *Пономарев Н.В.* Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства: стат. исслед. СПб., 1880. 84 с.
- Приложение, 1897** – Приложение к Всеподданнейшему отчету о деятельности С.-Петербургского градоначальства за 1897.
- Прозоров, 1915** – *Прозоров Л.А.* Самоубийство душевнобольных в больницах // Современная психиатрия. 1915. № 3. С. 117-133.
- Пушкарев, 1839** – *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1839. 506 с.
- С-Петербург по переписи 1881 г., 1883** – С.-Петербург по переписи 15-го декабря 1881 г. СПб., 1883. 257 с.
- С-Петербург по переписи 1890 г., 1891** – Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб.: Тип. Шредера, 1891. 680 с.
- Самоубийства, покушения, 1906-1916** – Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные случаи среди учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения / М-во нар. прос. Врачеб.-сан. ч. учеб. заведений. Петроград, 1906–1916.
- Прозоров, 1913** – Самоубийство в С.-Петербурге 1911–1912 гг.: причины и меры противодействия им / сост. д-р Прозоров. СПб., 1913. 52 с.
- С-Петербург по переписи 1869 г., 1872** – Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1-3. СПб., 1872–1875.
- Статистический ежегодник, 1891** – Статистический ежегодник С.-Петербурга. 1890 / Изд. Городской Управы по Статистическому Отделению. Год десятый. СПб., 1891. 418 с.
- Статистический ежегодник С-Петербурга, 1889** – Статистический ежегодник С-Петербурга. 1888. Год восьмой. СПб., 1889. 314 с.

- Тереховко, 1903** – Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в Петербурге за 20-летний период (1881–1900): дис. на степ. д-ра мед. Гатчина, 1903. 279 с.
- Феноменов, 1914** – Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. М., 1914. 130 с.
- Флоровский, 1915** – Флоровский В.В. Самоубийства детей в Одессе за 10 лет. 1903–1913 гг.: из материалов Одес. станции скорой мед. помощи: опыт исслед.: сообщ. в заседании Мед. о-ва при Новорос. ун-те 7.05.1914 г. Одесса, 1915. 30 с.
- Хорошко, 1909** – Хорошко В.К. Самоубийство детей. М., 1909. 115 с.
- Herrmann, 1832** – Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 par Ch.-Th. Herrmann // Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersburg. St. Petersburg, 1832. 6 ser., t. 1. 20 p.
- Pridemore, 2006** – Pridemore W.A. Heavy drinking and suicide mortality in Russia // Social Forces 2006; 85: 413-430 [in English].
- Stickley, Mäkinen, 2005** – Stickley A. and Mäkinen I.H. Homicide in the Russian Empire and Soviet Union: Continuity or Change? // British Journal of Criminology 2005; 45(5): 647-670 [in English].
- Wasserman, Värnik, 1998** – Wasserman D., Värnik A. Reliability of statistics on violent death and suicide in the former USSR, 1970–90 // Acta Psychiatrica Scandinavica 1998; 394: 34-41 [in English].

References

- Antropov, 1911** – Antropov R.L. Pochemu molodezh' konchayet samoubiystvom: sotsial'no-belletrist. ocherki iz polovogo i inykh psikhozov poslerevolyuts. perioda. [Why youth commits suicide: the socio-fictional essays from sexual and other psychoses post-revolutionary period]. SPb., 1911. 112 s. [in Russian].
- Bashutskiy, 1834** – Bashutskiy A.P. Panorama Sankt-Peterburga. [Panorama of St. Petersburg]. Chast' 2. SPb., 1834. 234 s. [in Russian].
- Belyakov, 1893** – Belyakov S.A. O samoubiystve i neschastnykh sluchayakh v psikiatricheskikh zavedeniyakh: doklad S.-Peterb. ob-vu psikiatrov v zasedanii 14 noyabrya 1892 g. [About suicide and accidents in psychiatric institutions: report of St. Petersburg obschestvuvu psychiatrists meeting November 14, 1892]. SPb., 1893. 144 c. [in Russian].
- Bernatskiy, 1911** – Bernatskiy V.A. Samoubiystva sredi vospitannikov voyenno-uchebnykh zavedeniy. [Suicides among students of military schools]. SPb., 1911. 72 s. [in Russian].
- Bronzov, 1912** – Bronzov A.A. Samoubiystva. [Suicides]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1912. 11 s. [in Russian].
- Bulatsel', 1884** – Bulatsel' P.F. Samoubiystvo s drevneyshikh vremen do nashikh dney: ist. ocherk filos. vozzreniy i zakonodatel'stv o samoubiystve. [Suicide from ancient times to the present day: a historical sketch of the philosophical views of suicide and legislations]. Revel', 1884. 208 s. [in Russian].
- Veselovskiy, 1847** – Veselovskiy K.S. Opyty npravstvennoy statistiki Rossii. [Experiments Russian moral statistics]. SPb., 1847. 64 s. [in Russian].
- Vislotskiy, 1872** – Vislotskiy O. O dostoinstve sudebno-meditsinskoy ekspertizy v ugovnom sudoproizvodstve v primenenii preimushchestvenno k russkomu ustavu ugovnogo sudoproizvodstva. [About the dignity of forensics in criminal proceedings to apply mainly to the Russian criminal justice statutes]. Varshava, 1872. 176 s. [in Russian].
- Voyenno-statisticheskiy yezhegodnik, 1911** – Voyenno-statisticheskiy yezhegodnik armii za 1910, 1911 gg. [Military statistical Yearbook Army for 1910, 1911]. SPb., 1911-1913. [in Russian].
- Vremennik TSSK MVD, 1897** – Vremennik Tsentral'nogo Statisticheskogo Komiteta Ministerstva vnutrennikh del № 41 «Umershiye nasil'stvenno i vnezapno v Yevropeyskoy Rossii v 1888–1893 gg.». [Annals of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs number 41 “Who died suddenly and violently in European Russia in 1888-1893 years”]. SPb., 1897. 95 s. [in Russian].
- Vsepoddanneyskiye otchety, 1873-1893** – Vsepoddanneyskiye otchety Sankt-Peterburgskogo gradonachal'nika. [Humbly reports the St. Petersburg mayor]. SPb., 1873–1893. [in Russian].
- Gorod S-Peterburg, 1897** – Gorod S-Peterburg s tochki zreniya meditsinskoy politsii. Sostavleno po rasporyazheniyu S-Peterburgskogo Gradonachal'nika general-mayora N.V. Kleygel'sa vrachami peterburgskoy stolichnoy politsii. [City of St. Petersburg from the medical point of view of the police. St. Petersburg mayor, Major-General N. Compiled by order Kleigels Petersburg metropolitan police doctors]. SPb., 1897. 742 s. [in Russian].
- Gyubner, 1868** – Gyubner Yu. Samoubiystva v Sankt-Peterburge. [Suicides in St. Petersburg]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1868. 23 s. [in Russian].
- Zablotskiy, 1845** – Zablotskiy P.P. Vrachebno-politseyskiye i sudebno-meditsinskiye izyskaniya ob utoplennikakh. [Medical-police and forensic investigations on drowned]. SPb., 1845. 71 s. [in Russian].
- Zagorskiy, 1880-1881** – Zagorskiy P. Smertnost' v S.P.B. za 1878 g. [Mortality in St. Petersburg for 1878]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1880–1881. 24 s. [in Russian].
- Korovin, 1916** – Korovin A.M. Samoubiystva i potrebleniye vodki v Yevropeyskoy Rossii s 1903-go po 1912-yy god. [Suicides and vodka consumption in the European part of Russia from 1903 till 1912 the first year]. M., 1916. 55 s. [in Russian].
- Lebedev, 1913** – Lebedev N. Samoubiystvo kak sotsial'no-eticheskoye zlo. [Suicide as a social and ethical evil]. M., 1913. 20 s. [in Russian].

- Levitskiy, 1911** – *Levitskiy I.I.* Bor'ba s samoubiystvami uchashchikhsya: dokl. senat. Garinu i Min. nar. prosv. [Combating suicide pupils: report of Senator Garin and the Minister of Education]. Irkutsk, 1911. 144 s. [in Russian].
- Lipskiy, 1887** – *Lipskiy A.A.* Samoubiystvo detey v S.-Peterburge. [Suicide children in St. Petersburg]. SPb., 1887. 12 s. [in Russian].
- Likhachev, 1882** – *Likhachev A.V.* Samoubiystvo v Zapadnoy Yevrope i Yevropeyskoy Rossii: Sravnitel'noye statisticheskoye issledovaniye. [Suicide in Western Europe and European Russia: Comparative statistical study]. SPb., 1882. 253 s. [in Russian].
- Obzory deyatel'nosti, 1894-1896** – Obzory deyatel'nosti S-Peterburgskogo gradonachal'stva i stolichnoy politsii. [Surveys of activity of the St. Petersburg Gradonachal'stva and Metropolitan Police]. SPb., 1894-1896. [in Russian].
- Pasternatskiy, 1872** – *Pasternatskiy I.* Statisticheskoye issledovaniye samoubiystv v Peterburge za 1870, 1871 i 1872 gody. [Statistical study of suicide in St. Petersburg for 1870, 1871 and 1872 years] // Meditsinskiy vestnik. 1872. № 34, 36, 38; 1873. № 41. [in Russian].
- Ponomarev, 1880** – *Ponomarev N.V.* Samoubiystvo v Zapadnoy Yevrope i v Rossii v svyazi s razvitiyem umopomeshatel'stva: ctat. issled. [Suicide in Western Europe and in Russia in connection with the development of insanity: a statistical study]. S-Pb., 1880. 84 s. [in Russian].
- Prilozheniye, 1897** – Prilozheniye k Vsepoddanneysheму otchetu o deyatel'nosti S.-Peterburgskogo gradonachal'stva za 1897. [Annex to the most loyal to the report on the activities of the St. Petersburg Gradonachal'stva 1897]. [in Russian].
- Prozorov, 1915** – *Prozorov L.A.* Samoubiystvo dushevnobol'nykh v bol'nitsakh. [Suicide of mentally ill in hospitals]. // Sovremennaya psikiatriya. 1915. № 3. S. 117-133. [in Russian].
- Pushkarev, 1839** – *Pushkarev I.* Opisaniye Sankt-Peterburga i uyezdnykh gorodov Sankt-Peterburgskoy gubernii. [Description of St. Petersburg and county-level cities of St. Petersburg Province]. SPb., 1839. 506 s. [in Russian].
- S-Peterburg po perepisi 1881 g., 1883** – S.-Peterburg po perepisi 15-go dekabrya 1881 g. [St. Petersburg, according to the census of the 15th December 1881]. SPb., 1883. 506 s. [in Russian].
- S-Peterburg po perepisi 1890 g., 1891** – Sankt-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1890 goda. [Saint-Petersburg Census December 15, 1890]. SPb., 1891. 680 s. [in Russian].
- Samoubiystva, pokusheniya, 1906-1916** – Samoubiystva, pokusheniya na samoubiystvo i neschastnyye sluchai sredi uchashchikhsya uchebnykh zavedeniy Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. [Suicide, suicide attempt and accidents among students of educational institutions of the Ministry of Education]. / M-vo nar. pros. Vracheb.-san. ch. ucheb. zavedeniy. Petrograd, 1906–1916. [in Russian].
- Prozorov, 1913** – Samoubiystvo v S.-Peterburge 1911–1912 gg.: prichiny i mery protivodeystviya im. [Suicide in St. Petersburg 1911-1912 gg.: The reasons and countermeasures to them]. / sost. d-r Prozorov. SPb., 1913. 52 s. [in Russian].
- S-Peterburg po perepisi 1869 g., 1872** – Sankt-Peterburg po perepisi 10 dekabrya 1869 goda. Vyp. 1-3. [Saint-Petersburg Census December 10, 1869]. SPb., 1872–1875. [in Russian].
- Statisticheskii yezhegodnik, 1891** – Statisticheskii yezhegodnik S.-Peterburga. 1890 / Izd. Gorodskoy Upravy po Statisticheskomu Otdeleniyu. God desyatyy. [Statistical Yearbook of St. Petersburg. 1890. Publication of the City Council for the Statistical Office. tenth year]. SPb., 1891. 418 s. [in Russian].
- Statisticheskii yezhegodnik S-Peterburga, 1889** – Statisticheskii yezhegodnik S-Peterburga. 1888. God vos'moy. [Statistical Yearbook of the C-Peterburga. 1888. Eighth year]. SPb., 1889. 314 s. [in Russian].
- Terekhovko, 1903** – *Terekhovko F.K.* K voprosu o samoubiystve v Peterburge za 20-letniy period (1881–1900): dis. na step. d-ra med. [On the issue of suicide in St. Petersburg for 20-year period (1881-1900): The dissertation for the degree of Doctor of Medicine]. Gatchina, 1903. 279 s. [in Russian].
- Fenomenov, 1914** – *Fenomenov M.Ya.* Prichiny samoubiystv v russkoy shkole. [Causes of suicides in Russian school]. M., 1914. 130 s. [in Russian].
- Florovskiy, 1915** – *Florovskiy V.V.* Samoubiystva detey v Odesse za 10 let. 1903–1913 gg.: iz materialov Odes. stantsii skoroy med. pomoshchi: opyt issled.: soobshch. v zasedanii Med. o-va pri Novoros. un-te 7.05.1914 g. [Suicides of children in Odessa for 10 years. 1903–1913 gg. : materials Odessa ambulance station: research experience. Message in a meeting of the Medical obschestvava at the Novorossiysk University of 07.05.1914]. Odessa, 1915. 30 s. [in Russian].
- Khoroshko, 1909** – *Khoroshko V.K.* Samoubiystvo detey. [Suicide child]. M., 1909. 115 s. [in Russian].
- Herrmann, 1832** – Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 par Ch.-Th. Herrmann // Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersbourg. St. Petersburg, 1832. 6 ser., t. 1. 20 r.
- Pridemore, 2006** – *Pridemore W.A.* Heavy drinking and suicide mortality in Russia. *Social Forces*. 2006; 85: 413-430.
- Stickley, Mäkinen, 2005** – *Stickley A. and Mäkinen I.H.* Homicide in the Russian Empire and Soviet Union: Continuity or Change? *British Journal of Criminology*. 2005; 45(5): 647-670.
- Wasserman, Värnik, 1998** – *Wasserman D., Värnik A.* Reliability of statistics on violent death and suicide in the former USSR, 1970–90. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1998; 394: 34-41.

Реформы и самоубийства в России (смертность населения Санкт-Петербурга от самоубийств в пореформенный период: масштабы, тенденции, особенности)Сергей Викторович Богданов ^{a, *}, Владимир Григорьевич Остапук ^a^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье рассматривается динамика смертности населения столицы Российской империи от самоубийств в период после отмены крепостного права и до конца XIX столетия. В качестве эмпирической базы использованы статистические источники различной ведомственной принадлежности. Данный подход приближает исследование к действительной ситуации с данным видом насильственной смертности среди населения столицы Российской империи в пореформенный период. Сравнивается статистика суицида в Санкт-Петербурге по данным столичного Градоначальника и сведениям общероссийского МВД. В статье содержится ретроспективный анализ изучения проблем смертности населения России от самоубийств на протяжении достаточно протяженного периода времени – с начала XIX столетия и, заканчивая первым десятилетием XXI в. Представлена динамика официально зарегистрированных случаев самоубийств среди жителей города. Прослеживаются колебания среднегодовых показателей суицида петербуржцев в возрасте старше 16 лет. Вводится понятие коэффициента смертности среди взрослого населения города от самоубийств, а также рассчитываются его значение в данный хронологический период времени. Рассчитывается уровень суицидальной пораженности различных частей города на 10000 человек населения каждой из частей города. Выявляются причины наибольшего распространения смертности от самоубийств в отдельных частях столицы. Обосновывается предположение о недоучете официальной полицейской статистикой количества погибших от насильственных причин в крупнейшем городе России XIX столетия. Рассматриваются мнения специалистов того периода, подвергавших критике состояние судебно-медицинской экспертизы по фактам обнаруженных на территории Санкт-Петербурга тел погибших людей с признаками насильственной смерти. Эти и ряд других обстоятельств позволяют высказать мнение о заниженных цифрах официальной статистики о количестве погибших от насильственных причин на примере самого крупного города России того периода времени.

Ключевые слова: реформы, самоубийство, недоучет насильственных смертей, Санкт-Петербургское градоначальство, МВД.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dr.bogdanov_sv@mail.ru (С.В. Богданов),
ostapuk.bsu.edu.ru (В.Г. Остапук)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1251-1259, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

To the History of the Armenian Education in Russian Schools of the Caucasus in the late XIX – early XX centuries

Ekaterina S. Norkina ^{a, *}^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of the Armenian education in the Russian schools of different levels at the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries. The aim of article is to demonstrate conflict between policy of Armenian clerics and wish of the Armenian people and imperial authorities. The higher representatives of the Armenian – Gregorian Church aspired to popularize the Armenian language and God's law for children from Armenian families in the Russian schools. The aspirations of the Armenian clerics coincided with desire of Armenian enlighteners. It was difficult to get permission of the Russian authorities for the teaching of these subjects especially in the atmosphere of anti-Armenian moods in the Russian Empire at the end of the XIX century. The author finds out that it was not the only obstacle. As the Armenian prayers insisted on teaching God's law in Armenian language even if the children could not understand and read in it, some parents had to make their choice: they sometimes were against usage of Armenian language in the classes. This fact could demonstrate some degree of integration of the Armenian people into the Russian society.

Keywords: Armenians, Education, God's Law, Caucasus, Russian Schools, Armenian Church.

1. Введение

На протяжении многих веков армяне с помощью религии поддерживали свою инаковость среди окружающих народов. По мнению многих исследователей, именно церковь сохранила народ и его культуру и препятствовала ассимиляции в общества различных государств. Церковь была социальным институтом, который мог противостоять власти, поддерживая идентичность и культурную целостность армянских общин. В современных исследованиях вопрос о значении религии армянской истории и формировании национальной идеологии и единой идентичности изучается на примере различных сфер жизни диаспоры. Одной из таких сфер является история армянского образования и просвещения в Российской империи. В данной работе именно образование становится площадкой для анализа. Однако объектом изучения стали не традиционные армянские, а русские (государственные) школы Кавказского учебного округа, находившиеся в подчинении Министерства народного просвещения, в которых в числе прочих обучались дети из армянских семей. Нас прежде всего интересует, как на практике воплощалось стремление армянской церкви ввести преподавание Закона Божьего в русских школах: встречало ли это поддержку не только у власти, но и в среде армянского населения? Поскольку армянская церковь была заинтересована в преподавании Закона Божьего даже в русских учебных заведениях исключительно на армянском языке, мы продемонстрируем, какие препятствия к этому существовали со стороны армянских семей и власти. Иными словами, мы попытаемся понять, насколько желание церкви поддерживать идентичность с помощью религиозного образования и языка соответствовало потребностям армянского населения.

* Corresponding author

E-mail addresses: norichmail@yandex.ru (E.S. Norkina)

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для исследования послужила переписка духовных лиц армяно-григорианской церкви и представителей власти различного уровня, прошения педагогических коллективов учебных заведений Кавказского учебного округа, официальные отчеты о деятельности учебных заведений Кавказа. Данные материалы отчетливо демонстрируют конфликт теории и практики.

2.2. В процессе исследования применялись историко-системный, реконструктивный и комплексный методы. Историко-системный метод применен при выявлении причинно-следственных связей в изучении процессов введения/отказа от внедрения программы армянского образования в русских образовательных учреждениях Кавказского учебного округа. Реконструктивный метод дал возможность восстановить некоторые события в области армянского просвещения в общеисторическом плане. Комплексный метод позволил изучить внутренние тенденции развития армянской диаспоры и продемонстрировать частные случаи как часть общего закономерного процесса.

3. Обсуждение

До революции специальных работ, посвященных изучению армянского образования в русских школах на Кавказе, не существовало. В советский период проблема образования армянского населения на Кавказе не раз становилась объектом исследования. В основном изучалась история армянских учебных заведений: исследователи делали акцент на проблемах открытия и функционирования армянских школ, особенностях их образовательной программы, противоборстве армянской церкви и государства в воплощении определенной программы образования армянского населения (Багдасарьян, 1986). В современный период на волне появления многочисленных исследований сферы образования в Российской империи и истории армян Кавказа, анализ армянского образования стал частью этих работ (Симонян, 2001; Акопян, 2007; Ованесов, 2008). В представленном исследовании впервые специально изучаются пути и попытки сохранения армянской идентичности в школах, где дети из армянских семей являются меньшинством.

4. Результаты

Армяне заселяли Кавказ в течение столетий, несколькими миграционными волнами. Именно на Кавказе образовались самые крупные армянские общины Российской империи в XIX в. По подсчетам Н. Г. Волковой, на Северном Кавказе в 1886–1897 гг. наибольшая численность армян отмечена в Терской области. В городах Пятигорск, Владикавказ, Кизляр армянское население составило от 2,5 до 4,6 % населения. В Моздоке – практически треть населения (Волкова, 1966: 265–266). Значительно выделялся по численности армянского населения на территории Кавказа Тифлис – административный центр Кавказского наместничества: армяне составляли 36,4 % населения к 1899 г., имея заметный экономический, общественный и политический вес в городе (Айвазян, 2014). Поселившись в городах, армянское население играло ведущую роль в коммерческой жизни региона. В диаспоре армяне оказались в особенной социальной ситуации. По выражению Е. Херциг и М. Куркчиан, армяне жили локально, но не были «туземцами»; они были частью общества, но в то же время были «инородцами». К ним относились как к кросс-культурным посредникам в экономике и других сферах (Herzig, Kurkchiyan, 2005: 4). Это отчетливо прослеживается в противостоянии власти и армянского духовенства в вопросах образования.

Армянское население Российской империи, как правило, стремилось дать своим детям хотя бы начальное образование, которое в первой половине XIX в. ученики из нерусских семей могли получать в государственной начальной школе или национальной, если она функционировала в месте проживания семьи. Под «национальной» школой понимался тип учебного заведения, в котором программа была специально рассчитана на язык и культуру определенной этнической группы. В некоторых городах Кавказа на протяжении XIX в. функционировали армянские школы (Ованесов, 2008: 305). Зачастую такие школы открывались при армянских церквях. Родители стремились дать своим детям начальное образование в армянских традициях, поэтому многие дети из армянских семей начинали обучение в церковно-приходских армянских школах и училищах. За финансирование церковно-приходских школ ответственно несли армянское духовенство и благотворительные общества, а образование имело как религиозный, так и светский характер: в программу были включены и общеобразовательные предметы. Армяно-григорианские церкви и училища при них находились в подчинении Эчмиадзинского армяно-григорианского Синода. В целом армянское население было одной из самых активных групп населения Кавказа в сфере развития образования (Ованесов, 2008: 306).

Далеко не все армянские дети учились в национальных учебных заведениях даже в случае их успешного функционирования в определенном регионе. Многие предпочитали получить образование в русских школах, в том числе, и православных приходских. Такая тенденция наблюдалась и в тех городах, в которых возникли частные и общественные светские армянские училища. Это давало возможность продолжать в дальнейшем обучение, а, следовательно, увеличивало шансы на карьерный и профессиональный рост. Согласно официальной статистике Министерства народного просвещения конца XIX – начала XX вв., практически в каждом светском среднем учебном заведении

Кавказа обучались дети из армянских семей ([Отчет о состоянии учебных заведений, 1887-1905](#)). В частности, в одном из самых престижных учебных заведений Северного Кавказа – Кубанской войсковой гимназии в 1886 г. армяне составляли 6–6,8 % всех учеников, и в следующие годы их число не сокращалось. В то же время в Армавири, где количество армянских школ было довольно значительным, в русских училищах обучалось больше армян, чем в национальных ([Симонян, 2001: 95](#)). По наблюдениям Л.А. Погосяна, в приходских школах Армавири получали образование дети неимущих и малоимущих родителей. Большая часть состоятельного населения Армавири направляла своих детей в местные хорошо обеспеченные мужские и женские гимназии, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. Рост количества обучавшихся детей – армян в русских гимназиях особенно заметен с 1911 по 1916 гг. ([Погосян, 1981: 166](#)).

В каждом начальном и среднем учебном заведении Российской империи велось преподавание Закона Божьего. Этот предмет состоял в низших школах – из церковных молитв, священной истории, объяснения богослужения и катехизиса, а в средних учебных заведениях эти предметы дополнялись историей христианской церкви. Правом преподавания Закона Божия обладали священнослужители и лица, окончившие духовные школы не ниже семинарии. Кроме этого законоучитель руководил молитвой учеников, чтением ими Священного Писания и религиозных книг, а также был обязан следить за регулярными исповедью и причащением, наставляя учеников в соблюдении правил Церкви ([Синельников, 2009](#)). Согласно п. 14 Устава гимназий и прогимназий 1871 г., «обучение иноверцев Закону Божию производится, по возможности, в каждой гимназии и прогимназии, с особого разрешения министра народного просвещения» ([ПСЗРИ, 1871](#)). Преподавание Закона Божьего армяно-григорианского направления находилось под контролем католикоса и Эчмиадзинского синода, законоучителями назначались армянские священники. Это правило распространялось и на русские школы, в которых обучались дети из армянских семей.

Таким образом Закон Божий был изначально практически единственным предметом в русских учебных заведениях, посредством которого армянское духовенство могло реализовать поддержку идентичности и культуры. Вторым инструментом мог служить, в зависимости от обстоятельств, армянский язык. Во второй половине XIX в. в русских школах и училищах Кавказского учебного округа, в которых ученики из армянских семей составляли даже незначительный процент, специально преподавался армянский язык и Закон Божий армянского исповедания. Примером может служить Ставропольское женское училище 1-го разряда. Уже в 1870 г. проводились уроки армянского языка и Закона Божьего, несмотря на то, что лишь 16 учеников из 147 было из армянских семей ([Бентковский, 1910](#)).

В некоторых случаях обстоятельства складывались так, что и педагогический состав был заинтересован и инициировал внедрение элементов армянского образования в учебную программу. Известно, что в 1877 г. из общественных городских доходов Моздока были отчислены средства – 100 рублей в год на преподавание в Моздокском городском училище армянского языка и Закона Божьего армяно-григорианского исповедания. В училище в это время обучались до 40 детей из армянских семей. Дирекция народных училищ Терской области была заинтересована в положительном решении со стороны попечителя Кавказского учебного округа на разрешение преподавать армянский язык и Закон Божий, т.к. это привлекло бы армянское население в училище. По наблюдениям власти, именно армянское население Моздока было преобладающим ([ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 930. Л. 1-2](#)). Попечитель учебного округа Я.М. Неверов разрешил Директору народных училищ Терской области издать распоряжение о введении в Моздокском городском училище армянского языка и Закона Божьего армяно-григорианского исповедания на средства, специально выделенные для этого Моздокским городским обществом ([Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии, 2012: 201](#)).

В 1881 г. попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский в годовом отчете отмечал, что основной системой рационального обучения детей предметам должно быть принято не только усвоение основного предмета – русского языка, но умение детей читать и писать на родном языке, рассказывать главные события из священной истории. Такая рекомендация попечителя была одобрена Кавказским наместником. Следовательно, внешне стремления имперской власти и армянского населения совпадали. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее. В это же время Католикос Кеворк IV обратился к министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву с жалобой на то, что некоторые училищные ведомства в Российской империи (в том числе и на Кавказе) не разрешали армянским юношам и девушкам учиться «родному языку» и Закону Божьему армяно-григорианского исповедания. Кроме того, по сведениям католикоса, педагогический состав русских учебных заведений заставлял их ходить в русские церкви, поручая им исполнять обязанности певчих. Таким образом, по убеждению Кеворка, армянская молодежь лишена возможности посещать армянские церкви и обучаться армянскому языку ([РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 169. Л. 1](#)). Известно, что обучавшихся Моздокском городском училище детей из армянских семей обязали посещать православные церкви на праздники в т.н. «высокоторжественные царские дни». Католикос строго предписывал священникам армянских церквей, чтобы учащиеся – армяне в праздники посещали именно армянскую церковь ([РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 209. Л. 1-10б.](#)).

В 1882 г. законоучитель армяно-григорианского исповедания подал заявление во Владикавказскую Ольгинскую женскую гимназию, спрашивая позволения преподавать Закон Божий на армянском языке. Известно, что в педагогическом совете обсуждалась такая возможность и был сформулирован вопрос о том, на каких языках должно проводиться преподавание закона Божьего других исповеданий (*Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии 2012: 65*). Эта школа не могла удовлетворить стремления всех девочек к образованию, тем более детей из армянских семей. Спустя год во Владикавказе открылась армянская женская школа. Вероятно, в открывшейся в селении Ахалгори в 1888 г. женской школе армянскому населению удалось добиться разрешения преподавания на армянском языке: известно, что в этой школе преподавание велось на русском и армянском языках, а не на осетинском и грузинском, которые были полностью вытеснены из процесса обучения. Учитель этой школы предлагал местным крестьянам говорить по-армянски (*Сагкаев, 2008: 284*).

В представлении католиков, армянский язык был «родным» для всех армянских семей и его преподавание, по их мнению, являлось основой целостности армянской общины и нравственности. На практике выяснилось, что далеко не для всех детей из армянских семей он оказался «родным». Примером может служить случай, произошедший в Тифлисском реальном училище. В 1886 г. педсовет училища принял решение, согласно которому закон Божий армяно-григорианского исповедания ученикам, не понимающим армянскую речь, должен преподаваться на русском языке. Законоучитель этого училища Харазьянц отказался следовать этому распоряжению. Выяснилось, что и в Тифлисской прогимназии, в которых проходили обучение дети из армянских семей, законоучитель также начал преподавать Закон Божий на армянском языке. Харазьянц признал, что он понимал все неудобство преподавания этого предмета на непонятном для некоторых детей армянском языке, но следовал настояниям духовенства. Нередко к начальствам тифлисских учебных заведений поступали просьбы от родителей освободить их детей, не знавших армянский язык, от дисциплины Закон Божий армяно-григорианского исповедания, испытывавшим трудности в его усвоении и просившим разрешения их детям посещать уроки православного Закона Божьего. По сведениям Министра народного просвещения, местные начальства не могли удовлетворить такие просьбы (*РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 169. Л. 5-6*).

В сельских школах Кавказского учебного округа существовала несколько иная проблема. Так, в 1883 г. начальник Грузино-Имеретинской армяно-григорианской епархии, что в нескольких населенных пунктах Ахалкалакского уезда дети из армянских семей, посещая народные сельские училища, не имеют возможности обучения родному языку и закону божьему из-за отсутствия в училищах преподавателей армянского языка (*ЦГИАГ. Ф. 422. Оп.1. Д. 1750. Л. 1*). В некоторых сельских школах преподавание велось на грузинском языке, полностью вытесняя армянский. Дирекции таких школ оправдывали это малочисленностью армянского населения и невозможностью выделить дополнительные средства на законоучителя армяно-григорианского исповедания. Подобное препятствие волновало армянское духовное начальство, что выражалось даже в предпочтении «вовсе не принимать детей армян в эти школы» (*ЦГИАГ. Ф. 422. Оп.1. Д. 1750. Л. 10*). По их подсчетам выяснялось, что в двух школах Ахалкалакского уезда 23 детей из армянских семей лишены возможности учиться родному языку и Закону Божьему своего исповедания, при этом армянское население собирало пожертвование на содержание законоучителей в неармянских школах.

Настойчивая инициатива введения изучения армянского языка в русских школах исходила не только со стороны армянского духовенства. В определенный момент это превратилось в широкую тенденцию в армянских общинах Российской империи. Начиная с 1870-х гг. среди армянских педагогов, общественных деятелей и просветителей активно развивалась мысль о необходимости изучения армянского языка, который сохранил бы культуру народа и смог бы препятствовать полной ассимиляции. Так, в борьбу против ограничения обучения армянского языка выступил армянский поэт Ованес Туманян, редактор армянской газеты «Мшак» Г. Арцруни. Большое влияние на идею борьбы за родной язык в среде армянской интеллигенции оказала мысль К.Д. Ушинского о том, что смерть языка означает исчезновение народа (*Геворкян, Симонян, 2004: 25, Карапетян, 1960: 123*).

Отношение имперской власти к армянам можно охарактеризовать как опасливое: в армянах усматривались сепаратисты и проводники идей «Великой Армении». В течение нескольких лет в конце XIX – начале XX вв. проводилась антиармянская политика. Имущество армянской церкви было конфисковано, многие армянские школы закрыты. Так власть пыталась обезопасить регион от сепаратистских устремлений. В результате неоднократных закрытий приходских армянских школ стали создаваться частные и общественные армянские училища. Насильственное закрытие армянских школ вопреки ожиданиям власти привело к подъему армянского национального движения.

Отношение имперской власти к армянам значительно ухудшилось особенно в конце 1880-х гг. Смутные опасения «сепаратизма» переросли в убеждение, что часть армянской интеллигенции стремится к возрождению армянского царства, а церковь является частью этой национальной программы (*Верг, 2012: 193*). Подобная настороженность ярко проявилась в вопросе языка преподавания Закона Божьего детям из армянских семей в начальных и средних учебных заведениях

Кавказского учебного округа. Министерство народного просвещения предписало преподавание Закона Божьего в этих заведениях вести только на русском языке за исключением текстов и молитв, которые могут быть изложены на церковно-армянском языке, но с обязательным изложением их учащимся и на русском языке. В интересах высшего духовного начальства Эчмиадзина было преподавание этого предмета во всех учебных заведениях, где обучаются дети из армянских семей, исключительно на армянском языке. Так, в 1887 г. католикос Макарий предписал духовенству не исполнять распоряжение министерства и просил Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова выделить дополнительное время для обучения армянскому языку детей из армянских семей в учебных заведениях (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 196. Л. 12 об.). Главноначальствующий предлагал пойти на уступки католикосу и допустить на некоторое время преподавание закона Божьего на русском языке только для тех учеников-армян, которые не понимали армянской речи и преподавание Закона Божьего на армянском языке остальным ученикам, понимавшим армянский язык с последующим изъятием армянского языка из русских учебных заведений кроме церковно-армянского. По мнению А.М. Дондукова-Корсакова, армянское духовенство пренебрежительно относилось к русскому языку: с русскоязычным населением духовенство общалось только с помощью переводчика (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 196. Л. 13). 22 марта 1889 г. Министерство народного просвещения пошло на уступку требованиям армянского духовенства и разрешило преподавание закона Божьего на армянском языке в учебных заведениях Кавказского учебного округа в виде временной меры. Католикос ходатайствовал, чтобы эта мера носила постоянный характер, распространялась за пределы Кавказского учебного округа и была отмечена в законодательстве Российской империи.

На практике такое разрешение преподавать закон Божий на армянском языке оказывалось сложно воплотить не только из-за препятствий со стороны власти. Когда попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский решал вопрос введения преподавания закона Божьего в Пятигорской прогимназии, выяснилось, что из 15 учеников-армян этой гимназии только 7 говорили по-армянски, остальные – по-кабардински. В результате священник отказался проводить занятия по закону Божьему на армянском языке, предлагая сначала научить их основам языка (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 169. Л. 117).

В 1894 г. приходской священник армяно-григорианской церкви Пятигорска Шхинянец обратился к Эчмиадзинскому синоду с сообщением о том, что в местной прогимназии ученикам из армянских семей не преподается закон Божий. В последствии Синод просил официальное разрешение министерства народного просвещения допустить его к преподаванию закона Божьего в Пятигорской прогимназии. Министр И.Д. Делянов разрешил священнику преподавать религию на армянском языке только ученикам, владевшим этим языком, а остальным – вести занятия по закону Божьему армяно-григорианского исповедания на русском языке. Тогда Эчмиадзинский Синод предписал священнику Шхинянцу собирать учеников из армян Пятигорской прогимназии с согласия их родителей в одно из помещений местной церковной ограды ежедневно после обеда для обучения их армянскому языку. После этого они с легкостью смогли бы изучать закон Божий на армянском языке. На такое условие пятигорское учебно-окружное начальство не согласилось. Шхинянец сообщил директору Пятигорской гимназии, что он не может преподавать Закон Божий на русском языке, т.к. высшее армянское духовное начальство это воспретило. В 1899 г. армянское население Пятигорска направило коллективное прошение о разрешении священнику Шхинянцу преподавать Закон Божий их детям, но получили официальный отказ (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7267. Л. 4 об.).

В 1901 г. жители Пятигорска снова подали прошение с подписью Шхинянца. Из списков понятно, что из 46 учеников и учениц Пятигорской мужской гимназии и женской гимназии говорят по-армянски 23 человека, 10 понимают, но не говорят, а остальные не говорили и не понимали. Из числа всех подававших прошение 15 человек были против того, чтобы Закон Божий преподавался на русском языке. Но в числе подписавших были и семьи, в которых нет детей в этих двух гимназиях (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7267. Л. 4 об.). Аналогичная ситуация возникла и в Пятигорской женской гимназии: из списка учениц-армянок понятно, что 11 человек говорили по-армянски, 2 – не говорили, 6 не говорили, но понимали (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7267. Л. 8).

Идея открытия армянской школы в Грозном не находила поддержки у местной администрации долгое время. Дети из армянских семей города, как и представители других этнических групп, проходили обучение в начальной горской школе. В ней обучение велось по утвержденной правительством программе. В 1892 г. священник армянской церкви Грозного Акоб Жамкочян обратился с ходатайством на имя директора народных училищ Терской области, в котором писал, что эти дети лишены возможности знать закон божий своей религии. Просил назначить его законоучителем армяно-григорианского исповедания без вознаграждения. По сведениям смотрителя Грозненской горской школы в ней обучались 11 мальчиков армяно-григорианского исповедания. С разрешения попечителя Кавказского учебного округа он стал преподавать кроме закона божьего и армянский язык (Багдасарьян, 1986: 59).

Законоучитель Ставропольской мужской гимназии священник Бекгульянц в конце 1890-х гг. вел преподавание Закона Божьего на армянском языке. Многие ученики не понимали армянский язык, тогда как священник настаивал на ведение этой дисциплины именно на армянском языке.

Из 73 учеников-армян 41 не понимали армянский язык, а из остальных понимавших пятеро занимались армянским языком на летних каникулах специально, нанимая для этого учителей. По заявлению учеников, в семьях редко говорили на армянском языке, а в основном, использовали особый жаргон, состоявший из русских, татарских и армянских слов, т.е. на языке, далекий от литературного. Священник Бекгульянц старался на уроках Закона Божьего совмещать преподавание дисциплины с изучением армянского языка (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 169. Л. 131).

Говоря о востребованности армянского образования среди армянского населения Кавказского учебного округа, следует упомянуть о соотношении учащихся, владевших армянским языком и не понимавшим его. По данным попечителя Кавказского учебного округа на 1901 г., на Северном Кавказе из 515 армян, учившихся в 15 средних учебных заведениях, только 244 (47,3 %) владели армянским языком, при этом в Кубанском Александровском реальном училище все 12 учеников армян знали армянский язык, а в Ейском реальном училище и женской гимназии никто из учащихся армян им не владел. Из общего числа 4253 учащихся армян в Кавказском учебном округе армянский язык знали 3265 (76 %) (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 169. Л. 127).

Ужесточение политики по отношению к армянскому населению и обострение антиармянских настроений на рубеже XIX-начала XX вв. могли повлиять на процесс обучения детей из армянских семей и в русских школах. Попечитель учебного округа М.Р. Завадский (и в согласии со своим предшественником в 1900 г. К.П. Яновским) предложил возбудить этот вопрос в законодательном порядке и отменить временные правила 1889 г. о преподавании Закона Божьего на армянском языке, «в связи с переменой обстоятельств, включающих всякие опасения и недоразумения» (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7267. Л. 5). Министр народного просвещения П.С. Ванновский ответил, что он разрешает ввести преподавание Закона Божьего на армянском языке для владеющих армянским, а для остальных – на русском, и просил объявить об этом жителям (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7267. Л. 5).

По данным на 1903 г. из 14 учеников Майкопского реального училища только 7 говорили по-армянски. В этом училище работал законоучитель армяно-григорианского исповедания, который имел право преподавания закона Божьего. Начальство этого училища просило указаний из вышестоящих инстанций: все ли ученики из армянских семей обязаны обучаться закону Божьему или выбор оставался за родителями. Попечитель учебного округа признал это необязательным, полагая, что половина учащихся – недостаточное основание для преподавания закона Божьего по армянскому обряду (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 8130. Л. 1). Попечитель Кавказского учебного округа М.Р. Завадский обращался к Министру народного просвещения в связи с этим вопросом, однако окончательное решение этой проблемы остается неизвестным.

Попытки компромисса армянского духовенства с педагогическим составом не всегда оказывались успешными. Директор Ставропольской гимназии настаивал на том, чтобы законоучитель Тер Ованесьянц вел уроки закона Божьего в гимназии на русском языке, а на армянском разрешал лишь заучивать отдельные тексты молитв и богослужения. Однако священник сослался на распоряжение Католикаса Макария от 13 февраля 1887 № 82 и от употребления русского языка в процессе преподавания армянского Закона Божьего отказался. Позже представитель Ставропольского армянского общества священник Ягоянц и купцы Попов, Ерганджиев и Амираев обратились к директору гимназии с просьбой допустить преподавание армянского Закона Божьего с начала учебного года. Выяснив невозможность вести преподавание уроков закона Божьего исключительно на армянском языке, непонятном многим ученикам, директор заявил, что будет ходатайствовать о преподавании уроков закона Божьего в гимназии, если законоучитель согласится вести объяснение и рассказы священной истории Ветхого и Нового Заветов на понятном всем детям русском языке по одобренным учебникам, а молитвы и богослужения – на армянском языке. Но противники объясняли: допущение на уроках Закона Божьего русского языка оценивается как посягательство на армянскую национальность, но, тем не менее, они в интересах религиозно-нравственного воспитания детей согласились. Поэтому спрашивали у Попечителя округа о целесообразности допущения преподавания Закона Божьего на армянском языке. Директор гимназии считал, что это бесполезно, т.к. дети не понимали язык и вынуждены будут изучить и армянский церковный язык дополнительно, армянский литературный язык, а Закон Божий отступит на второй план. В таком случае он опасался, что законоучитель будет в чужой роли – учителя армянского языка, и начальство не сможет объективно судить об успехе учащихся (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 8130. Л. 10). По сведениям В.З. Акопяна, уже в начале XX в. во всех семи начальных училищах Ставрополя (помимо армянского), несмотря на смешанный национальный состав учеников, преподавался армянский язык, который по желанию изучали и русские дети (Акопян, 2005).

Во Владикавказской гимназии по данным за 1908 г. обучались 51 учеников армян. Оказалось, что не для всех семей армянский элемент в учебной программе гимназии был принципиально важным. Родители тридцати детей подали прошение о разрешении введения занятий по армянскому языку и закону Божьему. Большая часть учеников обучалась в первых классах – 19 (из них 5 в подготовительном отделении и заниматься армянским языком дополнительно не было времени), в старших – 8. Директор Владикавказской гимназии оповещал попечителя Кавказского учебного округа о намерении назначить занятия по закону Божьему армянского обряда для выразивших

желание два раза в неделю на шестых часах, не подразделяя учащихся на группы в виду малочисленности с платой по 50 руб. в год за урок (ЦГИАГ. Ф. 422. Оп. 7. Д. 9816. Л. 1).

5. Заключение

Активная переписка имперских чиновников разных уровней – от министров до местной учебной администрации – по поводу возможности преподавания закона божьего для детей из армянских семей начиная с 1870-х гг. свидетельствует о росте актуальности этого вопроса как для власти, так и для армянского населения. На практике желание армянского духовенства поддерживать идентичность в общинах с помощью языка и преподавания закона Божьего далеко не всегда встречали поддержку не только со стороны представителей власти, но и армянского населения на Кавказе. Имперская власть в желании поддержания армянского языка видела укрепление национального самосознания армян, что, по ее мнению, могло стать основой для сепаратизма. Вероятно, часть армянских семей была окончательно ассимилирована, свидетельством чему может служить их отказ от введения преподавания Закона Божьего на армянском языке по причине непонимания его учениками. Если для армянского духовенства изначально важным было прежде всего введение в русских школах уроков закона Божьего для детей из армянских семей, то позднее принципиальным становится преподавание этой дисциплины именно на армянском языке, даже если дети им не владели. Это стремление соответствовало общей тенденции армянских просветителей и общественных деятелей поддерживать «родной» язык – армянский.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00062) СПбГУ.

Литература

- Акопян, 2007** – Акопян В.З. Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск, 2007. 272 с.
- Багдасарьян, 1986** – Багдасарьян Р. Из истории школьного образования армян Грозного // Журнал социальных наук. 1986. № 7. С. 59-63.
- Бентковский, 1910** – Бентковский И.В. Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник Сведений и Северном Кавказе к 125-летию г. Ставрополя. Материалы для истории города. Т. VI. 1910. С. 7-32.
- Верт, 2012** – Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. 280 с.
- Волкова, 1966** – Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. № 3 (24). С. 257-270.
- Геворкян, Симонян, 2004** – Геворкян П., Симонян К. Взаимодействие армянских и грузинских педагогов в борьбе против русификаторской политики царизма, за национальную и демократическую школу // Georgian Electronic Scientific Journal: Education Science and Psychology. 2004. №(5). С. 25-30.
- Карапетян, 1960** – Карапетян Т.А. Армянские писатели о Грузии и грузинском народе // Известия Академии наук Армянской ССР. 1960. № 5-6. С. 123-136.
- Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии, 2012** – Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс. Владикавказ, 2012.
- Ованесов, 2008** – Ованесов Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. 504 с.
- Отчет о состоянии учебных заведений, 1887-1905** – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1886-1904 гг. Тифлис, 1887-1905.
- Погосян, 1981** – Погосян Л.А. Армянская колония Армавир. Ереван, 1981. 181 с.
- ПСЗРИ, 1871** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1871. Т. 46. № 49860.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сагжаев, 2008** – Сагжаев З. К вопросу о женском образовании в Осетии в конце XIX – начале XX веков (по материалам грузинской прессы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 282-284.
- Симонян, 2001** – Симонян М.С. Армянские школы на территории Северо-Западного Кавказа (XIX – конец XX вв.) // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар, 2001. Вып. 2. С. 92-96.
- Синельников, 2009** – Синельников С.П. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года // Богослов. 2009. (Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/453126.html>. Дата посещения: 03.06.2016)
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Варданян-Айвазян, 2014** – Варданян-Айвазян Т. Армяне Тбилиси и соседних территорий в V–XXI вв. // Глобус. 2014. № 8-9. С. 5-108. (На армянском языке)
- Herzig, Kurkchian, 2005** – The Armenians. Past and present in the making of national identity. Ed. by E. Herzig and M. Kurkchian. 2005. 255 p.

References

- Akopyan, 2007** – *Akopyan V.Z.* Armyane Stavropol'ya i Tereka [Armenians at Stavropol and Terek Regions] / V. Z. Akopyan. Pyatigorsk, 2007. 272 s. (in Russian)
- Bagdasar'yan, 1986** – *Bagdasar'yan R.* Iz istorii shkol'nogo obrazovaniya armyan Groznogo [To the History of School Education for Armenians of Grozny] // *Zhurnal sotsial'nykh nauk.* 1986. № 7. S. 59-63. (in Russian)
- Bentkovskii, 1910** – *Bentkovskii I. V.* Svedeniya o Stavropol'skom zhenskom uchilishche 1-go razryada [Information on Stavropol Women School of the 1st Degree] // *Sbornik Svedenii i Severnom Kavkaze k 125-letiyu g. Stavropolya. Materialy dlya istorii goroda.* T. VI. 1910. S. 7-32. (in Russian)
- Gevorkyan, Simonyan, 2004** – *Gevorkyan P., Simonyan K.* Vzaimodeistvie armyanskikh i gruzinskikh pedagogov v bor'be protiv rusifikatorskoi politiki tsarizma, za natsional'nuyu i demokraticeskuyu shkolu [Interrelation between Armenian and Georgian teachers in the struggle against Russification policy of Tsarism, for National and Democratic School] // *Georgian Electronic Scientific Journal: Education Science and Psychology.* 2004. №(5). C. 25-30. (in Russian)
- Karapetyan, 1960** – *Karapetyan T.A.* Armyanskie pisateli o Gruzii i gruzinskom narode [Armenian authors about Georgia and Georgian people] // *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoi SSSR.* 1960. № 5-6. S. 123-136. (in Russian)
- Mnogonatsional'nye i polikonfessional'nye, 1912** – *Mnogonatsional'nye i polikonfessional'nye traditsii Osetii. Istoricheskii rakurs.* Vladikavkaz, 2012. (in Russian)
- Ovanesov, 2008** – *Ovanesov B.T.* Rol' armyanskogo naseleniya Rossiiskoi imperii v razvitii Severnogo Kavkaza. [The Role of Armenians of the Russian Empire in the development of the North Caucasus]. Stavropol', 2008. 504 s. (in Russian)
- Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii, 1887-1905** – *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1886–1904 gg.* [Report on Educational organizations of the Caucasian educational area]. Tiflis, 1887–1905. (in Russian)
- Pogosyan, 1981** – *Pogosyan L.A.* Armyanskaya koloniya Armavir [Armenian colony of Armavir]. Erevan, 1981. 181 s. (in Russian)
- PSZRI, 1871** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii.* [Full Collection of the Legislation of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. (The Second Collection). 1871. T. 46. № 49860. (in Russian)
- RGIA** – Russian State Historical Archive.
- Sagkaev, 2008** – *Sagkaev Z.* K voprosu o zhenskom obrazovanii v Osetii v kontse XIX – nachale XX vekov (po materialam gruzinskoj pressy) [To the women education in Ossetia at the end of the XIXth-the beginning of the XXth centuries. On the materials of Georgian periodicals] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena.* 2008. № 65. S. 282-284. (in Russian)
- Simonyan, 2001** – *Simonyan M.S.* Armyanskie shkoly na territorii Severo-Zapadnogo Kavkaza (XIX – konets XX vv.) [Armenian Schools on the Territory of the North-West Caucasus XIX-the end of the XXth centuries] // *Regional'nye issledovaniya po otechestvennoi istorii i kul'ture.* Krasnodar, 2001.. Vyp. 2. S. 92-96. (in Russian)
- Sinel'nikov, 2009** – *Sinel'nikov S.P.* Prepodavania Zakona Bozhjego d uchebnikh zavedeniyakh Rossii do 1917 goda [Teaching God's law in the Russian Educational Institutions before 1917] // *Bogoslov.* 2009 (Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/453126.html>.) (in Russian)
- Herzig, Kurkchian, 2005** – *The Armenians. Past and present in the making of national identity.* Ed. by E. Herzig and M. Kurkchian. 2005. 255 p.
- TsGIAG** – *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central State Historical Archive of Georgia].
- Vardanyan-Ayvazyan, 2014** – *Vardanyan-Ayvazyan T.* T'iflisi ev merd'aka bnakavayreri hayowt'yowny' V–XXI-rd dd // *Globows.* 2014. № 8-9 (in armenian)
- Vert, 2012** – *Vert P.* Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii [Orthodoxy, inoslavie, coreligionism. Essays on the History of Religious Variety in the Russian Empire]. M., 2012. 280 s.
- Volkova, 1966** – *Volkova N.G.* O rasselenii armyan na Severnom Kavkaze do nachala XX veka [About Settlement of Armenians on the North Caucasus before XXth century] // *Istoriko-filologicheskii zhurnal.* 1966. № 3 (24). S. 257-270. (in Russian)

УДК 94

К истории армянского образования в русских учебных заведениях Кавказа в конце XIX – начала XX вв.Екатерина Сергеевна Норкина^{а, *}^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем образования детей из армянских семей в русских учебных заведениях Кавказского учебного округа в конце XIX – начале XX вв. Высшие духовные лица Армяно-Григорианской церкви стремились добиться разрешения преподавать Закон Божий армяно-григорианского исповедания в русских учебных заведениях, а, получив его, настаивали на введении преподавания этого предмета исключительно на армянском языке, а также введения специальных часов для занятия армянским языком. Это стремление соответствовало общей тенденции армянских просветителей и общественных деятелей поддерживать «родной» язык – армянский. Автора интересует, как на практике воплощалось это стремление: встречало ли оно поддержку не только у власти, но и в среде армянского населения? В условиях антиармянской политики это было непросто. Автор выявляет, что имперская власть была не единственным препятствием для этого. Многие дети не понимали и не читали на армянском языке, и родители выступали против преподавания Закона Божьего на армянском языке. Это может свидетельствовать об интеграции армянского населения в русское общество.

Ключевые слова: Армяне, Закон Божий, Армянская церковь, Кавказ, русские школы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: norichmail@yandex.ru (Е.С. Норкина)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1260-1268, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Loggings in the Borderland of Olonets Guberniya: Volume and the Role in Local inhabitants life (the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries)

Daria V. Brusnitsyna ^{a, *}

^a Petrozavodsk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to history of logging in a forestry situated near the border with Finland in Olonets guberniya at the last third of the 19th century — the beginning of the 20th century. The base of the research became archival documents that hadn't been studied before. The attention to this territory is conditioned by special circumstances happened there in the 2nd half of the 20th century: resettlement all dwellers of some border villages to other places and as a result complete cessation of human economic activity in the region. Some time after that the Nature Reserve «Kostomukshskii» was established there to save the nature including old-aged forests remained from previous times when commercial logging took place. Now researchers have unique possibility to observe how nature rehabilitates during last decades. For these purposes our study gives important data about past human activity: volume and methods of logging, types and size of cutting trees. Information about the role of logging in local inhabitants' life allows creating the whole picture of people and nature interaction at the studied period in one local territory.

Keywords: environmental history, North-West Russia, Olonets guberniya, the last third of the 19th century — the beginning of the 20th century, loggings, forestry, local peasants.

1. Введение

Лес всегда являлся для людей ценным, жизненно важным ресурсом, часто определявшим не только состояние окружающей среды, но и благосостояние людей, в том числе занятых в лесозаготовительной и лесобрабатывающей отраслях. На протяжении веков древесина использовалась для возведения построек, дорог, мостов, изготовления разных предметов быта, обогрева жилищ, но более всего леса требовалось на промышленные нужды. Распространенные на Русском Севере промыслы (добыча железной руды, смолы, выварка дегтя и соли, получение поташа, древесного угля) требовали огромных лесных ресурсов. Казавшийся первоначально бескрайним, постепенно вырубавшийся лес заметно поредел к началу XX века.

Изучение состояния лесов в исторической ретроспективе имеет важное значение для правильного понимания результатов воздействия на лес хозяйственной деятельности человека. В данной статье представлены итоги изучения промышленных лесозаготовок в граничащем с Финляндией Ребольском лесничестве Олонецкой губернии, состоявшем из двух казенных лесных дач (Кимасозерской и Ребольской). В 1958 г. приграничную часть этой территории было решено сделать запретной зоной для проживания, в связи с чем обитатели всех находившихся там деревень были переселены в иные места. В 1984 г. на этой территории был создан Костомукшский природный заповедник, к которому со стороны границы с Финляндией примыкает финский заповедник «Дружба». Прекращение хозяйственной деятельности человека дает возможность наблюдать процесс самовосстановления природы. Этим обусловлен выбор данной территории для изучения. Для того, чтобы сделать правильные выводы сегодня, необходим ретроспективный анализ степени вмешательства человека в природу на этой территории в прежние времена. Изменяющаяся роль

* Corresponding author

E-mail addresses: d.brusnitsyna@mail.ru (D.V. Brusnitsyna)

лесной отрасли для местного населения занятого на лесных заготовках также в фокусе нашего внимания.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой для настоящего исследования послужили документы из двух фондов Национального Архива Республики Карелии (НА РК): «Ребольское лесничество» (НА РК. Ф. 265.) и «Податной инспектор Повенецкого уезда» (НА РК. Ф. 8). Многие привлеченные архивные дела никем ранее не изучались и сведения из них в данной статье впервые вводятся в научный оборот. Важная для раскрытия темы информация содержится в годовых отчетах лесничества, рапортах лесничих, переписке по вопросам лесоуправления, контрактах с лесопромышленниками. В ходе исследования установлена площадь, в том числе удобная и неудобная для заготовки леса в промышленных масштабах в Ребольском лесничестве; определено количество выставлявшегося на продажу и заготовку леса, купленного или не нашедшего сбыта леса; выявлен объем заготовленного леса за шестнадцать лет в период с 1872 по 1916 гг. (в одних случаях в бревнах, в других – в кубических саженьях); найдены сведения о размерах (длине и толщине) деревьев; установлено количество лесопилок, закупувавших лес из Ребольского лесничества в разные годы изучаемого периода и пути сплава леса к ним; проанализированы сведения о заработках крестьян Ребольской и Ругозерской волостей¹ на разных работах и промыслах, в том числе лесных заготовках.

Помимо архивных документов для исследования привлечены материалы, опубликованные в газете «Олонецкие губернские ведомости» с 1870-х по 1910-е гг. и освещавшие разные вопросы лесоустройства в Олонецкой губернии и привлечения местного населения к лесозаготовительным и сплавным работам.

2.2. Данная статья написана в рамках концепции локальной истории с акцентом на применении микроисторического подхода, когда изучение определенных событий или явлений на небольшой территории признается важным для понимания подобных явлений в широком масштабе. В ходе исследования использованы сравнительно-исторический метод (для сравнения истории лесозаготовок в двух казенных лесных дачах) и статистические подсчеты количественной исторической информации (объем лесозаготовок, размер заработков местных крестьян, нанимавшихся для вырубki, вывозки и сплава леса).

3. Обсуждение

Во второй половине XX века в странах Западной Европы распространились панические настроения, связанные с опасением исчезновения лесов как таковых. В прессе предвещалась «смерть леса» (Кюстер, 2012: 146–152). На этом фоне активную работу по сохранению лесов начали природоохранные организации. Соответствующие акты принимались на законодательном уровне. В итоге, ситуация стабилизировалась, но вопрос о сохранении лесов на планете остро стоит и в настоящее время. В Резолюции Генеральной ассамблеи ООН в 2008 г. была провозглашена важность устойчивого управления лесами, подразумевающего «динамичную и эволюционирующую концепцию, нацеленную на сохранение и укрепление экономической, социальной и экологической ценности всех видов лесов на благо нынешнего и будущих поколений» (ГОЛР, 2016: 24).

Интерес исследователей к истории взаимоотношений человека и природы растет. По словам шотландского историка Ф. Уотсон, экологическая история признается сейчас важнейшим развивающимся направлением в гуманитарных науках. Автор подчеркивает, что хотя исследования в рамках экологической истории обязательно должны быть междисциплинарными, поскольку для них необходимо привлекать не только исторические сведения, но и данные ботаники, палеоботаники, дендрохронологии, экономики, решающая роль в интерпретации фактов принадлежит именно историкам, так как только историки могут объяснить, почему и как что-то происходило (Watson, 2002: 44–48).

Стремление выявить исторические сведения о хозяйственной деятельности человека в лесных массивах и использовать полученные данные для интерпретации современного состояния лесов на определенных территориях привело к появлению ряда важных исследований. Так, группа шведских ученых изучила влияние человека на бореальные леса Фенноскандии (Josefsson et al., 2010: 872–884) и на севере Швеции (Östlund, 1995: 160–171).

Немецкий исследователь, палеоботаник и историк, Х. Кюстер проследив историю леса с момента появления растительности на планете до современности, особый акцент сделал на воздействии хозяйственной деятельности человека на лесной ландшафт. Основная мысль Х. Кюстера сводится к тому, что лес как живая экосистема находится в постоянном развитии, а любое развитие подразумевает изменение, и если запретить хозяйственную деятельность человека в лесу, то при прочих благоприятных обстоятельствах (в частности, отсутствии пожаров), лес состарится и «умрет», а на его месте спустя определенное время вырастет новый лесной массив, правда, состоящий уже из

¹ Территории лесничеств и волостей не совпадали. Кимасозерская лесная дача находилась в пределах Ругозерской волости, а Ребольская лесная дача — в Ребольской, но обе дачи входили в Ребольское лесничество.

деревьев иных пород. Таким образом, исследователь выражает сомнение в необходимости полностью ограждать леса от воздействия деятельности человека (Кюстер, 2012: 153–158).

Важности изучения взаимоотношений человека и природы и разным аспектам этого вопроса на протяжении истории человечества, в том числе истории леса, посвящена книга Й. Радкау (Радкау, 2014). В одной из более ранних теоретических статей Й. Радкау тоже предпринимал попытку определить сущность экологической истории и подчеркивал необходимость найти баланс между экологией и экономикой (Radkau, 1996).

Включение некоторых лесов в особо охраняемые природные территории (ООПТ) предоставляет ученым возможность наблюдать восстановление природных экосистем, но следует отметить, что начальные условия таких наблюдений отличаются. Если в ООПТ включен участок леса, на котором никогда или почти никогда не велась хозяйственная деятельность человека, то это одно, но если на этом участке люди жили и вели хозяйство на протяжении веков, а потом в силу определенных обстоятельств, эта территория оказалась в природном заповеднике, а все люди выселены оттуда, тогда ученые имеют уникальную возможность наблюдать, во-первых, процесс восстановления природы в условиях отсутствия человека, во-вторых, сравнить состояние лесов в заповеднике и за его пределами.

Часть изученной в данной статье территории представляет собой участок леса, выведенный из сферы хозяйственной деятельности на протяжении уже нескольких десятилетий. Исследовательский интерес к этой территории финских биологов и историков привел к междисциплинарному сотрудничеству с российскими историками в рамках международного научного проекта «Maankäyttö- ja asutushistorian vaikutus metsämaiseeman rakenteeseen ja niiden heijastumat nykisytyteen: Läntinen Vienan Karjala 1800–2000 / Поселения и землепользование в Беломорской Карелии XIX–XXI вв.: воздействие в ракурсе обнаруживаемых последствий». Результатом стал выход в свет ряда статей, в которых показана продуктивность междисциплинарного подхода в изучении взаимоотношений человека и природы (Чернякова, 2013: 70–81), (Чернякова и др., 61–65), (Tikkanen et al., 2014a), (Tikkanen et al., 2014b), (Tikkanen, Chernyakova, 2014: 1–16), (Hölttä et al., 2015: 183–186). В этих работах ученые на основании исторических сведений о числе и расположении деревень, существовавших там на протяжении нескольких веков, численности населения, количестве домашнего скота, площади земель, находившихся в пользовании местных жителей определили несколько зон по степени воздействия людей на леса, окружавшие селения в радиусе трех километров. Заготовку бревен лесопромышленниками авторы не рассматривали.

В работе, выполненной в 1997–2001 гг. в ГИС-лаборатории Гринпис России по выявлению минимально нарушенных хозяйственной деятельностью человека таежных ландшафтов Европейской России с использованием космической съемки высокого разрешения, позволяющей обнаруживать признаки воздействия хозяйственной деятельности человека на природные экосистемы, также уделено внимание территории Костомукшского заповедника (Ярошенко и др., 2001: 8).

В целом, история лесозаготовок в Олонецкой губернии изучена в общих чертах. Есть работы о возникновении отдельных лесопильных заводов и их владельцах, о положении рабочих на этих заводах, объемах заготовленного леса по всей губернии (Балагуров, 1949; Кораблев, 2011).

Поскольку в начале XX в. Швеция, бывшая главным поставщиком древесины на рынки Европы, уступила свои позиции России, интерес к развитию лесозаготовительной отрасли на северо-западе Российской империи возник и в зарубежной историографии. Растущий спрос на древесину на европейских рынках и нехватка древесины нужного размера привели к тому, что для получения леса лесопромышленникам стало необходимо продвигаться на север Европы. Так, во второй половине XIX в. произошло смещение границы лесозаготовок и лесопильной отрасли на север Скандинавии и северо-запад России (Östlund, 1995; Björklund, 2000). Кроме того, в историографии высказано предположение, что постепенное смещение границы лесозаготовок также происходило из ранее освоенных районов в новые, неосвоенные, когда лесопромышленники продвигались вдоль сплавных рек все к новым участкам леса, расположенным все дальше от лесопильных заводов (Björklund, 2000). Соглашаясь с этим утверждением, отметим, что объявления о продаже леса из казенных лесных дач Олонецкой губернии, по крайней мере с 1872 г., свидетельствуют о скорее равномерном охвате всей территории губернии системой лесничеств, в каждом из которых ежегодно отводились участки леса с деревьями, предназначенными к вырубке.

4. Результаты

Самые ранние сведения о лесных заготовках в интересующих нас Кимасозерской и Ребольской казенных лесных дачах Ребольского лесничества относятся к 1872 г., когда в местной газете (Олонецких губернских ведомостях (ОГВ)) было размещено объявление о проведении торгов на покупку леса в разных лесных дачах Олонецкой губернии. В тот год в Кимасозерской даче на продажу было выставлено 19 000 «растущих» сосновых бревен и 3 400 еловых, а в Ребольской еще больше: 25 000 «растущих» сосновых бревен и 4 000 еловых. Подобные сведения в ОГВ мы выявили также за 1873, 1886 и 1887 гг. Это тем более важно, что годовые отчеты о работе Ребольского лесничества сохранились в НА РК всего за десять лет в период с 1898 по 1916 гг. Заготовки, вероятно, проводились и в другие годы, но отчетные документы об этом не сохранились. Следует отметить, что сведения

объявлений о торгах на лесные материалы и годовых отчетов отличаются по двум важным показателям. Во-первых, в объявлениях указывалось количество запланированного на продажу леса, а в отчетах количество как запланированного, так и фактически проданного леса с указанием остатков непроданного от плана на прошлый год. Во-вторых, важным отличием является то, что в объявлениях количество деревьев указывалось в штуках и, кроме того, по породам деревьев (сосна, ель). В годовых отчетах все лесные материалы указывались в кубических саженях без деления по породам. Выявленные сведения мы сгруппировали в таблицы. В [табл. 1](#) показаны данные с указанием породы деревьев (в штуках бревен), а в [табл. 2](#) — запланированный и фактически проданный объем леса в кубических саженях.

Таблица 1. Сведения о выставленных на продажу лесных материалах Кимасозерской и Ребольской казенных лесных дач (ОГВ, 1872. № 50. С. 3; 1873. № 49. С. 2; 1886. № 79. С. 2; 1887. № 65. С. 2; НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4/57. Л. 21; Д. 4/58. Л. 21)

Кимасозерская лесная дача							
Лесные материалы		1872	1873	1886	1887	1908	1909 ¹
«Растущие» бревна, шт.	сосна	19 000	9 000	2 000	2 000	12 284	24577
	ель	3 400	500	0	0	423	1101
Ребольская лесная дача							
Лесные материалы		1872	1873	1886	1887	1908	1909
«Растущие» бревна, шт.	сосна	25 000	25 000	17 000	18 000	27 219	25 661
	ель	4 000	2 000	1 600	2 600	3404	4452

Таблица 2. Имеющаяся информация о лесозаготовках в Кимасозерской и Ребольской казенных лесных дачах по документам НА РК (НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1/14. Л. 206–3; Д. 3/39. Л. 206–3; Д. 3/45. Л. 206–3; 3/49. Л. 406–5; Д. 4/53. Л. 206–3; Д. 5/65. Л. 206–3; Д. 5/73. Л. 206–3; Д. 7/99. Л. 406–5).

Год	Кимасозерская лесная дача ²			Ребольская лесная дача ³		
	Запланировано на продажу		Продано	Запланировано на продажу		Продано
	План этого года, куб. саж.	Остатки от старого плана, куб. саж.		План этого года, куб. саж.	Остатки от старого плана, куб. саж.	
1898	628,00	0	345,78	2068,00	0	58,83
1902	1316,00	1899,00	0	6621,00	70,00	6440,80
1903	2667,00	3215,00	1226,00	6021,00	54,20	5989,90
1904	2357,00	4689,00	46,60	4302,30	0	46,60
1907	2925,15	2577,50	5247,75	5462,84	0	5265,18
1912	369,10	0	35,85	6751,00	0	7647,29
1913	1606,51	369,93	0	6278,70	0	6278,70
1914	2224,16	1976,44	0	5561,02	0	220,66
1915	1046,56	4200,60	0	4838,11	5377,78	8838,83
1916	1143,55	5112,03	0	4454,45	1271,19	5618,71
Всего	16283,03	24039,00	6901,98 ⁴	52358,42	6773,17	46405,50 ⁵

Следует заметить, что заготовка бревен производилась не только в казенных лесных дачах, но также в крестьянских лесных наделах. Так, на интересующей нас территории в зиму 1906/7 г. в наделах крестьян Ребольской волости фирмой «Гутцейт и К» было заготовлено «сырорастущих комлевых и вершинных бревен сосновой и еловой породы» 53 276 шт. (НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 32/255. Л. 65–66).

Лес, заготовленный в Кимасозерской лесной даче, отправляли, по крайней мере, на 10 лесопильных заводов, в том числе компаний «Гутцейт и К», «Халла» в Финляндии; «П. Беляева наследники», «В. Гувелякин», «Брандт и К», «Товарищество Кемских лесозаводов» в России.

Наше исследование позволяет уточнить также некоторые факты о древесных породах и размерах заготавливавшихся сортиментов в разные годы. В историографии существует мнение, что до 1880 г. лесопромышленники заготавливали только сосну, а ель имела только вспомогательное значение для роста сосны, лучшие сортименты которой находились в смешанных с елью древостоях, а

¹ В 1908 г. в Кимасозерской даче выставленный на продажу лес не был куплен, поэтому весь объем был перенесен на следующий год и выставлен на продажу вместе с планом на 1909 г.

² Площадь 115 558,75 десятин (из них удобной для заготовок леса 58 577,59 дес.).

³ Площадь 375 577,50 десятин (из них удобной для заготовок леса 219 015,00 дес.).

⁴ 42 % от запланированного на продажу леса.

⁵ 89 % от запланированного на продажу леса.

лиственные породы не использовались вовсе (Шегельман, 2008: 21). Однако, как показывают сведения о выставленных на продажу деревьях, в 1872 г., ель уже заготавливали в объеме 15 % от объема сосны. В разные годы эти показатели несколько колебались. Так, в 1909 г. в Ребольском лесничестве среди заготовленных деревьев 89,3 % составляла сосна и 10,7 % ель (НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4/57. Л. 90). Что касается лиственных пород (береза, осина), их отпускали на дрова.

По поводу размера бревен, следует отметить, что требования к размеру и объему деревьев в XIX в. значительно отличались от требований в XX в. Доступность леса хорошего качества и большего размера была одной из главных причин, почему лесозаготовительные компании начали покупать лес на северо-западе России. К примеру, норвежская компания Enso Gutzeit («Гутцейт и К») начала покупать лес из Ребольской дачи в 1892 г. именно потому, что деревья были такими большими, и продолжала покупать даже несмотря на то, что цена на лес была относительно высокой. С другой стороны, размер деревьев начал уменьшаться к концу XIX в. и продолжал уменьшаться в начале XX века.

По данным, ранее введенным в историографию, до середины XIX в. спросом пользовались только крупные экземпляры толщиной 31–49 см в верхнем отрубе, в 1870-х гг. бревна толщиной 29 см еще не заготавливали и только с 1894 г. начали заготавливать бревна толщиной 27 см, но в небольших объемах. Самыми ценными в то время стали считаться бревна толщиной 31–36 см (Шегельман, 2008: 21–22). По нашим сведениям, в Олонецкой губернии уже в 1886 г. бревна заготавливали толщиной от 6 вершков (26,7 см). Также в историографии отмечено, что спрос на бревна диаметром 25 см и меньше появился с 1906 г., а на бревна диаметром 20–22 см к 1912 г. (Шегельман, 2008: 32). По нашим данным в 1909 г. Ребольском лесничестве уже заготавливались бревна диаметром не только 22 см, но и меньше. Так, из 27 071 заготовленных сосновых комлевых бревен 5 640 шт. было диаметром 5 вершков (22,25 см), 3 072 — диаметром 4 вершка (17,8 см). Также на месте заготовки было учтено 112 комля диаметром 3 вершка (13,35 см). Больше всего было заготовлено бревен диаметром 7 вершков (31,15 см) — 6690 шт. Самый большой диаметр отмечен у трех комлей — 14 вершков (62,3 см).

Таблица 3. Размер сосновых комлевых бревен, заготовленных в Ребольском лесничестве в 1909 г. (НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4/57. Л. 90)

вершки	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
см	13,35	17,8	22,25	26,7	31,15	35,6	40,05	44,5	48,95	53,4	57,85	62,3	
кол-во сосновых комлей, шт	112	3072	5930	5640	6690	3485	1436	505	151	39	8	3	Всего 27071

Лесоэксплуатация в изучаемый период осуществлялась в форме выборочной рубки. Вырубались лучшие крупномерные деревья, от них использовались в основном только комлевые бревна. Так, в 1909 г. в Ребольской даче было заготовлено 27 071 сосновое комлевое бревно и всего 14 314 сосновых вершин (НА РК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 4/57. Л. 90). Таким образом, 12 757 вершин не было использовано. Это ухудшало общее состояние леса, при заготовке и вывозке повреждалась часть здоровых деревьев, гнилые деревья оставляли на лесосеке, увеличивая захламенность леса.

В историографии высказывалось мнение, что лес в Карелии воспринимался крестьянами как нечто для них чуждое, враждебное (Шикалов, 2014: 83). Полагаем, что несмотря на действительную опасность, исходившую для крестьян и их хозяйств, например, от диких животных (волков, медведей)¹, и бытовавшие в народе древние представления о лесной нечистой силе, лес являлся для карельских крестьян кормильцем, обеспечивал условия их существования и дополнительного заработка. Поскольку большая часть Олонецкой губернии была мало пригодна для выращивания зерновых культур, работы по подготовке пашни были тяжелыми, а урожаи недостаточными для прокормления, многие крестьяне занимались разными промыслами, особое место среди которых занимала работа в лесной отрасли (рубка, вывозка и сплав деревьев, заготовка дров). Кроме того, были распространены охота на лесных зверей и птиц, сбор грибов, ягод, коры деревьев в лесах. Все это также помогало крестьянам выживать в суровых условиях севера. Также местные крестьяне получали заработки от рыболовства, извоза, перевозки клади, разных земских работ.

Такие лесные промыслы как охота на зверей и птиц, а также рыболовство не были одинаково успешными и отличались в разные годы. Так, в 1873 г. в ОГВ сообщалось, что «звериный и птичий промысел и рыболовство, в прежние годы служили главною подпорою в приобретении денежных средств, в настоящем же году, в пяти корельских волостях, дичи и белки в настоящее время почти вовсе нет... Рыбы также вообще ловится мало, так что это занятие почти не вознаграждает трудов.

¹ В 1884 г. в Повенецком уезде волки и медведи истребили 40 лошадей, 91 корову и быка, 26 жеребят, 27 телят, 285 овец, 13 собак на общую сумму 2 670 руб. 94 коп. (НА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 60). Интересно, что в том же году в уезде охотниками было добыто 18 медведей и всего 3 волка (НА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 61).

За сокращением этих главных промыслов повенецким крестьянам остаются одни только заработки по вырубке и вывозке лесов лесопромышленникам» (ОГВ. 1873. № 76. С. 869).

Заработки на лесных заготовках, действительно были для крестьян важной статьёй дохода, приносившей им средства к существованию с ноября-декабря по март (иногда апрель-май, если работали на сплаве бревен). В остальные месяцы возможностей для заработка было меньше. Заработки от охоты и рыболовства в документах указаны только в октябре-ноябре. В документах в изученные годы указаны заработки на промыслах (охота на дичь и зверей, рыболовство и продажа добычи и улова), извозе, перевозке разной поклажи, муки для земских запасов, работы на земских дорожных сооружениях и межевые работы при исследовании казенных лесов, постройка церкви и церковного дома. Однако, как иногда отмечал волостной старшина в своих рапортах податному инспектору Повенецкого уезда, этих заработков было недостаточно для уплаты податей (НА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19/156. Л. 29об., 56об.). Важно отметить, что в Ребольской волости возможностей для заработка было больше и размер заработков также был выше. В Ругозерской волости с апреля по октябрь обычно заработков не было.

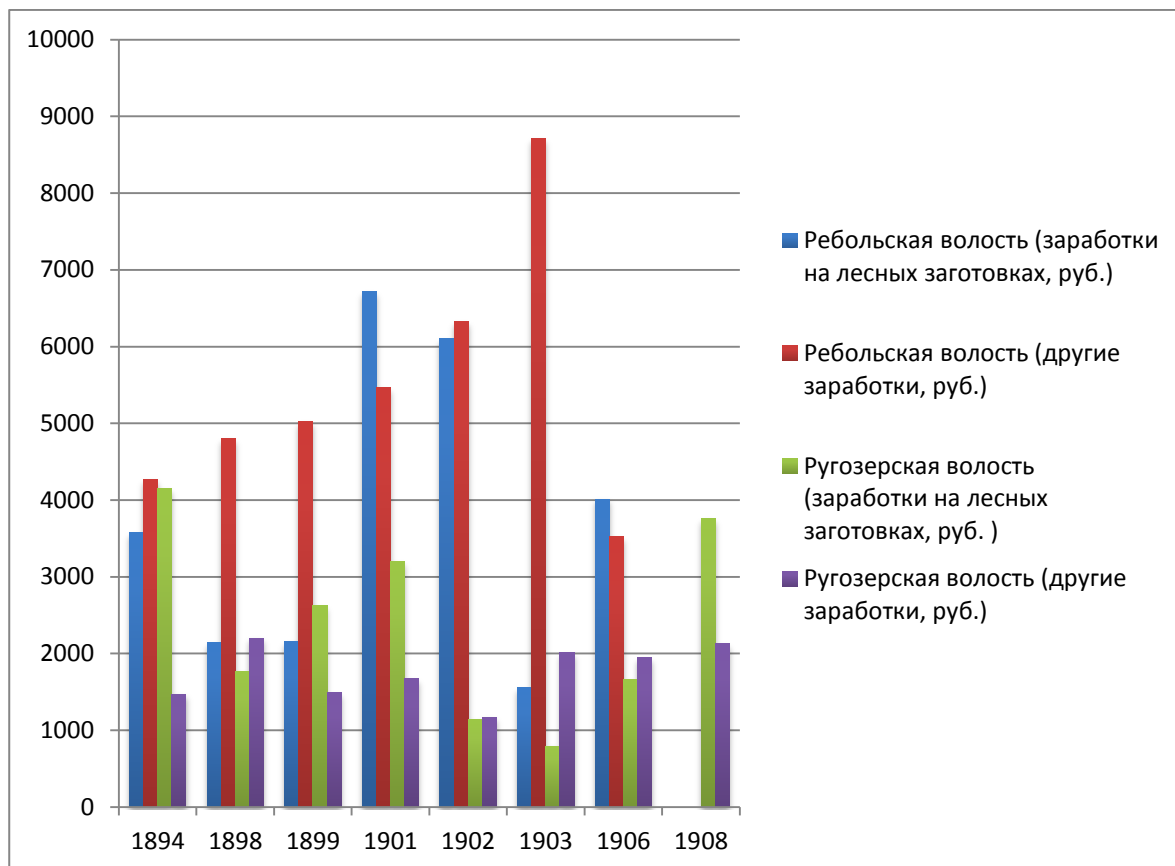

Рис. 1. Заработки крестьян Ребольской и Ругозерской волостей с 1894 по 1908 гг. (НА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8/67. Л. 30, 39, 43, 44, 55, 56, 62, 66, 74, 76, 82, 86, 95, 98, 101, 106, 109, 110, 119, 124, 129, 130; Д. 11/99. Л. 1, 7, 8, 14, 15, 22, 28, 29, 37, 38, 41, 44, 46, 52, 61, 62, 64, 70, 72, 77, 78, 86, 87, 93; Д. 13/110. Л. 1, 8, 11, 16, 17, 24, 27, 33, 37, 38, 52, 53, 61, 65, 70, 75, 76, 84, 87, 90, 95, 97, 103; Д. 16/138 Л. 1, 2, 7, 9, 12, 14, 19, 22, 25, 27, 28, 34, 38, 40, 41, 47, 51, 52, 58, 59, 61, 65, 70, 71; Д. 19/156. Л. 1, 5, 7, 8, 15, 17, 19, 23, 24, 29, 30, 35, 37, 41, 42, 45, 52, 53, 54, 56, 59, 64, 66, 70; Д. 21/174. Л. 2, 8, 9, 11, 15, 23, 26, 33, 36, 37, 42, 45, 49, 52, 53, 57, 60, 61, 63, 67, 70, 71, 75, 76; Д. 30/236. Л. 2, 3, 6, 7, 11, 16, 18, 21, 25, 26, 27, 32, 39, 46: 47, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 78; Д. 34/273. Л. 1—5, 8—14).

Несмотря на то, что работа по заготовке деревьев была опасной, на заготовках работали не только взрослые мужчины, но также женщины и подростки. В местной прессе периодически появлялись сведения о несчастных случаях. Рабочие не только получали травмы, но и погибали, задавленные срубленными деревьями, скатившимися со штабелей бревнами или опрокинувшимися возами с дровами. Так, в 1877 г. срубленными в лесу деревьями было задавлено пять мужчин и две женщины. Также в 1878 и 1888 гг. по одному крестьянину было убито упавшими срубленными деревьями (ОГВ. 1878. № 25. 323—324; 1888. № 12. 115). В 1884 г. двое крестьян и двое крестьянок были задавлены срубленными деревьями, один крестьянин и одна крестьянка задавлены возами дров, один крестьянин погиб вследствие проезда по нему дровен с бревном (ОГВ. 1884. № 21. С. 219; № 24. С. 242). В 1885 г. трое человек погибли от упавших срубленных ими деревьев, один крестьянин был задавлен скатившимся во время свалки бревном (ОГВ. 1885. № 18. С. 169). В 1886 г. два

крестьянина были убиты срубленными деревьями, еще один задавлен возом с дровами. В том же году лесной кондуктор при освидетельствовании бревен был ими задавлен (ОГВ. 1886. № 41. С. 379; № 63. С. 572).

5. Заключение

Изучение истории лесозаготовок, проводившихся в Ребольском лесничестве Олонецкой губернии, показало, что объем продававшегося для вырубki леса в двух дачах — Кимасозерской и Ребольской — не был одинаковым, и объясняется этот факт не только разницей в площади этих дач. Поскольку Кимасозерская дача была меньше Ребольской примерно в три раза, то и на продажу в этой даче выставлялось примерно в три раза меньшее количество леса. Однако подсчеты за изученные 10 лет показали, что из выставленного на продажу леса в Кимасозерской даче было продано всего 42 %, а в Ребольской — 89 %. При этом в Кимасозерской даче в изученный период было 5 лет, когда выставленный на продажу лес оставался полностью не проданным. В Ребольской даче лесопромышленники покупали лес ежегодно. Полагаем, что объясняется это направлениями сбыта. Из Кимасозерской дачи лес приобретался российскими лесопромышленниками и сплавлялся к Белому морю, а из Ребольской — финляндскими и норвежскими и сплавлялся в Финляндию. Протяженность сплава по обоим направлениям была очень большой (до 350 верст). Вероятно, финляндские и норвежские компании имели больше финансовых возможностей для заготовки и доставки леса из столь отдаленных лесных районов. Однако такая разница в спросе на лес в двух изученных дачах не привела к существенным различиям в объемах заработков местных крестьян. В Ругозерской волости, где находилась Кимасозерская дача, крестьяне на лесозаготовках заработали за 7 лет 15 340 руб., а в Ребольской за те же годы — 26 259,95 руб. При этом заработки на лесных заготовках в Ругозерской волости немного превысили прочие и составили 56 % от общей суммы. В Ребольской волости заработки на лесных заготовках, несмотря на больший размер, оказались меньше прочих и составили 41 % от общей суммы. Полагаем, это связано с тем, что в Ребольской волости в изученные годы крестьянам предлагались дополнительные работы: межевые, по сооружению дорог, постройке церкви. В целом, возможность для местных крестьян обеих волостей работать на лесных заготовках была крайне важна для получения необходимых для жизни и уплаты податей средств. Что касается воздействия лесных заготовок в Ребольском лесничестве на общее состояние местных лесов, вероятно, оно было не очень значительно, поскольку и в настоящее время по данным ученых часть лесов на этой территории признаются малонарушенными, и оказалось это возможным благодаря удаленности лесных дач от лесопильных заводов и морских портов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Литература

- Балагуров, 1949** — Балагуров Я.А. Лесопильное производство Карелии в XVIII—XIX вв. // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. Т. 3. Вып. 1. Петрозаводск, 1949. С. 3—25.
- ГОЛР, 2016** — Глобальная оценка лесных ресурсов 2015. Как меняются леса мира? [Электронный ресурс]. Вторая редакция. Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций, 2016. 49 с. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4793r.pdf>. (дата обращения: 01.09.2016).
- Кораблев, 2011** — Кораблев Н.А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX — начале XX вв. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2011. 268 с.
- Кюстер, 2012** — Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии / Пер. с нем., вступит. слово, коммент. Н. Ф. Штильмарк. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012. 304 с.
- НА РК** — Национальный архив Республики Карелия.
- ОГВ** — Олонецкие губернские ведомости.
- Радкау, 2014** — Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Пер. с нем., сост. указ. Н.Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2014. 472 с.
- Чернякова, 2013** — Чернякова И.А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке // CARELiCA. 2013. 1 (10). С. 70—81.
- Чернякова, 2015** — Чернякова И.А., Тикканен О.-П., Хейккиля Р. Старые документы и современное картографирование: трансграничное сотрудничество в исследовании ранней истории окружающей среды в Карелии // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований / 100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» / Материалы V международной конференции по исторической географии (18—21 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург). В 2 ч. Ч. I. Санкт-Петербург, 2015. С. 61—65.
- Шегельман, 2008** — Шегельман И.Р. Лесные трансформации (XV—XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

Шикалов, 2014 — Шикалов Ю.Г. Язычники, православные, сектанты, лютеране?: религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX — начало XX века). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 99 с.

Ярошенко и др., 2001 — Ярошенко А.Ю., Потапов П.В., Трубанова С.А. Малонарушенные лесные территории Европейского Севера России. М.: Гринпис России, 2001. 75 с.

Björklund, 2000 — Björklund J. Exploiting the last phase of the North European timber frontier for the international market 1890–1914: an economic-historical approach // *Forest history: International studies on economic and forest ecosystem change*. 2000. P. 171–184.

Hölttä et al., 2015 — Hölttä H., Tikkanen O.-P., Chernyakova I., Heikkilä R. Reflections of cultural history in the forest landscapes of Western White Sea Karelia // *Труды Государственного природного заповедника «Костомукшский»*. Вып. 1: 30-летние научные исследования в заповеднике «Костомукшский». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 183–186.

Josefsson et al., 2010 — Josefsson T., Gunnarson B., Liedgren L., Östlund L. Historical human influence on forest composition and structure in boreal Fennoscandia // *Canadian Journal of Forest Research*. 2010. P. 872–884.

Östlund, 1995 — Östlund, L. Logging the Virgin Forest: Northern Sweden in the Early –Nineteenth Century. *Forest & Conservation History*. 1995. Vol. 39. № 4. P. 160–171.

Radkau, 1996 — Radkau J. Wood and Forestry in German History: In Quest of an Environmental Approach // *Environment and History*. 1996. Vol. 2. P. 63–76.

Tikkanen, Chernyakova, 2014 — Tikkanen O.-P., Chernyakova I. Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia // *Silva Fennica*. 2014. Vol. 48. № 4. P. 1–16.

Tikkanen et al., 2014a — Tikkanen O.-P., Chernyakova I., Heikkilä R. Vanished villages — imprint of traditional agriculture in forest landscape of Western White Sea Karelia // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2014. № 6. С. 148–156.

Tikkanen et al., 2014b — Tikkanen O.-P., Ruokolainen A., Heikkilä R. Recovery of boreal forest structures near abandoned villages in Western White Sea Karelia, Russia // *Scandinavian Journal of Forest Research*. 2014. Vol. 29. P. 152–161.

Watson, 2002 — Watson F. Seeing the wood and the trees: why environmental history matters // *History Scotland*. 2002. 2(3). P. 44–48.

References

Balagurov, 1949 — Balagurov Ya.A. Lesopil'noe proizvodstvo Karelii v XVIII-XIX vv. [Sawmill industry of Karelia in the 18th – 19th c.] // *Uchen. zap. Karelo-Finskogo un-ta*. Т. 3. Vyp. 1. Petrozavodsk, 1949. P. 3–25 [in Russian]

GOLR, 2016 — Global'naya otsenka lesnykh resursov 2015. Kak menyayutsya lesa mira? [Global Forest Assessment 2015 – How are the world's forests changing?] Vtoraya redaktsiya. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2016. 49 p. // [Elektronic resource] / URL: <http://www.fao.org/3/a-i4793r.pdf> (date of address: 01.09.2016) [in Russian]

Korablev, 2011 — Korablev N. A. Predprinimatel'stvo v Karelii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Entrepreneurship in Karelia in the 2d half of the 19th c. – the beginning of the 20th c.]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Centre of Russian Science Academy, 2011. 268 p. [in Russian]

Kyuster, 2012 — Kyuster Kh. Istoriya lesa. Vzgl'yad iz Germanii [History of forest. A look from Germany]. Moscow: Publishing house «High School of Economic», 2012. 304 p. [in Russian]

NA RK — Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archive of Republic of Karelia]. [in Russian]

OGV — Onetskie gubernskie vedomosti [Newspaper of Olonets guberniya]. [in Russian]

Radkau, 2014 — Radkau I. Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchei sredy [Nature and power. General history of environment] Moscow: Publishing house «High School of Economic», 2014. 472 p. [in Russian]

Chernyakova, 2013 — Chernyakova I. A. Karel'skie volosti i ikh obitateli kak ob'ekt dobrykh namerenii imperskogo pravitel'stva v XIX veke [Karelian volosts and their inhabitants as the object of «good intentions» of imperial government during the 19th century] // *CARELiCA*. 2013. 1 (10). P. 70–81. [in Russian]

Chernyakova, 2015 — Chernyakova I.A., Tikkanen O.-P., Kheikkilya R. Starye dokumenty i sovremennoe kartografirovaniye: transgranichnoye sotrudnichestvo v issledovanii rannei istorii okruzhayushchei sredy v Karelii // *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy / 100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva» / Materialy V mezhdunarodnoi konferentsii po istoricheskoi geografii (18–21 maya 2015 g., g. Sankt-Peterburg)*. V 2 ch. Ch. I. Saint-Petersburg, 2015. P. 61–65. [in Russian]

Shegel'man, 2008 — Shegel'man I. R. Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. 240 p. [in Russian]

[Shikalov, 2014](#) — *Shikalov Yu.G.* Yazychniki, pravoslavnye, sektanty, lyuterane?: religioznaya situatsiya v Belomorskoj Karelii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014. 99 p. [in Russian]

[Yaroshenko i dr., 2001](#) — *Yaroshenko A.Yu., Potapov P.V., Trubanova S.A.* Malonarushennyye lesnye territorii Evropeiskogo Severa Rossii. Moscow: Grinpis Rossii, 2001. 75 p. [in Russian]

[Björklund, 2000](#) — *Björklund J.* Exploiting the last phase of the North European timber frontier for the international market 1890–1914: an economic-historical approach // *Forest history: International studies on economic and forest ecosystem change.* 2000. P. 171–184.

[Hölttä et al., 2015](#) — *Hölttä H., Tikkanen O.-P., Chernyakova I., Heikkilä R.* Reflections of cultural history in the forest landscapes of Western White Sea Karelia // *Trudy Gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika «Kostomukshskii».* Vyp. 1: 30-letnie nauchnye issledovaniya v zapovednike «Kostomukshskii». Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2015. S. 183–186.

[Josefson et al., 2010](#) — *Josefsson T., Gunnarson B., Liedgren L., Östlund L.* Historical human influence on forest composition and structure in boreal Fennoscandia. *Canadian Journal of Forest Research.* 2010. P. 872–884.

[Östlund, 1995](#) — *Östlund L.* Logging the Virgin Forest: Northern Sweden in the Early –Nineteenth Century. *Forest & Conservation History.* 1995. Vol. 39. № 4. P. 160–171.

[Tikkanen, Chernyakova, 2014](#) — *Tikkanen O.-P., Chernyakova I.* Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia. *Silva Fennica.* 2014. Vol. 48. № 4. P. 1–16.

[Tikkanen et al., 2014a](#) — *Tikkanen O.-P., Chernyakova I., Heikkilä R.* Vanished villages — imprint of traditional agriculture in forest landscape of Western White Sea Karelia // *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN.* 2014. № 6. s. 148–156.

[Tikkanen et al., 2014b](#) — *Tikkanen O.-P., Ruokolainen A., Heikkilä R.* Recovery of boreal forest structures near abandoned villages in Western White Sea Karelia, Russia. *Scandinavian Journal of Forest Research.* 2014. Vol. 29. P. 152–161.

[Watson, 2002](#) — *Watson F.* Seeing the wood and the trees: why environmental history matters. *History Scotland.* 2002. 2(3). P. 44–48.

УДК 93

Лесозаготовки в приграничье Олонецкой губернии: объем и роль в жизни местного населения (конец XIX — начало XX в.)

Дарья Владимировна Брусницына ^{a, *}

^a Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории лесозаготовок в лесничестве, находившемся на границе с Финляндией в Олонецкой губернии в последней трети XIX — начале XX века. Основой исследования послужили не изучавшиеся ранее архивные документы. Внимание к этой территории обусловлено особыми обстоятельствами, сложившимися там во второй половине XX века: переселение всех жителей нескольких приграничных деревень в другие места и, как результат, полное прекращение хозяйственной деятельности человека в этом районе. Спустя некоторое время часть этой территории вошла в природный заповедник «Костомукшский», призванный сохранить природу, включая малонарушенные леса, оставшиеся от прежнего времени, там велись когда промышленные заготовки. В настоящее время у исследователей есть уникальная возможность наблюдать, как идет процесс восстановления природы в последние десятилетия. Для этих целей данное исследование содержит важные сведения о прошлой деятельности человека: объеме и методах лесозаготовок, видах и размерах вырубавшихся деревьев. Информация о роли лесных заготовок в жизни местных обитателей также в фокусе внимания. Все это позволяет создать целостную картину взаимодействия людей и природы в изучаемый период на отдельно взятой локальной территории.

Ключевые слова: история окружающей среды, северо-запад России, Олонецкая губерния, последняя треть XIX — начало XX века, лесозаготовки, лесничество, местные крестьяне.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.brusnitsyna@mail.ru (Д.В. Брусницына)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1269-1276, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (470.57)

The Socio-cultural Characteristics of Zemstvo District Heads in Ufa Province at the Late of XIX – the Beginning of XX Centuries

Rezida I. Kantimirova ^{a, *}, Oksana S. Pavlova ^a

^a Sterlitamak branch of Bashkir State University, the Russian Federation

Abstract

The article studied the activity of zemsky district heads in Ufa province in the late XIX – the beginning of the XX centuries, in the context of the analysis of their social composition, economic status, confession and other characteristics. Although the different aspects of local government institutions activity throughout the Russian Empire are widely studied in the Russian historiography, the research studies on the review of regional experience in such activities in the territory of the Russian province are scarce. Special works devoted to the study of the activities of the zemstvo district heads in the territory of Ufa province, aren't represented. The authors, basing on attracting a wide range of unpublished sources, among which employees formulary lists have particular importance, attempted to present the basic socio-cultural characteristics of this category of officials in the local government system on materials Ufa province. The authors concluded that the average shape of the province zemstvo district heads had the following characteristics. The composition of the zemstvo heads in Ufa province, was completed mostly from the local nobility, which was 78 % of the total. The property status of zemstvo district heads in Ufa province was characterized by the fact that 44 % of zemstvo heads had land ownership, 10% had houses in different cities of Ufa province and 46 % did not have the real estate. By confession the vast majority of zemstvo district heads were Orthodox, and only 7 % of the number of professed Islam, Catholicism and Lutheranism. A feature of the educational level of district heads in Ufa province was the fact that half of their number was represented by persons with military education.

Keywords: Ufa province, zemstvo district heads, social structure, confession, property status.

1. Введение

Одним из актуальных и малоизученных аспектов внутренней политики Александра III является тема реформы местного управления, сущность которой состояла во введении должности земских участковых начальников. Как свидетельствуют разноплановые источники, земские участковые начальники играли заметную роль в жизни крестьянства и органов местного управления губерний Российской империи. Именно поэтому представляется важным рассмотреть данный институт сквозь призму важнейших критериев его социокультурной характеристики, а именно социального происхождения, уровня образования и имущественного положения. Актуальность заявленной темы определяется также и тем, что она изучалась в общероссийской историографии, и практически отсутствуют исследования, посвященные ее изучению в региональном контексте, а именно на материалах Уфимской губернии.

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана на основе широкого круга неопубликованных архивных источников, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Башкортостан. Нами были изучены все, отложившиеся в фондах архивов формулярные списки земских начальников Уфимской губернии. Из числа опубликованных источников, особое

* Corresponding author

E-mail addresses: kantimirova.rezida@mail.ru (R.I. Kantimirova), oksana.s.pavlova@mail.ru (O.S. Pavlova)

значение имеют нормативные документы, материалы ведомственного делопроизводства, статистические данные. Отметим, что значительный пласт источников вводится в научный оборот впервые и позволяет целостно и всесторонне рассмотреть заявленную проблему.

2.2. Методологическую основу исследования составил принцип историзма, реализация которого позволила комплексно в генезисе рассмотреть деятельность земских начальников в общем контексте реализации центрального и местного управления в масштабах страны и на региональном уровне. Важное место в теоретическом инструментарии имеет историко-антропологический подход, позволивший, на основе широкого массива архивных материалов, содержащих конкретно-исторические сведения о личностных и профессиональных характеристиках 69 земских начальников Уфимской губернии воссоздать картину их среднестатистического облика. Реализация социокультурного подхода позволила представить комплексный анализ состава земских начальников по социальному, вероисповедному и возрастному составу, а также имущественному положению и образовательному уровню.

3. Обсуждение

Как было отмечено, специальных исследований по составу земских участковых начальников Уфимской губернии до настоящего времени не предпринималось. В общероссийском масштабе данная тема получила освещение в дореволюционной, советской и современной историографии. В дореволюционной историографии деятельность земских начальников в целом оценивалась весьма критично, поскольку совмещала административные и судебные функции в руках одного должностного лица (Евреинов, 1903: 48; Новиков, 1899; Страховский, 1903).

В советский период институт земских участковых начальников характеризовался в контексте критической оценки курса «контрреформ» правительства Александра III (Зырянов, 1982: 240; Либерман, 1976).

Новый этап в разработке заявленной темы наступил с начала 1990-х годов и был отмечен ростом интереса исследователей к комплексному осмыслению опыта реализации местного управления в дореволюционной России, в том числе и деятельности института земских участковых начальников (Вронский, 1999; Безгин, 2004). Отмечен широкий интерес к данной теме со стороны региональных историков. В центре внимания ученых оказались ряд губерний, в числе которых Воронежская, Тульская, Тамбовская, Вятская, Казанская (Звонцова, 2006; Куршаков, 2010; Бузанова, 2013). Исследовательский опыт изучения деятельности земских начальников в Уфимской губернии предпринят в данной статье.

4. Результаты

В соответствии с «Правилами о порядке приведения в действие положения о земских участкахых начальниках» от 12 июля 1889 г. в губерниях Российской империи был введен институт земских начальников (РГИА. Ф. 1291. Оп. 32. Д. 4. Л. 3). Однако в Уфимской губернии этот закон был реализован значительно позже. 6 июня 1894 г. было принято положение «О приведении в действие законоположений от 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений в губерниях: Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Уфимской», согласно которому волостные органы управления и суда должны были подчиняться участковым земским начальникам (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 436. Л. 2). 18 июня 1894 г. Уфимская губерния была разделена на 69 земских участков, расположение которых по уездам было следующим: в Мензелинском – 11, Бирском – 16, Белебеевском – 13, Уфимском – 11, Стерлитамакском – 12, Златоустовском – 6 (НА РБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 434. Л. 3).

Должность земских начальников могли занимать местные потомственные дворяне. При каждом начальнике имелась канцелярия, состоявшая из трех–четырёх канцелярских служащих. Основные социокультурные характеристики состава земских начальников Уфимской губернии рассмотрены на основе анализа формулярных списков служащих, а также «Списка должностных лиц крестьянских учреждений в местностях в коих введено в действие Положение о земских участкахых начальниках 12 июля 1889 г.». В фондах Национального архива Республики Башкортостан авторами были изучены формулярные списки всех 69 земских начальников Уфимской губернии, которые учитывали возраст, имущественное, социальное положение, начало службы, участие в военных походах, вероисповедание, образование, то есть основные показатели, характеризовавшие служебные качества должностных лиц. В списках не фиксировались данные о национальной принадлежности участковых земских начальников, поэтому ее выяснение в работе авторами не предпринималось (Список лиц..., 1903: 719–722).

Согласно «Положению о земских участкахых начальниках» 12 июля 1889 г., в губернии составлялся список местных потомственных дворян, из которых губернатор совместно с губернскими и уездными предводителями дворянства избирал кандидата в земские начальники, которого затем утверждал в должности министр внутренних дел. При этом кандидаты должны были отвечать следующим требованиям: иметь высшее образование или прослужить не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непременно члена присутствия по крестьянским делам, владеть определенным количеством земли или недвижимым имуществом. Кандидаты или их жены,

или родители должны были владеть в уезде землей не менее половины той, которая определена для непосредственного участия в избрании гласных в уездное земское собрание, или другим недвижимым имуществом, оцененным не менее 7,5 тыс. руб. (ПСЗРИ, 1891: 518-528).

При отсутствии кандидатов из числа местного дворянства министр внутренних дел по предоставлению губернаторов мог назначить на должность земского начальника любое лицо, имеющее высшее или среднее образование, независимо от его сословного происхождения и земельного ценза. Все губернии Российской империи условно были разделены на две группы. К первой относились губернии, где земские начальники были преимущественно из местных дворян и имели значительную земельную собственность. Во вторую группу вошли окраинные губернии, где земские начальники назначались министром внутренних дел в экстраординарном порядке. Сюда была включена и Уфимская губерния, в которой сословное происхождение земских начальников и их обеспеченность землей были близки по показателям к окраинным губерниям страны (ПСЗРИ, 1891: 518-528). Данный вывод подтверждают свидетельства [таблицы 1](#).

Таблица 1. Социальный состав земских участковых начальников Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв.¹

Происхождение	Мензелинский уезд	Бирский уезд	Белебеевский уезд	Уфимский уезд	Стерлитамакский уезд	Златоустовский уезд	Итого
Дворянское сословие чел. и %	8 73	12 75	10 77	10 91	10 83	4 66	54 78
Иное	3 27	4 25	3 23	1 9	2 17	2 34	15 22
Общая численность чел. и %	11 100	16 100	13 100	11 100	12 100	6 100	69 100

Материалы таблицы показывают, что по социальному происхождению состав земских участковых начальников по уездам отличался. Так, в Уфимском уезде 91 % земских участковых начальников принадлежали к дворянскому сословию, тогда как в Златоустовском уезде представители данного сословия в указанной должности составляли лишь 66 %. Отметим, что в масштабах Уфимской губернии в 1870 г. дворянство составляло 12133 человека или 0,89 % общей численности населения (НА РБ, Ф. 11. Оп. 1. Д. 890. Л. 7), а в 1897 г. – 15822 человек или 0,72 % населения (Первая..., 1897: 8). Из данной таблицы видно, что дворянами по происхождению из земских участковых начальников Уфимской губернии в начале XX века, насчитывалось 54 служащих или 78 % от общей численности.

Сравнительный анализ сословного состава земских начальников Российской империи в центрально-нечерноземных и черноземных губерниях свидетельствует о том, что институт земских начальников состоял целиком из дворян. Показательно также и то, что в Олонецкой, Астраханской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерниях 77,9 % от общего числа служили дворяне других губерний (Либерман, 1976: 202-203).

Представителями древнейших дворянских родов, назначенных на должности участковых начальников в Уфимской губернии были: земский начальник 1 участка Златоустовского уезда князь С.П. Мансырев (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1853. Л. 22-109), 9 участка Уфимского уезда – коллежский советник граф А.П. Толстой (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1913. Л. 81), 4 участка Уфимского уезда титулярный советник князь В.В. Шаховский (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1929. Л. 2-3).

Вместе с тем, 22 % общей численности земских участковых начальников Уфимской губернии были выходцы из недворянских слоев. Например, земский участковый начальник 5 участка Белебеевского уезда статский советник П.Ф. Дмитриев, был выходец из купечества (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1791. Л. 4-18), земский начальник 14 участка Бирского уезда штаб-ротмистр В.А. Попов – сын священника (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1871. Л. 5), земский участковый начальник 9 участка Стерлитамакского уезда коллежский регистратор Б.Б. Линде – сын провизора (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1838. Л. 2-4). Крестьянское происхождение имел отставной подполковник В.М. Гончаров,

¹ Подсчитано по данным: НА РБ, Ф. И-10. Оп.1. Д.1745. Л. 2-3; Д. 1753. Л. 1-10; Д. 1754. Л. 2-5; Д. 1757. Л. 14-18; Д. 1758. Л. 3-5; Д. 1759. Л. 2-5; Д. 1764. Л.3; Д. 1767. Л. 1-16; Д. 1774. Л. 2-117; Д. 1775. Л. 20-62; Д. 1777. Л. 12-90; Д. 1779. Л. 2-4; Д. 1781. Л. 7-10; Д. 1784. Л. 5; Д. 1785. Л. 2-5; Д. 1786. Л. 1-45; Д. 1788; Д. 1790. Л. 4-2; Д. 1791. Л. 4-18; Д. 1793. Л. 4-6; Д. 1799. Л. 33-43; Д.1800. Л. 5; Д. 1805. Л. 4; Д. 1819. Л.2-6; Д. 1820. Л. 3-6; Д. 1821. Л. 2; Д. 1822. Л. 13; Д. 1823. Л. 5-6; Д. 1825. Л. 5-13; Д. 1828. Л. 3-16; Д. 1832. Л. 4-208; Д. 1835. Л.5; Д. 1836. Л. 4-7; Д. 1838. Л. 2-4; Д. 1841. Л. 2-104; Д. 1845. Л. 4-8; Д. 1850. Л. 14; Д. 1853. Л. 22-109; Д. 1855. Л. 4; Д.1857. Л. 2-4; Д. 1858. Л. 3-6; Д. 1862. Л. 1-5; Д. 1863. Л.1-6; Д. 1864. Л. 1-12; Д. 1866. Л. 3-5; Д. 1870. Л. 2-5; Д. 1871. Л. 5; Д. 1877. Л. 2-8; Д. 1878. Л. 1-3; Д. 1879. Л. 15; Д. 1883. Л. 14; Д. Л. 76; Д. 1889. Л. 5; Д. 1892. Л. 2-3; Д. 1893. Л. 2-5; Д. 1894. Л. 2; Д. 1900. Л. 2-5; Д. Л. 2-7; Д. 1913. Л. 81; Д. 1917. Л. 6; Д. 1919. Л. 2-7; Д. 1923. Л. 2-5; Д. 1926. Л. 1-4; Д. 1929. Л. 4-13; Д. 1930. Л. 4-7; Д. 1937. Л. 13.

награжденный за службу орденом Святой Анны третьей степени, святого Станислава второй степени и Бухарским орденом восходящей звезды первой степени (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1777. Л. 12-90).

Таким образом, недостаток числа земских участковых начальников из представителей дворянства в Уфимской губернии решался за счет назначения на эту должность лиц иных сословий в экстраординарном порядке.

Об имущественном положении имеются сведения обо всех 69 земских участковых начальниках Уфимской губернии. Нами были подсчитаны все данные о земельной собственности земских начальников независимо от того, в какой губернии она была расположена. В случаях, если земский начальник и его жена имели земельную собственность, то она суммировалась, так как земские начальники назначались по цензу жены и родителей (ПСЗРИ, 1891: 518-528). В раздел иных видов собственности мы относим в основном дома и редко встречающиеся заводы.

При сопоставлении данных таблицы 2 о наличии земельной собственности у земских участковых начальников Уфимской губернии выяснилось, что 44 % земских начальников имели земельную собственность, 10 % обладали домами в разных городах Уфимской губернии и 46 % ничем не обладали.

Таблица 2. Наличие земельной собственности у земских участковых начальников Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв. ¹

Тип собственности	Мензелинский уезд	Бирский уезд	Белебеевский уезд	Уфимский уезд	Стерлитамакский уезд	Златоустовский уезд	Итого
100–500 дес. земли чел. и %	2 18,18	2 12,5	- -	1 7,69	- -	1 16,66	6 8,69
500–1000 дес. земли чел. и %	-	-	4 30,76	3 27,27	1 8,33	2 16,66	10 14,49
1000–1500 дес. земли чел. и %	-	2 12,5	1 7,68	- -	1 8,33	- -	4 5,79
1500–2000 дес. земли чел. и %	1 9	- -	- -	- -	1 8,33	- -	2 2,89
2000 и выше дес. земли чел. и %	2 18,18	-	- -	3 27,27	4 33,33	- -	9 13,04
Иные виды собственности	1 6,66	- -	3 23,42	1 9,09	1 33,33	1 16,66	7 10,14
Общая численность чел и %	11 100	16 100	13 100	12 100	12 100	6 100	69 100

В целом, по Российской империи 70,5 % земских начальников имели земельную собственность, 3,4% иные виды собственности, а 26,1 % не располагали имуществом. Самый высокий процент земских начальников, имевших земельную собственность, был в центрально-черноземных, нечерноземных и левобережных губерниях (90,5 %) (Либерман, 1976: 203).

Значительными земельными владениями в Уфимской губернии владел земский участковый начальник 10 участка Стерлитамакского уезда А.М. Брудинский. В его собственности состояло 3500 десятин в Бирском уезде Уфимской губернии (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1764. Л. 3). Крупным собственником был земский участковый начальник 3 участка Стерлитамакского уезда коллежский ассessor А.Н. Осипов, которому принадлежало 2187 десятин в Стерлитамакском уезде и 5200 десятин земли находилось в собственности у его матери. В собственности участкового начальника 6 участка Мензелинского уезда поручика запаса Б.В. Пальчикова находилось 10000 десятин земли в

¹ Подсчитано по данным: НА РБ, Ф. И-10. Оп.1. Д.1745. Л. 2-3; Д. 1753. Л. 1-10; Д. 1754. Л. 2-5; Д. 1757. Л. 14-18; Д. 1758. Л. 3-5; Д. 1759. Л. 2-5; Д. 1764. Л.3; Д. 1767. Л. 1-16; Д. 1774. Л. 2-117; Д. 1775. Л. 20-62; Д. 1777. Л. 12-90; Д. 1779. Л. 2-4; Д. 1781. Л. 7-10; Д. 1784. Л. 5; Д. 1785. Л. 2-5; Д. 1786. Л. 1-45; Д. 1788; Д. 1790. Л. 4-2; Д. 1791. Л. 4-18; Д. 1793. Л. 4-6; Д. 1799. Л. 33-43; Д.1800. Л. 5; Д. 1805. Л. 4; Д. 1819. Л.2-6; Д. 1820. Л. 3-6; Д. 1821. Л. 2; Д. 1822. Л. 13; Д. 1823. Л. 5-6; Д. 1825. Л. 5-13; Д. 1828. Л. 3-16; Д. 1832. Л. 4-208; Д. 1835. Л.5; Д. 1836. Л. 4-7; Д. 1838. Л. 2-4; Д. 1841. Л. 2-104; Д. 1845. Л. 4-8; Д. 1850. Л. 14; Д. 1853. Л. 22-109; Д. 1855. Л. 4; Д.1857. Л. 2-4; Д. 1858. Л. 3-6; Д. 1862. Л. 1-5; Д. 1863. Л.1-6; Д. 1864. Л. 1-12; Д. 1866. Л. 3-5; Д. 1870. Л. 2-5; Д. 1871. Л. 5; Д. 1877. Л. 2-8; Д. 1878. Л. 1-3; Д. 1879. Л. 15; Д. 1883. Л. 14; Д. Л. 76; Д. 1889. Л. 5; Д. 1892. Л. 2-3; Д. 1893. Л. 2-5; Д. 1894. Л. 2; Д. 1900. Л. 2-5; Д. Л. 2-7; Д. 1913. Л. 81; Д. 1917. Л. 6; Д. 1919. Л. 2-7; Д. 1923. Л. 2-5; Д. 1926. Л. 1-4; Д. 1929. Л. 4-13; Д. 1930. Л. 4-7; Д. 1937. Л. 13.

Мензелинском и Белебеевском уездах (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1866. Л. 3-5). Земский участковый начальник 9 участка Златоустовского уезда надворный советник В.А. Петропалов имел 4 дома в Уфе, а титулярный советник П.П. Дмитриев имел дом в Уфе, а также пивоваренный завод (НА РБ, Ф. 10. Оп. 1. Д. 1879. Л. 15).

Размер земельной собственности земских начальников в Уфимской губернии был различным. От 100 до 500 десятин имели 8 % земских начальников Уфимской губернии, от 500 до 1000 десятин – 14 %, свыше 1 тыс. десятин – 5 %; от 1500 до 2000 десятин – 2 %, свыше 2 тыс. десятин – 13 % земских участковых начальников. Таким образом, примерно 46 % земских участковых начальников Уфимской губернии как потомственных, так и личных дворян не получала каких-либо побочных доходов. Поэтому введение института земских начальников можно расценивать как своеобразную поддержку беднейших слоев дворянства, хотя это и не являлось основной целью законодательства.

Согласно «Положению», земскими начальниками могли быть лица, имевшие высшее или среднее образование. Правда, в законе 12 июля 1889 г. и в последующих циркулярах министерства внутренних дел имели место статьи, которые давали право министру утверждать кандидатов, не имевших надлежащего образования, но такой порядок расценивался как временная мера (ПСЗРИ, 1891: 685-686).

В 1897 г. в губерниях европейской части России грамотное население составляло 22,90 %. В Уфимской же губернии численность грамотного населения составила 16,70 % от общего числа. По данному показателю губерния занимала 43 место среди губерний Европейской России (Общий..., 1905: 38-40). Анализ уровня образованности земских участковых начальников Уфимской губернии представлен нами по следующим критериям: высшее гражданское, среднее, военное и иное. Сведения о полученном образовании земских начальников представлены в таблице 3.

Таблица 3. Уровень образованности земских участковых начальников Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв. ¹

Тип образования	Мензелинский уезд	Бирский уезд	Белебеевский уезд	Уфимский уезд	Стерлитамакский уезд	Златоустовский уезд	Итого
Высшее образование чел. и %	1 9,09	4 25	4 30,76	3 27,27	4 33,33	1 16,66	17 24,64
Военное чел. и %	8 72,72	8 50	6 46,15	4 36,36	5 41,46	1 16,66	32 46,38
Среднее гражданское чел. и %	2 18,18	3 18,75	3 23,07	4 36,35	3 25	4 66,66	19 27,54
Иное чел. и %	- -	1 6,25	- -	- -	- -	- -	1 1,44
Общая численность чел. и %	11 100	16 100	13 100	11 100	12 100	6 100	69 100

Как видно из данных таблицы, большинство земских участковых начальников в начале XX века, согласно формулярным спискам имели военное образование (46,38 %). Второе место по количеству занимали участковые начальники со средним образованием (27,53 %). Около 24 % земских участковых начальников, представленных в таблице, имели высшее гражданское образование. Большинство земских участковых начальников, имевших высшее гражданское образование и примерно 1 % земских начальников, представленных в графе «иное», имели домашнее или неоконченное образование.

Согласно общероссийским статистическим данным в начале XX века имели высшее образование среди земских начальников 31,3 %, незаконченное высшее – 3,7 %, низшее 13,3 % домашнее – 0,8 %. Таким образом, 52,5 % земских начальников имели гражданское среднее образование, 45 % окончили военные учебные заведения, 1,7 % – заведения духовного ведомства

¹ Подсчитано по данным: НА РБ, Ф. И-10. Оп.1. Д.1745. Л. 2-3; Д. 1753. Л. 1-10; Д. 1754. Л. 2-5; Д. 1757. Л. 14-18; Д. 1758. Л. 3-5; Д. 1759. Л. 2-5; Д. 1764. Л.3; Д. 1767. Л. 1-16; Д. 1774. Л. 2-117; Д. 1775. Л. 20-62; Д. 1777. Л. 12-90; Д. 1779. Л. 2-4; Д. 1781. Л. 7-10; Д. 1784. Л. 5; Д. 1785. Л. 2-5; Д. 1786. Л. 1-45; Д. 1788; Д. 1790. Л. 4-2; Д. 1791. Л. 4-18; Д. 1793. Л. 4-6; Д. 1799. Л. 33-43; Д.1800. Л. 5; Д. 1805. Л. 4; Д. 1819. Л.2-6; Д. 1820. Л. 3-6; Д. 1821. Л. 2; Д. 1822. Л. 13; Д. 1823. Л. 5-6; Д. 1825. Л. 5-13; Д. 1828. Л. 3-16; Д. 1832. Л. 4-208; Д. 1835. Л.5; Д. 1836. Л. 4-7; Д. 1838. Л. 2-4; Д. 1841. Л. 2-104; Д. 1845. Л. 4-8; Д. 1850. Л. 14; Д. 1853. Л. 22-109; Д. 1855. Л. 4; Д. 1857. Л. 2-4; Д. 1858. Л. 3-6; Д. 1862. Л. 1-5; Д. 1863. Л.1-6; Д. 1864. Л. 1-12; Д. 1866. Л. 3-5; Д. 1870. Л. 2-5; Д. 1871. Л. 5; Д. 1877. Л. 2-8; Д. 1878. Л. 1-3; Д. 1879. Л. 15; Д. 1883. Л. 14; Д. Л. 76; Д. 1889. Л. 5; Д. 1892. Л. 2-3; Д. 1893. Л. 2-5; Д. 1894. Л. 2; Д. 1900. Л. 2-5; Д. Л. 2-7; Д. 1913. Л. 81; Д. 1917. Л. 6; Д. 1919. Л. 2-7; Д. 1923. Л. 2-5; Д. 1926. Л. 1-4; Д. 1929. Л. 4-13; Д. 1930. Л. 4-7; Д. 1937. Л. 13.

(Либерман, 1976: 204). Утверждение в должности земских начальников лиц, имеющих неполное среднее, низшее и домашнее образование свидетельствовало об очевидном недостатке среди дворян, отвечающих предусмотренному образовательному цензу. Отметим, что семь земских участковых начальников Уфимской губернии закончили Императорский Казанский университет. Например, граф, коллежский советник А.П. Толстой обучался в Казанском университете (НА РБ, Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1913. Л. 81). Земский участковый начальник 12 участка Стерлитамакского уезда К.В. Даль получил образование в Московском сельскохозяйственном институте (НА РБ, Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1784. Л. 2-3), а земский участковый начальник 12 участка надворный советник М.В. Стрелков учился в Санкт – Петербургском технологическом институте (НА РБ, Ф. И-10. Оп.10. Д. 1893. Л. 2-5). Полный курс наук Московского университета получил земский участковый начальник 11 участка Мензелинского уезда коллежский секретарь Л.П. Демидов (НА РБ, Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1785. Л. 2-5). Лишь немногие получили юридическое образование. Среди земских участковых начальников получивших военное образование, преобладали выпускники таких учебных заведений, как Павловское военное артиллерийское училище, Казанское училище, Оренбургское училище.

По вероисповедному составу характеристика земских участковых начальников вполне соответствовала общероссийским данным. Абсолютное большинство земских участковых начальников Уфимской губернии в начале XX века были православными 64 чел. (92,75 %), а остальные – либо лютеранами 2 чел. (2,90 %), либо мусульманами – 2 чел. (2,90 %). Отметим, что значительную часть населения губернии составляли мусульмане – 49 %, а православные – 43 % от общей численности (РГИА, Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5391. Л. 2-5). Поэтому в Уфимской губернии могли возникать определенные трудности в разрешении различных конфликтов, требующих корректности и осведомленности в вопросах этноконфессионального характера. Так, евангелическую-лютеранскую веру исповедовал земский начальник 3 участка Златоустовского уезда, коллежский асессор Элий Юльевич Раунер (НА РБ, Ф. И-10. Оп.1. Д. 1883. Л. 14). Мусульманство, согласно формулярным спискам исповедовали земский участковый начальник 3 участка Белебеевского уезда поручик запаса Акрам Мухамед Джанович Биглов (НА РБ, Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1758. Л. 3-5), а также земский участковый начальник 8 участка Белебеевского уезда Шагбаз Гарей Хайретдинович Еникеев (НА РБ, Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1793. Л. 4-6).

подавляющее большинство земских начальников в Российской империи также были православными (96,5 %). В ряде губерний, главным образом центральных, такие земские начальники составляли 100 %. Земских начальников – лютеран было 1,8 %, католиков – 1,5 %, армяно-григориан насчитывалось 0,1 %, а мусульман – 2 человека (0,1 %) (Либерман, 1976: 204).

Формулярные списки земских участковых начальников также содержат сведения о возрастном составе должностных лиц. Отметим, что средний возраст 45 (65,24 %) земских начальников варьировал в интервале от 25 до 35 лет.

5. Заключение

Таким образом, социальный состав земских начальников Уфимской губернии, преимущественно комплектовавшийся из местных дворян, был разбавлен представителями других социальных групп. Данный факт был обусловлен отсутствием в Уфимской губернии достаточной численности дворянства. Также условия службы земского начальника, который жил в сельской местности, довольствовался невысоким классом должности и окладом жалования и не имел дальнейшей перспективы карьерного роста, не были привлекательны для перспективного местного дворянства. Поэтому в губернии комплектование корпуса земских начальников, как правило, происходило преимущественно из получивших военное образование дворян, слабо подготовленных к несению судебных функций и работе в крестьянских учреждениях, для которых нередко содержание по службе являлось основным, если не единственным, источником дохода. Согласно свидетельству источников, отсутствие юридического образования и должной подготовки у большинства земских начальников Уфимской губернии, а также загруженность административными обязанностями отрицательно сказывались на качестве реализации ими и судебных полномочий.

Литература

- Безгин, 2004 – Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Издательство гос. тех. ун-та. 2004. 304 с.
- Бузанова, 2013 – Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии и их роль в жизни русского крестьянства // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6 (052). С. 181-187.
- Вронский, 1999 – Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., Тула: 1999. 153 с.
- Евреинов, 1903 – Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной обстановке. СПб., типография А. Бенке, 1903. 88 с.
- Звонцова, 2006 – Звонцова А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. – начале XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тула, 2006. 23 с.

- Зырянов, 1982** – *Зырянов П. Н.* Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914) // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР. 1982. № 107. С. 230-296.
- Куршаков, 2010** – *Куршаков А. П.* Состав института земских начальников Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 46-50.
- Либерман, 1976** – *Либерман А. А.* Состав института земских начальников // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 202–203.
- НА РБ** – Национальный архив Республики Башкортостан.
- Новиков, 1899** – *Новиков А. И.* Записки земского начальника. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 246 с.
- Общий свод, 1905** – Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб.: паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. 2 т. 417 с. 38-40.
- Первая всеобщая перепись, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уфимская губерния. Т. XLV. Тетрадь II. Под редакцией Н.А. Троицкого. СПб.: Издательство Центрального Статистического комитета МВД, 1904. 189 с.
- ПСЗРИ, 1891** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XI. СПб., Государственная типография. 1490 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Список должностных..., 1903** – Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел. 1903, 863 с.
- Список лиц..., 1903** – Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 719-722. 835 с.
- Страховский, 1903** – *Страховский И.М.* Крестьянские права и учреждения. СПб., издание товарищества «Общественная польза», 1903. 230 с.

References

- Bezgin, 2004** – *Bezgin V.B.* Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka) [Krest'yanskaya daily occurrence (traditions of the end of XIX – the beginning of the XX century)]. М - Tambov: Publishing house state. those. un-that. 2004. 304 p. [in Russian].
- Buzanova, 2013** – *Buzanova N.A.* Zemskie nachal'niki Tambovskoj gubernii i ih rol' v zhizni russkogo krest'yanstva [Territorial chiefs of the Tambov province and their role in life of the Russian peasantry] //the Social and economic phenomena and processes. 2013. No. 6 (052). P. 181-187 [in Russian].
- Vronskij, 1999** – *Vronskij O.G.* Krest'yanskaya obshchina na rubezhe XIX–XX vv.: struktura upravleniya, pozemel'nye otnosheniya, pravoporyadok [Krest'yanskaya a community at a boundary of the XIX–XX centuries: structure of management, land relations, law and order]. М., Tula: 1999. 153 p. [in Russian].
- Evreinov, 1903** – *Evreinov G.A.* Krest'yanskij vopros v ego sovremennoj obstanovke. [Krest'yansky a question in his modern situation]. SPb., A. Benke's printing house, 1903. 88 p. [in Russian].
- Zvoncova, 2006** – *Zvoncova A.V.* Institut zemskih nachal'nikov v Rossii v ehposu konservativnoj stabilizacii i reformatorskogo processe v 80-e gg. XIX v. – nachale XX v.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Institut of territorial chiefs in Russia during an era of conservative stabilization and reformatory process in the 80th of the 19th century – the beginning of the 20th century: the abstract of the thesis for degree of the candidate of historical sciences]. Tula, 2006. 23 p. [in Russian].
- Zyryanov, 1982** – *Zyryanov P. N.* Social'naya struktura mestnogo upravleniya kapitalisticheskoy Rossii (1861–1914) // Istoricheskie zapiski. [Social structure of local management of capitalist Russia (1861–1914)]//Historical notes]. М.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR. 1982. No. 107. P. 230-296 [in Russian].
- Kurshakov, 2010** – *Kurshakov A. P.* Sostav instituta zemskih nachal'nikov Kazanskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. // Vestnik CHuvashskogo universiteta. [Sostav of institute of territorial chiefs of the Kazan province at the end of XIX – the beginning of the XXth centuries // Bulletin of the Chuvash university. 2010. No. 4. P. 46-50 [in Russian].
- Liberman, 1976** – *Liberman A. A.* Sostav instituta zemskih nachal'nikov. *Voprosy istorii*. [Sostav of institute of territorial chiefs]. 1976. No. 8. P. 202–203 [in Russian].
- НА РБ** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [in Russian].
- Novikov, 1899** – *Novikov A. I.* Zapiski zemskogo nachal'nika. [Notes of the territorial chief]. SPb.: Type. M.M. Stasyulevich, 1899. 246 p. [in Russian].
- Obshchij svod, 1905** – Obshchij svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 g. [The general arch on the empire of results of development of data of the First general population census made on January 28, 1897] by SPb.: steam tipo-lithograph of N. L. Nyrkin, 1905. 2 t. P. 38-40 [in Russian].
- Pervaya vseobshchaya perepis', 1904** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Ufimskaya guberniya. Т. HLV. Tetrad' II. Pod redakciej N. A. Trojnickogo. [First general population

census of the Russian Empire 1897. Ufa province. T. XLV. Notebook of II. Under N. A. Troynitsky's edition]. SPb.: Publishing house of the Central Statistical committee Ministry of Internal Affairs, 1904. 189 p. [in Russian].

PSZRI, 1891 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. T. III. [PSZRI, 1891 - Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting of I. T. XI.] SPb., State printing house. 1490 p. [in Russian].

RGIA – Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij arhiv [in Russian].

Spisok lic..., 1903 – Spisok lic, sluzhashchih po vedomstvu MVD v guberniyah, oblastyah i gradonachal'stvah. [The list of persons ..., 1903 – List of the persons serving on department of the Ministry of Internal Affairs in provinces, areas and the gradonachalstvakh]. SPb., 1903. P. 2. 835 pages [in Russian].

Spisok dolzhnostnyh..., 1903 – Spisok dolzhnostnyh lic krest'yanskih uchrezhdenij v mestnostyah, v koih vvedeno v dejstvie Polozhenie o zemskih uchastkovyh nachal'nikah 12 iyulya 1889 g. [The list official ..., 1903 – the List of officials of country establishments in districts in which the Provision on territorial local chiefs is enacted on July 12, 1889] by SPb.: Printing house of the Ministry of Internal Affairs. 1903, 863 pages [in Russian].

Strahovskij, 1903 – *Strahovskij I. M.* Krest'yanskie prava i uchrezhdeniya. [Country rights and establishments]. SPb., edition of Public Advantage association, 1903. 230 p. [in Russian].

УДК 94 (470.57)

Социокультурная характеристика земских участковых начальников в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Резида Ильгизаровна Кантимирова ^{a,*}, Оксана Сергеевна Павлова ^a

^a Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучена деятельность земских участковых начальников Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв., в контексте анализа их социального состава, имущественного положения, вероисповедания и иных характеристик. Несмотря на широкую изученность в российской историографии различных аспектов деятельности данного института местного управления в масштабах всей Российской империи, исследований, посвященных рассмотрению регионального опыта такой деятельности на территории российской провинции очень мало. Специальные работы, посвященные изучению деятельности земских участковых начальников на территории Уфимской губернии, отсутствуют. Авторами на основе привлечения широкого круга неопубликованных источников, в числе которых особое значение имеют формулярные списки служащих, была предпринята попытка представить основные социокультурные характеристики данной категории чиновников в системе местного управления на материалах Уфимской губернии. Авторы пришли к выводу, что среднестатистический облик земских участковых начальников губернии имел следующие характеристики. Состав земских начальников Уфимской губернии комплектовался преимущественно из местного дворянства, которое составляло 78 % от их общего числа. Имущественное положение земских участковых начальников Уфимской губернии характеризовалось тем, что 44 % земских начальников имели земельную собственность, 10 % обладали домами в разных городах Уфимской губернии и 46 % не обладали недвижимым имуществом. По вероисповеданию абсолютное большинство земских участковых начальников были православные, и только 7 % от их числа исповедовали мусульманство, католицизм и лютеранство. Особенностью образовательного уровня земских начальников Уфимской губернии являлось то, что половина их состава была представлена лицами, имевшими военное образование.

Ключевые слова: Уфимская губерния, земские участковые начальники, социальный состав, вероисповедание, имущественное положение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kantimirova.rezida@mail.ru (Р.И. Кантимирова), oksana.s.pavlova@mail.ru (О.С. Павлова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1277-1284, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Visiting of the Tsarevich Nicholas Alexandrovich the Tobolsk city in 1891

Alexander A. Valitov ^{a, *}, Sergey A. Dianov ^b, Vadim S. Sulimov ^c

^aTobolsk complex scientific station of UB RAS, Tobolsk, Russian Federation

^bState National Research Politechnical University of Perm, Perm, Russian Federation

^cTobolsk Teacher Institute D.I. Mendeleev Branch of the Tyumen State University, Tobolsk, Russian Federation

Abstract

Study trips royal personages remains relevant scientific subject for historical research. The article is devoted to the visit of His Imperial Majesty the Emperor Tsarevich Nicholas Alexandrovich in Tobolsk in July 1891. Visit to the provincial center was held in a large trial trip to the east of the country. Ride the future ruler of the Russian throne in remote provinces of the empire, he performed the final step in the formation of an heir. On a variety of literary and archival sources disclosed the stages of training and visits "honored guest" of the city. In the analyzed period there is a certain ceremonial organization and meetings of royalty. In general, we can consider this visit as part of the ritual of imperial culture, whose main purpose is the process legitimizatsii future ruler.

Along with legitimizatsiye played out certain "scenario of power" is intended to reflect the unity of the government and the people. As part of the visit to Tobolsk, it can be said has been successfully implemented, the Grand Duke Nicholas Alexandrovich, entered into active cooperation with the local population in the course of various meetings and ceremonial procedures. Parallel to this, the future emperor learned to make management decisions, so a visit to Tsarevich Nicholas Alexandrovich Tobolsk provincial museum in 1891 and its acceptance under his protection was evidence of special attention by the Government to the development of social institutions in the late imperial period.

Thus, the visit of Crown Prince Nikolai Alexandrovich Romanov, the future Emperor gave the opportunity to officially present themselves for the cast, helping to create in the public mind of certain social myths of the proximity of the common man and the authorities in the form of direct interaction between the Russian tsar and the people.

Keywords: visit, travel, Tobolsk, Tobolsk Province, Tsarevich Nicholas.

1. Введение

Юбилейные события последних лет вызвали повышенный интерес к истории Дома Романовых. У современных как отечественных, так и зарубежных авторов «имперская тематика» продолжает оставаться важной темой для исследований (Vulpius, 2009). С правления императрицы Екатерины II появилась и укрепилась традиция путешествия представителей правящей династии в отдельные провинции государства. В ходе ознакомительных визитов в течение нескольких веков сложился определенный церемониал. Данный церемониал включал в себя определенные протокольные элементы – торжественная встреча «высокого гостя», знакомство историко-культурными памятниками, взаимный обмен дарами и проводы (Lantz, 2012). Путешествия царских особ преследовали несколько целей: презентация власти, легитимизация будущего правителя, завершение образования наследника, реализация властных сценариев через взаимодействие власти, человека и общества в рамках запланированных мероприятий. Тобольск Николай II посетил дважды – первый раз в 1891 г. как цесаревич, второй раз в 1917 г. в роли бывшего правителя.

* Corresponding author

E-mail addresses: val11@bk.ru (A.A. Valitov), dianov-sa@rambler.ru (S.A. Dianov), sulimov1968@mail.ru (V.S. Sulimov)

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы Государственного архива в г. Тобольске из фондов 152 «Тобольское губернское правление» и 159 «Тобольское жандармское управление». Кроме того, были использованы материалы официальной дореволюционной западносибирской печати, а также опубликованные источники и исследования современных авторов.

Сложность изучаемого объекта потребовало использование междисциплинарного подхода, объединяющего достижения истории, религиоведения, этнографии, социологии, и культурологии.

В ходе работы привлекалась история повседневности, которая охватывает всю жизненную среду человека, включая все сферы общественной жизни. Методологические подходы и инструментарий данного направления позволили реконструировать повседневную жизнь как особую пространственно-временную реальность в рамках сценариев власти и ритуала.

3. Обсуждение

Историография вопроса, исследующая визиты царских особ, только начинает складываться. Тем не менее, к исторической публицистике по исследуемой теме можно отнести труд Э.Э. Ухтомского, сопровождавшего в 1890-1891 гг. наследника престола Николая Александровича в его путешествии по востоку. В данной работе, отдельная глава посвящена визиту цесаревича в Тобольскую губернию (Ухтомский, 1897). Из современных исследователей нельзя не отметить работу В.В. Трепавлова, который рассматривает путешествия царственных особ по провинциям страны в рамках развития этнической истории России (Трепавлов, 2015). Изучены отдельные путешествия представителей правящей династии в разные временные периоды (Клопова, 2014). Проанализированы визиты членов Дома Романовых в процессе формирования ритуальной культуры имперской России (Valitov et al., 2015). Интересное исследование провел историк И.С. Томилов, охарактеризовав путешествия великих князей по Тобольской губернии XIX в. как одну из форм праздничной культуры горожан (Томилов, 2015).

Из актуальных работ по данной проблеме можно отметить исследования Л.В. Кальминой, выявившие экономическую составляющую визита цесаревича Николая г. Верхнеудинск (Кальмина, 2013). В публикации Т.В. Паликова прослежены основные этапы путешествия на восток цесаревича Николая (Паликова, 2013).

4. Результаты

В 1890-1891 гг. цесаревич Николай Романов совершил путешествие вокруг Азии. Обратный путь проходил через Дальний Восток и Сибирь. Отплыв из Кобэ (Япония) 7 мая, цесаревич 11 мая 1891 г. прибыл во Владивосток. 20 мая Николай попрощался с экипажем «Памяти Азова» и со всеми кораблями и 21 мая он покинул Владивосток, отправляясь через Сибирь в Санкт-Петербург, куда он прибыл 4 августа 1891 г. (Ухтомский, 1897). 22 мая Николай выехал из Владивостока, ему предстояло двухмесячное путешествие через Хабаровск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Томск, Сургут, Тобольск, Омск, Оренбург. Часть пути он проделал водным путем по рекам: Уссури, Амуру, Шилке, Бирюсе, Оби, Иртышу. Для жителей этой части империи приезд императора стал знаменательным событием.

Свой визит в пределы Тобольской губернии цесаревич начал с посещения Сургутского округа. Менее чем за две недели (8 июля – 16 июля) он проехал водным маршрутом по Тобольской губернии, преодолев расстояние общей протяженностью свыше 2305 верст (почти 2458,97 км) (Ухтомский, 1897: 123).

Поездка по губернии началась 8 июля, когда наследник в сопровождении свиты, прибыл из Томска на пароходе в Сургут – первый пункт, где был встречен губернатор В.А. Тройницким и местным населением. 9 июля проследовал до с. Самарово, затем побывал в с. Демьянском, 10 июля Николай Александрович провел в Тобольске, затем в с. Усть-Ишиме, с. Тевризском, Таре, с. Карташево. Наконец, 16 июля 1891 г. он покинул пределы Тобольской губернии (Ухтомский, 1897: 137).

Одними из первых в Тобольской губернии весной 1891 г. подготовку к встрече цесаревича начали крестьяне, проявив инициативу в приобретении подарков для «высокого гостя» и подготовке мостов и дорог (ГА в г. Тобольске. Ф. И 332. Оп.1. Д. 51, Л. 2–2 об.).

Губернатор В.А. Тройницкий отнесся с «полным сочувствием к подобной прекрасной мысли» и выбрал станцию Сыропятскую для встречи цесаревича и народа. В последний момент великий князь принял решение плыть на пароходе от Томска до Тобольска. По причине изменения маршрута выбрали новое место встречи наследника и крестьян село Самарово (ГА в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 123. Л. 31об.–32).

Рис. 1. Фотопортрет цесаревича Николая Александровича 1891 г.

На протяжении оставшихся двух недель местные власти и жители Тобольска готовились к встрече наследника. За несколько дней до визита город украсили флагами и зеленью. Серьезное внимание уделяли оформлению улиц, по которым планировался проезд «высокого гостя». Рядом с пристанью Ширкова построили павильон, украшенный зеленью. У Захарьевской церкви, при въезде в город, возвели триумфальные ворота. Особо выделялись среди остальных городских зданий губернская гимназия, Мариинская женская школа, духовное училище. Искусно была декорирована ул. Большая Пятницкая, по которой должен был проехать цесаревич, а также дома почтово-телеграфной конторы и купцов просто «тонули в зелени» (Крылов, 1891: 2).

Рис. 2. Богоявленская улица Тобольска конец XIX в.

Ключарь Софийско-Успенского кафедрального собора Тобольска протоиерей Н. Скосырев отмечал: «Встряхнув с себя будничную неприглядную хламиду, Тобольск чистенько принарядился...» (Скосырев, 1891: 268). Около семи часов пароход с «высоким гостем» показался из-за Сузгунского мыса. В 19.40 пароход подошел к пристани Тобольска, на берег сошел наследник престола, его сопровождал Тобольский губернатор В.А. Тройницкий, генерал-майор свиты его высочества князь В.А. Барятинский.

На пристани цесаревичу был представлен управляющий губернией З.Н. Геращенко. По дороге к павильону Николая встретили и поднесли хлеб-соль несколько deputаций: от тобольского и тюменского городского общества, тобольского мещанского общества, местной ремесленной управы

и бухарского общества. После знакомства Николай сел в коляску с губернатором и отправился под колокольный звон в кафедральный собор. Наследника престола бурно приветствовала криками «ура» собравшаяся публика. По прибытии к собору цесаревич «смирненно и благоговейно» взшел на церковное крыльцо и паперть собора, где остановился перед епископом Иустином, который произнес прочувственную краткую речь, с приветствием наследника (Ухтомский, 1897: 129). По окончании приветствия епископ поднес Николаю Александровичу крест для целования. При выходе из собора в южные боковые двери, цесаревич направился на осмотр ризницы, наследника сопровождали кафедральный протоиерей М. Боголепов и ключарь Н. Скосырев. Великий князь осмотрел древние вещи церковного музея, в основном жалованные русскими царями. Сопровождающие преподнесли в дар гостю альбом с фотографиями, где были изображены виды ризницы, также брошюру с полным описанием церковного хранилища древностей (Скосырев, 1891: 271).

После осмотра ризницы цесаревич посетил епископа Тобольского и Сибирского Иустина, где игуменя Миропия, настоятельница Иоанно-Введенского монастыря, поднесла в дар царственному путешественнику образ Почаевской Божией Матери, шитый золотом в мастерской обители.

Рис. 3. Здание Тобольского губернского музея

Позже Николай Александрович осмотрел Тобольский губернский музей. В первом зале цесаревич обратил внимание на цельный скелет вымершего быка и кости древних животных. Ознакомился с этнографическим отделом и посетил экспозицию с образцами местного скорняжного производства, произведениями из кости мамонта, и коврами местной работы. Осмотрев выставку, цесаревич посетил промышленный и естественно-исторический отделы музея. В одной из комнат стоял массивная серебряная вызолоченная братина¹ с русским квасом. Его высочество пожелал отведать напиток. Н. Мамеева и А. Ершова поднесли высокому гостю квас на серебряном подносе в серебряной кружке с надписью на крышке в «Пиво – не диво и мед – не хвала, всему голова – что любовь дорога» (Тройницкий, 1891: 12). Привлекла внимание цесаревича в археологическом отделе витрина древнерусских вещей. Особый интерес вызвал медальон княгини М.А. Долгоруковой (Меншиковой), бывшей невесты императора Петра II. Ударил гость и в ссыльный колокол из Углича.

В библиотеке музея Николай просмотрел собрание рукописных и печатных произведений о Сибири, внимательно, изучил первые издания типографии Корнильевых – журналы «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Библиотеку ученую», исторические сочинения Миллера и Фишера. Сопровождающие лица показали метрическую выписку о принятии из «святой купели» цесаревичем Александром Николаевичем у тобольского губернатора Х.Х. Повало-Швейковского, сына Александра, родившегося во время посещения великим князем Тобольска в июне 1837 г. Будущий император оставил памятный знак на дощечке из мамонтовой кости, обрамленной в бархат, начертал пером на память посещения музея: «Цесаревич Николай. 10 июля 1891 г.»²

В ходе экскурсии Его высочество проявил живой интерес к коллекции музея, интересовался многими предметами. В заключение осмотра цесаревич выразил согласие на принятие музея под свое покровительство.

После музея Николай Александрович направился в сад Ермака, где осмотрел катер, на котором переправлялся через р. Иртыш в 1837 г. его дед Александр II. После осмотра катера наследник проследовал по главной аллее сада, где на всем протяжении до памятника покорителю Сибири

¹ Большой сосуд, чаша.

² Эта реликвия хранится в Тобольском музее.

Ермаку было разостлано красное сукно. Вдоль дорожки располагались воспитанники учебных заведений и местная публика (Сулимов, 2009: 18).

Рис. 4. Плакетка с автографом Цесаревича Николая Александровича.

Шествие сопровождалось дождем из цветов и оглушительным детским «ура». При входе в аллею его высочеству был представлен директор училищ губернии П.И. Панов. Его высочество обратил особое внимание на Мариинскую женскую школу, Александровский детский приют и ремесленную школу, припомнив, что эта школа основана в память пребывания в Тобольске великого князя Владимира Александровича. У памятника Ермаку путешественнику была поднесена Трусовым модель памятника из мамонтовой кости работы местного мастера (Тройницкий, 1891: 18).

Осмотрев памятник, цесаревич по боковой аллее между рядами тобольских дам и девиц под крики «ура» и бросание букетов живых цветов проследовал в вокзал. Когда наследник престола подходил к вокзалу, хор певчих из воспитанников и воспитанниц учебных заведений Тобольска при участии любителей под управлением преподавателя духовной семинарии Д.Ф. Худяковского исполнил «Слався, слався» и гимн в память события 17 октября.

Рис. 5. Цесаревич Николай Александрович и тобольский губернатор В.А. Тройницкий на палубе парохода «Николай» 1891 г. (художник М.С. Знаменский)

При входе в летнее помещение Тобольского общественного собрания, называемое вокзалом, наследника встретили представители от тобольского и тюменского городских обществ и местные

чиновники. Цесаревичу были представлены почетные представительницы городского общества, среди которых была А.Г. Серебренникова, танцевавшая с цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в Тобольске.

По завершению встречи с местным обществом, цесаревич покинул сад Ермака, спустился на коляске с горы по Никольскому взвозу и при восторженных приветствиях собравшейся публики под колокольный звон проехал по Богородской улице до убежища бедных детей, а далее по Большой Архангельской, Рождественской и Большой Пятницкой вновь на пристань Ширкова.

По пути следования гостя священники и причты тех церквей, мимо которых проезжал наследник трона, выходили в облачениях с крестом и осеняли «высокого гостя». На пароходе цесаревич был встречен преосвященным Иустином, епископом Тобольским и Сибирским (Лебедев, 1891: 8).

В ходе визита Николай Александрович получил значительное количество подарков от простого народа и представителей местной власти. Опись отправленных в Санкт-Петербург ценных предметов, составленная губернатором В.А. Тройницким включала 43 наименования. Вещи, упакованные в семь больших ящиков, включали в себя альбомы, комплекты всевозможных блюд и солонки из различного материала (от дерева до золота), изящно оформленные стихотворения, старые иконы и книги, шкатулки, ковры и многое другое (ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 34. Д. 71. Л. 273–275 об.)

Николай Александрович щедро одаривал местную элиту и простых горожан, так городские головы Тобольска и Тюмени Трусов и Мальцев, а также тобольский полицмейстер Каверзин получили золотые перстни с бриллиантами, кучер управлявший царским экипажем удостоился серебряных часов, а остальные извозчики по золотому (Ухтомский, 1897: 133).

Пароход Гадалова «Николай» отошел от пристани Ширкова в 12 часов 35 минут ночи на 11 июля. На берегу, несмотря на темноту, дождь и пронзительный ветер, дорогого гостя провожала большая толпа народа, единодушно приветствовавшая цесаревича криками «ура!».

Одновременно с пароходом Гадалова «Николай» от пристани Корнилова отошел пароход «Сибиряк» с тобольской публикой, пожелавшей проводить цесаревича. «Сибиряк» сопровождал пароход с наследником престола почти до Абалакского монастыря. На протяжении четырех дней после визита цесаревича Тобольск продолжал оставаться украшенным цветами и флагами.

5. Заключение

В рамках визита шел процесс взаимодействия власти и общества. Из проведенного анализа следует, что посещение цесаревичем Николаем Тобольска проходило в рамках процесса легитимизации власти и носило черты торжества. Их отражение находило в определенных «сценариях власти» а также сопровождалось элементами праздничной культуры, памятными подарками, действиями, мероприятиями. Праздничным духом пронизаны подготовка к визиту, программа встречи, массовое участие жителей города – чиновников, представителей разных сословий, национальностей, профессий, возрастов и вероисповеданий. Украшение места встречи, проведение религиозных обрядов, приведение в порядок участников, официальные приглашения, памятные подарки, массовые гуляния, развлечения – все это неперенные атрибуты любого визита.

Посещение цесаревичем Николаем Александровичем Тобольского губернского музея в 1891 г. свидетельствовало, уделяло правительство развитию культурно-просветительных и научных учреждений в дореволюционный период на востоке страны. Тобольский губернский музей, почетным членом которого являлся Николай II, уже до революции 1917 г. стал одним научно-исследовательским центром в Сибири, на базе которого проводилось комплексное изучение Тобольского Севера.

Литература

- ГА в г. Тобольск – Государственный архив в г. Тобольске
 Гриценко, 1897 – Гриценко Н.В. Подарок последнему Императору // Сибирская столица. Тобольск. 1997. № 1. Октябрь.
 Жирова, 2008 – Жиров А.А. «Если бы стены могли говорить...»: очерки и статьи. Омск: ЗАО «Полиграф», 284 с.
 Кальмина, 2013 – Кальмина Л.В. Цесаревич Николай в Верхеудинске «цена вопроса» // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 8-10.
 Клопов, 2014 – Клопова М.Э. Конференция «Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу» // Славяноведение. 2014. № 4. С. 121-124.
 Крылов, 1891 – Крылов А. Пребывание Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Тобольске // Сибирский листок. 1891. 14 июля. № 53. С. 2-3.
 Лебедев, 1892 – Лебедев М.Ф. Путешествие наследника цесаревича по Тобольской епархии в 1891 году / сост. по донесениям благочинных свящ. М. Лебедев. Тобольск : Типография Тобольского губернского правления, 1892. 18 с.
 Описание пути – Описание пути Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича по Тобольской губернии июля 1891 года. [Б. м., 1891]. 2 с.

- Паликова, 2013** – *Паликова Т.В.* Путешествие на восток цесаревича Николая // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 4-7.
- Попов, 2001** – *Попов Н.Н.* Посещение г. Сургута наследником престола Российской империи Николаем Романовым // Сургут в отечественной истории: сб. тез. докл. всерос. науч. конф. 13-14 декабря 2001. С. 12-14.
- Скосырев, 1891** – *Скосырев Н.* Посещение Тобольского Кафедрального собора Государем Наследником // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1891. № 13–14. С. 267-272.
- Сулимов, 2009** – *Сулимов В.* Цесаревич Николай в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. 100 с.
- Томилов, 2015** – *Томилов И.С.* Посещение великими князьями Тобольской губернии во второй половине XIX века // Пятнадцатые Романовские чтения всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Алапаевск, 2015. С. 244-251.
- Трепавлов, 2015** – *Трепавлов В.В.* Царские путешествия по этническим регионам России // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 71-85.
- Тройницкий, 1891** – *Тройницкий В.А.* Проезд Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича по Тобольской губернии в июле 1891 г. / [Т.]. Изд. 2-е. Тобольск : Типография Губернского правления, 1891. 26 с.
- Ухтомский, 1897** – *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. В 3 т. Т. III. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891) по Тобольской губернии. СПб., 1897. С. 118-160.
- Церемониал встречи** – Церемониал встречи Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича в г. Тобольске, июля 10 дня 1891 года. [Тобольск : б. и., 1891]. 2 с.
- Lantz, 2012** – *Lantz C.* The Last Romanov // Library journal. 2012. Т. 137. Is. 4. pp. 86-87.
- Valitov et al., 2015** – *Valitov A.A., Tomilov I.S., Dianov S.A., Fedotova D.Iu.* Visit of grand duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as a part of the ritual legitimization of the ruling Romanov dynasty // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3. pp. 558-563.
- Vulpus, 2009** – *Vulpus, R.* Romanov Empire and Nationalism. Essay on the methodology of historical research. // *Janrbucher fur geschichte osteuropas*. 2009. Т.57. Is. 4. pp. 603-604.

References

- GA v g. Tobol'sk** – Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk]. [in Russian]
- Gricenko, 1897** – *Gricenko N.V.* Podarok poslednemu Imperatoru [Gift Last Emperor] // *Sibirskaja stolica. Tobol'sk*. 1997. № 1. Oktjabr'. [in Russian]
- Zhirova, 2008** – *Zhirov A.A.* «Eсли бы стены могли говорить...»: [If walls could talk ... ":] ocherki i stat'i. Omsk: ZAO «Poligraf», 284 p. [in Russian]
- Kal'mina, 2013** – *Kal'mina L.V.* Cesarevich Nikolaj v Verheudinske «cena voprosa» [Tsarevich Nicholas in Verkhneudinsk "issue price"] // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 7. P. 8-10. [in Russian]
- Klopov, 2014** – *Klopova M.Je.* Konferencija «Romanovy v doroge: puteshestvija i poezdki chlenov carskoj sem'i po Rossii i za granicu» [Conference "The Romanovs in the road: travel and travel of members of the royal family in Russia and abroad"] // *Slavjanovedenie*. 2014. № 4. P. 121-124. [in Russian]
- Krylov, 1891** – *Krylov N.* Prebyvanie Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarja Naslednika Cesarevicha Nikolaja Aleksandrovicha v Tobol'ske [His Imperial Highness Emperor Stay Tsarevich Nicholas Alexandrovich in Tobolsk] // *Sibirskij listok*. 1891. 14 ijulja. № 53. [in Russian]
- Lebedev, 1892** – *Lebedev M.F.* Puteshestvie naslednika cesarevicha po Tobol'skoj eparhii v 1891 godu / sost. po donesenijam blagochinnyh svjashh. M. Lebedev. Tobol'sk : Tipografija Tobol'skogo gubernskogo pravlenija, 1892. 18 p. [in Russian]
- Opisanie puti** – Opisanie puti Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarja Naslednika Cesarevicha i Velikogo Knjazja Nikolaja Aleksandrovicha po Tobol'skoj gubernii ijulja 1891 goda. [B. m., 1891]. 2 p. [in Russian]
- Palikova, 2013** – *Palikova T.V.* Puteshestvie na vostok cesarevicha Nikolaja [Journey to the East Tsarevich Nicholas] // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 7. P. 4-7. [in Russian]
- Popov, 2001** – *Popov N.N.* Poseshhenie g. Surguta naslednikom prestola Rossijskoj imperii Nikolaem Romanov [Visiting Surgut heir to the throne of the Russian Empire Nikolai Romanov] // *Surgut v otechestvennoj istorii: sb. tez. dokl. vseros. nauch. konf. 13-14 dekabrja 2001*. P. 12-14. [in Russian]
- Skosyrev, 1891** – *Skosyrev N.* Poseshhenie Tobol'skogo Kafedral'nogo sobora Gosudarem Naslednikom [Visiting Tula Cathedral Sovereign Heir] // *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj*. 1891. №№ 13–14. P. 262-272. [in Russian]
- Sulimov, 2009** – *Sulimov V.* Cesarevich Nikolaj v Tobol'skoj gubernii [Tsarevich Nicholas in Tobolsk Province. Tobolsk]. Tobol'sk, 2009. 100 p. [in Russian]
- Tomilov, 2015** – *Tomilov I.S.* Poseshhenie velikimi knjaz'jami Tobol'skoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka [Visit the Grand Dukes of the Tobolsk province in the second half of the XIX century]//

Pjattnadcatye Romanovskie chtenija vsrossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija: materialy. Alapaevsk, 2015. P. 244-251. [in Russian]

Trepavlov, 2015 – *Trepavlov V.V.* Carskie puteshestvija po jetnicheskim regionam Rossii [Royal travel along ethnic regions of Russia]. *Voprosy istorii*. 2015. № 2. P. 71-85. [in Russian]

Trojnickij, 1891 – *Trojnickij V.A.* Proezd Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarja Naslednika Cesarevicha i Velikogo Knjazja Nikolaja Aleksandrovicha po Tobol'skoj gubernii v ijule 1891 g. [Journey of His Imperial Highness the Crown Prince and Grand Duke Nicholas Alexandrovich Tobolsk Province in July 1891] / [T.]. Izd. 2-e. Tobol'sk : Tipografija Gubernskogo pravlenija, 1891. 26 p. [in Russian]

Uhtomskij, 1897 – *Uhtomskij Je.Je.* Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarja naslednika cesarevicha, 1890-1891. [Journey to the East of His Imperial Highness the Crown Prince, 1890-1891.]. V 3 t. T. III. Puteshestvie gosudarja imperatora Nikolaja II na Vostok (v 1890-1891). po Tobol'skoj gubernii. SPb., 1897. P. 118-160. [in Russian]

Ceremonial vstrechi – Ceremonial vstrechi Ego Imperatorskogo Vysochestva, Gosudarja Naslednika Cesarevicha i Velikogo Knjazja Nikolaja Aleksandrovicha v g. Tobol'ske, ijulja 10 dnja 1891 goda. [The ceremonial meeting of His Imperial Highness, the Sovereign Tsarevich and Grand Duke Nicholas Alexandrovich in Tobolsk July 10, the day in 1891]. [Tobol'sk : b. i., 1891]. 2 p. [in Russian]

Lantz, 2012 – *Lantz C.* The Last Romanov. *Library journal*. 2012. T. 137. Is. 4. pp. 86-87.

Valitov et al., 2015 – *Valitov A.A., Tomilov I.S., Dianov S.A., Fedotova D.Ju.* Visit the Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as part of the ritual of legitimizing power of the ruling house of Romanov. *Bylye Gody*. 2015. № 37 (3). p. 558-563. [in Russian]

Vulpius, 2009 – *Vulpius R.* Romanov Empire and Nationalism. Essay on the methodology of historical research. *Janrbucher fur geschichte osteuropas*. 2009. T.57. Is. 4. pp. 603-604.

УДК 93/94

Посещение цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 году города Тобольска

Александр Александрович Валитов ^{a,*}, Сергей Александрович Дианов ^b, Вадим Сергеевич Сулимов ^c

^a Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Российская Федерация

^b Пермский национально-исследовательский политехнический университет, Пермь, Российская Федерация

^c Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева филиал ТюмГУ в г. Тобольске, Тобольск, Российская Федерация

Аннотация. Изучение путешествий царских особ остается актуальной научной темой для исторических исследований. Статья посвящена визиту Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Тобольск в июле 1891 г. Посещение губернского центра проходило в рамках большого ознакомительного путешествия по востоку страны. Поездка будущего властителя российского престола по отдаленным провинциям империи, выступала заключительным этапом в образовании наследника. На разнообразных литературных и архивных источниках раскрыты этапы подготовки и посещения «высокого гостя» города. В исследуемый период сложился определенный церемониал организации и встречи царственных особ. В целом можно рассматривать данный визит в рамках имперской ритуальной культуры, основной целью которой являлся процесс легимитизации будущего правителя.

Параллельно с легимитизацией реализовывался определенный «сценарий власти» призванный отразить единство власти и народа. В рамках посещения Тобольска, можно сказать он был успешно воплощен, великий князь Николай Александрович, вступал в активное взаимодействие с местным населением в ходе различных встреч и церемониальных процедур. Параллельно с этим будущий император учился принимать управленческие решения, так посещение цесаревичем Николаем Александровичем Тобольского губернского музея в 1891 г. и принятие его под свое покровительство стало свидетельством особого внимания, которое правительство уделяло развитию социальных институтов в позднимперский период.

Таким образом, визит цесаревича Николая Александровича Романова, давал будущему императору возможность официально презентовать себя для поданных, способствуя формированию в общественном сознании определенных социальных мифов о близости простого человека и власти в форме прямого взаимодействия русского царя и народа.

Ключевые слова: визит, путешествие, Тобольск, Тобольская губерния, цесаревич Николай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valit1@bk.ru (А.А. Валитов), dianov-sa@rambler.ru (С.А. Дианов), sulimov1968@mail.ru (В.С. Сулимов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1285-1294, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 009.93

«Giant child covered by the Upturn»: Memoirs of Napoleon's Army Prisoners about the Formation of the Ethnic Identity of the Peoples of the Volga

Sergej V. Belousov^{a, *}, Olga A. Sukhova^a, Oleg V. Jagov^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the formation of national and ethnic identity of the Volga peoples based on the study of war memories of Napoleon's army.

The authors support the thesis of A. Etkind of internal colonization of Russia. Volga was the internal borders of the empire. The most powerful factor behind the need for awareness of national identity was the Patriotic War of 1812. That is why it is important to analyze the everyday practices of intercultural interaction, developed in this era the territory of multi-ethnic regions. It is important to note that the very fact of placing in the Volga provinces prisoners of Napoleon's army testifies colonial appointment of the region.

In conclusion, the authors note about the high educational value of this type of sources reflecting many aspects of provincial life. The unique experience of the formation of the multinational provincial community was grown on the basis of the recognition of the multiplicity of ethnic identities, and hence tolerance and respect for other cultural environment.

Keywords: Napoleon's army prisoners of war, memories, the peoples of the Volga, the formation of ethnic and national identity.

1. Введение

Обращение к современным интерпретациям тезиса В.О. Ключевского о колонизации как основном факте, предопределившем самобытность российской истории (Ключевский, 1987: 49-50), к изучению имперского опыта внутренней колонизации России (Эткинд, 2013) представляется на сегодняшний день равным образом и чрезвычайно актуальным по причине роста межэтнической конфликтности в мире, и обладающим высоким теоретическим потенциалом, позволяющим успешно решать исследовательские задачи в области изучения национальной политики и в практической плоскости в целях корректировки ее возможных последствий. Ребрендинг имперской составляющей в современных исследованиях, так или иначе связанных с национальными отношениями и соответствующими политическими практиками, свидетельствует о необходимости учета максимально возможного количества факторов, исторических сил, исподволь формировавших направления развития межнациональных коммуникаций. В этом отношении показателен интерес А. Эткинда к такому оксюмору как внутренняя колонизация, позволяющему представить Россию одновременно и как объект, и как субъект колонизации (Эткинд, 2013: 9). Для регионов центральной России переплетение таковых, в некотором смысле взаимоисключающих процессов не обрело своего завершения ни в XVIII в., ни в начале XIX в., когда по сути Поволжье выступало внутренней окраиной империи. Мощнейшим фактором, вызвавшим к жизни идею народа, формирование национальной идентичности, становится Отечественная война 1812 г. (Патриотизм, 2015: 23). Именно поэтому необходимо проанализировать повседневные практики межкультурного взаимодействия, сложившиеся в эту эпоху на территории полиэтничных регионов. Важно отметить, что сам факт

* Corresponding author

E-mail addresses: sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov), suhhov747@yandex.ru (O.A. Sukhova), yagovdom@yandex.ru (O.V. Jagov)

размещения в губерниях Поволжья военнопленных армии Наполеона свидетельствует о колониальном назначении региона. К слову сказать, и в середине века поволжские губернии сохраняли свой прежний статус – мест ссылки неугодных режиму оппозиционеров: самой масштабной стала ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг., размещенных, заметим, на восточных окраинах от Пензы до Тихого океана.

2. Материалы и методы

Уникальным источником, позволяющим не только увидеть картины быта народов Поволжья глазами стороннего наблюдателя, но и выстроить систему взаимосвязей, раскрывающих региональные особенности формирования российской нации в начале XIX в., выступает комплекс воспоминаний, оставленный военнопленными наполеоновской армии, оказавшимися невольными свидетелями происходивших процессов.

После изгнания Великой армии из пределов России в поволжских губерниях были размещены на временное проживание тысячи пленных солдат и офицеров. Некоторые из них стали авторами мемуаров о своем пребывании в плену. В воспоминаниях военнопленных, К.Хр.Л. Шенка фон Винтерштедта, К.А. Веделя, С.Б. Пешке, Ф. фон Фуртенбаха, Х.-Л. Йелина, Ф.Ю. Зодена, Ф. Пепплера, Ф. Баджи, О. де Белэ, Д. ван Додеваарда, встречаются этнографические экскурсы с описанием быта, обычаев и нравов представителей различных поволжских народов. А один из них (обер-лейтенант вюртембергского 2-го линейного полка Х.-Л. Йелин) даже сделал зарисовки с натуры женщин различных этнических групп в национальных нарядах (Белоусов, 2014а: 60–68).

Мемуарные источники позволяют взглянуть на исторические реалии и охарактеризовать жизнь в российской провинции глазами представителей иной, западноевропейской цивилизации. Однако следует помнить, что мемуарный источник относится к источникам личного происхождения. Автор фиксирует информацию опосредовано, опираясь на жизненный опыт, через призму сложившейся картины мира. Личное восприятие нравов и обычаев местных народов во многом определялось и местными содержаниями военнопленных. Конфликтные ситуации, возникавшие между пленными и местными жителями, вели к негативному восприятию не только конкретного человека, но и всей этнической общности, к которой он относился. Напротив, радушный прием, оказанный пленным армии Наполеона представителями определенной народности, становился основанием для максимально лестных характеристик.

Кросскультурное столкновение национальных ментальностей, порожденное великим смешением европейских народов в эпоху наполеоновских войн, в последние годы в условиях набирающей обороты антропологизации истории все чаще привлекает внимание исследователей. Образы противников, нравы и обычаи гражданского населения, географические и климатические условия того или иного региона выступают предметом самого пристального историографического интереса (Белоусов, 2008: 178–184; Белоусов, 2014b: 107–115; Губина, 2012: 252–264; Рей, 2012: 366–382; Промыслов, 2012: 396–414; Тотфалушин, 2012: 250–254; Мельникова, 2014: 116–124; Михайлова, Промыслов, 2013: 272–288). Основным источником при этом являются письма, дневники и мемуары солдат и офицеров различных противоборствующих сторон.

В числе методов научного анализа в качестве базового уровня необходимо выделить компаративный анализ и герменевтику, ставящих во главу угла изучение возможности отражения, рефлексии, интерпретации происходившего. Надежную систему аргументации позволяет создать обращение к опыту предшественников в деле разработки общей теории анализа источников личного происхождения. Несмотря на очевидную трансформацию подходов от позитивистской трактовки подробных материалов, характерной для отечественной историографии и в последние десятилетия XX века, к признанию значимости личного восприятия как такового, представляется важным подчеркнуть необходимость одновременно учитывать как фактическую наполняемость мемуаров – «современных историй», так и отражение исторического самосознания автора. Значение воспоминаний именно как способа реализации исторического самосознания личности в свое время охарактеризовал крупнейший отечественный исследователь в области мемуаристики XVIII–XIX вв. А.Г. Тартаковский (Тартаковский, 1980). На наш взгляд, анализ исторических представлений автора воспоминаний позволяет выявить неявные, скрытые смыслы, что лишь усиливает познавательные возможности источника.

Результаты и обсуждение

Следует отметить, что территория Поволжья в рассматриваемый период представляла собой плавильный котел российской внутренней колонизации. Здесь на протяжении нескольких столетий совместно проживали представители различных национальностей: русские, татары, мордва, чуваша и многие другие. Оставаясь внутренней окраиной, волжский бассейн и к началу XIX века сохранял внутренние ресурсы для колонизации, что, с одной стороны, обеспечивало возможности для миграционных процессов в направлении с севера и северо-запада на юг и юго-восток (дворянская переселенческая политика), но, вследствие низкой плотности населения, способствовало воспроизводству национальной идентичности по этническому признаку без серьезных вызовов со стороны инокультурной среды. Пространственная протяженность, низкий уровень развития

коммуникаций служили дополнительным основанием для сохранения национальной обособленности: русские однодворцы, крестьяне удельного ведомства, а вслед за ними помещичьи крестьяне селились на свободных землях, не затрагивая территорию ясадного населения, что соответствующим образом отразилось на размещении податных слоев начала XIX века (Белоусов, 2010b: 22). «Окраинное сознание» укреплялось инерционностью информационного пространства. Так, сообщение о том, что 12 июня 1812 г. армия Наполеона перешла Неман, в Пензе было получено только 1 июля. «Рескрипт был от 13 июня из Вильны; пока он дошел до Петербурга, оттуда до Москвы, там напечатан, и по почте у нас получен, прошло 18 дней», – напишет позднее известный мемуарист Ф.Ф. Вигель (Вигель, 2003: 648).

И в первых своих впечатлениях, следуя по почтовому тракту из Нижнего Новгорода к местам предстоящего размещения в Пензу и Саратов, военнопленные Великой армии произвольно фиксировали именно колониальный принцип организации территории. Так, по словам су-лейтенанта 36-го линейного полка О. де Белэ, «по мере того как мы удалялись от Нижнего Новгорода, людей, говорящих по-русски, становилось все меньше и меньше; нам попадались деревни татар, черемисов, чувашей и мордвы» (Белэ, 2012: 263).

Выступая этнографами поневоле, авторы мемуаров основное внимание уделяли описанию материальной культуры и хозяйственной деятельности принимавшего их населения. В частности, характеризуя производственную повседневность русского земледельца, обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах отмечал: «Весной крестьянин направляется на поле, чтобы вспахать и засеять его. В не слишком заселенных местностях крестьянин должен обрабатывать большой и сильно удаленный участок, где во время посева и жатвы он и ночует под повозкой, не возвращаясь домой. Основными сельскохозяйственными культурами здесь являются яровые и озимые зерновые: ячмень, пшеница, овес, разного рода крупы, а также просо, знаменитый астраханский сорт которого очень популярен. Крестьянин обрабатывает и засеивает поле самостоятельно. Сбор урожая очень различается в зависимости от местности и природных условий, но из-за очень быстрой здесь вегетации до конца августа все уже обычно собрано. Во время жатвы все женщины, и стар и млад, выходят с серпами на поле. Злаки здесь не косят, хотя большие косы и в ходу; мужчины занимаются только вывозом и обмолотом зерна в больших амбарах. Когда зерно сжинают, девушки сразу вяжут его в снопы, которые, правда, раза в четыре меньше, чем наши. Вместо приготовленных заранее подвязок, как у нас, они вяжут снопы соломой, что возможно только тогда, когда зерно сразу собирается и уже вечером вывозится домой и складывается» (Фуртенбах, 2008: 8-9). Русский крестьянин, по его словам, «не только сам строит свой дом, но и своими руками, причем с помощью нескольких простейших инструментов, делает всю свою домашнюю утварь и сельскохозяйственный инвентарь. Сложно поверить, что эти люди из плохонького дерева делают милые вещицы и плохоньким ножом вырезают красивые штучки. Их терпение и ловкость в этом деле достойны похвалы. Их повозки и сани полностью деревянные и не окованные. Даже колеса они изготавливают из цельного куска дерева и очень даже крепкие. <...> Зимой женщины при свете прядут или ткнут. Мужчины из липовой коры делают обувь, плетут рогожи или вяжут из нее или из конопли разного рода веревки с помощью деревянного крючка. Они делают их толстыми или тонкими, но очень добротно» (Фуртенбах, 2008: 11-12).

Многие мемуаристы отмечали огромную роль в крестьянской культуре повседневности таких ее базовых элементов, как печь и баня. «В комнате <...> крестьянских домов имеется печь, которая служит для отопления и, одновременно, для приготовления пищи, – записал шеф эскадрона 9-го швележского полка, подполковник К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Она занимает самое большое место в помещении; под ней живут куры и молодые поросята, на ней и на полатах <...> спит вся крестьянская семья. Так как печка не касается стен, то вокруг нее установлена деревянная скамья, а в центре помещения стоит большой стол. В углу, по направлению на Восток, выделено место для Бога или девы Марии с некоторыми святыми, для почитания которых, если только это как-нибудь позволяет благосостояние крестьянина, вечерами горит свеча. Два отверстия, расположенные в стенах и заменяющие окна, едва дают столько света, что в светлый день с трудом можно различить проживающих в комнате. Дымовых труб в этих домах вовсе нет, и идущий из печки дым не имеет другого выхода, как только через дверь или через некоторые отдушины, проделанные над полатами. Они открываются редко <...>, так как через них вместе с дымом может уйти и тепло. Русский крестьянин [настолько] сильно привык к большой жаре в помещении и к густому дыму, что ни то, ни другое не воспринимает как нечто неприятное. <...> Русский крестьянин вообще не знает кроватей. Каждый ложится, когда он приходит, на полатах, а тулуп служит ему подстилкой. Почетным для хозяина и для хозяйки является место на печке. Здесь располагаются также дети. Когда русский крестьянин или крестьянка приходит с крепкого мороза, то он сбрасывает свой тулуп, взбирается в рубашке на печку, и чем гуще и едче дым, чем теплее в горнице, тем комфортнее он себя чувствует» (Шенк, 2009: 141-142). «Печь в крестьянской избе служит не только для обогрева помещения, но и для выпечки хлеба, приготовления еды и еще для некоторых подобных надобностей. Посуда, в которой они готовят, состоит из железных котелков и глиняных горшков без ручки, похожих на наши сосуды для молока. Их переносят туда-сюда при помощи чего-то вроде рогатины, закрепленной на

шесте, которая обхватывает горшок. При этом в обращении с посудой требуется соблюдать осторожность», – отмечал Ф. фон Фуртенбах (Фуртенбах, 2008: 12-13).

Поражала военнопленных и русская баня. Они отмечали ее многофункциональный характер и огромное значение в жизни русского населения. «Русские жить не могут без парной бани. <...> Это маленькие, 5-6 футов высотой четырехугольная крытые каморки. В пол вмурована четырехугольная решетка с шуровочным отверстием. На ней нагромождены круглые валуны. Под этими камнями поддерживается огонь, пока они не раскалятся. Тогда двери и заслонка закрываются, и раскаленные камни поливаются холодной водой. Образуется обжигающе горячий пар, который русские обоих полов, и стар и млад, вдыхают, лежа на полках и потеют. Я тоже это испробовал, но смог выдержать лишь несколько минут, да и то внизу. А русские гольшом выходят из этой жаркой и душной атмосферы наружу и в разгар зимы валяются в снегу. Такого я ни разу не проделывал. После этой духоты люди чувствуют себя сильно утомленными и быстро засыпают, но пробуждаются с новыми силами, словно заново рожденные. Эти же бани используются для очищения одежды и шуб от различных паразитов» (Фуртенбах, 2008: 11-12).

Самостоятельным аспектом исследования воспоминаний военнопленных выступают интерпретации образов костюма местных народностей. «Как правило, крепостные носят длинную, в большей или меньшей степени спутанную бороду, – отмечал су-лейтенант 36-го линейного полка О. де Белэ. – В их однотонной одежде нет ни яркости, ни элегантности. Она представляет собой большую рабочую блузу из холстины или сукна, в зависимости от времени года, и что-то вроде кальсон, причем некоторые не заправляют в них рубашки. Шеи у них голые, без галстуков; и если свободные люди носят сапоги, то крепостные – обувь, сплетенную из коры» (Белэ, 2012: 282). «Одежда женщин очень красива и разнообразна, – писал лейтенант итальянского 2-го линейного полка Ф. Баджи. – Они носят что-то наподобие туники из белой материи, с различными вышивками на груди и на руках, красного цвета, похожие на те, что носят наши дьяконы на мессе. <...> Помнится, видел я женщин, носивших на голове два длинных рога, покрытых платком. Рога эти очень походили на месяц. У моей хозяйки тоже было два таких рога, которые походили на рога козы» (Белоусов, 2010b: 39-40).

Питание русских крестьян военнопленным казалось простым и непритязательным. «Крестьянин не привык к тому, чтобы кроме утра, разводили огонь, и готовилась пища, писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Он обычно ложится спать очень рано, а встает уже в середине ночи, разогревает печку для приготовления пищи и ежедневно печет хлеб» (Шенк, 2009: 141-143). «С утра готовится еда на весь день. В 9 часов – плотная трапеза, после обеда они едят свой отличный домашний хлеб с молоком или с сыром. Вечером оставшееся доедается в кругу семьи», – добавляет обер-лейтенант вюртембергского 4-го линейного полка Ф.Ю. Зоден. «Пища крестьян состоит в основном из ржаного хлеба с солью, из похлебки, приготовленной из вареного пшена, которое становится твердым, и которое затем растворяют в бульоне. Это называется кашей (cascia). Они также едят соленья, которые держат в бочках из-под кваса (coas), их повседневного напитка. Эти соленья называются огурцы (agurschi)», – отмечал итальянский офицер Ф. Баджи (Белоусов, 2010b: 16). Мясо на обеденном столе появлялось крайне редко (Зоден, 2006: 16; Фуртенбах, 2008: 12).

Знакомство с российской провинцией позволило военнопленным подметить многие черты русского национального характера. Среди прочего они особо отмечают добродушие, простоту, умеренность и гостеприимство русских, их сообразительность, ловкость и силу, а также их особую религиозность (Ведель, 2009: 14; Пепплер, 2009: 85; Шенк, 2009: 142). Вместе с тем, умеренность у них подчас граничит с невоздержанностью, сообразительность с ленью, а религиозность с фанатизмом. Заметное место в мемуарах военнопленных занимает описание обрядов крещения, венчания и смерти (Йелин, 2009: 22-23).

По мнению военнопленных, главными пороками русских являются их упрямство и пьянство. «Никакой другой народ не держится так упрямо за старые привычки, как русские, – отмечал солдат 123-го (голландского) линейного полка Д. ван Додеваард (Воспоминания, 2009: 37). «Большим пороком русских было пьянство, писал, например, Ф.Ю. Зоден. – Они ему предавались так, что бесчувственное состояние продолжалось несколько недель, когда у русских наступала радость опьянения или скорее попойки. В этом состоянии они охотно плакали, осыпали своих домашних поцелуями и вообще оказывались очень ласковыми» (Зоден, 2006: 18). Однако следует заметить, что невоздержанность русских в потреблении спиртных напитков, в описаниях военнопленных, практически всегда происходила только во время каких-то праздников. «Русские крестьяне празднуют не так, как крестьяне в Германии, с музыкой и танцами, а в невоздержанном наслаждении плохой водкой, – писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Ею напиваются с избытком, и те из крестьян, кто еще может ходить, бродят толпой по селу, шатаясь как бесноватые и выкрикивая песни, причем один из них напевает несколько строф, которые остальные повторяют» (Шенк, 2009: 144). Вместе с тем, в зимнее время, во время праздников, (в ходе сельскохозяйственных работ у крестьянина свободного времени практически не было) организовывались скачки на санях и катание на санках (Шенк, 2009: 151).

Большим бедствием для России военнопленные считали крепостное право, описанию которого отводится значительное место на страницах их воспоминаний. «Крепостное право является,

бесспорно, ужасным и в высшей степени унижающим человеческое достоинство и это особенно бросается в глаза иностранцу, который с ним еще не знаком», – писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт (Шенк, 2009: 155).

Вместе с тем, следует не согласиться с мнением М.-П. Рей о том, что в описаниях военнопленных преобладают негативные высказывания о России и русском народе (Рей, 2012: 380-381). Многие видели в нем большую и скрытую силу. Так, су-лейтенант 9-го швележерского полка граф К.А.В. фон Ведель отмечал, что в русском народе мы увидели гигантское дитя, охваченное стремительным ростом. Если в дальнейшем оно будет окружено заботой и надежно защищено от внутренних, опасных для его здоровья и естественного развития болезней, это дитя в течение одного столетия может превратиться в колосса, которому остальная Европа будет способна противостоять только объединенными силами» (Ведель, 2009: 14). Его слова во многом оказались пророческими.

Этнические характеристики мемуаристов менялись по мере их перемещения по территории Поволжья. Не остались без внимания военнопленных быт, обычаи и нравы поволжских народов. Большая социокультурная обособленность, инаковость представлена в этнографических экскурсах в отношении татарского населения. Прежде всего, отмечается уникальность их религиозных воззрений. Татары, по словам Ф. фон Фуртенбаха, исповедуют «магометанство, которое они строго соблюдают. Своих детей с раннего возраста обучают чтению и письму». «Я видел подростка, – отмечал автор, – который без запинки читал Коран. Их молитвенные дома сделаны из дерева с дымовыми трубами, но без колоколен и колоколов. Вместо этого над входом есть деревянный балкон, откуда провозглашается час молитвы. Это происходит при восходе и заходе солнца, а также в полдень. Я получил разрешение прийти на вечернюю молитву. После того, как я подобно другим, снял башмаки, я прошел в большую пустую комнату без портретов. В углу находилась печка, а на заднем плане длинный деревянный ящик, покрытый полотном, где должен был храниться Коран. Кроме того, в помещении не было ни стульев, ни скамеек» (Война против России, 2012: 351-352).

У татар было принято многобрачие. «Богатые татары берут себе в жены столько женщин, сколько могут прокормить. С ними обходятся как с рабынями; обычно они не имеют даже права есть вместе со своим господином и повелителем» (Белэ, 2012: 263).

Подчеркивалось различие русских и татар по внешнему виду и одежде. При описании внешности татар фиксировалась смуглая кожа, раскосые глаза, выступающие скулы. Отмечалось, что мужчины стригли волосы и брили бороды. «Мужская одежда зимой состоит из длинного овчинного тулупа и шапки. Летом они носят длинные синие льняные рубашки и шерстяные шапочки» (Белэ, 2012: 263). «Женщины одеты в длинные платья, которые подвязывают в середине бантом. Голову они заматывают белым платком, который складками свисает вниз так, что не видно лица. Девушки заплетают свои волосы в косы, причем снизу для красоты подвешивают несколько серебряных монет. На голове у них белые косынки. В ушах, как и на шее, большие подвески из стеклянных бус, которые располагаются так, что сверху находятся маленькие, под ними – побольше, а внизу бусины достигают величины большого ореха» (Йелин, 2009: 11-12). Ф. фон Фуртенбах отмечал, что «никогда не видел более красивых девушек, чем среди татар» (Война против России, 2012: 352).

Авторы неизменно подчеркивали наличие крайнего выражения культурной замкнутости татарского населения: «живут очень обособлено и ни за что не вступят в брак с каким-нибудь представителем другого народа. Почему они и не смешиваются и сохраняют свою чистоту» (Война против России, 2012: 352). Они были не склонны к переменам, как и все народы на Востоке (Белэ, 2012: 263). Татары «сохраняли свою национальную одежду и язык, были гостеприимны и любезны» с военнопленными. «Я находил у них очень старых людей обоего пола. Большой у них большая редкость, вероятно, из-за их опрятности, связанной с их обыкновенным образом жизни, религиозными обрядами, частыми купаниями и стирками» (Война против России, 2012: 351).

«Татарские селения отличались особенной опрятностью. Жилища в них были из дерева, <...> с дымовыми трубами. Внутри царил поразительный порядок и аккуратность, чему способствовали их религиозные обычаи. В их округе нам не попадались свиньи. <...> В их дворах было много разного скота и домашней птицы, и наблюдался большой порядок. Позади каждого дома находился небольшой огороженный садик, где выращивалась зелень. На заборе выставлены головы лошадей, которых они съели», – писал Ф. фон Фуртенбах (Война против России, 2012: 351-352).

Главное богатство татар заключалось в лошадях, мясо которых они употребляли в пищу. Их питание в высшей степени умеренно и заключалось в масле, молоке и сыре. У татар «впервые я попробовал лошадиное молоко, которое выглядело не очень привлекательно, но летом представляло собой хороший прохладительный напиток, – писал Ф. фон Фуртенбах. – Также попробовал я и вино, изготовленное из того же лошадиного молока, которое было очень крепким. Они сами пьют его очень умеренно. <...> Их обычными напитками были вода и молоко. Кваса я у них не нашел, так как он считается русским напитком» (Война против России, 2012: 352).

Многие военнопленные останавливаются на описании нравов и обычаев мордовского населения, так как путь их следования лежал непосредственно через места компактного расселения яшашных крестьян. «Мордвины (mordwini), которых во время нашего похода мы встречали часто, являются весьма интересным племенем среди других жителей России. Делятся они на две ветви – мокшан (makszardze) и эрзян (erszadze)», – писал врач польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке

(Белоусов, 2010а: 30-31). Основными занятиями мордвы были бортничество, скотоводство, земледелие и пчеловодство.

«Мужчины и женщины в большинстве своем стройны и хорошо сложены. Они заключают браки только между собой, и, что весьма оригинально, это происходит только после похищения невесты», – считал О. де Белэ (Белэ, 2012: 264). По мнению Ф. фон Фуртенбаха, «это сильный народ, мирный, гостеприимный и любезный. У них собственный язык и обычаи и они не смешиваются с другими народами» (Фуртенбах, 2008: 14). А вот С.Б. Пешке полагал, что «женщины их все очень некрасивы, а мужья обходятся с ними, как со скотом. Множество их детей находятся в нищете и грязи необычайной» (Белоусов, 2010а: 30-31). Мужчины «носят в ушах серьги из крашеной шерсти, формой и размерами сходные с нашими ротными кокардами на каскетках, женщины – широкие пояса, разукрашенные ужинными головками и на голове вид венца». «Женская одежда состояла из белой длинной рубашки, которая украшалась каймой из красного полотна. Тело обвивал красный шерстяной пояс, на котором слева или справа висел кожаный мешочек для сбережения денег и т.п. Вокруг шеи для украшения висели пуговицы из желтой бронзы всяких разновидностей и латунные жетоны. Точно такие же вплетались в косы, равным образом были и в серьгах вместе с круглыми полотняными пакетиками. Множество этих латунных пуговиц и жетонов вызывало при ходьбе постоянное позвякивание так, что его можно было услышать издали. Ноги у них были закутаны и обмотаны веревками или кожаными ремнями от самых сандалий, которые были сплетены из лыка» (Фуртенбах, 2008: 14; Йелин, 2009: 21).

Среди мордовского населения еще было распространено язычество. С.Б. Пешке описывает такой случай: «У мордвина, в доме которого нас поселили, я сидел на лавке и увидел под ней лошадиную голову, неловко выструганную из дерева. Потянулся было к ней, чтобы рассмотреть получше, но хозяин набросился на меня, как бешеный, и вырвал ее у меня из рук. Я допускаю, что среди этих людей еще сохранилось язычество» (Белоусов, 2010а: 30-31; Фуртенбах, 2008: 14; Йелин, 2009: 21).

Военнопленные наполеоновской армии не обошли своим вниманием особенности проживания чувашей и марийцев (черемисов). По описанию О. де Белэ, «Черемисы по большей части занимаются рыбной ловлей, охотой или разведением животных; они сохранили образ жизни и обычаи своих отцов, в жилах которых текла татарская кровь. Женщины носят здесь широкие штаны, а поверх – просторные халаты, на которых, как правило, изображено их божество – Солнце. На плечи они накидывают капюшон, которым при необходимости закрывают голову. Их длинные, черные как смоль волосы, переплетенные тесьмой, красными льняными помпонами и медными украшениями, доходят до пят. Уши они украшают большими латунными кольцами. <...> Во время восхода и захода солнца черемисы бросают работу, выходят из своих жилищ, чтобы громкими криками и низкими поклонами приветствовать дневное светило. Когда мы впервые увидели это зрелище, то не могли сдержать улыбку, однако это их несколько не смутило. Говорят, что боязнь людского мнения – это привилегия католиков. Уважая свои варварские обычаи, черемисы все же кое в чем следовали греческой религии, приправив ее элементами ислама и шаманства» (Белэ, 2012: 263-264). «Чуваши занимаются в основном земледелием. Они говорят на своем местном наречии. Нам попалось несколько чувашских деревень, спрятанных в глубине леса. На стенах их хижин обычно висит изображение Христа, но в религиозные обряды они тоже примешивают элементы языческих ритуалов. Судя по всему, они ведут еще более нищенское существование, чем черемисы» (Белэ, 2012: 264).

Заключение

Таким образом, мемуары военнопленных Великой армии отражают многие стороны провинциальной жизни и дают богатый материал по изучению совместного проживания поволжских народов в эпоху наполеоновских войн, без сомнения, являясь уникальным источником по истории Поволжья начала XIX в. Беспристрастный анализ текстов свидетельствует, что уникальный опыт формирования полинационального провинциального сообщества произрастал на основании признания множественности этнических идентичностей, а, следовательно, толерантного и уважительного отношения к инокультурной среде. Пространственная организация сообществ, наличие внутрисословных перегородок, воспроизводство корпоративного сознания лишь укрепляли представление о замкнутости межэтнических границ.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

Литература

Белоусов, 2012 – Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. 312 с.

Белоусов, 2014а – Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии: историко-этнографический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 60-68.

Белоусов, 2010а – *Белоусов С.В.* Воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуила Богуслава Пешке о его пребывании в Пензенской губернии // Центр и периферия. Саранск, 2010. № 1. С. 30-31.

Белоусов, 2008 – *Белоусов С.В.* Мемуары военнопленных армии Наполеона как источник для характеристики провинциального общества (на примере Пензенской губернии) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: Межвуз. сборник научных трудов. Арзамас, 2008. Вып. 5. С. 178-184.

Белоусов, 2014b – *Белоусов С.В.* Обычай и нравы населения Германских государств в дневниках и мемуарах офицеров русской армии – участников Заграничных походов 1813–1814 гг. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 107-116.

Белоусов, 2010b – *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в воспоминаниях военнопленного итальянского офицера Ф. Баджи // Вестник военно-исторических исследований: Международный сборник научных трудов. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып. 2. С. 36-42.

Белэ, 2012 – *Белэ О. де.* Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары. Исследования / Отв.сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 225-340.

Ведель, 2009 – *Ведель К.А.В., фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 12-30.

Вигель, 2003 – *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. 752 с.

Война против России, 2012 – Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. (подготовка публикации, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Белоусова и к.и.н. С.Н. Хомченко; перевод с нем. А.А.Кузнецова и С.В.Белоусова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. X: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 187. С. 348-382.

Воспоминания, 2009 – Воспоминания одного военнопленного в России о 1812, 1813 и 1814 гг., написанные Д. ван Додеваардом, бывшим солдатом Великой армии, а в настоящее время лавочником в Офесдене // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С.35-40.

Губина, 2012 – *Губина М.В.* Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805-1812) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 252-264.

Зоден, 2006 – *Зоден Ф.Ю.* Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии к.и.н., доцента С.В. Белоусова. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с.

Йелин, 2009 – *Йелин Х.-Л.* Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии д.и.н., профессора С.В. Белоусова. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. 64 с.

Ключевский, 1987 – *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.

Мельникова, 2014 – *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 116-124.

Михайлова, Промыслов, 2013 – *Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В.* Воспоминания о Польше и Литве солдат Великой армии // Французский ежегодник 2013. М., 2013. С. 272-288.

Патриотизм, 2015 – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). / Отв. редактор В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Пепплер, 2009 – *Пепплер Ф.* Описание моего плена в России с 1812 по 1814 г. // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 76-97.

Промыслов, 2012 – *Промыслов Н.В.* Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 396-414.

Рей, 2012 – *Рей М.-П.* Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г.: компаративное исследование // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 366-382.

Тартаковский, 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 313 с.

Тотфалушин, 2012 – *Тотфалушин В.П.* Саратовские степи и их обитатели в мемуарах пленных Великой армии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: Сборник докладов и материалов Межд. науч.-практич. конф. (Уфа, 8–10 июня 2012 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 250-254.

Фуртенбах, 2008 – *Фуртенбах Ф., фон.* Война против России и русский плен. Заметки оберлейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг. / Подготовка публикации, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Белоусова и к.и.н. С.Н. Хомченко; перевод с нем. А.А. Кузнецова. Пенза: ГУМНИЦ, 2008. 44 с.

Шенк, 2009 – *Шенк К.Хр.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. 140-166.

Эткинд, 2013 – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / автор. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

References

Belousov, 2012 – *Belousov S.V.* Penzenskaya guberniya v ehpohu Otechestvennoj vojny 1812 goda: hronika sobytij [Penza province in the era of the War of 1812: Chronicle of Events]. Penza: Humanities Publishing Center, 2012. 312 p. [in Russian].

Belousov, 2014a – *Belousov S.V.* Voennoplennye armii Napoleona v Penzenskoj gubernii: istochnikovedcheskij aspekt [Prisoners of Napoleon's army in the Penza province: the aspect of source study] // Proceedings of the higher educational institutions. The Volga region. Humanitarian sciences. 2014. № 1 (29). pp. 60-68. [in Russian].

Belousov, 2010a – *Belousov S.V.* Vospominaniya vracha 1-go klassa pol'skogo 10-go gusarskogo polka Samuila Boguslava Peshke o ego prebyvanii v Penzenskoj gubernii [The memoirs of a doctor of the 1st class of the Polish 10th Hussars Samuel Bohuslav Peschke about his stay in the province of Penza] // Centre and Periphery. Saransk, 2010. № 1. pp. 30-31. [in Russian].

Belousov, 2008 – *Belousov S.V.* Memuary voennoplennykh armii Napoleona kak istochnik dlya karakteristiki provincial'nogo obshchestva (na primere Penzenskoj gubernii) // Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremya: Mezhdvuz. sbornik nauchnykh trudov [Memoirs of Napoleon's army prisoners as a source for the characterization of provincial society (by the example of the Penza province)] // The political life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, modern and contemporary times: Interuniversity collection of scientific papers]. Arzamas, 2008. Ed. 5. pp. 178-184. [in Russian].

Belousov, 2014b – *Belousov S.V.* Obychai i nrvy naseleniya Germanskikh gosudarstv v dnevnikaх i memuarah oficerov russkoj armii – uchastnikov Zagranichnykh pohodov 1813–1814 gg. // Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 25–26 marta 2014 g.) [Traditions and customs of the population of the German state in the diaries and memoirs of Russian army officers – participants of foreign campaigns of 1813–1814. // Liberation campaign of the Russian army of 1813–1814. in the history of Russia and Europe: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014)]. M., 2014. pp. 107-116. [in Russian].

Belousov, 2010b – *Belousov S.V.* Penzenskaya guberniya v vospominaniyah voennoplennogo ital'yanskogo oficera F. Badzhi // Vestnik voenno-istoricheskikh issledovanij: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov [Penza province in the memories of the Italian POW officer F. Baji] // Herald of military-historical research: International collection of scientific papers]. Penza: Humanities Publishing Center, 2010. Ed. 2. pp. 36-42. [in Russian].

Beleh, 2012 – *Beleh O. de.* Vospominaniya grenadera Velikoj armii // Voennoplennye armii Napoleona v Rossii: 1806–1814: Memuary. Issledovaniya [Memories of the Grand Army grenadier // Prisoners of Napoleon's army in Russia: 1806-1814: Memoirs. Research / person responsible for B.P. Milovidov]. SPb.: Kriga, 2012. pp. 225-340. [in Russian].

Vedel', 2009 – *Vedel' K.A.V., fon.* Istoriya odnogo oficera v vojne protiv Rossii v 1812 godu, v russkom plenu v 1813–1814 godah, v pohode protiv Napoleona v 1815 godu: Vospominaniya // Saratovskaya guberniya glazami plennykh Velikoj armii [History of an officer in the war against Russia in 1812, in Russian captivity in the years 1813–1814, in the campaign against Napoleon in 1815: Memories // Saratov Province eyes captured the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Наука», 2009. pp. 12-30.

Vigel', 2003 – *Vigel' F. F.* Zapiski: V 2 kn. [Memoirs: in two vol.] M.: Zaharov, 2003. V. 2. 752 p.

Vojna protiv Rossii, 2012 – *Vojna protiv Rossii i russkij plen. Zаметki ober-lejtenanta Fridriha fon Furtenbaha 1812–1813 gg. (podgotovka publikacii, predislovie i kommentarii d.i.n. S.V.Belousova i k.i.n. S.N.Homchenko; perevod s nem. A.A.Kuznecova i S.V.Belousova) // Ehpoha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: Sbornik materialov. K 200-letiyu Otechestvennoj vojny 1812 g. [The war against Russia and the Russian captivity. Notes lieutenant Friedrich von Furtenbaha 1812–1813. (Preparation of the publication, preface and comments S.V. Belousov and S.N. Homchenko; Translation from German A.A. Kuznetsov and S.V. Belousov) // Epoch 1812. Research. Sources. Historiography: The collection of materials. By the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812 // Proceedings of the State Historical Museum]. M., 2012. Ed. 187. pp. 348-382.*

Vospominaniya, 2009 – *Vospominaniya odnogo voennoplennogo v Rossii o 1812, 1813 i 1814 gg., napisannye D. van Dodevaardom, byvshim soldatom Velikoj armii, a v nastoyashchee vremya lavochnikom v*

Ofesdene // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Memoirs of a prisoner of war in Russia on 1812 1813 and 1814. Written by D. van Dodevaardom, a former soldier of the Grand Army, and now a shopkeeper in Ofesdene // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp. 35-40. [in Russian].

Gubina, 2012 – *Gubina M. V.* Obrazy protivnikov v vospriyatii pokoritelej Evropy (1805–1812) // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [Images of opponents in the perception of the conquerors of Europe (1805–1812) // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. pp. 252-264. [in Russian].

Zoden, 2006 – *Zoden F.YU.* Vospominaniya vyurtembergskego oficera o ego prebyvanii v plenu v Penzenskoj gubernii / Podgotovka publikacii, predislovie, perevod i kommentarii k.i.n., docenta S.V. Belousova [Memories Würtemberg officer about his stay in captivity in the Penza province / Preparation of publication, foreword, translation and comments PhD, associate professor S.V. Belousov]. Penza: PSPU, 2006. 64 p. [in Russian].

Jelin, 2009 – *Jelin H.-L.* Dostopamyatnye dni moej zhizni. Pohod i plen v Rossii. Iz dnevnika nemeckogo oficera / Podgotovka publikacii, predislovie, perevod i kommentarii d.i.n., professora S.V. Belousova [Memorable days of my life. Hike and prisoner in Russia. From the diary of a German officer / Preparation of a publication, preface, translation and commentary Doctor of History, Professor S.V. Belousov]. Penza: Humanities Publishing Center, 2009. 64 p. [in Russian].

Klyuchevskij, 1987 – *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: V 9-ti t. T. 1. Kurs russkoj istorii [Compositions: In 9 vol. V.1. The course of Russian history. Part I]. M.: Mysl', 1987. 430 p. [in Russian].

Mel'nikova, 2014 – *Mel'nikova L.V.* Franciya i francuzy glazami russkih uchastnikov voennoj kampanii 1814 g. // Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 25–26 marta 2014 g.) [France and the French participants in the eyes of Russian military campaign in 1814 // Liberation campaign of the Russian army of 1813–1814 in the history of Russia and Europe: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014)]. M., 2014. pp. 116-124. [in Russian].

Mihajlova, Promyslov, 2013 – *Mihajlova YU.L., Promyslov N.V.* Vospominaniya o Pol'she i Litve soldat Velikoj armii // Francuzskij ezhegodnik 2013 [Memories of Poland and Lithuania, the soldiers of the Grand Army // French Yearbook 2013]. M., 2013. p. 272-288. [in Russian].

Patriotizm, 2015 – Patriotizm i nacionalizm kak faktory rossijskoj istorii (konec XVIII v. – 1991 g.). / Otv. redaktor V.V. Zhuravlev [Patriotism and nationalism as a Russian history factors (end of XVIII century – 1991) / Ed. Editor Vladimir Zhuravlev]. M.: Political encyclopedia, 2015. 783 p. [in Russian].

Peppler, 2009 – *Peppler F.* Opisanie moego plena v Rossii s 1812 po 1814 g. // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Description of my captivity in Russia from 1812 to 1814 // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp.76-97. [in Russian].

Promyslov, 2012 – *Promyslov N.V.* Vojna protiv prostranstva i klimata: francuzskie vospominaniya o kampanii 1812 g. // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [The war against the space and the Climate: French memories of the campaign in 1812 // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. p. 396-414. [in Russian].

Rej, 2012 – *Rej M.-P.* Rossiya i russkie glazami plennyh francuzov v 1812 g.: komparativnoe issledovanie // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [Russian and Russian prisoners of war through the eyes of the French in 1812: comparative study // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. pp. 366-382. [in Russian].

Tartakovskij, 1980 – *Tartakovskij A.G.* 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya [1812 Russian and memoirs. Experience of source studying]. M.: Nauka, 1980. 313 p. [in Russian].

Totfalushin, 2012 – *Totfalushin V.P.* Saratovskie stepi i ih obitateli v memuarah plennyh Velikoj armii // Vklad Bashkirii v pobedu Rossii v Otechestvennoj vojne 1812 goda: Sbornik dokladov i materialov Mezhd. nauch.-praktich. konf. (Ufa, 8-10 iyunya 2012 g.) [Saratov steppes and their inhabitants in the memoirs of the prisoners of the Grand Army of Bashkiria // Contribution in the Russian victory in the Patriotic War of 1812: collection of reports and materials of the International scientific-practical conference (Ufa, June 8–10, 2012)]. Ufa: Publishing house BashSU, 2012. pp. 250-254. [in Russian].

Furtenbah, 2008 – *Furtenbah F., fon.* Vojna protiv Rossii i russkij plen. Zametki ober-lejtenanta Fridriha fon Furtenbaha 1812–1813 gg. / Podgotovka publikacii, predislovie i kommentarii d.i.n. S.V. Belousova i k.i.n. S.N. Homchenko; perevod s nem. A.A. Kuznecova [The war against Russia and the Russian captivity. Notes lieutenant Friedrich von Furtenbaha 1812–1813 / Preparation of a publication, preface and comments S.V. Belousov and S.N. Khomchenko; translation from German A.A. Kuznetsov]. Penza: Humanities Publishing Center, 2008. 44 p. [in Russian].

Shenk, 2009 – *Shenk K.Hr.L.* Soobshcheniya iz zhizni francuzskogo podpolkovnika, sodержashchie istoriyu ego pleniya v bitve pri Borodino v Rossii 7-go sentyabrya 1812 goda, ego perevozki k granicam Azii, a takzhe ego prebyvaniya i sodержaniya tam v kachestve voennoplennogo v 1813 i 1814 godah // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Reports from the life of the French lieutenant colonel, containing the story of his capture at the Battle of Borodino in Russia on September 7, 1812, its transportation to the borders of Asia, as well as its content and stay there as a prisoner of war in 1813 and

1814 // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp. 140-166. [in Russian].

Ehtkind, 2013 – Ehtkind A. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii / avtor. per. s angl. V. Makarova [Internal colonization. Imperial Russian experience / author. per. from English V. Makarov]. M.: New Literary Review, 2013. 448 p. [in Russian].

УДК 009.93

**«Гигантское дитя, охваченное стремительным ростом»:
мемуары военнопленных армии Наполеона
о формировании этнической идентичности поволжских народов**

Сергей Владиславович Белоусов^{а, *}, Ольга Александровна Сухова^а, Олег Васильевич Ягов^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования национальной и этнической идентичности поволжских народов на основе изучения воспоминаний военнопленных армии Наполеона.

Авторы поддерживают тезис А. Эткинда о внутренней колонизации России. Поволжье выступало внутренней окраиной империи. Мощнейшим фактором, вызвавшим формирование национальной идентичности была Отечественная война 1812 г. Именно поэтому необходимо проанализировать повседневные практики межкультурного взаимодействия, сложившиеся в эту эпоху на территории полиэтничных регионов. Важно отметить, что сам факт размещения в губерниях Поволжья военнопленных армии Наполеона свидетельствует о колониальном назначении региона.

В заключении, авторы приходят к выводу, что мемуары военнопленных Великой армии отражают многие стороны провинциальной жизни и свидетельствуют о том, что уникальный опыт формирования многонационального провинциального сообщества произрастал на основании признания множественности этнических идентичностей, а, следовательно, толерантного и уважительного отношения к инокультурной среде.

Ключевые слова: военнопленные армии Наполеона, воспоминания, народы Поволжья, формирование национальной и этнической идентичности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов), suhhov747@yandex.ru (О.А. Сухова), yagovdom@yandex.ru (О.В. Ягов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1295-1304, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Liberalism as a Cultural Phenomenon of Russian Provincial Life of the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries (according to Voronezh province)

Evgeniy V. Dvoretzkiy ^a, Oksana V. Shevchenko ^a, Mikhail Y. Semenov ^a^a Belgorod National Research University, Russian Federation

Abstract

The authors of the presented research considers liberalism as a cultural phenomenon, closely watches the liberalism as an impact factor to cultural life in rural areas (esp. in Voronezh province in the end of XIX up to XX cent.). Besides, the authors make a try of consideration of liberalism in the context of European innovations blending conception. According to this idea the traditional society was transformed by means of technical, political, social and cultural innovation expansion from their source, which is in the Western Europe. Different sources served as a basis for the research, their analysis gives the reason to shape out the place and the role of Russian liberalism in the end of XIX up to the beginning of XX cent. in the formation of innovative elements of urban culture, and to specify the process of the liberal ideas expansion in the provincial cultural life sphere, and to characterize the bearer and translators of liberal ideas (local liberal figures, participants of the local liberal parties, liberal intellectuals). As a result, the existence of the basic liberal values reflections (freedom and preciousness of a personal identity, individualism and so on) was stated, that shows the Russian liberalism as the ideal, political and cultural phenomenon. This, finally, states the great degree of the reception of the liberal ideas by the Russian society in the beginning of the XXth, and gives the opportunity to observe the liberal reflections as a process of civil society's formation evidence in Russia by the beginning of the XXth cent.

Keywords: liberalism, liberal reflection, culture, diffusion of innovation, cultural and educational activities, the Russian province, Voronezh province, civil society, modernization.

1. Введение

Процесс модернизации являлся ключевой тенденцией исторического развития российского общества и государства начала XX столетия. В представленном исследовании модернизация понимается как общеевропейское явление, основным содержанием которого была диффузия инноваций в различных сферах. В Российской империи периода второй половины XIX – начала XX века модернизация была тесно связана с распространением европейских инноваций, одной из которых был феномен либерализма. Процесс его диффузии к началу XX века уже находился в стадии рецепции, поскольку к этому времени в России уже был сформирован собственный национальный вариант либерализма, в том числе провинциального. Так, сложились идейные основы русского либерализма, дифференцировались его направления и течения; оформилось либеральное движение, возник ряд влиятельных либеральных партий и т.д. К началу XX столетия либеральная интеллигенция играла весьма заметную роль в политической и общественной жизни страны, а распространение либеральных идей и ценностей так или иначе затронуло все сферы жизни российского общества. В представленном исследовании предпринята попытка выявления рефлексий либерализма в культурно-просветительской, а также культурно-развлекательной жизни русской провинции в указанный период.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование выполнено на основе привлечения широкого круга источников, в частности привлекались следующие типы источников: источники нормативного характера (устав Воронежского общества народных университетов); источники статистического характера (отчеты о деятельности

Воронежского общества народных университетов, отчеты воронежской комиссии по устройству народных чтений, отчеты о деятельности воронежской публичной библиотеки); источники справочного характера (местные путеводители и другие справочные издания, юбилейные сборники); мемуары и публицистические работы либеральных деятелей.

2.2. Методологическую основу исследования составила теория модернизации, а также теория диффузии европейских инноваций, согласно которой трансформация традиционного общества в современное, осуществлялась посредством распространения технических, политических, социальных, культурных инноваций из стран Западной Европы, являвшихся центрами их генезиса, в другие страны, в том числе и Россию (Алексеева, 2007; Диффузия европейских инноваций в Российской империи, 2009). Авторами применялись такие специальные методы исторического исследования как идеографический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, типологический, а также метод исторической биографики.

3. Обсуждение

Значимая роль либерализма в общественной жизни России второй половины XIX – начала XX века обусловила устойчивый интерес исследователей к его истории. В целом, феномен российского дореволюционного либерализма с точки зрения разнообразия исследуемых аспектов и фактологии изучен достаточно хорошо: сформировано представление о русской либеральной общественной мысли и ее эволюции (Шелохаев, 1996; Приленский, 1995; Китаев, 2004; Кожевников, Вострецов, 2013); составлена характеристика либеральных течений, движений и организаций (Fischer, 1958; Galai, 1973; Пирумова, 1986; Курсеева, 2003; Шутов, 2011; Соловьев, 2009; Шелохаев, 1983, 1987); выявлены историческая роль и историческое место либерализма в политической и социальной жизни России конца XIX – начала XX века (Гоголевский, 2002) и др. (Арсланов, 2000; Pipes, 1980; Репинецкий, 2010). В целом, следует заметить, что большинство авторов, указывая на сложность, неоднозначность и разноплановость российского либерализма, вместе с тем рассматривают его преимущественно как идейное, политическое или социальное явление, а с географической точки зрения – столичное. В данной работе предпринята попытка изучения российского провинциального либерализма как явления культурной жизни (на примере типичной провинциальной губернии – Воронежской), что позволит внести определенную лепту в реконструкцию целостной картины конкретно-исторических (в т.ч. – региональных) проявлений российского либерализма, которые, как было установлено, не ограничивались только сферой политической или в узком смысле общественной жизни.

4. Результаты

Во второй половине XIX века в российских городах наблюдался прогрессирующий рост числа добровольных общественных объединений и организаций в различных областях. Ряд исследователей полагает, что их возникновение является свидетельством зарождения (либо существования) в России гражданского общества (Миронов, 2008: 184; Фирсов, 2010; История политических партий, 1995: 193), с чем сложно не согласиться.

Достаточно широкое распространение в России в конце XIX – начале XX века получили различные культурно-просветительские организации. Например, с 1872 г. в ряде городов Российской империи стали возникать общества (или комиссии) по устройству народных чтений, основной целью которых было просвещение неграмотного населения. Как правило, народные чтения сопровождалась показом т.н. «туманных» картин «волшебного фонаря» и вызывали огромный интерес у населения (Кошман, 2008: 134). В Воронеже такая комиссия начала свою деятельность в 1894 г. (Путеводитель по Воронежу, 1901: 35). Чтения, к удивлению организаторов, моментально приобрели популярность у простых горожан и проходили при переполненных залах (Отчет Воронежской комиссии народных чтений за 1893-1894 гг., 1894: 11). Контингент посетителей в основном состоял из простого населения, в течение года чтения могли посетить до 34 000 человек (Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894-1895 гг., 1895: 5). Несмотря на то, что тематика чтений в основном носила общеобразовательный характер (география, русская история, литература, естествознание и т.п.), перечень читаемых брошюр строго регламентировался властями (Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894-1895 гг., 1895: 4-6, 13). По признанию организаторов, наиболее любимы публикой были литературно-беллетристические чтения (Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894-1895 гг., 1895: 1; Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1896-1897 гг., 1898: 8).

Следует отметить, что принципы организации деятельности воронежской комиссии народных чтений были основаны на либеральных идеалах открытости, гласности и коллегиальности. Так, все решения принимало общее собрание комиссии, регулярно публиковались отчеты о результатах ее работы за год, в том числе – подробная роспись доходов и расходов. Помимо этого, члены комиссии старались наладить обратную связь с потребителями: запрашивали отзывы и предложения по улучшению организации чтений (Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894-1895 гг., 1895: 2-3). В работе воронежской комиссии народных чтений в основном участвовала местная интеллигенция, в том числе либерально настроенная: представители либеральных партий,

объединений, лица либеральных взглядов (А.П. Клочков, Н.А. Клочков, И.Т. Алисов, В.И. Колюбакин, Ф.А. Щербина, Л.В. Македонов, К.К. и К.В. Федяевские, Е.Л. Марков и др.) ([Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894-1895 гг., 1895: 6,14](#); [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1897-1898 гг., 1898: 12](#)).

Народные чтения со временем не только стали постоянным явлением культурной жизни провинциального города, но и начали распространяться за его пределы. Например, воронежская комиссия народных чтений с 1896 г. ввела абонемент для уездов и сел с бесплатным предоставлением картин на 1-2 недели, такие чтения также стали очень популярны: количество требований загородного абонемента достигало 3000 в год. ([Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1896-1897 гг., 1898: 8-13](#); [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1897-1898 гг., 1898: 6, 14](#)).

Таким образом, цели, устройство и содержание деятельности провинциальных комиссий народных чтений были созвучны либеральным идеям свободы и самоценности личности, особенно идеям провинциальных русских либералов, придававших весьма важное значение широкому народному просвещению, посредством которого по их мнению должно было осуществиться т.н. «внутреннее освобождение» простого населения и развитие его гражданственности ([Бунаков, 1909: 335](#); [Стахович, 1907: 16](#); [Речь губернского Предводителя дворянства, 1897: 9-11](#)).

Одним из ключевых событий в развитии общественной культуры любого города было появление публичной библиотеки. В России публичные библиотеки получили широкое распространение во второй половине XIX столетия ([Копшман, 2008: 127-131](#)). В Воронеже публичная библиотека была основана в 1864 году, и своеобразной предпосылкой ее появления стала деятельность известного местного поэта И.С. Никитина, который в 1859 г. открыл в Воронеже книжный магазин с читальней. Здесь имелся очень богатый выбор современной литературы, а также отдел периодики, включающий почти все издававшиеся тогда в России журналы и газеты ([Бадьин, 1939: 21](#); [Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях, 1866: 250](#)). Известный историк г. Воронежа и современник И.С. Никитина Григорий Михайлович Веселовский полагал, что именно благодаря этому магазину население приобщилось к литературной жизни столиц и Воронеж стал отличаться «особой интеллигентностью» ([Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях, 1866: 251](#)). Действительно, книжный магазин И.С. Никитина стал интеллектуальным центром жизни города, обеспечившим связь с передовыми культурными центрами страны, что и подготовило почву для открытия библиотеки.

Инициатива учреждения библиотеки исходила от кружка воронежской интеллигенции, девиз которого звучал следующим образом: «работать на пользу поднятия уровня местного общественного самосознания там, где это было возможно» ([Двадцатипятилетие Воронежской публичной библиотеки, 1889: 3](#)). Судя по столь умеренному, но, вместе с тем, прогрессивному тону, кружок объединял либерально настроенных лиц, которые взяли на себя труд по открытию публичной библиотеки в Воронеже. Основная цель деятельности библиотеки также звучала вполне либерально: обеспечение доступа к чтению людей, не имеющих такой возможности ([Двадцатипятилетие Воронежской публичной библиотеки, 1889: 5](#)).

Принципы работы воронежской публичной библиотеки были созвучны либеральным идеям гласности и демократизма: руководство библиотекой осуществляло общее собрание; для текущего управления назначался выборный комитет, который решал все вопросы путем голосования; каждый год библиотека публиковала весьма информативные отчеты о своей деятельности ([Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях, 1866: 257-258](#); [Отчет о деятельности Воронежской публичной библиотеки за 1899 г., 1899](#)). В число людей долгие годы бесменно и активно работавших в комитетах входили местные либеральные деятели, члены либеральных партий – В.И. Колюбакин, К.В. Федяевский, С.П. Буренин, Ф.И. Хрущев, и др. ([Березников, 1914: 14-15](#)).

Наибольшим спросом у читателей воронежской публичной библиотеки пользовались периодические издания и художественная литература. Анализ перечня постоянно выписываемой периодики библиотеки за 1889-1898 гг. показал, что из 16 журналов наиболее популярными у читателей были либеральные журналы: «Русская мысль», «Вестник Европы» и «Северный вестник», они занимают первые три позиции по количеству требований ([Отчет о деятельности Воронежской публичной библиотеки за 1899 г., 1899: 17](#)).

Конечно логично предположить, что вкусы читателей не определялись исключительно общественно-политической направленностью того или иного журнала (если она была). Вместе с тем, сложно отрицать и то обстоятельство, что чтение либеральных изданий способствовало популяризации и распространению либеральных идей. Более того – сам факт просвещения широких слоев населения, конечно, способствовал формированию более гуманного и либерального мировоззрения. Таким образом, публичные библиотеки, по сути, выступали в роли источника прямой и косвенной трансляции либеральных идей среди населения российской провинции конца XIX – начала XX века.

Другим источником опосредованной трансляции либеральных идей были т.н. общества народных университетов. Они стали возникать в России в начале XX столетия и стремились представить возможность широким слоям населения расширить свой кругозор и получить доступ к

научным знаниям за пределами официальных учебных заведений (Ястребов, 1998: 136). Одно из первых в России подобных обществ было основано в 1907 году в Воронеже. Организаторы Воронежского общества народных университетов видели его цель в устройстве научно-просветительских учреждений (Устав Воронежского общества народных университетов, 1907: 1). Такая просветительская направленность позволяет определить общий контекст деятельности Воронежского общества народных университетов как либеральный, во-первых, ввиду очевидной корреляции просветительских и либеральных идей; во-вторых – ввиду того, что как уже упоминалось, для российских либералов вопросы просвещения имели крайне важное значение.

Следует отметить, что среди учредителей и участников Воронежского общества народных университетов было немало либеральных деятелей Воронежской губернии – членов воронежских отделений либеральных партий и организаций – К.К. Шуринов, А.И. Урсул, П.Я. Ростовцев, и все те же А.И. Шингарев и В.И. Колюбакин (Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 г., 1910: 1; Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1910 г., 1911: 1; Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1911 г., 1912: 1; Устав Воронежского общества народных университетов, 1907: 7). В целом, если ориентироваться не только на такие формальные признаки «либеральности», как членство в либеральных организациях и партиях, то можно с большой долей вероятности предположить, что в составе Воронежского общества народных университетов было немало людей либерально настроенных, поскольку сам характер деятельности таких обществ, по мнению некоторых исследователей способствовал формированию оппозиционных взглядов (Кошман, 2008: 113).

Основополагающими принципами деятельности Воронежского общества народных университетов, как и других упомянутых культурно-просветительских организаций, были информационная и организационная открытость, демократизм. Членом общества могло стать любое лицо, достигшее 21 года; ключевые вопросы обсуждались на собраниях всех членов общества, решения принимались обычным большинством голосов, на этих же собраниях избиралось правление и различные комиссии общества. Воронежское общество народных университетов ежегодно публиковало подробные отчеты о своей деятельности. Финансирование общества в основном носило добровольный характер и осуществлялось посредством членских взносов (Устав Воронежского общества народных университетов, 1907: 1-7).

В основном деятельность Воронежского общества народных университетов, предполагала устройство мероприятий, имеющих целью «полезную» организацию досуга населения. Одним из основных направлений стала организация общедоступных курсов лекций либо отдельных лекций разнообразной тематики (физика, физиология, право, философия, история, литература и т.п.). Члены общества регулярно приглашали известных лекторов из Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов. В год Воронежское общество народных университетов организовывало до 40 подобных лекций, отдельные из которых были направлены на популяризацию либеральных идей и читались известными в стране либеральными деятелями – В.И. Пичетом, А.В. Тырковой-Вильямс, В.Н. Гредескулом (Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 г., 1910: 3-4; Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1910 г., 1911: 3; Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1911 г., 1912: 9).

Постепенно деятельность Воронежского общества народных университетов расширилась: были образованы различные секции как территориальные в уездных городах Воронежской губернии, так и тематические – секция народной средней школы, секция детских развлечений, секция воздухоплавания, секция международного языка Эсперанто.

Таким образом, цели, организация, состав и содержание работы Воронежского общества народных университетов были созвучны и даже проникнуты либеральными ценностями и, несмотря на то, что сами члены общества, весьма скромно оценивали свои результаты, они все-таки полагали, что идея народного университета как учреждения, где каждый желающий может приобщиться к «общечеловеческой» культуре – весьма перспективна (Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1911 г., 1912: 8).

По оценкам исследователей, деятельность общественных организаций в культурной сфере содействовала формированию инновационной культурной среды в провинции (Фирсов, 2010). При этом, происходившая в этот период демократизация культурного процесса, затронула не только город, но и деревню (Очерки истории русской культуры, 2011: 10). В традиционный русский сельский уклад начинают проникать инновационные элементы городской европейской культуры – народные чтения, библиотеки-читальни и др. Проводником этих инноваций, как правило, выступала прогрессивная интеллигенция. Например, упомянутый выше А.И. Шингарев, во времена своей работы земским врачом в одном из сел Воронежской губернии, устраивал для крестьян вечера с т.н. «волшебным фонарем» (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 169-169об.). В этом смысле наиболее разносторонней и последовательной была культурно-просветительская работа известного педагога и либерального общественного деятеля Воронежской губернии Николая Федоровича Бунакова. Сторонник всеобщего образования и гражданских свобод он был основателем, попечителем и руководителем частной элементарной школы в Воронеже, которая продолжала свою деятельность более 17 лет. После вынужденного переезда в 1894 г. в село Петино Воронежской губернии,

Н.Ф. Бунаков на собственные средства построил и содержал бесплатную школу для крестьянских детей (существовала более 19 лет). Помимо занятий в петинской школе организовывались концерты, праздники, народные чтения с «волшебным фонарем» не только для учащихся школы, но и всех жителей села (Бунаков, 1909: 157-161). Иными словами, Н.Ф. Бунаков старался привить крестьянам культурные формы организации досуга. В этом смысле более подробно следует рассмотреть его деятельность по основанию в Петино народного театра, который работал более пятнадцати лет (до 1903 г.). Актерами театра были крестьяне, зрители первоначально также в основном состояли из местных крестьян. Постепенно такой специфичный театр стал привлекать и приезжую в т.ч. благородную публику (Бунаков, 1909: 168). Уже через два года после открытия народного театра Н.Ф. Бунаков отметил в своем дневнике, что спектакли как альтернатива некультурным формам организации досуга оказывают благотворное влияние на крестьян, и даже «смягчают нравы» (Бунаков, 1909: 190). Народный театр пользовался большой популярностью у петинских крестьян и, несмотря на взимаемую за вход плату, зрительный зал был всегда переполнен (Бунаков, 1909: 161-168). Т.е. театр не был здесь чуждым, искусственным элементом, а по сути, стал частью повседневной жизни крестьян. Более того – прекращение деятельности петинского театра было связано отнюдь не с исчерпанием внутренних возможностей, а с весьма печальными в судьбе его создателя внешними обстоятельствами: за публичные либеральные заявления Н.Ф. Бунакову в 1903 г. было запрещено заниматься какой-либо общественной работой. Репертуар театра подбирался с учетом вкусов и предпочтений крестьянской публики, а также возможностей актеров-крестьян: в спектаклях часто звучали народные песни, танцы и др. Таким образом народный театр, организованный Н.Ф. Бунаковым, одновременно был близок к жизни крестьян и являлся своеобразным транслятором инноваций городской культуры и либеральных ценностей. Например, деятельность петинского театра способствовала стиранию традиционных для российской деревни гендерных стереотипов и различий (со временем на спектакли стало приходиться и старшее пожилое поколение, а в труппе театра играли не только женатые парни, но и замужние девушки, ранее оставлявшие игру в театре сразу после замужества); развитию такой либеральной ценности как самоуважение личности (после посещения профессионального театра в Воронеже, петинские крестьяне-актеры стали с большим достоинством и уважением относиться к себе и своим занятиям в театре). Более того – сам факт появления крестьянского театра свидетельствует о происходивших в глубинке Российской империи процессах демократизации культуры. Таким образом, опыт организации народного театра в Петино наглядно демонстрирует, что, хотя и фрагментарно, но распространение европейских инноваций в том числе и либеральных ценностей, имело место даже в сельской округе, что позволяет сделать вывод о глубине процессов модернизации, происходивших в российском обществе в конце XIX – начале XX столетия.

5. Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в культурной жизни российской провинции прослеживалось явное влияние следующих либеральных идей и ценностей:

- гласность: члены всех рассмотренных обществ пытались придать своей деятельности максимально открытый (прозрачный) характер, регулярно публикуя отчеты, прибегая к общественному обсуждению тех или иных вопросов;

- ценность личности: цели, которые ставили перед собой рассматриваемые организации и лица были направлены на формирование у широких слоев населения более высокого уровня осознания своего личного достоинства;

- свобода, т.н. «самодеятельность» (самоорганизация), демократизм и коллегиальность: были основополагающими принципами функционирования культурно-просветительских объединений и учреждений Воронежской губернии. Если выразиться на языке российских либералов, эти учреждения, наряду с земствами, можно назвать «школой демократизма» для провинциального общества;

- инициатива: все указанные общества возникали и работали преимущественно по инициативе отдельных лиц либо групп лиц (в том числе не скрывавших своих либеральных симпатий).

Как видим процесс диффузии инновационной европеизированной культуры в российской провинции конца XIX – начала XX веков тесно переплетался с распространением и усвоением либеральных идей и практик, которые на тот момент также являлись инновационными. Созданная по инициативе прогрессивной провинциальной общественности система публичного просвещения и организации досуга населения не только впитала те или иные либеральные принципы, но и напрямую или косвенно выступала в качестве канала трансляции либеральных идей и ценностей. Носителями либеральных ценностей была небольшая прослойка либеральной интеллигенции, входившей в эти организации (члены либеральных партий, участники либеральных съездов, земские и общественные деятели и просто люди либеральных взглядов). Спектр конкретных доз и форм трансляций был достаточно разнообразен, но сами по себе просветительские цели таких организаций уже носили либеральный характер. Конечно, адекватная среда для восприятия либеральных идей в российской провинции, как и в российском обществе в целом была весьма ограниченной. Но вместе с тем показательно, что либерализм как явление российской жизни не ограничивался только сферой

идей и политики, а достаточно ощутимо проявил себя и в культурной жизни. На наш взгляд, это обстоятельство доказывает достаточно высокую степень рецепции либеральных идей российским обществом начала XX века и позволяет рассматривать либеральные рефлексии в культурной жизни в качестве свидетельства процесса формирования гражданского общества, происходившего в России в начале XX века.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации НИУ «БелГУ», код проекта 327, тема проекта «Культурно-просветительская деятельность как феномен культурной жизни российского города в конце XIX – начале XX в.»

Литература

- [Алексеева, 2007](#) – *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.
- [Арсланов, 2000](#) – *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель: монография. М.: Издательство РУДН, 2000. 377 с.
- [Бадьин, 1939](#) – *Бадьин А.И.* 75 лет Воронежской публичной библиотеки. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1939. 52 с.
- [Березников, 1914](#) – *Березников К.Н.* Воронежская публичная библиотека 1864–1914 гг. Воронеж: Печатник, 1914. 29 с.
- [Бунаков, 1909](#) – *Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1909. 364 с.
- [Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении, 1866](#) – *Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении.* С подробным планом города и его окрестностей / Сост. Г.М. Веселовский. Воронеж: Типография губернского правления, 1866. 349 с.
- [Гоголевский, 2002](#) – *Гоголевский А.В.* Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906-1912 гг. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. 232 с.
- [ГАВО](#) – Государственный архив Воронежской области.
- [Двадцатипятилетие Воронежской публичной библиотеки, 1889](#) – Двадцатипятилетие Воронежской публичной библиотеки 1864–1889. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1889. 67 с.
- [Диффузия европейских инноваций в Российской империи, 2009](#) – Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, Банк культурной информации, 2009. 418 с.
- [История политических партий Центрального Черноземья, 1995](#) – История политических партий Центрального Черноземья / Под ред. Л.С. Полнера. Курск: Курский государственный технический университет, 1995. 211 с.
- [Китаев, 2004](#) – *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880). Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. 379 с.
- [Кожевников, Вострецов, 2013](#) – *Кожевников В.П., Вострецов П.А.* Либеральный менталитет: генезис и эволюция. М.: Кириллица, 2013. 201 с.
- [Кошман, 2008](#) – *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
- [Курсеева, 2003](#) – *Курсеева О.А.* Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX вв. (По материалам Среднего Поволжья и Приуралья): монография. Уфа, Стерлитамак: ИИЯЛ УНЦ РАН: Стерлитамакский гос. пед. ин-т, 2003. 173 с.
- [Миронов, 2008](#) – *Миронов Б.Н.* Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. №1. С. 183–195.
- [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1893–94 гг., 1894](#) – Отчет Воронежской комиссии народных чтений за 1893–94 гг. / Сост. К.К. Федяевский. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1894. 15 с.
- [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894–95 гг., 1895](#) – Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1894–95 гг. / Сост. К.К. Федяевский. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1895. 19 с.
- [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1896–97 гг., 1898](#) – Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1896–97 гг. / Сост. К.К. Федяевский. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1898. 142 с.
- [Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1897–98 гг., 1898](#) – Отчет о деятельности Воронежской комиссии народных чтений за 1897–98 гг. / Сост. К.К. Федяевский. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1898. 26 с.
- [Отчет о деятельности Воронежской публичной библиотеки за 1899 г., 1899](#) – Отчет о деятельности Воронежской публичной библиотеки за 1899 г. Воронеж: Типолитография Е.И. Гребенщиковой, 1899. 26 с.

Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 г., 1910 – Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 г. Воронеж: Типолитография В.Д. Колесникова, 1910. 149 с.

Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1910 г., 1911 – Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1910 г. Воронеж: Типолитография В.Д. Колесникова, 1911. 77 с.

Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1911 г., 1912 – Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1911 г. Воронеж: Типолитография П.Т. Наумова, 1912. 64 с.

Очерки истории русской культуры, 2011 – Очерки истории русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Издательство Московского университета, 2011. 880 с.

Пирумова, 1986 – *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М.: Наука, 1986. 269 с.

Приленский, 1995 – *Приленский В.И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Часть I. М., 1995. 312 с.

Путеводитель по Воронежу, 1901 – Путеводитель по Воронежу с 15 видами и планом города. Киев: Типография Р.К. Лубковского, 1901. 87 с.

Репинецкий, 2010 – *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1960 гг. М-Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2010. 351 с.

Речь губернского Предводителя дворянства, 1897 – Речь губернского Предводителя дворянства М.А. Стаховича на общем собрании членов Елецкой библиотеки для служащих по земству и народных учителей. Орел, Типография газеты «Орловский вестник», Н.А. Сентяниной. 1897. 16 с.

Соловьев, 2009 – *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899 – 1905. М. РОССПЭН, 2009, 287 с.

Стахович, 1907 – *Стахович А.А.* Как и кого выбирать в Государственную думу. Что такое партийные выборы. Краткий обзор русских политических партий. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1907. 32 с.

Устав Воронежского общества народных университетов, 1907 – Устав Воронежского общества народных университетов. Воронеж: Типолитография товарищества «Н. Кравцов и К^о», 1907. 10 с.

Фирсов, 2010 – *Фирсов Б.А.* От частной инициативы – к гражданскому обществу // <http://www.bibliograf.ru/issues/2010/3/147/0/1299/>

Шелохаев, 1996 – *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 277 с.

Шелохаев, 1983 – *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 327 с.

Шелохаев, 1987 – *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

Шутов, 2011 – *Шутов А.Ю.* Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 432 с.

Ястребов, 1998 – *Ястребов А.Е.* Воронежское общество народных университетов // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 7. Воронеж. 1998. С. 136–146.

Fischer, 1958 – *Fischer G.* Russian liberalism: From gentry to intelligentsia. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1958. 240 p.

Galai, 1973 – *Galai S.* The liberation movement in Russia. 1900-1905. London: Cambridge University Press, 1973. 325 p.

Pipes, 1980 – *Pipes R.* Struve: Liberal on the left, 1870–1905. Cambridge (Mass.). London: Harvard University Press. 1970. 415 p.

Pipes, 1980 – *Pipes R.* Struve: Liberal on the right, 1905–1944. Cambridge (Mass.). London: Harvard University Press. 1980. 526 p.

References

Alekseeva, 2007 – *Alekseeva E.V.* Diffuziya evropeiskih innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX veka) [The Diffusion of European Innovations in Russia (XVIII – early XX centuries)]. М.: ROSSPEN, 2007. 368 s. [in Russian].

Arslanov, 2000 – *Arslanov R.A.* K.D. Kavelin: chelovek i myslitel: monografiya [K.D. Cavelin man and thinker: monograph] М.: Izdatelstvo RUDN, 2000. 377 s. [in Russian]

Badjin, 1939 – *Badjin A.I.* 75 let Voronezhskoy publichnoy biblioteki [75th anniversary of the Voronezh Public Library]. Voronezh: Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatelstvo, 1939. 52 s. [in Russian]

Berezников, 1914 – *Berezников K.N.* Voronezhskaya publichnaya biblioteka 1864–1914 gg. [The Voronezh Public Library in 1864–1914]. Voronezh: Pechatnik, 1914. 29 s. [in Russian]

[Bunakov, 1909](#) – *Bunakov N.F.* Moya zhizn v svyazi s obscherusskoy zhiznyu, preimuschestvenno provintsialnoy [My life in relation to the general life in Russia, primarily in provinces]. St-B.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 1909. 364 s. [in Russian]

[Voronezh v istoricheskom i sovremenno-statisticheskom otnosheniyah, 1866](#) – Voronezh v istoricheskom i sovremenno-statisticheskom otnosheniyah. S podrobnym planom goroda i ego okrestnostey [Voronezh in its historic and modern statistic respect. A detailed plan of the city and its suburbs] / Ed. G.M. Veselovsky. Voronezh: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1866. 349 s. [in Russian]

[Gogolevskiy, 2002](#) – *Gogolevskiy A.V.* Russkiy liberalizm v poslednee desyatiletie imperii. Ocherki istorii 1906–1912 gg. [Russian liberalism in the last decade of the empire. Essays history 1906–1912)]. St-B.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. 232 s. [in Russian]

[GAVO](#) – Gosudarstvennyy arhiv Voronezhskoy oblasti [The State Archives of Voronezh Region].

[Dvadtsatipyatiletie Voronezhskoy publichnoy biblioteki, 1889](#) – Dvadtsatipyatiletie Voronezhskoy publichnoy biblioteki 1864–1889 [25th Anniversary of the Voronezh Public Library]. Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva, 1889. 67 s. [in Russian]

[Diffuziya evropeyskikh innovatsiy v Rossiyskoy imperii, 2009](#) – Diffuziya evropeyskikh innovatsiy v Rossiyskoy imperii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [The Diffusion of European innovations in the Russian Empire: Proceeding of the All-Russian Scientific Conference] /Ed. E.V. Alekseeva. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, Bank kulturnoi informatsii, 2009. 418 s. [in Russian]

[Istoriya politicheskikh partiy Tsentralnogo Chernozemya, 1995](#) – Istoriya politicheskikh partiy Tsentralnogo Chernozemya [The history of political parties of the Central Black Soil region] / Ed. L.S. Polner. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 1995. 211 s. [in Russian]

[Kitaev, 2004](#) – *Kitaev V.A.* Liberalnaya mysl v Rossii (1860-1880) [Liberal thought in Russia (1860–1880)] Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2004. 379 s. [in Russian]

[Kozhevnikov, Vostretsov, 2013](#) – *Kozhevnikov V.P., Vostretsov P.A.* Liberalnyi mentalitet: genesis i evolyutsiya [The liberal mentality: genesis and evolution]. M.: Kirillitsa, 2013. 201 s. [in Russian]

[Koshman, 2008](#) – *Koshman L.V.* Gorod i gorodskaya zhizn v Rossii XIX stoletiya [Town and town life in Russia in the XIX century]. M.: ROSSPEN, 2008. 448 s. [in Russian]

[Kurseeva, 2003](#) – *Kurseeva O.A.* Zemskii liberalizm v provintsii na rubezhe XIX–XX vv. (Po materialam Srednego Povolzhya i Priuralya): monografiya. [Zemsky liberalism in Russia (based on the average the Volga region and Urals)]. Ufa, Sterlitamak: IYAL UNTs RAN: Sterlitamakskii gos. ped. in-t, 2003. 173 s. [in Russian]

[Mironov, 2008](#) – *Mironov B.N.* Dobrovolnyie assotsiatsii i grazhdanskoe obschestvo v pozdneimperskoy Rossii [Volunteer associations and civil society in the late imperial Russia] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. (The Journal of Sociology and Social Anthropology). 2008. Vol. XI, P. 183-195. [in Russian].

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1893-94 gg., 1894](#) – Otchet Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1893–1894 gg. [Report of the Voronezh Commission for Holding Public Readings for 1893–1894] / Sost. K.K. Fedyayevskii. Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva, 1894. 15 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1894-95 gg., 1895](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1894–1895 gg. [Report of the Voronezh Commission for Holding Public Readings for 1894–1895] / Sost. K.K. Fedyayevskii. Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva, 1895. 19 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1896-97 gg., 1898](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1896–1897 gg. [Report of the Voronezh Commission for Holding Public Readings for 1896–1897] / Sost. K.K. Fedyayevskii. Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva, 1898. 142 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1897-98 gg., 1898](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi komissii narodnykh chtenii za 1897–1898 gg. [Report of the Voronezh Commission for Holding Public Readings for 1897–1898] / Sost. K.K. Fedyayevskii. Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva, 1898. 26 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi publichnoi biblioteki, 1899](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskoi publichnoi biblioteki za 1899 g. [Report of the Voronezh public library]. Voronezh: Tipolitografiya E.I. Grebenshchikovoi, 1899. 26 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1909 g., 1910](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1909 g. [Report of the Voronezh Society of People's Universities for the year of 1909]. Voronezh: Tipolitografiya V.D. Kolesnikova, 1910. 149 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1910 g., 1911](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1910 g. [Report of the Voronezh Society of People's Universities for the year of 1910]. Voronezh: Tipolitografiya V.D. Kolesnikova, 1911. 77 s. [in Russian]

[Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1911 g., 1912](#) – Otchet o deyatelnosti Voronezhskogo obshestva narodnykh universitetov za 1911 g. [Report of the Voronezh Society

of People's Universities for the year of 1911]. Voronezh: Tipolitografiya P.T. Naumova, 1912. 64 s. [in Russian]

Ocherki istorii russkoi kultury, 2011 – Ocherki istorii russkoi kultury. Konets XIX – nachalo XX veka. T. 1. Obshchestvenno-kulturnaya sreda [Essays on the History of Russian Culture. The end of XIX – early XX century. P. 1. Socio-cultural environment]. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2011. 880 s. [in Russian]

Pirumova, 1986 – *Pirumova N.M.* Zemskaya intelligentsiya i ee rol v obshchestvennoi borbe do nachala XX veka [Zemstvo intelligentsia and its role in the social struggle]. M.: Nauka, 1986. 269 s. [in Russian]

Prilenskii, 1995 – *Prilenskii V.I.* Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov. [Research outlook of early Russian liberals experience]. Chast I. M., 1995. 312 s. [in Russian]

Putevoditel po Voronezhu, 1901 – Putevoditel po Voronezhu s 15 vidami i planom goroda [Guide to Voronezh with 15 views and the city plan]. Kiev: Tipografiya R.K. Lubkovskogo, 1901. 87 s. [in Russian]

Repinetskii, 2010 – *Repinetskii S.A.* Formirovanie ideologii rossiiskogo liberalizma v khode obsuzhdeniya krestyanskogo voprosa publitsistikoi 1856–1960 gg. [Formation of ideology of Russian liberalism during the discussion of the peasant question in journalism] M-Samara: Izdatelstvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2010. 351 s. [in Russian]

Rech gubernskogo Predvoditelya dvoryanstva, 1897 – Rech gubernskogo Predvoditelya dvoryanstva M.A. Stakhovicha na obshchem sobranii chlenov Eletskoi biblioteki dlya sluzhashchikh po zemstvu i narodnykh uchitelei [Speech of M.A. Stakhovich, Province Leader of Nobility at a general meeting of members of the Eletsk library for employees of the local zemstvo and public teachers]. Orel: Tipografiya gazety «Orlovskii vestnik», N.A. Sentyaninnoi. 1897. 16 s. [in Russian]

Solovev, 2009 – *Solovev K.A.* Kruzhok «Beseda». V poiskakh novoi politicheskoi realnosti 1899–1905 [The circle «Beseda». In search of a new political reality]. M.: ROSSPEN, 2009, 287 s. [in Russian]

Stakhovich, 1907 – *Stakhovich A.A.* Kak i kogo vybirat v Gosudarstvennuyu dumu. Chto takoe partiinye vybory. Kratkii obzor russkikh politicheskikh partii [How and who to choose to the State Duma. What are party elections about. An overview of Russian political parties]. M.: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina, 1907. 32 s. [in Russian]

Ustav Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov, 1907 – Ustav Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov [The Charter of the Voronezh Society of People's Universities]. Voronezh: Tipolitografiya tovarishchestva «N. Kravtsov i Ko», 1907. 10 s. [in Russian]

Firsov, 2010 – *Firsov B.A.* Ot chastnoi initsiativy – k grazhdanskomu obshchestvu [From individual initiative to civil society] // <http://www.bibliograf.ru/issues/2010/3/147/0/1299/> [in Russian]

Shelokhaev, 1996 – *Shelokhaev V.V.* Liberalnaya model pereustroistva Rossii [Liberal model of reorganization Russia]. M.: ROSSPEN, 1996. 277 s. [in Russian]

Shelokhaev, 1983 – *Shelokhaev V.V.* Kadety – glavnaya partiya liberalnoi burzhuazii v borbe s revolyutsiei. 1905–1907 gg. [The Cadets – the main party of the liberal bourgeoisie in the struggle against the revolution]. M.: Nauka, 1983. 327 s. [in Russian]

Shelokhaev, 1987 – *Shelokhaev V.V.* Partiya oktyabristov v period pervoi rossiiskoi revolyutsii [The oktyabrist party during the First Russian Revolution]. M.: Nauka, 1987. 157 s. [in Russian]

Shutov, 2011 – *Shutov A.Yu.* Rossiiskoe zemstvo i evropeiskie traditsii mestnogo samoupravleniya [Russian district council and the European tradition of local self-government]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011. 432 s. [in Russian]

Yastrebov, 1998 – *Yastrebov A.E.* Voronezhskoe obshchestvo narodnykh universitetov [The Voronezh Society of People's Universities // Iz istorii Voronezhskogo kraja. Sbornik statei [From the history of Voronezh region. Articles]. Vyp. 7. Voronezh, 1998. P. 136-146. [in Russian]

Fischer, 1958 – *Fischer G.* Russian liberalism: From gentry to intelligentsia. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1958. 240 p. [in English]

Galai, 1973 – *Galai S.* The liberation movement in Russia. 1900–1905. London: Cambridge University Press, 1973. 325 p. [in English]

Pipes, 1980 – *Pipes R.* Struve: Liberal on the left, 1870–1905. Cambridge (Mass.). London: Harvard University Press. 1970. 415 p.

Pipes, 1980 – *Pipes R.* Struve: Liberal on the right, 1905–1944. Cambridge (Mass.). London: Harvard University Press. 1980. 526 p. [in English]

УДК 93/94

Либерализм как культурный феномен российской провинциальной жизни конца XIX – начала XX века (на примере Воронежской губернии)Евгений Владимирович Дворецкий ^a, Оксана Владимировна Шевченко ^a, Михаил Юрьевич Семенов ^a^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

Аннотация. В представленной работе исследуется влияние либерализма на культурную жизнь российской провинции на примере типичной провинциальной губернии (Воронежской губернии). Авторы предприняли попытку выявить рефлексии либерализма в контексте концепции диффузии европейских инноваций, согласно которой трансформация традиционного общества в современное, осуществлялась посредством распространения технических, политических, социальных, культурных инноваций из центров их выработки – стран Западной Европы – в другие страны, в том числе и Россию. Работа выполнена на основании привлечения разнородных источников, их анализ позволил определить место и роль русского либерализма конца XIX – начала XX века в формировании инновационных элементов городской культуры; описать особенности процесса распространения либеральных влияний в сфере культурной жизни русской провинции, охарактеризовать круг носителей и трансляторов либеральных идей (земские либеральные деятели, члены местных отделений либеральных партий, либерально настроенная интеллигенция). В результате было выявлено наличие устойчивых рефлексий базовых либеральных ценностей (таких как свобода и ценность личности, индивидуализм, инициатива и др.) в культурной жизни русской провинции, что подтверждает целесообразность рассмотрения российского либерализма не только как идейно-политического, но и как культурного явления, а также доказывает достаточно высокую степень рецепции либеральных идей российским обществом начала XX века. Последнее в свою очередь позволяет установить связь между влиянием либерализма на культурную жизнь и процессом модернизации (в т.ч. формированием гражданского общества) в Российской империи начала XX столетия.

Ключевые слова: либерализм, рефлексии либерализма, культура, диффузии инноваций, культурно-просветительская деятельность, российская провинция, Воронежская губерния, гражданское общество, модернизация.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1305-1314, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(574) "17/19":32.019.5

The Historical and Ethnographical Research on Kazakhstan done by Foreign Scientists of XIX–XX Centuries: the Case of J.A. Castagné's Studies

Ulzhan Akhmetova ^{a,*}, Abilsseit Muktar ^b, Ayaguz Nurmanova ^c

^a Scientific research center of Atyrau Institute oil and gas, Kazakhstan

^b Atyrau Institute of oil and gas, Kazakhstan

^c Al-Faraby Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The article describes the research of history, archeology, ethnography of the Kazakhs in the late XIX – early XX centuries done by the French scientist Joseph-Antoine Castagné, who worked in Russia more than 20 years, was an active member of the Orenburg Scientific Archival Commission, the Turkestan Circle of Archeology Enthusiasts and the Imperial Russian Geographical Society in Orenburg and Turkestan. In the pre-revolutionary period, members of scientific societies and organizations of the Russian Empire conducted comprehensive research in the territory of Kazakhstan. Let us dwell on one of them. French scientist Joseph-Antoine Castagné gathered a lot of information about archeology, ethnography and history of the late XIX – early XX centuries. Thanks to the work of the French scientist Joseph-Antoine Castagné in the late XIX and early XX centuries the world historical science got to know about the ancient relics and monuments of the Kazakh people. All this proves that in J. Castagne's soul remained is faithful to Kazakhstan and Turkestan. Though some researchers considered it as "the science layman", "the agent of the foreign states" his works, scientific and political connections with the Kazakh emigrants for Kazakhstan citizens always remains a striking example of fruitful cooperation between scientific figures.

Keywords. History of the Republic of Kazakhstan, XIX – early XX centuries, Russian scientific organizations and societies, French scientist, Orenburg, Turkestan, research.

1. Введение

В дооктябрьский период члены научных обществ и организаций Российской империи проводили комплексные научно-исследовательские работы на территории Казахстана. Французский ученый Жозеф Антуан Кастанье один из тех, кто собрал много сведений об археологии, этнографии. Хранитель музея, находившегося под попечительством Оренбургской ученой архивной комиссии. Научная статья посвящена научным исследованиям истории, археологии, этнографии казахов в конце XIX – начале XX веков французским ученым Жозефом Антуаном Кастанье.

2. Материалы и методы

Историографическими источниками для написания работы являлись в основном труды российских, а также казахстанских и западных историков, опубликованные в виде научных статей, монографии.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

* Corresponding author

E-mail addresses: ulzhan.axmetova.67@mail.ru (U. Akhmetova), muktar64@mail.ru (A. Muktar), aiaguz.nur90@mail.ru (A. Nurmanova)

3. Обсуждение и результаты

Труды Ж.А. Кастанье и на сегодняшний день продолжают сохранять свою ценность. Историк С.Горшенина, занимающаяся изучением истории Средней Азии, составила список его трудов, посвященных Казахстану и Туркестану, и представила их научной общественности (Gorshenina et al., 1999; Francfort, Samashev et al., 1997; Горшенина, 1996; Горшенина, 2013; Горшенина, 1997). Российские ученые-историки опирались в своих работах на ее исследования Оренбургского края (Зобов, 2007). Казахстанские ученые К.Л. Есмагамбетов (Есмагамбетов, 2008), У.Т. Ахметова (Ахметова, 2013а) расширили историко-этнографическую базу новыми архивными данными и дополнили жизнь и деятельность Ж.А. Кастанье, где были изучены научные труды французского ученого, в которых рассмотрены казахские археологические и этнографические памятники. Эти историко-культурные наследия казахского народа отражаются и в последних археологических раскопках Отрарского оазиса (Clarke et al., 2005), также сакского кургана Бес-Шатыр. Исследование сакского некрополя в Семиречье расширили материалы железного века по Внутренней Азии (Panyushkina et al., 2013).

Научная и общественно-политическая деятельность Ж.А. Кастанье была связана с городами Оренбург и Ташкент. Результатом его научных исследований явилось то, что имя ученого Иосифа Антоновича Кастанье (так называли его в России) встречается в документах государственного архива Оренбургской области Российской Федерации.

В свидетельстве о рождении Ж.А. Кастанье, направленном Оренбургской гимназией в Попечительский совет Оренбургского учебного округа, указано, что он родился в простой семье 14/26 ноября 1875 года во французском городе Гайяк (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348). Согласно архивным документам ученый учился в лицее в городе Тулузе, посещал лекции по французскому языку на высших курсах и получил свидетельство о начальном образовании (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 71). Переехав в Россию, 9 марта 1899 года по распоряжению попечителя Кавказского учебного округа начинает работать учителем французского языка в мужской прогимназии и в женской гимназии графини Евдокимовой в городе Пятигорске. 14 февраля 1901 года после успешно выдержанного испытания в педагогическом совете Владикавказской гимназии он получил свидетельство №2280, дающее ему право преподавать французский язык в гимназии и прогимназии (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 7). В личном деле ученого указывается, что 30 апреля 1900 года он женился на дочери полковника А.В. Немирова Лидии Акинфовне. 21 января 1901 года у них родилась дочь Мария, а 29 июня 1903 года дочь Ольга. 21 августа 1901 года Ж.А. Кастанье просит директора мужской гимназии города Оренбурга выдать ему сопроводительное письмо с разрешением выехать из Пятигорска в город Оренбург. Согласно служебной записке №3955, направленной 31 августа 1901 года попечителем Оренбургского учебного округа директору мужской гимназии города Оренбурга, Ж.А. Кастанье, работавший ранее учителем французского языка в Пятигорской прогимназии, с 15 августа 1901 года приступает к работе в Оренбургском реальном училище (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 21-23). С 1 июля 1902 года он приступает к работе в мужской гимназии города Оренбурга (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 16). В качестве учителя французского языка он достиг больших успехов в своей педагогической деятельности. В частности, 18 ноября 1906 года приказом №84 гражданского ведомства ему присваивается чин коллежского асессора, 1 января 1908 года он был награжден орденом Святого Станислава III степени, 19 октября 1909 года получает чин надворного советника, а 20 декабря 1910 года – чин коллежского советника (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 24). В 1902 году Ж.А. Кастанье был принят в члены Оренбургского отделения Русского Императорского географического общества (АКПКОГ, 1902: 68). В этом же году он становится членом Оренбургской ученой архивной комиссии, которая занималась сбором и упорядочением архивных документов бывшей канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства, а также проводила научно-исследовательские работы в крае (Ахметова, 2013: 156b). В этот период свои статьи он подписывает как «ученый-секретарь Оренбургской архивной комиссии» (Домбровский, 1966: 21). Научная деятельность Ж.А. Кастанье в качестве члена Оренбургского отделения Русского Императорского географического общества была плодотворной. 16 августа 1902 года на заседании Оренбургской Ученой архивной комиссии Ж.А. Кастанье пожертвовал 100 рублей (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 50. Л. 67), а 22 декабря 1903 года на очередном собрании Комиссии он вместе с И.С. Шукшинцевым берет на себя работу по созданию системного каталога музея (Ахметова, 2013: 141c). С 1904 года с разрешения Санкт-Петербургской Императорской археологической комиссии он приступает к проведению археологической раскопки. 30 апреля этого года на заседании было принято решение о выделении 100 рублей на покупку фотоаппарата для запланированной археологической поездки Ж.А. Кастанье в Тургайскую область (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 57. Л. 9). Открытым листом Императорской археологической комиссии №1089 от 26 мая 1904 года Ж.А. Кастанье получает разрешение на проведение исследований в Тургайской и Уральской областях (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 98. Л. 30).

1 сентября 1904 года на очередном собрании Оренбургской Ученой архивной комиссии присутствует профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Бартольд. Выступление на этом собрании Ж.А. Кастанье с докладом «Отчет об экспедиции в Актюбинский уезд летом 1904 года» вызывает горячие споры (ТОУАК, 1906: 31a). На следующем собрании 9 марта 1905 года Ж.А. Кастанье докладывает о легкой поездке в Туркестан (ТОУАК, 1906: 250b). Свой отчет «О поездке

в Туркестан» он дополняет фотографиями «Совет киргизов», «Церковь в Актюбинске», «Киргизская школа в юрте», «Юрта богатого киргиза», «Киргизские девушки», «Степняк», «Путешествие в степи», «Всходы в степи», которые наиболее полно передавали быт казахов. На заседании Оренбургской Ученой архивной комиссии от 27 февраля 1906 года закрытым голосованием Ж.А. Кастанье был избран казначеем. Но работа казначея создавала препятствия для занятий наукой. 15 марта 1906 года И. Кастанье отказался от этой должности (ТОУАК, 1907: 31-33а). 21 апреля 1906 года председатель Оренбургской архивной комиссии А.В. Попов просит разрешения у Императорской археологической комиссии проводить научно-исследовательские работы в Тургайской области и Оренбургской губернии для Ж.А. Кастанье и А.Л. Аниховского (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д.70. Л. 25). И в отчете, представленном 30 ноября 1906 года, он рассказывает о проведенных летом 1906 года в Актюбинском уезде Тургайской области раскопках шести курганов (ТОУАК, 1907: 65b). Приводит список найденных реликвий, которые он относит к концу бронзовой и началу железной эпохи (ТЩУАК, 1907). Ж.А.Кастанье посредством археологических раскопок дополняет древнюю историю нашего народа, проводит сравнительный анализ ценных реликвий, найденных в разных точках мира. Комиссия, оценив труд исследователя, 21 декабря 1906 года компенсирует ему расходы в размере 50 рублей, потраченные им в ходе путешествия (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 57 Л. 89). В качестве члена Оренбургского отделения Русского Императорского географического общества французский ученый 14 марта 1907 года получает разрешение от военного губернатора Тургайской области на проведение научных исследований в Тургайской области с 14 марта по 31 декабря текущего года (ГАОО, Ф. 94. Оп. 1. Д. 107. Л. 54-55). Трудолюбие и успехи ученого расширяют географию его исследований. 21 мая 1907 года Ж.А. Кастанье получает право проводить археологические раскопки в Самаркандской и Сырдарьинской областях (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 98. Л. 27). 24 мая 1907 года Ж.А. Кастанье по поручению Оренбургского отделения Императорского русского географического общества отправляется в казахские степи. Позднее, 8 ноября, членам комиссии был представлен доклад «Шалкарские степи и разрушенный Балгасын». Этот отчет является доказательством того, что Ж.А.Кастанье, используя данные периодических печатей Оренбургского края, постоянно сравнивает результаты своих исследований (ТОУАК, 1907). В 1908 году Ж.А. Кастанье планировал несколько поездок в Актюбинск и Сырдарью. На выборах членов правления, прошедших 17 февраля 1909 года, ревизионная комиссия и редакционный комитет предлагают его кандидатуру на пост помощника председателя Оренбургской Ученой архивной комиссии. В этом году было принято решение о публикации «В трудах» Комиссии работы Ж.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». Для публикации его обширного труда Оренбургский учебный округ выделил 300 рублей (ТОУАК, 1911: 282-283, 290). Монография ученого, опубликованная в 1910 году, привлекла внимание научной общественности. Хотя до этого времени в материалах, опубликованных в газетах и журналах, встречались результаты исследований древних памятников Центральной Азии русскими и зарубежными учеными. Ж.А. Кастанье во введении своей монографии определяет задачи своего исследования и отмечает отсутствие научных трудов, посвященных данному региону, что создавало определенные трудности в написании работы (Кастанье, 2007: 8b). «В описании памятников древности киргизской степи я старался поместить как можно больше подробностей, - пишет ученый, - приводя то целиком статьи разных исследователей, то лишь выдержки, то рецензии о них, не делая при этом никакой личной окраски. Желая дать наиболее точное представление о памятниках древности, я скопировал с фотографических снимков, гравюр и пр. виды этих памятников» (Кастанье, 2007: 9). За этот труд 14 января 1912 года он был награжден письменной благодарностью министра Народного просвещения России (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 55). Мы смело можем утверждать, что важным вкладом ученого для истории Казахстана являются собранные этнографические материалы об Абулхаир хане, батырах Кобланды, Кутебай (Кутибар – У.А. и А.М.), Байтак, Кульджан, Джирен, хадже Бетьх и т.д. Ж. Кастанье не только описывал памятники, но и встречался с местными казахами и дополнял исторические материалы. Например, после посещения могилы Кутебай батыра автор, пишет: «Из наведенных мною справок оказалось, что эта могила существует уже сто лет. Потомство Кутебая все еще живет в Актюбинском уезде. Батыр Кутебай был убит враждебным родом, который, осквернив его могилу, вытащил его останки и унес их в степь, забыв одну из рук Кутебая в прежней могиле». В 1909 году Ж. Кастанье еще раз посетил Бестамакскую волость и узнал, что переселенцы (русские крестьяне) растаскивают камни этой почитаемой киргизами могилы. По мнению ученого «Она почти разрушена и скоро от нее останется одно только воспоминание» (Кастанье, 2007: 137).

О варварском отношении к курганам, расположенных в казахской степи, русских переселенцев свидетельствует сохранившееся письмо Архивной комиссии в Оренбургском архиве. Письмо адресовано заведующему отделом по переселенческим делам Тургайско-Уральского района и датируется 14 апреля 1911 года. «Из докладов членов Архивной Комиссии усматривается, – пишет А.В. Попов, – что за последние годы, с увеличением переселения русских крестьян в Тургайскую область, быстро исчезают в степях драгоценные памятники древности, будучи растаскиваемы переселенцами на хозяйственные надобности. Особенно ... подвергаются каменные бабы и надгробные сооружения из кирпича. Процесс уничтожения древности идет настолько быстро, что уже за последний годы вспоминаем о некоторых из них служат только фотографии, снятые редкими

почитателями археологий и этнографии самые же памятники уже исчезли». В виде доказательства автор приводят исчезновение могильных кирпичей, найденных на берегу реки Жаксы-Каргалы вдоль Орской дороги в 10 верстах от Актюбинска и кирпичей могилы Кутебай батыра на речке Коктобе в Актюбенском уезде. А.В. Попов просил переселенческий комитет запретить переселенцам заниматься недозволенным кладоискательством (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 98. Л. 15).

В докладе «Раскопки под Актюбинском летом 1909 года», представленном 9 сентября 1909 года, он рассказывает о проведенных в Казахстане раскопках. В ходе доклада он показывает найденные медные и железные предметы, а также останки человека (Кастанье, 2007: 8). На этом заседании он был избран помощником председателя и хранителем музея. А 9 октября при обсуждении комиссией доклада «Киргизское предание о Хабардине и Токтамыс хане в связи с находкой медного котла в 1829 году» исследователь Соколов делится своими наблюдениями над курганом Кара-оба. На этом собрании Ж.А. Кастанье в своем докладе «Несколько слов о свастике» описывает рисунки на посуде, которая была найдена в окрестностях Челябинска и отправлена в музей Оренбургской Ученой архивной комиссии. На заседании Ученой комиссии присутствующие заслушали доклад Ж.А. Кастанье из газеты «Le Matin» об интересном открытии в деревне Дордонь во Франции скелета доисторического человека, относящегося, по мнению некоторых членов, к мустьерской (ледниковой «Мортилье») эпохе (ТОУАК, 1911: 308-314). 8 декабря 1910 года Ж.А. Кастанье представил членам комиссии такие труды, как «Открытие Америки в XIV веке», «Глиняные кувшины», «Несколько слов о путешествии экспедиции Пельо в Китайский Туркестан», и таким образом он охарактеризовал результаты зарубежных исследований (ТОУАК, 1911: 209-212а). Ж.А. Кастанье всегда имел доступ к архивным документам. Поэтому он не мог упустить такую возможность. Одновременно он изучает дела французских военнопленных, оказавшихся в 1812–1813 годах в Оренбургском крае и приводит в порядок 17 дел, хранившихся в Архивной комиссии в городе Оренбурге (ТОУАК, 1911: 223-224b). В 1911 году в XXVI выпуске «Трудов» Оренбургской Ученой архивной комиссии была опубликована работа Ж.А. Кастанье «Надгробные сооружения киргизских степей». В введении автор четко представляет свою работу и определяет цель исследований как «изучение этих типов надгробных сооружений киргизских степей, одновременно с этим ознакомление с похоронными обрядами кочевников» (Кастанье, 1911: 102). Данный труд состоит из двух частей. В первой части рассказывается о доисламском периоде. Вторая часть посвящена VIII веку, периоду, когда на юге Казахстана появился ислам. Каждый лист работы был разбит на две колонки, в одной колонке текст был представлен на русском языке, в другой – на французском. За эту работу он был награжден Оренбургским городским управлением премией В.Н. Витевского в размере 100 рублей (ТОУАК, 1916: 47). Сообщение об этом было опубликовано на страницах «Оренбургской газеты» (Об архивной комиссии, 1914: 2) В своей работе ученый описывал значение курганов для человечества. «Киргизы (казахи) дают ему общее название «оба или уба». Однако, желая определить вид, материалов, форму, окраску этих памятников, киргизы (казахи) прибавляют к слову «оба» еще определяемое «тас, кишкене, кизил, сары, кара, кос» и т.д., – пишет автор, образуя таким образом следующие сложные слова: Тас оба – каменный курган, Кара оба – черный курган, Кызыл оба – красный курган, Кишкене оба, Сары оба, Кос оба и т.п. Иногда еще, нарушая мусульманский закон, и безведома своих мулл, киргизы (казахи) хоронят своих мертвецов на краю какого-нибудь кургана, и с тех пор этот последний носить имя покойного. Таким образом, получается названия: Сайд оба, Темирбай оба, Омар оба, Селим оба и т.п.». Ж.Кастанье исследовав курганы казахской степи пришел к выводу «что курганный народ, который создал такое разнообразие в типах курганов, питал безграничное уважение к предкам. Заботы которыми он окружал своих мертвых, достойны нашего восхищения» (Кастанье, 1911: 6). Ж.Кастанье в своей работе также уделял внимание проблеме погребения умершего, поминок и обычаям казахского народа. 1 августа 1912 г., как это указано в архивных документах, Ж.А. Кастанье по состоянию здоровья переводится в Туркестанский край и начинает работать в качестве учителя французского языка в Ташкентском реальном училище (ГАОО, Ф. 79. Оп. 1. Д. 348. Л. 59). О его переводе в Ташкент было напечатано сообщение в «Вестнике Оренбургского учебного края» (ВОУК, 1912: 457). Начиная с этого периода, он продолжает заниматься научной деятельностью в качестве члена Туркестанского кружка любителей археологии, а затем со следующего года становится членом Туркестанского отделения Русского императорского географического общества. Наряду с этим он был выбран членом наблюдательной комиссии при Туркестанском народном музее и библиотеке (ЗВ, 1996). Несмотря на перевод Ж.А. Кастанье в Ташкент он продолжает свое исследование казахских верований в Тургайской области и сопоставляет материалы других регионов. По данной проблеме его статья «Из области киргизских верований» публикуется в журнале «Вестник Оренбургского учебного округа» 1912 г. №3, 6 и 1913 г. №3, 4, 5, 6, 7, 8. В статье автор раскрывает особенности верований и описывает способы врачевания у казахов. В главе «Баксы, его роль и значение» автор считает первым баксы Коркута, жившего на берегу Сырдарии. «Баксы ходит с кобызем, домброй или бубном в руках и тянет бесконечную, занывшую чародейскую песню» - пишет Ж.А. Кастанье. По мнению ученого баксы может заменить Арбаушы, Дуана, Джолаушы, также лекари-знахари – Даргеры и Татиби (ВЩУК, 1913). Ж.А. Кастанье в Туркестане совмещал преподавательскую деятельность с научной работой и всегда делился с научным сообществом результатами своих изысканий. На заседании Туркестанского кружка

любителей археологии, прошедшего в Инженерном управлении Туркестанского округа 11 декабря 1912 года, Ж.А. Кастанье выступил с докладом «Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане». Исследователь в ходе доклада продемонстрировал ценный экспонат – каменную скульптуру змеи (ПЗСЧ, 1917: 2). Ученый высказывает мысль, что «Эта находка наводит на размышления, что очевидно изображения змей на камне непростая случайность. Нельзя также допустить чтобы оно было только произведения человека, дающего волю своей фантазии. Данная каменная змея повидному ничто иное как предмет культа, может быть воплощение божества». Он попытался разгадать тайну амулета (оберега) в форме змеи, найденного в Туркестане (Кастанье, 1913: 17). Ученый сравнивал культ поклонения змее у разных древних народов мира (Кастанье, 1913: 23). В заключении своей работы Ж.А.Кастанье пришел к выводу, что в Туркестанском крае культ поклонения змее появляется в результате взаимоотношений с соседними восточными странами. На очередном заседании кружка, прошедшего 30 апреля 1913 года, Ж.А. Кастанье выступает с «Кратким сообщением о поездке к развалинам Ахсыкента и в горы для осмотра построек, известных под именем «хана-и-муг» и предлагает провести археологические исследовательские работы в горах Ахсыкента (ПЗСЧ, 1920: 57). 28 сентября 1913 года прошло очередное совместное заседание Туркестанского отделения Русского Императорского географического общества и Туркестанского кружка любителей археологии. На этом собрании равноправный член обоих обществ Ж.А. Кастанье выступил с сообщением «Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд». Доклад содержал описание развалин древнего города Ахсыкент, исторические сведения и легенды, распространенные среди местного населения (ПЗСЧ, 1917: 109). 15 октября 1913 года на очередном заседании кружка Ж.А. Кастанье выступает с докладом «Летняя поездка к развалинам Шахрохии и Канки». Заседание кружка постановило: выдать Ж.А. Кастанье разрешение на проведение научных исследований в названном историческом регионе (ПЗСЧ, 1917: 110). В отчете Ж.А. Кастанье сообщает, что 28 мая 1913 года он, по поручению Туркестанского кружка любителей археологии за счет средств Русского комитета, выделенных на изучение Центральной и Восточной Азии, направился на место города Шахрухия. Цель его летней поездки состояла в том, чтобы собрать сведения о месте расположения этих городов, древней истории и памятниках. Ж.А. Кастанье в своей работе использовал материалы ученых, которые до него посетили Шахрухию и Канку. Результатом путешествия стала карта, где Ж.А. Кастанье отмечает, что развалины городища Бенакент находились на северо-западе местечка Шара-Кия или Шахрухия (Кастанье, 1913: 7). В 1913–1914 годы Ж.А. Кастанье проводит исследование пещер вдоль реки Огем (ИТОРГО, 1915: 20). 14 февраля 1915 года на очередном заседании Туркестанского кружка любителей археологии ученый выступает с докладом «Древности Ура-Тюбе и Шахристана». Свое выступление он посвятил общему описанию данных земель, а также древних памятников, встретившихся в ходе исследования. 11 ноября 1915 года на заседании кружка он сообщает о результатах археологических исследований Бухары летом 1915 года. Подводя итоги, ученый пришел к выводу, что медресе Абдолла хана, крепость Захара и Мирона, древнее место городов Кала-и-Дабус, захоронение Святого Абу-Хира, зимовки Нур Ата и Газган в будущем будут кладезем для историко-археологических и этнографических исследований (ПЗСЧ, 1920: 152).

В Туркестане Ж.А. Кастанье обмениваясь письмами с Оренбургскими учеными, продолжал поддерживать научную связь с ними. 6 января 1916 года он направляет письмо А.В. Попову, председателю Оренбургской Ученой архивной комиссии. В письме ученый сообщает, что направит к ним отчет о своем путешествии в Бухару и 4 экспоната (реликвии), найденные недавно в селе Покровка Уральской области (ГАОО, Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Л. 3). В 1917 году после Октябрьской революции Ж.А. Кастанье занимается сбором коллекции нового музея. В 1920 году занимает должность заместителя Д.И. Нечкина, главы центрального управления архивных дел, созданного для «организации защиты древних памятников истории и культуры Туркестана». Он принимает участие в работе комиссии, временно созданной 13 мая того же года для восстановления древних памятников Самаркандского края. А в 1921 году вместе с французскими военнопленными возвращается во Францию (Зевелев, 1957: 49). Именно этот период является «белым пятном» в истории ученого. Когда он уехал, какими путями, бежал ли из Туркестана и почему? До сих пор эти вопросы волнуют исследователей. «Возможно, – пишет С.Горшенина, – ключ к пониманию тайны пребывания Ж.-А. Кастанье в Туркестане находится в одном из департаментов Министерства иностранных дел Франции, в Париже, куда в 1920 или в 1921 г. тот уехал...». В советской историографии ученого считали предателем, даже шпионом английской разведки. Если А.Х. Бабаходжаев утверждал: «Из работ иностранных авторов, имеющих отношение к английской агрессивной политике в Средней Азии, необходимо указать на опубликованную в Париже в 1925 г. книгу «Басмачи» Кастанье, одного из наиболее опытных агентов французских империалистов на Востоке, ставшего после Октябрьской революции союзником английской агентуры в Средней Азии. Кастанье дает сведения об антисоветской деятельности британских разведчиков в Туркестане» (Бабаходжаев, 1957: 6). В 1986 году советские историки А.И. Зевелев, Ю.А. Поляков и Л.В. Шишкина писали: «Кастанье Ж. – еще до первой мировой войны находился в Ташкенте якобы на «археологических исследованиях». Прикрываясь составлением археологической карты Туркестана, он занимался шпионской деятельностью. В 1917–1919 гг. был связан с агентами английских шпионских миссий и активно

участвовал в борьбе с Советской властью, в связи с чем ушел в подполье» (Зевелев и др., 1986: 225). Долгие годы на это вопрос искал ответ и русский писатель Ю. Домбровский задав себе вопрос «Кто же вы, Жозеф Кастанье?». В отличие от советской идеологии он начал анализировать его труды вникая каждому предложению ученого. «Кастанье – пишет он, с исключительной ясностью разоблачает замыслы английских колонизаторов, показывает, как они хотели не только задуть революционный Восток руками уголовников, феодалов и реакционеров, но и превратить его свою колонию. С прямоотой и точностью ученого-историка он все ставит на свое место». Писатель внимательно анализируя книгу Ж.А. Кастанье «Басмачи» отмечает, что: «Крошечная белая книжка, формата «Библиотечки «Огонька». Париж, 1925 год. Книга написана очень обстоятельно: первая глава – история Средней Азии, вторая – история мусульманства, затем хроника революционных событий в этом крае и цитаты, цитаты. Цитаты из советских газет, из «Известий» и «Правды», цитаты из журнала «Новый Восток». На тридцати страницах я насчитал 12 цитат из «Правды», 8 – из «Известий», 6 – из «Нового Востока» и перестал считать дальше. И еще одна глава – большое письмо Нариманова. И вот конец. Слушайте: «Таково собрание фактов, характеризующих политическую и социальную историю басмачества с октября 1917 года по октябрь 1924 года. Ныне в Центральной Азии на месте Туркестанского края, Бухары, Хорезма возникли новые советские государства: Узбекская республика, Туркменская республика; автономные республики – Таджикская, Киргизская, Кара-Калпакская. Центральная Азия, истерзанная войнами, междоусобицами и прочими несчастьями, наконец, обрела свободу, покой и счастье». И далее идут строки о суверенных правах молодых республик, об объявлении национальных языков государственными, о развитии культуры и свободы под водительством Советской власти. Ну что ж, вы меня не обманули, дорогой Иосиф Антонович – Жозеф Кастанье, как вы подписали эту книгу. Вы остались верны своей второй родине. Да простит судьба и история тех, кто по какому-то злему навету и наслышке окрестили вас предателем (Домбровский, 2014).

Последние годы историк К.Л. Есмагамбетов в своих исследованиях обращает внимание на связь ученого с казахскими эмигрантами в Европе 20-30-е годы XX века. По мнению ученого в эти годы Ж.Кастанье активно поддерживал связи Мустафа Шокаем, и помог ему опубликовать научные статьи по проблеме Казахстана. Такая поддержка была выгодна обоим. М. Шокай также помогал Ж.Кастанье в подготовке научных статей для журнала «Revue de monde musulmane» (Castagne, 1922). Очевидно статья М. Шокая «Басмаческое движение в Туркестане» 1928 года, - пишет К. Есмагамбетов, - доказывает концептуальное единство к проблеме». В 1923 г. Ж. Кастанье в журнале «Occident et Orient», также опубликованном в 1930 г. в статье «Magie et exorcisme chez les Kazak-kirghizes et autres peuples turcs orientaux» официально знакомит общественность М. Шокая как крупного общественного деятеля Туркестана. Ж. Кастанье в письме адресованном М. Шокаю в 1929 г. 26 июня просил переслать «Воззвание Бухарского эмира Саид Алим хана к народу Туркестана», а в другом письме (1930, 14 декабря) материалы о Джадидском движении в Туркестане. Казахский ученый заключает что последнее письмо француза в архиве датируется 1934 г. ...» (Есмагамбетов, 2008: 265-266b). Все это доказывает что в душе Ж. Кастанье остался верен Казахстану и Туркестану. Хотя некоторые исследователи считали его «дилетантом науки», «агентом иностранных государств» его труды, научные и политические связи с казахскими эмигрантами для Казахстанцев всегда остается ярким примером плодотворного сотрудничества между научными деятелями.

4. Заключение

Благодаря работам французского ученого Жозефа Антуана Кастанье в конце XIX и начале XX веков мировая историческая наука знала о древних реликвиях и памятниках казахского народа. На сегодняшний день многие его работы, написанные в дооктябрьский период, не утратили свою актуальность и научную ценность и могут служить базой для дальнейших исследований. В заключении мы смело можем утверждать, что Ж.А. Кастанье стоял у истоков будущих казахско-французских археологических экспедиций. В 1993 году работала Казахско-Французская экспедиция по изучению наскальных изображений Казахстана, с участием специалистов из Института археологии, Института «Казпроектреставрация», Национального центра научных исследований Франции. Основной задачей экспедиции была подготовка материалов Корпуса петроглифов Казахстана. В 1997–1999 гг. в Восточном Казахстане работала международная экспедиция при участии сотрудников археологической миссии Франции в Центральной Азии и научно-исследовательского центра Италии Лигабуе. Основной задачей экспедиции было изучение памятников древних кочевников Казахстанского Алтая, результатом чего явилось открытие кургана представителя кочевой элиты с линзой мерзлоты (Берел), изучение курганов раннесакской эпохи (Маймер) (рук. д.и.н. Самашев З.С.) (Samashev, 1996: 8-10). Это свидетельствует о том, что труды ученого и по сей день имеют культурно-историческую ценность для мирового научного сообщества.

Литература

АКПКОГ, 1902 – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1902 год. Оренбург: Губернская Типо-Литография, 1902. 83 с.

- Ахметова, 2013** – Ахметова Ұ.Т. Орынбор Ғылыми мұрағаттық комиссиясы (1887–1918 жж.). Алматы: «Арыс» баспасы. 2013. 320 б.
- Бабаходжаев, 1957** – Бабаходжаев А.Х. Провал Английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. Ташкент: Изд. АНУзбССР. 1957. 345 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области
- Горшенина, 1996** – Горшенина С.М. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. Ташкент. 1996. №3. С. 146-159.
- Горшенина, 2013** – Горшенина С.М. Туркомстарис–средазкомстарис–узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2013. №1. С. 52-68.
- Горшенина, 1997** – Горшенина С.М. Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана на Кастанье. – Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Париж, 07.03.1997). – svetlana.gorshenina.free.fr/castagne_rus.html.
- Домбровский, 2014** – Домбровский Ю. Кто же вы, Жозеф Кастанье // Домбровский Ю. Статьи, очерки, воспоминания. – Iib.ru/ PROZA/ DOMBROWSKI/... 12.12.2014.
- Домбровский, 1966** – Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. Москва: Советская Россия, 1966. 256 с.
- Есмағамбетов, 2008** – Есмағамбетов К. Тарих тандақтары. Екінші кітап. Алматы: Арыс. 2008. 426 б.
- Зевелев и др., 1986** – Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. Москва: Мысль. 1986. 225 с.
- Зобов, 2007** – Зобов Ю.С. Историк и исследователи Оренбургского края: историко – биографические очерки. Оренбург: Издательство ОГПУ. 2007. 428 с.
- Кастанье, 2007** – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 511 с.
- Кастанье, 1913** – Кастанье И.А. Из области киргизских верований // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа: Электрическая Типо-литография Т-ва Ф.Г.Соловьева и К., 1913. №5. С. 2; №6. С. 187.
- Кастанье, 1911** – Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. 28 таблиц, 77 рис. Оренбург: Типография Тургайского Областного Правления, 1911. 102 с.
- Кастанье, 1913** – Кастанье И.А. Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка». Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного Округа. 1913. 14 с.
- Кастанье, 1907** – Кастанье И.А. Отчет о раскопах шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 года. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург: паров. типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К», 1907. Вып. 19, том 19. 276 с.
- Кастанье, 1907** – Кастанье И.А. Развалины Болгасын и Челкарская степь. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург: паров. типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К», 1907. Вып. 19, том 19. 276 с.
- Кастанье, 1915** – Кастанье И.А. Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913–1914 гг. // Известия ТОРГО. Ташкент, 1915. Т. 11. Вып. 2. Часть 2. 90 с.
- Об архивной комиссии, 1914** – Об архивной комиссии. // Оренбургская газета. 1914. 13 февр. №3.
- ОПЗК, 1906** – Отчет и протоколы заседания Комиссии за 1904–1905 гг. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург. 1906. Вып. 16. 296 с.
- ОПЗ, 1911** – Отчет и протоколы заседания за 1909 г. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург: паров. типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К», 1911. Вып. 23. 329 с.
- ПЗК, 1907** – Протоколы заседания Комиссии за 1906 г. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург: паров. типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К», 1907. Вып. 19, том 19. 276 с.
- ПЗ, 1911** – Протоколы заседания за 1910 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: тип. Тургайск. областн. правл.. 1911. Вып. 25. 249 с.
- ПЗАК, 1916** – Протоколы заседания Архивной Комиссии за 1913 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: тип. Тургайск. областн. управл. 1916. Вып. 33. 163 с.
- ПЗСЧ, 1913** – Протоколы заседаний и сообщения членов ТКЛА. Ташкент: Типография Штаба Турк. воен. округа, 1913. год 17-ый (11 декабрь 1912 г. – 1 апрель 1913 г.). Вып. 1. 54 с.
- ПЗСЧ, 1913** – Протоколы заседаний и сообщения членов ТКЛА. Ташкент: Типография Штаба Турк. воен. округа, 1913. год 17-ый (1 апрель 1913 г. – 11 декабрь 1913 г.). Вып. 2. 93 с.
- ПЗСЧ, 1916** – Протоколы заседаний и сообщения членов ТКЛА. Ташкент: Типография при Канц. Турк. Ген. Губ., 1916 – Год 20-й (11 декабрь 1914 г. – 11 декабрь 1915 г.). – Вып. 2. 112с.
- СПУЗ, 1912** – Служебные перемены в учебных заведениях Оренбургского учебного округа за август 1912 года. // Вестник Оренбургского учебного Округа. Уфа: электрическая Типо-Литография Т-ва Ф.Г. Соловьева и Ко (ред. М.А. Миропиев). №6, 1912. 246 с.

- Castagne, 1922** – *Castagne J.* Le bolchevisme et l'islam // Revue du Monde musulmane. Paris, 1922. Vol. II. №1. P. 1-25.
- Clarke, 2005** – *Clarke D., Sala R., Deom J.M., Meseth E.* Reconstructing irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan, 800–1700 (Article) // Irrigation and Drainage. 2005. Volume 54, Issue 4, October. P. 375-388.
- Francfort, 1997** – *Francfort A.-P., Samashev Z.* Les Petrogluphs de Tamgaly // Bulletin of the Asia Institute USA. 1997. P. 167-207.
- Gorshenina, 1999** – *Gorshenina S.* Premiers pas des archeologues russes et francais dans le Turkestan russe 1870–1890: methodes de recherche et destin des collections // Cahiers du Monde Russe. 1999. 40 (3) juillet-septembre. P. 365-384.
- Panyushkina, 2013** – *Panyushkina I., Grigoriev F., Lange T., Alimbai N.* Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shater #3 Saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan (Article) // Radiocarbon. 2013. Volume 55, Issue 2-3, October. P. 1297-1303.
- Samashev, 1996** – *Samashev Z., Francfort A.-P., Sahev, Jetibaev J.* An Image in Myythic Clothes in Rock Arts of Ancient Kazakh Grasslands // Social Sciences in Xinjiang. 1996. № 1. P. 8-24.

References

- AKPKOG, 1902** – Adres-kalendar i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1902 god [The address calendar and the memorable book of the Orenburg province for 1902] Orenburg: Provincial Tipografija, 1902.
- Ahmetova, 2013** – *Ahmetova U.T.* Orynbor Gylymi muragattyk komissijasy (1887–1918) [Orenburg Scientific archival commission (1887–1918). Almaty: Arys. 2013.
- Babahodzhaev, 1957** – *Babahodzhaev A.H.* Proval Anglijskoj antisovetskoj politiki v Srednej Azii i na Srednem Vostoke v period priznanija Sovetskogo gosudarstva de-fakto i de-jure [The fail of the English anti-soviet policy in Central Asia and Central East in period of acceptancy of Soviet state de-facto and de-jure.]. Tashkent: ANUzbSS. 1957.
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The State Archives of Orenburg region of the Russian Federation].
- Gorshenina, 1996** – *Gorshenina S.M.* Strannyj arheolog Kastan'e [The strange archaeologist Castagné]. Zvezda Vostoka. Tashkent. 1996.
- Gorshenina, 2013** – *Gorshenina S.M.* Turkomstaris–sredazkomstaris–uzkomstaris: formirovanie institucij i jetnocentricheskij razdel kul'turnogo nasledija Srednej Azii [Turkomstaris-sredazkomstaris-uzkomstaris: formation of institutions and ethnocentric section of the cultural heritage of Central Asia]// *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2013. №1.
- Gorshenina, 1997** – *Gorshenina S.M.* Central'naja Azija v tvorcestve Zhozefa-Antua na Kastan'e. [Turkomstaris-sredazkomstaris-uzkomstaris: formation of institutions and ethnocentric section of the cultural heritage of Central Asia]. (Paris, 07.03.1997). – svetlana.gorshenina.free.fr/castagne_rus.html.
- Dombrovskij, 2014** – *Dombrovskij Ju.* Kto zhe vy, Zhozef Kastan'e // Dombrovskij Ju. Stat'i, ocherki, vospominanija. [Who are you, J. Castagne] – iib.ru/ PROZA/DOMBROVSKII/...kopija 12.12.2014.
- Dombrovskij, 1966** – *Dombrovskij Ju.O.* Hranitel' drevnostej [Keeper of Antiquities]. Moscow: Soviet Russia.
- Esmagambetov, 2005** – *Esmagambetov K., Isahan F.* Gajak kalasynda tuyp, kazak dalasyn kezgen francuz [Isakhan. The Frenchman from Gaillac who travelled in the Kazakh steppes]. Egemen Kazakstan. 2005.
- Esmagambetov, 2008** – *Esmagambetov K.* Tarih tandaktary. Ekinshi kitap. [Blots of History. Second book]. Almaty: Arys. 2008.
- Zevelev I dr., 1986** – *Zevelev A.I., Poljakov Ju.A., Shishkina L.V.* Basmachestvo: pravda istorii i vymysel fal'sifikatorov. [Basmachism: the truth of history and fiction of falsifiers]. Moskva: Mysl. 1986.
- Zobov, 2007** – *Zobov Ju.S.* Istoriki i isledovateli Orenburgskogo kraja: istoriko-biograficheskie ocherki. [Historians and researchers of Orenburg region: historical and biographical sketches]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU. 2007.
- Kastan'e, 2007** – *Kastan'e I.A.* Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraja. [Antiquities of the Kirghiz steppes and Orenburg region.]. Almaty: Dajk-Press. 2007.
- Kastan'e, 1913** – *Kastan'e I.A.* Iz oblasti kirgizskih verovanij [From field of beliefs of Kirgizs // Orenburg region herald.] Ufa: Jelektricheskaja Tipo-litografija T-va F.G. Solov'eva i K., 1913. №5. №6.
- Kastan'e, 1913** – *Kastan'e I.A.* Kul't zmej u razlichnyh narodov i sledy ego v Turkestane. [The serpent cult among various peoples and the traces of it in Turkestan.] // Protocols of Turkestan Circle of Archeology Enthusiasts. Tashkent: Typography of Turk. military district headquarters. 1913. Vyp. 1.
- Kastan'e, 1911** – *Kastan'e I.A.* Nadgrobnye sooruzhenija kirgizskih stepej. [Tombstone constructions of the Kirghiz steppes. 28 Tables, 77 Fig.]. Orenburg: typ. of Turgai regional adm., 1911.
- Kastan'e, 1913** – *Kastan'e I.A.* Otchet o poezdke v Shahrohiju i mestnost' «Kanka» [The report on the visit to Shohruhiya and the Kanka area.] Tashkent /dep.ott./: Typography of Turk. military district headquarters.

- Kastan'e, 1907** – *Kastan'e I.A.* Otchet o raskopah shesti kurganov v Aktjubinskom uezde letom 1906 goda. // *Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Orenburg: parov.tipo-lit. «T-va Karimov, Husainov i K», 1907. Vyp. 19, tom 19. 276 s.
- Kastan'e, 1907** – *Kastan'e I.A.* Razvaliny Bolgasyn i Chelkarskaja step'. [Bolgasyun ruins and Chelkar steppe] [Report on the excavations of six mounds in Aktyubinsk district in the summer of 1906.] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: steam Typ.-lit. of "the P-ship Karimov, Khusainov and Co", 1907.
- Kastan'e, 1915** – *Kastan'e I.A.* Sovremennyye uspeshi speleologii i moi speleologicheskie poezdki po Turkestanu 1913–14. [Recent advances of speleology and my speleological trip to Turkestan in 1913–14.] // *Izvestija TORGO*. Tashkent. 1915. T. 11. Vyp. 2.
- OAK, 1914** – Ob arhivnoj komissii. [On the Commission Archives]. // Orenburg newspaper. 1914. № 36.
- OPZK, 1906** – Otchet i protokoly zasedanii Komissii za 1904–1905 gg. [Report and Protocols of the Commission meetings for 1904–1905] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: steam Typ.-lit. of F.G. Karimov, 1906. Vol. 16.
- OPZ, 1911** – Otchet i protokoly zasedanii za 1909 g. [Report and protocols of the meetings for 1909] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: steam Typ.-lit. of "the P-ship Karimov, Khusainov and Co", 1911.
- PZK, 1907** – Protokoly zasedanii Komissii za 1906 g. [Protocols of the Commission meetings for 1906] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: steam Typ.-lit. of "the P-ship Karimov, Khusainov and Co" 1907. Vyp. 19, T. 19.
- TOUAK, 1911** – Protokoly zasedanii za 1910 g. [Protocols of the meetings for 1910.] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: typ. of Turgai regional adm. 1911. Vyp. 25.
- PZAK, 1916** – Protokoly zasedanii Arhivnoj Komissii za 1913 g. [Report and protocols of the meetings for 1909] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Orenburg: steam Typ.-lit. of "the P-ship Karimov, Khusainov and Co", 1911.
- PZSC, 1913** – Protokoly zasedanij i soobshhenija chlenov TKLA. [Protocols of the meetings and messages of the TCAE members. Tashkent: Typography of Turk. military district headquarters], 1913–1917th Year (11 December 1912 – 1 April 1913.).
- PZSC, 1913** – Protokoly zasedanii i soobshhenij chlenov TKLA. [Protocols of the meetings and messages of the TCAE members]. Tashkent: Typography of Turk. military district headquarters, 1913–1917th Year (1 April 1913 – 11 December 1913).
- PZSC, 1915** – Protokoly zasedanij i soobshhenija chlenov TKLA. [Protocols of the meetings and messages of the TCAE members]. Tashkent: Typ. at the Office of Turk. Gov.-Gen., 1916–1920th Year (11 December 1914 – 11 December 1915). Vol. 2.
- SPUZOUO, 1912** – Sluzhebnye peremeny v uchebnyh zavedenijah Orenburgskogo uchebnogo okruga za avgust 1912 goda. [Service changes in educational establishments of Orenburg region for August 1912.] // Orenburg region herald. – Ufa: Elictric Typo-Lytography of F.G. Solovyev and Co creation (ed. M.A. Miropiyev).
- Castagne, 1922** – *Castagne J.* Le bolchevisme et l'islam // *Revue du Monde musulmane*. Paris, 1922. Vol. II. №1. P. 1-25.
- Castagne, 1922** – *Castagne J.* Les organizations sovietiques de la Russie musulmane // *Idem*. 1922. Vol. 50-51.
- Castagne, 1922** – *Castagne J.* Les Turkestan depuis la Revolution Russe (1917–1921) // 1922. I bid. Vol. I. P. 27-81.
- Clarke, 2005** – *Clarke D., Sala R., Deom J.M., Meseth E.* Reconstructing irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan, 800–1700 [Reconstructing irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan, 800–1700]. *Irrigation and Drainage*. 2005. Volume 54, Issue 4.
- Francfort, 1997** – *Francfort A.-P., Samashev Z. et al.* Les Petrogluphs de Tamgaly. *Bulleten of the Asia Institute USA*. 1997. P. 167-207.
- Gorshenina, 1999** – *Gorshenina S.* Premiers pas des archeologues russes et francais dans le Turkestan russe 1870–1890: methodes de recherche et destin des collections. *Cahiers du Monde Russe*. 1999. 40 (3) juillet-septembre. P. 365-384.
- Panyushkina, 2013** – *Panyushkina I., Grigoriev F., Lange T., Alimbai N.* Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shater #3 Saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan (Article). *Radiocarbon*. 2013. Volume 55, Issue 2-3, October. P. 1297-1303.
- Samashev, 1996** – *Samashev Z., Francfort A.-P., Sahev, Jetibaev J.* An Image in Myythic Clothes in Rock Arts of Ancient Kazakh Grasslands. *Social Siences in Xinjiang*. 1996. № 1. P. 8-24.

УДК 94(574) "17/19":32.019.5

Историко-этнографическое исследование Казахстана зарубежными учеными XIX–XX вв. (на примере научных исследований француза Ж.А. Кастанье)

Улжан Ахметова ^{a,*}, Абилсейт Муктар ^b, Аягуз Нурманова ^c

^a Научный исследовательский центр Атырауского института нефти и газа, Казахстан

^b Атырауский институт нефти и газа, Казахстан

^c Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В статье изложены научные исследования истории, археологии, этнографии казахов в конце XIX – начале XX веков французским ученым Жозефом Антуаном Кастанье, который более 20 лет работал в России, был активным членом Оренбургской Ученой архивной комиссии, Туркестанского кружка любителей археологии и Русского Императорского географического общества в городах Оренбурге и Туркестане. В дооктябрьский период члены научных обществ и организаций Российской империи проводили комплексные научно-исследовательские работы на территории Казахстана. Остановимся на одной из них. Французский ученый Жозеф Антуан Кастанье собрал много сведений об археологии, этнографии, истории конца XIX – начала XX веков. Благодаря работам французского ученого Жозефа Антуана Кастанье в конце XIX и начале XX веков мировая историческая наука знала о древних реликвиях и памятниках казахского народа.

Ключевые слова: История Республики Казахстан, XIX – начало XX веков, Российские научные организации и общества, французский ученый, Оренбург, Туркестан, научные исследования.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulzhan.axmetova.67@mail.ru (У. Ахметова), muktar64@mail.ru (А. Муктар), aiaguz.nur90@mail.ru (А. Нурманова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1315-1320, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 371.83/.84(430) «20»+94(430) «20»

The Military Training of Students in Germany in the Early XX century

Sergei I. Belentsov ^{a, *}, Anastasia V. Fakhruddinova ^b, Alesia A. Kuznetsova ^c

^a Southwest State University, Russian Federation

^b Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

^c Kursk State Medical University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the research problem is the recognition of the military-patriotic education of the younger generation a priority for the public authorities in an uncertain international situation. The purpose of the article is a study of the German paramilitary youth associations and organizations of the early XX centuries, their role and place in the military-patriotic education of students.

Leading approaches is a systematic, historical and cultural, allowed to identify the essential characteristics, laws and principles of military training school in Germany the period under review, its main types, justify the theoretical conclusion of the feasibility of this work. Military-patriotic education of schoolchildren were targeted, systematic, multi-faceted and well-coordinated work of the German government and associations in Germany. Two main types of military-patriotic education allocated. The first kind was realized in the youth organization «Young Germany» and was based on activities such as military exercises, physical exercises, excursions. The second is the youth organization «Union of German pathfinders», characterized by a peaceful rhetoric. The main task is the confrontation radical anti-government sentiments among students and was more calm, peaceful character. The article useful to teachers, organizers of educational work with young students to explore the historical experiences of involving students in a positive civic activities.

Keywords: the military-patriotic education, children's and youth associations, Germany, early XX century.

1. Введение

Проблема военно-патриотического воспитания подрастающего поколения актуализируется в период нестабильности международных отношений, произвольного роста агрессии, непонимания между государственными лидерами и целыми народами.

Направление настроений учащейся молодежи в русло формирования любви к Родине, преданности и уважения к власти, придание молодежной деятельности характера мирной работы на благо Отечества – эти и другие задачи постоянно стоят перед государством, педагогами, родительской общественностью, осуществляющими воспитательную деятельность.

В связи с этим обращение к историческому опыту военно-патриотической подготовки учащейся молодежи в Германии начала XX века, несомненно, послужит положительным примером вовлечения юношества в созидательную работу для процветания своей родины.

2. Материалы и методы

Методологическую базу составили системный, исторический и культурологический подходы, позволившие выявить существенные характеристики, закономерности и принципы военной

* Corresponding author

E-mail addresses: si_bel@mail.ru (S.I. Belentsov), avfach@mail.ru (A.V. Fakhruddinova), kuznetsova.a80@mail.ru (A.A. Kuznetsova)

подготовки школьников в Германии рассматриваемого периода, её основные виды, а также обосновать теоретическое заключение о целесообразности данной работы.

В основу положены принципы системности, историзма, которые помогли авторам осуществить анализ деятельности военных молодежных организаций в Германии в начале XX века. Особую роль сыграли проблемно-хронологический и сравнительный методы, использованные для классификации, сопоставления, характеристики различных молодежных объединений в Германии исследуемого периода.

Осуществлялось выделение причинно-следственных связей, единства теории и практики в рамках современных подходов к исследованию историко-педагогических явлений.

В работе используется описательный метод военизированных юношеских организаций германской молодежи в начале XX века, ретроспективный анализ педагогического опыта работы с подрастающим поколением.

Отказ от идеологической составляющей исторических материалов, вышедших после революции 1917 г., позволяет пересмотреть итоги исследователей по данной проблеме. Оригинальность работы заключается в том, что, принимая во внимание плюрализм различных аспектов, впервые предпринята попытка охарактеризовать вопросы военно-патриотической подготовки юношества в Германии в начале XX века с позиции объективности.

Реализуемый нами подход отражает единство основных направлений принципа историзма в историко-педагогической науке.

3. Обсуждение

Историография статьи включает дореволюционный период, к которому относятся труды В. Динзе, Ал. Пиленко, И. Кулешова (Динзе, 1909, Пиленко, 1906, Кулешов, 1916).

В советской историографии проблема военно-патриотического воспитания школьников, в том числе в Германии, в исследуемый период описывалась с идеологическим подтекстом (Н. Бруно, Д. Васильев, С.А. Дианин, В. Мирошевский, Ф. Рейнгард, Г. Гопф) (Бруно, 1924, Васильев, 1921, Дианин, 1926, Мирошевский, 1924, Рейнгард, Гопф, 1928).

Значительную ценность приобретают работы о германских молодежных организациях С.А. Левитина, Р. Шиллера, Ф. Shlyunts, В. Мюнцерберга, В. Шиллера, 1924 (Левитин, 1916, Шиллер, 1918, Shlyunts, 1917, Мюнцерберг, Шиллер, 1924).

4. Результаты

Усиление интереса к военной подготовке школьников в Германии связывается с 1905 годом, когда в стране наблюдался «бум» социально-демократической пропаганды среди молодежи. В результате правительство решило активизировать работу с учащейся молодежью в целях формирования патриотического духа и настроений, выстраивая воспитательную работу в соответствии с основными правилами привития любви и преданности Родине и престолу (Записка, 1908: 12).

Ее возглавили руководители военного ведомства и высший генералитет. Основные задачи сводились главным образом к допризывной подготовке и обучению военному делу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Ч. 13. Д. 1800).

Между тем, в историко-педагогической литературе давалась несколько экспрессивная информация о ее целях. Так, В. Мирошевский считал, что «...базой данной подготовки был только милитаризм. Для того, чтобы создать хороших солдат, недостаточно обучить будущих рекрутов только воинскому делу, им нужно еще привить любовь к **войне** (выделено нами. – Авт.). Молодежь стали одурманивать воинственно-патриотической романтикой, оглушать бряцанием оружия, внушать ей дух казарменной дисциплины («священной дисциплины»), прививать «жгучую ненависть к врагам внешним и внутренним» (Мирошевский, 1924: 86). Полагаем, подобная трактовка целей и задач военного воспитания в Германии связывалась, в первую очередь, со временем исследования данным автором этой проблематики (1924 г.), то есть периодом заидеологизованности советского общества.

Определяющим стало 13 ноября 1911 года, когда во время совещания высших офицеров немецкого генерального штаба, по инициативе генерал-фельдмаршала фон-дер-Гольца, было решено создать юношескую военную организацию «Молодая Германия». «Никакие упражнения, никакие игры, – писал фон-дер-Гольц, – не обладают такой притягательной силой, как воинские, особенно тогда, когда ими руководят офицеры в форме» (Цитируем по В. Мирошевскому) (Мирошевский, 1924: 87).

С самого начала своей деятельности союз щедро финансировался германским правительством. Его задачами стали физическое развитие учащихся, а также «укрепление национальной мощи и тем самым вооруженных сил». В программу мероприятий были включены многочисленные прогулки, экскурсии, а также физические, а главное, военные занятия. Ф. Рейнгард и Г. Гопфе считали, что вопросы физического воспитания были внесены сознательно, чтобы привлечь в свои ряды большее количество школьников. Спорт и экскурсии были нужны организаторам «Молодой Германии» не только как средство физического развития молодежи, но и

как «приманка» для тех юношей, которые бы иначе вступили в другие союзы и организации, в основе деятельности которых были эти же методы воспитания (Рейнгард, Гопфе, 1928: 24).

Организационная структура «Молодой Германии» отличалась достаточно жестким централизмом. Повсеместно офицеры германской армии возглавили региональные подразделения (так называемые группы союза). Тем самым можно судить о всей серьезности правительства в осуществлении военного воспитания подрастающего поколения.

К 1913 году, по данным В. Мирошевского, союз насчитывал порядка полумиллиона человек (Мирошевский, 1924: 88). Полагаем, это несколько преувеличенная цифра, но вместе с тем, по ней можно судить о тотальной вовлеченности школьников в военно-патриотическую деятельность в рассматриваемый период.

Первая мировая война неблагоприятно отразилась на деятельности «Молодой Германии». Большинство ее участников отправились в составе немецкой армии на фронт. В отдельных регионах правительство поручило руководителям местных ячеек проводить допризывную подготовку учащейся молодежи, установленную законодательным путем (Shlyunts, 1917: 26).

Военная риторика пронизывала всю деятельность данной организации. Исследователи отмечали воинствующий характер идеологии движения в связи с началом Первой мировой войны, свидетельствующий о некоем перехлесте в увлечении милитаристскими настроениями: «И для нас когда-нибудь наступит радостный и великий час, о котором в настоящее время мы можем мечтать втихомолку. Тоска по войне зачастую превращается в пустое бахвальство и смешное бряцание оружием. Но в сокровенной глубине немецкого сердца живут подлинная любовь к войне и подлинная тоска по ней. Ибо у нас достаточно врагов, а победа достается лишь тому народу, который идет на войну с радостью и ликованием...» (Shlyunts, 1917: 27).

Таким образом, сама жизнь диктовала реализацию излишне воинствующего характера в деятельности «Молодой Германии».

Война сыграла решающее значение в продолжении деятельности союза. К 1918–1919 гг. организация практически распалась, многие региональные отделения перестали существовать. В связи с произошедшими в стране событиями «Молодая Германия» превратилась из полуправительственной организации в обычный спортивный союз (Мирошевский, 1924: 89).

5 сентября 1920 года центральный комитет «Молодой Германии» выдвинул предложение о ликвидации, однако конференция в Постдаме данную инициативу отвергла. На помощь союзу пришли различные националистические круги, предоставившие ему финансовую помощь и идейную поддержку. Его руководителем стал крайний националист Вулленвебер. Появился свой печатный орган «Jungdeutschlandpost» («Младогерманская почта») (Enge, 1916: 10).

С течением времени деятельность данной организации все больше приобретала фашистскую окраску.

Более миролюбивые цели преследовало другое детское движение «Германский союз следопытов», созданное в Берлине в 1909 г. консулом Башвицом, военным врачом Лионом и майором Байером. К новой организации вскоре примкнул и ряд экскурсионных кружков из различных регионов страны (Васильев, 1921: 14). В основу работы с молодежью была положена система «скаутизма».

Скаутизм имел своей целью формирование патриотических чувств и настроений среди учащейся молодежи, преданности Отечеству (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. 1907. Д. 37). Различные виды деятельности, будь то игры и спортивные упражнения, экскурсии и различные праздники, «барабанный бой, под который они маршировали», «пестрые знамена, которые развевались над ними», – все это представлялось детям особенно из простых слоев населения «чем-то сказочно малящим и прекрасным». Итогом подобной, постепенной, естественной воспитательной работы, несомненно, становилось развитие гражданских качеств подрастающего поколения: любви к Родине, уважения к старшим, стойкости духа, мужества и проч.

«Ежедневно и ежечасно во время бесед у костра, во время игр детям «внушали» пламенную ненависть ко всему, что против церкви, государства и господствующих классов. Скаутизм – это планомерное, постепенное формирование детской души. Скаутизм формировал настоящих патриотов своей Родины» – именно такими словами характеризовалась значимость для подрастающего поколения данной детской организации (Enge, 1916: 14).

Майор Байер, один из основателей союза, следующим образом обосновывал необходимость его создания: «Поскольку другие народы организуют в массовом масштабе свою молодежь и тем самым грозят создать ее перевес над нашим подрастающим поколением, постольку и мы должны принять соответствующие контрмеры, чтобы не оказаться в хвосте народов...» (Рейнгард, Гопфе, 1928: 15).

Несомненно, Германский союз следопытов был создан с целью профилактики радикальных, антиправительственных настроений среди школьников, в отличие от Молодой Германии, где главенствовала борьба с внешними врагами. «Их (скаутов) лагерная жизнь чужда всякой казарменной муштры. Из двух крупнейших «милитарных» организаций молодежи – «Молодой Германии» и «Германского союза следопытов» – первая культивирует в себе романтику «казармы», вторая – романтику «полевого лагеря», первая привлекает к себе молодежь очарованием военных мундиров и звоном оружия, вторая – тихими беседами у костра и чарами полевой жизни... И все-таки

обе организации идут к общей цели, делают общее дело...» – справедливо замечал В. Энгельгардт (Enge, 1916: 18).

Чрезвычайно любопытна организационная структура немецких следопытов. Во главе – Верховный полевой мастер. Союз делился на четыре составляющие: в северной, южной, западной и восточной частях Германии, – их возглавляли Союзные полевые мастера. Региональные группы состояли из собственно «следопытской группы» и кружка «сочувствующих взрослых», поддерживавших следопытов материально и духовно. Следопыты не являлись членами союза и не имели права решать вопросы организации, этим правом пользовались только «сочувствующие взрослые».

Исследователи свидетельствовали, что у следопытов была специальная форма одежды: оливково-зеленая рубашка с пристегивающимися кармашками, коричневые панталоны (до колен), стянутые кожаным кушаком, черные опорки с зелеными полосками, пестрый шейный платок и широкополая парусиновая шляпа (Рейнгард, Гопфе, 1928: 36).

К началу войны союз охватывал 375 региональных групп с 90 тыс. следопытов (в возрасте от 13 до 17 лет) и 2 тыс. взрослых руководителей.

Во время Первой мировой войны около 25 тыс. учащихся и соответственно около 2 тыс. взрослых ушли на фронт, где им была поручена, в основном, связь и разведка (Мирошевский, 1924: 95).

Война, конечно, ослабила, деятельность союза, вместе с тем, ему удалось «выжить» и продолжить свою деятельность.

К концу рассматриваемого периода усиливалась милитаристская составляющая в работе с подрастающим поколением. Создавались новые организации, ставившие своей целью исключительно наращивание агрессии в действиях учащейся молодежи. К таковым следует отнести, в первую очередь, «Младо-Германский Орден».

Его название было заимствовано у средневекового союза. Охватывал он в основном области Гессен, Тюрингию, Нижнюю Саксонию и Рейнланд. Основные задачи сводились к монархическим, националистическим и антисемитским.

Цели данного движения становятся ясными из содержания одной из листовок, выпущенной его участниками: «Чего добивается Младо-Германский Орден? Его главная задача – восстановление родины. Поэтому он отбрасывает партийную, классовую, сословную рознь. Родина – превыше партий. В младо-германской идее он видит единственную основу для спасения нашего отечества от грозящей ему гибели» (Левитин, 1916: 42).

Организационно жизнь союза зиждилась на трех «китах»: централизация, милитаризация, конспирация. При вступлении в орден новички давали клятву, обязывавшую их к непосредственному повиновению и молчанию. Орден был создан по подобию военной организации и разбит на группы, соответствовавшие армейским подразделениям: роты, батальоны, полки и т.д. Его возглавлял так называемый «великий мастер», пользовавшийся правами самодержца. Общая численность членов данной организации составляла примерно 80 тыс. человек, преимущественно, это были школьники и студенты (Левитин, 1916: 57).

Систематически проводились воинские занятия с применением различных видов оружия. С.А. Левитин полагал, что оно находилось у представителей организации нелегально (Левитин, 1916: 58).

Н. Бруно указывал на деятельность еще нескольких, но не таких многочисленных организаций, которые занимались военно-патриотическим воспитанием школьников (Бруно, 1924: 7).

К таковым относились:

«Шарнгорстбунд» – юношеская группа при нелегальной военной организации «Стальной шлем». Она объединяла молодежь в возрасте 14–18 лет. Организация была достаточно серьезно централизована. Во главе каждой ячейки стоял офицер, член «Стального шлема». В группе была установлена, по мнению Н. Бруно, казарменная дисциплина (Бруно, 1924: 8). Точное число членов неизвестно.

«Хельмут-фон-Мюкебунд» – организация, осуществлявшая допризывную подготовку молодежи. Работала под флагом аполитичности. Руководителями являлись бывшие офицеры-монархисты. Общее количество участников – около 3 тыс. человек.

«Орлы и соколы» – спортивно-экскурсионная организация, которую поддерживали также военные. Число членов организации – около 4 тысяч (Бруно, 1924: 16-17).

5. Заключение

Осмысление социально-педагогического, культурно-исторического материала подводит нас к заключению, что военно-патриотическое воспитание школьников в Германии являлось целенаправленной, систематической, многоплановой и грамотно скоординированной деятельностью германского правительства и общественных объединений по формированию патриотического сознания учащейся молодежи, возвышенного чувства верности к Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга.

Целью военной подготовки подрастающего поколения было формирование гражданственности, патриотизма как главных социальных и духовно-нравственных ценностей, развитие умений и готовности к их активной реализации в различных сферах жизни общества, особенно в процессе военной и других, связанных с ней, видов государственной деятельности, дисциплинированности и ответственности.

Выделялись два основных вида военно-патриотического воспитания. Первый из них характеризовался допризывной подготовкой и обучением военному делу. Он реализовывался преимущественно в юношеской организации «Молодая Германия» и основывался на военных занятиях, физических упражнениях, экскурсиях. Отмечался воинствующий характер данного движения.

Второй подход осуществлялся в «Германском союзе следопытов», характеризовавшимся более миролюбивой риторикой. Основной задачей являлось, в целом, противостояние радикальным, антиправительственным настроениям среди школьников. Основными формами работы были походы, экскурсии, игры, беседы.

Организаторы воспитания считали, что, только сформировав патриота Германии с присущими ему ценностями, взглядами, ориентациями, мотивами деятельности и поведения, можно рассчитывать на успешное решение задач защиты Отечества, быть готовым к военной и другим видам службы.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-06-00166).

Примечания

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Бруно, 1924 – Бруно Н. Красный «Юнгфронт» и к чему обязывает его форма. Л., 1928. 40 с.

Васильев, 1921 – Васильев Д. История международного юношеского движения. Владимир, 1921.

Дианин, 1926 – Дианин С.А. Революционная молодежь в Петербурге. 1897–1917 (Исторический очерк). Л., 1926. 248 с.

Динзе, 1909 – Динзе В. Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909. 70 с.

Записка, 1908 – Записка, составленная по поручению Министра Народного Просвещения Членом Совета Министра Народного Просвещения Тайным Советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных заведениях Министерства Народного Просвещения. СПб.: Без изд., 1908 с. 29 с.

Кулешов, 1916 – Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х гг. по октябрь 1917 гг.). Л., 1931. 135 с.

Левитин, 1916 – Левитин С.А. Милитаризация юношества Германии и других странах Европы. М., 1916. 156 с.

Мирошевский, 1924 – Мирошевский В. Буржуазные юношеские организации в Германии. М., 1924. 110 с.

Мюнцерберг, Шиллер, 1924 – Мюнцерберг В., Шиллер В. История юношеского движения на Западе. М., 1924. 120 с.

Пиленко, 1906 – Забастовки в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. Составил Ал. Пиленко. СПб., 1906. 218 с.

Рейнгард, Гопфе, 1928 – Рейнгард Ф., Гопфе Г. История пролетарского юношеского движения Германии. М. Л., 1928. 130 с.

Шиллер, 1918 – Шиллер Р. Рабочая молодежь Западе после войны. М., 1918.

Enge, 1916 – Enge V. Die deutsche Jugendbewegung. Berlin, 1916.

Shlyunts, 1917 – Shlyunts F. Die deutsche Jugendpflegeverbände. Berlin, 1917.

References

SARF – The state archive of the Russian Federation.

RSHA – The Russian State Historical Archives.

Bruno, 1924 – Bruno N. Red «Yungfront» and what obliges him to form. L., 1928. 40 p.

Vasiliev, 1921 – Vasiliev D. The history of the international youth movement. Vladimir, 1921.

Dianin, 1926 – Dianin S.A. Revolutionary youth in St. Petersburg. 1897–1917. L., 1926. 248 p.

Dinze, 1909 – Dinze V. Essays on the History movement. SPb., 1909. 70 p.

Enge, 1916 – Enge V. Die deutsche Jugendbewegung. Berlin. 1916.

Note, 1908 – Note, compiled on behalf of the Minister of Education, Member of the Council of Minister of Education Privy Counsellor Speshkovym of different organizations and among the students who teach in different educational institutions of the Ministry of National Education. SPb., 1908. 29 p.

Pylenko, 1906 – Strikes in the middle of St. Petersburg schools. Compiled by Al. Pylenko. SPb., 1906. 218 p.

- [Kuleshov, 1916](#) – *Kuleshov I.* From the history of the movement among secondary school students (from 90th October 1917). L., 1931. 135 p.
- [Levitin, 1916](#) – *Levitin S.A.* The militarization of youth in Germany and other European countries. M., 1916. 156 p.
- [Miroshchevsky, 1924](#) – *Miroshchevsky B.* Bourgeois youth organizations in Germany. M. 1924. 110 p.
- [Myuntserberg, Schiller, 1924](#) – *Myuntserberg V., Schiller V.* The history of the youth movement in the West. M., 1924. 120 p.
- [Reinhard, Hopf, 1928](#) – *Reinhard F. and G. Hopf* The history of the proletarian youth movement in Germany. ML, 1928. 130 p.
- [Shlyunts, 1917](#) – *Shlyunts F.* Die deutsche Jugendpflegeverbände. Berlin, 1917.
- [Schiller, 1918](#) – *Schiller R.* Young workers of the West after the war. M., 1918.

УДК 371.83/.84(430) «20»+94(430) «20»

Военная подготовка школьников в Германии в начале XX века

Сергей Иванович Беленцов ^{a, *}, Анастасия Викторовна Фахрутдинова ^b, Алеся Анатольевна Кузнецова ^c

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

^b Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Российская Федерация

^c Курский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена признанием военно-патриотического воспитания подрастающего поколения приоритетным направлением деятельности государства в условиях нестабильного международного положения. Цель статьи заключается в исследовании германских военизированных молодежных объединений и организаций начала XX века. Ведущими подходами к характеристике данной проблемы являются системный, исторический и культурологический, позволившие выявить сущностные характеристики, закономерности и принципы военной подготовки школьников в Германии рассматриваемого периода, её основные виды, обосновать теоретическое заключение о целесообразности данной работы. Осмысление социально-педагогического, культурно-исторического опыта свидетельствует, что военно-патриотическое воспитание школьников в Германии являлось целенаправленной, систематической, многоплановой и грамотно скоординированной деятельностью германского правительства и общественных объединений. Выделялись два основных вида военно-патриотического воспитания. Первый реализовался преимущественно в юношеской организации «Молодая Германия» и основывался на таких видах деятельности, как: военные занятия, физические упражнения, экскурсии. Второй – в молодежной организации «Германский союз следопытов», характеризовавшейся более миролюбивой риторикой. Его основной задачей являлось, в целом, противостояние радикальным, антиправительственным настроениям среди школьников. Материалы статьи могут быть полезными педагогическим работникам, организаторам воспитательной работы с учащейся молодежью для знакомства с историческим опытом вовлечения школьников в позитивную гражданскую деятельность.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, детские и молодежные объединения, Германия, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: si_bel@mail.ru (С.И. Беленцов),
avfach@mail.ru (А.В. Фахрутдинова), kuznetsova.a80@mail.ru (А.А. Кузнецова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 42, Is. 4, pp. 1321-1327, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

The Revolutionary Terrorism of Socialist – Revolutionaries: Tactics, Organizations and Practice

Andrew V. Mankov ^{a, *}, Elena K. Mineeva ^b, Aleksey I. Mineev ^c, Leonid A. Shaypak ^d

^a Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russian Federation

^b Chuvash State University named after IN Ulyanov, Russian Federation

^c Ltd «Soft Leader-innovation center», Russian Federation

^d Ulyanovsk State Pedagogical University. IN Ulyanov, Russian Federation

Abstract

Subject articles – terrorism, were widely spread in the history of the beginning of XX century in Russia. Its authors point out that, despite their own subjects terrorist activities numerous anarchist organizations, to the calls of the Bolsheviks, not caught up in the side of the terrorist methods of confrontation with the authorities, the main force, to actively use the methods of political violence during the study period, was the Socialist-Revolutionary Party.

The article analyzes the terrorist activities, offers a new perspective on the genesis of the terrorist tactics on the periodization of the revolutionary Socialist-Revolutionaries terrorism. In addition, nominated by the party and the distinctive features of the populist tactics of terror, given the facts of the practice of militant organization of the Socialist-Revolutionaries, its regional and local terrorist organizations. The authors conclude that terror in the revolutionary movement in the country's first decade of the XX century acquired a dominant, and then self-destructive value, as well as calling for the extraction of lessons of the past, since terrorism as a socio-political malaise has deep roots in the country's history, and its treatment is a whicker-successfully, if know not only the history of terrorism in Russia in all its forms, but also the experience of counteraction to it by the state and society.

Keywords: terrorism, revolutionary terrorism, party of Socialist Revolutionaries (SRs), tactics of revolutionary terrorism, subjects of revolutionary terrorism, terrorist organizations, SR Combat Organization, fighting squads, flying squads.

1. Введение

Одним из устойчивых признаков жизни российского общества начала XXI в. стал терроризм. В России первыми к террористической стратегии обратились оппозиционные организации второй половины XIX в., для которых терроризм был одним из средств достижения главной цели – переустройства общества на новых, по их мнению, справедливых политических и социально-экономических принципах. Как показал дальнейший исторический опыт, терроризм для определенной части оппозиционеров прошлого во многом отождествлялся с социальной революцией, что дало возможность определить указанное явление как революционный терроризм (Будницкий, 2000: 3-10; Гейфман, 1997: 3).

Своего пика терроризм в России достиг в первые годы XX в., когда он становится характерным явлением для ряда партий, в первую очередь, социалистических, стоявших на позициях неонародничества. Среди них были: общероссийская партия социалистов-революционеров (эсеров), Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) и Революционная украинская партия, армянские партии «Дашнакцутюн» и «Гнчак» (Жуков, 1989: 139). Реальный масштаб терроризма в

* Corresponding author

E-mail addresses: 63donetsk@mail.ru (A.V. Mankov), mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), minalig@inbox.ru (A.I. Mineev), shaypak@rambler.ru (L.A. Shaypak)

Российской империи того времени поистине впечатляет. Только за период революции 1905–1907 гг., по подсчетам А. Гейфман, жертвами террористических актов стали около 17 тыс. чел. (Гейфман, 1997: 31-32). Ареной «террористической войны» являлась практически вся территория огромной страны – от Польши и Прибалтики до Поволжья и Сибири.

2. Материалы и методы

Изучение терроризма эсеров осуществлялось путем комплексного использования различных источников и специальной литературы. Впервые по теме исследования в научный оборот введены данные регионального архивного хранилища страны – Государственного архива Ульяновской области (ГАУО).

Методологическая основа статьи базируется на общефилософском подходе к познанию объективной реальности в совокупности идей, относящихся к диалектическому пониманию истории. Главным общенаучным методом исследования является диалектический, включающий принципы историзма, объективности и детерминизма, которые получили свою конкретизацию в последовательном и детальном анализе исторических событий, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Террористическая тактика эсеров рассмотрена в статье в процессе развития, начиная с зарождения и возникновения, завершая ее распадом. Из многообразия методов исторической науки были использованы методы исторического анализа, сравнительный и статистический.

3. Обсуждение

В исторической науке интерес к исследуемой теме в последнее время существенно возрос. Начало этому процессу было положено в работах К.В. Гусева (Гусев, 1975: 52-55). ПСР и эсерам-максималистам посвящены труды Д.Б. Павлова (Павлов, 1989: 144-151). История Боевой организации эсеров (БО ПСР) является предметом работы Р.А. Городницкого (Городницкий, 1998: 3-5). В монографии О.В. Будницкого исследованы идеология и психология российского революционного терроризма (Будницкий, 2000: 14). Терроризм эсеров в конце XIX – начале XX в. рассмотрен в работах А. Гейфман (Гейфман, 1997); в 1907–1914 гг. проанализирован К.Н. Морозовым (Морозов, 1998: 327-370). Генезис тактики революционного терроризма эсеров изучается А.В. Маньковым (Маньков, 2012: 65-66). Особо следует выделить работы М.И. Леонова, исследовавшего террористическую практику эсеров в период революции 1905–1907 гг. (Леонов, 1992: 22-24; Леонов, 1997: 125-136). Затрагиваются вопросы террора и в современной литературе, касающейся политических партий в России начала XX в. (Галдобина и др., 2015; Gutorova, 2014; Medushevskii, 2014).

Несмотря на интерес исследователей к проблеме, революционный терроризм эсеров остается недостаточно изученным. В то же время, террористическая тематика проводимых исторических исследований имеет в настоящее время и значительную практическую направленность. Террористические акты продолжают оставаться составной частью современной российской действительности. Любое государство, столкнувшееся с проблемой терроризма, заинтересовано в эффективном противоборстве с ним. В связи с этим, террорологическая проблематика последнего времени придает дополнительный импульс научному осмыслению феномена революционного терроризма в России.

4. Результаты

В революционном движении термин «эсеры» используется с начала 1890-х гг. (Ерофеев, 1993: 26). Становление партии социалистов-революционеров произошло в результате объединения нескольких российских и эмигрантских групп и кружков (Маньков, 2007: 83-87), являвшихся идейно родственными, но достаточно разнообразными в организационном и тактическом аспектах. Некоторые из них оставались верными народническим террористическим традициям, вторые – возлагали надежду на формирование массовой партии «революционного социализма» и смотрели на террор лишь как на вспомогательное средство борьбы, третьи – были готовы отказаться от него.

Первые группы эсеров появились еще в 1890-е гг. Рабочая партия политического освобождения России (РППОР) образовалась при непосредственном участии ярого пропагандиста террора Г.А. Гершуни, который уже через пару лет после этого стоял у истоков рождения Боевой организации партии эсеров. Большая роль в деле образования РППОР принадлежит Е.К. Брешко-Брешковской, вернувшейся в 1896 г. из сибирской ссылки. Она тоже была хорошо известна властям как сторонница самых радикальных методов политической борьбы (Гусев, 1992: 11). В 1900 г. организация выпустила в свет брошюру под названием «Свобода», которая имела программное значение. Ее авторы утверждали, что только систематический террор принесет России политическое освобождение.

Активно шел процесс объединения бывших народнических элементов в Поволжье, где в 1896 г. в Саратове образовался «Союз социалистов-революционеров» во главе с А.А. Аргуновым. В 1897 г. Союз перебрался в Москву, где в течение 2-х лет налаживал партийную работу и организовывал иногородние и заграничные связи (Городницкий, 1998: 27). В 1900 г. программный документ Союза был отпечатан за границей под названием «Наши задачи». Систематический террор против

«наиболее вредных и влиятельных» правительственных лиц признавался в нем составной частью тактики будущей революционной партии (Маньков, 2007: 85). «Манифест партии социалистов-революционеров», относящийся к январю 1901 г., гласит, что тайная организация может взять на себя решение наиболее назревших задач современности, «заменив... недостаток численной силы – энергией действия». Эта энергия и должна, по мнению партии, проявить себя в терроре.

Террористическая тема обсуждалась и в эсеровской эмиграции. В Европе в этот период действовало несколько организаций. «Фонд вольной русской прессы», например, основу которого составляли бывшие народники Е.Е. Лазарев, Ф.В. Волховский, Л.Э. Шишко, Н.В. Чайковский, также пропагандировала терроризм.

Таким образом, самодержавие разгромило только верхушку народнического айсберга. Это привело к тому, что самой партии эсеров еще не существовало, а в первых документах организаций, впоследствии вошедших в нее, уже было дано обоснование одного из ведущих элементов ее будущей тактики – революционного терроризма.

Новый период в развитии тактики революционного терроризма эсеров открывается осенью 1901 г. В сентябре начинает создаваться особая «инициативная группа», ставившая своей целью борьбу с самодержавием путем совершения террористических актов (Городницкий, 1998: 28-29), во главе которой встал Г.А. Гершуни – один из основателей партии. Позже указанная группа получила наименование Боевой организации (БО ПСР), главной задачей которой определялось совершение террористических актов так называемого «центрального значения» («центральный террор»), т.е. направленных против наиболее значительных политических фигур, чье убийство могло иметь общественный резонанс. Первоначально БО состояла из Г.А. Гершуни и привлекавшихся им для совершения конкретных покушений террористов, она находилась в партии на особом положении и была строго законспирирована. Ее отношения с Центральным комитетом (ЦК ПСР) строились через особого уполномоченного и отличались большой самостоятельностью (Городницкий, 1998: 56-59).

Дальнейшее оформление теоретических основ тактики революционного терроризма эсеров происходит в начале 1902 г., в рамках уже созданной и действовавшей в нелегальных условиях партии. В январском выпуске «Революционной России» была опубликована статья «Неотложные задачи», в которой говорилось о том, что «...признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда... признает это возможным» (Будницкий, 2000: 134). Впоследствии один из лидеров эсеров В.М. Чернов подчеркивал, что эта статья была напечатана в целях предотвращения распада еще слабых партийных структур, часть которых не признавала террор как метод политической борьбы (Гусев, 1992: 13-14).

Начало применению террористической тактики на практике было положено 2 апреля 1902 г., когда состоялся первый эсеровский террористический акт – покушение на министра внутренних дел Д.С. Сипягина (Гусев, 1975: 56-57). Данным терактом впервые на всю страну заявила о себе БО ПСР. После этого «успеха», выждав небольшую паузу и дождавшись реакции общества, открыто высказалась о терроре и сама партия. Ее позиция стала более конкретной: была выпущена прокламация, в которой нашло отражение мнение лидеров эсеров (Леонов, 1997: 128). Тогда же эсеры продолжили свои теоретические изыскания в области терроризма. Учитывая, что в партии до Первой русской революции отсутствовали официально принятые программа и устав, основным концептуальным документом, отразившим выбор указанной тактики, можно считать статью В.М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», которая была опубликована в главном печатном органе партии – газете «Революционная Россия» в июне 1902 г. (№ 7). Статья указывала на «необходимость и неизбежность» террора как средства самозащиты в условиях, когда «разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым» (Павлов, 1989: 145).

Перед началом Первой русской революции БО под руководством Е.Ф. Азефа, по существу, оказалась единственной крупной работоспособной структурой партии. В конце 1904 г. в ней произошла серьезная организационная реформа. К декабрю завершилось окончательное оформление 3-х отделов БО: московского, петербургского и киевского. К этому времени эсеры приняли решение о покушении на московского губернатора великого князя Сергея Александровича, петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова и киевского генерал-губернатора Н.В. Клейгельса. Московский отдел возглавил Б.В. Савинков, петербургский – М.И. Швейцер, киевский – Д.Ж. Боришанский (Городницкий, 1998: 101-102). 4 февраля 1905 г. боевик московского отдела И.П. Каляев в Кремле совершил покушение на великого князя Сергея Александровича, который был убит (Гусев, 1975: 59). Как оказалось позже, этот террористический акт явился последней крупной операцией БО ПСР. В ночь на 26 февраля в столичной гостинице «Бристоль» в результате случайного взрыва подготавливаемой им бомбы погиб руководитель питерских боевиков М.И. Швейцер (Гусев, 1992: 21). Организация потеряла одного из самых ценных своих участников и крупного специалиста по подрывному делу.

Однако главный удар по петербургскому отделу БО эсеров был нанесен чуть позже. 16 и 17 марта полицейское ведомство арестовало почти всех петербургских террористов, готовивших покушение на губернатора Д.Ф. Трепова, что фактически означало полный разгром Боевой

организации. Впоследствии БО ПСР уже никогда не достигала такой силы и значения в террористическом движении революционеров в стране, какими пользовалась в промежуток времени от 15 июля 1904 г. до февраля 1905 г. События весны 1905 г. оказались поворотным пунктом в истории всей группы.

Вопреки широко распространенному мнению о том, что террористическая деятельность партии эсеров осуществлялась, прежде всего, ее Боевой организацией, основная масса террористических актов была совершена боевыми структурами партии на местах (Леонов, 1992: 24). Первая русская революция внесла значительные коррективы в тактику эсеров. Если до революции терроризм велся, в первую очередь, БО ПСР и направлялся против высокопоставленных чиновников, то в ходе революции он приобрел децентрализованный характер. Он широко использовался региональными организациями партии против представителей власти среднего и низшего звена, полицейских, жандармов, судебных и тюремных работников, а также военнослужащих (Гусев, 1992: 20-33).

Начался, так называемый, «местный» террор. Назначение летучих боевых отрядов определялось как «выполнение крупных террористических актов в пределах области» (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 766. ЛЛ. 52-53). Многократные попытки руководства эсеров в годы революции направлялись не столько в сторону установления полного контроля местных организаций и их боевых дружин, что, по всей видимости, являлось абсолютно нереальным, сколько в сторону ограничения порочной практики частных экспроприаций и «безответственных» террористических актов, от которых гибли невинные люди (Морозов, 1998: 332-333).

Следовательно, одним из проявлений социально-политического кризиса в России начала прошлого века явилась вспышка революционного насилия – стало стремительно расти количество террористических актов. На годы революции 1905–1907 гг. пришелся пик революционного терроризма эсеров – 78,2 % всех совершенных ими террористических актов (Будницкий, 2005: 28). С 1 января 1905 г. по 31 декабря 1907 г., по подсчетам Д.Б. Павлова, было совершено 233 теракта, жертвами терроризма эсеров стали 242 чел., из которых было убито 162 и ранено 80 чел. (Павлов, 1989: 149). Правительство, признавая успехи революционеров, отмечало, что «эта возмутительная система дала положительные результаты» (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 202. Л. 26, 27 об.).

Поволжье стало центром эсеровского влияния. О партии социалистов-революционеров, например, симбирские губернские власти впервые были уведомлены в июне 1902 г. В специальном циркуляре Департамента полиции во все губернии была отправлена информация о революционной деятельности «...членов революционного общества, присвоившего себе наименование социалистов-революционеров» (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 200. Л. 128-129). Во время первой русской революции в жандармских отчетах уже более конкретно указывается на дату возникновения группы симбирских социалистов-революционеров – декабрь 1904 г. (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 772. Л. 98). Местные партийные организации часто посещали видные эсеровские лидеры и пропагандисты террора Г.А. Гершуни, Е.К. Брешко-Брешковская и др. (Минеева и др., 2015: 158-159). В крае активно действовал Областной летучий отряд Поволжской области и боевые дружины губернских комитетов партии. Так, например, в марте 1906 г. дружина была организована в Симбирске (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 994. Л. 416). Можно предположить, что царское правительство в этот период в какой-то степени само способствовало распространению революционного движения в регионах России, так как лица, обвиняемые в антиправительственных деяниях, направлялись из крупных городов в провинции под надзор полиции (ГАУО, Ф. 855. Оп. 1. Д. 1315. Л. 6. Л. 8).

С 1908 г. начинается резкий спад террористической практики эсеров. «Центральный» террор прекратился вообще, а «местный» терроризм стал «мельчать» и «вырождаться» (Будницкий, 2000: 183). Партийные террористические структуры либо оперативно и умело уничтожались полицией и жандармами, либо деградировали и самостоятельно распались.

Таким образом, тактика революционного терроризма эсеров прошла в своем развитии несколько этапов: 1894–1901 гг. – генезис тактики революционного терроризма в рамках первых эсеровских групп; 1902–1905 гг. – начало практики терроризма, активной деятельности и расцвета Боевой организации партии и преобладания «центрального» террора; 1906–1907 гг. – пик революционного терроризма при наибольшей активности региональных террористических организаций и преобладания «местного» террора; 1908–1911 гг. – спад революционного терроризма, разложение и деградация всех его субъектов (Маньков, 2012: 66).

5. Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что эсеры, в целом, являлись продолжателями террористических традиций народовольцев. В то же время, они значительно развили их боевую тактику. Так, например, народовольцы сосредоточили все свои силы на подготовке террористических актов против императора, а социалисты-революционеры планировали использовать террористические методы, в первую очередь, против наиболее одиозных чиновников правительства. Отношение эсеров к террору было неоднозначным и отличалось разнообразием взглядов. Даже в партийном руководстве выражались различные суждения по террористическому вопросу, что свидетельствовало об известном плюрализме мнений в эсеровских верхах. Позиции на местах также не всегда соответствовали общепартийной линии, что являлось следствием невысокого уровня

внутрипартийной дисциплины и относительной слабости влияния руководящих органов на деятельность региональных и местных организаций. Следует особо отметить, что эсеры, первые в российском революционном движении, создали самостоятельную специализированную террористическую структуру, которая действовала в рамках партии – Боевую организацию ПСР. Она находилась на особом положении, но являлась частью партийной системы и в ходе революции послужила прообразом для создания террористических формирований ПСР в регионах. Террористическая тактика приобрела доминирующее, а затем и саморазрушительное значение в революционном движении страны первого десятилетия XX в.

Литература

- Будницкий, 2000** – Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 399 с.
- Будницкий, 2005** – Будницкий О.В. Терроризм и террористы // Знание-сила. 2005. № 1. С. 28–29.
- Галдобина и др., 2015** – Галдобина С.В., Минева Е.К., Шайпак Л.А. Исторический опыт и уроки военно-политической деятельности политических партий России в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 1 (29). С. 122-127.
- Гейфман, 1997** – Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 гг. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.
- Городницкий, 1998** – Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.
- ГАУО** – Государственный архив Ульяновской области.
- Гусев, 1975** – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 77 с.
- Гусев, 1992** – Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.
- Ерофеев, 1993** – Ерофеев Н.Д. Социалисты – революционеры // Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. С. 26-46.
- Жуков, 1989** – Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей. М.: Наука, 1989. С. 138-143.
- Леонов, 1997** – Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., РОССПЭН, 1997. 512 с.
- Леонов, 1992** – Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. 191 с.
- Маньков, 2007** – Маньков А.В. К вопросу о генезисе партии эсеров и ее террористической тактике // Вестник военного университета. 2007. № 2 (10). С. 82-88.
- Маньков, 2012** – Маньков А.В. Революционный терроризм партии эсеров: возникновение и периодизация // История в подробностях. 2012. № 12 (30). С. 64-71.
- Минева, Шайпак, Маньков, 2015** – Минева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158-167.
- Морозов, 1998** – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.
- Павлов, 1989** – Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. / Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей. М.: Наука, 1989. С. 144-151.
- Gutorova, 2014** – Gutorova A.N. History of origin of the multiparty system in the Central Black earth of Russia in early XX century // Bylye Gody. 2014. Vol. 34. Is. 4. pp. 586-591.
- Medushevskii, 2014** – Medushevskii A. Problems of modernizing the constitutional order: is it necessary to revise Russia's basic law? // Russian Politics and Law. 2014. T. 52. № 2. pp. 44-59.

References

- Budnickij, 2000** – Budnickij O.V. Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – early XX century)], M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000, 399 s. [in Russian].
- Budnickij, 2005** – Budnickij O.V. Terrorizm i terroristy [Terrorism and terrorists], Knowledge is power, 2005, Nr 1, pp. 28–29 [in Russian].
- Galdobina I dr., 2015** – Galdobina S.V., Mineeva E.K., Shajpak L.A. Istoricheskij opyt i uroki voenno-politicheskoj dejatel'nosti poli-ticheskikh partij Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Srednego Povolzh'ja) [Historical experience and lessons of Russian military and political activities of political parties during the First World War (on materials of the Middle Volga region)]. *Bulletin of Catherine Institute*, 2015, Nr 1 (29), pp. 122-127 [in Russian].
- Gejfmán, 1997** – Gejfmán A. Revoljucionnyj terror v Rossii, 1894–1917 gg. [The revolutionary terror in Russia, 1894–1917 years], M.: Kron-Press, 1997, 448 s. [in Russian].

- Gorodnickij, 1998** – *Gorodnickij R.A.* Boevaja organizacija partii socialistov-revoljucionerov v 1901–1911 gg. [SR Combat Organization in 1901–1911 gg.], M.: ROSSPEN, 1998. 239 s. [in Russian].
- GAUO** – GAUO (Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti) [State Archives of the Ulyanovsk region]. [in Russian].
- Gusev, 1975** – *Gusev K.V.* Partija jeserov: ot melkoburzhuznogo revoljucionarizma k kontrrevoljucii [Social Revolutionary Party, from the petty-bourgeois revolutionism to the counter-revolution], M.: Thought, 1975, 77 s. [in Russian].
- Gusev, 1992** – *Gusev K.V.* Rycari terror [Knights of terror], M.: Ray, 1992, 144 s. [in Russian].
- Erofeev, 1993** – *Erofeev N.D.* Socialisty – revoljucionery [The Socialists - revolutionaries], Political History of Russia in the parties and the people, M.: Terra, 1993, pp. 26-46 [in Russian].
- Zhukov, 1989** – *Zhukov A.F.* Individual'nyj terror v taktike melkoburzhuznyh partij v pervoj rossijskoj revoljucii [Individual terror tactics of the petty-bourgeois parties in the first Russian revolution], non-proletarian party in Russia three revolution, digest of articles, M.: Nauka, 1989, pp. 138-143 [in Russian].
- Leonov, 1992** – *Leonov M.I.* Jesery v revoljucii 1905–1907 gg. [The Socialist-Revolutionaries in the 1905 Revolution - 1907], Samara, 1992, 191 s. [in Russian].
- Leonov, 1997** – *Leonov M.I.* Partija socialistov-revoljucionerov v 1905–1907 gg. [Socialist-Revolutionary Party in 1905–1907 gg.], M.: ROSSPEN, 1997, 512 s. [in Russian].
- Man'kov, 2007** – *Man'kov A.V.* K voprosu o genezise partii jeserov i ee terroristicheskoj taktike [On the question of the genesis of the Socialist-Revolutionary Party and its terrorist tactics], *Military University Bulletin*, 2007, Nr 2 (10), pp. 82-88 [in Russian].
- Man'kov, 2012** – *Man'kov A.V.* Revoljucionnyj terrorizm partii jeserov: vozniknovenie i periodizacija [Revolutionary terrorism SR party: the origin and periodization], *History in detail*, 2012, Nr 12 (30), pp. 64-71 [in Russian].
- Mineeva I dr., 2015** – *Mineeva E.K., Shajpak L.A., Man'kov A.V.* Zhandarmskie dokumenty o simbirskih socialistah-revoljucionerah (period revoljucii 1905–1907 gg.) [Gendarme documents Simbirsk Socialist-Revolutionaries (the period of the Revolution 1905–1907 gg.)], *Law and Education*, 2015, Nr 7, pp. 158–167 [in Russian].
- Morozov, 1998** – *Morozov K.N.* Partija socialistov-revoljucionerov v 1907–1914 gg. [Socialist-Revolutionary Party in 1907–1914 gg.], M.: ROSSPEN, 1998, 624 s. [in Russian].
- Pavlov, 1989** – *Pavlov D. B.* Iz istorii boevoj dejatel'nosti partii jeserov nakanune i v gody revoljucii 1905–1907 gg. [From the history of combat activities Socialist-Revolutionary Party before and during the Revolution of 1905–1907 gg.], *Non-proletarian party in Russia three revolutions*, digest of articles, M.: Nauka, 1989, pp. 144-151 [in Russian].
- Gutorova, 2014** – *Gutorova A.N.* History of origin of the multiparty system in the Central Black earth of Russia in early XX century. *Bylye Gody*, 2014. Nr 34 (4), pp. 586-591.
- Medushevskii, 2014** – *Medushevskii A.* Problems of modernizing the constitutional order: is it necessary to revise Russia's basic law? *Russian Politics and Law*, 2014, T. 52, Nr 2, pp. 44-59.

УДК 908

Революционный терроризм эсеров: тактика, организации и практика

Андрей Васильевич Маньков ^{a, *}, Елена Константиновна Минеева ^b,
Алексей Игоревич Минеев ^c, Леонид Александрович Шайпак ^d

^a Военная академия связи имени С.М. Буденного, Российская Федерация

^b Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^c ООО «Лидер софт – внедренческий центр», Российская Федерация

^d Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. Тема статьи – терроризм, получивший достаточно широкое распространение в истории России начала XX в. Ее авторы отмечают, что, несмотря на собственные субъекты террористической деятельности многочисленных анархистских организаций, на призывы большевиков, не оказавшихся в стороне от террористических способов сопротивления с властью, главной силой, активно использовавшей методы политического насилия в изучаемый период, стала партия социалистов-революционеров.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 63donetsk@mail.ru (А.В. Маньков), mineevaek21@mail.ru (Е.К. Минеева), minalig@inbox.ru (А.И. Минеев), shajpak@rambler.ru (Л.А. Шайпак)

В статье проводится анализ террористической деятельности, предлагается новый взгляд на генезис террористической тактики, на периодизацию революционного терроризма эсеров. Кроме того, выдвигаются отличительные особенности партийной и народнической тактики террора, приводятся факты из практики боевой организации социалистов-революционеров, ее региональных и местных террористических структур. Авторы статьи приходят к выводу, что террор в революционном движении страны первого десятилетия XX в. приобрел доминирующее, а затем и саморазрушительное значение, а также призывают к извлечению уроков прошлого, поскольку терроризм в качестве социально-политического недуга имеет давние корни в отечественной истории, и его лечение будет более успешным, если знать не только историю терроризма в нашей стране во всех его проявлениях, но и опыт противодействия ему со стороны государства и общества.

Ключевые слова: терроризм, революционный терроризм, партия социалистов-революционеров (эсеров), тактика революционного терроризма, субъекты революционного терроризма, террористические структуры, Боевая организация партии социалистов-революционеров, боевые дружины, летучие отряды.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1328-1336, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914

Michail F. Florinskiy ^{a, *}, Denis G. Yanchenko ^a

^a Saint-Petersburg State University, Institute of History, Russian Federation

Abstract

The Imperial laws of 1906 limited the prerogatives of the supreme authority in the sphere of legislation in favor of the established parliamentary structures the Imperial Duma and reformed State Council. However, the emperor and the government (The Council of Ministers) got fairly broad opportunities for legislative activity. This paper will focus on how the government implemented granted prerogatives and solved a number of issues related to the operation of the financial mechanism of the Empire in 1905–1914. During the period of the parliamentary monarchy the Council of Ministers was entitled to legislative authority and, under certain circumstances, could compete with the Duma and the State Council. In some cases, the Government could solve questions concerning approval of the budget, extra budgetary allocations to different departments in addition to chambers will. Thus, the Council of Ministers could run affairs which were considered as the subjects of legal regulation and discussion in chambers. The desire of deputies to provide a tough, sometimes petty control over the activities of the bureaucracy in the field of public finance, political and personal ambitions of parliamentarians, and, to some extent, the lack of the necessary experience (especially at first) – all this spun out the budget process. In some cases, the financial prerogative of the Cabinet could be implemented without the approval of the emperor (if the measure was approved by all members of the Council of Ministers). The political situation in Russia in 1907 led to the situation when the Government had to implement repeatedly their emergency powers in budgetary framework of the empire.

Keywords: Russian Empire, the State Duma, the Council of State, the Council of Ministers, fiscal policy, legislation, financial sector, budget.

1. Введение

Основные законы 1906 г., оформившие утверждение в России представительного строя (думская монархия), ограничили prerogatives короны в области законодательства в пользу созданных политическими преобразованиями 1905–1906 гг. парламентских структур – Государственной думы и реформированного Государственного совета. Однако император и правительство, т.е. Совет министров, получили довольно широкие возможности для принятия мер законодательного характера помимо парламентариев. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание в работах, посвященных эволюции российской государственности в начале XX в. При этом специально изучались вопросы, связанные с применением правительством и монархом полномочий в чрезвычайно-указном порядке, а также согласно 96 статье Основных законов (военное законодательство) и пр. (Дякин. *Чрезвычайно-указное законодательство в России*, 1976: 240-271; Дякин. *Сфера компетенции указа*, 1976: 236-262; Белов 1999: 375-393). В настоящей работе речь пойдет о том, как реализовывались в 1905–1914 гг. Советом министром фактически законодательные prerogatives, предоставленные ему при решении ряда важнейших вопросов, связанных с функционированием бюджетного и в целом финансового механизма империи (Демин 1996: 58-61; Соловьев 2011: 288; Янченко 2015: 35, 45).

Государственно-правовая конструкция думской монархии наделила кабинет в законодательной

* Corresponding author

E-mail addresses: m.florinskiy@spbu.ru (M.F. Florinskiy), deni_g_yanch@mail.ru (D.G. Yanchenko)

сфере весьма широкими полномочиями, позволяющими ему при известных условиях конкурировать с Думой и Государственным советом. Совет министров мог в некоторых случаях решать помимо палат вопросы, касавшиеся утверждения бюджета (государственной росписи доходов и расходов), удовлетворения просьб ведомств о сверхсметных ассигнованиях, т.е. в принципе вершить дела, считавшиеся и являвшиеся предметом законодательного регулирования и в качестве таковых подлежавших в виде общего правила обязательному обсуждению в палатах. Наличие у кабинета возможности обходить при решении этих вопросов парламентариев затрудняло использование обычного для представительных структур способа воздействия на исполнительную власть – права распорядиться ресурсами государственного казначейства.

2. Материалы и методы

В методологическом плане работа опирается на традиционные для российской историографии методы познания, принципы историзма и объективности. Привлечение для анализа совокупности исторических источников – архивных документов, опубликованных правительственных материалов позволяет уйти от «исторических» приговоров политической системе думской монархии в России.

При написании данной работы применялись традиционные методы исторического исследования – сравнительно-исторический, историко-типологический. Сравнительно-исторический метод позволил проанализировать изучаемые процессы в их взаимосвязи и противоречивости, рассмотреть особенности работы Совета министров в условиях думской монархии в России, совершенствование бюджетной техники в нижней палате. Хронологический метод позволил связать процессы социально-экономических преобразований с конкретными изменениями в административной и бюджетной практике и ролью в этих процессах Совета министров и Государственной думы. В исследовании применены историко-описательный и политико-описательный методы, обеспечившие обобщение необходимой первичной фактической информации.

Анализ отечественной и зарубежной историографии по теме исследования позволяет с уверенностью сказать, что вопросы взаимодействия правительства с законодательными палатами по-прежнему актуальны в научной литературе и нуждаются в дополнительном изучении.

В этой связи отметим сборники документов и законодательных актов по истории императорской России, по-прежнему пользующиеся спросом у научной общественности. Этот вид источников также нашел отражение в представленной работе.

3. Обсуждение

Законодательство думской монархии содержало два положения, имевших в отношении бюджета особое значение для правительства.

Во-первых, при отсутствии одобренной парламентариями росписи доходов и расходов финансовая база для деятельности администрации сохранялась, поскольку оставался в силе закон о бюджете предыдущего года. До обнаружения новой росписи по постановлениям Совета министров в распоряжении министерств и главных управлений открывались временные кредиты, не превышавшие в месяц «одной двенадцатой общего по росписи итога расходов». Эта норма, введенная ст. 14 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных от 8 марта 1906 г. (Правила 8 марта) нашла отражение и в 116 ст. Основных законов 1906 г. ([Государственный строй Российской империи 1995: 144](#)).

Во-вторых, согласно 17 статье упомянутых Правил правительство могло отпускать ведомствам, при наличии особой срочности, сверхсметные ассигнования помимо Думы и Государственного совета с внесением, уже задним числом, в законодательные палаты представлений о неотложности этих ассигнований ([Государственный строй Российской империи 1995: 143-144](#)).

Эта статья, являвшаяся своеобразным «финансовым подобием» 87-й статьи Основных законов, позволявшей, как известно, кабинету с санкции царя принимать в особых случаях меры законодательного характера помимо палат, однако более ущемляла права последних в финансовой сфере, нежели 87-я – в области общего законодательства. Действительно, использование 87-й статьи допускалось только «во время прекращения занятий Государственной думы», а статьи 17 Правил 8 марта – безотносительно к этому. Акты, изданные кабинетом в порядке 87-й статьи, могли быть в принципе отклонены задним числом Думой и Государственным советом и тогда (а равно и при нарушении установленного для их внесения в Думу двухмесячного срока) теряли силу. О юридических последствиях признания парламентариями правительственных объяснений, призванных оправдать неотложность расходов, произведенных на основании ст. 17, неудовлетворительными, законодательство умалчивало, так же как о последствиях нарушения правительством зафиксированных в ст. 17 сроков для представления в Думу упомянутых объяснений. При открытии кредитов во время думской сессии они вносились «по возможности, до окончания сессии», в прочих случаях – «в течение двух следующих за открытием новой сессии месяцев». Причем в делах «требующих тайны», кабинет должен был оповещать депутатов о своих решениях по удовлетворению просьб ведомств о сверхсметных ассигнованиях лишь «по миновании необходимости в сохранении тайны». Миновала необходимость или нет, естественно, решали в соответствующих

ведомствах и Совете министров.

Рассмотренные prerogative кабинета могли реализовываться им своей властью без санкции императора (при условии единогласного одобрения соответствующей меры всеми членами Совета министров), хотя данные решения правительства имели, очевидно, весьма существенное значение, в частности, затрагивали сферу взаимоотношений между кабинетом и парламентариями. При этом действовавшее законодательство предполагало обязательное участие монарха в решении большого количества куда менее важных, сугубо рутинных, дел, касавшихся, например, утверждения «планов городов, где не введено Городовое положение», «бесплатного или на льготных условиях отпуска казенного леса» и т.п. ([Первая мировая война, 2014: 82](#)). Впрочем, по закону о Совете министров, царь имел право лично председательствовать на заседаниях кабинета, этим правом Николай II, хотя и нечасто, но пользовался. Таким образом, монарх мог в принципе не допускать вынесению помимо него Советом министров каких-либо вердиктов по любому оказавшемуся в поле зрения правительства делу.

Предоставленные кабинету чрезвычайные полномочия в финансовой сфере в 1906–1914 гг. весьма громко заявляли о себе. Иногда этому способствовали острые внутривластные коллизии, которыми изобилует история думской монархии. Так, летом 1906 г. при подготовке проекта бюджета на грядущий 1907 год, кабинет вынужден был исходить из невозможности соблюдения в данном случае, так сказать, нормальной процедуры рассмотрения этого проекта (с обсуждением его парламентариями и утверждением императором). Сбравшаяся весной 1906 г. и вступившая в жесткую конфронтацию с правительством Государственная дума в начале июля 1906 г. была распущена, работа Государственного совета приостановлена, причем возобновление деятельности палат намечалось только на конец февраля 1907 г.

Сложившаяся ситуация, а равно и вопросы, касавшиеся интерпретации соответствующих статей Правил 8 марта и Основных законов, стали 15 августа 1906 г. предметом специального обсуждения в Совете министров. Инициатором выступило Министерство финансов в лице его тогдашнего главы В.Н. Коковцова. Последний, констатируя, что вступить в 1907 г. с одобренным Думой и Государственным советом бюджетом невозможно, высказался против использования для его утверждения 87-й статьи Основных законов (что юридически было допустимо). Однако, как отмечалось, в таком случае принятые царем и Советом министров помимо палат меры законодательного характера нуждались всё же в санкции парламентариев, хотя бы и задним числом. Имея в виду это обстоятельство, В.Н. Коковцов допускал, что Дума или Государственный совет (в первую очередь речь шла, разумеется, о Думе) могут не поддержать проведенные помимо них в жизнь бюджетные «предположения» монарха и правительства, внося в результате «глубокое расстройство в государственное хозяйство» ([Особые журналы Совета министров, 2011: 100](#)).

По мнению В.Н. Коковцова, правительству следовало руководствоваться ст. 14 Правил 8 марта и ст. 116 Основных законов. В этих статьях, в сущности, прямо шла речь о ситуации, с которой кабинет столкнулся при подготовке государственной росписи на 1907 год. Таким образом, до ее утверждения палатами и монархом В.Н. Коковцов рекомендовал сохранить в силе бюджет 1906 года с открытием ведомствам необходимых кредитов по решениям Совета министров ([Янченко, 2015: 35](#)). Что же касалось собственно государственной росписи доходов и расходов на 1907 г., то ее проект министр финансов считал необходимым сразу же представить в Думу и Государственный совет после возобновления их деятельности ([Особые журналы Совета министров, 2011: 100](#)).

Руководствуясь тем, что обсуждение бюджета на 1907 год палатами займет немало времени, в течение которого будет сохранять силу государственная роспись предыдущего года, В.Н. Коковцов вынес на рассмотрение Совета министров свои рекомендации, призванные конкретизировать соответствующие положения действовавшего законодательства. В частности, министр рекомендовал, чтобы временные кредиты, открывавшиеся ведомствам, как отмечалось, в этом случае в размере, не превышавшем 1/12 общего «по росписи итога расходов», отпускались на основании именно ежемесячных решений кабинета ([Особые журналы Совета министров, 2011: 101, 104](#)).

Заявление министра финансов о нецелесообразности применения при утверждении бюджета на 1907 год 87-й статьи Основных законов и о необходимости непосредственного внесения его проекта в Думу и Государственный совет сразу после возобновления деятельности палат коллеги В.Н. Коковцова по кабинету одобрили. Предложения же В.Н. Коковцова относительно того, чтобы временные кредиты открывались ведомствам согласно ежемесячным постановлениям Совета министров, вызвали в правительстве возражения. Сам министр финансов, вероятно, видел в рекомендованной им мере средство, способное в какой-то степени помешать тратить ведомствам в месяц больше 1/12 годового «итога расходов». Однако именно этим предложение В.Н. Коковцова некоторых членов кабинета как раз и не устраивало. Полагая, что в лучшем случае государственная роспись на 1907 год может быть утверждена только к 1 апреля 1907 г., они высказались, в сущности, за сохранение в силе росписи на 1906 г. в течение всего первого квартала грядущего года. Соответственно ведомствам нужно было выделить ассигнования в размере «3/12 частей росписи» ([Особые журналы Совета министров, 2011: 103](#)).

Возможность превышения ведомствами в своих ежемесячных тратах 1/12 годового «итога расходов» оппоненты В.Н. Коковцова в данном случае вполне допускали, ведь перерасход, имевший место в какой-то из месяцев должен быть покрыт за счет сумм, неиспользованных в другие месяцы.

В результате ситуация в целом выглядела бы так, как если бы ведомства строго в соответствии с законом получали от кабинета не более 1/12 годовой суммы расходов ежемесячно. Считаясь с расстройством финансовой системы империи вследствие русско-японской войны и революции, эти члены кабинета уповали на тщательность обсуждения правительством вопросов, касавшихся открытия временных кредитов, как на средство пресечения необоснованных посягательств на ресурсы казначейства ([Особые журналы Совета министров, 2011: 103-104](#)).

Соображения, высказанные критиками предложений В.Н. Коковцова в кабинете, были во многом резонными. В частности, законодательство действительно, прямо не требовало, чтобы при сохранении в силе государственной росписи предыдущего года ежемесячные расходы ведомств никоим образом не превышали 1/12 общей суммы. В.Н. Коковцов, впрочем, согласился только не настаивать на непременно ежемесячном рассмотрении Советом министров вопроса об открытии ведомств временных кредитов ([Особые журналы Совета министров, 2011: 104](#)). В итоге кабинет признал принципиально возможным выделение соответствующих ассигнований на срок более одного месяца. Однако, по мнению министра финансов, тратить в месяц более 1/12 общего расхода по росписи предыдущего года во время действия системы временных кредитов ведомства ни при каких обстоятельствах не имели права. Ратовавший за режим жесткой экономии министр финансов, вероятно, рассчитывал использовать возможные месячные сбережения при открытии временных кредитов для пополнения ресурсов казначейства, а не для компенсации перерасходов за другие месяцы. В результате Совет министров решил отложить пока «окончательное по сему предмету суждение...» ([Особые журналы Совета министров, 2011: 104](#)).

Кабинет дал ведомствам ряд указаний относительно организации работ по выяснению своих потребностей во временных кредитах в первом полугодии 1907 г. Этот срок был установлен кабинетом, по-видимому, по инициативе В.Н. Коковцова. Он, впрочем, отнюдь не предполагал, что кредиты по решению Совета министров будут сразу открываться на 6 месяцев. Речь шла только об утверждении собственно расходных росписаний, дабы «не утруждать» Совет их ежемесячным рассмотрением ([Особые журналы Совета министров, 2011: 409](#)). Решения же об открытии кредитов, вероятно, надлежало принимать отдельно. Министр финансов, похоже, не расставался с намерением выносить такого рода дела на суд кабинета ежемесячно. Обсуждались предложения ведомств по поводу запрашиваемых ими сумм должны были «в особых по каждому ведомству комиссиях с участием представителей Министерства финансов и Государственного контроля», а затем в Особом совещании «из представителей всех ведомств» под председательством товарища министра финансов и, наконец, в кабинете.

Результаты выполнения поручения Совета министров относительно определения потребности во временных кредитах в первые шесть месяцев 1907 г. были заслушаны правительством 22 декабря 1906 г.

Проекты соответствующих расходных росписаний за единственным исключением не предполагали ежемесячных трат, превышающих 1/12 общего расхода по бюджету 1906 г. Лишь в январе, когда следовали «значительные платежи по системе государственного кредита», нормальное месячное «исчисление» оказывалось превышенным примерно на 68 млн. руб., что, впрочем, с лихвой компенсировалось по итогам полугодия за счет «уменьшения кредитов в последующие месяцы» ([Особые журналы Совета министров, 2011: 406](#)).

Юридически же обоснованием превышения, по мнению В.Н. Коковцова, могла служить 11-я статья Основных законов, наделявшая монарха прерогативой издавать «указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления...». Правда, такие указы не должны были противоречить законам, а в данном случае это противоречие, несомненно, имело бы место. Однако, как считал В.Н. Коковцов, речь шла о сугубо формальном несоответствии, неспособным к тому же возыметь какие-либо негативные последствия ([Особые журналы Совета министров, 2011: 407](#)).

Предложение В.Н. Коковцева встретило, однако, возражение со стороны министра торговли и промышленности Д.А. Философова, полагавшего, что ст. 11 Основных законов не допускает «распространения её на область бюджетного законодательства». Д.А. Философов предложил следующий выход из сложившейся ситуации. Во-первых, учитывать при определении размеров кредитов и в данном случае, и в будущем в подобных ситуациях не только расходную часть обыкновенного бюджета, но и «расходы чрезвычайные», каковые во внимание не принимались. Эти расходы составили в 1906 г. внушительную сумму почти в 500 млн руб. Во-вторых, открыть временные кредиты сразу на 4 месяца (как отмечалось, еще в августе 1906 г. кабинет, в сущности, признал за собой право не выносить такие постановления ежемесячно). По прикидкам Д.А. Философова, в случае принятия его предложений за 4 месяца 1907 г. ведомства либо потратят строго в соответствии с законом не более 1/3 общего расхода по росписи предыдущего года, либо превысят эту треть на совсем незначительную величину ([Особые журналы Совета министров, 2011: 408](#)).

В.Н. Коковцов согласился с соображениями, высказанными Д.А. Философовым, порекомендовав, впрочем, кабинету открыть кредиты сроком не на четыре, а на три месяца. Совет министров принял это предложение. Кабинет признал также необходимым учитывать при

определении величины временных кредитов не только обыкновенные, но и чрезвычайные расходы. В итоге Совет санкционировал с необходимыми коррективами расходные росписания на январь – март 1907 г. и уполномочил министра финансов «открывать ведомствам ... потребные кредиты...» (*Особые журналы Совета министров, 2011: 409-410*) (впрочем, строго по закону, последние должны были открываться по постановлениям самого Совета министров).

Сложившаяся в 1907 г. внутривластная ситуация в России привела к тому, что кабинету неоднократно пришлось реализовывать свои чрезвычайные полномочия, касавшиеся функционирования бюджетного механизма империи. Вторая Государственная дума, не поладившая, подобно Думе первого созыва с правительством, была распущена 3 июня. Она не успела санкционировать проект государственной росписи на текущий год. Позиции главных критиков режима – кадетов были существенно ослаблены (*Galai, 2010*). Третья Государственная дума в лице её большинства конфликтовать с правительством не собиралась (в отличие от своих предшественниц). Однако, заметим, к работе она приступила только 1 ноября, т.е. за два месяца до окончания финансового года, совпадавшего в России с годом календарным. Санкционирование росписи парламентариями в таких условиях могло быть только простой формальностью, никакого практического значения не имевшей. Учитывая это обстоятельство, кабинет еще 3 октября открыл ведомствам временные кредиты на последний квартал 1907 г., подобно тому, как трижды открывал их раньше, обеспечивая финансирование деятельности государственных структур в течение трех предыдущих кварталов. Впоследствии ни III, ни IV Думы в рассматриваемый период ни разу не смогли завершить вовремя работу над бюджетом. Срок, который Правила 8 марта 1906 г. отводили парламентариям на обсуждение государственной росписи, был очень кратким – два месяца (ноябрь и декабрь) (*Демин 1996: 57-58; Янченко 2015: 34-36*).

Стремление же депутатов обеспечить максимально жесткий, порой мелочный контроль над деятельностью бюрократии по части использования финансовых ресурсов государства, политические и личные амбиции парламентариев, а, в какой-то мере, и отсутствие у них (особенно поначалу) необходимого опыта, наконец, сама сложность задачи – все это превращало процесс прохождения бюджета в очень продолжительную процедуру. В такой ситуации в конце очередного финансового года Советом министров всякий раз принимались решения об открытии временных кредитов на три, чаще даже на четыре месяца года грядущего. В 1908, 1909 и 1912 гг. этот срок приходилось продлевать. 13 декабря 1912 г. такие кредиты были открыты на все первое полугодие 1913 г. (*Особые журналы 2004: 476*).

При существовавшей системе временных кредитов могла возникать потребность «в подкреплении отдельных назначений либо для усиления оказавшихся недостаточными кредитов, либо для производства возникших уже по утверждению росписаний и не допускающих отсрочки расходов». Решение вопросов такого рода до конца 1913 г. в виде общего правила равным образом брал на себя кабинет, руководствовавшийся в данном случае, скорее, соображениями целесообразности, нежели законом. О принятых решениях кабинет доводил до сведения монарха. Однако 19 декабря 1913 г., Совет министров, признав, что этот порядок сопряжен «с некоторыми более или менее значительными промедлениями...» счел необходимым «предоставить... министру финансов полномочие на отпуск ведомствам дополнительных кредитов по временным расходным росписаниям за счет разницы между общим итогом ассигнованными по сим росписаниям средств... и предельною нормою» (*Особые журналы, 2005: 500*).

Вообще, как уже отмечалось, постановления кабинета об открытии временных кредитов могли царю и не направляться. Однако склонности вершить какие-либо дела помимо монарха Совет министров обычно не обнаруживал. Поэтому упомянутые постановления для сведения все же направлялись императору.

В рассматриваемый период неоднократно реализовывалась на практике и упомянутая выше prerogative кабинета, предоставленная ему ст. 17 Правил 8 марта и позволявшая выделять ведомствам в случаях особой срочности помимо Думы и Государственного совета сверхсметные ассигнования. Так, 25 июля 1906 г. Совет министров принял решение об отпуске на основании данной статьи 55 млн руб. на оказание помощи населению пострадавших от неурожая губерний (*Особые журналы, 2011: 61*).

20 февраля 1907 г., т.е. в день начала работы Второй Государственной думы, Совет министров также в чрезвычайном порядке ассигновал 62 млн. руб. «на подкрепление фонда 1906 г. на расходы, связанные с русско-японской войной и ее последствиями» (*Особые журналы, 2011: 203-204*). Обычно при использовании правительством ст. 17 речь шла не о столь значительных суммах, а об открытии кредитов в пределах 1 млн. руб. и лишь редко о более крупных (*Демин, 1996: 60*).

Членам кабинета приходилось проявлять осторожность, считаясь с Государственной думой, которая весьма негативно относилась к решению вопросов о сверхсметных ассигнованиях помимо нее. Показателен следующий эпизод: в октябре 1912 военный министр В.А. Сухомлинов, отметив в письме к В.Н. Коковцову (в то время уже не только министру финансов, но и премьеру) недостаточность расходов на армию, высказался за то, чтобы «подкрепление недостаточных по сметам (военного ведомства. – Авт.) кредитов» осуществлялось по заявлениям военного министра в порядке ст. 17 Правил 8 марта (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 424. Л. 4*). Притязания В.А. Сухомлинова

встретили возражения Министерства финансов, которое в лице товарища министра С.Ф. Вебера напомнило военному министру, что данная статья имеет в виду «лишь экстренные случаи», а основным способом получения сверхсметных ассигнований является все же санкционирование палатами (РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 424. Л. 350б.). При этом С.Ф. Вебер счел нужным припугнуть В.А. Сухомлинова, указав, что слишком широкое использование 17 статьи кабинетом при негативном отношении к такой практике думского большинства породит «неодолимые затруднения для проведения (в Думе. – Авт.) тех или иных мероприятий, требующих разрешения в законодательном порядке» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 424. Л. 37). Отметим, что при решении вопросов, касавшихся дополнительных ассигнований на армию, В.А. Сухомлинов пытался действовать в обход не только палат, но и Совета министров. В итоге от своих притязаний военный министр вынужден был отказаться (Флоринский 2011: 244-251).

Вообще объяснений с парламентариями по поводу использования правительством 17 ст. кабинет старался по возможности избегать. Так, 30 октября 1907 г., за два дня до начала работы III Думы, Совет министров специально рассмотрел вопрос о практике применения этой статьи при отсутствии «в 1907 г. законодательно утвержденным установленным порядком государственной росписи» (Особые журналы, 2011: 673). Членам кабинета предстояло доказывать парламентариям обоснованность принятых в чрезвычайном порядке мер по выделению ведомствам сверхсметных ассигнований. Такая перспектива явно беспокоила министров. Конечно же, министров в коррупции напрямую никто не обвинял, это понятие трактовалось несколько иначе (Корнева и др., 2016). В данном же случае речь шла о санкционированных Советом расходах, покрывавшихся «за счет предвидимых остатков вне пределов соответствующего главного подразделения росписи (предыдущего, 1906, года. – Авт.)», а также условных кредитов (Особые журналы, 2011: 672). Совет министров в итоге признал, что при отсутствии в 1907 году государственной росписи, заменявшейся, как указывалось, временными расходными росписаниями, он (Совет) получает «бюджетные права законодательных учреждений», т.е. право «допускать усиление одних сметных подразделений другими» и открывать к расходованию условные кредиты (Особые журналы, 2011: 673-674). В результате кабинет задним числом посчитал, что использовать в данном случае 17 ст. Правил 8 марта не было необходимости, ибо реализованные им полномочия являлись лишь следствием наличия у кабинета предоставленных ему законом прерогатив по распоряжению финансовыми ресурсами государства при отсутствии одобренного соответствующими инстанциями бюджета на текущий год. В этой связи Совет министров решил признать все кредиты, открытые им «за время действия временных расходных росписаний 1907 года» по ст. 17 Правил 8 марта, открытыми на основании положений действовавшего законодательства, наделившего кабинет охарактеризованными выше особыми правами в случае отсутствия к началу финансового года, одобренного всеми соответствующими инстанциями бюджета (Особые журналы, 2011: 673-674). Тем самым кабинет освободил себя от обязанности давать парламентариям какие-либо объяснения по поводу своих распоряжений по части выделения ведомствам дополнительных ассигнований. Впрочем, Совет счел нужным специально оговорить, что все суждения, высказанные на заседании 30 октября 1907 г. «относятся лишь к кредитам по сметам 1907 года...» и, таким образом, не могут служить руководством при нормальном функционировании бюджетного механизма (Особые журналы, 2011: 673-674).

Принимавшиеся кабинетом решения по поводу выделения ведомствам сверхсметных ассигнований в порядке ст. 17 Правил 8 марта могли представляться императору в зависимости от ситуации на утверждение или для сведения. Впрочем, Совет вершил такого рода дела и своей властью в рамках данных ему, как отмечалось, законом полномочий.

Помимо рассмотренных прерогатив кабинет обладал и некоторыми другими, равным образом, непосредственно касавшимися функционирования финансового механизма империи. Так вопрос о выделении средств из специального фонда в 10 млн. руб., ежегодно создававшегося для удовлетворения непредусмотренных сметами потребностей, в обязательном порядке обсуждался в Совете министров, который далее свои рекомендации представлял императору. (Иногда, впрочем, кабинет поручал министру финансов испросить согласие монарха на выделение запрашивавшейся суммы) (Особые журналы, 2011: 70).

Пробелы в нормативных актах, регулировавших функционирование финансовой системы империи, на практике могли оборачиваться включением в компетенцию Совета явочным порядком некоторых вопросов при отсутствии в законодательстве указаний относительно того, в чьем ведении такие вопросы находятся. Так, ст. 13 Правил 8 марта гласила, что при конфликте между Думой и Государственным советом по поводу «размеров, включенных в проект государственной росписи кредитов» и при отсутствии устраивающего обе палаты решения вызвавший разногласия кредит «вносится в роспись в цифре назначения последней установленным порядком утвержденной росписи...» О том, кто должен вносить эту цифру росписи Правила 8 марта умалчивали (Государственный строй Российской империи, 1995: 143). При подготовке бюджета на 1908 г. Совет министров пришел «к такому решению: размер вызвавшего разномыслие кредита... предварительно сообщается министром финансов», чьи «предположения» далее подлежат рассмотрению в кабинете (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2293. Л. 98 оборот). В октябре 1909 г. правительство

проинформировало об этом решении Бюджетную комиссию Думы, причем штатный оратор от кадетской фракции при обсуждении Думой финансовых проблем А.И. Шингарев усомнился в законности действий кабинета, заметив «роспись и ее утверждение есть акт законодательный, а в законодательном акте исполнительной власти принадлежит одна инициатива» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2293. Л. 99 оборот). Конфликт между Думой и Государственным советом по поводу цифр, внесенных в проект бюджета, приобрел весьма острый характер в процессе обсуждения росписи на 1914 год. В течение нескольких дней законопроект о бюджете считался отклоненным (Беляев, 2002: 70).

Вообще Правила 8 марта, наделявшие кабинет с точки зрения многих парламентариев слишком широкими полномочиями в финансовой сфере, причем в ущерб полномочиям палат, вызывали к себе в Думе, мягко говоря, неоднозначное отношение (Янченко, 2015: 48-93). Так, уже в начале деятельности Третьей Думы депутатами была предпринята попытка внести изменения в Правила 8 марта и, в частности, отменить ст. 17. Эта попытка успехом не увенчалась. Совет министров высказался против думской инициативы, хотя в отношении ст. 17 признал, что ее редакция страдает «некоторыми недостатками» (Особые журналы, 2000: 415). Устранение их, по мнению кабинета, следовало, однако, отложить до намеченного правительством «общего пересмотра сметных узаконий» (Особые журналы, 2000: 416) каковой, впрочем, до самого крушения империи так и не состоится.

4. Заключение

В целом ситуация, сложившаяся в 1906–1914 гг. с полномочиями Совета министров в финансовой сфере, являлась отчасти результатом политической конъюнктуры, отчасти следствием естественного стремления правительства обеспечить нормальное функционирование государственного аппарата. При этом кабинету удавалось избегать сколько-нибудь серьезных коллизий с весьма неблагоприятно относившимися к упомянутым прерогативам парламентариями и не допускать сбоев в работе финансового механизма империи.

Литература

- Белов, 1999 – Белов Ю.С. Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. / Отв. редактор А.Н. Цамутали. СПб.: Алетей. 1999. 573 с. С. 375-393.
- Беляев, 2002 – Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 2002. 620 с.
- Государственный строй Российской империи, 1995 – Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. / Редакторы-составители Кутыгина Г.А., Чистяков О.И. М.: Издательство Московского университета. 1995. 208 с.
- Демин, 1996 – Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН. 1996. 224 с.
- Дякин. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.), 1976 – Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Том VII. Л., 1976. С. 240-271.
- Дякин. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии, 1976 – Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Том VIII. Л., 1976. С. 236-262.
- Особые журналы, 2011 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 г. Редактор-составитель Б.Д. Гальперина. М., РОССПЭН. 2011. 463 с.
- Особые журналы, 2011 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 г. Редактор-составитель Б.Д. Гальперина. М., РОССПЭН. 2011. 863 с.
- Особые журналы, 2000 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. Редактор-составитель Б.Д. Гальперина. М., РОССПЭН. 2000. 599 с.
- Особые журналы, 2004 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 г. Редактор-составитель Б.Д. Гальперина. М., РОССПЭН. 2004. 487 с.
- Особые журналы, 2005 – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913 г. Редактор-составитель Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН. 2005. 542 с.
- Первая мировая война и конец Российской империи, 2014 – Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х томах. Т. 1. Политическая история. Отв. редактор И.В. Лукоянов. СПб.: Лики России, 2014. 783 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Соловьев, 2011 – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН. 2011. 511 с.
- Флоринский, 2011 – Флоринский М.Ф. Совет министров и Военное министерство накануне Первой мировой войны // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 2011. С. 244-251.

[Янченко, 2015](#) – Янченко Д.Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912: от Балтики до Дальнего Востока. СПб.: Дмитрий Буланин. 2015. 272 с.

[Galai, 2010](#) – Galai S. The Kadets in the Second Duma // *Revolutionary Russia*. 2010. Volume 23. Issue 1. P. 1-28.

[Korneva et al., 2016](#) – Korneva N.M., Krapivin M.Ju., Makarov Ju.N., Dalgatov A.G. Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries. // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Iss. 1. P. 29-44.

References

[Belov, 1999](#) – Belov Ju.S. Prava verhovnoj vlasti v oblasti voennogo upravlenija i «ministerskij krizis» 1909 g. [The right of the supreme authority in the field of military management and "ministerial crisis" in 1909] // Problemy social'no-jekonomicheskoj i politicheskoj istorii Rossii XIX – XX vekov: Sbornik statej pamjati Valentina Semenovicha Djakina i Jurija Borisovicha Solov'eva. / Ed. Tsamutali A.N. S.-Petersburg, Aletejskaja. 1999. 573 p. P. 375-393. (In Russian).

[Beljaev, 2002](#) – Beljaev S.G. P.L. Bark i finansovaja politika Rossii 1914-1917 gg. [P.L. Bark and Russian financial policy in 1914-1917]. S.-Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. 2002. 620 p. (In Russian).

[Gosudarstvennyj stroj Rossijskoj imperii, 1995](#) – Gosudarstvennyj stroj Rossijskoj imperii nakanune krushenija. Sbornik zakonodatel'nyh aktov [The political system before the collapse of the Russian Empire. Collection of legislative acts]. / Ed. Kut'ina G.A., Chistjakov O.I. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1995. 208 p. (In Russian).

[Demin, 1996](#) – Demin V.A. Gosudarstvennaja дума Rossii (1906–1917): mehanizm funkcionirovanija [Russian Imperial Duma (1906-1917): the functioning of the mechanism]. Moscow, ROSSPEN. 1996. 224 p. (In Russian).

[Djakin, 1976](#) – Djakin V.S. Chrezvychajno-ukaznoe zakonodatel'stvo v Rossii (1906–1914 gg.) [Extraordinary Decrees in Russia (1906-1914)] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. Tom VII. Leningrad. 1976. P. 240-271. (In Russian).

[Djakin. Sfera kompetencii, 1976](#) – Djakin V.S. Sfera kompetencii ukaza i zakona v tret'eijun'skoj monarhii // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. [The sphere of competence of the Decree and the Law in the Third of June monarchy] Tom VIII. Leningrad. 1976. P. 236-262. (In Russian).

[Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1906 g., 2011](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1906 g. [Special notes of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1906] / Ed. Gal'perina B.D. Moscow, ROSSPEN. 2011. 463 p. (In Russian).

[Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1907 g., 2011](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1907 g. [Special notes of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1907] / Ed. Gal'perina B.D. Moscow, ROSSPEN. 2011. 863 p. (In Russian).

[Osobyje zhurnaly, 2000](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1909 g. [Special notes of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909] / Ed. Gal'perina, B.D. Moscow, ROSSPEN. 2000. 599 p. (In Russian).

[Osobyje zhurnaly, 2004](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1912 g. [Special notes of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1912] / Ed. Gal'perina B.D. Moscow, ROSSPEN. 2004. 487 p. (In Russian).

[Osobyje zhurnaly, 2005](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1913 g. [Special notes of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1913] / Ed. Gal'perina B.D. Moscow, ROSSPEN. 2005. 542 p. (In Russian).

[Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii, 2014](#) – Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii [The First World War and the end of the Russian Empire]. V 3-h tomah. T. 1. *Politicheskaja istorija*. / Ed. Lukojanov I.V. S.-Petersburg, Liki Rossii. 2014. 783 p. (In Russian).

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. (In Russian).

[Solov'ev, 2011](#) – Solov'ev K.A. Zakonodatel'naja i ispolnitel'naja vlast' v Rossii: mehanizmy vzaimodejstvija (1906–1914) [The Legislative and Executive Power in Russia: mechanisms of cooperation (1906-1914)]. Moscow, ROSSPEN. 2011. 511 p. (In Russian).

[Florinskij, 2011](#) – Florinskij M.F. Sovet ministrov i Voennoe ministerstvo nakanune Pervoj mirovoj vojny [The Council of Ministers and the Military Ministry on the eve of the First World War] // *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. S.-Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. 2011. P. 244-251. (In Russian).

[Yanchenko, 2015](#) – Yanchenko D.G. Bjudzhet i finansy v Gosudarstvennoj dume 1907–1912: ot Baltiki do Dal'nego Vostoka [Budget and finance in the Imperial Duma activities in 1907–1912: from Baltic to the Far East]. S.-Petersburg, Dmitri Bulanin. 2015. 272 p. (In Russian).

[Galai, 2010](#) – Galai S. (2010) The Kadets in the Second Duma. *Revolutionary Russia*. Vol. 23. Iss. 1. P. 1-28. (In English).

[Korneva et al., 2016](#) – Korneva N.M., Krapivin M.Ju., Makarov Ju.N., Dalgatov A.G. Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Iss. 1. P. 29-44.

Финансы России и чрезвычайные полномочия Правительства в 1906–1914 гг.Михаил Федорович Флоринский ^{a, *}, Денис Геннадьевич Янченко ^a^a Санкт-Петербургский государственный университет, институт истории, Российская Федерация

Аннотация. Основные законы 1906 г. ограничили прерогативы верховной власти в области законодательства в пользу созданных парламентских структур – Государственной думы и реформированного Государственного совета. Однако, император и правительство, т.е. Совет министров, получили довольно широкие возможности для законодательной деятельности. В работе речь пойдет о том, как реализовывались правительством в 1905–1914 гг. прерогативы, предоставленные для решения ряда вопросов, связанных с функционированием финансового механизма империи. Совет министров в период думской монархии был наделен в законодательной сфере полномочиями, позволяющими ему при известных условиях конкурировать с Думой и Государственным советом. Правительство могло в некоторых случаях решать помимо палат вопросы, касавшиеся утверждения бюджета, сверхсметных ассигнований различным ведомствам. Таким образом, Совет министров мог вершить дела, считавшиеся и являвшиеся предметом законодательного регулирования и подлежащие обязательному обсуждению в палатах. Стремление депутатов обеспечить жесткий, порой мелочный контроль деятельности бюрократии в сфере государственных финансов, политические и личные амбиции парламентариев, а, в какой-то мере, и отсутствие у них (особенно поначалу) необходимого опыта, сама сложность задачи – все это превращало процесс прохождения бюджета в очень продолжительную процедуру. В некоторых случаях финансовые прерогативы кабинета могли реализовываться без санкции императора (при условии единогласного одобрения соответствующей меры всеми членами Совета министров). Сложившаяся в 1907 г. внутриполитическая ситуация в России привела к тому, что правительству неоднократно пришлось реализовывать свои чрезвычайные полномочия, касавшиеся функционирования бюджетного механизма империи.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Государственный совет, Совет министров, налоговая политика, законодательство, финансовая сфера, бюджет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.florinskiy@spbu.ru (М.Ф. Флоринский), deni_g_yanch@mail.ru (Д.Г. Янченко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1337-1345, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)20

The Chişinău Diocesan Bulletin as a Source of History of North American Rus'

Sergey G. Sulyak ^{a, b, *}, Vladimir V. Kazakov ^b^a Saint-Petersburg University, Russian Federation^b Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article presents an analysis of materials on the history of North American Rus', published in the Chişinău Diocesan Bulletin in 1914. The information concerns Platon (Rozhdestvensky), Archbishop of Chişinău and Khotin in 1914–1915. Prior to that he ran the Aleutian and North American Diocese where the Russian Orthodox Church exercised canonical power over Orthodox Christians of different ethnic groups. The pages of the Chişinău Diocese official mouthpiece contained a lot of interesting information on the history of Orthodoxy in America. Much attention was given to Rusins who had emigrated to the United States and Canada from the Austro-Hungarian Empire. Archbishop Platon described affectionately the Russian inhabitants of Galician Rus' who were the majority of his congregation. The Archbishop considered it his high-priority task to help Uniats return into the fold of the Orthodox Church. Numerous missionary conferences, towns' meetings and other outreach conducted by the Russian Mission throughout the North American territory facilitated mass conversion of Russian Galicians (Rusins) to Orthodoxy. The adoption of the New Church Statute helped organize parish life.

The Russian Immigrant newspaper (1912) and The Orthodox Devotee (1913) founded by the Archbishop, played an important part in the strengthening of Orthodoxy. Established with the support of the Archbishop, the Russian Emigree Society and the Russian Emigrees' House (1908) were able to render assistance to more than 100 000 ethnic Russian emigrees from Russia and Rusins from Galicia, Bukovina and Subcarpathian Rus'.

The Archbishop's efforts led to an increase in Orthodox parishes, thus strengthening the position of the Russian Orthodox Church in North America.

Keywords: North America, the USA, The Chişinău Diocesan Bulletin, Archbishop Platon (Rozhdestvensky), Russian diaspora, Russians, Rusins, Uniats, Orthodoxy.

1. Введение

Публикация сведений о Североамериканской Руси на страницах официального органа Кишиневской епархии «Кишиневских епархиальных ведомостях» связана с именем архиепископа Кишиневского и Хотинского Платона (в миру Порфирия Федоровича Рождественского, 1866–1934). Архиепископ Платон управлял Алеутской и Североамериканской епархией с июня 1907 г. по март 1914 г. (Голостенов, 1993: 251; Мень 2002: 449). Затем архиепископ Платон с марта 1914 г. по декабрь 1915 г. возглавил Кишиневскую и Хотинскую кафедру. Он оставил о себе в Бессарабии добрую память благодаря организации благотворительной деятельности, оказывая помощь воинам действующей армии, раненым, инвалидам и сиротам (Содоль, 2014; Содоль, 2016; Гарусова, 2016).

Опубликованные в неофициальном отделе «Кишиневских епархиальных ведомостей» воспоминания владыки и описание его деятельности в Северной Америке дополняют наши знания по истории русских эмиграции начала XX в.

* Corresponding author

E-mail addresses: sergei_suleak@rambler.ru (S.G. Sulyak), prorektorsv@mail.ru (V.V. Kazakov)

2. Материалы и методы

2.1. Источником статьи служат материалы, опубликованные в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» во второй половине 1914 г.

2.2. История Североамериканской Руси и ее православной церкви – одна из слабо изученных страниц отечественной истории. Особенно это касается периода с 1907 по 1914 г., что, вероятно, связано с попытками отстранения Московской патриархией владыки Платона, вернувшегося в США после революции в России от руководства кафедрой за его антибольшевистские высказывания.

Исследование основано на принципе историзма. Русская диаспора в то время была неоднородной. В ее состав входили как российский подданные, так и русины, эмигрировавшие из Австро-Венгрии. Русины Галиции и Угорской (Подкарпатской) Руси массово переходили из униатства в православие, составляя значительную часть приходов Русской православной церкви в Северной Америке.

Введение в научный оборот новых источников позволит лучше понять жизнь русской диаспоры, а также задачи и цели, стоявшие перед Североамериканской епархией.

3. Обсуждение и результаты

К началу Первой мировой войны в США проживало не менее 200 тыс. русинов, выходцев из Австро-Венгрии (Алимов, Минкова, 2016: 134). В Канаде их насчитывалось около 170 тыс. Это были униаты, выходцы из Галиции и Угорской Руси и православные из Буковины. Многие угорские и галицкие русины возвратились в православие. 25 марта 1891 г. Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) присоединил к православной вере первый карпаторусский униатский приход в Миннеаполисе (США), возглавлявшийся о. Алексием Товтом и насчитывавший 405 человек (Коханик, 1970: 516, 490).

Русины долгое время составляли большую часть православных приходов Северной Америке. Архиепископ Восточноамериканский и Джерзейситский Виталий (Максименко (1873–1960)), приехавший в Нью-Йорк в октябре 1934 г., вспоминал, что в то время «американская православная паства состояла на 80 % из карпатороссов и галичан на 20 % из русских выходцев западных губерний: Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской». Также к этой старой русской колонии относилось небольшое количество бежавших из России от воинской повинности, долгов, суда, тюрем, каторги, политическим мотивам. Эта колония состояла в основном из простых рабочих людей, и «руководителями ее во всех областях жизни являлось до последнего времени духовенство». Новая же довольно многочисленная колония появилась после революции и насчитывала в основном интеллигенцию (Максименко, 133).

Первую свою лекцию архиепископ Платон провел 31 августа 1914 г. в зале Епархиального Серафимовского дома. Он избрал, как записал автор материала, учитель 1-й мужской гимназии Кишинева В. Леонтовский, «самую современную и интересную тему»: «Немцы и русины по личному знакомству с ними». На выступлении присутствовали как духовные, так и светские лица, в т.ч. губернатор и вице-губернатор Бессарабской губернии, учителя, служащие, воспитанники различных учебных заведений (КЕВ 1, 1431-1432).

Немцам была уделена первая часть беседы. Отмечалось отсутствие у них простой вежливости, наличие чванства и недоброжелательного отношения к русским задолго до войны. Примером тому послужили личные наблюдения архиепископа по пути в Америку и в ней самой (КЕВ 1, 1433). Напомнил он о т.н. «зеленой границе», собираемой нечистоплотными немецким дельцами с желающих уехать в Америку «трехрублевки» взамен на обещания проезд за границу и далее в Америку без паспорта за три рубля. Многие простолудины попадались на эту попадаются на эту удочку. Ведь, помимо мытарств с получением эмигрантского билета, российским подданным приходилось платить за эмигрантский паспорт 27 рублей. Владыка сам неоднократно пытался решить этот вопрос в Петербурге, но, к сожалению, результата добиться не удалось (КЕВ 1, 1434-1435).

Во второй части лекции была дана характеристика русинов, переселившихся из Австро-Венгрии в Северную Америку. Эта тема была близка собравшимся, т.к. в Бессарабии в то время проживало не менее 250 тыс. русинов (более 1/8 населения губернии), родственных русинам австрийских Галичины и Буковины (Суляк, 2015: 102, 108).

Говоря о русинах, владыка сказал, что «они достойны полной похвалы, особенно в религиозно-нравственном отношении». Он назвал их «представителями русской мощи в Америке» (КЕВ 1, 1436). В то время как русины в Галиции страдали под австрийским гнетом, выбравшиеся в Америку русины жили «прекрасной, религиозно-нравственной в высшей степени, разумнейшей и энергичнейшей жизнью». Было названо несколько известных архиепископу личностей, в т.ч. и протоиерей Алексей Товт (1854–1909), протопресвитер Русской православной церкви в США, обратившийся «из униатов и своим обращением оторвавший от Рима 12 униатских приходов». Архиепископ подчеркнул «патриотизм по отношению к России, которую он полюбил заочно», приведя пример: за высказанное в адрес царя оскорбление о. Алексей избил палкой обидчика. За это он был оштрафован на 10 долларов. О. Алексей добавил еще 10 и снова «набросился на хулиателя и высказал жалость, что палка слишком тонка» (КЕВ 1, 1437).

Владыка тепло отзывался и о «симпатичнейших также дорогих русскому человеку типичных “дьячках”, которых в России уже нет лет 30, с их старинным “гласовым” пением» (КЕВ 1, 1437). Вспоминал посещение «маленького храма русинского в местечке Валеи-Ривер (Valley River) в Канаде», где он служил при 30° мороза в день Рождества Христова и по просьбе прихожан, которые, стоя на коленях, попросили его, отслужил службу и на Новый год. Он отметил, что русины почти обоготворяют архиереев и у них развито чувство глубочайшего уважения ко всему, качающемуся церковно-религиозного быта. Говоря о церковно-религиозных торжествах и процессиях, владыка отметил, что в них участвовали «громადнейшие толпы русинских прихожан». Подчеркнул он и патриотизм русинов: русский царь для них «батюшка», хотя они и не его подданные. «Как приятно, отрадно русскому человеку слушать там, в далекой Америке, этот простой малорусский говор, дышащий высшей силой духа и искренностью», «как пленительно сладки “дьячковские напевы” на том же говоре», - отметил архиепископ (КЕВ 1, 1438). 17 (30) мая – отпуск для говения – владыка ежегодно проводил в Св. Тихоновском монастыре (Саут-Кейнан, штат Пенсильвания). В этот день туда на торжественное богослужение на особом поезде съезжаются многочисленные русинские церковные общества, а многие приходят пешком (КЕВ 1, 1439).

Несколько иначе владыка отзывался о русинской интеллигенции, «той, которая стремится стать во главе народа», однако и она «в последнее время чаще и чаще склоняется перед знаменем мира и любви и идет по стопам простой русинкой массы» (КЕВ 1, 1439).

Во второй лекции «Наша Русь в Америке», прочитанной в Серафимовском в Епархиальном доме 28 ноября 1914 г. и записанной редактором «Кишиневских епархиальных ведомостей» В. Курдиновским, архиепископ Платон уделил больше внимания истории Американской Руси, разделив ее на три периода - «аляскинский, сан-францисский и нью-йоркский».

Аляска, по его словам, – «колыбель Руси в Америке, начальный ее период». Он упомянул известных русских мореплавателей, путешественников и промышленников, в т.ч. Беринга, Баранова, Шелихова, Голикова, Прибылова, Резанова, чьи имена носят острова и проливы возле Аляски (КЕВ 5, 1960); перечислил и миссионеров Русской православной церкви - иеромонахов Германа, Ювеналия, архимандрита Иннокентия (Вениаминов) и др., просвещавших и крестивших местное население (КЕВ 5, 1963). В 1867 г. Аляска была передана США. «Счастье наше, - отметил владыка, - что, продав землю, мы не могли продать русской души насельников этой страны. Она то и хранит в неприкосновенности следы русской культуры здесь» (КЕВ 5, 1965-1966).

Сан-францисский период (1872–1895 гг.) ознаменован переходом о. Алексия Товта в г. Миннеаполисе (штат Миннесота) вместе со своим приходом из унии в православие. Русскими епископами в Сан-Франциско были отцы Иоанн (Митропольский), Нестор (Засс), Владимир (Соколовский), Николай (Адоратский), Тихон (Белавин). В 1905 г. архиепископ Тихон (Белавин) перенес архиерейскую кафедру в Нью-Йорк, куда в 1907 г. прибыл архиепископ Платон (КЕВ 5, 1965-1966).

Владыка упомянул о том, что «влияние инославных исповеданий на православную Русь в Америке сказывается иногда в воздействии отрицательных сторон жизни этих церквей» (КЕВ 5, 1968). «Православные приходы, содержа православное духовенство за свой счет, – отмечал архиепископ Платон, – чрезвычайно требовательно относятся к духовенству, и каждой копейке, которая падает на содержание причта, ведется счет аккуратнейший» (КЕВ 5, 1968). Обложение прихожан было поголовное: каждый платил определенную сумму в месяц и отдельно за требы и кружечные сборы. Если случалось, что батюшка в какой-то месяц получил больше на несколько копеек, их учитывали при следующей получке. Обязанность собирать деньги у прихожан возлагалась на священника. Православные, как отмечал владыка, заимствовали у американцев обычай «экскурсий» (excursion): сбор посредством угощения спиртными напитками (кто больше выпьет, тот больше пожертвует на церковь) (КЕВ 5, 1969).

Хотя чисто русских приходов в Америке было не так много, количество их увеличивалось. Отмечал владыка и стремление обамериканизации: русин-американец, приобщившись к американской культуре, считает, что даже хлеб ему кушать «никово» (неприлично), он должен есть одну говядину. Чай тоже пить неприлично, другое дело «каву пить» (КЕВ 5, 1969-1970). Коснулся он и судьбы еще одной ветви русского народа: духоборов, «которые, живя в Америке, связаны с Россией незримыми нитями духовного родства». Их «соблазнили картинами американской жизни, благами свободы религиозного самоопределения, но они чувствуют, что их жестоко в Америке эксплуатируют» (КЕВ 5, 1970-1971).

В цикле статей «Страничка из жизни Североамериканской православной Руси», написанных на основании воспоминаний владыки П. Поповичем, дается характеристика деятельности Русской православной церкви США и Канады в период руководства кафедрой архиепископом Платоном.

Усиленная эмиграция русских в Северную Америку началась с 1900 г. Уже к 1910 г. русских было 160 тыс. чел., у них было 114 религиозных общин, и по количеству верующих они занимали 24-е место среди религиозных общин США (в 1900 г. – 138) (КЕВ 2, 1475). Русскую эмиграцию можно было разделить на две части: вместе с эмиграцией православных из России шла волна русских (русинов) православных и униатов из Галиции (имеются в виду из Угорской Руси, Буковины и Галиции) (КЕВ 2, 1475-1476). В Америке русины попадали под руководство Русской православной

миссии и переходили в православие. Этому пытался препятствовать униатский епископ и «пересаженный на американскую почву» Базилианский орден (василиане). Униатская церковь «стала в воинствующее против православия положение», грозясь «знишити (уничтожить) прокляте цареславие», проявляя неразборчивость в средствах (КЕВ 2, 1476). Поэтому одной из задач Русской православной церкви в Америке, помимо удовлетворения всех нужд православных, стало миссионерство. Необходимо было защитить паству от воинственного католицизма и униатства, содействовать обращению униатов в их «первоначальную их веру – православную». Это было сделано архиепископом Платоном, который понял необходимость изменения работы Русской православной миссии в Америке (КЕВ 2, 1476).

Подобные задачи – «обсуживать религиозные нужды населения, защищать от пропаганды иноверцев, заботиться о распространении православия» – стояли перед каждой епархией. Однако в российских епархиях «на русской почве почти все делается потихоньку да полегоньку», церковная жизнь регламентирована, власти оказывали ей содействие. В Америке все обстояло по-другому. Там, как отмечалось в статье, «гражданская и церковная жизнь» не идет по «старым проторенным тропинкам», а «ключом бьет», при этом «трудно создать какие-то строго определенные нормы и ими руководствоваться в жизни при всех обстоятельствах» (КЕВ 2, 1476-1477).

Другие особенности – обширность Американской епархии и ее пестрый состав. Среди эмигрантов были люди, приехавшие улучшить свое материальное положение, бежавшие за границу после первой русской революции, «галичане-православные, переехавшие от преследования на все русское и православие, галичане, перешедшие из униатства в православие, галичане-униаты, тяготеющие к православию, и ждущие соответствующего призыва, буковинцы, угорщане – русские из Подъяремной Руси, а также болгары, сербы, греки, сирийцы, арабы, албанцы, алеуты, американцы». Причем «вся эта разноплеменная и разноязычная масса, хотя и единовенная масса» была разбросана на огромных пространствах. Значительные группы жили в крупных центрах. В Нью-Йорке – около 60 тыс. русских, в Чикаго – 50 тыс., много проживало в Филадельфии, Питсбурге, Бостоне и т.д. Однако немало православных приходов состояло из нескольких общин, живших далеко друг от друга. Кроме разбросанности приходов, проблема была в том, что в одном проживали лица из разных стран с разными «обычаями житейскими и церковными» (КЕВ 2, 1477-1478).

Все это создавало трудности в налаживании приходской жизни, постоянно происходили «столкновения, смуты, волнения, доносы и прочие неприятности». Большим злом, по мнению автора, являлось такое явление североамериканской церковной жизни, как «боссизм». Боссы, по аналогии с Россией, – это «кулаки»-кабачники, «мироеды». Обладая деньгами, они играли значительную роль в жизни общины или прихода. Если они входили в церковный совет (это случалось часто из-за давления на бедняков), то начинали распоряжаться церковной кассой по своему усмотрению, подрывали авторитет священника, препятствовали ему в проведении нужных мероприятий и т.д. Таким образом, боссы были «самым нежелательным элементом в приходах, настоящим тормозом приходской жизни» (КЕВ 2, 1478-1479).

Также осложняла церковную жизнь упорная борьба с пропагандой католицизма и сектантства, которая в Америке законодательно не ограничивалась, как в России. Еще одна проблема – недостаток материальных средств. А так как количество русских эмигрантов в Америке постоянно увеличивалось, то росло и число лиц, нуждавшихся в помощи миссии. Выдвигала новые задачи и сама жизнь: требовалось противодействовать католической пропаганде, строить новые храмы, вокруг которых образовывались бы новые приходы и школы, чтобы дети сохранили свою национальность, нужна была семинария – «рассадник» будущих пастырей, требовались деньги для помощи больным, бедным и неимуемым эмигрантам, с которыми миссия ежедневно сталкивалась (КЕВ 2, 1479-1480).

Приходилось сталкиваться с и тем, что «знания о России еще скуднее и нелепее», чем в европейских странах, на страницах журналов публиковался «вздор». Большую «лепту» вносили политические эмигранты из России, «горя ненавистью к России и русскому правительству», «прогрессивные» русские журналы (социалистические, анархические и украинские), писавшие «клевету на Россию, царя и церковь», обливая грязью все русское. Поэтому еще одна роль миссии заключалась в том, чтобы знакомить с Россией и русскими, «охраняя честь русского имени и опровергая ложь о русских», ее трудный и ответственный «боевой» пост» (КЕВ 2, 1482-1483).

Во время руководства североамериканскими православными приходами Русской православной церкви архиепископом Платоном жизнь миссии стала напряженнее, на американскую землю ступило более полумиллиона русских, и количество эмигрантов продолжало увеличиваться.

Владыка начал свой путь сельским священником, был профессором, инспектором и ректором Киевской духовной академии, управлял Киевской епархией во время отлучек митрополита, участвовал в общественно-политической жизни Киева, избирался депутатом Государственной Думы. Приобретенный жизненный опыт и личные качества помогли ему в должности архиепископа Алеутского и Североамериканского (КЕВ 2, 1484).

На съезде епархиального духовенства, состоявшемся в октябре 1908 г. в Тихвинском монастыре в Пенсильвании, владыка выступил с программной речью, в которой обозначил основные направления и задачи миссии.

«Главная и по своему значению самая насущнейшая задача нашей жизни здесь, – подчеркивал он, – **возвращение униатов в лоно нашей православной церкви**». Он упомянул, что свыше 300 лет «Рим со своей железной организацией выдавливал из русского народа в Галиции все, что напоминало православие», «не меньше усилий было проявлено и со стороны поляков для совершенного порабощения мысли и уничтожения в народе русского самосознания». Однако «бедная, оставленная своей собственной участи Галичина» боролась за свое православие, или вернее некоторые остатки его, боролась за свою русскость». Когда галичане стали массами эмигрировать в Америку, там появились и представители Рима, назначившие особого епископа. Влияние унии для русских галичан оказалось столь сильно, что «они унию считают православием, в мачехе видят родную мать». Миссия, считал Платон, должна взяться «за систематичный, упорный, настойчивый, тягучий труд» по возвращению униатов в лоно православной церкви (КЕВ 2, 1485-1486).

При обращении униатов надо, как и прежде, тактично относиться к «главарям унии», был уверен владыка. Когда «вместо такого отношения и братского призыва» миссия стала к ним «в резкие обращения», было наделано немало ошибок. В свою очередь, дало результат обращение к простому народу (КЕВ 2, 1487).

В борьбе с унией предлагалось использовать «внешние средства»: печатные органы, листовки, брошюры, воззвания. К «внешним мерам» относились и собрания, митинги, вече, на которых и «мирские люди выступают в качестве глашатаев православной веры» (КЕВ 2, 1487).

Способствовать возвращению униатов в православие помогло бы и создание Русского эмигрантского дома (КЕВ 2, 1488).

Большую роль в деле возвращения униатов могли сыграть учрежденные в епархии миссии (КЕВ 2, 1488). В приходах, где нужны были такие миссии, миссионеры в определенные дни совершали «ежедневные богослужения, особенно вечерни, на которых произносятся проповеди» (КЕВ 2, 1489).

Касаясь подрастающего поколения, владыка обратил внимание на необходимость «правильно поставленных школ» и предложил «отнестись к школьному вопросу со всей достойной серьезностью, всесторонне обсудить его» (КЕВ 2, 1490).

«Но все наши средства или мероприятия к возвращению униатов в православие, – отметил он, – будут ни к чему, если наши приходы не будут соорганизованы в должный вид, если приходская жизнь не забудет в них ключом живой воды, если униаты будут, что у нас в приходах царствует мир». Было предложено во избежание анархии в приходской жизни усилить церковную дисциплину и издать общие для всех приходов правила, выработать «нормальный устав» (КЕВ 2, 1491-1492).

Реализация вышеуказанного во многом зависела от финансовых средств. К сожалению, тех денег, что выделял Св. Синод на преобразования не хватало. Поэтому необходимо было изыскать средства самим. Владыка подчеркнул: «**Наша цель – возвращение униатов, а задача – самостоятельное существование без помощи извне**». Архиепископ Платон предложил свой проект материального обеспечения миссии: «Обложив известным взносом каждого члена прихода, можно собрать ежегодно 150 000 долларов». Этой суммы, по словам владыки, было достаточно, чтобы выплачивать жалование священникам и псаломщикам, оставались суммы на содержание, постройку и ремонт церквей, домов, страхование их, семинарию, приют, богодельню (КЕВ 2, 1492-1493). Он предложил внести особые правила для этих точно определенных взносов или внести раздел в «Нормальный устав». Предлагалось, чтобы «за аккуратным взиманием и платежом взносов должны были следить сами пасторы» (КЕВ 2, 1494).

Позже архиепископ, вложивши свои средства, при некоторой поддержке со стороны духовенства и консульства приобрел здание для Русского эмигрантского дома. Дому приходилось трудно из-за недостатка финансирования. Оно состояло из личных денег архиепископа, ежегодного дара императора Николая II в размере 2 500 долларов и небольших средств из консульства (КЕВ 3, 1516). Позже Св. Синод внес в Государственную Думу предложение о финансировании за счет казны Русского эмигрантского Дома в размере 8 тыс. руб. ежегодно. Бюджетная комиссия Думы, поняв важность данного проекта, осуществлявшегося архиепископом Платоном, приняла решение о финансировании в большем размере – 15 тыс. руб. (КЕВ 3, 1518-1519).

Русское эмигрантское общество (полное название – Русское православно-христианское эмигрантское общество в Северной Америке) и «Русский эмигрантский дом» были открыты 1 декабря 1908 г. Заведовавший последним священник Игнатий Лахно подсчитал, что за первые шесть лет существования через него прошло более 100 тыс. русских эмигрантов. По словам Лахно, «100 тысяч спасено от эксплуатации различными проходимцами-агентами. Почти всем 100 тысячам дана работа, следовательно, они спасены от голода в чужой стране». Причем «все русские эмигранты – сплошная гольтьба, не имеют чем платить, так что деньги, потраченные на них, не возвращаются». В эмигрантском доме этого и не требовали, как и предъявления паспортов, не интересовались политическими и религиозными убеждениями. Достаточно было прийти и сказать, что русский (на принадлежность к православию тоже не обращали внимания) (КЕВ 3, 1517).

В «Русском доме» нуждавшиеся находили первый приют, пока не разыскивали своих земляков или родных, к которым приехали, или не устраивались на работу. Кроме эмигрантов из России, приют там находило немало русинов-униатов, прибывших из Австро-Венгрии (КЕВ 3, 1518).

Осуществил архиепископ Платон и «внешние меры». Из-за недостатка средств миссионерские съезды собирались редко, вместо их стали собирать вече. Перед началом создавался комитет, в который входили православные и симпатизировавшие им униаты, затем арендовался зал, давалось объявление в газетах, приглашались выступавшие из православных священников и мирян, приглашали на диспут о вере и униатского священника. На собрании выяснялась «истина православия и ложь унии». На вече охотно приходили русины-униаты. Обыкновенно мероприятия заканчивалось «внесением резолюций», т.е. решений навсегда порвать с унией и Римом и воссоединиться с православной церковью (если вече созывалось специально для униатов) или протестом «против насильственного удержания русинов в унии или против очернения чести о. Наумовича и проч.». Недостаток средств на разъезды организаторов вечера и ораторов мешал делать эти мероприятия чаще и во всех концах Америки (КЕВ 3, 1519-1521).

Наряду с вече для оживления религиозной жизни в приходах проводились торжественные архиерейские служения, которые нередко посещали и униаты (КЕВ 3, 1521).

Руководство епархией понимало, что, помимо вечевых собраний и архиерейских служений, важную роль играло печатное слово. Униаты выпускали большое количество журналов, враждебных православию. Это «Душепастырь», «Свобода», «Гайдамаки», «Хлопский параграф», «Союз», юмористический «Шершень», «Мета», «Правда». Также католические организации, прежде всего иезуиты, распространяли много брошюр, призванных дискредитировать православие. Этой пропаганде сначала противостояли еженедельная газета «Свет», основанная в 1895 г., и журнал «Американский православный вестник», выпускавшийся с 1895 г. Владыка основал в декабре 1913 г. журнал «Ревнитель православия» - орган созданного Общества ревнителей православия в Америке (КЕВ 3, 1523).

Миссионерские обязанности владыка возложил и на Свято-Тихоновский монастырь. В связи с усилением деятельности миссии, было обращено внимание на подготовку своих кадров. В связи с тем, что не хватало количества священников и миссионеров, прибывавших из России, архиепископ решил повысить качество обучения в местной семинарии. Ранее она находилась в неопределенном состоянии: были предложения ее закрыть из-за нехватки финансовых средств. Платон решил не только сохранить ее, но и расширить ее, улучшить учебный процесс. В результате семинария получила свой участок земли около Нью-Йорка, свое здание и свой храм. При ней была создана библиотека, которая насчитывала более 6 000 книг. Все это удалось сделать без помощи Св. Синода. Причем «практическая подготовка семинаристов к миссионерству и пастырству выгодно отличают американскую семинарию от большинства русских». Владыка любил свое детище, «следил за ее жизнью, успехами, радовался росту». Уезжая, он возбудил ходатайство перед Св. Синодом о уравнивании ее в правах с русскими семинариями и принятии на содержание Св. Синода (КЕВ 3, 1524-1524).

Все указанные владыкой шаги привели к оживлению приходской жизни, началу массового перехода униатов в православие и увеличению на 100 православных приходов. Во всех приходах был введен «Новый устав», целью которого было свести приходскую жизнь строгому единству и дать приходам спокойно развиваться (КЕВ 3, 1525). «Нормальный устав» был довольно демократичным. Он позволял прихожанам принимать участие в управлении приходами. На приходской совет возлагалось «ограждение православных приходов от проникающих в приход противорелигиозных и сектантских учений», «принятие общих мер к утверждению и возвышению нравственной жизни прихожан», «выработка местных приемов по борьбе с унией». Каждый прихожанин, согласно уставу, являлся миссионером, борцом за свою веру, блюстителем ее чистоты. В обязанности каждого входила работа об удовлетворении нужд прихода. Приходское хозяйство велось при полном контроле прихожан. Все церковные суммы передавались в руки избранного прихожанами кассира, который производил расходы лишь с разрешения церковного комитета и отчитывался контрольной комиссии. Действия церковного совета контролировались всеми прихожанами на годичных и полугодовых собраниях. В уставе были предусмотрены меры против вмешательства в церковные дела «боссов». Были четко определены права и обязанности причта и прихожан, их взаимоотношения (КЕВ 4, 1547-1548).

Православная миссия и владыка Платон невольно подкупали к себе галичан, как униатов, так и православных, своими благородными действиями, не основанными на получении или ожидании каких-либо выгод, а, напротив, требовавшими от них самих материальных затрат.

Галичан владыка воспринимал как русских, которые по воле судьбы и крупной исторической ошибки России очутились не «в русском море», и не делал отличия между ними и русскими из России. Когда в 1910 г. в Америке собирались средства на поддержку просветительского общества им. М. Качковского, владыка не только пожертвовал крупную сумму, но и призвал к жертвованиям подчиненное ему духовенство. Когда пришло известие о неурожае в Галиции, он снова не только внес пожертвование, но и обратился к пастве с просьбой помочь несчастным (КЕВ 4, 1551).

Газета «Свет» писала: «Архиепископ Платон не узнает границ политических русского народа, и он узнает одну Русь и один русский народ, и для того он подает помощь там, где потреба, до Галичины, Буковины, Угорщины и т.д.» (КЕВ 4, 1552).

Владыка не оставался равнодушным и к притеснениям галичан на их родине. Он «с глубокой болью сердечной», как «и всякий русский», следил за Вторым Мармарош-Сиготским и Львовским процессами и выступил с протестом против них (КЕВ 4: 1553).

4. Заключение

С 1891 г. до начала Первой мировой войны с Русской православной церковью в Америке воссоединилось около 120 униатских русинских приходов, и к 1918 г. Североамериканская епархия располагала четырьмя викариатствами: Аляскинским, Бруклинским, Питтсбургским и Канадским; у нее было три миссии (Албанская, Сирийская, Сербская), 271 храм, 51 часовню, 31 благочиние, 257 священнослужителей, около 60 братств; имела Свято-Тихоновский монастырь в Саут-Канаане, сиротский приют при монастыре, духовную семинарию, церковные школы; насчитывала до 300 тысяч верующих. Также имелись свои печатные органы. Официальным органом считался первый периодический православный журнал «Американский православный вестник», кроме него выходила православная народная газета «Свет» (Скурат, 1994, 271-272).

После революции судьба вновь связала владыку с Северной Америкой. В 1920 г. он, утвержденный в 1918 г. митрополитом Херсонским и Одесским, эмигрировал в США, куда приехал весной 1921 г. В 1922 г. патриарх Тихон назначил митрополита Платона временно управляющим Североамериканской епархией. После победы в России советской власти связь епархии с патриархией была затруднена, прекратилась финансовая помощь, углубились раздоры на национальной почве. Усугубляло положение возникновение в России обновленческого раскола, создавшее угрозу отчуждения имущества Североамериканской церкви. В ноябре 1922 г. на III Всеамериканском соборе митрополит Платон был избран на Североамериканскую кафедру, его избрание было утверждено патриархом Тихоном. Владыка Платон продолжал в своих публичных выступлениях критиковать советскую власть, что создало конфликтную ситуацию с патриархией. В январе 1924 г. патриарх Тихон и Св. Синод уволили митрополита от управления Алеутской и Североамериканской епархией. Собранный в связи с этим конфликтом в апреле 1924 г. в Детройте IV Всеамериканский собор объявил Алеутскую и Североамериканскую епархию временно самоуправляющейся и назначил управлять ее митрополита Платона.

Нежелание митрополита Платона выполнять решение патриарха и Св. Синода привело к его повторному отстранению от управления епархией. Решением РПЦ от 22 ноября 1933 г. правящим архиереем с титулом Алеутского и Североамериканского в звании экзарха Московской патриархии в Америке был назначен архиепископ Вениамин (Григорьев, Буевский, 2001, 15-16).

Однако, как отмечал архиепископ Виталий (Максименко) (1873–1960), в 1934 г. возведенный в сан архиепископа Североамериканского и Канадского, у «платоновцев» оставалось «до 200 организованных приходов, кадры старого духовенства, школы, братства, приспособленность к условиям американской жизни» (Максименко, 33).

Литература

Акимов, Минкова, 2016 – Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128-144. DOI: 10.17223/18572685/43/9

Гарусова, 2016 – Гарусова О.А. Платоновский приют. К истории благотворительности в Бессарабии в годы Первой мировой войны. // Русин. 2016. № 3 (45). С. 232-246. DOI: 10.17223/18572685/45/16

Голостенов, 1993 – Голостенов М.Е. Платон (Рождественский Порфирий Федорович) // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 251-252.

Григорьев, Буевский, 2001 – Григорьев Дмитрий, прот., Буевский А.С. Алеутская и Североамериканская епархия // Православная энциклопедия. Т. 2 (Ал-Ан). М.: Православная энциклопедия, 2001. С. 14-16.

КЕВ, 1 – Леонтовский В. Беседа высокопреосвященного Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского в присутствии высокопреосвященного Флавиана, митрополита Киевского и Галицкого // Кишиневские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). Отдел неофициальный. № 36. 1914. 7 сентября. С. 1431-1441.

КЕВ, 2 – Попович П. Страничка из жизни Североамериканской Православной Руси // КЕВ. Отдел неофициальный. № 37. 1914. 14 сентября. С. 1471-1497.

КЕВ, 3 – Попович П. Страничка из жизни Североамериканской Православной Руси. Продолжение // КЕВ. Отдел неофициальный. № 38. 1914. 21 сентября. С. 1511-1526.

КЕВ, 4 – Попович П. Страничка из жизни Североамериканской Православной Руси. Продолжение. // КЕВ. Отдел неофициальный. № 39. 1914. 28 сентября. С. 1559-1557.

КЕВ, 5 – Курдиновский В. Наша Русь в Америке. Речь высокопреосвященного Платона, сказанная в г. Кишиневе в Серафимовском епархиальном доме 28 ноября 1914 г. // КЕВ. Отдел неофициальный. № 51-51. 1914. 21 и 28 декабря. С. 1959-1971.

Коханик, 1970 – Петр Коханик, протопресвитер. Начало истории Американской Руси // Прикарпатская Русь под владением Австрии. Trumbull, Connecticut, 1970. С. 467-536.

Максименко – Виталий (Максименко), архиепископ. Мотивы моей жизни. 3-е изд., доп. Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, б.г. 204 с.

Мень, 2002 – Мень А. Библиологический словарь. В 3 т. Т. 2. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 558 с.

Скурат, 1994 – *Скурат К.Е.* История поместных православных церквей. В 2 т. М.: Русские огни, 1994. 318 с.

Содоль, 2014 – *Содоль В.А.* Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // *Русин.* 2014. № 4 (38). 2014. С. 30-46.

Содоль, 2016 – *Содоль В.А.* Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии в 1915–1916 гг. (По материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей»). // *Русин.* 2016. № 2 (44). 2016. С. 111-135. DOI: 10.17223/18572685/44/8

Суляк, 2015 – *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // *Русин.* 2015. № 1 (39). С. 95-115. DOI 10.17223/18572685/39/7

References

Akimov, Minkova, 2016 – *Akimov Ju.G., Minkova K.V.* Osobnosti formirovaniya rusinskoj diasporы v SShA v konce XIX v. [Specificity of formation of Rusyn diaspora in the United States in the late XIX-th century]. *Rusin.* 2016. № 1 (43). S. 128-144. DOI: 10.17223/18572685/43/9

Garusova, 2016 – *Garusova O.A.* Platonovskij prijut. K istorii blagotvoritel'nosti v Bessarabii v gody Pervoj mirovoj vojny [The orphanage of Platon. On the charity in Bessarabia during WWI]. *Rusin.* 2016. № 3 (45). S. 232-246. DOI: 10.17223/18572685/45/16

Golostenov, 1993 – *Golostenov M.E.* Platon [Rozhdestvenskij Porfirij Fedorovich] // *Politicheskie dejateli Rossii 1917: Biograficheskij slovar'.* M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1993. S. 251-252.

Grigor'ev, Buevskij, 2001 – Grigor'ev Dmitrij, prot., Buevskij A.S. Aleutskaja i Severoamerikanskaja eparhija [The Aleutian and North American Diocese]. *Pravoslavnaja jenciklopedija.* T. 2 (Al-An). M.: Pravoslavnaja jenciklopedija, 2001. S. 14-16.

KEV, 1 – *Leontovskij V.* Beseda Vysokopreosvjashhennogo Platona, arhipiskopa Kishinevskogo i Hotinskogo v prisutstvii Vysokopreosvjashhennogo Flaviana, mitropolita Kievskogo i Galickogo [Lecture Delivered by His Eminence Platon, Archbishop of Chişinău and Khotin in the Presence of His Eminence Flavian, Metropolitan of Kiev-Halych]. // *Kishinevskie eparhial'nye vedomosti (dalee – KEV).* Otdel neoficial'nyj. № 36. 1914. 7 sentjabrja. S. 1431-1441.

KEV, 2 – *Popovich P.* Stranichka iz zhizni Severoamerikanskoy Pravoslavnoj Rusi [A Page in the Life of North American Orthodox Rus']. // *KEV.* Otdel neoficial'nyj. № 37. 1914. 14 sentjabrja. S. 1471-1497.

KEV, 3 – *Popovich P.* Stranichka iz zhizni Severoamerikanskoy Pravoslavnoj Rusi. Prodolzhenie [Page of the life of the North American Orthodox Rus']. // *KEV.* Otdel neoficial'nyj. № 38. 1914. 21 sentjabrja. S. 1511-1526.

KEV, 4 – *Popovich P.* Stranichka iz zhizni Severoamerikanskoy Pravoslavnoj Rusi. Prodolzhenie [Page of the life of the North American Orthodox Rus']. // *KEV.* Otdel neoficial'nyj. № 39. 1914. 28 sentjabrja. S. 1559-1557.

KEV, 5 – *Kurdivovskij V.* Nasha Rus' v Amerike. Rech' Vysokopreosvjashhennogo Platona, skazannaja v g. Kishineve v Serafimovskom eparhial'nom dome 28 nojabrja 1914 g. [Speech Delivered by His Eminence Platon at the Chişinău Serafimovsky Diocesan House on November 28, 1914]. // *KEV.* Otdel neoficial'nyj. № 51-51. 1914. 21 i 28 dekabrja. S. 1959-1971.

Kohanik, 1970 – Petr Kohanik, protopresviter. Nachalo istorii Amerikanskoy Rusi [The history of the American Rus']. // *Prikarpat'skaja Rus' pod vladeniem Avstrii.* Trumbull, Connecticut, 1970. S. 467-536.

Maksimenko – Vitalij (Maksimenko), arhipiskop. Motivы moej zhizni [The motives of my life]. 3-e izd., dop. Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, b.g.. 204 s.

Men', 2002 – *Men' A.* Bibliologicheskij slovar' [Bibliographical dictionary]. V 3-h t. T. 2. M.: Fond imeni Aleksandra Menia, 2002. 558 s.

Skurat, 1994 – *Skurat K.E.* Istorija Pomestnyh Pravoslavnyh Cerkvej [The History of the Local Orthodox Churches]. V 2 t. T. 2. M.: Russkie ogni, 1994. 318 s.

Sodol', 2014 – *Sodol' V.A.* Blagotvoritel'naja dejatel'nost' duhovenstva Kishinevskoj eparhii na nachal'nom jetape Pervoj mirovoj vojny (po materialam «Kishinevskih eparhial'nyh vedomostej») [Philantropical activities of clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the "Kishinev Diocesan Gazette")]. *Rusin.* 2014. № 4 (38). 2014. S. 30-46.

Sodol', 2016 – *Sodol' V.A.* Blagotvoritel'naja dejatel'nost' duhovenstva Kishinevskoj eparhii v 1915-1916 gg. (Po materialam «Kishinevskih eparhial'nyh vedomostej») [Philanthropic activities of the clergy of the Kishinev Diocese in 1915–1916 (according to material in the “Kishinev Diocesan Gazette”)]. *Rusin.* 2016. № 2 (44). 2016. S. 111-135. DOI: 10.17223/18572685/44/8

Sulyak, 2015 – *Sulyak S.G.* Rusiny Bessarabii v XIX - nachale XX v.: k probleme chislenosti [The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers]. *Rusin.* 2015. № 1 (39). S. 95-115. DOI 10.17223/18572685/39/7

УДК 94(47)20

«Кишиневские епархиальные ведомости» как источник по истории Североамериканской РусиСергей Георгиевич Суляк ^{a, b, *}, Владимир Владимирович Казаков ^b^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация^b Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотации. В статье анализируются материалы по истории Североамериканской Руси, опубликованный в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» в 1914 г. Публикации связаны с именем владыки Платона (Рождественского), который был архиепископом Кишиневским и Хотинским в 1914–1915 гг. До этого он управлял Алеутской и Североамериканской епархией, в которой Русская православная церковь осуществляла каноническую власть среди православных различных национальностей.

На страницах официального органа Кишиневской епархии приводится ряд интересных сведений по истории православия в Америке. Много места уделено русинам, эмигрировавшим в США и Канаду из Австро-Венгрии. Архиепископ Платон с симпатией описывает русских жителей Галицкой Руси, составлявших большинство его паствы.

Своей главной задачей владыка считал возвращение униатов в лоно православной церкви. Многочисленные миссионерские съезды, вече и другая разъяснительная работа, проводившиеся миссией по всей территории Северной Америки, способствовали массовому переходу русских галичан (русинов) в православие. Принятый «Новый устав» позволил упорядочить приходскую жизнь. Сыграли свою роль в укреплении православия и созданные владыкой издания: газета «Русский эмигрант» (1912) и журнал «Ревнитель православия» (1913). Учрежденные при поддержке владыки Русское эмигрантское общество и «Русский эмигрантский дом» (1908 г.) смогли оказать помощь более чем 100 тыс. русским эмигрантам из России и русинам из Галиции, Буковины и Подкарпатской Руси.

Предпринятые владыкой действия привели к увеличению православных приходов, тем самым укрепив позиции Русской православной церкви в Северной Америке.

Ключевые слова: Северная Америка, США, Кишиневские епархиальные ведомости, архиепископ Платон (Рождественский), диаспора, русские, русины, униаты, православие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergei_suleak@rambler.ru (С.Г. Суляк),
prorektorsv@mail.ru (В.В. Казаков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1346-1352, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94: 2-44 (571.5) «18/19»)

**“An Attractive Idea of Parochial Boards of Trustees...”
 (based on the documents from Eastern Siberian dioceses dated 1914–1917)**

Tatiana A. Kattsina ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article is based on research literature and published sources and it reveals charity work of parochial boards of trustees in the beginning of the XXth century. The historical analysis is limited by Eastern Siberia, serving as an example of religious aspect of civic activity genesis in pre-revolutionary Russia. The importance of parochial boards of trustees in material and non-material support to soldiers and their families during World War I is described. The factors that reduced the opportunities of parochial boards of trustees are emphasized in the evaluation of useful and necessary function of the boards. The following conclusion is drawn: different conditions in which the activity of this or that board of trustees developed influenced the differences in budgets and measures of support they gave.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk diocese, Yenisseyk diocese, Zabaikalsk diocese, the Russian Orthodox Church, parish, parochial board of trustees, social assistance, World War I.

1. Introduction

During the wars in the beginning of the XXth century the Russian state tried to develop a system of measures that would mitigate the effects of the extremely increased social mobility. This resulted in renovation of assistance relations and creation of new population support methods. During World War I the Orthodox Church made a significant contribution into population social support. It showed in the support of the moral order of the army, in spirit and medical assistance to the sick and wounded soldiers, in reequipment of vacant monastic premises into hospitals, in the aid to the Russian Red Cross society and secular organizations referring their care of the war victims, in the fund raising, as well as in making boards of trustees in the Orthodox parishes for material and non-material support to soldiers and their families. Parishes were the closest to social assistance objects and thus they could provide universal forms of assistance with individual approach.

2. Information and methodology

Among the sources that we used there are annual reports of the attorney-general of the Holy Synod on the Orthodox confession government agency, church periodicals (Irkutsk diocesan bulletin, Yenisseyk diocesan bulletin, Appendix to diocesan bulletin) that were official information channels for the Orthodox organizations and discussion platform to discuss church reformations issues. “Short Description of Yenisseyk Diocese Parishes” publication dated 1916 gave us valuable information. These diverse sources were studied by means of stocktaking method. The synchronous method of historical studies allowed viewing forms and measures of population social support within the frames of a parish together with other social life phenomena.

3. Discussions

The present stage of Russian history development is characterized by significant widening and updating of scientific studies topics on the history of the Russian Orthodox Church. Among the great number

* Corresponding author
 E-mail addresses: kattsina@list.ru (T.A. Kattsina)

of articles and monographs we mark out the closest ones to the present article. First of all, they are articles by historians (Ul'yanova, 2004; Pankrat, 2010; Beglov, 2014), revealing various aspects of parochial funds. The Orthodoxy evolution process in connection with social life phenomena in the beginning of the XXth century is studied in the monograph by U. I. Belonogova (Belonogova, 2010). The author places a focus on the issues of the parish clergy position, relationships between minor orders and congregation, studies of the rural working people spiritual order. This work allows considering the reasons of the 1917 revolutions and the problem of the Orthodox Christians participation in them from a new viewpoint. Several monographs (Shtepa, 2007; Tsys', 2008; Vlasova, 2009; Zubanova et al., 2013) based on the authors' theses represent various aspects of social administration of the Russian Orthodox Church. I. P. Pavlova's research is developed at the overlap of the issues of military history and history of social care (Pavlova, 2003). This work is worthy thanks to the author's analysis of interrelation between all the subjects of social assistance (including the Orthodox Church) during World War I.

The present article aims at studying church and public social administration through the activity of parochial boards of trustees during World War I based on the materials of Eastern Siberia. At that time the region was a deep rear zone where evacuation flows were directed. A village with a church functioned as the centre of a rural parish that often had the same borders with an uezd (county). Such parish included 5–10 or more villages that were located at long distances (from 20 to 135 kilometers), which gave poor opportunities for social forces consolidation. Thus, Turukhansk, Priangarsk and Usinsk Parishes of Yenissey'sk Diocese exceeded some provinces of the European Russia in size. It took a clergyman about six months to travel through Areysk and Batenevsk Parishes.

4. Results

The parochial boards of trustees were organized at the order of the Holy Synod dated July 20, 1914, with the purpose to give assistance to soldiers' families. The assistance was to be given in the following cases: "a) if the head of the family is in the field, b) if the head of the family is dead, c) if the family juniors has been called up to military service". In the first case it was obligatory to raise money to help the family. In the second case the board was to make a proper provision for the family until it is necessary, which obviously meant giving support after the war was over as well. In the third case it was necessary to give assistance whenever possible. All these were preceded by a proper work on checking the financial situation of soldiers' families. The boards of trustees had to make up lists of soldiers' families, to explain the order in which the state support can be received, to distribute in a "sensible" way and to hand out allowances to needy families of church members. The data about the families were registered in a uniform record which included the following points: "1) the village name; 2) designation and the status of military service obligation of the person called up for military service (soldier or reserve officer) and the call-up time; 3) personal marital status of the person called up for military service and "who else (apart from wife and children) was on his hands"; 4) what the person called up for military service did for a living; 5) what allowance was given to the family: a) from government funds and b) from public and private funds; 6) what needs of the family of the person called up for military service are still not supplied; 7) special remarks" (Velikaya Otechestvennaya voina, 1916: 27–28; 93–94).

Boards of trustees were noted in all kinds of populated areas, but mostly in the countryside. The work "Short Description of Yenissey'sk Diocese Parishes" allows us counting the number of religious and social organizations that were created to help the families of people called up for military service. Thus, two such organizations functioned in the administrative centre of the province Krasnoyarsk (i.e. in every third parish); in the Krasnoyarsk Uezd – 4 organizations (that is 9.7 % of parishes), in the Kansk Uezd – 15 organizations (that is 19.7 % of parishes), in the Achinsk Uezd – 1 organization (that is 1.6 % of parishes), in the Minussinsk Uezd – 3 organizations (that is 3.8 % of parishes); in Turukhansk Krai parochial funds and boards of trustees were absent (Kratkoe opisaniye prihodov, 1916: 5–235).

The quantity of parochial boards of trustees in Zabaikalsk diocese was 41 in January 1915, and by the end of the year it numbered 106. During the year the funds collected 35542 roubles and handed out allowances in money, clothes and food in the amount of 26767 roubles. Assistance to the families of people called up for military service in Cossack villages was organized by the top brass, and the clergy in such villages only had to "abut upon military organizations". The town clergy participated in town committees that were organized to help the families of reserve officers and in rail transport committees, when it referred to families of railway workers (Runkevich, 1916: 1231).

The work of parochial boards of trustees was organized according to each particular local situation. Bishop for Yenissey'sk and Krasnoyarsk Nikon offered to organize "the assistance to the needy" in the following way. "Since a volost is a very large unit and a village – is a small one, each parish should have Fund of Assistance to the Wounded and Soldiers' Families". The Fund Committee should "certainly include all the church ministerings of the parish, the village headman and the church warden, and the teachers of the parochial schools". It was planned to attract the farm chief (if any), the volost head and the scribe, officials of forest division and migratory division, agricultural and cooperation organizations, assessors of small loans and "the whole intelligentsia of the parish, as well as at least one representative from each designated village and settlement". The bishop considered it necessary for the church ministerings to take part in the work of similar committees in town funds. According to his idea, "simple organization" of assistance to the wounded

and soldiers' families should include uezd funds to manage all the typical organizations in town and uezd, but provincial (diocesan) funds should control the work on a regional level (Nikon, 1914: 10–17).

Boards of trustees in some parishes did not function independently, but through local volost committees that had similar purposes. For instance, Barait Parochial Fund “did not have enough money” and was included into Uzhur local committee on care of the families of people called up for military service with “monthly grant in the amount necessary for regulation of maintenance amounts” (Enisejskie gubernskie vedomosti, 1915: 8).

Financial resources of parochial boards of trustees were mostly determined by social and economic condition of households, life level of the population in a particular volost or town, since together with special allowances paid from church amounts the main financial sources were voluntary donations that came through various fund raisings (“passing the hat”, collection at church services, collections by special records or subscription lists). Totally in Russia parochial boards of trustees handed out allowances to more than 2 million families in the amount of more than 6 million roubles during the first year of the war (Vsepoddanneishii otchet, 1916: 72; Pavlova, 2003: 50). The structure of these expenses consisted of 50.3 % of congregation donations, 45.7 % given by various organizations and 3.9 % of properly church money (calculated by: Vsepoddanneishii otchet, 1916: 72).

Total amount of personal donations collected by parochial boards of trustees at the churches in Irkutsk diocese (except the town of Irkutsk) ran at 22306 roubles during the first year of the war. 11807 roubles from this total were spent to help 1700 needy soldiers' families. The rest of the amount “was transferred to Irkutsk archbishop's Andreevskiy Red Cross Committee to hand out allowances to soldiers' families in many parishes together with provincial organizations” (Runkevich, 1917: 34–35).

The church psalm reader K. Orestov in Shunerskoye Settlement (Yenisseyskaya Province) reported in 1914, “People donate with pleasure; we think it's possible that in near future the fund should expand its activity. Everybody brings donations: whoever, whatever and as many as they can. The other day pupils of the local school inspired by a simple and devoted priest's sermon made their contribution to the common holy cause in such childlike, genuine and nice way. They wheeled out horses from their parents and brought in several loads of wood and hay to the families deprived of their breadwinners, and they also did some general work for them” (Orestov 1914: 32). However, the patriotic upsurge in the beginning of World War I gradually decreased, and as the national crisis aggravated, the ideas of Siberian population consolidation and self-identification lost their original appeal (Kattsina, 2014: 255), “giving space to other values, influences and intentions connected with social and political polarization of the society and growing confrontation of its classes and groups” (Harus', 2014: 99).

The activity of the boards of trustees was not restricted by assistance to soldiers' families; it can be proved by Knyshinskiy board of trustees report on the money flows (Yenisseyskaya Province). During the period from October 1, 1914, till March 1, 1916, they handed out allowances to 367 families in the amount of 265.65 roubles, “sent 107.13 roubles to Kuraginskiy Committee in favour of the poorest families; 50 roubles to the provincial Committee in favour of the sick and wounded soldiers; 147.99 roubles in the name of Master (bishop) in favour of the sick and wounded soldiers, 70 roubles in favour of refugees, 50 roubles in favour of asylums for soldiers' and refugees' children; 27.71 and 116.13 roubles to the farm chief of District 2 of the Minussinsk Uezd in favour of refugees and to arrange a health resort for the wounded soldiers in the Southern Crimea; 11.35 roubles to the Red Cross County Committee in favour of the sick and wounded soldiers; also 143.58 roubles were sent with subscription lists; 52.36 roubles were spent on linen for the wounded. Moreover, 247 pud of bread was given to soldiers' families. Soldiers' families also received aid in kind, such as: ploughing for seeds, grain crop harvesting, hay cutting, wood bringing etc. – in the amount of 1200 roubles. 229 pud of wheat toasts was sent to the army through the Red Cross County Committee. Linen and underwear for the soldiers were sent through the provincial Committee in the amount of 35 shirts, 35 pants, 50 towels, 45 handkerchiefs, 166 arshin of scrim, 155 pairs of mittens, 33 pairs of stockings and 3 pairs of wool foot wraps” (Otchet, 1916: 21–22).

The parochial fund in Shunerskoye Settlement of the Minussinsk Uezd (Yenisseyskaya Province) rendered assistance to 35 poor families of reserve lower army-ranks in the form of ¼ brick tea and 1 pound of kerosene monthly (Orestov, 1914: 32). This aid was essential. Minussinsk mayor P.A. Bakhov declared that 55.3 % of families from those who receive state allowance could not do without extra hand-out in May 1915, and Krasnoyarsk mayor S.I. Potylitsyn insisted on increasing the state allowance by 50 % at least (Protokoly, 1915: 14, 52).

Together with positive motivations of the stable improvement of soldiers' families live level, a part of those who received financial support gained a welfare mentality. Thus, it was reported from Shalabolinskoye Settlement of Yenisseyskaya Province that “some soldiers' wives thoughtlessly treated the allowance they got” (Zhurnal, 1915: 13). Minister K. Prozorovskiy who was the head of Novo-Nikolskiy parochial board and fund (Yenisseysk diocese) wrote, “Our first experience of arrangement a nursery orphanage for soldiers' children showed us that its organization was a noble and necessary cause, but it was a pity that population partially saw it at something obligatory; they did not bring children to the orphanage because there was nobody home to look after them or they had nothing to feed them, but for the reason that ‘since the orphanage was open, soldiers' wives *must* bring their children there and the workers *must* feed the children there’. Soldiers' wives

demanded payment to them at least 20 kopek per day for each child, who could not be brought to the orphanage for some reason” (Prozorovskii, 1915: 24).

5. Conclusion

“The attractive idea of parochial boards of trustees and their activity caused in 1915 the appearance of infantry general N. N. Beliaevskiy’s project to transmit the whole state allowance distribution cause from volost funds to parochial funds”. However, this idea was rejected by the Supreme Soviet on the care of families of people called up for military service, as well as families of the wounded and died soldiers. It was decided not to change the established order of state allowance distribution and to leave “brotherhood charitable assistance” to parochial boards of trustees (Runkevich, 1916: 119).

Parochial boards of trustees expanded measures of state support through various kinds of material and non-material aid to soldiers’ families; and they often exceeded the bounds of their target group. Opened with participation of ministerings and church wardens, the boards had particular organizational democracy, since they were created to solve vital issues at the initiative of the population itself, united by habitation and the system of formal and informal relationships – family, friends, neighbours and others. As a rule, the population of smaller local communities had a proper idea of each other’s life level and they could determine the needy people much better than higher authorities. At the same time, boards of trustees as well as charitable organizations possessed spontaneous character and voluntarism, which made their activity unstable. The territories of Siberian parishes, remoteness of the centres from settlements gave poor opportunities for consolidation of public forces, in the cause of the population social support including. Different conditions in which activity of this or that board of trustees developed influenced the differences between their budgets and the measures of assistance they rendered.

6. Acknowledgements

Russian Foundation for Humanities and Krasnoyarsk Regional Fund of Scientific and Technical Activity Support who gave financial aid for the present article to be written. Project No. 16–11–24002.

Примечания

[Беглов, 2014](#) – Беглов А.Л. Приходские попечительства при православных церквях российской империи в 1890-е гг: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.

[Белоногова, 2010](#) – Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). Москва: издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2010. 176 с.

[Великая Отечественная война, 1916](#) – Великая Отечественная война и церковная жизнь: исторические очерки доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Книга 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 годах. Петроград: [без издательства], 1916. 336 с.

[Власова, 2009](#) – Власова А. В. История церковной благотворительности на Урале: 1861–1917 гг. Челябинск: издательство УрСЭИ АТиСО (Уральский социально-экономический институт, Академия труда и социальных отношений), 2009. 226 с.

[Всепопданнейший отчет, 1916](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за 1914 год. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1916. X, 328, 144 с.

[Енисейские губернские ведомости, 1915](#) – Енисейские губернские ведомости. 19 мая 1915. № 38. С. 7–8.

[Журнал, 1915](#) – Журнал пастырско-меиссионерского собрания 1915 года июля 6 дня в селе Шалоболинском Минусинского уезда // Енисейские епархиальные ведомости. 1915. № 22. С. 12–13.

[Зубанова и др., 2013](#) – Зубанова С. Г., Степанов И. И., Патюлина Н. Д. и др. Социальное служение русской православной церкви: вопросы истории, теории, практики / отв. ред. А.А. Дорская. Москва: издательство «Лица», 2013. 463 с.

[Краткое описание приходов, 1916](#) – Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск: электро-типография епархиального братства, 1916. 244 с.

[Никон, 1914](#) – Никон (Бессонов Н.). Жители Енисейской губернии // Енисейские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 10–17.

[Орестов, 1914](#) – Орестов К. Приходское попечительство в с. Шунерском, Минусинского уезда // Енисейские епархиальные ведомости. 1914. № 24. С. 32.

[Отчет, 1916](#) – Отчет о движении сумм и материалов Кнышинского Попечительного Совета с 1-го октября 1914 года по 1-е марта сего 1916 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 18. С. 21–22.

[Павлова, 2003](#) – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2003. 152 с.

[Панкрат, 2010](#) – Панкрат Т.В. Приходские попечительства Москвы: возникновение и особенности организации (1864–1917) // Российская история. 2010. № 2. С. 111–128.

Прозоровский, 1915 – Прозоровский К. Отчет о приюте-яслях для детей воинов при приходском попечительстве села Ново-Никольского Ачинского уезда Больше-Улуйской волости Енисейской губернии в 1915 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1915. № 20. С. 22–24.

Протоколы, 1915 – Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске 15–17 июня 1915 г. Красноярск: электро-типография епархиального братства, 1915. 117 с.

Рункевич, 1916 – Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг. Забайкальская епархия // Прибавление к церковным ведомостям. 1916. № 52. С. 1229–1233.

Рункевич, 1917 – Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг. Иркутская епархия // Прибавление к церковным ведомостям. 1917. № 2. С. 33–37.

Ульянова, 2004 – Ульянова Г.Н. Церковноприходские попечительства как структурная единица благотворительности внутри местного сообщества в позднимперской России // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2003/2004. Санкт-Петербург: издательство им. Н.И. Новикова, 2004. С. 166–176.

Харусь, 2014 – Харусь О.А. Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 96–100.

Цысь, 2008 – Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск: издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2008. 270 с.

Штепа, 2007 – Штепа А.В. Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX – начало XX века) / под общ. ред. протоиерея Р. Снигерева. Калуга: издательство научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 2007. 264 с.

Kattsina, 2014 – Kattsina T.A. The «Vast process of social construction...» in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue. P. 245–258.

References

Beglov, 2014 – Beglov A.L. Prikhodskie popechitel'stva pri pravoslavnykh tserkvakh Rossiiskoi imperii v 1890-e gg: itogi 30-letnei deyatel'nosti [The Orthodox parish councils in Russian Empire in the 1890s: the results of the three decades of existence], Rossiiskaya istoriya. 2014, № 6, pp. 104–127. [in Russian]

Belonogova, 2010 – Belonogova Yu. I. Prikhodskoe dukhovenstvo Moskovskoi eparkhii i krest'yanskii mir v nachale XX veka (po materialam Moskovskoi eparkhii) [Parish clergy of the Moscow diocese and the country world at the beginning of the XX century (on materials of the Moscow diocese)]. Moscow: publishing house of Orthodox Sacred and Tychonoff humanities university. 2010, 176 p. [in Russian]

Enisejskie gubernskie vedomosti, 1915 – Enisejskie gubernskie vedomosti. 19 maja 1915. № 38, pp. 7–8. [in Russian]

Harus', 2014 – Harus' O.A. Sibirtet kak organizacionnaja forma aktualizacii regional'noj identichnosti v uslovijah Pervoj mirovoj vojny [Sibirtet as Organization Form of Actualization of Regional Identity in the Conditions of the World War I], Sibir' v vojnah nachala HH veka. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnojarsk, 3–6 dekabrja 2013 g., Krasnojarsk: Resonans. 2014, pp. 96–100 [in Russian].

Kattsina, 2014 – Kattsina T.A. The «Vast process of social construction...» in Siberia during World War I (1914–1918). Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue, pp. 245–258.

Kratkoe opisanie prihodov, 1916 – Kratkoe opisanie prihodov Enisejskoj eparkhii [Short description of arrivals of 1916 – Short description of arrivals of the Yenisei diocese], Krasnojarsk: electro-printing house of a diocesan brotherhood. 1916, 244 p. [in Russian]

Nikon, 1914 – Nikon (Bessonov N.). Zhiteli Enisejskoj gubernii [Inhabitants of the Yenisei province], Enisejskie eparkhial'nye vedomosti. 1914, № 18. pp. 10–17. [in Russian]

Orestov, 1914 – Orestov K. Prikhodskoe popechitel'stvo v s. Shunerskom, Minusinskogo uezda [Parish guardianship in the village of Shunersk, the Minusinsk County], Enisejskie eparkhial'nye vedomosti. 1914, № 24, p. 32. [in Russian]

Otchet, 1916 – Otchet o dvizhenii summ i materialov Knyshinskogo Popechitel'nogo Soveta s 1-go oktyabrya 1914 goda po 1-e marta sego 1916 g. [Report on movement of the amounts and materials of Knyshinsky Popechitelny Council from October 1st, 1914 to March 1st this 1916], Enisejskie eparkhial'nye vedomosti. 1916, № 18, pp. 21–22. [in Russian]

Pankrat, 2010 – Pankrat T.V. Prikhodskie popechitel'stva Moskvy: vzniknovenie i osobennosti organizatsii (1864–1917) [Parish guardianship of Moscow: emergence and features of the organization (1864–1917)], Rossiiskaya istoriya. 2010, № 2, pp. 111–128. [in Russian]

Pavlova, 2003 – Pavlova I. P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoj vojny [Social Care in Russia during the World War I], Krasnojarsk: Krasnojarsk State Agricultural University. Krasnojarsk. 2003, 152 p. [in Russian]

Protokoly, 1915 – Protokoly Pervogo s#ezda predstavitelej gorodov Enisejskoj gubernii i organizacij pomoshhi prizvannym voynam i ih sem'jam v gorode Krasnojarske 15–17 ijunja 1915 g. [Protocols of the First congress of representatives of the cities of the Yenisei province and the organizations of the help to the called

soldiers and their families in the city of Krasnoyarsk on June 15–17, 1915], Krasnoyarsk: electro-printing house of a diocesan brotherhood. 1915, 117 p. [in Russian]

Prozorovskii, 1915 – *Prozorovskii K.* Otchet o priyute-yaslyakh dlya detei voynov pri prikhodskom popechitel'stve sela Novo-Nikol'skogo Achinskogo uezda Bol'she-Uluiskoi volosti Eniseiskoi gubernii v 1915 g. [The report on a shelter day nursery for children of soldiers in case of parish guardianship of the village of New and Nikolsky of the Achinsk county of the Bolshe-Uluysky volost of the Yenisei province in 1915], Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti. 1915, № 20, pp. 22–24. [in Russian]

Runkevich, 1916 – *Runkevich S.G.* Velikaya otechestvennaya voina i tserkovnaya zhizn' v 1914–1915 gg. Zabaikal'skaya eparkhiya [The Great Patriotic War and church life in 1914–1915. Transbaikalian diocese], Pribavlenie k tserkovnym vedomostyam. 1916, № 52, pp. 1229–1233. [in Russian]

Runkevich, 1917 – *Runkevich S.G.* Velikaya otechestvennaya voina i tserkovnaya zhizn' v 1914–1915 gg. Irkutskaya eparkhiya [The Great Patriotic War and church life in 1914–1915. Irkutsk diocese], Pribavlenie k tserkovnym vedomostyam. 1917, № 2, pp. 33–37. [in Russian]

Shtepa, 2007 – *Shtepa A.V.* Sotsial'noe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Kaluzhskoi eparkhii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) / pod obshch. red. protoireya R. Snigereva. [Social service of Russian Orthodox Church in the Kaluga diocese (the second half of XIX – the beginning of the XX century) / under a general edition of the archpriest R. Snigerev], Kaluga: izdatel'stvo nauchnoi literatury N.F. Bochkarevoi. 2007, 264 p. [in Russian]

Tsys', 2008 – *Tsys' O.P.* Pravoslavnye obshchestvenno-religioznye organizatsii Tobol'skoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The orthodox public and religious organizations of the Tobolsk diocese in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries], Nizhnevartovsk: publishing house of Nizhnevartovsk state humanities university. 2008, 270 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2004 – *Ul'yanova G.N.* Tserkovnoprikhodskie popechitel'stva kak strukturnaya edinita blagotvoritel'nosti vnutri mestnogo soobshchestva v pozdeimperskoi Rossii [Parish guardianship as structural unit of charity in local community in late imperial Russia], Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya. 2003/2004 [Charity in Russia. Historical and social and economic researches. 2003/2004], St. Petersburg: publishing house of N. I. Novikov. 2004, pp. 166–176. [in Russian]

Velikaya Otechestvennaya voina, 1916 – Velikaya Otechestvennaya voina i tserkovnaya zhizn': istoricheskie ocherki doktora tserkovnoi istorii S. G. Runkevicha. Kniga 1. Rasporyazheniya i deistviya Svyateishego Sinoda v 1914–1915 gg. [Great Patriotic War and church life: historical sketches of the doctor of church history S. G. Runkevich. Book 1. Orders and actions of the Holy Synod in 1914–1915], Petrograd: [bez izdatel'stva]. 1916, 336 p. [in Russian]

Vlasova, 2009 – *Vlasova A. V.* Istoriya tserkovnoi blagotvoritel'nosti na Urale: 1861–1917 gg. [History of church charity in the Urals: 1861–1917], Chelyabinsk: publishing house of URSEI ATISO (Ural Social and Economic Institute, Academy of Work and Social Relations). 2009, 226 p. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet, 1916 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po Vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 god. [The Vsepoddanneishy report of the ober-prosecutor of the Holy Synod on Department of orthodox confession for 1914], St. Petersburg: Synod typography. 1916, X, 328, 144 p. [in Russian]

Zhurnal, 1915 – Zhurnal pastyrsko-meisionerskogo sobraniya 1915 goda iyulya 6 dnya v sele Shalobolinskom Minusinskogo uezda [The magazine vicarial меисионерского meetings of 1915 of July of the 6th day in the village of Shalobolinsk of the Minusinsk county], Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti. 1915, № 22, pp. 12–13. [in Russian]

Zubanova et al., 2013 – *Zubanova S. G., Stepanov I. I., Patyulina N. D.* et al. Sotsial'noe sluzhenie russkoi pravoslavnoi tserkvi: voprosy istorii, teorii, praktiki [Social service of Russian Orthodox Church: questions of history, theory, practice /ed. A. A. Dorskaya], Moscow: publishing house of «Lika». 2013, 463 p. [in Russian]

УДК 94: 2-44 (571.5) «18/19»

**«Симпатичная идея приходских попечительных советов...»
(по материалам епархий Восточной Сибири 1914–1917 гг.)**

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье с опорой на исследовательскую литературу и опубликованные источники раскрывается благотворительная деятельность церковно-приходских попечительных советов начала

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: katsina@list.ru (Т.А. Катцина)

XX вв. Исторический анализ ограничивается территорией Восточной Сибири, на примере которой можно составить представление о религиозном аспекте генезиса сферы гражданской деятельности в дореволюционной России. Показана роль приходских попечительных советов в материальной и нематериальной поддержке фронтовиков и членов их семей в годы Первой мировой войны. При оценке роли приходских попечительных советов, в целом как полезной и необходимой, отмечены факторы, значительно снижавшие их возможности. Формулируется вывод о том, что различие условий, в которых развивалась деятельность того или иного попечительства отражалась на различии их бюджетов и масштабах оказываемой помощи.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; Иркутская епархия, Енисейская епархия, Забайкальская епархия, русская православная церковь, церковный приход, приходской попечительный совет, социальная помощь, Первая мировая война.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1353-1359, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 63.3(0)6

The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I

Gulzhaukhar K. Kokebayeva ^{a, *}, Ryskeldy S. Myrzabekova ^a, Moldakhmet S. Myrzabekov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The main purpose of this article is to examine the activities of the International Committee of the Red Cross and other community organizations in providing assistance to prisoners of the World War I. According to Article 15 of the Hague Convention of 1907, organizations that assist the prisoners of war, as well as their representatives can use all the benefits from the authorities of the warring countries. Representatives of these organizations are allowed to distribute benefits to places of detention of POWs, provided that a nominal permit is issued by the military authorities. During the World War I, the community organizations played a significant role in providing material and moral support to prisoners of war of belligerent countries. The role of the Red Cross in the protection of war victims and providing assistance to the POWs during the World War I is undeniable, international and national organizations interacted as natural mediators and influenced their own governments, in order to further alleviate the plight of the prisoners of war.

Keywords: International Committee of the Red Cross, prisoners of war, World War I, the Hague Convention, the Allies, the Central Powers.

1. Введение

До середины XIX века не было многосторонних соглашений, определяющих режим военного плена. В 1864 году правительство Швейцарии организовало конференцию представителей европейских государств по вопросу определения принципов оказания помощи жертвам войны. На конференции была принята Женевская конвенция «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». В конвенции указывалось, что врачебная помощь во время войны объявляется нейтральной и на воюющие стороны возлагается обязанность оказывать ее независимо от гражданства, в том числе лицам, принадлежащим неприятельской армии. Эта конвенция – первый международный документ, определивший статус военнопленного на основе идеи гуманного обращения с пленными. Идея о гуманном обращении с военнопленными были уточнены и расширены в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. По статье 15 Гаагской конвенции 1907 года, общества для оказания помощи военнопленным, а также и их представители могут пользоваться всеми льготами со стороны властей воюющих стран. Уполномоченные этих обществ допускаются для раздачи пособий в места содержания военнопленных при условии предъявления именного разрешения, выданного военной властью. В период первой мировой войны общественные организации играли существенную роль в оказании материальной и моральной поддержки военнопленным воюющих стран. Деятельность этих организаций относится к малоизученным аспектам истории первой мировой войны. Война это не только апогей напряжения международных отношений, война – судьба конкретного человека. Этот аспект истории войны охватывает также и проблему военнопленных.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokebayeva@mail.ru (G.K. Kokebayeva),
myrsabekova_r@mail.ru (R.S. Myrsabekova), myrsabekov_1964@mail.ru (M.S. Myrsabekov)

2. Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования является концепция о многообразности и альтернативности исторической реальности. Деятельность общественных организаций по оказанию помощи военнопленным рассмотрена как альтернатива официальной идеологии властей воюющих стран, пропагандировавших ненависть к врагу. В смысле глобального видения исследуемой проблемы мы опирались на цивилизационные теории, относящиеся к линейным интерпретациям истории развития человеческого общества. Первая мировая война, обрушив существующий миропорядок и его основные идеи, стала отправной точкой нового этапа в истории европейской цивилизации.

При исследовании изучаемой проблемы руководствовались идеей экстерриториальности научных исследований, т.е. выводы, вытекающие из анализа источников и научных работ предшествующих исследователей, не ограничиваются национальными, сословными или классовыми факторами.

Источниковой базой статьи является архивные материалы и отчеты сестер милосердия – участниц инспекционной проверки положения военнопленных в лагерях воюющих сторон. Первую группу источников составляют материалы, собранные авторами в архивах Российской Федерации. Материалы российских архивов представлены документами международных организаций, созданных в нейтральных странах для оказания помощи русским военнопленным, нормативными документами и отчетами, в которых отражена деятельность Российского общества Красного Креста и общественных организаций по оказанию помощи военнопленным, как стран Антанты, так и Центральных держав.

Вторая группа источников представлена материалами германских архивов, которые отражают деятельность Международного Красного Креста и национальных общественных организаций в немецких лагерях. Третья группа источников – циркуляры и отчеты различных учреждений, где отражено положение военнопленных Центральных держав в лагерях Сибири и Туркестана. Отчеты представителей Международного комитета Красного Креста и национальных обществ о результатах проверки лагерей военнопленных существенно дополняют предыдущие три группы источников.

3. Обсуждение

В советский период были изучены только некоторые аспекты истории военнопленных Первой мировой войны, в частности, участие военнопленных в революционных событиях и гражданской войне в России, в восстановлении и развитии экономики, в общественной и культурной жизни Советской страны, исследована также агитационная работа большевиков среди русских военнопленных в Центральных державах. Интенсивное изучение проблемы военнопленных началось в постсоветский период в России. Большинство работ посвящено проблеме содержания военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и России, общим вопросам военного плена периода Первой мировой войны, а также и региональной проблематике, т.е. изучению условий размещения военнопленных в регионах Российской империи. В монографии О.С. Нагорной (Нагорная, 2010) рассматриваются вопросы организации материальной поддержки военнопленных в дореволюционный период, описываются инспекционные поездки русских сестер милосердия в лагеря военнопленных в Германии. В работе В.В. Познахирева приводится анализ организационно-правовых основ формирования контингента турецких военнопленных, показаны место и роль Международного Комитета Красного Креста, а также и национальных гуманитарных организаций в защите прав турецких военнопленных в лагерях России (Познахирев, 2014). История деятельности представителей Красного Креста по организации помощи военнопленным освещена в работах Г. Вурцера (Wurzer, 2005) и У. Хайнц (Hinz, 2006). Деятельность американского отделения «Всемирного союза христианских молодежных объединений» в организации социальной помощи военнопленным Антанты в лагерях Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции в период Первой мировой войны подробно рассматривается в работе К. Стеуера (Steuer, 2009). Однако деятельность общественных организаций по оказанию помощи военнопленным еще не стала объектом специального исследования в постсоветском пространстве.

4. Результаты

В годы Первой мировой войны организацией помощи военнопленным занимался Международный Комитет Красного Креста (МККК), который являлся частным, независимым, швейцарским гуманитарным институтом, выступающим в качестве нейтрального посредника в ситуациях вооруженного конфликта. В период Первой мировой войны 8 млн военнослужащих армий стран Антанты и Тройственного Союза, оказались в плену (In der Hand, 1999: 9). В самом начале войны МККК организовал в Женеве при своем центральном органе особое интернациональное агентство. Это агентство установила связь с правительствами воюющих государств, затребовав от них списки военнопленных. Председатель комитета, известный государственный деятель Густав Адор взял на себя задачу решения проблемы военнопленных между Германией и Францией, лично ездил в Берлин и Бордо, и благодаря его энергичной деятельности уже в начале сентября 1914 года между французскими и германскими Обществами Красного Креста начался регулярный обмен списками военнопленных (РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1564. Л. 54-56).

МККК направил своих представителей во все воюющие государства. Два представителя Красного Креста в 1915 году прибыли в Россию с целью проверки условий содержания военнопленных. В результате поездки в Туркестан и Сибирь, где находились военнопленные Центральных держав, они составили беспристрастный и объективный отчет, который был опубликован в бюллетени МККК. В конце 1915 года Международный Комитет Красного Креста организовал инспекционное посещение лагерей в Зальцбурге и Тироли (Dohle, Mitterecker, 2014: 166).

В поддержке военнопленных активно участвовали также и национальные общества Красного Креста нейтральных и не участвующих в войне стран. До вступления США в войну Американское общество Красного Креста оказывало большую материальную помощь военнопленным воюющих держав. Так, в апреле 1915 года представитель этой организации Р.А. Берр передал через Русско-Азиатский банк 15 000 рублей Командующему войсками Омского военного округа. «Прошу, Ваше Высочество, – писал Р.А. Берр, – упомянутую сумму употребить на пользу военнопленных, невзирая на национальность, во вверенном Вам военном округе, а также на пользу тех военнообязанных, которые взяты русской армией во время военных действий. Распределение же этих денег я покорнейше просил бы поручить заведующему военнопленными генерал-майору Плавскому с тем, однако, чтобы деньги не выдавали каждому в отдельности, но были употреблены на общую их пользу, в особенности же на следующие нужды: 1) улучшение санитарии; 2) более обильная доставка воды; 3) баня и стирка белья; 4) улучшение питания и обстановки больных и раненых в госпиталях; 5) сапоги и нижнее белье для нуждающихся в этом. С согласия Вашего Высочества можно будет в виде исключения выдавать деньги на руки тем офицерам, которые только что прибыли в округ и еще не успели получить денег от русского правительства, благодаря неимению документов... Не будете ли, Ваше Высочество, столь добры уведомить меня, когда эти деньги будут израсходованы, дабы я мог выслать вновь. Кроме того, я был бы очень признателен, если бы Вы выслали мне выписку о том, как были израсходованы деньги, а также смету на то, сколько еще потребуется» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 105).

Американское общество Красного Креста в первый год войны послал несколько амбулаторий в Центральные державы для оказания медицинской помощи раненым и больным военнопленным. Осенью 1915 года завершился срок их пребывания в Центральных державках, и они должны были возвращаться в США. По инициативе американского посла в Берлине Американский Красный Крест запросил у русского правительства разрешение на оказание помощи врачами и медсестрами этих амбулаторий военнопленным в России. Получив согласие правительства, в октябре 1915 года 9 врачей и 36 медицинских сестер прибыли в Петроград. Разбившись на несколько групп, они поехали в Москву, Казань, Саратов, Оренбург, Ташкент, Омск и Иркутск, однако из-за отсутствия особого распоряжения правительства и военных властей их не пустили в лагеря, где в это время свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Датский Красный Крест оказывал посредническую услугу в передаче 800 тысяч книг, присланных из Германии и Австро-Венгрии военнопленным в России. С помощью Красного Креста Государственный институт вакцины в Копенгагене предоставил для военнопленных в России 500 тысяч банок вакцины против холеры, тифа и оспы (Brändström, 1922: 86, 88).

Российское общество Красного Креста (РОКК) старалось содействовать как Международному Комитету Красного Креста, так и Немецкому и Австрийскому обществам Красного Креста в осуществлении помощи военнопленным Центральных держав в России. РОКК ходатайствовало перед военными властями о выдаче разрешения представителям Красного Креста на посещение лагерей военнопленных, принимало жалобы и претензии относительно содержания пленных и организовало инспекционные поездки своих делегаций. После объезда русскими сестрами милосердия лагерей в Австрии в 1916 году в РОКК начали поступать более подробные и точные сведения о положении русских военнопленных (РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1564. Л. 43).

В мае 1915 года Австрийское общество Красного Креста обратилось в Главное управление РОКК с заявлением о суровом обращении с военнопленными Австро-Венгрии в Акмолинском лагере. Представители РОКК произвели расследование и выяснили, что в содержании военнопленных в Акмолинском лагере не было нарушений положений Гаагской конвенции 1907 года (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 137).

С 1916 года началось улучшение условий содержания военнопленных в лагерях воюющих государств. Это было связано, во-первых, с реализацией решений Стокгольмских конференций по вопросу военнопленных; во-вторых, с увеличением размера денежных средств, выделяемых правительствами Германии и Австро-Венгрии; в-третьих, с учащением инспекционных посещений представителями обществ Красного Креста и благотворительных организаций. В период войны Германия выделила 26 млн 219 тысяч марок, Австро-Венгрия – 21 млн 756 тысяч крон для покупки одежды, продовольствия и медикаментов для своих военнопленных и гражданских пленнх в России. Через Шведский Красный Крест они отправили в лагеря, расположенные в европейской части России, Сибири и Туркестане 1 016 вагонов одежды, медикаментов и других необходимых вещей (Brändström, 1922: 132, 133).

Во всех германских землях создавались особые комитеты, занимающиеся сбором денежных средств для оказания помощи немецким военнопленным. Так, в 1916 году комитетами были собраны

12,5 млн. марок для покупки одежды, обуви и продуктов для немецких военнослужащих, находящихся в лагерях стран Антанты, из них 2 млн. марок были выделены военнопленным в России, кроме того, они получили 180 тысяч марок в виде денежного пособия (*Kriegsministerium, 1917: 68, 69*). Прекратились также масштабные эпидемии в лагерях, местные вспышки опасных болезней ликвидировались быстро, военнопленные в последние годы войны страдали в основном от ревматизма, болезней внутренних органов и туберкулёза. Военные госпитали стали лучше снабжаться медикаментами, перевязочными материалами и инструментами.

В период первой мировой войны военнопленным оказывали помощь также международные общественные организации, не входящие в структуру Красного Креста. В марте 1915 года был создан Русский отдел Бюро помощи военнопленным в Берне (позже переименованное в Бюро помощи русским военнопленным). Бернское бюро первоначально представляло по своему характеру частную организацию и черпало свои средства из частных пожертвований. но вскоре начала получать субсидии из средств государственной казны и частные пожертвования постепенно исчезли (*ГАРФ. Ф. Р-6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 6-7*). Бернское бюро оказывало материальную помощь русским военнопленным в лагерях Австрии и Германии вплоть до репатриации.

Американское отделение «Всемирного союза христианских молодежных объединений» получило официальное разрешение заботиться о военнопленных, содержащихся в лагерях Центральных держав и стран Антанты. В первый период войны, когда русские военнопленные почти не получали помощи с родины, Американский христианский союз молодежи оказывал им много услуг филантропического характера. Деятельность Американского христианского союза молодежи, в котором принимали участие Президент Вильсон, два его предшественника, многие известные американские ученые, филантропы и коммерсанты, была направлена за время войны на оказание помощи военнопленным в Германии, Англии, Франции, России, Японии и Индии (*РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1564. Л. 41*).

В России действовали 18 членов данной организации. Они посещали лагеря в европейской части России, Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке, распределяли деньги, одежду и медикаменты. Так в июне 1915 года представитель этой организации побывал в Кургане, Петропавловске, Омске, Новониколаевске и Томске. В своем отчете он отметил, что положение германских и австро-венгерских пленных в упомянутых выше городах весьма благоприятно, они «не терпят никаких лишений, полностью получая все положенные им от казны виды довольствия и даже некоторые денежные средства на удовлетворение насущных личных нужд в виде поденной платы за исполняемые ими работы» (*ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 171*). Представители Американского отделения «Всемирного союза христианских молодежных объединений» старались оказывать влияние на улучшение политики правительств относительно содержания военнопленных, предоставляя правительственным органам воюющих стран свои отчеты о результатах посещения лагерей, где отмечены самые положительные стороны жизни военнопленных в лагерях. В 1916 году студентами университетов Швеции был создан Комитет по сбору книг. Комитет собирал художественную литературу и книги по различным отраслям науки на разных языках и после проверки списка отправлял их в лагеря во всех воюющих странах, в частности, Комитет послал 98 286 книг в лагеря России (*Brändström, 1922: 86*).

Большую поддержку военнопленным в России оказала «Акция помощи для немецких и австро-венгерских военнопленных в Сибири», организованная Эльзой фон Ханнекен осенью 1914 года в Сынцзяне. Э. фон Ханнекен была известна еще со времен восстания ихэтуаней, когда она организовала помощь пленным военнопленным европейских подразделений в Китае. С тех пор она поддерживала связи с немцами в Китае, Японии, Америке, ее имя было известно правящим кругам Германии. Вначале власти России с подозрением отнеслись к заботе Э. фон Ханнекен о германских и австрийских пленных. 24 февраля 1915 года департамент полиции Министерства внутренних дел направил всем губернаторам циркулярное письмо: «Некая госпожа Елизавета Густавовна Ханнекен из Тянь-Цзиня рассылает местным полицейским и жандармским властям отпечатанные на гектографе воззвания с просьбою сообщить ей сведения об австрийских и германских военнопленных, коим по ее заявлению может быть оказано пособие, в случае нужды, одним благотворительным обществом. Принимая во внимание, что порядок выдачи вспомоществований нуждающимся подданным воюющих с нами держав Правительством установлен через посредство пребывающего в Петроград Американского посольства, Департамент полиции просит Ваше превосходительство сделать распоряжение подведомственным Вам чинам, чтобы все подобные воззвания были оставляемы без ответа» (*ЦГА РК. Ф. 369, Оп. 1. Д. 4274. Л. 38*). В 1914–1918 гг. немцы из разных стран внесли в фонд организации Э. фон Ханнекен 3 313 800 долларов (из них 1 320 200 долларов внесено американцами немецкого происхождения), правительством Германии было переведено в этот фонд 1 136 030 долларов, правительством Австро-Венгрии – 3 083 787 долларов. На эти деньги покупали одежду, книги, лекарства и продукты. Но преобладающая часть средств регулярно поступала наличными в адрес врачей и представителей пленных в различных лагерях в Сибири, где они использовались в основном для улучшения питания больных военнопленных. В декабре 1914 года «Акция помощи» в Сынцзяне послала в Сибирь трех американцев, которые должны были по возможности частным путем изучить положение военнопленных в Сибири и

распределить привезенные ими средства «Акции помощи». Они получили официальную доверенность американского Красного Креста в январе 1915 года на оказание помощи военнопленным Центральных держав в России. Они до февраля 1917 года занимались оказанием помощи военнопленным в Восточной Сибири за счет средств «Акции помощи», затем их работа перешла к делегатам шведского Красного Креста в Хабаровске.

При епархии Падеборна в январе 1915 года было создано Церковное справочное бюро, которое занималось поиском без вести пропавших военнослужащих. Составленные этим учреждением списки открыто объявлялись в лагерях военнопленных с целью получения от пленных сведений о погибших или попавших плен сослуживцах. Таким образом, с января по ноябрь 1915 года в Падеборне при объявлении 114 списков, содержащих 29 000 имен военнослужащих армий стран Антанты, была выяснена судьба 6 000 из них, 1 200 человек нашлись живыми в плену у немцев; до июня 1916 года был составлен список 120 000 пропавших без вести, из них 10 000 были найдены (*Kriegsgefangene, 1921: 123*).

Материальную помощь и поддержку военнопленным-славянам оказывали Чешско-словацкое общество и Общество вспомоществования бедным семействам поляков. Чешско-словацкое общество стремилось объединить всех находящихся в России чехов и словаков и собрать все сведения о военнопленных, военнообязанных и отпущенных военным ведомством на свободу чехах и словаках. 23 октября 1915 г. по ходатайству Чешско-словацкого общества Департамент полиции Министерства внутренних дел России предоставил всем военнопленным славянам некоторые льготы, разрешив прогулки по воскресеньям, кратковременные встречи с соотечественниками, чтение и пение (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 847. Л. 163*).

МККК взял под свою защиту российских военнопленных в лагерях Германии, отправив своего представителя для контроля над осуществлением своевременной репатриации их на родину (*Russische Kriegsgefangene*). На проблему возвращения военнопленных на родину уделяла большое внимание также и Лига Наций. Назначенный в 1920 году Верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных, известный норвежский ученый Ф. Нансен принял активное участие в организации работ по репатриации военнопленных (*Oltmer, 2005: 298; Handbuch, 2015: 432*). Его работа была затруднена хаосом и разрухой периода гражданской войны, также и непризнанием Советским правительством деятельности Лиги Наций. Однако международная известность Ф. Нансена как исследователя Арктики позволила ему стать посредником между Лигой Наций и Советским правительством в вопросе репатриации военнопленных.

5. Заключение

Роль Красного Креста в защите жертв войны и оказании помощи военнопленным в годы первой мировой войны неоспорима, международные и национальные общества взаимодействовали как естественные посредники и влияли на их собственные правительства для того, чтобы и в дальнейшем облегчить участь военнопленных.

Деятельность всех организаций Красного Креста определяется основополагающими принципами, принятыми еще в XIX веке. Это гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность службы, единство, универсальность. Гуманность проявляется в том, что эти организации стараются при любых обстоятельствах, как на международном, так и на национальном уровне облегчить страдания человека, обеспечивать уважение к человеческой личности. Беспристрастность означает, что общества Красного Креста не проводят дискриминации по признаку национальности, расы, религии, класса или политических убеждений. Они лишь стремятся облегчить страдания людей, и в первую очередь тех, кто больше всего в этом нуждается. Чтобы сохранить всеобщее доверие, общества Красного Креста не могут принимать чью-либо сторону в вооруженных конфликтах и вступать в споры политического, расового, религиозного или идеологического характера. Национальные общества, оказывая своим правительствам помощь в их гуманитарной деятельности и подчиняясь законам своей страны, должны всегда сохранять автономию, чтобы иметь возможность действовать в соответствии с принципами Красного Креста. Пример обществ Красного Креста вдохновлял общественность воюющих стран создавать добровольные организации, которые оказывали поддержку военнопленным первой мировой войны.

Литература

- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
Нагорная, 2010 – *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). Москва, 2010. 439 с.
Познахирев, 2014 – *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. Санкт-Петербург, 2014. 292 с.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
Brändström, 1922 – *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Berlin, 1922. 134 p.

- Dohle, Mitterecker, 2014** – *Dohle O., Mitterecker T.J.* Salzburg im Ersten Weltkrieg: Fernab der Front – dennoch im Krieg. Wien, 2014. 492 p.
- Handbuch, 2015** – Handbuch Staat und Migration in Deutschland seit dem 17. Jahrhundert. Hrsg. von Jochen Oltmer. Berlin/Boston, 2015. 1070 p.
- Hinz, 2006** – *Hinz U.* Humanität im Trieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Hrsg. von J.Oltmer. Paderborn, 2006. p. 216-238.
- In der Hand, 1999** – In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Hrsg. von R.Overmans. Wien, 1999. 554 p.
- Kriegsgefangene, 1921** – Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 1921. 249 p.
- Kriegsministerium, 1917** – Kriegsministerium. 1917 // Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112388.
- Oltmer, 2005** – *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen, 2005. 564 p.
- Russische Kriegsgefangene** – Russische Kriegsgefangene in Deutschland // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 83810. Bd. 1.
- Steuer, 2009** – *Steuer K.* Pursuit of an 'Unparalleled Opportunity' The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914-1923. New York, 2009. 452 p.
- Wurzer, 2005** – *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. 626 p.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.
- Nagornaya, 2010** – *Nagornaya O.S.* Drugoi voennyi opyt: russkie voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922). Moskva, 2010. 439 s.
- Poznakhirev, 2014** – *Poznakhirev V.V.* Turetskie vonnoplennye i grazhdanskie plennye v Rossii v 1914-1924 gg. [Turkish military and civilian prisoners of war in Russia in 1914-1924]. Sankt-Peterburg, 2014. 292 s.
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv.
- TsGA RK** – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan.
- Brändström, 1922** – *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Berlin, 1922. 134 p.
- Dohle, Mitterecker, 2014** – *Dohle O., Mitterecker T.J.* Salzburg im Ersten Weltkrieg: Fernab der Front – dennoch im Krieg. Wien, 2014. 492 p.
- Handbuch, 2015** – Handbuch Staat und Migration in Deutschland seit dem 17. Jahrhundert. Hrsg. von Jochen Oltmer. Berlin/Boston, 2015. 1070 s.
- Hinz, 2006** – *Hinz U.* Humanität im Trieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Hrsg. von J.Oltmer. Paderborn, 2006. p. 216-238.
- In der Hand, 1999** – In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Hrsg. von R.Overmans. Wien, 1999. 554 p.
- Kriegsgefangene, 1921** – Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 1921. 249 p.
- Kriegsministerium, 1917** – Kriegsministerium. 1917 // Bundesarchiv (Berlin). R 1501/112388.
- Oltmer, 2005** – *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen, 2005. 564 s.
- Russische Kriegsgefangene** – Russische Kriegsgefangene in Deutschland // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 83810. Bd. 1.
- Steuer, 2009** – *Steuer K.* Pursuit of an 'Unparalleled Opportunity' The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914-1923. New York, 2009. 452 p.
- Wurzer, 2005** – *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. 626 p.

УДК 63.3(0)6

Деятельность общественных организаций по оказанию помощи военнопленным первой мировой войны

Гульжаухар Какеновна Кокебаева ^{a, *}, Рыскелды Саламатовна Мырзабекова ^a,
Молдахмет Сейдахметович Мырзабеков ^a

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokebayeva@mail.ru (Г.К. Кокебаева)

myrsabekova_r@mail.ru (П.С. Мырзабекова), myrsabekov_1964@mail.ru (М.С. Мырзабеков)

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. Основной целью данной статьи является изучение деятельности Международного Комитета Красного Креста и других общественных организации по оказанию помощи военнопленным Первой мировой войны. По статье 15 Гагской конвенции 1907 года, общества для оказания помощи военнопленным, а также и их представители могут пользоваться всеми льготами со стороны властей воюющих стран. Уполномоченные этих обществ допускаются для раздачи пособий в места содержания военнопленных при условии предъявления именного разрешения, выданного военной властью. В период Первой мировой войны общественные организации играли существенную роль в оказании материальной и моральной поддержки военнопленным воюющих стран. Роль Красного Креста в защите жертв войны и оказании помощи военнопленным в годы первой мировой войны неоспорима, международные и национальные общества взаимодействовали как естественные посредники и влияли на их собственные правительства для того, чтобы и в дальнейшем облегчить участь военнопленных.

Ключевые слова: Международный Комитет Красного Креста, военнопленные, Первая мировая война, Бернский комитет, Гагская конвенция, Антанта, Центральные державы.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1360-1367, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:2-5(571.51)

Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State)

Anna P. Dvoretzkaya ^{a, *}, Anna S. Zhulaeva ^a, Galina M. Luschaeva ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of archival and published sources on the specific example of society Prieniseyskoy Siberia of 1914–1918 examines the potential social mobility refugees of the World War I, analyzes the measures and forms of social support aimed at maintaining life support in terms of property loss of social status. The authors come to the following conclusions on the example of the Yenisei province. During the First world war it had gained the considerable experience in attracting additional resources at the time of emergencies. Developed specific activities in the field, designed to improve the status of large population groups moved in order to avoid the criminalization of the situation created by the territorial group assistance. Although the military situation was in this period of severe, order, safety and nutrition of refugees were organized well. Most of the refugees in a fairly short period of time reached their destinations. In the case of an effective material assistance and social support the real bitterness of loss decreased significantly. However, the migration mobility of refugees had been low, and the possibility of their adaptation to Siberian conditions were insignificant due to the prevalence among them women, old men, and children with low skills on the labor market. The forced migrants were observed the identity crisis, experiencing trauma led to psychological consequences. There was a disconnection from their social, ethnic community.

Keywords: the refugees, the First world war, forced migration, social mobility, 1914–1918.

1. Введение

Первая мировая война – одно из крупнейших переломных событий мировой истории. Бедствие, коренным образом изменившее карту мира. В зону мирового конфликта оказалась втянута значительная часть стран и народов. Россия также оказалась в водовороте военных событий, определивших ее собственную историческую судьбу.

Помимо экономического разорения, уничтожения материальных ценностей, гибели солдат, одним из основных следствий мирового конфликта стала гуманитарная катастрофа. Как указывает М.В. Оськин, передвижение миллионов людей в ходе военных действий, причем не столько военных, сколько гражданских лиц, стало новинкой в жизни Европы, дав импульс гуманитарному негативу, определившему лицо мировых войн. Для России, громадной в своем пространстве и немедленно по окончании Первой мировой войны бросившейся в омут Гражданской войны, общеевропейская гуманитарная катастрофа (гибель людей на войне, болезни, голод, эвакуация) стала пропастью, из которой удалось выбраться лишь в силу многочисленности населения страны (Оськин, 2014).

Война не только породила системный кризис всех явлений общественной жизни Российской империи, но и оказалась связана с масштабными перемещениями гражданского населения страны. Массовый приток вынужденных переселенцев во внутренние районы Российской империи начался весной 1915 г., когда немецкие войска перешли в наступление в Галиции и на Буковине. Весеннее наступление вызвало новую волну стихийного беженства. Вынужденная депортация населения из прифронтовой зоны и стихийное беженство создали неконтролируемую ситуацию в стране (Суржикова и др., 2012: 140).

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

Официальная статистика того времени показала, что на 20 декабря 1915 г. в эту категорию населения вошли 2,7 млн чел. (без Закавказья и с неполными данными по некоторым другим местностям). Регистрация, проходившая в начале 1916 г., выявила 3 млн чел., в конце того же года – 3,6 млн чел. (сведения с Закавказьем), летом 1917 г. – свыше 3,8 млн чел. По данным статистического отдела Татьянинского комитета, национальный состав 3,2 млн чел. призываемых беженцев в России (без Закавказья) на конец 1916 г. выглядел следующим образом: русские – 58,8 %, поляки – 15 %, латыши – 10 %, евреи – 6,4 %, литовцы – 2,8 %, эстонцы и др. – 7 % (Баженова, 2011: 21–27). По подсчетам современных специалистов к июлю 1917 года в России насчитывалось 7,4 млн беженцев (Суржикова и др., 2012: 140).

2. Материалы и методы

2.1. В данной работе на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума Приенисейской Сибири 1914–1918 гг. рассматривается потенциал социальной мобильности беженцев первой мировой войны, анализируются меры и формы их социальной поддержки, направленные на поддержание жизнеобеспечения в условиях потери имущества, социального статуса. Енисейская губерния в данной ситуации выступала принимающей стороной, которой пришлось экстренным порядком размещать беженцев и обеспечивать их всем необходимым.

2.2. В методологическом плане авторы обращают внимание, что одним из дискуссионных аспектов изучения социального кризиса и социальной катастрофы в России первой трети XX веков является проблема социальной мобильности населения страны в годы первой мировой войны, когда резко увеличивается скорость и интенсивность перемещений, происходит культурная, экономическая, социальная дезинтеграция народа, деформация его поведения. При этом под мобильностью понимается не собственно миграция как территориальное перемещение, а способность к миграции, то есть потенциальная миграционная активность (Рыбаковский, 2001: 6).

В тоже время, годы Первой мировой войны свидетельствуют, что наряду с традицией "расколов", в русской культуре существовала не менее сильная традиция их преодоления, устойчивое стремление к солидарности и диалогу различных слоев населения, значимую роль играли функции социальной преемственности и устойчивости, что позволило создать систему социальной поддержки беженцев на принимающих их территориях.

В статье был использован конкретно-исторический подход, позволяющий вписать конкретную принимающую модель местного сообщества в контекст социальной истории XX века. Историко-антропологический подход позволили выявить способы и формы выживания беженцев. Применялись историко-генетический, историко-сравнительный и системный подходы.

3. Обсуждение и результаты

В обзорной статье Л.Г. Поляковой рассматривается историография Первой мировой войны. Автор выделяет три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный российский, приводятся характерные особенности изучения истории каждого периода. Значимой чертой исследований в современное время автор считает отрешение от идеологических установок в толковании поведения людей. По мнению исследователя историки начинают учитывать аспекты духовной жизни россиян в период войны, а также не изученная в советский период тема беженцев и благотворительности. Основная масса работ посвященных истории Великой войны (1914–1918 гг.) сегодня обнаруживается в региональных исследованиях. Однако среди них не так много работ, комплексно рассматривающих историю отдельных тыловых губерний в период Великой войны (Polyakova, 2015).

В настоящее время в ряде работ изучаются миграционные процессы в российских регионах, деятельность государственных и общественных организаций по помощи перемещенным лицам всех категорий. При этом обращается внимание на их национальный состав, географо-переселенческие параметры, добровольность и вынужденность переселений (Белова, 2014; Исторические исследования, 2011: 193).

В работах П. Гетрела, В.С. Утгоф, И.Б. Беловой поднимаются вопросы жизнеобеспечения беженцев на принимающих территориях, описывается процесс возвращения их на родину, дается оценка потенциалу социальной мобильности вынужденных мигрантов (Гетрелл, 2001; Утгоф, 2002, Белова, 2013; Белова 2014).

Часть работ регионально ориентирована. Из сибирских ученых необходимо выделить Ю.П. Горелова, И.В. Нам, Т.С. Комарову, М.Н. Колоткина, А.С. Кузьменко, В.М. Рынкува (Горелов, 2002; Нам, 2003; Комарова, 2007: 39; Колоткин, 2012: 5; Кузьменко, 2014: 119, Рынков, 2015). В этом отношении отечественные исследования смыкаются с антропологическим вектором западной историографии, когда происходит отказ от изучения собственно истории битв в сторону повседневных реалий войны (Spoerer, 2006; Vögele, 2009; Blum, 2011; Lange, 2015).

Значительно меньше работ, посвященных формированию общественно-государственной системы помощи беженцам, особенно на региональном уровне (Шевырин, 2000; Шевырин, 2003).

4. Результаты

Размещение беженцев на территории тыловых регионов России начинается в июле-августе 1915 г. В Сибирь беженцы пребывают с конца сентября 1915 г. На Азиатскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) к 1 февраля 1917 г. приходилось по подсчетам разных авторов от 86664 до 114637 человек, или 3% от всех беженцев. При этом численность беженцев уменьшалась по направлению на Восток. На первом месте по подсчетам сибирского ученого Л.М. Горюшкина находились Томская губерния, на втором – Акмолинская область. По подсчетам И.В. Нам в Иркутской числилось 42491 человек, на начало 1917 года – в Томской губернии насчитывалось 30488 беженцев, в Енисейской губернии – 12299 человек (Нам, 2003: 277, 278). *Прим: регистрация в годы войны охватывала лишь призываемых лиц, поэтому число перемещенных жителей составляло намного большую цифру.*

На 1 марта 1921 года общее число зарегистрированных беженцев в Енисейской губернии составило 6483 человек. Из них: русских – 3164, латышей – 1362, поляков – 579, литовцев – 291, евреев – 153, немцев – 137, белорусов – 135 (Межэтнические связи, 2007: 29).

Как указывает М.Н. Колоткин, в Сибирь шло преимущественно сельское население и неквалифицированные рабочие, кустари, ремесленники, крестьяне. Среди них доля беженцев нерусской национальности достигала 25–30 % (Колоткин, 2012).

Районами выхода из Белоруссии, например, стали Гродненская, Виленская, Минская и Витебская губернии. Наиболее многочисленными группами беженцев, стали латыши, латгалцы, поляки, белорусы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. ДД. 323, 324; Комарова, 2007: 39).

В Красноярске к 13 октября 1915 г. было зарегистрировано 926 семейств, всего 2690 человек. Основная масса осела в городе. На 24 октября этого же года в городе уже было зарегистрировано свыше 3000 беженцев, только 500 из них выехало в уезды. Так как Красноярск был переполнен войсками и военнопленными, квартирные хозяева не хотели размещать беженцев у себя. В дальнейшем предполагалось отправлять их на Восток по железной дороге. Тех же, кто пожелал остаться – размещать на переселенческом пункте или в уезде. По подсчетам, в Красноярском уезде возможно было разместить еще 1005 человек в близлежащих к городу селениях (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 5, 8). В Ачинске к 1 ноября 1915 г. было зарегистрировано 973 мигранта: 666 человек разместились в городе, 296 – в уездах (Кузьменко, 2014: 119).

Несмотря на стремление властей прекратить размещение беженцев губернском городе, их поток не прекращался. На 1 января 1916 г в Красноярске числилось 1039 семей, в составе 958 мужчин, 1292 женщины и 1533 детей, всего – 3783 человека. По национальностям беженцы составили: 2892 русских, 442 поляков, 248 латышей, 87 литовцев, 77 евреев, 37 других национальностей. *Прим.: к русским традиционно относили украинцев и белорусов (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 15 об.).*

Прибытие в регион значительного количества беженцев потребовало от местного сообщества сплочения сил для организации помощи. Как указывалось в циркуляре всероссийских Земского и Городского союзов от 18 ноября 1915 г. «...помощь беженцам есть дело не благотворительности, а обязанность государства и всего общества. В том временном и в общем беспорядочном виде, в котором дело помощи находится сейчас, оставлять его невозможно. Необходимо немедленно, не теряя времени и не дожидаясь, когда беспорядочное расселение беженцев и нецелесообразные формы помощи станут источником огромных расходов, приступить к выработке руководящих начал помощи» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 1).

Проблемами беженства занимались государственное Особое совещание по устройству беженцев, полугосударственный Татьянинский комитет, различные самодеятельные структуры (всероссийские Земский и Городской союзы), национальные комитеты (Павлова, 2003: 78–102).

В Красноярске помощь беженцам оказывал комитет помощи беженцам при Красноярском городском общественном управлении, а в исключительных случаях – уполномоченный Латышского центрального общества. Все беженцы в городе были распределены между 11 попечительницами в зависимости от района проживания, на переселенческом пункте постоянно проживал один человек, который вел и регистрацию вновь прибывших. Большую часть средств комитет получал из Государственного казначейства через посредство Красноярского городского общественного управления. Несколько раз поступали денежные суммы из Татьянинского комитета, частных благотворителей и учреждений (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 16 об., 17).

Часть беженцев (по-видимому, более состоятельные финансово) снимали квартиры самостоятельно. Другие проживали в квартирах, снятых комитетом помощи беженцам, всего в 222-х квартирах. 131 их этих квартир находилась в рабочей Николаевской слободе. 138 человек проживали в бараках на переселенческом пункте. Где и сколько беженцев проживали в Красноярском уезде, комитету известно не было (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 16).

Комитет предоставлял беженцам отопление, керосин для освещения, воду, выдавал одежду и обувь, мыло, оплачивал посещение бань, медикаменты, лечение в больнице Приказа общественного призрения, выплачивал пособия на похороны и крестины.

Продовольственная помощь деньгами или натурой оказывалась в течение двух недель со дня их прибытия в Красноярск. Помощь натурой выражалась в выдаче на руки $\frac{3}{4}$ фунта белого хлеба, чая и двух кусков сахара, кормления в столовой обедом, состоящим из двух блюд. Тем, кто проживал на

переселенческом пункте, давались обед и ужин, выдавались крупа и сало. Денежные выплаты производились в размере 20 коп. на одинокого и 15 копеек на семейного. Однако те одинокие беженцы, которые были призваны здоровыми, денежного пайка не получали и обязывались посещать столовую. Дополнительное питание организовывалось только для детей, посещающих школы. Им выдавался еще и завтрак.

Кроме этого, комитет проводил социальную работу: организовывал бесплатную медицинскую помощь, размещал детей в школы и приобретал им учебники, разыскивал оставших родственников, наводил всевозможные справки и оказывал юридические услуги, осуществлял дальнейшее перемещение по железной дороге и оплачивал расходы при перевозке имущества на грузовом транспорте. Для детей, оставшихся без родителей, был организован детский приют, рассчитанный на 30 воспитанников.

Для скорейшей адаптации беженцев в местном сообществе всем трудоспособным и не занятым воспитанием малолетних детей или присмотром за больными подыскивалась работа. Все, желающие получить заработок, регистрировались немедленно по прибытии в Красноярск. Осуществляло поиск бюро труда, действовавшее при справочно-трудовой секции комитета. Сюда поступали все запросы от потенциальных работодателей. В их числе могли быть, как частные лица, так и правительственные учреждения. Комитет старался найти занятие, соответствующее профессиональной подготовке беженцев и «нормально оплачиваемое». При поступлении на работу, выдавались теплая одежда и обувь. В случае отсутствия работы по профессии, беженец продолжал пользоваться поддержкой государства, впредь до трехкратного отказа от труда, после чего он лишался пособия по решению особой комиссии, состоящей при бюро труда. По получении первого заработка всякая помощь прекращалась или уменьшалась. В последнем случае вопрос решался индивидуально, и зависел от числа иждивенцев, содержащихся одним работающим, и суммы его заработка.

Комитетом была организована сапожная мастерская, где беженцы получали сдельное вознаграждение. В мастерской осуществлялась починка обуви, а также по заказу местного военного госпиталя изготавливались больничные туфли. Несколько партий было отправлено на ремонт пути Томской железной дороги. В документах также упоминается об использовании вновь прибывших на сельских работах. Однако, в целом, государственные организации в губернии не занимались организацией каких-либо общественных работ (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 9, 17 об.–19 об.; Д. 245. Л. 20, 52–56).

Ряд организаций также оказывали помощь беженцам. В годы Первой мировой войны был накоплен значительный опыт привлечения дополнительных ресурсов в момент чрезвычайных ситуаций. Например, церковные общины на местах достаточно быстро отреагировали на призывы о помощи. В пользу беженцев в августе–сентябре 1915 г. православными приходами на территории Енисейской епархии был объявлен сбор Ковша Зерна Нового Урожая (ЕЕВ, 1915. № 18. Л. 13)

25 сентября 1915 г. от Великой Княжны Татьяны последовал рескрипт с благодарностью прихожанам за проведение денежного сбора в пользу населения, пострадавшего от военных действий (ЕЕВ, 1915. № 21. Л. 5). 27 октября пришла благодарность за помощь учащимся Красноярского духовного училища, которые пожертвовали 125 руб. (ЕЕВ, 1915. № 23. Л. 20). В декабре 1915 г. воспитанницами Епархиального женского училища был поставлен благотворительный спектакль, сбор от которого составил 400 руб. В мужских ролях принимали участие воспитанники духовной семинарии (ЕЕВ, 1915. № 23. Л. 20).

Весной 1916 года епископ Енисейский и Красноярский Никон пожертвовал региональному комитету помощи беженцам 3000 на содержание детского дома (Кузьменко, 2014: 119).

Жизнь их вдали от родины была трудной. При общей сутолоке беженцы теряли из виду своих родных и близких и в особенности детей, так что многие семьи не досчитывались то одного, то другого из своих членов. Как только беженцы намеревались где-нибудь поселиться, найти заработок или обратиться за пособием – от них тотчас требовали паспорта и, немного позже, кроме того особые удостоверения – беженцев и, во многих случаях также, удостоверение о национальности (Колоткин, 2012: 77).

Как указано в документах, основная часть беженцев оседала в городах, где легче было найти работу и помощь в условиях подорожания военного времени. В глубинке же помощь оказывалась минимальная, работа была только поденная. Самостоятельную деятельность по призрению беженцев проявлял только Красноярск, города же Ачинск и Канск, также получившие государственные ассигнования, возложили все обязанности на общественную организацию – Всероссийский союз городов. Отсюда – недовольство, размещенных в уездах, жалобы на малое пособие, отсутствие элементарных санитарных условий в переселенческих бараках (в Канске даже были случаи натуральной оспы). Беженцы нередко беспорядочно перемещались по линии железной дороги, самостоятельно заселялись в районах железнодорожных станций Боготол, Ачинск, Канск и Ключевная (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 80–82). Особенно ужасное впечатление производили женщины: «муж на войне, а у нее 5–6 чел[овек] семьи, и один меньше другого, а самый малый, грудной – на руках» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 1).

Да и в губернском городе, постепенно, с увеличением числа вновь приехавших, возникали проблемы, связанные с трудовой и социальной адаптацией. Беженская больница была переполнена,

врачи отказывались ездить по квартирам, возникали угрозы эпидемий. При постоянной потребности в неквалифицированной рабочей силе, вновь прибывшие, претендовавшие на более высокую квалификацию, не всегда соглашались на работу и в глазах местных жителей оказывались «лодырями». Нередко, у новых жителей губернии не было теплой одежды и обуви для работы, необходимых рабочих инструментов. Разобщенность и несогласованность действий всех сторон в этом вопросе порождала некую напряженность. Многие, при попытках уехать или переместиться (для чего требовалось получить бесплатный и деньги на прокорм) в условиях военного времени, получали отказ со ссылкой на стремление к «тунеядству» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248. Л. 1 об.–2).

Позиция Красноярского городского общественного управления по этому вопросу изначально была очень четкой и продуманной: «Беженцы – не нищие, нуждающиеся в благотворительности общества, – беженцы лишь жертвы войны, обязанные находиться на попечении государства... Несомненно, эта задача является новым бременем для государства...» (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 21 об.).

Возможно согласиться с рядом авторов, что данная позиция власти не всегда находила понимание в беженской среде, неминуемо вела к ограничению диалога между властью и социумом, а значит, порождала некую напряженность между местными и приезжими (своими–чужими). На этой почве появлялись проблемы в области социокультурной адаптации. Возникали отрыв от своей социальной, этнической или некоей другой общности, некая маргинальность, что порождало альтернативную идентификацию и даже разрыв с прежней идентичностью (Суржикова и др., 2012: 143, 145).

5. Заключение

В целом же, значительное количество мигрантов во время войны усугубляло социальные проблемы Енисейской губернии, как и других принимающих регионов. Однако возможно говорить о создании и функционировании системы попечения о беженцах, объединившей усилия государственных и общественных органов, отдельных благотворителей. Данная система способствовала сглаживанию конфликтов. В годы Первой мировой войны складывается система чрезвычайных мер, направленная на улучшение состояния жизнеобеспеченности крупных контингентов населения. В ходе предпринятых усилий человек, испытывающий шок, травму, мог получить конкретную помощь.

Ряд противоречий так и не нашли своего разрешения: Отсутствие опыта в миграционном законодательстве, неопределенность статуса беженцев, разногласия между различными правительственными ведомствами привели к затягиванию утверждения закона о переселенцах и создания специального органа, призванного оказывать им помощь. В острый кризисный момент беженцы не всегда могли найти моральную поддержку местного населения, нередко видевшего в них иждивенцев, тем более влиться в местное принимающее сообщество. Потенциал социальной мобильности данной категории населения был низок.

Литература

Баженова, 2011 – *Баженова К.Е.* Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 21–27.

Белова, 2013 – *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №12. С. 51–62.

Белова, 2014 – *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО-монография»). М.: АИРО XXI, 2014. 432 с., 16 с. илл.;

Гетрелл, 2001 – *Гетрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. №4 (122). С. 46–72.

Горелов, 2002 – *Горелов Ю.П.* Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. научн. трудов. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.

ЕЕВ, 1915 – Енисейские епархиальные ведомости, 1915.

Исторические исследования, 2011 – Исторические исследования в России. III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 584 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Колоткин, 2012 – *Колоткин М. Н.* Латгальские поселенцы в Сибири / Отв. ред. А.В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд., испр. Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края; Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 69, [2] с.

Комарова, 2007 – *Комарова Т.С.* «Тем, кто в забвеньи брошен был судьбой...». Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 138 с.

Кузьменко, 2014 – Кузьменко А.С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы первой мировой войны. // Сибирь в войнах начала XX века. Красноярск, Архивное агентство Красноярского края, 2014. С. 117–120

Межэтнические связи, 2007 – Межэтнические связи Приенисейского региона. Красноярск: [б. и.], 2007. Ч. 2. 1917–1992 гг. / [сост.: С. А. Минина и др.]. 2007. 383 с., [8] л. ил.

Нам, 2003 – Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. Чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–279

Оськин, 2014 – Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М.: Вече, 2014 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html> (дата обращения: 02.08.2016)

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: КрасГАУ, 2003. 150 с.

Рыбаковский, 2001 – Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: три стадии миграционного процесса: очерки теории и методологии исследования. М.: Наука, 2001.

Рынков, 2015 – Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. N. 3 (22). С. 70–75.

Суржикова и др., 2012 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 годов в контексте новейших отечественной и зарубежной историографий. // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20). История.

Утгоф, 2002 – Утгоф В.С. Реэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Источник. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2002. С. 396–416.

Шевырин, 2000 – Шевырин В.М. Земский и городской союзы (1914–1917). М., 2000. 63 с.

Шевырин, 2003 – Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. 151 с.

Blum, 2011 – Blum M. Government decisions before and during the first world war and the living standards in germany during a drastic natural experiment. // *Explorations in Economic History*. 2011. Vol. 48, N. 4. pp. 556–567.

Lange, 2015 – Lange B. Poste restante, and messages in bottles: Sound recordings of indian prisoners in the first world war. *Social Dynamics*. 2015. Vol. 41, N. 1. pp. 84–100.

Polyakova, 2015 – Polyakova L.G. (2015) Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey. // *Bylye Gody*. (2), 36: 366–372.

Spoerer, 2006 – Spoerer M. The mortality of allied prisoners of war and belgian civilian deportees in german custody during the first world war: A reappraisal of the effects of forced labour. *Population Studies*. 2006. Vol. 60, N. 2. pp. 121–136.

Vögele, 2009 – Vögele J. Wenn das leben mit dem tod beginnt – säuglingssterblichkeit und gesellschaft in historischer perspektive. // *Historical Social Research*. 2009. Vol. 34, N. 4. pp. 66–82.

References

Bazhenova, 2011 – Bazhenova K.E. Deyatel'nost' organizatsii Vserossiiskogo zemskogo soyuza i Vserossiiskogo soyuza gorodov Permskoi gubernii po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody pervoi mirovoi voiny [The activities of the organizations of the all-Russian Zemstvo Union and all-Russian Union of cities of the Perm province on refugee assistance during the first world war]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 12 (227). Istoriya. Vyp. 45. S. 21–27.

Belova, 2013 – Belova I.B. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya [The refugees of the First world war from the Western parts of the Russian Empire: life in temporary location]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2013. №12. S. 51–62.

Belova, 2014 – Belova I.B. Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg. [The forced migrants: refugees and prisoners of war of the First world war in Russia]. (Seriya «AIRO-monografiya»). М.: AIRO XXI, 2014. 432 с., 16 s. ill.

Getrell, 2001 – Getrell P. Bezhentsy v Rossii v gody pervoi mirovoi voiny [The refugees in Russia during the First world war]. *Istoricheskie zapiski*. 2001. №4 (122). S. 46–72.

Gorelov, 2002 – Gorelov Yu.P. Priem bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny [The reception of refugees in Siberia during the First world war]. *Sibir': XX vek: mezhvuz. sb. nauchn. trudov*. Kemerovo, 2002. Vyp. 4. S. 66–73.

EEV, 1915– Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti, 1915.

Istoricheskie issledovaniya, 2011 – Istoricheskie issledovaniya v Rossii. III. Pyatnadtsat' let spustya [Historical research in Russia. III. Fifteen years later]. Pod redaktsiei G.A. Bordyugova. М.: AIRO-XXI, 2011. 584 s.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [The state archive of the Krasnoyarsk territory].

- Kolotkin, 2012** – *Kolotkin M.N.* Latgal'skie poselentsy v Sibiri [Latgale settlers in Siberia]. Otv. red. A.V. Andronov, L. Leikuma. 2-e izd., ispr. Achinsk: Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Tsentralatgal'skoi kul'tury» Krasnoyarskogo kraia; Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2012. 69, [2] s.
- Komarova, 2007** – *Komarova T.S.* «Tem, kto v zabven'e broshen byl sud'boi...». Eniseiskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny ["To those who in oblivion were thrown by fate...". Yenisei province during the First world war]. Krasnoyarsk: Sibirskii pechatnyi dvor, 2007. 138 s.
- Kuz'menko, 2014** – *Kuz'menko A.S.* Sibirskii tyl i «nedobrovol'nye» migranty v gody pervoi mirovoi voyny [Siberian rear and "involuntary" migrants during the First world war]. Sibir' v voynakh nachala XX veka. Krasnoyarsk, Arkhivnoe agentstvo Krasnoyarskogo kraia, 2014. S. 117–120.
- Mezhetnicheskie svyazi, 2007** – Mezhetnicheskie svyazi Prieniseiskogo regiona [The interethnic communication of Yenisei region]. Krasnoyarsk: [b. i.]. Ch. 2. 1917–1992 gg. / [sost.: S. A. Minina i dr.]. 2007. 383 s., [8] l. il.
- Nam, 2003** – *Nam I.V.* Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voyny [The population and ethnic composition of refugees in Siberia during the First world war]. Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: IV nauch. Chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: sb. nauch. trudov. Barnaul, 2003. Kn. 2. S. 276–279.
- Os'kin, 2014** – *Os'kin M.V.* Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi: plennye, dezertiry, bezhentsy [Unknown tragedy of the First world war: prisoners, deserters, refugees]. M.: Veche, 2014 [elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html> (data obrashcheniya: 02.08.2016)
- Pavlova, 2003** – *Pavlova I.P.* Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The social care in Russia during the First world war]. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2003. 150 s.
- Rybakovskii, 2001** – *Rybakovskii L.L.* Migratsiya naseleniya: tri stadii migratsionnogo protsessa: ocherki teorii i metodologii issledovaniya [The migration of population: three stages of the migration process: essays on the theory and methodology of the study]. M.: Nauka, 2001
- Rynkov, 2015** – *Rynkov V.M.* Bezhentsy i primayushchii sotsium: k kharakteristike sotsial'noi mobil'nosti v gody Pervoi mirovoi voyny [The refugees and the host society: the characteristics of social mobility in the years of the First world war]. Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. N. 3 (22). S. 70–75.
- Surzhikova i dr., 2012** – *Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A.* Rossiiskoe bezhenstvo 1914–1922 godov v kontekste noveishikh otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii. [Russian refugee yof 1914–1922 in the context of the latest national and foreign historiography]. Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. 3 (20). Istoriya.
- Utgof, 2002** – *Utgof B.C.* Reevakuatsiya belorusskikh bezhentsev Pervoi mirovoi voyny (nachal'nyi etap): struktury, formy, organizatsiya [The re-evacuation of belarusian refugees of the First world war (the initial stage): structure, forms, organization]. Istochnik. Istoriya: sb. nauch. rabot. SPb., 2002. S. 396–416.
- Shevyrin, 2000** – *Shevyrin V.M.* Zemskii i gorodskoi soyuzu (1914–1917) [Zemstvo and city unions (1914–1917)]. M., 2000. 63 s.
- Shevyrin, 2003** – *Shevyrin V.M.* Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917) [The power and public organizations in Russia (1914–1917)]. M., 2003. 151 s.
- Blum, 2011** – *Blum M.* Government decisions before and during the first world war and the living standards in germany during a drastic natural experiment. *Explorations in Economic History*. 2011. Vol. 48, H. 4. S. 556–567.
- Lange, 2015** – *Lange B.* Poste restante, and messages in bottles: Sound recordings of indian prisoners in the first world war. *Social Dynamics*. 2015. Vol. 41, H. 1. S. 84–100.
- Polyakova, 2015** – *Polyakova L.G.* (2015) Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey. *Bylye Gody*. (2), 36: 366–372.
- Spoerer, 2006** – *Spoerer M.* The mortality of allied prisoners of war and belgian civilian deportees in german custody during the first world war: A reappraisal of the effects of forced labour. *Population Studies*. 2006. Vol. 60, H. 2. S. 121–136.
- Vögele, 2009** – *Vögele J.* Wenn das leben mit dem tod beginnt – säuglingssterblichkeit und gesellschaft in historischer perspektive. *Historical Social Research*. 2009. Vol. 34, H. 4. S. 66–82.

УДК 94:2-5(571.51)

Беженцы в тылу Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии)Анна Павловна Дворецкая ^{а, *}, Анна Сергеевна Жулаева ^а, Галина Михайловна Луцаева ^а^а Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере социума Приенисейской Сибири 1914–1918 гг. рассматривается потенциал социальной мобильности беженцев Первой мировой войны, анализируются меры и формы их социальной поддержки, направленные на поддержание жизнеобеспечения в условиях потери имущества, социального статуса.

Авторы приходят к следующим выводам на примере Енисейской губернии. В годы Первой мировой войны был накоплен значительный опыт привлечения дополнительных ресурсов в момент чрезвычайных ситуаций. Разработаны конкретные мероприятия на местах, рассчитанные на улучшение состояния крупных перемещаемых контингентов населения, во избежание криминализации ситуации создавались территориальные группы помощи. Хотя военная обстановка была в этот период тяжелой, порядок, безопасность и питание беженцев были организованы неплохо. Большинство беженцев в довольно короткое время добрались до мест назначения. В случае действенной материальной помощи и реальной социальной поддержке горечь утраты значительно снижалась.

Однако миграционная мобильность беженцев была невысокой, а возможность адаптации их к сибирским условиям незначительной из-за преобладания в их среде женщин, стариков и детей, низкой квалификации на рынке труда. У вынужденных мигрантов наблюдался кризис идентичности, переживаемая травма вела к психологическим последствиям. Возникали отрыв от своей социальной, этнической общности.

Ключевые слова: беженцы, Первая мировая война, вынужденная миграция, социальная мобильность, 1914–1918 гг.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1368-1377, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance

Vladimir B. Karataev^{a, *}, Teymur E. Zulfugarzade^b, Natalya N. Cherkasova^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c Southwestern state University, Russian Federation

Abstract

The article is considered the Erzurum offensive and its significance for Russian society due to the 100th anniversary. There were used the published materials – the collections of documents, scientific research, as well as private sources: memoirs and diaries.

The methodological basis of the study were the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, making judgments under result of the analysis of set of facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation.

The authors conclude that the Erzurum offensive was the result of the efficient conduct tactical and strategic planning of the Russian command. Despite the considerable force of the enemy and his strong defensive positions, the operation has been a success with relatively small losses of the Russian army. The victory inspired not only the army, but also the Russian rear, which had a positive impact on the mood in society.

Keywords: Erzerum fortress, the First world war, the Caucasian front, the Russian army.

1. Введение

Начатая 28 декабря 1915 г. и закончившаяся к 12 марта 1916 г. 75-дневная операция Эрзерумская наступательная операция, состояла из двух самостоятельных и последовательных операций, имевших определенно поставленные цели: первая — нанесение коротким ударом поражения живой силе турецким войскам, а вторая — окончательный разгром 3-й турецкой армии, укрывшейся за укреплениями крепости Эрзерум, и захват последней. В общем Эрзерумская наступательная операция, проведенная в тяжелых зимних условиях на горном театре, представляет один из примеров доведенной до конца сложной операции, состоявшей из нескольких, вытекавших один из другого, этапов, закончившихся разгромом противника, потерявшего свою основную базу на передовом театре — крепость Эрзерум.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов использованы опубликованные материалы – сборники документов, научные исследования, а также источники личного происхождения: мемуары и дневники. Из мемуарных работ можно отметить труды: М.К. Лемке «250 дней в царской ставке 1914–1915. Мои воспоминания» (Лемке, 2003), Э. Людендорфа «Мои воспоминания о войне 1914–1918» (Людендорф, 2007), а также А.И. Спиридовича «Великая война и февральская революция. Воспоминания» (Спиридович, 1997).

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev), teymurz@yandex.ru (T.E. Zulfugarzade), natali_21_02@mail.ru (N.N. Cherkasova)

источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Так, в частности, Эрзерумская операция представлена в контексте с хом операий на Турецком ТВД. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Обсуждение

Историография Кавказского фронта в период Первой мировой войны, несмотря на истекшие 100 лет, не отличается своей многочисленностью. Тем не менее, мы хотели бы разделить ее на два хронологических периода: советский (1917–1991 гг.) и российский (1991 – до настоящего времени).

3.1. Советская историография. Литература, посвященная, собственно Кавказскому фронту, была очень скупа, но и то, что издавалось, носило скорее характер военно-оперативных обзоров, чем научно-исторических исследований, потому как их авторы ограничивались, как правило описанием состояния, соотношения сил, возможностей. Целей и действий войск воюющих сторон, освещая данную тему с позиций опыта военной практики. К таковым, например, относится работа Н. Корсун «Эрзерумская операция» (Корсун, 1938). В 1959 г. вышла в свет книга воспоминаний полководца гражданской войны, Маршала Советского Союза С.М. Буденного «Пройденный путь» (Буденный, 1959). В этой книге явно прослеживаются черты чисто советской идеологии о дисциплине царской армии, в том числе ее высшего офицерского состава, во время военных действий на Кавказском фронте Первой мировой войны.

Интересный материал содержит книга Эдвина Вудхолла «Разведчики мировой войны» (Вудхолл, 1938), в которой раскрываются методы и приемы шпионской работы Германии, Англии и Франции в империалистическую войну 1914–1918 годов, в том числе распространение агентурных организаций на территорию Закавказья.

Следует также отметить обширный труд известного русского военного историка, генерала от инфантерии А.М. Зайончковского «Первая мировая война» (Зайончковский, 1938). Автор, в своем исследовании, особое внимание уделял описанию операций Первой мировой войны 1914–1918 гг., используя обработанные архивные материалы, а также иностранные источники.

Необходимо упомянуть исследование несоветского белоэмигрантского историка данного периода, который затрагивает тематику Кавказского фронта – А.А. Керсновского «История русской армии» (Керсновский, 1973). В его работе акцентируется внимание на боевых действиях, однако более подробно, чем в книге Н.Г. Корсуна «Первая мировая война на Кавказском фронте» (Корсун, 1946). А.А. Керсновский рассматривает не только положение дел на Кавказе, затрагивающее военно-оперативные вопросы, но и политические, а также вопросы личностных взаимоотношений внутри командных кругов противоборствующих сторон. Именно Керсновский изучает Кавказский фронт как один из составляющих театров Первой мировой войны.

Рассматривая в своей работе Закавказье как экономически и стратегически выгодный регион, нельзя было обойти стороной работу грузинского исследователя Г.В. Пипии «Германский Империализм в Закавказье в 1910–1918 гг.» (Пипия, 1978).

А.П. Стеклов написал объемный научный труд о Кавказском фронте – «Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» (Стеклов, 1969). В нем автор изучает проблему советизации и большевизации Кавказского фронта, однако и освещает «колониаторскую» политику Царского и Временного правительств в Кавказском регионе, развитие националистического движения в Закавказье.

Издавались работы и в эмиграции. Так, например, в 1933 году в Париже вышло в свет фундаментальное исследование Е.В. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» (Масловский, 1933). Автор являлся генерал-майором и генерал-квартирмейстером штаба Кавказского фронта Русской императорской армии. В труде содержатся также обширные воспоминания и записки участников войны на Кавказском фронте.

3.2. Российская историография. В современный российский период у большинства историков появился иной взгляд на рассмотрение тематики Кавказского фронта Первой мировой войны. Так, в 1-й книге серии «Мировые войны XX века» раскрываются состав, оперативные действия, положение, подготовка, состояние снабжения, условия жизни войск Кавказского фронта и противостоящей им Турецкой армии (Первая мировая война, 2002).

Современные исследователи Д. Мартиросян «Сарыкамьшская операция 12–24 декабря 1914 года» (Мартиросян, 1993), А. Фитц «Геноцид армян и российские немцы» (Фитц, 2000) в своих работах сводятся в основном к геноциду армян в Турции в 1915 году, именно когда российские войска перешли в наступление, и к притеснению немцев в России.

К жанру персоналий относится работа Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича. Биография чинов северо-западной армии» (Рутыч, 2002).

Положению и состоянию казачьих войск на Кавказском театре военных действий, посвящена работа участника Белого движения, полковника Ф.И. Елисеева «Казачи на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» (Елисеев, 2001), в Первую мировую войну служившего обер-офицером в 1-м Кавказском

Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полку Кубанского казачьего войска, который с августа 1914 г. действовал на Кавказском фронте.

Одним из известных исследователей Кавказского фронта Первой мировой войны является В. Шамбаров и его книга «За веру, царя и Отечество» (Шамбаров, 2003) представляет собой цельную историческую картину Первой мировой войны с изложением фактов, отобранных из источников, в том числе советских, эмигрантских и иностранных. В работе А.В. Шишова «Кавказский фронт» (Шишов, 1998) дается краткое хронологическое и статистическое обозрение войны на Кавказе и деятельности казачьих частей в Первую мировую войну, А.А. Шихлинский в своей книге «Русская армия в Великой войне» (Шихлинский, 2002) описывает взаимоотношения командующего состава, состояние армии накануне войны и непосредственно во время Первой мировой.

Н.В. Новиков в своем труде «Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах» (Новиков, 2003) большое внимание уделяет совместным действиям Черноморского флота и Приморского отряда Кавказской армии в 1916 г. при наступлении вдоль анатолийского побережья.

Исследователь Тельавивского университета Н. Тер-Оганов посвятил свои работы изучению истории экспедиционного корпуса генерала Букретова (Ter-Oganov, 2014; Ter-Oganov, 2015; Ter-Oganov, 2016).

Таким образом, имеющаяся исследовательская литература затрагивает лишь некоторые аспекты Кавказского фронта. Кроме того, многие работы противоречат друг другу и дают совершенно разные представления об одних и тех же фактах. Причиной тому является разность идейно-политических взглядов на проблему представителей исторической науки, разных поколений, судеб и национальностей.

4. Результаты

4.1. Эрзерумская операция. Подготовка к операции

Основная мысль операции была в том, чтобы осуществить прорыв фронта 3-й Турецкой армии в ее центре, т.е. в стыке двух турецких групп, оборонявшихся на Ольгинском и Сарыкамышском направлениях, а также в стыке 2 русских корпусов, 2-го Туркестанского и 1-го Кавказского, между хребтов, окаймляющих Пассианскую долину с севера и массивом горы Джилли-гель на юге. Сильно пересеченная гористая местность на избранном участке прорыва была вообще мало удобна для маневрирования, почему и оказалась слабее занятой турками. Обогнув склоны массива Джилли-гель, наступающий имел возможность выйти к Кепри-Кейской укрепленной позиции, где у моста р. Аракс сходились почти все пути, ведущие от русско-турецкой границы по правому и левому берегу этой реки (Корсун, 2004: 232).

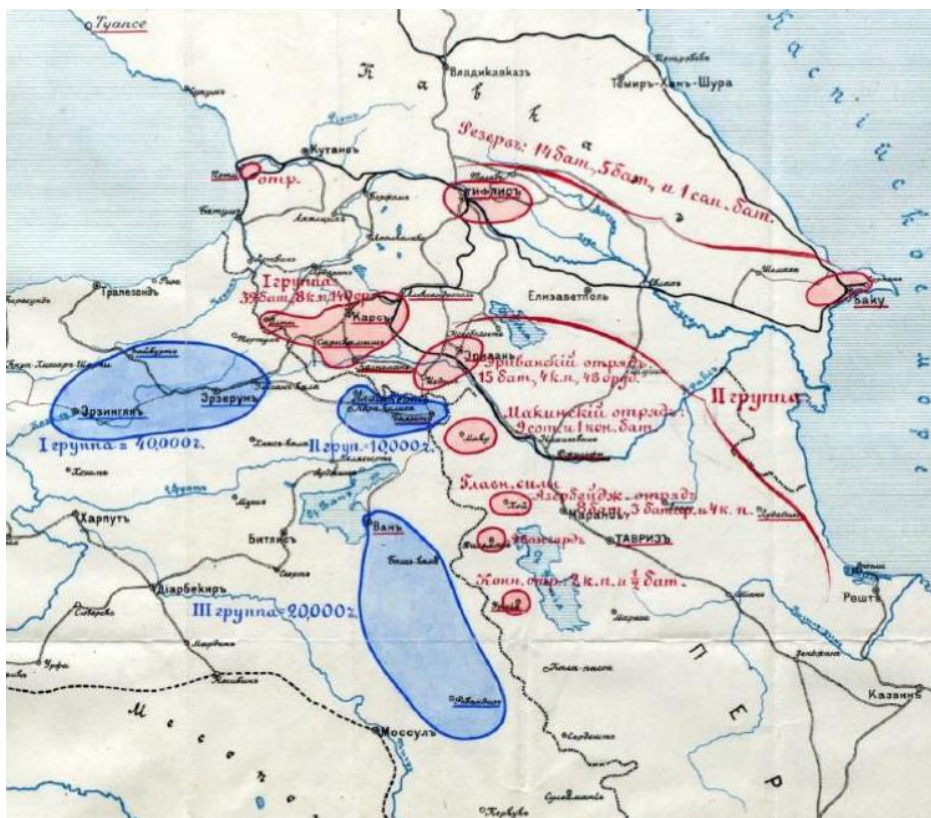

Рис. 1. Карта Кавказского театра военных действий (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3799. Л. 4).

Для удачной операции необходим был эффект внезапности. По свидетельству турецкого командования на фронте в к. 1915 г. вследствие начавшейся суровой зимы «царствовало полное спокойствие» и исключалось всякая возможность наступления русских. Так, командующий 3-й Турецкой армией Махмуд-Камиль-паша в 20-х числах декабря по вызову отправился в г. Константинополь, а начальник штаба – германский майор Гузе находился в отпуске. Генералиссимус всей армии Энвер-паша также не придавал в это время значение Кавказскому фронту и сосредоточил свои резервы во Фракии и в районе проливов. Это спокойствие турок до начала операции необходимо было сохранить, приняв меры тайны операции. Для этого с главного Эрзерумского направления перебрасывались войска на Персидское направление, на Алашкерское и другое. Днем на виду турок части уходили с позиций, а ночью возвращались. Имитировались укрепления других направлений. В итоге искусно проведенная демонстрация удалась блестяще, и сосредоточение войск на участке прорыва у с. Сономер произошло совершенно скрытно даже от своих войск (Корсун, 2004: 238). «Два полка были переданы 2-му Туркестанскому корпусу, а два 1-му Кавказскому корпусу. Наша дивизия была разрознена. Штаб дивизии находился при 1-м корпусе и никакой связи с нами не имел. Где находились другие полки нашей дивизии мы тоже не знали... Это потом, после наступления на Эрзерум мы узнали, что шло очень скрытное распределение войск» (Елисеев, 2001: 156).

В случае если бы турки узнали о Эрзерумской операции в начале ее проведения и для того, чтобы не смогли произвести каких-либо перебросок с остальных участков обширного фронта, командующим Кавказской армии было намечено одновременно проявить большую активность и на фронтах Приморского отряда и на фронтах 4-го Кавказского корпуса, Ван-Азербайджанского отряда, а также экспедиционному корпусу в Персии (Корсун, 2004: 232).

Проявление активности на флангах. В конце декабря Приморский отряд получил приказ начать дальнейшее наступление по побережью. В первую очередь, объектами наступления являлись п. Архаве и п. Вице, что одновременно с усилением Приморского отряда новыми частями требовала и присылку сюда в дополнении к миноносцам на постоянное пребывание уже более крупных боевых кораблей, канонерских лодок, а затем и линейного корабля. Таким образом, правый фланг армии стал повышенным объектом внимания со стороны турок (Новиков, 2003: 76).

Внимание турок обратил на себя персидский театр, где со стороны русских были предприняты небольшими силами наступательные действия. Это были попытки оказать помощь англичанам в Месопотамии, операции которых протекали там неблагоприятно (Корсун, 2004: 241).

На фронтах 4-го Кавказского корпуса и Азербайджанского отряда предпринимались карательные экспедиции против курдов, заканчивавшиеся разгромом восставших – сожжением их селений и захватом имущества и скота (Корсун, 2004: 192).

Если скрыть операцию от противника удавалось русским войскам, то от непогоды укрыться было трудно. Поэтому уделялось внимание теплой одежде солдат, подвоз войскам топлива для обогрева. Для маскировки были подготовлены белые халаты и чехлы на шапке. Для предохранения глаз от слепящего снега – защитные очки. Чтобы избежать обморожения в ротах имелись запасы не соленого сала. Особое внимание уделялось средствам связи, метеорологической службе, устройству тыла и управления (Корсун, 2004: 236). В общем, план наступления в суровый зимний период на горном театре русскими был всесторонне продуман и ими были приняты все меры для широкой оперативной маскировки. Вот почему переход русских к активным действиям на главном направлении явился для турок полной неожиданностью.

4.2. Подготовка к штурму Эрзерума

Кроме естественных высокогорных укреплений, Эрзерум был окружен бесчисленными укреплениями – фортами, поэтому была предпринята очень серьезная подготовка к штурму, которая продлилась более полумесяца. Утопая в бездонном снегу, вытаскивая на руках орудия на совершенно недоступные скалы, войска Кавказской армии занимали исходное к атаке положение (Керсновский, 1973: 288). Всего в операции должно было принять участие 88 батальонов, 70,5 сотен, 9,5 дружин ополчения, 195 орудий. Штаб вместе с командующим армией разместился в Гасан-Кале. Войска расположились следующим образом:

1. 2-й Туркестанский корпус под руководством Пржевальского в составе 29 батальонов, 46 орудий, 4 гаубицы, 17,5 сотен должен атаковать противника по фронту от р. Чорох до хребта Думлу-даг. Ему противостояли 30-я и 32-я турецкие пехотные дивизии, а также отряд Халил-бея с двумя полками четников;

2. Колонна Волошина-Петриченко в составе 4 батальонов, 2 орудия должна атаковать правый фланг 32-й турецкой дивизии и тыл 31-й дивизии;

3. Колонна генерала Воробьева в составе 16 батальонов, 36 орудий, 5 сотен должна атаковать от хребта Карга-Базар в промежутке между фортами Тафта и Чабан-деде, нанося удар по правому флангу 31 турецкой дивизии и по левому 29 дивизии;

4. Артиллерийский участок генерала Вагина – 16 осадных орудий, 18 полевых гаубиц, 1 дружина ополчения имела главной задачей подготовить артатаку фортов Чабан-деде и Далан-гес;

5. 1-й Кавказский корпус генерала Калитина в составе 39 батальонов, 8,5 дружин ополчения, 18 сотен, 64 орудия, 7 гаубиц должен атаковать от форта Чабан-деде по хребту Девебойну до Палантекенских фортов, которому противостояли 29, 17 и 28 турецкие пехотные дивизии;

5. Армейская конница генерала Раддатца в составе 12 сотен. 12 орудий приготовилась к бою в районе с. Кепри-Кей, а генерала Николаева в составе 18 сотен у с. Сарыкамыш ([Корсун, 2004: 264](#)).

Во время подготовки к штурму Эрзерума фланги центрального направления войск и фланги всей Кавказской армии вели наступательные бои. Крайний правый фланг центральных войск, действовавших против Эрзерума, и состоящий из частей 2-го Туркестанского корпуса и 3-й Кубанской пластунской бригады, при невероятной трудных погодных условиях, бездорожью вытеснил отряд Халил-бея из долины р. Тортум-гель в долину р. Чорох на 10-25 км и занял лучшие перевалы и проходы через хребты и горные массивы к западу от о. Торум-гель и уже 28 января вполне обеспечил справа операцию по овладению Эрзерумом.

На левом фланге главного направления наступал 4-й Кавказский корпус. После Алашкертской операции он насчитывал 12 батальонов, 47 орудий, 33 сотни и 7 дружин. Командовал корпусом генерал Девитт. Имея против себя 2 слабых полка, несколько пограничных батальонов и курдские формирования с 1 января корпус наступал на направление Хныс-Кала, дабы перерезать движение крупных сил противника со стороны Месопотамии на Эрзерум и свой тыл. 28 января, так же, как и правый фланг левый занял фронт от Хныс-Кала до с. Норшин (северный берег о. Ван), прикрывая главнейшие пути на Эрзерум, т.е. обеспечил левый фланг русской ударной группы и продолжал наступление, оттесняя противника к Палантекенским фортам ([Корсун, 2004: 261](#)).

Ван-Азербайджанская группа генерала Чернозубова в составе 12 батальонов, 13 дружин, 38 орудий, 53 сотни имела вспомогательный характер. Имея против себя 8 батальонов турок, курдские отряды группа предприняла операции своим правым флангом, разделив его на два отряда – вдоль северного и южного берега о. Ван, для содействия левому флангу 4 Кавказскому корпусу. К концу января 1916 г. оба отряда продвинулись на линию сс. Норшин, Норкев и продолжали теснить турок на Ахлад и Тадван, и постепенно примкнули к левому флангу 4 Кавказского корпуса.

Левое крыло Чернозубова, тесня батальоны противника, тоже продвигались вперед южнее о. Урмия, где войска русского экспедиционного корпуса генерала Баратова в Персии наступали на Керманшах ([Корсун, 2004: 273](#)).

Так же начать дальнейшее наступление получил Приморский отряд генерала Ляхова. В первую очередь объектами наступления должны были явиться Архаве и Вице, чтобы сковать турок и не допускать каких-либо перебросок к Эрзеруму со стороны моря. На побережье и у р. Архаве действовал турецкий отряд численностью в 14 батальонов. Пользуясь мощным содействием Батумского отряда кораблей, Приморский отряд в составе 11 батальонов, 9 дружин, 3 сотни, 24 орудия последовательно овладел оборонительными полосами турок по рр. Архаве и Вице, чем и выполнил приказ командующего Кавказской армией ([Новиков, 2003: 77](#)).

Для сбора разведанных активно применялась авиация. Так, 11 января 1916 года прапорщик Б.М. Мейер из состава 5-го Сибирского корпусного авиационного отряда в ходе визуального наблюдения дал ценные сведения о расположении противника ([РГВИА. Ф. 6108. Оп. 1. Д. 8. Л. 300-301](#)).

Тем временем завершалась подготовка на главном направлении. Санитарная часть, тыл, резервы были приведены в строгий порядок с 2-3-х кратным запасом медицинских средств, боеприпасов, фуража, продуктов питания и другого имущества.

В резерве у турок был 11-й корпус, расположенный за 9 корпусом, имея свои дивизии: 18 – у с. Тасмахор, 33 у с. Севишли и 34 в районе Эрзерума. Сама крепость занималась запасными батальонами, прибывшими за несколько дней со стороны Трапезунда и Эрзинджана и другими сводными частями ([Корсун, 2004: 265](#)).

4.3. Штурм Эрзерума

«Ну, господа, к делу». Все насторожились, и, по-видимому, приготовились долго слушать командующего. Ведь берем Эрзерум! «Получили мой приказ о штурме Эрзерума? Так вот, назначаю часом начала атаки 8 часов вечера, 28 января». Вот и вся речь для штурма... Генерал Калитин зашевелился и стал резко просить об отсрочке, указывая на неготовность. Присоединились и другие. Только молчал генерал Воробьев... «Хорошо господа, откладываю на один день, начинайте в 8 часов вечера, 29 января». Что и говорить – отсрочка знаменитая» ([Масловский, 1933: 275-276](#)).

29 января начался изнурительный приступ турецкого оплота, славнейшее дело русского оружия в Первую мировую войну – дело, подобно которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире. Атаки Кавказских и Туркестанских полков встречали яростное сопротивление, а 30 и 31 января отбивали контратаки противника, но взятое не упускалось.

1 февраля 2-й Туркестанский корпус и 4-я Кавказская дивизия преодолели Каргабазарское плато, прорвали фронт турок между фортами Тафта и Чабан-деде и открыли остальным соединениям армии Эрзерумскую долину. В этот же день были взяты форты Кара-гюбек и Тафта, и войска, втянутые в Гурджи-богазский проход также устремились в Эрзерумскую долину, откуда открывался путь к Эрзеруму с севера ([Керсновский, 1973: 288](#)).

Вот как описывает боевую повседневность Ф.И. Елисеев: «Батальон донцов, ворвавшихся в село возле форта Тафта, захватил свыше десятка старых пушек. Возбужденный, боевым успехом после перехода по разным «чертовым тропам» турецких снеговых гор есаул, командир батальона, выстроив своих пластунов возле захваченных пушек, скомандовал: «На молитву – шапки долой!», – и на закате зимнего холодного солнца всем батальоном восторженно пропел «Отче наш». Этот финальный момент боя религиозного донского казачества был исключительно величественен в своей одухотворенной простоте и мистической реальности» (Елисеев, 2001: 160). К концу 3-го дня штурма наметился прорыв турецкого фронта с выходом во фланг и тыл позиции Девебойну. Турецкое командование, учтя создавшуюся угрозу на своем северном секторе обороны, 2 февраля прилагало все усилия к задержке русских, но вместе с тем начало планомерно очищать под прикрытием сильных арьергардов Девебойнскую укрепленную позицию (Корсун, 2004: 267). Около полудня 2 февраля воздушная разведка доложила, что было замечено необычное движение на улицах Эрзерума и некоторое количество повозок, тянувшихся по дороге от Эрзерума на запад. Складывалось впечатление, что начинается эвакуация тыловых учреждений. Генерал Юденич понял, что наступила минута кризиса, и немедленно отдал приказ об атаке по всему фронту (Масловский, 1933: 291-292).

Русские войска на всем фронте в течение 2 февраля и ночи 3 февраля вели непрерывные бои с отходившими турецкими частями. Но все же русским не удалось прорвать в северной части Эрзерумской равнины фронт турок и выйти на сообщение 3-й Турецкой армии. Так как русские атаки захлебнулись, здесь, в своем наступлении, то турки отвели войска на шоссе Эрзерум-Эрзинджан. В след за отступавшим неприятелем другие русские полки один за другим врвались в турецкие форты, и подошли к Карским воротам г. Эрзерума. Первым вошел в город с казачьей сотней есаул А. Медведев 1-го Кавказского корпуса (Корсун, 2004: 267-268).

Всех подвигов за штурм Эрзерума невозможно перечислить. Так, елизаветпольцы полковника Финенко истекающие кровью, в жестокую стужу, у подножия Чабан-деде, после 8 бесплодных штурмов отказались быть сменными и овладели этим фортом на девятой атаке. Железная 39-я пехотная дивизия превзошла саму себя – под ее натиском пали считавшиеся непреступными форты Палантекена и Чабан-деде. 153-й пехотный Бакинский полк взял форт Далан-гес – единственный форт Эрзерума, взятый нами при штурме 1877 г. и тоже бакинцами (Керсновский, 1973: 288).

После овладения крепостью Эрзерум, действия Кавказской армии вылились в преследование остатков 3-й Турецкой армии, стремящейся выйти из-под ударов русских в направлении на г. Эрзинджан и на Испир-Байбуртском направлении. В результате поражения турок в Кепри-Кейском сражении и под Эрзерумом, их армия понесла большие потери (более 50 % личного состава). Преследование турок на широком фронте конницей поддержанной пехотой, ослабило до крайности остатки 3-й Турецкой армии, отброшенной к западу от Эрзерума на 70–100 км. Потери русских войск составили 8,5 тыс. убитыми, 6 тыс. ранеными и обмороженными (Корсун, 2004: 270-271).

4.5. Значение Эрзерумской операции

В начале 1916 г. войска русского Кавказского фронта начали наступление и смогли осадить крепость Эрзерум. Штурм в целом складывался успешно, на четвертые сутки постоянных атак российские войска заняли ряд укрепленных позиций крепости. Так, Верховный Главнокомандующий император Николай II сделал запись в своем дневнике от 2 февраля 1916 г.: «...Хорошие вести приходят с Кавказа – четыре укрепления Восточного фронта Эрзерума взяты нашими войсками!» (Дневник императора, 1991: 571).

На следующий день, 3 февраля, Эрзерум пал. Данная победа имела громадное значение для России: она воплощала собой силу российской армии и самодержавия. Эта победа стала первым крупным успехом после Великого отступления в кампании 1915 г. 3 февраля 1916 г. Николай II записал: «Сегодня Господь ниспослал милость Свою: Эрзерум – единственная турецкая твердыня – взят штурмом нашими геройскими войсками после пятидневного боя!» (Дневники императора, 1991: 571). Даже 4 февраля Николай II отмечал, что отовсюду прибывают поздравительные телеграммы (Дневники императора, 1991: 571).

Торжества по случаю взятия Эрзерума носили общероссийский характер. Так, в Тифлисе, где находилась ставка наместника царя на Кавказе, в 14 часов 3 февраля после получения известия о взятии Эрзерума Великий князь Николай Николаевич, эскортируемый казачьим конвоем, посетил экзарха Грузии и сообщил владыке о победе. После этого великий князь пригласил владыку совершить молебствие по случаю этого события.

Весть о взятии Эрзерума быстро облетела весь город, вызвав патриотический порыв населения. Здания украсились флагами, несметная толпа народа живым потоком устремилась на главные улицы, к дворцу и собору. В 16:30 в военном соборе было совершено торжественное молебствие экзархом Грузии. При входе в храм Великого князя экзарх обратился к Его Высочеству с приветствием, отметив, что взятием твердыни ислама в Азии нанесен удар и немцам в Европе.

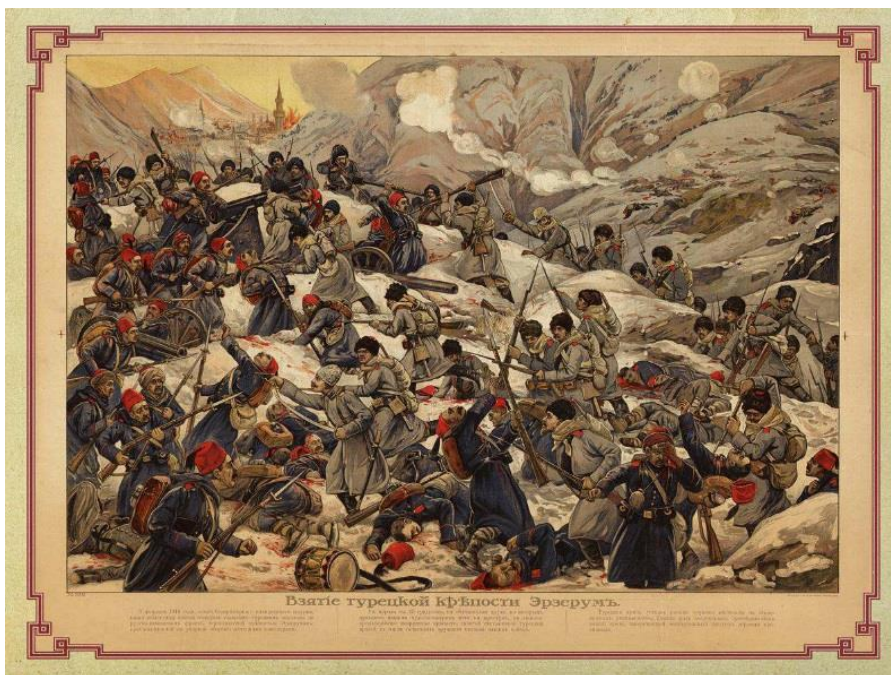

Рис. 2. Взятие Эрзерума на русских патриотических плакатах

При пении «вечной памяти» вождям и воинам, павшим на поле брани, все присутствующие благоверно опустили на колени. По выходе Августейшего Главнокомандующего из собора, толпы народа обнажили головы и громким «ура!» приветствовали Его Высочество. Великий князь проследовал в Сионский собор, откуда, помолившись и приложившись к святыням, возвратился во дворец, перед которым собралась громадная толпа народа.

Раздались звуки горской музыки и начались народные гуляния. Великий Князь выходил к народу, Городской голова обратился к Его Высочеству с краткой речью, выразив восторг всего многоязычного населения, и провозгласил «ура» Государю Императору и Августейшему Главнокомандующему славной Кавказской армии. Громовое «ура» многотысячной толпы огласило воздух. Великий князь поблагодарил за выраженные чувства и провозгласил «ура» державному Вождю русской армии и славным доблестным воинам Кавказской армии. Вновь раздалось восторженное «ура!».

Вечером город был иллюминирован. Учащиеся, с оркестром музыки и флагами, устроили шествие. На улицах продолжились патриотические манифестации ([Черноморская газета, 1916: 6 февр.](#)).

Праздновали взятие Эрзерума и в Новороссийске.

Первыми отметили взятие Эрзерума учащиеся города Новороссийска. Так, по случаю праздника все учащиеся на 3 дня были освобождены от занятий.

Утром 4 февраля в мужской гимназии перед началом торжественного богослужения по случаю взятия нашими войсками Эрзерума, директор гимназии М.О. Сарагадзе поздравил учащихся с радостным событием, провозгласив «ура» Государю Императору и Августейшему Наместнику Царя на Кавказе Великому князю Николаю Николаевичу. Ученики мощно подхватили «ура!».

По окончании молебствия гимназисты вместе с учителями, взяв портреты Государя и флаги, отправились по Серебряковской улице. У городского дома манифестанты остановились. Городской голова вышел на балкон и произнес речь.

Несколько позже состоялась вторая манифестация, при участии учащихся и учителей городских школ ([Черноморская газета, 1916: 5 февр.](#)).

Так, 5 февраля в 11 часов на Соборной площади местным духовенством был отслужен благодарственный молебен. Перед началом богослужения протоиерей Львов произнес речь, отметив блестящую победу русского войска.

После молебствия состоялся парад местного гарнизона. Начальник гарнизона генерал Соколовский провозгласил «ура» Государю Императору и Августейшему Главнокомандующему славной Кавказской армии и доблестным войскам. Громовое «ура!» войск и многотысячной толпы учащихся и граждан оглушало воздух продолжительное время.

На богослужении и параде присутствовали черноморский губернатор В.Н. Барановский, вице-губернатор А.И. Ридель, штаб и обер-офицеры с начальником гарнизона генералом Соколовским, консулы дружественных и нейтральных стран, чины гражданских ведомств, учащиеся средних, низших и начальных школ и многие другие.

Соборная площадь не смогла вместить всех собравшихся, расположившихся по примыкающим улицам.

После парада учащиеся с оркестром и флагами устроили шествие навстречу двигавшимся со 2-й части города многочисленным манифестантам с портретами Государя Императора, Великого князя Николая Николаевича и особ Царствующего Дома.

У манифестантов красовались плакаты с надписью: «Да воссияет над Святой Софией!» и «Да здравствуют наши союзники!». Патриотическая манифестация продолжалась около двух часов. Национальными флагами город был разукрашен 4 и 5 февраля (*Черноморская газета, 1916: 6 февр.*). Как и в августе 1914 года российское общество вновь ликovalo.

5. Заключение

Завершая хочется отметить, что Эрзерумская наступательная операция и собственно взятие крепости Эрзерум стало итогом эффективного проведения тактического и стратегического планирования русским командованием. Несмотря на значительные силы противника и его оборонительные рубежи, операция закончилась успехом со сравнительно небольшими потерями Русской армии. Победа воодушевила не только действующую армию, но и русский тыл, что положительно сказалось на настроениях в обществе.

Примечания

- Буденный, 1959* – Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1959.
Вудхолл, 1938 – Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. М., 1938.
Дневники императора, 1991 – Дневники императора Николая II. М., 1991.
Елисеев, 2001 – Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 гг. М., 2001.
Зайончковский, 1938 – Зайончковский А.М. Первая мировая война. М., 1938.
Керсновский, 1973 – Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 4. М., 1973.
Корсун, 1938 – Корсун Н. Эрзерумская операция. М., 1938.
Корсун, 1946 – Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.
Корсун, 2004 – Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004.
Лемке, 2003 – Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мои воспоминания. Харвест, 2003.
Людендорф, 2007 – Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. М., 2007.
Мартиросян, 1993 – Мартиросян Д. Сарыкамьшская операция 12–24 декабря 1914 года. М., 1993.
Масловский, 1933 – Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж, 1933.
Новиков, 2003 – Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах. СПб., 2003.
Первая мировая война, 2002 – Первая мировая война. / Мировые войны XX века, кн. 1. М., 2002.
Пипия, 1978 – Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.
 РГВИА – Российский государственный военный исторический архив.
Рутыч, 2002 – Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. Биография чинов северо-западной армии. М., 2002.
Спиридович, 1997 – Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Воспоминания. СПб., 1997.
Стеклов, 1969 – Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Тбилиси, 1969.
Фитц, 2000 – Фитц А. Геноцид армян и российские немцы. СПб., 2000.
Черноморская газета, 1916 – Черноморская газета (Новороссийск).
Шамбаров, 2003 – Шамбаров В. За веру, царя и Отечество. М., 2003.
Шишов, 1998 – Шишов А.В. Кавказский фронт. Первая мировая война. М., 1998.
Шихлинский, 2002 – Шихлинский А.А. Русская армия в Великой войне. СПб., 2002.
Polyakova, 2012 – Polyakova L.G. Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). // *Bylye Gody*. 2012, (3), 25.
Ter-Oganov, 2014 – Ter-Oganov N.K. Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917. // *Voennyi Sbornik*, 2014, №4(6), pp. 209-235.
Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N.K. Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917 (Continuation). // *Voennyi Sbornik*, 2015, №7(1), p. 14-29.
Ter-Oganov, 2016 – Ter-Oganov N. Who are you, Haji-Murat Muguev? // *East European History*, 2016, Vol. (3), Is. 1, pp. 19-25.

References

- Budennyi, 1959** – *Budennyi S.M.* Proidennyi put' [The passed way]. M., 1959.
- Vudkholl, 1938** – *Vudkholl E.* Razvedchiki mirovoi voiny [The intelligence agents of world war]. M., 1938.
- Dnevniky imperatora, 1991** – *Dnevniky imperatora Nikolaya II* [The diaries of Emperor Nicholas II]. M., 1991.
- Eliseev, 2001** – *Eliseev F.I.* Kazaki na Kavkazskom fronte 1914–1917 gg. [The cossacks on the Caucasian front in 1914–1917]. M., 2001.
- Zaionchkovskii, 1938** – *Zaionchkovskii A.M.* Pervaya mirovaya voina [The first world war]. M., 1938.
- Kersnovskii, 1973** – *Kersnovskii A.A.* Istoriya russkoi armii [The history of the Russian army]. V 4 t. T. 4. M., 1973.
- Korsun, 1938** – *Korsun N.* Erzerumskaya operatsiya [The Erzurum operation]. M., 1938.
- Korsun, 1946** – *Korsun N.G.* Pervaya mirovaya voina na Kavkazskom fronte [The first world war on the Caucasian front]. Operativno-strategicheskii ocherk. M., 1946.
- Korsun, 2004** – *Korsun N.G.* Kavkazskii front Pervoi mirovoi voiny [The caucasian front of the First World War]. M., 2004.
- Lemke, 2003** – *Lemke M.K.* 250 dnei v tsarskoi stavke 1914–1915 [250 days in Tsarist rate of 1914–1915]. Moi vospominaniya. Kharvest, 2003.
- Lyudendorf, 2007** – *Lyudendorf E.* Moi vospominaniya o voine 1914–1918 [My war memories 1914–1918]. M., 2007.
- Martirosyan, 1993** – *Martirosyan D.* Sarykamyskaya operatsiya 12–24 dekabrya 1914 goda [The Sarikamish operation, 12–24 December, 1914]. M., 1993.
- Maslovskii, 1933** – *Maslovskii E.V.* Mirovaya voina na Kavkazskom fronte 1914–1917 gg. [World war on the Caucasus front, 1914–1917]. Parizh, 1933.
- Novikov, 2003** – *Novikov N.V.* Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 godakh [The operations of the fleet against the shore of the Black sea in 1914–1917 years]. SPb., 2003.
- Pervaya mirovaya voina, 2002** – Pervaya mirovaya voina [The first world war]. / Mirovye voiny XX veka, kn. 1. M., 2002.
- Pipiya, 1978** – *Pipiya G.V.* Germanskii imperializm v Zakavkaz'e v 1910–1918 gg. [The german imperialism in the Caucasus in 1910–1918]. M., 1978.
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Rutykh, 2002** – *Rutykh N.N.* Belyi front generala Yudenicha. Biografiya chinov severo-zapadnoi armii [The white front of general Yudenich. The biography of the ranks of the northwestern army]. M., 2002.
- Spiridovich, 1997** – *Spiridovich A.I.* Velikaya voina i fevral'skaya revolyutsiya. Vospominaniya [The Great war and the February revolution. Memories]. SPb., 1997.
- Steklov, 1969** – *Steklov A.P.* Revolyutsionnaya deyatel'nost' bol'shevistskikh organizatsii na Kavkazskom fronte 1914–1917 gg. [The revolutionary activities of the Bolshevik organizations in the Caucasus front, 1914–1917]. Tbilisi, 1969.
- Fitts, 2000** – *Fitts A.* Genotsid arмян i rossiiskie nemtsy [The Armenian Genocide and the Russian Germans]. SPb., 2000.
- Chernomorskaya gazeta, 1916** – Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk).
- Shambarov, 2003** – *Shambarov V.* Za veru, tsarya i Otechestvu [For Faith, Tsar and Fatherland]. M., 2003.
- Shishov, 1998** – *Shishov A.V.* Kavkazskii front. Pervaya mirovaya voina [The Caucasian front. The first world war.]. M., 1998.
- Shikhliinskii, 2002** – *Shikhliinskii A.A.* Russkaya armiya v Velikoi voine [The Russian army in the great war]. SPb., 2002.
- Polyakova, 2012** – *Polyakova L.G.* Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). *Bylye Gody*. 2012, (3), 25.
- Ter-Oganov, 2014** – *Ter-Oganov N.K.* Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917. *Voennyi Sbornik*, 2014, №4(6), pp. 209-235.
- Ter-Oganov, 2015** – *Ter-Oganov N.K.* Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917 (Continuation). *Voennyi Sbornik*, 2015, №7(1), p.14-29.
- Ter-Oganov, 2016** – *Ter-Oganov N.* Who are you, Haji-Murat Muguev? *East European History*, 2016, Vol. (3), Is. 1, pp. 19-25.

УДК 93/94

К 100-летию взятия Эрзерума: наступательная операция и ее значение

Владимир Борисович Каратаев ^{a, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^b,
Наталья Николаевна Черкасова ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье, в связи со 100-летним юбилеем, рассматривается Эрзерумская наступательная операция и ее значение для русского общества.

В качестве материалов использованы опубликованные материалы – сборники документов, научные исследования, а также источники личного происхождения: мемуары и дневники.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении авторы отмечают, что Эрзерумская наступательная операция стала итогом эффективного проведения тактического и стратегического планирования русским командованием. Несмотря на значительные силы противника и его сильные оборонительные рубежи, операция закончилась успехом со сравнительно небольшими потерями Русской армии. Победа воодушевила не только действующую армию, но и русский тыл, что положительно сказалось на настроениях в обществе.

Ключевые слова: крепость Эрзерум, Первая мировая война, Кавказский фронт, Русская армия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев),
teymurz@yandex.ru (Т.Э. Зульфугарзаде), natali_21_02@mail.ru (Н.Н. Черкасова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 42, Is. 4, pp. 1378-1385, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) "1916"

A Try-Out of the February Revolution?

Sergei A. Nefedov ^{a, *}

^a Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The question about the causes and actors of the February revolution can be understood only in the context of previous events. In this connection, of great importance is the analysis of the causes and circumstances of a strike wave that swept through Petrograd in October 1916. Up to 100 thousand strikers (together with locked-out workers) were involved in these labor unrests that were accompanied by demonstrations and clashes with the police. In many ways (bread shortage as the main motivation, bakeshops pillage, spontaneity, suddenness, involvement of adolescents and women, Cossacks' refusal to shoot into the crowd, soldiers' desertion to the side of people), these events recall those of February 23–28, 1917. The American historians L. Haimson and E. Brian called them "a try-out of the February revolution".

Short information about these strikes is available in the papers of a number of Soviet authors; however, it is presented to some extent tendentiously, based on the desire to show the directing and organizational role of the Bolshevik party. In this regard, it seems important to restore the actual course of the events and give them an objective interpretation.

The study shows that the October strikes were the first reaction of Petrograd workers to the emerging food crisis, whereas the February revolution was the reaction to the second, a much more acute phase of this crisis. The mechanism of these events was similar: in the both cases, famine was the major factor pushing for protests. In the both cases, protests were spontaneous and massive, externally similar to a hunger riot. The food crisis determined the army's position as well: both in October and in February, Cossacks and soldiers sympathized with the starving population and refused to use weapons to crackdown demonstrators.

Keywords: Russia, February revolution in 1917, October strikes in 1916, food crisis, hunger riot, spontaneous protests of workers.

1. Введение

17–20 октября 1916 г. по Петрограду прокатилась волна стачек, в которых участвовало 65 тыс. рабочих и которые сопровождались демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917. Американские историки Л. Хэймсон и Э. Бриан назвали их «репетицией Февральской революции» (Хэймсон, Бриан 1992: 103).

Представляется, что анализ этих событий может помочь понять причины аналогичных событий Февральской революции, механизм взаимодействия различных факторов и акторов революционного процесса.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено, в значительной части, на документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в частности, имеются ценные материалы Отделения по охране общественной

* Corresponding author

E-mail addresses: histi@ya.ru (S.A. Nefedov)

безопасности и порядка при Петроградском градоначальнике (Ф. 111. Оп. 5). Материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга содержат относящиеся к октябрю 1916 года донесения приставов различных полицейских участков (Ф. 569. Оп. 17).

В работе использовались также материалы Российского государственного исторического архива, касающиеся продовольственного положения в указанный период, материалы периодической печати, опубликованные ранее источники и мемуарные свидетельства.

Методологической основой движения является демографически-структурная теория, согласно которой революции являются результатом падения уровня жизни (Нефедов, 2009; Нефедов, 2011).

3. Обсуждение

Информация о стачках 17–20 и 26–31 октября 1916 года в Петрограде приводится в общих работах, посвященных революции 1917 года и рабочему движению в годы Первой мировой войны (например: Бурджалов, 1967; Лейберов, 1979; Лейберов, Рудаченко, 1990; Шляпников, 1992; Минц, 1967; Кирьянов, 2005; Hasegava, 1981), однако специальные работы на эту тему до сих пор не публиковались. При этом необходимо отметить, что авторы, писавшие в советское время, допускали в своих работах ряд тенденциозных искажений. Прежде всего, намного преувеличивалось число стачечников, так, А.Г. Шляпников (Шляпников, 1992: 236) говорил о 130 тыс. рабочих, бастовавших 26 октября, в то время как по данным полиции таковых было только 17 тыс. (Канун, 1924: 204). И.И. Минц в «классической» трехтомной «Истории Великого Октября», ссылаясь на одну из пропагандистских статей, доводил цифру забастовщиков до 182 тыс. (на четвертый день стачки) (Минц, 1967: 326). Кроме того, в упомянутых работах преувеличивается «руководящая и организующая» роль большевиков. Так, например, А.Г. Шляпников (Шляпников, 1992: 233) и вслед за ним Э.Н. Бурджалов (Бурджалов, 1967: 58) и некоторые другие авторы утверждали, что стачка 17–20 октября была якобы организованно прекращена по призыву Петроградского комитета, не упоминая о том, что основную роль сыграла угроза властей объявить локаут и отправить стачечников на фронт. Преувеличиваются и масштабы событий. И.П. Лейберов и С.Д. Рудаченко, описывая столкновение рабочих и присоединившихся к ним солдат с полицией, квалифицируют эту стычку как «восстание», которое якобы «удалось подавить только по прибытии лейб-гвардии Московского полка» (Лейберов, Рудаченко, 1990: 47). Число примеров такого рода можно было бы увеличить. Таким образом, задачей данного исследования является, прежде всего, восстановление фактической стороны событий и затем – их анализ с целью установления возможных аналогий с Февральской революцией.

4. Результаты

Осень 1916 года характеризовалась резким ухудшением продовольственного положения в Петрограде и во всей стране. Член Государственного совета граф Д. Олсуфьев писал в докладной записке: «Цены на продовольствие и топливо в Петрограде растут угрожающим образом. Чувствуется недостаток в муке и сахаре» (РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 892. Л. 29). В октябре доставка хлебных грузов в Петроград снизилась до 52 тыс. пудов в сутки, в то время как в марте-августе поставлялось 125 тыс. пудов (Сведения, 1916; Известия, 1916). Многим стоявшим в очередях не хватало хлеба, они старались занимать очередь раньше, утром или даже ночью, поэтому у булочных выросли огромные «хвосты»

Бюллетень Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета писал о стремительном возрастающей дороговизне продуктов первой необходимости, отсутствии многих из них в продаже, бесконечных «хвостах», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему (Шляпников 1992: 309). Еще более тревожную ситуацию рисует докладная записка начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора К.И. Глобачева: «Даже в том случае, если принять, что заработная плата возросла на 100 %, то все продукты повысились в цене на 300 %. Невозможность добыть даже за деньги многие предметы питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров... - сделали то, что рабочие уже в массе готовы на самые дикие эксцессы “голодного бунта”... Вопрос о всеобщей и длительной забастовке обсуждался и неоднократно на многих заводах и фабриках, но не встретил общего и единодушного сочувствия лишь потому, что рабочие желают выдвинуть на первый план свои экономические требования, а социал-демократы – чисто политические. Лишь вследствие этого забастовка... не осуществилась до сего времени» (Доклад, 1916: 11, 14).

Основным лозунгом социал-демократов (большевиков) было прекращение войны, но этот лозунг в 1916 году еще не находил отклика в патриотически настроенных массах. При этом большевики были против «голодного бунта». Глобачев писал, что «группам сознательных рабочих с трудом приходится сдерживать массы от выступлений по поводу недостатка продуктов» (Доклад, 1916: 12). Социальное и психологическое напряжение достигло такого уровня, что многие жили в ожидании революции. «Левые революционные круги определенно утверждают, – писал Глобачев, – что революция начнется очень скоро, что несомненные ее предвестники уже появились и что правительство сейчас окажется бессильным в борьбе с революционными массами, которые будут тем опаснее, что состоят на 2/3 из бывших или настоящих солдат» (Доклад, 1916: 14).

Хотя большевики пытались удержать массы от преждевременных выступлений, их силы были невелики. Глобачев писал, что «социал-демократы большевики... влачат жалкое существование, так как главные руководители неизменно арестовываются, а народные массы на социал-демократические лозунги отзываются слабо и на открытые выступления их может толкнуть только голод и дороговизна» (Доклад, 1916: 27). Один из руководителей Русского бюро ЦК РСДРП, А.Г. Шляпников, свидетельствует, что большевистские ячейки были переполнены агентами-провокаторами, и средний срок работы члена Петроградского комитета составлял около трех месяцев – после чего следовал неизбежный арест (Шляпников, 1992: 347). Что касается других революционных партий, то они практически не вели работу в массах. Глобачев отмечал, что после арестов руководителей петроградских эсеров работа у них «находится в полном расстройстве» (Доклад, 1916: 30).

Однако, в конечном счете, неудачи заставили Петроградский комитет (ПК) большевиков изменить тактику. Особое отделение Департамента полиции комментировало эти перемены следующим образом: «Сознавая, что непосредственная революционная агитация и пропаганда конечных идеалов социализма не может вызвать скорого и желательного им отклика в широких и неорганизованных массах... руководство местных ленинцев в лице вновь сформированного в последнее время подпольного “Петербургского комитета” решило использовать, как удобное агитационное средство, вопрос о все увеличивающейся... дороговизне предметов первой необходимости» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 644. Л. 271). «Перед организацией стояла задача, – писала газета “Пролетарский голос”, – умело пользоваться всяким конфликтом, чтобы рассеять шовинистический туман, чтобы внести организованность» (Петроградский, 1939: 166).

Главная идея вновь сформированного ПК состояла в том, чтобы объяснить рабочим, что причиной продовольственного кризиса является война и необходимо в первую очередь (как всегда говорили большевики) бороться за свержение самодержавия и окончание войны. В начале октября ПК распространил инструкцию для агитаторов, в которой говорилось: «Одним из... исходных пунктов революционной борьбы является все растущая дороговизна... Чтобы дать толчок растущему на этой почве глухому недовольству и направить его на путь действительной борьбы, партия должна немедленно приступить к устройству митингов... на заводах... На этих митингах мы должны указать массам, что вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее прекращение войны... Дав толчок движению масс, мы должны придать ему революционный характер... Для этого необходимо в процессе революционной борьбы масс создать тот революционный центр, который в момент революции мог бы стать органом революционной власти» (Рабочее..., 1979: 485).

Таким образом, речь шла не больше, не меньше, как о подготовке давно ожидавшейся революции – планировалось даже создать «революционный центр». Большевики перестали сдерживать рвавшиеся наружу протестные настроения и готовились использовать их в «революционной борьбе». В листовке, выпущенной ПК 12 октября, говорилось: «Товарищи! Мы призываем вас к борьбе. Сплоченными рядами, под сенью широко развернутых красных знамен революционного социализма мы выступим решительно – и победим. Да здравствует наша борьба!» (Рабочее..., 1979: 489)

Впоследствии большевики утверждали, что их неверно поняли, что они не призывали к всеобщей стачке (Шляпников, 1992: 231). Однако, как бы ни толковать листовку 12 октября, ее влияние на массы не было столь значительным, как представлялось историкам, писавшим в советские времена. Первая стачка началась на заводе «Людвиг Нобель» 10 октября – то есть до появления листовки – и проходила не под большевистскими лозунгами: забастовщики требовали повысить зарплату и организовать работу заводских продуктовых лавок (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 129). Что касается начатой большевиками «митинговой кампании», то, по причине «жалкого существования», она была весьма слабой: митинги были проведены только на пяти заводах (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 43, 131, 134). Это были «летучие митинги», они проводились, когда масса рабочих выходила с завода по окончании смены: агитатор выступал в толпе, кто-то останавливался и слушал, кто-то проходил мимо; все это продолжалось лишь 5–10 минут – до прибытия полиции. При этом ораторы не всегда придерживались инструкций ПК: например, на Минном заводе они призывали громить купцов-спекулянтов, которые припрятывают хлеб (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 134).

Однако, по словам представителей Рабочей группы, положение было таково, что «достаточно было одного, даже провокационного, сигнала, чтобы в столице разразились беспорядки...» (Доклад, 1916: 10). Провокацией оказалась не листовка большевиков, а слухи о восстании в Москве. Происхождение этих слухов остается неясным; в их распространении обвиняли власти, которые якобы пытались вызвать преждевременное восстание, чтобы подавить революцию в зародыше (Канун, 1924: 203). Как бы то ни было, быстро распространившиеся рассказы о «революционном взрыве» и «вооруженном восстании» в Москве всколыхнули рабочий Петроград. «Вопрос о немедленной активной поддержке “восставшей” Москвы становился основным», – писала газета «Пролетарский голос» (Петроградский, 1939: 166).

Стачка 17 октября началась на Минном заводе, затем, в 3 часа дня, забастовал завод «Русский Рено», рабочие которого «сняли» с работы рабочих соседнего чугунолитейного завода. Толпа с

шумом и криками двинулась по Большому Сампсониевскому проспекту, где располагались казармы 181 запасного пехотного полка. Казармы были отделены от улицы низким забором, высотой чуть больше одного метра, а за забором стояли солдаты, которые приветствовали рабочих. Наряд полиции стал оттеснять толпу от казарм; в это время солдаты стали бросать в полицейских камни, потом они перелезли через забор и вместе с рабочими вступили в схватку с полицией. Во время этой схватки были опрокинуты два вагона конки. Трое полицейских были ранены, наряд пытался отстреливаться, но, в конце концов, был вынужден отступить (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 136; ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 52-520б.).

«Дело затянулось до сумерек, – вспоминал один из солдат. – Выступил с революционной речью какой-то прапорщик... Был вызван командир полка. Когда он приехал на автомобиле, в него полетели камни. Командира ранили в голову, автомобиль повредили, командир исчез... Из казармы вышла только часть солдат, остальные были заперты и ничего не видали. Была вызвана учебная команда этого полка – 600 человек (обычно набирали из более “надежных” элементов). Они загородили пролом забора, чтобы не пропустить оставшихся двух батальонов, но и эти солдаты заявили толпе, что стрелять не будут... Вызвали казаков, те тоже отказались стрелять... Солдаты, вышедшие из казармы, и рабочие пошли дальше. Солдаты просили забастовщиков продолжать, указав на жертвы, которые понесут они. Солдаты надеялись, что к ним примкнут и другие полки...» (Петроградский, 1939: 169-170).

Из рассказа другого солдата мы знаем, что «бунтовщики» пытались поднять другие полки. «Проезжавшие мимо автомобили останавливали, пассажиров высаживали, и солдаты ехали в другие воинские части призывать их к восстанию... Возвратившиеся на автомобилях товарищи сообщили, что одни воинские части выступить не решились, а к другим пробраться не удалось. Принимая во внимание, что огнестрельного оружия в нашем распоряжении не было... решили мирно разойтись по своим баракам» (Иванов, 1924: 89).

В докладе Особого отдела утверждается, что «для усмирения 181 полка был вызван лейб-гвардии Московский полк, по прибытии которого водворился порядок» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 520б.). Однако другие источники не подтверждают эту информацию. Командир участвовавшего в схватке полицейского наряда, пристав Зарембский, сообщает, что когда стемнело и рабочие ушли, солдаты стояли перед расположением полка, курили и «при нашем появлении делали замечания на наш счет». Потом они «стали расходиться по баракам» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 136). Надо полагать, Московский полк прибыл уже после того, как все закончилось.

Очевидно, что описанные события нельзя назвать «восстанием», которое «удалось подавить только по прибытии лейб-гвардии Московского полка» – как утверждали И.П. Лейберов и С.Д. Рудаченко (Лейберов, Рудаченко, 1990: 47). Газета «Пролетарский голос» писала, что солдаты «приняли активное участие в стычке с полицией» (Петроградский, 1939: 166) – таким образом, «восстание» с точки зрения большевиков было просто «стычкой с полицией».

При всем том, события на Большом Сампсониевском проспекте воодушевили рабочих: они сделали вывод, что солдаты – на их стороне и не будут участвовать в разгоне демонстраций. Как отмечают Л. Хэймсон и Э. Бриан, 17–18 октября многие рабочие надеялись, что они присутствуют при начале «революции», что «восстание» в Москве будет поддержано в Петрограде (Хэймсон, Бриан, 1992: 103). Стачка разрасталась, 17 октября бастовало 19 тыс. рабочих, а 18 октября – 36–37 тыс. (Канун, 1924: 204). «Оставляя заводы и выходя толпами, рабочие в некоторых местах пытались петь революционные песни, но каждый раз демонстрантов встречали и рассеивали их наряды полиции» (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 53). Солдаты 181-го полка продолжали демонстрировать солидарность с рабочими; колонна из двухсот солдат, увидев полицейских, кричала: «Бей их, сволочей, фараонов!» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 128). Красных знамен и антивоенных лозунгов, которые говорили бы о присутствии большевиков, нигде замечено не было; «беспорядки» приобретали черты голодного бунта с разгромом продуктовых магазинов. Утром 18 февраля толпа из пятисот подростков устроила погром в пяти магазинах на Сердобольской улице и разграбила часть товара (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 53). 19 февраля число бастующих достигло 65 тыс.; продолжались погромы магазинов и лавок. На Выборгской улице произошло столкновение демонстрантов (около 400 чел.) с нарядом полиции: двое полицейских были ранены бросаемыми камнями, городские стали стрелять из револьверов и рабочие разбежались, восемь человек было арестовано (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 132 об.).

Между тем, энтузиазм забастовщиков постепенно ослабевал. Это было связано, в первую очередь, с тем, что не подтвердились слухи о восстании в Москве. Уже 17 октября Рабочая группа выступила с опровержением этих слухов: «На днях распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т.д... При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой. Подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая, действующая и направляющая злая воля?» (Шляпников, 1992: 310). Листовка, разблачившая провокационный характер слухов, в большом количестве распространялась по петроградским заводам. Либеральные лидеры Думы также говорили о провокации и о манипулирующих рабочим

движением «темных силах» (Шляпников, 1992: 311). По мнению Л. Хэймсона и Э. Бриана выступление либеральных кругов с осуждением стачки подорвало надежды рабочих на начало революции – так же, как и «обескураживающий отклик большевистского подполья» (Хэймсон, Бриан, 1992: 103). «Обескураживающий отклик» заключался в том, что большевики присоединились к призывам Рабочей группы и либералов прекратить стачку, ссылаясь на ее провокационный характер. «Товарищи рабочие и солдаты! – призывала листовка большевиков. – Покажите, что напрасны надежды ваших врагов, ждущих, чтобы вступили вы в схватку с ними теперь, когда еще не собраны ваши силы... Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия» (Рабочее..., 1972: 506).

Однако стачечники имели более важные мотивы, чтобы вернуться к станкам – помимо призывов большевиков, либералов и Рабочей группы. Конечно, они были разочарованы тем, что «восстание» в Москве оказалось мифическим. Но еще более важным обстоятельством было то, что власти ответили на стачку угрозой локаута. 19 и 20 октября на бастующих предприятиях были вывешены объявления о том, что если с 21 октября работы не будут возобновлены, то последует закрытие этих заводов и военнообязанные будут призваны в войска (Канун, 1924: 205). Это была более чем серьезная угроза: почти все забастовщики работали на оборонных предприятиях и имели отсрочки от призыва в войска; теперь их собирались отправить на фронт. «Это подействовало, и рабочие вернулись на работу», – резюмирует докладная записка Министерства торговли и промышленности (Канун, 1924). 20 октября число забастовщиков уменьшилось до 15 тыс. человек, 21 октября все предприятия возобновили работу (Канун, 1924).

Стачка закончилась, но, как писала газета «Пролетарский голос», «всех очень волновала судьба товарищей-солдат, примкнувших к рабочим 17-го числа» (Петроградский, 1939: 167). Во время столкновений с полицией эти солдаты просили рабочих «продолжать», потому что в случае неудачи «они понесут жертвы» – теперь их арестовали, им грозил военный трибунал и смертная казнь. «Вчера, 26 октября, забастовки снова вспыхнули на Выборгской стороне... – сообщала газета «Социал-демократ». – Вызваны они тем, что арестованные солдаты (38–100–130 человек, по разным версиям) преданы военному суду. “Ходят с песнями, кричат: Долой войну! Долой казнь!”» (Петроградский, 1939: 170).

Предвидя новую вспышку волнений, 23 февраля ПК решил призвать к однодневной всеобщей забастовке протеста 26 октября (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 58). Дата была приурочена к началу процесса над матросами-большевиками, организаторами волнений в Гельсингфорсе, однако в листовке, изданной по этому поводу, говорилось и о солдатах: «Товарищи матросы и солдаты! Мы заявляем свой голос возмущения против смертельной расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики» (Рабочее..., 1979: 509). 26 февраля бастовало 17 тыс. рабочих, 27 февраля – 46 тыс. (Канун, 1924: 204). Бастующие не предъявляли администрации никаких требований, но говорили, что протестуют против ареста солдат 181-го полка (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 643. Л. 59; Рабочее..., 1979: 511).

Власти на этот раз действовали более решительно. Уже 27 февраля на остановившихся заводах были вывешены объявления о локауте, и 28 февраля были закрыты на неопределенное время 10 крупнейших заводов Выборгской стороны. Было объявлено о мобилизации в армию уволенных рабочих – и рабочие младших возрастов, действительно, были мобилизованы (Петроградский, 1939: 167; Канун, 1924: 204, 205). Большевики призвали рабочих Петрограда проявить солидарность с локаутированными рабочими, и 28 октября численность бастующих достигла 62 тыс. В защиту рабочих выступили и студенты Петроградского университета, собравшиеся на митинг, на котором присутствовало 300 человек. Но стачка солидарности продолжалась только один день, и 29 октября число бастующих упало до 17 тыс. (Рабочее..., 1979: 511, 514; Канун, 1924: 204). К 31 октября забастовки закончились, но 14 предприятий с 38 тыс. рабочих оставались под локаутом. 1 ноября, с разрешения Главного начальника Петроградского военного округа, на этих предприятиях возобновились работы (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 644. Л. 276-277).

Было бы некритично утверждать, как утверждают некоторые историки, что рабочие добились снятия локаута своей стачкой солидарности. Стачка закончилась до снятия локаута, мобилизованные рабочие не вернулись на заводы, и правительство отменило локаут, в основном, для того, чтобы не прерывать военное производство. Некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что Рабочая группа обратилась с требованием отмены локаута к возобновившей свою сессию Государственной думе (Канун, 1918: 65).

Таким образом, приходится сделать вывод, что октябрьские стачки были прекращены из-за угрозы – а во втором случае в результате реального применения – локаута. Это убедило рабочих в том, что в руках властей находится мощное оружие противодействия забастовщикам, и в дальнейшем крупных и длительных забастовок не было вплоть до февраля 1917 года. Что касается других результатов стачек, то власти не решились предать смертной казни солдат 181-го полка – а так же и большевиков-матросов (Петроградский, 1939: 170; Шляпников, 1992: 311). Но наиболее важным практическим результатом было улучшение продовольственного положения в Петрограде. В ноябре в Петроград доставлялось в сутки в среднем 82 тыс. пудов хлебных продуктов против 52 тыс. в октябре

(Сведения, 1916; Известия, 1916). «На продовольственную нужду стачка имела благотворное воздействие: появились хлеб, мясо и другие продукты в изобилии», – писал А.Г. Шляпников (Шляпников 1992: 305). Продовольственный кризис отступил, чтобы вновь начаться перед Февральской революцией.

Октябрьские стачки были, в своей основе, стихийными, и их можно квалифицировать как голодные волнения. Большевики не инициировали стачечное движение и не руководили им. Стачка, начавшаяся 17 октября на фоне продовольственного кризиса, была спровоцирована слухами о восстании в Москве, и в ходе ее большевики никак себя не проявляли. Стачка закончилась 21 октября не по призыву большевиков, о котором мало кто слышал, а в силу угрозы локаута. 26 октября ПК использовал слухи об аресте солдат 181-го полка и назначил время стачки, провозгласив лозунг защиты преданных суду матросов-большевиков. Но, по сведениям полиции, о матросах-большевиках стачечники не говорили; они протестовали против ареста солдат, которые поддержали их в столкновении с полицией. Когда 28 октября начался локаут, большевики призвали к стачке солидарности, но листовка с этим призывом вышла только 1 ноября, когда локаут был уже снят. Попытки устроить демонстрации в поддержку уволенных рабочих также закончились неудачей (Петроградский, 1939: 168, 173).

В какой степени октябрьские стачки можно назвать «репетицией» Февральской революции? Попробуем сначала выделить общие черты. В обоих случаях подоплекой событий был продовольственный кризис, который, в свою очередь, был следствием изнурительной войны – но также следствием коренных пороков социально-экономического строя Российской империи. В обоих случаях нехватка хлеба мобилизовала рабочих на протесты, которые можно назвать стихийными – в том смысле, что политические партии не руководили этими протестами. В обоих случаях погромы булочных, участие в них подростков и женщин свидетельствовали о том, что происходящее по сути является голодным бунтом. В обоих случаях казаки отказывались применять оружие против демонстрантов, и власти вызывали учебные команды, которые тоже отказывались повиноваться. Что касается простых солдат, то они симпатизировали рабочим и с готовностью принимали их сторону и в октябре 1916, и в феврале 1917 года. Наконец, и в октябре, и в феврале власти пытались использовать для прекращения рабочих волнений свое наиболее эффективное средство – локаут, но в феврале они затаили с его применением и довели дело до необходимости использования вооруженной силы.

Таким образом, механизм и ход событий в октябре и феврале выглядят удивительно схожим, и октябрьские стачки действительно можно назвать «репетицией» Февральской революции. Внимательные наблюдатели понимали эту связь событий и на ее основе могли делать прогнозы на будущее. Например, в начале февраля 1917 года французский посол М. Палеолог передавал своему правительству, что Россия находится накануне революции, что в октябре солдаты уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию (Палеолог, 1996: 196).

Имеется, однако, существенное отличие, которое состоит в масштабе и интенсивности событий. Февральский продовольственный кризис имел гораздо большие масштабы, чем октябрьский (потребление упало до 28 тыс. пудов муки в сутки), соответственно, вышедшие на улицы толпы протестующих были намного более многочисленными, а столкновения с полицией – более ожесточенными. Для подавления волнений потребовалось привлечь большое число учебных команд и вероятность того, что одна из них поднимет бунт, была намного больше, чем в октябре. В итоге, эта вероятность реализовалась в Февральскую революцию.

5. Заключение

Подводя итоги, можно констатировать тот факт, что октябрьские стачки были первой реакцией рабочих Петрограда на начинающийся продовольственный кризис, в то время как Февральская революция была реакцией на второй, значительно более острый этап этого кризиса. В обоих случаях протесты имели стихийный и массовый характер, по форме сходный с голодным бунтом. Продовольственный кризис определял и позицию армии: как в октябре, так и в феврале казаки и солдаты сочувствовали голодающему населению и отказывались применять оружие для разгона манифестантов.

Советские историки не вполне адекватно описывали эти события, стараясь найти в них руководящую и направляющую роль партии. Более детальный анализ событий октября 1916 года показывает, что большевики лишь иногда и не вполне удачно пытались приписать свои лозунги разворачивающемуся стихийному движению.

Литература

Бурджалов, 1967 – Бурджалов Э.Н. Вторая Русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. 407с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Доклад, 1916 – Доклад петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. № 1. С. 4-35.

- Иванов, 1924** – *Иванов А.* Волнения в 1916 году в 181 запасном пехотном полку // Красная летопись. 1924. № 1. С. 89-90.
- Известия, 1916** – Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг., 1916. № 19-29.
- Кириянов, 2005** – Кириянов Ю.М. Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. 216 с.
- Канун, 1918** – Канун революции. Пг., 1918. 111 с.
- Канун, 1924** – Канун семнадцатого года (материалы о октябрьской стачке 1916 г. в Петрограде) // Красная летопись. 1924. № 2. С. 202-213.
- Лейберов, 1979** – *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914–март 1917 г.). М., 1979. 311 с.
- Лейберов, Рудаченко, 1990** – *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. М., 1990.
- Минц, 1979** – *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967. 930 с.
- Нефедов, 2009** – *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги Русской революции. Екатеринбург, 2009. 202 с.
- Нефедов, 2011** – *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127-136.
- Палеолог, 1996** – *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1996. 287 с.
- Петроградский, 1939** – Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914–1917 гг. Сборник материалов и документов. Л., 1939. 165 с.
- Рабочее..., 1979** – Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Документы и материалы. Л., 1979. 685 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сведения, 1916** – Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи, а также в иностранных государствах. Пг., 1916. № 16-18.
- Хэймсон, Бриан, 1992** – *Хэймсон Л., Бриан Э.* Стачное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. С. 74-113.
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Шляпников, 1992** – *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. Т. 1. 383 с.
- Hasegava, 1981** – *Hasegava Ts.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. 624p.

References

- Burdzhalov, 1967** – *Burdzhalov E.N.* Vtoraya Russkaya revolyutsiya. Vosstanie v Petrograde. [Second Russian Revolution. The uprising in Petrograd]. М., 1967. 407 p. [in Russian].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [The State archive of the Russian Federation]
- Doklad, 1916** – Doklad petrogradskogo okhrannogo otdeleniya Osobomu otdelu departamenta politzii. Oktyabr' 1916 g. [Report of the Petrograd secret police special department of the Police Department. October 1916] // Krasnyi arkhiv. 1926. № 1. P. 4-35. [in Russian].
- Ivanov, 1924** – *Ivanov A.* Volneniya v 1916 godu v 181 zapasnom pekhotnom polku [Unrest in 1916 in a reserve infantry regiment 181] // Krasnaya letopis'. 1924. № 1. P. 89-90. [in Russian].
- Izvestiya, 1916** – Izvestiya Osobogo soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob"edineniya meropriyatiy po prodovol'stvennomu delu. [Proceedings of the Special Council for discussion and combination of measures on the food business]. Pg., 1916. №19-29. [in Russian].
- Kanun, 1918** – Kanun revolyutsii. [The eve of the revolution]. Pg., 1918. 111p. [in Russian].
- Kanun, 1924** – Kanun semnadsatogo goda (materialy o oktyabr'skoi stachke 1916 g. v Petrograde) [Seventeenth Year's Eve (materials of the October strike of 1916 in Petrograd)]. *Krasnaya letopis'*. 1924. № 2. P. 202-213. [in Russian].
- Kir'yanov, 2005** – Kir'yanov Yu.M. Sotsial'no-politicheskiy protest rabochikh v gody Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.). [Socio-political protest of workers in the First World War (July 1914 - February, 1917.)] М., 2005. 216 p. [in Russian].
- Leiberov, 1979** – *Leiberov I.P.* Na shturm samoderzhaviya. Petrogradskii proletariat v gody pervoi mirovoi voyny i Fevral'skoi revolyutsii (iyul' 1914–mart 1917 g.). [Assault on autocracy. The Petrograd proletariat during the First World War and the February Revolution (July 1914–March 1917)]. М., 1979. 311 p. [in Russian].
- Leiberov, Rudachenko, 1990** – *Leiberov I. P., Rudachenko S. D.* Revolyutsiya i khleb. [Revolution and bread]. М., 1990. [in Russian].
- Mints, 1979** – *Mints I. I.* Istoriya Velikogo Oktyabrya. T. 1. Sverzhenie samoderzhaviya [History of the Great October Revolution. Vol. 1. The overthrow of the autocracy]. М., 1967. 930 p. [in Russian].
- Nefedov, 2009** – *Nefedov S. A.* Agrarnye i demograficheskie itogi Russkoi revolyutsii [Agriculture and demographic results of the Russian Revolution]. Ekaterinburg, 2009. 202 p. [in Russian].

[Nefedov, 2011](#) – *Nefedov S.A.* Uroven' zhizni naseleniya v dorevolyutsionnoi Rossii [Standard of living of the population in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*. 2011. № 5. P. 127-136.

[Paleolog, 1996](#) – *Paleolog M.* Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. M., 1996. 287 p. [in Russian].

[Petrogradskii, 1939](#) – Petrogradskii proletariat i bol'shevistskaya organizatsiya v gody imperialisticheskoi voiny. 1914–1917 gg. Sbornik materialov i dokumentov [Petrograd proletariat and the Bolshevik organization in the years of the imperialist war. Of 1914–1917. Collection of materials and documents]. L., 1939. 165 p. [in Russian].

[Rabochee..., 1979](#) – Rabochee dvizhenie v Petrograde v 1912–1917 gg. Dokumenty i materialy [The workers' movement in Petrograd in 1912–1917. Documents and materials]. L., 1979. 685 p.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Svedeniya, 1916](#) – Svedeniya o polozhenii prodovol'stvennogo dela v Petrograde, Moskve i drugikh mestnostyakh imperii, a takzhe v inostrannykh gosudarstvakh [Details on the situation of food supplies in Petrograd, Moscow and other areas of the empire, as well as in foreign countries]. Pg., 1916. № 16-18 [in Russian].

[Haimson, Brian, 1992](#) – *Haimson L., Brian E.* Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremya mirovoi voiny: kolichestvennyi analiz [Strike movement in Russia during World War II: a quantitative analysis] // Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv. M., 1992. P. 74-113. [in Russian].

[TsGIA SPb](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].

[Shlyapnikov, 1992](#) – *Shlyapnikov A. G.* Kanun semnadsatogo goda. Semnadsatyi god. [Eve seventeenth year. The seventeenth year]. T. 1. M., 1992. T. 1. 383 p. [in Russian].

[Hasegava, 1981](#) – *Hasegava Tp.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. 624 p.

УДК 94(47) “1916”

Репетиция Февральской революции

Сергей Александрович Нефедов ^{а, *}

^а Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

^б Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о причинах и акторах Февральской революции может быть понят лишь в контексте предшествующих событий. В этой связи большое значение имеет анализ причин и обстоятельств волны стачек, которая прокатилась по Петрограду в октябре 1916 года. В этих стачках (вместе с локаутированными рабочими) участвовало до 100 тыс. забастовщиков, и они сопровождалась демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917. Американские историки Л. Хэймсон и Э. Бриан назвали их «репетицией Февральской революции».

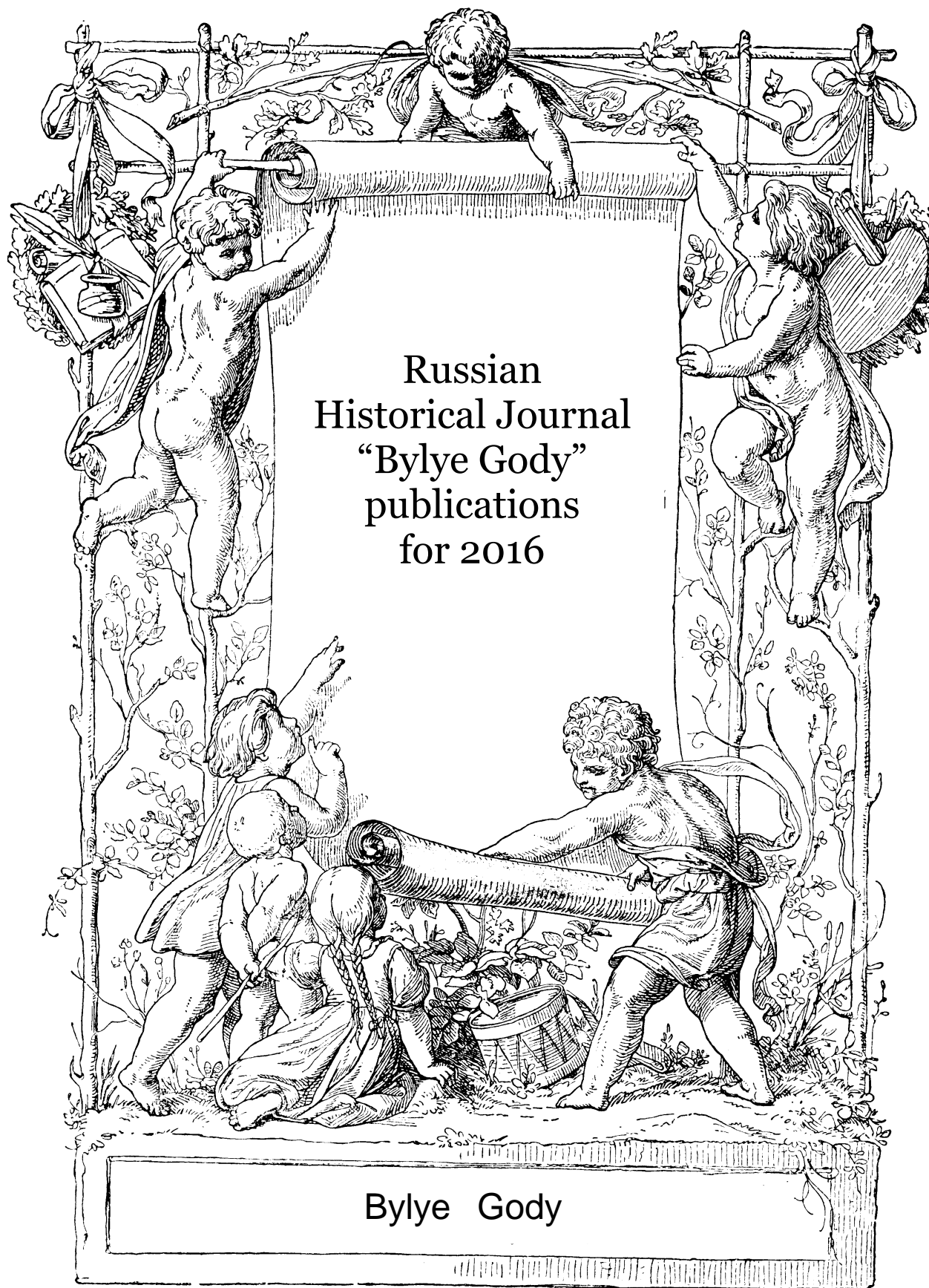
Краткая информация об этих стачках имеется в работах ряда советских авторов, однако она подается до некоторой степени тенденциозно, исходя из стремления показать руководящую и организующую роль партии большевиков. В этой связи представляется важным восстановить фактический ход событий и дать их объективную интерпретацию.

В исследовании показано, что октябрьские стачки были первой реакцией рабочих Петрограда на начинающийся продовольственный кризис, в то время как Февральская революция была реакцией на второй, значительно более острый этап этого кризиса. Механизм событий был сходным, в обоих случаях основным фактором, побуждающим к протестам, был голод. В обоих случаях протесты имели стихийный и массовый характер, по форме сходный с голодным бунтом. Продовольственный кризис определял и позицию армии: как в октябре, так и в феврале казаки и солдаты сочувствовали голодающему населению и отказывались применять оружие для разгона манифестантов.

Ключевые слова: Россия; Февральская революция 1917 года; октябрьские стачки 1916 года; продовольственный кризис; голодный бунт; стихийные выступления рабочих.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hist1@ya.ru (С.А. Нефедов)

Russian
Historical Journal
"Bylye Gody"
publications
for 2016

Bylye Gody

Russian Historical Journal "Bylye Gody" publications for 2016

Bylye Gody. 2016. № 39 (1)

ARTICLES AND STATEMENTS

On the history of the first Russian fortifications on the east coast of the Caspian Sea Abdullah K. Daudov, Artyom A. Andreev, Denis G. Yanchenko, Vladimir A. Shorohov, Aleksei S. Kibiń	5
Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) Yulia A. Bortnikova, Olga N. Naumenko, Egor E. Naumenko	14
"Petr Oznobishin's diary since september, 1796" as a historical source on the history of everyday life of the Russian nobility Oleg M. Buranok, Sergey O. Buranok	22
Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries Nadezhda M. Korneva, Mihail Yu. Krapivin, Yury N. Makarov, Arthur G. Dalgatov	29
Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century Sergey I. Degtyarev	45
Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Mikhail Shmigel, Violetta S. Molchanova	53
Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan Guzel R. Stolyarova, Nadezhda V. Rychkova, Sergey Y. Rychkov	67
Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation Nicholas W. Mitiukov	76
Idea of a nation in Eastern Europe in modern times Victor Y. Apryshchenko	83
Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s Nataliya L. Semyonova	90
The image of the censor in a magazine caricature of Russia XIX – early XX century Elena S. Sonina	97
The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century Vladimir N. Shaidurov	109
Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian Petr K. Dashkovskiy, Elena A. Shershneva	120
Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II Maxim N. Krot, Oksana O. Zavyalova	129
The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya Artyom Y. Peretyatko	137

The spiritual proceedings of the Yakutsk diocese in the second half of XIX – early XX centuries, as a factor of inter-civilization interaction Inna I. Yurganova	146
Relations between settlers and indigenous population of the Steppe Territory in colonization process during the second half of XIX-th – early XX-th centuries Michael K. Churkin, Bakyt S. Tokmurzayev, Almagul A. Sirbayeva	155
Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries Pavel N. Biriukov, Elena S. Ustinovich, Pavel G. Shelengovskiy	166
Causes of ransom private railways in the Russian Empire during the reign of Alexander III Pavel A. Gurianov	173
Public works as a way of overcoming of a food crisis: historical experience of the Orenburg region (1891–1892 years) Sergey V. Lyubichankovskiy, Olesya Yu. Nikolaeva	183
The healthcare system in the Caucasus at the beginning of the XX century: the development features Tatiana E. Gvarliani, Rashad A. Kurbanov, Teymur E. Zulfugarzade	190
Prussian phenomenon and its historical distortion Oleg Y. Plenkov, Vladimir N. Baryshnikov, Viktor N. Borisenko, Vladimir L. Piankewich, Nina E. Adamova	196
The youth organizations in Germany at the beginning twentieth century: from the self-education to the political struggle Sergei I. Belentsov, Marina N. Vetchinova, Elena A. Nikitina, Oksana P. Dovger, Alesia A. Kuznetsova	204
Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School" Roman A. Fando	210
The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) Olga V. Natolochnaya, Nina I. Kryukova, Stanislav I. Buslaev	222
The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905–1907 years) (on the materials of the Black Sea province) Konstantin V. Taran, Alexey V. Dyuzhov, Svetlana A. Kocherga	229
«The Schichau Case»: on the history of the one Russian Navy order of 1912 that had been failed Stanislav N. Sinegubov, Sergei P. Shilov	237
Charitable activities in Tsaritsyn during the World War I (on materials of periodicals) Oksana A. Karagodina	246
Some of the issues of modern Russian historiography towards Kazakh-Dzhungarian relations Turganzhan Tulebaev, Nurgul Kurmanalina, Nurzipa Alpysbaeva	253
Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography Gregory L. Freeze	261

Bylye Gody. 2016. № 40 (2)

The Formation of Historical Metrology as Scientific Discipline at the XVI – the beginning of the XX century Vyacheslav V. Shevtsov	286
The Genesis of the Urban Culture of the Steppe of the Volga Region and Sociocultural Development of the Region Nadezhda V. Dulina, Igor' N. Naumov	297
Battle of Konotop (1659) in the Historiography and the Historical Memory Gennady G. Matishov, Piotr A. Avakov, Evgeny F. Krinko	307
North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use Leonid A. Bobrov, Alexey V. Salnikov	323
Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition) Evgeny V. Vodyasov	335
Natural Environment of Valdai on the Materials of General Land Survey Liliya G. Stepanova	345
Regulation of Islamic art in confessional policy of Catherine II (on materials of the Tyumen region) Yulia A. Bortnikova, Olga N. Naumenko, Evgeny A. Naumenko	356
The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features Natalya A. Shevchenko, Evgeniya V. Vidishcheva, Olga V. Emelyanova	363
To the Issue of the Influence of Islam in Chechen Uprising in 1825 year Vladimir B. Lobanov, Dmitry V. Ovsjannikov, Timur M. Karmov	373
The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Michal Smigel, Violetta S. Molchanova	382
Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline Vladimir B. Karataev, Igor A. Gordeev, Lyudmila G. Zimovets	392
D.A. Milyutin and Cossacks Alexey A. Volvenko	398
Russian Observations of European Experience in Agricultural Development in 1840s (based on the printed output of the Imperial Agricultural Societies of Russia) Yulia I. Kuznetsova, Vladimir N. Baryshnikov, Viktor N. Borisenko, Nina E. Adamova, Valery E. Vozgrin	412
Theater Life of Provincial Russia in the 1840–1870 (on the Example of the Penza Province) Larisa A. Koroleva	420
The History of Research and Development Islands Peter the Great Bay, Sea of Japan Aleksandr B. Kosolapov, Irina V. Barashok, Nonna V. Guremina	430
Age-Sex Marriage and the Family Structure of the Guild Merchants Yenisei Province 1860 – early XX centuries Irina O. Tuman-Nikiforova, Valery I. Fedorchenko, Natalia V. Pashina, Igor I. Krylov	441
Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? Artyom Y. Peretyatko	448

About Introduction of New Methods of Managing in the Economy of the Traditional Kazakh Society of the Central Part of Kazakhstan in the Second Half of XIX – Early XX Centuries Bakhytgul T. Tuleuova, Lyzzat K. Shotbakova, Gyl'nara M. Smagulova, Nazym A. Kassymzhanova	457
Maritime and River Registers as a Historical Source Nicholas W. Mitiukov	469
Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX centuries Andrey G. Danilov	479
The Spanish King Alfonso XIII on pages of Russian Press in 1902–1917 Ariadna A. Petrova, Anatoliy V. Smolin, Denis G. Yanchenko, Alexander V. Petrov, Ingeborg Pardon	489
The Russian Parliamentarism XX Century: Socio-Cultural Mission and Media Resources of the State Duma, in Emigration Gulnar K. Mukanova	500
Student Movement in St. Petersburg Shortly before the Revolution of 1905 year Sergei A. Nefedov	508
The Outskirts during the First Russian Revolution (1905–1907 years): the Separatist Moods among the Population of the Black Sea Province Konstantin V. Taran, Andrei P. Mikhailov , Susanna D. Bagdasaryan	516
The Activities of the Local Self-Government Tsaritsyn County in the first months of the Great War Elena Yu. Leontyeva, Alexander N. Leontyev	525

REVIEWS

Book Review on: Igor Y. Froyanov. Lectures on Russian History. Kievan Rus. St. Petersburg, Russkaya Kolleksiya. 2015. 1048 p. Victor S. Brachev, Matvey F. Polynov	532
A Book on Bulgarian High Schools History Asen N. Kozhukharov	540

Bylye Gody. 2016. № 41 (3)

The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade Rajović G., Bulatović J.	550
The Evolution of Christianity in the Caucasus in the IV–XVIII Centuries Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.	555
Muscovy and the Crimea in the Historical Destinies of the Peoples of the North Caucasus in the second half of the XVI century Kudryavtsev A.A.	565
State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials Tataurov S.F.	575
The Social Composition of the Service Class and Urban Population of the South of Russia in 1640–1650-ies Lyapin D.A.	585

Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Yu.A.	594
The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2 nd half of 18 th century – 1 st quarter of 19 th century) Bugrov K.D.	600
The Influence of Historical and Climate-Geographical Factors on the Development of Eastern Black Sea Region Shevchenko N.A., Ermachkov I.A., Sinyaeva M.I.	611
Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries Akhmetova A.V.	620
Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855 Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.	629
European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19 th – beginning of 20 th century) Ushakov V.A., Evsevjev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E.	642
The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies Karataev V.B., Ostrovskaya A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S.	650
Guardianship in Activity Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries Lidgieva I.V.	658
Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century (as Illustrated in the Example of Siberia) Shaidurov V.N.	666
The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.	675
The Zemstvo’s Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support Magsumov T.A., Nizamova M.S.	688
Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	698
First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet. Part 2 Katorin Yu.F., Nyrkov A.P.	705
Urban industry of the Samara province in the second half of the nineteenth century Korneeva Ju.V.	714
The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period Linchenko A.A., Belyaev E.V.	725
Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) Goryushkina N.Ye., Rusakov I.B.	734
The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved Peretyatko A.Y.	744
Kazakh-Dzhungarian relations in the works of the pre-revolutionary Russian scientists Tulebaev T., Kurmanalina N., Seksenbayeva G., Baygunakov D.	753

City streets, gardens and dachas as a leisure space on the Russian Far East in the late XIX – early XX century Poznyak T.Z.	761
The System’s Evolution of Church and Parish Schools Western Siberia at the Boundary of the XIX–XX Centuries Valitov A.A., Dementieva E.Sh., Dianov S.A.	770
Specificity of Female Deviancy in Tsaritsyn at the end of the XIX century – early XX century Suhova A.S., Kazanova N.V., Selezneva I.G.	777
Student Tumult in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905 Nefedov S.A.	784
Maps of the Resettlement Administration and colonization process in Tomsk-Chulym taiga (1905–1918) Vasilyev A.V., Kim E.A., Burkun A.O.	795
Creative Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A.	804
Reforms of police department and the practician of their realization in Western Siberia (1905–1917) Sungurov P.A., Khramtsov A.B.	813
Allowance officers Russian and Austro-Hungarian armies on the eve of the First World War Abramov A.P.	822
Channels of Social Mobility of Russian Society: World War I influence Rynkov V.M.	830
REVIEWS	
A Book on Bulgarian Naval Officers Training in the Russian Empire and Western Europe Manasieva I.	839

Bylye Gody. 2016. № 41-1 (3-1) (Special issue)

Column by editor-in-chief	846
ARTICLES AND STATEMENTS	
The Historical Optimism of Boris Mironov Khoros V.G.	848
Analytism against Empiricism: Reflections on the New Book by B.N. Mironov Mazur L.N.	857
Russian Imperial Modernization: The General and the Specific Poberezhnikov I.V.	867
In Search of the Best Explanation of Russian History Selunskaja N.B.	874
The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital Potkina I.V.	882
“It is Necessary to Create a New Suitably Positive Past”: Boris Mironov in Russian Imperial Historiography Kerov V.V.	890

Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society Artamonova L.M.	899
Historical Research of the Russian Modernization: Theoretical and Practical Aspects Liarskii A.B.	908
The History and Sociology of Nutrition Veselov Yu.V.	917
Noble Estate Self-Government in Russia: Between the State and Civil Society Morozov A.Yu.	927
Modern Russian Historiography as a Living and Growing Intellectual Body Ul’ianova G.N.	936
The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History Smirnov Yu.N.	944
A Glass Half-Full, Perhaps Three-Quarters: Imperial Questions in Boris Mironov’s “Rossiiskaia Imperiia” Sunderland W.	955
Russian Imperial Principles and Technologies of the Management of Ethno-Confessional Diversity and of the Integration of Traditional Socio-Cultural Systems Verniaev I.I.	965
Historical Psychology in Boris Mironov’s “Russian Empire” Shkuratov V.A.	973
A Qualified Optimistic Analysis of Imperial Russia Worobec C.D.	981
“The Human Comedy” of Boris Mironov Ekshtut S.A.	989
The True Beginning of Post-Soviet Historiography of the History of the Russian Empire Kulikov S.V.	995
Do Russians Need Cliotherapy? Mironov B.N.	1003
Essays on Historical Optimism Cherkasov A.A.	1053

Bylye Gody. 2016. № 42 (4)

ARTICLES AND STATEMENTS

Buddhism and Legal Tradition in Mongolia Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.	1068
Helmet "tang" from the Metropolitan Museum of Art (New York City, United States). Features of Construction, Design and Operational Use Bobrov L.A., Salnikov A.V.	1077
The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle Naumenko O.N.	1087

Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764) Popa C.I.	1094
The Formation of Imperial Institutes of Governance in Trans-Baikal Transborder Area: Problems of Development of New Territories (XVIII – early XX centuries) Malygina O.A., Evtehov R.A., Palikova T.V.	1110
The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century Kryvosheia I.I., Degtyarev S.I.	1118
The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773–1775 Golovanova O.I.	1127
The Ubykh`s Social Typology Kolesov V.I.	1137
The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19 th Century Tsibenko V.V.	1148
The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia Naumenko E.A.	1158
The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems Zaikov K.S.	1164
The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries Badmaeva E.N.	1173
The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special Smigel M., Cherkasov A.A.	1182
The Protest Movement in the North Caucasus in the second half of XIX – the beginning of XX centuries: Causes, Character, Significance Urushadze A.T., Krinko E.F., Chelpanova D.D., Iosko A.A.	1198
The Idea of Local Civilizations in Russian Historiosophy in the middle of XIX – beginning of XX centuries. Conservative and Liberal Aspects Shestakov S., Kasimov R.	1208
The Evolution of the Political Activity of the Guild Merchants of Yenisei province (second half of XIX – early XX centuries) Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	1217
The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) Klevtsova O.V., Zhirov N.A.	1224
Terek Area in the Post-Reform Period (1870–1880 years): the Internal Structure and Demography Gvarliani T.E., Balaniuk L.L., Varfolomeev A.G.	1232
Reforms and Cases of Suicide in Russia (Suicidal Activity of Saint Petersburg Population in the second half of XIX Century: Proportions, Trends and Distinctive Features) Bogdanov S., Ostapuk V.	1239
To the History of the Armenian Education in Russian Schools of the Caucasus in the late XIX – early XX centuries Norkina E.S.	1251

The Loggings in the Borderland of Olonets Guberniya: Volume and the Role in Local inhabitants life (the end of the 19 th – the beginning of the 20 th centuries) Brusnitsyna D.V.	1260
The Socio-cultural Characteristics of Zemstvo District Heads in Ufa Province at the Late of XIX – the Beginning of XX Centuries Kantimirova R.I., Pavlova O.S.	1269
The Visiting of the Tsarevich Nicholas Alexandrovich the Tobolsk city in 1891 Valitov A.A., Dianov S.A., Sulimov V.S.	1277
«Giant child covered by the Upturn»: Memoirs of Napoleon's Army Prisoners about the Formation of the Ethnic Identity of the Peoples of the Volga Belousov S.V., Sukhova O.A., Jagov O.V.	1285
Liberalism as a Cultural Phenomenon of Russian Provincial Life of the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries (according to Voronezh province) Dvoretzkiy E.V., Shevchenko O.V., Semenov M.Y.	1295
The Historical and Ethnographical Research on Kazakhstan done by Foreign Scientists of XIX–XX Centuries: the Case of J.A. Castagné's Studies Akhmetova U., Muktar A., Nurmanova A.	1305
The Military Training of Students in Germany in the Early XX century Belentsov S.I., Fakhrutdinova A.V., Kuznetsova A.A.	1315
The Revolutionary Terrorism of Socialist – Revolutionaries: Tactics, Organizations and Practice Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A.	1321
The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914 Florinskiy M.F., Yanchenko D.G.	1328
The Chişinău Diocesan Bulletin as a Source of History of North American Rus' Sulyak S.G., Kazakov V.V.	1337
“An Attractive Idea of Parochial Boards of Trustees...” (based on the documents from Eastern Siberian dioceses dated 1914–1917) Kattsina T.A.	1346
The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I Kokebayeva G.K., Myrzabekova R.S., Myrzabekov M.S.	1353
Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) Dvoretzkaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M.	1360
To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.	1368
A Try-Out of the February Revolution? Nefedov S.A.	1378
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2016	1386